

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

В.Н. ЧЕРЕПИЦА

ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ ЕДИНОЙ:
О БОЛЬШИХ И МАЛЫХ СОБЫТИЯХ
В ИСТОРИИ ГРОДНЕНЩИНЫ
XIX – XX СТОЛЕТИЙ

МОНОГРАФИЯ

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2009

УДК 947.6 (476.6)
ББК 63.3 (4 Бел)
Ч46

Рецензенты:

Хилюта В.А., кандидат исторических наук, доцент;
Ярмусик Э.С., кандидат исторических наук, доцент..

Рекомендовано Советом факультета истории и социологии
ГрГУ им. Я. Купалы.

Черепица, В.Н.

Звенья единой цепи: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX – XX столетий: монография / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 518.

ISBN 978 – 985 – 515

В монографии повествуется о малоизвестных событиях и лицах из истории Гродненщины XIX – XX столетий. Большинство очерков книги написано на основании архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Адресуется историкам и широкому кругу читателей.

Ил.....; библиогр.:..... назв.

УДК 947.6 (476.6)
ББК 63.3 (4 Бел)

ISBN 978 – 985 – 515 @ Черепица В.Н., 2009

В В Е Д Е Н И Е

... Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений.

Эпиграф к истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы не лгать, надо стараться не лгать отрицательно – умалчивая...

Л.Н.Толстой.

Правдивое отношение к прошлому (по Толстому – без умалчивания) невозможно без внимательного и скрупулезного отношения ко всякому историческому факту – большому и малому. Ведь что ни говори, а все эти факты – звенья одной познавательной цепи: без большого не понять малого, а без малого трудно постичь большое. Конечно, историк может придавать факту то или иное значение, но исходным материалом любого его рассуждения являются содержащиеся в источниках сведения, которые и составляют данный факт. Между информацией в источнике и научным фактом – большая дистанция. Факты информации выступают по отношению к историку только как историческое сырье, на базе которого он должен реконструировать научный факт. На помощь ему приходят теория, весь комплекс накопленных им знаний, жизненный опыт и критические методы работы с источником. Как нет факта вне источника, так нет факта и вне его творца – историка.

В реальном историческом процессе происходят как простые, так и сложные события. Любой факт прошлого – это не отдельная реальность, осуществляющая в самой себе, а взаимосвязь всего и вся. Поэтому так важно не разорвать в ходе исследования живую ткань истории.

Последнее особенно актуально при изучении истории края, в данном случае Гродненщины. Какие только события ни имели здесь своего отголоска (войны, дворцовые перевороты, революции и т.д.)! Но проходили и обратные процессы, когда явления или факты, зародившиеся в селениях Принеманья, соединившись с другими, подобными же, порождали процессы, способствовавшие вызреванию событий весьма значительных. В этом смысле взгляд на взаимосвязь большого и малого в познании прошлого позволяет многое понять и объяснить.

Данная монография, как и предыдущие работы, посвященные истории Гродненщины, – это попытка сопоставить зачастую несо-

поставимые вещи через призму восприятия их как столицей (Москва – Петербург), так и губернией (Гродно – Брест – Белосток). Разумеется, что под «вещами» нами понимаются исторические факты, события и лица в их несоизмеримости как по значению, так и по месту и роли в жизни общества.

Настоящая монография написана преимущественно на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот. Их поиск осуществлялся в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно, Государственного архива Гродненской области (ГАГО), Государственного архива общественных объединений Гродненской области (ГАООГО) и текущего архива Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГАГГУ). Нашли свое отражение в монографии и материалы семейных архивов гродненцев. Уникальность большинства использованных документов даже в деталях исключала необходимость прибегать к опубликованным источникам. Их присутствие в монографии носит скорее характер фона или справочного материала для придания работе необходимой логики и содержательности. Изложение больших и малых событий, привлечших наше внимание, ведется по проблемно-хронологическому принципу.

Всем лицам, оказавшим мне любезное содействие в работе над книгой, я выражаю мою глубокую благодарность.

ГЛАВА 1

НА ПИКЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

1.1. ЭХО ТРАГИЧЕСКОГО 4 АПРЕЛЯ 1866 ГОДА: ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОДВИГА О.И. КОМИССАРОВА

На российского императора Александра II – Освободителя, отменившего крепостное право и осуществившего целый ряд либеральных реформ, революционеры-террористы совершили несколько дерзких покушений. Д.В. Каракозов – 4 апреля 1866 года, А.И. Березовский – 25 мая 1867 года, А.К. Соловьев – 2 апреля 1879 года, группа народников – осенью того же года, С.Н. Халтурин – 5 февраля 1880 года, а И.И. Гриневицкий – 1 марта 1881 года совершил убийство царя. Двое из них (Березовский и Гриневицкий) по своему происхождению были связаны с Гродненщиной. Среди гродненцев находились как те, кто высказывал сочувствие покушавшимся, так и те, кто искренне радовался счастливому спасению императора. Такой расклад общественного мнения был характерен буквально для всех упомянутых покушений, однако наиболее зримо это обнаружилось во время первого покушения на государя-императора.

4 апреля 1866 года у ворот Летнего сада в Петербурге член тайного революционного московского общества Д.В. Каракозов совершил покушение на Александра II. К счастью, эта попытка не удалась. Спас императора костромской крестьянин Осип Иванович Комиссаров (1838 – 1892). Заметив в толпе целившегося в Александра II террориста, он в момент выстрела толкнул царевубийцу под руку.

Подвиг крестьянина Комиссарова широко отмечался православной Россией. Особый исторический смысл этому событию придавало то, что Осип Иванович оказался уроженцем села Молвитино Буйского уезда. Это село располагалось совсем неподалеку – только в нескольких верстах от села Домнина – родины другого знаменитого крестьянина, также спасшего в свое время – в 1613 году – жизнь государя – Ивана Сусанина. За свой подвиг Осип Иванович был возведен в дворянское звание с добавлением к фамилии Комиссаров почетного имени Костромской. После пожалования ему дворянства он поступил на военную службу, был записан юнкером в Павловский лейб-гусарский Его Величества полк.

На подвиг Комиссарова позитивно откликнулись поэты Ф.И. Тютчев и Н.А. Некрасов. Со стороны первого, обожавшего го-

сударя и самодержавный курс России, этот порыв был вполне естественным. Что же касается Некрасова, то, как свидетельствуют признания самого поэта, стихотворение «О.И. Комиссарову», а еще более написанные затем Некрасовым стихи в честь графа Михаила Николаевича Муравьева (1796 – 1866), назначенного председателем следственной комиссии по делу Каракозова, были продиктованы не только патриотическим воодушевлением, но и стремлением поэта-демократа спасти от закрытия редактируемый им журнал «Современник». На этом узкопрактическом «мотиве» создания двух стихотворений (последнее из них до нас не дошло) особенно настаивали мемуаристы из либерального лагеря и последующие исследователи советской эпохи, предпочитавшие вообще не упоминать о существовании стихотворения, посвященного простому костромскому крестьянину [1]. Забыт был со временем и подвиг Комиссарова-Костромского. Упоминаний о нем не найти и в современных школьных и вузовских учебниках по русской истории. И тем не менее он был, он буквально потряс всю Россию. Примером тому могут быть события в Гродненской губернии, отразившие глубокое сочувствие и уважение значительного числа гродненцев к доблестному подвигу Комиссарова. В ходе выражения этих чувств у них вырели два практических решения: 1) построить в честь счастливого спасения царя в губернском Гродно церковь и 2) собрать среди сочувствующих Комиссарову деньги и купить на них для него имение в Северо-Западном крае. Впрочем, остановимся на этом более подробно.

О первом решении гродненцев можно узнать из материалов дела «О покушении на жизнь императора Александра II и сборе пожертвований на постройку Александро-Невской церкви в г. Гродно», хранящегося в фондах гродненского НИАБ. Из дела, в частности, следует следующее.

5 апреля в 11 часов 55 минут гродненский губернатор И.Н. Скворцов получил телеграмму, в которой генерал-губернатор Северо-Западного края К.П. Кауфман сообщал: «Вчера, в четвертом часу по полудни, в то время, когда Государь Император, закончив свою прогулку, соизволил садиться в коляску, неизвестный выстрелил в Его Величество из пистолета. Божие провидение предохранило драгоценные дни Августейшего нашего Государя. Служить благодарственный молебен за спасение Государя Императора на благо Его России».

Весть об этом событии молнией разнеслась по всей губернии. Уже на следующий день гродненский губернатор телеграфировал виленскому генерал-губернатору: «Сегодня в Гродне в 10 часов утра отслужено молебствие о счастливом сохранении жизни Его Величе-

ства, столь драгоценной для России. Все церкви, костелы и синагоги были полны народа. Жители Гродно всех сословий и других городов просят разрешения представить адреса Его Величества с выражением верноподданических чувств и благоговейной радости о спасении Царя-Освободителя. По желанию жителей город сегодня будет иллюминирован. На представление адресов прошу разрешения». Такое разрешение, разумеется, было получено, и уже через несколько дней в адрес императора пошли «всеподданические адреса с выражением верноподданических чувств: 1) от жителей всех сословий г. Гродно; 2) от имени гродненского дворянства; 3) от жителей г. Белостока и 4) от крестьян Волковысского уезда» и т.д. Их поток не прекращался до середины мая 1866 года, пока губернатор не дал указание не только приостановить их поступление, но равно и дальнейшее проведение торжественных молебствий, «уже достаточно доказавших силу народной любви к Государю, и с тем, чтобы «не отвлекать народ от его обыкновенных занятий и обязанностей» [2].

В середине апреля среди чиновничества г. Гродно возникло стремление увековечить факт спасения жизни императора Александра построением православного храма. 20 апреля 1866 года представители всех слоев городского населения, собравшись в зале Гродненского благородного собрания, приняли единодушное постановление – воздвигнуть на Дворцовой площади (ныне Тизенгауза. – *В. Ч.*) храм во имя благоверного князя Александра Невского, причем на добровольные пожертвования жителей губернии. Вскоре было получено разрешение генерал-губернатора К.П. Кауфмана на это благое намерение, после чего 29 мая того же года был создан комитет по сбору пожертвований под председательством князя А.В. Оболенского, казначеем комитета был избран А.М. Редчиц, а производство работ губернатор возложил на архитектора Гурьева и губернского инженера В.С. Дженева.

В сборе пожертвований на устройство Александро-Невской церкви приняли участие служащие гражданского и военного ведомства, помещики, городское и сельское духовенство православного и римско-католического исповеданий, городские и сельские общества.

Так, 15 мая 1866 года крестьяне Мало-Берестовицкой волости постановили «в память радостного для них избавления Государя Императора от руки убийцы, а также в ознаменование доблестного подвига Осипа Ивановича Комиссарова открыть добровольные подписки на сооружение в каждом приходе образа Св. Александра Невского с досками под оными, на которых бы значились их приговоры по сему случаю». Кроме того, крестьяне пожелали независимо от сооружения образов по своим приходам принять участие в пост-

ройке в г. Гродно православной церкви в память этого же события, «на что делается взнос пожертвованных денег в размере 322 руб. 30 коп.». Такие приговоры осуществлялись в сельских обществах губерний почти повсеместно [3].

Характерно, что приглашения к пожертвованиям на церковь в г. Гродно составлялись на отпечатанных типографским способом бланках, в которых необходимо было лишь вставить имя и отчество руководителя того или иного государственного или общественного учреждения.

Так, 29 мая 1866 года «Комитет по постройке храма в г. Гродно во имя Святого Александра Невского» обратился к гродненскому губернскому землемеру А.С. Сергееву со следующим письмом: «Милостивый Государь Александр Саввич. В память чудесного избавления Государя Императора от угрожавшей Его Величеству 4 апреля сего года опасности Гродненское общество единодушно выразило желание воздвигнуть в г. Гродно храм во имя Св. Благоверного князя Александра Невского на добровольные пожертвования жителей Гродненской губернии. Главный начальник края, по представлению об этом гродненского губернатора, изъявил согласие на приведение в исполнение желания Гродненского общества и разрешил ныне же приступить к собранию на устройство храма добровольных пожертвований. Сбор принятия и наблюдения за ведением дела общество поручило особо избранному им комитету, который, извещая об этом, покорнейше просит Вас оказать содействие осуществлению общественного желания собственным посильным пожертвованиям, пригласив к участию в нем подведомственных Вам лиц и всех сочувствующих этому патриотическому делу, которые благовольте выслать в г. Гродно в комитет для построения храма при именном списке жертвователей. О получении пожертвований комитет будет высылать квитанции, а сведения о собранных суммах и о ходе самого дела будут публиковаться в губернских ведомостях.

При этом комитет долгом считает заявить, что при успешном поступлении пожертвований закладку храма предположено произвести 30 августа сего года. За председателя комитета Померанский».

Вскоре в адрес комитета поступил список гродненских землемеров во главе с А.С. Сергеевым, а также всех уездных землемеров (А.С. Глебов, Н.А. Алексеев, С.Д. Белецкий, И.П. Соколов, П.П. Саков и др.), пожертвовавших на храм 40 руб.

В разгар кампании по сооружению Александро-Невской церкви в Гродно 18 июля 1800 года на имя губернатора поступила те-

леграмма, в которой император Александр II поблагодарил жителей города и губернии «за выражение верноподданических чувств и за изъявленное намерение соорудить в г. Гродне храм в память чудесного избавления 4 апреля» [4].

Среди пожертвователей значились: военный начальник г. Слонима (214 руб.), сокольский уездный предводитель дворянства (205 руб. 62 коп.), крестьяне Белостокского уезда (138 руб. 14,5 коп.), духовенство Яловского благочиния (19 руб. 48,5 коп.), крестьяне Шиловицкой волости (32 руб. 70 коп.), Девятковской волости (91 руб. 45 коп.), Брестский уездный исправник (6 руб. 21,5 коп.), жители 4 стана Брестского уезда (16 руб. 5,5 коп.), крестьяне Слонимского уезда (17 руб.), жители г. Белостока (144 руб. 60 коп.), воинские чины г. Белостока (87 руб. 20 коп.), крестьяне Слонимского уезда (160 руб. 15 коп.).

3 марта 1867 года Белостокский военно-уездный начальник полковник Бережицкий в своем рапорте на имя гродненского губернатора писал: «В дополнение рапортов моих от 13 июня 1866 года с представлением пожертвованных денег на сооружение в г. Гродно церкви в размере 1077 руб. 51 коп. и от 2 сентября того же года на тот же предмет 606 руб. 63 коп., имею честь донести, что остальные пожертвованные деньги с подробным списком жертвователей по Пружанскому уезду переданы мною майору Гибнеру для зависящих с его стороны распоряжений к доставке в г. Гродно на имя губернского инженера Дженеева пожертвованных мною каменных плит с уплатою из пожертвованных денег на наем для сего подвод.

Причем имею честь донести, что во время начальствования моего Пружанским уездом было пожертвовано на этот предмет денег 1779 руб. 13,5 коп. и, кроме того, представлено, помимо меня, помещиком Симундтом 1000 руб., акцизным управлением 160 рублей, жандармской командою 90 рублей и всего, насколько мне известно, 3029 руб. и 13,5 коп.

Независимо от того уездная Пружанская команда, почтовое ведомство, мировые посредники и Черняховская волость пожертвованные деньги представили прямо от себя, и количество тех пожертвований мне неизвестно».

24 апреля 1867 г. военный начальник г. Пружан с уездом, он же майор корпуса жандармов Гибнер по этому же поводу писал гродненскому губернатору следующее: «Предшественником моим полковником Веселитским передано мне денег 65 руб. 80 коп., пожертвованных разными лицами на строящуюся в г. Гродне Церковь в память чудесного избавления Государя императора от выстрела 4 апреля 1866 года. Эти деньги израсходованы на перевозку мрамор-

ных плит из г. Пружаны в г. Гродно, для чего и было нанято 13 подвод с уплатою каждой по 4 руб. 50 коп. (всего 58 руб. 50 коп.), и плиты эти отправлены в ведение гродненского губернского инженера Дженеева. Остальные деньги 7 руб. 30 коп. для обращения по принадлежности также имею честь представить, прося о получении таковых не оставить меня без уведомления».

18 апреля 1867 года пожертвовали на благое дело: чиновники Белостокского полицейского управления (72 руб. 30 коп.), Гродненского городского полицейского управления (66 руб. 10,5 коп.). Имелись пожертвования на строящуюся церковь в Гродно и другого порядка. Об одном из них писал в своем рапорте от 25 октября 1867 года гродненскому губернатору городской полицмейстер: «После смерти заседателя Гродненского уездного суда Андрея Петровича Андреева осталось имущество, проданное затем с торгов. Из вырученных денег (124 руб. 31 коп.) на удовлетворение долгов покойного разным лицам ушло 58 руб. 2,5 коп., а остальные деньги (66 руб. 10,5 коп.) по желанию наследников Андреева (матери его, вдовы Ксении и брата коллежского асессора Алексея Андреева) внесены в Гродненское губернское казначейство для зачисления в депозит комитета по устройству Церкви во имя Александра Невского, строящейся в г. Гродне».

Самые крупные приношения поступили от крестьян (7000 рублей), от чиновников акцизного управления (3000 руб.), от управления госимуществ (825 руб.), от губернского правления и чиновников канцелярии губернатора (288 руб.), от учащихся Гродненской женской гимназии (31 руб. 15 коп.) и т.д. Всего в период с июня 1866 года по 1 апреля 1870 года в адрес комитета по строительству храма от жителей Гродненской губернии поступило пожертвований на сумму 18 346 руб. 9 коп.

Кроме денежных пожертвований, комитетом было получено немалое количество предметов и вещей, необходимых для строящейся церкви [5].

8 декабря 1869 года наследник цесаревич (будущий император Александр III) и великая княжна цесаревна (впоследствии вдовствующая императрица Мария Федоровна) пожертвовали в пользу новостроящейся в Гродно церкви два серебряных с позолотой Евангелия (большого и малого форматов) и серебряное кадило.

4 февраля 1870 года секретарь государыни-императрицы Марии Александровны сообщил губернатору князю Д.Н. Кропоткину о том, что «по ходатайству графини Софьи Ивановны (Борх. – В. Ч.) государыня-императрица изволила пожертвовать на сооружение православной церкви в Гродно: 1) причастные сосуды со всеми

принадлежностями; серебряные, вызолоченные (в бауле); 2) два на- престольных креста: серебряные, вызолоченные (в футлярах); 3) седмисвечник накладного серебра; 4) трехсвечник (такой же); 5) подсвечник (такой же); 6) сосуд для водоосвещения (такой же); 7) кадило накладного серебра; 8) кропило и блюдо накладного серебра; 9) полное облачение для священника, диакона и причетника с вензельными изображениями на оплечьях почившей государыни- императрицы Александры Федоровны; четыре перемены воздухов в покрывцами, одеяний на престол, жертвенник и аналой – белой глазетовой, тканой серебром парчи».

Тогда же великая княгиня Александра Петровна пожертвовала серебряные с позолотой дарохранильницу и дароносицу. От княгини С.И. Борх поступило полное облачение для священника и диакона, меловой шелковой материи с бархатной отделкой; воздухи, вышитые шерстью и бисером. Полное парчевое облачение для священника и диакона подарила церкви и супруга гродненского губернатора О.А. Кропоткина.

Председатель церковно-строительного комитета князь Андрей Оболенский по получении вышеуказанных предметов писал 12 февраля 1870 года губернатору Кропоткину: «Внутреннее устройство и убранство храма приближается к концу, и мы надеемся с Божией помощью освятить его 4 апреля нынешнего года. Пожертвованные Ея Величеством вещи будут украшать храм наш и останутся навсегда памятником той тесной связи, которая существует между верноподданными и семьей Августейшего монарха... Мы просим перед Его Величеством, что мы радуемся близкой возможности возносить усердные и горячие молитвы ко Всевышнему за здравие и долгоденствие возлюбленного монарха и всего Августейшего семейства в храме, сооруженного на добротные пожертвования всех верноподданных сословий Гродненской губернии» [6].

Строительство Александр-Невской церкви в Гродно было поистине всенародной стройкой. В марте 1870 года от фрейлин императрицы Марии Александровны – сестер Ланских были получены бронзовая позолоченная лампада, паникадило накладного серебра, две серебряные лампы для местных образов и воздухи зеленого бархата с украшениями. От членов Гродненского благотворительного комитета – две большого размера лампы накладного серебра для образов Св. Александра Невского и трех других святых, память о которых также празднуется 4 апреля. Сверх того, образа были получены от академика Худякова, баронессы Таубе, от офицеров 14-го Ямбургского уланского полка (с лампадой накладного серебра), московского купца 1-й гильдии Постникова, чи-

новника Булгакова, инвалида Николая Ерша, от крестьян 3-го мирового участка Гродненского уезда и др. Евреи местечка Лунно (в память чудесного спасения жизни императора Александра II в Париже 25 мая 1867 года от руки террориста Березовского) подарили церкви образ Преображения Господня в серебряной позолоченной ризе, в окладе красного, внутри позолоченного, дерева.

При посредничестве представительницы Московского комитета ревнителей православия в Северо-Западном крае П.И. Чепелевской московский купец 1-й гильдии Ф.Т. Соболев отправил в адрес церковно-строительного комитета набор колоколов, главный из которых имел 83 пуда веса. Было пожертвовано и немалое количество строительных материалов. Так, правление Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги пожертвовало для новостроящейся церкви тесаного камня 16 глыб; гродненский купец Фрумкин – 20 глыб; крестьяне Гродненского уезда – 30 сажень булыжного камня; нижние чины 101-го Пермского пехотного полка добровольно участвовали в проведении на строительстве ряда земельных работ. Наконец, генерал-губернатор К.П. Кауфман разрешил снять медную крышу с упраздненного и предназначенного к слому Каргуз-Березского костела, а материал употребить на покрытие Александро-Невской церкви, но снятая с крыши жечь оказалась негодной к употреблению, по этой причине она была продана, а вырученные деньги (4226 руб. 75 коп.) были переданы церковно-строительному комитету. Всего им было собрано 22 951 руб. 32 ж коп.

Е.Ф. Орловский, немало сделавший для написания истории строительства данной церкви, в итоге пришел к следующему заключению, с которым нельзя не согласиться: «Из списка главнейших пожертвований видно, что построение Гродненской Александро-Невской церкви представляет собой событие огромной общественной важности; и то обстоятельство, что она была сооружена на пожертвования лиц всевозможных сословий и исповеданий (в том числе и иудейского), знаменует факт роста русского общественного самосознания в губернии» [7].

Строительством новой церкви руководили архитектор Гурьев и губернский инженер Дженеев. Они же составили план церкви и проект сметы, которые и были представлены 4 августа 1866 года на утверждение генерал-губернатора К.П. Кауфмана – по специальности военного инженера. Последний утвердил проектно-сметную документацию, лишь несколько видоизменив форму церковных крестов. По его же распоряжению в Белостоке было изготовлено пять утвержденных им купольных крестов с позолотой.

К концу 1869 года храмовое здание на собранные пожертвования в целом было воздвигнуто, однако на окончательную его отделку

требовалось по смете еще 6000 руб., тогда как в наличности у комитета оставалось лишь 1575 руб. 33,5 коп. В этой ситуации спасительными оказались не только 1000 рублей, поступившие от фрейлин Ланских, но и другие суммы, поступившие «заимообразно из церковно-строительного капитала, ассигнованного на постройку церкви в Гродненской губернии», по разрешению генерал-губернатора А.А. Потапова.

4 апреля 1870 года, т.е. спустя четыре года после подвига О.И. Комиссарова-Костромского, состоялось освящение Александро-Невской церкви епископом Ковенским Иосифом. 24 июня того же года ее посетил император Александр II. В последующем церковь была передана во временное пользование духовенства 26-й пехотной дивизии. 26 апреля 1900 года при церкви был открыт самостоятельный приход, к которому были причислены, кроме городского населения, проживавшего за речкой Городничанкой, также и жители пригородных деревень: Чешевляны, Зарица, Переселка, Каплица, Малыщина, Кульбаки, Девятковичи, Грандичи и Чеховщизна.

В 1906-1907 годах Александро-Невскую церковь реконструировали по проекту архитектора И.К. Плотникова. С западной стороны был пристроен притвор, значительно увеличивший вместимость храма; над притвором воздвигли купол большой и два по бокам поменьше. Вокруг всей церкви под верхними карнизами устроили цементные декоративные украшения. Все эти работы были произведены за счет прихожан, а также средств, заимствованных у местного свечного завода [8].

В бытность свою гродненским губернатором великий реформатор России П.А. Столыпин постоянно молился в ней со своим семейством. Последнее не уберегло его от трагической кончины, свершившейся от руки убийцы Богрова. В 1938 году польские власти, несмотря на протесты духовенства и верующих, разрушили эту прекрасную церковь, узрев в ее облике «антипольский смысл» [9].

Как было уже отмечено выше, проявлением уважения гродненцев к подвигу Комиссарова, стало и их второе конкретное решение. О его содержании речь идет в деле «Об открытии подписки на покупку Комиссарову-Костромскому имения в Западном крае», начатом весной 1866 года и хранящемся в том же гродненском архиве. Главное содержание дела сводится к следующему.

5 мая 1866 года генерал-губернатор Северо-Западного края К.П. Кауфман обратился к гродненскому губернатору И.Н. Скворцову с посланием: «Милостивый Государь Иван Николаевич! Вслед за чудесным избавлением Государя Императора от грозившего несчастья служащими в Вильне и в других местностях вверенного

управлению моему края было выражено желание оказать почет лицу, которому не без высших причин судило Провидение сделаться орудием спасения Царя и Отечества. На этом основании предположено приобрести для О.И. Комиссарова-Костромского в пределах Северо-Западного края имение на деньги, собранные по добровольной подписке. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, покорнейше прошу Вас сделать известным во вверенной управлению Вашему губернии о выраженном многими желанием и пригласить к пожертвованию на приобретение имения Комиссарову-Костромскому. Мне особенно приятно содействовать осуществлению этой мысли, потому что в ней видно выражение объединяющего Россию чувства, которым одушевлены все лица, собравшиеся на служение русскому делу в Северо-Западном крае. Крестьянское население здесь также не может быть лишено возможности выразить свое сочувствие тому из недавних своих братьев, которого имя стало однозначащим с беспримерною заслугою. Мировые посредники, конечно же, разъясняют народу, что значение его лепты должно состоять не в количестве ее, но в качестве того чувства, с которым каждый принесет ее. По мере поступления к Вашему Превосходительству денег на этот предмет прошу Вас препроводить в канцелярию мою по водворению русских землевладельцев в крае. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

В тот же день гродненский губернатор направил всем военным начальникам и другим службам губернии свою просьбу: «Предлагаю принять участие в осуществлении предложенного генерал-губернатором края и пригласить служащих чиновников, духовенство, а также жителей всех сословий, кроме крестьян, о которых сделано особое распоряжение, к добровольному пожертвованию на означенный предмет. Список же лицам, которые изъявят желание принять в этом деле участие, вместе с пожертвованными деньгами препроводить ко мне».

Первым откликнулся на названное приглашение (в форме особого распоряжения) мировой посредник 1-го участка Кобринского уезда И.П. Шепелев, который уже 12 мая доносил губернатору о том, что крестьяне его участка, «сочувствуя подвигу Осипа Ивановича Комиссарова-Костромского, согласились между собою сделать ему посильное свое приношение и, собрав 304 (триста четыре) рубля, передали мне их для доставления Вашему Превосходительству с просьбой о пересылке этих денег Осипу Ивановичу Комиссарову-Костромскому. Представляя Вашему Превосходительству эти триста четыре рубля при общем приговоре волостных сходов, осмеливаюсь ходатайствовать: обратите снисходительное внимание вверенного мне участка и не откажите крестьянам в их просьбе».

4 октября 1866 года мировой посредник 2-го участка Гродненского уезда Н. Дженеев (брат губернского инженера. – В. Ч.) сообщил губернатору следующее: «Вследствие сделанного предложения крестьянам вверенного мне участка не пожелают ли они участвовать в пожертвовании на покупку имения в нашем крае избавителю от руки убийцы Государя Императора – Осипу Ивановичу Комиссарову-Костромскому, крестьяне Индурской, Мало-Берестовицкой и Крынской волости на своих волостных сходах составили приговоры, которыми единогласно определили: принять участие в пожертвовании и собрать на сей предмет деньги, каковые в количестве 45 руб. 61 коп. вместе с копиями приговоров имею честь представить в Гродненское уездное казначейство при отношении за № 614».

Через какое-то время, 24 ноября 1866 года, он же переслал в казначейство и 7 рублей серебром, собранные с некоторым запозданием крестьянами Горницкой волости его же участка.

13 ноября 1866 года военный начальник г. Волковыска с уездом майор Гартен доложил губернатору о пожертвовании в сумме 132 руб. 71 коп. местными жителями «на покупку имения для дворянина Осипа Ивановича Комиссарова-Костромского». 15 ноября сумму пожертвований в размере 153 руб. 60 коп. переслал в губернскую канцелярию белостокский военно-уездный начальник подполковник Бережицкий. 22 ноября переслал в Гродно 22 рубля серебром, «собранные по приговорам девяти волостей», мировой посредник 2-го участка Пружанского уезда Голенищев. 23 ноября из 3-го участка этого же уезда было собрано и переслано по назначению 44 рубля 92 коп. 3 декабря 1866 года Кобринский военный начальник собрал на означенное дело 46 руб. 97 коп. В этой сумме были 1 руб. 50 коп., собранные евреями м. Мотоль «на имение Комиссарову или образов в Гродне».

11 января 1867 года гродненский уездный исправник внес в Гродненское губернское казначейство 37 руб. 45 коп. серебром, «пожертвованных на приобретение имения Осипу Ивановичу Комиссарову-Костромскому разными лицами уезда». 20 января он переслал дополнительно 37 руб. 45 коп., 21 февраля – 32 руб. 93 коп. 12 декабря 1866 года дворянское волостное правление Брестского уезда передало через своего старшину Семеновича в канцелярию губернатора 13 рублей 32 коп., собранные на приобретение имения «спасителю жизни Государя Императора». 29 декабря мировой посредник 1-го участка Бельского уезда В. Гарцевич собрал пожертвования на сумму 159 руб. 27,5 коп.

В феврале 1867 года Брестский военно-уездный начальник переслал в Гродно 4 руб. 25,5 коп., а Брестский уездный исправник Папроцкий – 6 руб. 86 коп. Через несколько дней он дослал еще 21 руб. 98 коп. В это же время мировой посредник 4-го участка Слонимского уезда переслал на означенное дело пожертвования крестьян Боркинской, Добромысльской, Бытенской, Марьинской и Жировицкой волостей в сумме 60 руб. 36 коп. 28 февраля мировой посредник 4-го участка Брестского уезда собрал от волостей Войславской, Дмитривицкой, Каменец-Литовской, Ратайчицкой 71 руб. 66,5 коп. пожертвований.

В тот же день от Стриговской волости Кобринского уезда поступило в губернское казначейство 18 руб. 24 коп. серебром. 7 марта 1867 года из Сехновичской волости – 11 руб. 55 коп. пожертвований для Осипа Ивановича Комиссарова-Костромского. 12 марта пришло 6 руб. серебром от крестьян Зборовичской волости Кобринского уезда. 28 марта Гродненский уездный исправник доставил в губернскую канцелярию еще 9 руб. 97 коп. пожертвований «вместе со списками жертвователей».

5 апреля мировой посредник 1-го участка Кобринского уезда И.П. Шепелев переслал в Гродно 13 руб. 41 коп. пожертвований, «собранных собственниками и государственными крестьянами Подольской волости, перешедшей из 2-го в 1-й участок».

22 апреля Брестский военно-уездный начальник отправил в казначейство 2 руб. пожертвований приставом м. Влодавки Иевлевым и 1 руб. 38 коп., собранные на имение Комиссарову-Костромскому жителями 2-го стана Брестского уезда.

31 марта мировой посредник 1-го участка Слонимского уезда прислал в Гродно от волостей Рожанской, Косовской и Гичицкой 44 руб. 97 коп.

27 июня 1867 года военный начальник г. Белостока с уездом собрал от местных жителей 36 руб. 46 коп. серебром. 19 августа мировой посредник 2-го участка Волковысского уезда Агарков переслал в канцелярию губернатора 121 руб. пожертвований. Среди жертвователей были крестьяне Вальчуковской, Шидловицкой, Верейковской, Росской, Креницкой, Сомаровичской и других волостей.

31 октября от крестьян Каменецко-Жировицкой, Житинской, Турнянской, Касичской, Левицкой, Мотыкальской, Радванической волостей, а также от мирового посредника 2-го участка Брестского уезда Головина лично (5 руб.) поступило на приобретение имения для Комиссарова-Костромского 104 руб. 32,5 коп. 21 ноября представил в губернскую канцелярию 24 руб. 55 коп. «добровольных

пожертвований от разных лиц города» гродненский полицмейстер Ахматович. Список же самих жертвователей он обещал «донести».

29 ноября были «переправлены по принадлежности» 15 руб. 16 коп., пожертвованные крестьянами Прусковской волости 2-го участка Кобринского уезда.

Трудно судить как долго продолжался сбор пожертвований на имение спасителю царя. Во всяком случае, из предписания помощника начальника края гродненскому губернатору от 24 декабря 1867 года о том, чтобы «на будущее время подобного рода деньги отсылались не в управление генерал-губернатора, а прямо в Министерство внутренних дел», можно заключить, что к этому времени данная кампания находилась еще в полном разгаре. Что же касается суммы собранных пожертвований, то, согласно материалам данного архивного дела, с 12 мая 1866 по 24 декабря 1867 года жителями Гродненской губернии на приобретение имения для бывшего крестьянина, ставшего по воле случая спасителем Государя Императора и дворянином, было собрано 1841 руб. 94 коп. Среди этих пожертвований преобладали крестьянские деньги [10].

Таким образом, обе кампании, явившиеся откликом гродненцев на события 4 апреля 1866 года в Петербурге, могут служить достаточно убедительным свидетельством того, что верноподданнические чувства населения Гродненской губернии в 60 – 70-е годы XIX века были достаточно сильными, что не могло не оказывать своего воздействия на общественно-политическую ситуацию в империи.

1.2. ПОКУШЕНИЕ 1 МАРТА 1881 ГОДА В ОЦЕНКЕ «ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВЕСТНИКА»

Основные усилия руководителей и членов «Народной воли», как известно, были направлены на то, чтобы убить царя и вызвать широкую народную революцию. В течение двух с половиной лет народовольцы подготовили семь покушений на самодержавного правителя страны, из которых пять было осуществлено (самое крупное из них – взрыв в Зимнем дворце, совершенный Степаном Халтуриным). Наконец, 1 марта 1881 года смертный приговор, вынесенный «Народной волей» императору Александру II, был приведен в исполнение. Но убийство царя не дало ожидаемых результатов. Вместо поддержки террористической акции большая часть народа не только осудила ее,

но и приняла активное участие в увековечении памяти царя-освободителя. Подтверждают это и многочисленные публикации на данную тему в популярном православном издании последней четверти XIX века – «Церковно-общественном вестнике» (С.-Петербург, редактор-издатель А.И. Поповицкий).

Данная газета (сокращенно «ЦОВ») выходила три раза в неделю (среда, пятница, воскресенье) и имела отделы: официальный (правительственные сообщения), по духовному ведомству, иностранный, некрологи, библиография, объявления и др. Нередко номера газеты начинались с редакционной статьи, как бы подводившей итог обсуждению наиболее важных ее публикаций. Начиная с 4 марта 1881 года (№ 27) и по 26 июня 1881 года (№ 76) на страницах газеты публиковались важнейшие материалы (царские манифесты и указы, распоряжения правительства, сообщения российских и зарубежных газет, следственные и судебные дела и т.д.), касавшиеся покушения 1 марта. Среди них значительное место занимали сведения, характеризующие отношение крестьян, мещан, духовенства и других социальных категорий населения страны к трагедии, произошедшей в столице.

В связи с указанным печальным событием в Принеманском крае, как и по всей России, в церквях была отслужена заупокойная литургия, а местный епископ Донат произнес в Гродненском Софийском соборе речь, которая произвела исключительно сильное впечатление на собравшихся в храме. В 1882 году она была напечатана в типографии Гродненского губернского правления под названием «Поучения, сказанные в г. Гродне Преосвященным Донатом, Епископом Брестским, по поводу послания Святейшего Синода чадам Святой, Соборной и Апостольской Церкви Российской пастырем и пасомым 5-го апреля 1881 года». Эта речь не только подтолкнула православных жителей города к организации при Софийском соборе своего братства (устав Гродненского Софийского православного братства был утвержден архиепископом Литовским Александром 19 февраля 1882 года); написанная рельефно, она была прочитана всей грамотной Россией, переведена на все европейские языки и принесла автору широкую известность. «Церковно-общественный вестник» неоднократно обращался к имени владыки Доната и его «Поучениям». В этой связи будет нелишним, хотя бы в общих чертах, охарактеризовать это духовное произведение.

Начинались «Поучения» со слов автора к читателям: «Поучения свои Гродненской пастве, внушенные христианской любовью, посвящаю Гродненскому православному Софийскому братству, принявшему на себя святой долг служить делу христианской любви к

православным чадам Христовой Церкви, и представляю право первого издания моих поучений братству на правах литературной собственности». Данное произведение епископа Доната (в миру Бабинского-Соколова), ставшего впоследствии архиепископом Донским и Новочеркасским, одобренное петербургским цензором, архимандритом Тихоном 19 октября 1881 года, в объеме 59 страниц, вышло в свет массовым тиражом. Непосредственно поучениям Доната предшествовало обращение к пастырям и пасомым Святейшего Синода в связи с покушением 1 марта 1881 года на царя. Скорбя по поводу гибели императора – «избранника Божия», авторы обращения (Исидор, митрополит Новгородский и С.-Петербургский, Филофей, митрополит Киевский и Галицкий, Макарий, митрополит Московский и Коломенский, Александр, архиепископ Литовский, Палладий, епископ Рязанский, протопресвитер В. Бажанов и протоиерей Иоанн Рождественский) называли цареубийц «плеведами среди пшеницы», людьми, чуждыми народной жизни, презревшими веру и закон, потерявшими человеческий разум и чувства («Сатанинская гордость, необузданный разврат, зверская злоба, наглое хищничество, безумное безбожие – вот свойства погибельной жизни их... Они именуются русскими, но Россия с ужасом отвергает их. Некоторые из них носят название православных, но Православная церковь предаст таковых анафеме»). Главная цель данного обращения заключалась в призыве к покаянию всего русского народа, допустившего то, что свершилось руками людей, вышедших из его среды («Бога бойтесь, Царя чтите..., и Господь, до ныне хранивший Отечество наше, да сохранит в мире державу, Государя нашего Императора Александра Александровича и нас простит и помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь»).

Поучения епископа Доната, сохраняя общую тональность обращения Синода, были адресованы ко всем категориям православных с опорой на реальную ситуацию, сложившуюся в стране. В структуре работы нашли отражение следующие вопросы: «Поучения против общих пороков чад Русской церкви. Россия потеряла человека и где ей найти его» (сказано в Гродненском Софийском соборе 3 мая 1881 года); «Поучения пастырям и учителям веры», «Поучения отцам», «Поучения женам и матерям семейств»; «Слово наставникам и воспитателям юношества и людям науки и письменности», «Слово правителям и судьям» (сказано в Гродненском Софийском соборе в день тезоименитства Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича 6 мая 1881 года); «Поучение народу поселянам» (сказано в Гродненском Борисоглебском монастыре в день перенесения мощей Св. Благоверных князей Бо-

риса и Глеба). Последнее из этих поучений завершалось словами: «Люди православные, просим вас: вы сами испытали скорби братской измены и злобы, вы целые века с любовью хранили своими мольбами ко Господу свою землю родную, свою веру святую в своей обители Коложанской и в этом крае. Сохраните же и ныне в этой вере отеческой народ православный нашего края, некогда многострадального. Подайте, благоверные князья, силу ему исполнить заветы Св. Церкви Христовой, устами Св. Синода народу возвещаемые: «Народ христианский, поселяне, призванные в свободу милосердием благодетеля нашего в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича! Да будет благословенна среди вас память Его из рода в род, отныне и до века! Соблюдайте завет Его хранить себя в свободе чад Божиих от вражеских лукавых наветов и от всякого развращения. Храните отеческую веру православную и добрые нравы в себе и в детях ваших, возлюбите труд и воздержание, повинуйтесь по закону предержавшим властям не токмо за страх, но и за совесть. Аминь». «Поучениям» епископа Доната православный люд Гродненщины следовал из года в год, вплоть до событий 1917 года.

Истоки столь сочувственного отношения крестьян-поселян к трагической смерти императора Александра II находились, несомненно, и в том, что с именем этого государя связывалось их полное освобождение от крепостной зависимости. В известной мере такая позиция крестьянства была обусловлена и манифестом Александра III от 1 марта 1881 года, известившем население России о кончине своего отца-императора и о своем восшествии на престол. В вышедшем в тот же день именном указе нового императора правительствующему Сенату говорилось не только о заслугах покойного Александра II перед крестьянами в деле их освобождения, но и о том, что, согласно данному указу, «крестьяне наравне со всеми верными нашими подданными» впервые будут приведены к присяге Императору Александру III. Сочувственному отношению к случившемуся в Петербурге способствовало и то, что на страницах «ЦОВ» весьма подробно излагались подробности покушения 1 марта, включая и такие строки: «На месте катастрофы пострадали, сверх того, до 20-ти человек, получивших более или менее тяжкие раны. Из числа раненых в тот же день умерло 3 человека». С большой теплотой описывала газета многочисленные проявления сострадания народа к случившемуся на месте преступления, его злобу и ненависть по отношению к убийцам. Требовались немалые усилия, чтобы спасти одного из оставшихся в живых террористов (Рысакова) от самосуда толпы. Сообщалось также, что в Вытегре дом родителей Рысакова, в котором он родился и вырос, оберегался сильным

караулом полиции, так как «народ, проникнутый негодованием к гнусному цареубийце, изъявил намерение поджечь или разрушить этот дом. Отец Рысакова в страшном отчаянии, проклиная судьбу свою, уже несколько раз покушался лишить себя жизни. Семья не смеет нигде показаться». В газете подробно освещалось прибытие на похороны Александра II крестьянских депутатов с венками из живых цветов на гроб почившего государя с надписями на черных лентах: «Отцу нашему, Царю-Освободителю» и «Ты бессмертен в сердцах наших». Немало было написано в газете и о том, как скорбел простой народ на похоронах почившего императора: «...надо было видеть искренние слезы людей, чтобы понять, как дорог был народу покойный государь. По мере того, как двигалась процессия, толпа бросалась на дорогу, с жадностью ища остатки разбросанного по пути ельника, чтобы унести хоть одну ветку на память царя-мученика. Ельник выкапывали даже из-под снега...».

Издатель «Руси» И.С. Аксаков рассказывал в связи с этим такой случай. «Были у нас крестьяне-уполномоченные от своих обществ. Они пришли посоветоваться о народном «горящем» желании дать какое-либо выражение своей скорби. «Смерть Государя, – говорили они, – конечно, наш общий стыд, ужасный грех нас всех. Но это Бог, любя его, послал ему такую мученическую смерть. Богу хотелось уравнять ему и небесный чин с его земным чином... Его кровь, мученически пролитая, покрывает и его – по человечеству – грехи, и наши грехи народные...». Их вопрос состоял в том, можно ли просить, чтобы по всей России в течение года никаких публичных увеселений не было, а везде было бы «важно, строго» и «что-то вроде поста»... Конечно, нам нетрудно было им объяснить, что такое выражение скорби могло бы теперь быть положено на всю Россию только властью, стало быть, по принуждению, а потому и не имело бы особой нравственной цены, но что никто им не мешает выразить свою скорбь именно так, как они хотят, добровольно, по деревням, с приговора сельских миров. Они вполне с этим согласились. «Но все-таки, говорили они, «оно бы лучше, коли всем народом, по всему нашему царству...». Высказывались предложения крестьян и о том, чтобы в целях царской безопасности перенести столицу империи из Петербурга в Москву.

Немало печаталось на страницах газеты и о случаях самосуда над так называемыми «нигилистами» и «нигилистками»: «В среду, 4 марта, шла по Невскому девица, окутанная в плед, в синих очках, с подстриженными волосами. Началось с того, что какой-то выпивший крестьянин крикнул: «А, скудентка!», и ударил ее. В одно мгновение эту госпожу окружили извозчики, дворники, и на нее посыпались

удары. Полиция и другие прохожие едва освободили «скудентку» и полуизбитую отвезли ее в участок». Другой случай: «На днях студент петербургского университета М. ехал домой на извозчике, проводя агитационную работу. Извозчик слушал, по-видимому, студента сочувственно, но вдруг остановился возле участка и передал полиции студента. Другой студент, принесший в университет преступные прокламации, был схвачен студентами и передан начальству».

В этом же номере газеты был описан случай, имевший место 6 марта в Москве. Дело было так: «По улице проходил разносчик с портретами в Бозе почившего Государя. Два прохожих купили два портрета и тут же изорвали их и бросили на мостовую, приговаривая: «Вот вам ваш государь». Разносчик при виде этого обратился к окружающим со словами: «Посмотрите, что делают!». В одно мгновение образовалась толпа, и началась расправа-самосуд. Избитых до бессознательного состояния хулителей с трудом удалось отбить от толпы полиции. То же было и на Тверской улице напротив Долгоруконского переулка. Хорошо одетый господин разорвал телеграмму с известием о кончине государя. Народ бил его даже тогда, когда полиция, уложив в сани, везла его в часть».

13 марта 1881 года в передовой статье «ЦОВ», озаглавленной «Планы и проекты», говорилось о том, что «кровавое событие 1 марта продолжает волновать русский народ. Народное чувство, потрясенное в самой глубине своей неслыханным на Руси злодеянием, ищет исхода себе в молитве и воспоминаниях о погибшем Монархе. Народное чувство повсеместно требует увековечения в грядущих поколениях величественного образа Царя-мученика. Повсюду раздаются голоса о необходимости устройства благотворительных заведений имени Благодетеля. В Москве возникло решение о создании памятника Царю, уроженцу первопрестольного города. В Петербурге произнесено царское слово (предложение Александра III. – *В. Ч.*) о сооружении храма на месте страшного злодеяния, дабы на вечные времена возносились тут молитвы о почившем Царе-освободителе. У народа уже сложилась мысль о том, что это был мученик, запечатлевший кровию любовь свою к народу».

В этой же статье в подтверждение сказанного был упомянут следующий факт: «Крестьянин собрал большую охапку ельника, рассыпанного по пути следования печальной колесницы от дворца к Петропавловскому собору (месту захоронения императора. – *В. Ч.*). На вопрос, зачем так много насобирал он ельника, крестьянин ответил: «А как же? Понимаешь ли, что сейчас везли святые мощи? Я не хочу, чтобы злодеи надругались и затоптали ногами Божье рас-

тение. Ведь по нему пронесли останки мученика...»).

Ниже помещался другой случай: «К одному из высших представителей петербургского духовенства пришел крестьянин Ярославской губернии и, подавая ему пачку в 500 рублей, сказал: «Батюшка, толкуют в городе, что надо часовню устроить на месте убиенного Царя. Нет, батюшка, похлопочите, чтобы устроили там церковь. На церковь я и деньги жертвую. И другие наши ярославские того же желают».

Ручаясь за достоверность приводимых фактов, редакция «ЦОВ» подчеркивала, что «все эти факты как нельзя яснее выражают мысли и чувства нашего народа о погибшем монархе и его кончине, и мы присоединяемся к ним всем сердцем и всеми помыслами нашей взволнованной души. Погибший Государь даже за минуту до своей смерти не думал о себе. Он направился осмотреть раненых от первого взрыва (бомбы Рысакова. – В. Ч.) и принести им царское слово утешения».

При описании панихиды в Петропавловском соборе газета неизменно подчеркивала, что «несметная толпа народа постоянно осаждала ворота крепости, ожидая впуска в собор для поклонения гробу почившего государя». И далее: «Горькими слезами заливаётся народ, прощаясь со своим Царем-Освободителем».

Здесь же был помещен весьма трогательный рассказ крестьянина, возлагавшего венки на гроб императора. Рассказчик начал с того, как зародилась у крестьян мысль о венке, как они ходили за разрешением к градоначальнику, как заказывали венки и надпись на траурной ленте, как хлопотали на станции о дозволении везти венки в вагоне, как поразил их своим величием и печальным убранством Петропавловский собор и как они возлагали свой венок к гробу государя: «Много венков и раньше лежало на гробе и прислонено к нему много было, а наш-то венок как взял генерал Рылеев, так прямо на грудь к нашему Батюшке и возложил. Стянул те венки поближе к ногам, а мужицкий-то, мужицкий-то венок прямо к Нему на сердце. И это нас так тронуло, что мы заплакали. Тут генерал позволил нам проститься с Государем, к ручке его приложиться, и верите ли... только что взглянул я на Него – так и остолбенел. Что портреты-то мы видим – никакого подобия. На портретах у него прическа пышная, виски зачесаны и волосы только с проседью, а тут лежит он седой, худой, истомленный, волосы короткие, усы совсем седые. Правое веко рассечено, бровь как будто опалена, а с левой-то стороны все лицо в черненьких пятнышках, точно рябое сделалось. Динамит этот проклятый, говорят, так действует. И лежит наш Царь-мученик в гробу с кротким и любящим лицом, точ-

но заснул. Образ Спасителя в руках у Него, цветы вокруг головы и столько благости на Его лице, столько доброты и любви – что будь каменное сердце, и то дрогнуло бы при виде этого мученика».

Газета широко публиковала телеграммы и письма с соболезнованиями по случаю гибели императора Александра II. Они шли в Петербург со всех уголков Империи, а также из-за границы. Сочувствие августейшему семейству высказывали представители всех религиозных конфессий и социальных слоев. Так, 7 марта депутация польского дворянства во главе с графами Островским и Замойским была принята варшавским генерал-губернатором Альбединским. Последний «воздал величайшую похвалу и безусловную благодарность польской нации за поведение ее в последний, столь грустный для России период. В Бозе почивший император не был врагом Польши, а, напротив, в последнее время выказывал к этой стране особое благоволение, что видно из утверждения проекта реформ, представленного им, генерал-адъютантом Альбединским, а также из недавнего разговора с епископом Бересневичем. Уже принято решение об участии польской депутации в погребальных церемониях. Имеется мнение, что после этой церемонии поляки поднесут Государю Александру III адрес, в котором будет заявлено, что поляки ненавидят цареубийство, чуждое их истории, да и находятся в стороне от всех заговоров».

Скорбели по поводу трагедии и старообрядцы. Как свидетельствовала газета, «большинство из них плакало о постигшей всю Русь печали и проклинало злодеев, поднявших руку на Помазанника Божия, Царя-Освободителя». Не были в стороне и католики: «Папа Лев XIII предписал католическим и униатским епископам в России и Польше отслужить во всех церквях торжественные панихиды по покойном Императоре и строго запретил католическому духовенству участие в каких бы то ни было политических обществах».

В этом же номере «ЦОВ» была помещена следующая информация: «Газета «Новое Время» получила две тысячи четырехста тридцать один рубль (2431 руб.) от торговцев Сенной площади с просьбой напечатать их письмо, при котором они препроводили деньги. Вот их письмо: «Лепта от крестьян и православных христиан на построение св. храма на месте страдальческой кончины Царя-Освободителя. Желая выразить свою глубокую признательность к убитому злодеями Царю-Освободителю и увековечить добрую память о Нем, мы, нижеподписавшиеся, при сем препровождаем свои посильные жертвы на устройство храма Божия на месте, обогранным кровью нашего Отца Благодетеля от святотатственной руки

проклятых извергов. Пусть знают враги Отечества, что на святой Руси остались и пребудут навсегда целые миллионы сердец, которые горят крепкой любовью к почившему Царю-Освободителю и его преемнику. И горе этим появившимся у нас каким-то извергам-злодеям, если русский и православный народ узнает и тех вожаков, которые дают им средства к злодеяниям и посылают их на это гнусное и зверское цареубийство. Кроме Божия и общего гражданского суда, у нас еще имеется суд народный, которому гуманность к злодеям как-то не с руки. Пусть гласно и открыто пред народом они выйдут с адским красноречием своим, и мы покажем и даже докажем, насколько сочувствуем им...».

О своем добровольном пожертвовании на устройство памятника почившему царю писали в газету жители станицы Митякинской, крестьяне Ярославской губернии Угличского уезда, деревни Андрейцево Степан Воронин и деревни Хмельников Федор Тичкин, ряд представителей московского купечества.

До какой степени катастрофа 1 марта произвела глубокое впечатление на русский народ, можно судить хотя бы по следующему факту, получившему освещение в «ЦОВ»: «18 марта зажиточный помещик Орлов, живущий в Смеле, не смог вынести горя от постигшей Россию утраты и удавился. В оставленной им записке он так пояснил причину самоубийства: «После такого злодеяния свет мне не мил – не стоит жить».

В № 38 газеты за 29 марта 1881 года в разделе «Внутренние известия» помещался целый ряд сообщений об отношении крестьян к случившемуся: «Из Симбирской епархии нам пишут: «Горечь утраты Царя-Благодетеля слишком очевидна в народе. Ошеломленный вестью о злодейски совершенном цареубийстве, он сдержанно тоскует о невозможности раздавить эту гидру, воображенную или непременно в иной сфере, в ином сословии. «Разве мужик выдумал этот адский снаряд», – говорит он и нервно сжимает кулак, грозя им тому сословию, откуда он привык ждать всякой напасти. Преданный Царю, он глубоко убежден, что только он бескорыстно может служить Царю и Отечеству...».

Из Гаврической губернии Милитопольского уезда нам пишут: «Не скоро мы получили известие о свершившемся святотатстве – о покушении извергов на жизнь Царя-Освободителя. Каждый боялся как-то произносить слово о кончине Государя; все уверились в это только тогда, когда было извещено об том начальством, когда велено было присягать ныне царствующему Государю; буквально все село огласилось плачем и стенанием. Да как и не плакать русскому народу о безвременной кончине Отца своего?».

Из Бердичевского уезда Киевской губернии нам пишут, что там «все крестьяне, наравне с прочими гражданами, принесли прир-сягу на верноподданство новому своему Царю. Теперь каждый крестьянин сознает, что он вполне правоспособный русский гражданин. Движимые чувством благодарности к памяти погибшего Царя-Освободителя, все крестьяне независимо от церковной молитвы пожела-ли еще, чтобы в самих помещенных волостных правлений совершались панихиды за покойного Государя и были отправляемы просительные молебствия о здравии и благоденствии ныне царствующего Государя. Подобные молитвословия были совершены 16-го числа текущего марта в доме Самгородецкого волостного правления, в присутствии: местного мирового посредника, судебного следователя, станового пристава, волостного старшины, всех сельских старост, волостных судей и в присутствии выборных от каждого прихода почетнейших домохозяев (по 20 чел.), так что всех молящихся было более ста душ. Молитвословия совершали четыре соседних священника, причем одним из них, священником Инфиловским, была произнесена прочувственная речь».

Присылались в редакцию и крестьянские приговоры. Вот один из них: «1881 года марта 18-го дня собрались мы, нижеподписавшиеся крестьяне Моршанского уезда, Островской волости, Хлыстовского сельского общества. Постановили: первого марта, в день мученической кончины нашего Благодетеля Царя-Освободителя Александра Николаевича до конца жизни поститься, как на рождественский сочельник, ничего не есть до звезды, что каждому из нас на смертном одре завещать и детям нашим, дабы из рода в род чтили память Царя-Великомученика; а чтобы дети наши могли служить верой и правдой новому Государю нашему Александру Александровичу и не были бы такими темными, как мы, обязуемся всех детей наших, достигших десятилетнего возраста, без отговорки посылать в школу, блюсти, чтобы они боялись Бога и почитали Батюшку-Царя, и настоящий приговор представить Начальству, а копию представить священнику, прося его хранить оную в церкви, в чем и подписываемся» (следуют подписи сельского старосты и волостного старшины с приложением печатей; вместо поименованных пятидесяти пяти крестьян-собственников, «по безграмотству их по личной просьбе расписался их односельчанин», с надлежащим удостоверением волостного старшины. Затем идут подписи девяти крестьян грамотных»).

В № 47 «ЦОВ» от 19 апреля 1881 года перепечатывалось сообщение московской газеты «Новости», что «отец казненного преступника, священник церкви Св. Трифона в Москве, будучи под гнетом постигшего его несчастья, удавился».

Причастность инородцев и евреев, в частности, Геси Гельфман и А. Гукавской, к покушению на царя вызвала массовые антиеврейские выступления 15 – 17 апреля 1881 года в г. Елизаветграде и пригородных деревнях. По сообщению «ЦОВ», «беспорядки начались в среду, 15 апреля, в четыре часа пополудни, причем были расхищены и уничтожены товары из нескольких еврейских лавок. Войска употребили все усилия для прекращения грабежа, но задача сделалась крайне затруднительной с прибытием на следующий день множества крестьян из окрестных селений. 16 апреля, вечером, беспорядки прекратились. В ночь на 17 апреля в Елизаветград прибыли три эскадрона улан; утром – батальон пехоты. Жертвой беспорядков сделался 1 убитый еврей. Пострадавших от побоев было 30 – 40 человек. Многие евреи, опасаясь, бежали в Одессу. Крестьяне не избивали лишь тех, у кого находили дома портрет императора. Чуть-чуть не дошло до погромов и по отношению к штундистам в м. Раснополь Одесского уезда. Последние пытались уклониться от присяги новому государю и этим самым вызвали неприязненное отношение к ним со стороны местных крестьян. «ЦОВ» резко отрицательно относился к еврейским погромам, прокатившимся по Киевской и Херсонской губерниям, затронувшим города Полтаву, Подольск, Чернигов, часть Бессарабской губернии. Вместе с тем она признавала, что выступления против евреев местных крестьян отнюдь не беспричинны: «Еврейские гешефтмахеры положительно сосут кровь из беднейшего крестьянства и своими бессовестными проделками в черте оседлости доводят его до полного разорения». И далее: «Мы думаем, что в разгар дурных страстей, вызвавших позорные сцены на юге России, народ вооружился на евреев не как на врагов его религии и государственности и даже не как на чуждую ему национальность, а как на сплоченную массу эксплуататоров и кровопийц».

Несколько иная трактовка антиеврейских погромов нашла свое отражение в циркуляре министра внутренних дел графа Игнатьева к начальникам губерний от 6 мая 1881 года, опубликованном в газете через несколько дней: «После величайшего в истории злодеяния – посягательства на жизнь Государя Императора и на основные начала нашего государственного строя – самодержавие первой задачей предстоящей деятельности правительства поставило искоренение крамолы. В этом деле не следует полагаться исключительно на усилия полиции; собственным начинанием и энергичным сопротивлением всякому проявлению мятежного духа общество должно оказать противодействие этому губительному направлению и тем самым лишить злоумышленников всякой опоры.

Движение против евреев, проявившееся в последние дни на юге, представило печальный пример того, как люди, преданные престолу и Отечеству, поддаваясь выражениям злонамеренных лиц, разжигая дурные страсти в народной массе, впадают в своеволие и самоуправство и действуют, сами того не понимая, согласно замыслам крамольников. Подобные нарушения порядка не только должны быть строго преследуемы, но и заботливо предупреждаемы: ибо первый долг правительства – охранять безопасность населения от всякого насилия и дикого самоуправства».

Из номера в номер газета освещала усилия духовенства по предотвращению еврейских погромов. Наиболее типичным в этом плане следует признать материал, присланный в редакцию «Из Конских Раздор Александровского уезда»: «После погрома евреев в городе Александровске, в первых числах мая, началась грабеж еврейского имущества и по селам. Духовенство энергично старалось образумить своих духовных детей и при содействии местной администрации успевало остановить грабеж и буйство. Вот факты. Жертвами самоуправства крестьян, вбивших себе в голову мысль, что «есть Царский приказ грабить евреев», были села: Вознесенка, Касимовка, Преображенка, где священник отец Постигонев с опасностью для жизни дал приют в своем доме двум еврейским семействам. В Белогорье расхищено стотысячное имение еврея Островского, разбита и поломана дорогая венская мебель, пианино и прочее. В селе Воздвижение разграблены питейный дом и лавка еврея Бориса Кнопа. Когда последний, сидя с кучей детей, плакал, то крестьяне говорили ему: «Чего ты, Бориска, плачешь, мы це зробілі тобі так для хормы – а ось Бог дасть уродить хліб, мы наградимо тебе»; на другой день крестьяне по совету священника отца Юрченко воротили Борису Кнопу все его вещи, а многие принесли яиц, кур, хлеба и прочее. В селе Пологах при содействии священника отца Крылова и фельдшера Ф. Андреева сельский староста запечатал лавки и питейные дома евреев, и все осталось цело и нетронуту. В селе Гуляйполе, куда, чуя добычу, наехало 70 человек посторонних крестьян благодаря живому участию священника отца Шапошникова крестьяне охраняли богатые еврейские лавки, 2 водочных склада и несколько погребов Островского, Кернера и других торговцев.

Совсем другое произошло у нас в Конских Раздорах. 4 мая надолго нам будет памятно. Как очевидец, передам подробно. Несколько душ раздорцев, воротясь из Александровки 3-го числа, с радостью передавали своим односельчанам о том, что в г. Александровске грабят и бьют евреев. Местный пристав, чтобы пресечь этот нелепый слух, 4-го числа собрал сельский сход, где объявил, что

никакого разрешения грабить евреев нет, советуя не доверять рассказам недобрых людей. И вот, несмотря на строгий приказ станового пристава, крестьяне, бывшие в Александровске, постарались уверить всех, что пристав, взявши деньги с евреев, затаил бумагу, разрешающую грабить евреев. К вечеру возле еврейских лавок и питейных домов (запертых еще с полудня) собралась громадная пьяная толпа, грозившая гибелью евреям. Напрасно становой пристав и священник отец Гончаров уговаривали их разойтись; напрасно отец Гончаров говорил, что евреи такие же подданные Царя, как и мы, они наши ближние, грабить их нельзя, закон за это строго наказывает; уверял, что бумаги, разрешающей грабеж, нет; напоминал и о недавно принятой присяге на верность Царю и Отечеству, говоря: «Несчастные, одумайтесь, что вы хотите делать? Если вы не верите приставу, то верьте мне, 15 лет молящемуся и преподающему вам святые таинства. Не забывайте, что всякое насилие, буйство и грабеж наказываются каторгой и Сибирью». Меньшинство – более трезвые крестьяне послушали священника и разошлись, но с пьяными, которых было немало вследствие того, что целый день был открыт питейный дом купчихи В. Пономаревой, трудно было сладить; впрочем, в течение дня при появлении священника Гончарова толпа расходилась, но когда смеркалось, крестьяне гурьбой, с шумом и гамом вошли в кабак. Пристав не имел возможности выгнать оттуда толпу, попросил отца Гончарова зайти в питейный дом и уговорить крестьян разойтись; последний пошел и вторично посоветовал крестьянам разойтись по домам, но все было напрасно: пьяному море по колено. В 10 часов, когда кабак закрылся, пьяная толпа бросилась разбивать три еврейских шинка, затем подошла к лавкам. Тогда священник Гончаров начал со слезами на глазах умолять крестьян бросить незаконное дело, но они под влиянием бахуса сделались зверьми. «Батюшка, – говорили они, – не ходи, не защищай жидов, а то уьем и тебя». Затем полетела бутылка, чуть не попавшая в голову священника, тогда последний ушел домой. К утру три еврейские лавки были совершенно разграблены. По примеру раздорцев 5 мая были разгромлены лавки и питейные дома в Басани, Воскресенке, Гусарке, Алексеевке, Бельманке, Благовещенке, Гайчуре и Цареконстантиновке. Здесь, разграбив еврейские питейные и жилые дома, цареконстантиновцы разбили водочный склад и дома нескольких евреев. Напрасно священник Иванов уговаривал буянов. Напившись до бессознательного состояния, они гурьбой вломились к священнику, требуя выдать им еврея Коропова и его семью. В соседнем селе Белоцерковке отец Василий Гончаров совершал постоянные обходы села и таким образом спас еврей-

ское имущество (лавки и водочный склад) купца Кернера. Когда евреи были разграблены, из крестьян образовалась банда, которая разграбила и разорила три еврейские колонии и 20 еврейских хуторов, находящихся на казенных участках.

Однако не все крестьяне ополчились против евреев. Так, крестьяне села Федоровки в числе 200 душ целую неделю берегли две еврейские колонии, кормили их; и еврейское имущество здесь оказалось нетронутым. И все это было делом местного священника и толкового сельского старосты. Вы спросите: что же делала сельская администрация в других местах? Наш ответ: «Она бездействовала».

Нашла место в «ЦОВ» и информация по поводу приема, оказанного императором Александром III депутации русских евреев 11 мая 1881 года в Гатчинском дворце. Еврейская депутация состояла из пяти лиц: барон Г.Е. Гинцбург, А.И. Зак, А.Я. Пассовер, Э.Б. Банк, М.Г. Берлин. Император принял депутацию в своем кабинете. Барон Гинцбург представил государю всех членов депутации. Император каждого из них расспрашивал о месте службы и занятиях. Г.Е. Гинсбург приветствовал Александра III следующей речью: «Ваше Императорское Величество. Имеем счастье от имени русских евреев повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества выражение наших верноподданических чувств и беспредельной благодарности за те меры, которые приняты к ограждению еврейского населения в настоящее время. Еще одно царское слово и смута исчезнет. Ваше Императорское Величество с одинаковой милостью и любовью взираете на всех Ваших верноподданных без различия племени и вероисповедания».

После этих слов император ответил, что он действительно смотрит на всех верноподданных без различия вероисповедания и высказал, что «в преступных беспорядках на юге России евреи служат только предлогом и что «это дело рук анархистов». Потом государь поручил депутации успокоить их единоверцев и побеседовал с Заком, Банком и Пассовером. Депутаты вышли из кабинета до глубины души тронутые приемом Государя. К концу мая о погромах уже не было слышно. Примечательно, что они совсем не затронули Гродненщину. К лету 1881 года сообщения в газете на первоапрельскую тему стали все больше уступать место корпоративным церковным вопросам.

В завершение хочется привести следующее сообщение газеты, помещенное в разделе «Внутренние известия»: «14 мая в Гатчинском дворце имели счастье представляться Государю Императору юнкера Павловского училища и взвод 3-й роты 8-го флотского экипажа, бывшие свидетелями ужасного события 1 марта. Взвод от 2-й роты Павловского военного училища состоял из 24 юнкеров и

одного барабанщика. Государь Император изволил выйти в залу вместе с Государыней Императрицей. Его Величество был в генеральском сюртуке, а Ее Величество в глубоком трауре. Государь, поздоровавшись со взводом юнкеров, удостоил каждого расспросами, кто куда выходит. Большинство представившихся юнкеров выходит в артиллерию. Его Величество собственноручно пожаловал каждому из них серебряную медаль, выбитую в память последних минут в Бозе почившего Государя. Вслед за юнкерами представлялся их Величествам взвод от 3-й роты 8-го флотского экипажа, состоящий из 44 нижних чинов и мичмана Ержиновича, который был контужен 1 марта. Его Величество удостоил всех милостивым вниманием и собственноручно раздал вышеозначанные медали. Как юнкера Павловского училища, так и моряки тотчас же после представлений украсили свои груди пожалованными медалями «[11]».

Мне довелось видеть такую медаль у местного коллекционера. На вопрос, как она попала к нему, он ответил, что приобрел ее у одного из жителей Гродно, хранившего ее как память о давно умершем дедушке. Коллекционер весьма сожалел о том, что не спросил фамилию дедушки, служившего на флоте. Знание ее сейчас было бы весьма кстати. Возможно, речь шла о мичмане Ержиновиче. Как бы все это обогатило нас и приблизило к пониманию того, что означали для России события 1 марта 1881 года в их нетрадиционном видении.

1.3. О ТОМ, ЧТО СИЛЬНЕЕ ПЛАМЕНИ:

К ИСТОРИИ ГРОДНЕНСКОГО ПОЖАРА 29 МАЯ 1885 ГОДА

За время своего многовекового существования город Гродно пережил немало бед и напастей. К их числу, несомненно, относятся и событие, произошедшее здесь более 120 лет назад. Это была настоящая катастрофа.

29 мая 1885 года в 9 часов утра в г. Гродно в местности, называемой «Школьный двор», густо застроенной ветхими деревянными домами, крытыми тесом, по неизвестной причине загорелся принадлежавший мещанину Кейхману Бишковичу деревянный дом. Вследствие очень сильного порывистого ветра и сухой погоды, пламя быстро перешло на соседние строения и вскоре распространилось на центральную часть города. «Вначале огонь направился по Мало-Троицкой улице, – писал автор «Гродненской старины» Е.Ф. Орловский, – а затем по Большой Троицкой: горел весь квартал, занятый деревянными зданиями. Дойдя почти до Козьего рынка, огонь вдруг повернул в сторону Соборной и Купеческой улиц, начался настоя-

щий ад. Горел дом за домом, квартал за кварталом... Даже обширные сады, встречавшиеся на пути, не могли положить предел пламени... Над городом нависла черная туча густого дыма, сверкая мириадами накалившихся искр... Гигантские огненные языки извивались в вышине. Сперва жители спасали свое имущество; затем приходилось думать лишь о спасении жизни... Сгорела значительная часть Соборной улицы, Купеческая, Полицейская, Гороховая, Почтовый переулок, Песочная, Жандармский переулок и другие улицы, а также множество небольших переулков. После пожара оставалась огромная площадь, покрытая обломками стен, дымовых труб и печей. Район пожара распространился до полотна железной дороги и Скидельского предместья. Сгорели отделение Государственного банка (ценности и документы спасены), дворянское депутатское собрание (документы сгорели); Фарный костел уцелел лишь благодаря тому обстоятельству, что гродненские каменщики явились к костелу со своими строительными материалами и замуrowали окна и другие отверстия со стороны огня... Сгорели несколько молитвенных домов (еврейских), еврейский детский приют, все гостиницы, депо земледельческих машин (Лильпоп и К° из Варшавы) и пр. [12].

Прибывшая на место катастрофы пожарная команда, по причине малочисленности и слабой технической оснащенности оказалась бессильной остановить распространение пожара. Впрочем, как полагали впоследствии специалисты, город вряд ли могла спасти и большая команда: сильный ветер не прекращался весь день, а скученность деревянных построек в очаге возгорания была поразительной. Бедствие усугубило и то, что городской водопровод при всем его перенасыщении не мог дать пожарным нужного количества воды, вследствие чего пришлось брать воду бочками из Немана и возить ее к месту пожара. Лишь вечером, когда ветер немного утих и прибыла вызванная по телеграфу из Белостока подмога, пожарным удалось остановить дальнейшее распространение огня, уже истребившего все городское пространство от «Школьного двора» до полотна железной дороги.

Урон городу был нанесен огромный. Всего сгорело: каменных домов – 139, деревянных – 380, других строений – 365. Застрахованными были лишь десять процентов из этих построек [13]. Убытки погорельцев исчислялись суммой свыше 3 млн. рублей. Многие семейства, в том числе и довольно зажиточные, после пожара остались без средств к существованию: без крова, пищи и одежды. Естественно, что в начале пожара часть имущества горожанами была вынесена из домов и помещена на других улицах и дворах, но

после полудня вследствие изменившегося направления ветра огонь проник и туда, где его не ждали, истребив сложенные там мебель и вещи.

Свидетельница события Элиза Ожешко так описывает часы того ужаса: «...Взбесившиеся вихри огня превращают в пепел жилища, а людские сердца преобразуют в руины. Воздух наполнен горьким дымом, отчаянным трезвоном колоколов, стонами и криками ужаса. На огромном Сенном Рынке (ныне автостоянка по ул. Б. Троицкая. – примечание В. Ч.) – сваленные горы домашней утвари и узлов. Мечутся обезумевшие толпы насмерть перепуганных и заплаканных людей. Но огня еще не видать. Здесь говорят о нем, как о живом существе: «Придет ли он сюда? Куда с этими наполовину уничтоженными пожитками бежать тогда? Может, задержат его?». «Вдруг раздирающий душу крик заглушает все колокола и тревожные звуки военных труб: «Пришел!!! Вот его уже видим!». Над низкими крышами Сенного Рынка выстрелила яркая свеча, ветер раскачивает ее в стороны, и она набухает, растет, извергая огромный клуб дыма. Раздался взрыв, подобный пушечному выстрелу, затем прогремела серия взрывов, и все охватывается пламенем» [14].

В первые после пожара ночь и день несколько тысяч погорельцев находились под открытым небом вместе со спасенными пожитками. Часть горожан разместилась у родных и знакомых, чиновники со своими семьями нашли приют в помещениях по месту работы. Поскольку от огня пострадали склады и магазины, то из-за недостатка хлеба и других продуктов питания цены на них в городе быстро подскочили. Многие, даже самые обыденные предметы, и за большие деньги нельзя было достать, так как в Гродно после пожара отсутствовали торги и базары.

В сложившейся ситуации гродненский губернатор А.Н. Потемкин тотчас же телеграфировал в Белосток о немедленной высылке в Гродно тысячи пудов хлеба и другого продовольствия. Уже на второй день после пожара он издал распоряжение об открытии для помощи жертвам трагедии Временного комитета под председательством вице-губернатора И.Ф. Искрицкого. В его состав вошли: губернский предводитель дворянства И.Ф. Урсын-Немцевич, чиновники И.А. Рыхлевский, Ф.М. Вышеславцев, Ф.Ф. Цызырев, В.П. Броссе, Б.А. Вольский, М.А. Козьмин, К.А. Нагорский, П.Ю. Зданович, А.Ф. Рейпольский, М.Е. Чеботов, городской голова Я.А. Померанский, командиры дислоцирующихся в городе Пермского и Вятского пехотных полков А.А. Энгельгард и Ф.Ф. Шахмаметьев, православные священники Алексей Опоцкий и Фавст Ковалевский, сцендз Бронислав Заустинский, церковный староста Софийского собора П.И. Кузнецов, помещик В.И. Саросек, доктор Костялковский, раввин Коткинд, апте-

карь Кондратович, полицмейстер М.С. Тимонов, исправник В.П. Карасев, губернский казначей П.Е. Крушельницкий, а также купцы Л.М.Брегман, Х.И. Ратнер, И.Я.Фрумкин, А.Я. Фрумкин, Ш.М. Соловейчик, И. Шерешевский, Д. Вейсбрем, А. Вильнер и Ю. Каган. Все делопроизводство по комитету было возложено на В.Я. Смольского.

В тот же день, 30 мая, состоялось первое заседание комитета, который принял следующие меры. Во-первых, все нуждавшиеся в крыше над головой погорельцы были временно размещены в городских казармах воинских частей. Во-вторых, там же была организована бесплатная раздача хлеба и других продуктов, поставкой которых к казармам занимались П.И. Кузнецов и купец Перлис. В-третьих, чинам полиции было поручено уточнение понесенных городом убытков. Тогда же Временный комитет ходатайствовал по телеграфу перед генерал-губернатором края о разрешении открыть подписку на сбор добровольных пожертвований в его пределах и по всей Империи, а также о выделении для пострадавших от пожара пособия из казны. Уже на следующий день генерал-губернатор дал разрешение на создание в крае комитетов для сбора пожертвований в пользу гродненских погорельцев, выслал 300 рублей для раздачи беднейшим мастеровым и ремесленникам на покупку необходимого им инструмента и 298 руб. 60 коп. – для беднейших чиновников. Для ознакомления с положением дел на месте начальник края 1 июня лично прибыл в Гродно, где совместно с губернатором и членами Временного комитета участвовал в решении самых острых для пострадавших вопросов.

Вскоре начали поступать в комитет и первые пожертвования. Их регистрацией и учетом ведал М.Е. Чеботов. Одним из первых пришел на помощь погорельцам бывший гродненский губернатор А.Е. Зуров, приславший из Петербурга на имя городского головы 500 рублей и тюк с одеждой для раздачи нуждающимся. 3 июня Временный комитет принял решение о создании при нем дамского отдела, который бы выяснял, какие лица особо нуждаются в помощи, а также занимался бы распределением среди погорельцев денежных средств, вещей и продуктов. Возглавила отдел супруга губернатора А.Ю. Потемкина. В его состав вошли: жена губернского предводителя дворянства В.Р. Урсын-Немцевич, писательница (в документах – помещица. – *В. Ч.*) Э.В. Ожешко, а также другие влиятельные в городе дамы: А.Ю. Давыдова, Н.Н. Киселевская, Р.И. Радишевская, О.А. Бунакова, А.И. Кемарская, М. Фрумкина и Т. Гринберг. Дамский отдел работал с полной отдачей сил, подробно вникая во все детали потребностей погорельцев. Усилия-

ми городского головы Я.А. Померанского было организовано бесплатное горячее питание для нуждающихся. Он также добился и того, чтобы строительные материалы, доставляемые в Гродно по железной дороге, реализовывались по сниженному тарифу.

12 июня 1885 года откликнулся на гродненскую беду император Александр III, пожаловавший наиболее пострадавшим горожанам-погорельцам 20 тысяч рублей. 19 июня наследник-цесаревич, будущий император Николай II, прислал жертвам пожара 5 тысяч рублей, а его брат, великий князь Георгий Александрович, – 1 тысячу рублей. Глубоко тронутые монаршим вниманием к постигнутому жителям города бедствию, члены Временного комитета совместно с представителями городских властей при многочисленном стечении богомольцев 20 июня отслужили в Гродненском Софийском соборе торжественное молебствие о здравии и долголетье императора и всего царствующего дома. На другой день такое же молебствие состоялось в Фарном костеле и в главной городской синагоге. 22 июня созванная на чрезвычайное заседание городская дума обратилась к губернатору с просьбой направить императору Александру III благодарственный адрес. После получения письма от имени всех жителей города Гродно из Петербурга, было прислано на нужды погорельцев еще 6 тысяч рублей, выделенных по высочайшему повелению из государственного казначейства. Тогда же был образован комитет по их распределению.

Глубоко сочувствовали к гродненским погорельцам жители всей России. Пожертвования поступали со всех концов Империи. Ко времени окончания полномочий Временного комитета на его счет поступила сумма более 214 940 рублей, не считая тех средств, которые присылались родственными ведомствами для пострадавших чиновников.

Ввиду больших средств и пожертвований, поступавших в город, 8 июля все комитеты по оказанию помощи погорельцам были объединены в один общий под председательством губернатора А.Н. Потемкина. Комитет этот немедленно приступил к рассмотрению поступивших прошений о помощи (к 1 июля их оказалось 1120), а также сведений, собранных членами комитета, об истинном положении каждого нуждавшегося семейства.

Для справедливого распределения средств губернский комитет руководствовался следующими правилами: 1) было решено не выдавать пособий тем пострадавшим от пожара семействам, у которых годовой доход или заработок достигал 600 рублей, а также одиноким погорельцам при наличии у них дохода или заработка в 300 рублей; не имела права на денежные пособия и прислуга хозя-

ев-погорельцев; 2) семейные ремесленники, инструменты которых были уничтожены во время пожара, имели право на получение квартиры и пособия на приобретение инструмента, одинокие же мастеровые получали лишь деньги на инструменты; 3) имели право на пособие все лица, получившие во время пожара увечья, болезни или же потерявшие кормильца. Одежду получали все погорельцы, лишившиеся ее; 4) высший размер пособия семейству не мог превышать 200 руб.; лица, заявившие о потере движимого имущества на 1000 руб., получали пособие от 100 до 150 рублей с учетом состава семьи, возраста и состояния здоровья главы семейства; при более-менее одинаковых условиях одинокий погорелец получал пособие вдвое меньше, чем женатый, а взрослые дети не влияли на его увеличение и т.д.

Руководствуясь настоящими правилами, комитет с 8 по 23 июля распределил между 896 погорельцами 38 213 рублей. Деньги, поступившие от императора и великих князей, были выданы 84 наиболее пострадавшим семействам. С учетом понесенного ими ущерба 7 семейств получили по 1000 рублей, 11 семейств – по 800 рублей, 13 семейств – по 550 руб., 16 семейств – по 400 руб., 7 семейств – по 300 руб., 21 семейство – по 200 руб. и 9 семейств – по 150 рублей каждому из его членов. Все эти суммы были выданы комитетом под расписки получателей. Всем пострадавшим оказывалась бесплатная медицинская помощь, медикаменты и лекарства содержатели городских аптек (Фейшнер, Отгович и Развадовский) согласились отпускать частью бесплатно по карточкам комитета или в половинной их стоимости.

Поскольку погорельцы могли проживать в казармах лишь временно, т.е. до возвращения из летних лагерей солдат местного гарнизона, то объединенный комитет определил в центре города трехэтажный дом купца Лапина для размещения в нем за 3000 рублей 70 беднейших семейств. Кроме того, в подвальном помещении дома были устроены две общие кухни (одна – для христиан, другая – для евреев), а в отдельном здании – общая прачечная. Для надзора за порядком и чистотой в доме, где все комнаты были разделены временными перегородками, были наняты смотритель, два надзирателя, два сторожа и две прислужницы. Отопление и освещение дома, а также наем работников осуществлялись за средства комитета, а водоснабжение производилось правлением городского водопровода бесплатно. 129 семейств было размещено в других уцелевших домах на средства, пожертвованные Петербургской и Понежежской городскими думами, Оренбургской городской управой и Лобенецским станичным правлением. Для оказания медицинской помощи жильцам были специ-

ально наняты комитетом врач и фельдшер. Когда в одном из домов началась эпидемия дифтерита, то комитет нанял на Коложе два дома, куда были срочно переселены здоровые дети, благодаря чему удалось подавить эпидемию в самом ее начале.

За год проживания во временных жилищах многие гродненцы при поддержке властей сумели отстроить или найти новое жилье. 145 семейств продолжали получать помощь деньгами и жильем до конца января 1887 года. Еще в течение года при поддержке комитета жило 26 семейств погорельцев. Таким образом, практически за три года были решены основные проблемы 392 семейств с числом душ 7105. В это число не входили пострадавшие от пожара семьи военнослужащих и чиновников разных ведомств, получавшие пособия по особым ходатайствам своего начальства из сумм государственного казначейства. В целом помощь составила 62 062 руб. 90 коп. Поскольку пожар захватил и Гродненскую тюрьму, то около 4000 рублей было выдано арестантам за их сгоревшие вещи. Виды помощи, оказанной гродненским погорельцам, получили свое денежное выражение в 270 095 руб. 37 коп. Оставшиеся средства комитет после истечения его полномочий в 1898 году передал Гродненскому благотворительному обществу.

На помощь жертвам гродненского пожара были выделены громадные деньги, но за каждым рублем и копейкой стояли добрые и щедрые люди – пожертвователи. Их в алфавитном именном списке значилось: 1645 лиц, указывших фамилии, 211 лишь назвавших инициалы, в 117 случаях указывались город или волость, завод, контора, общество, мастерская, цех, церковь, приход, деканат, полк, рота, университет, училище, банки, штабы и т.д. Часты были и подобного рода записи: «Одесса – выручка от гуляния и танцевального вечера на Андреевском лимане». Очень много среди коллективных пожертвователей было редакций газет и журналов со всей России: «Астраханский листок», «Рижский вестник», «Варшавский дневник», «Виленский вестник», «Восход» (Петербург), «Заря» (Киев), «Киевлянин», «Кронштадский вестник», «Одесский вестник», «Дзенник Лодский», «Курьер Варшавски», «Московские ведомости», «Нива» (Петербург), «Новое Время» (Петербург), «Новое обозрение» (Тифлис), «Новости» (Петербург), «Новая реформа» (Краков), «Клосы», «Пшегленд Тыгодневы», «Край» (Варшава), «Петербургский журнал», «Русские ведомости» (Москва), «Южанин» (Николаев), «Харьковские губернские ведомости». Все эти издания сообщали о губительном пожаре в старинном городе и как могли подталкивали общественность на помощь городу. Одним из первых это сделал А.П. Чехов, поместивший в «Московских оскол-

ках» фельетон, в котором упоминались гродненский пожар и «привычное равнодушие» части общества к людскому горю.

Сотни городов и сел, среди них – Лондон, Берлин, Мюнхен, Белград пришли на помощь гродненцам. Щедрыми жертвователями были православные священники, католические ксендзы, иудейские раввины. Реже среди них встречались фабриканты и заводчики, купцы, князья и графы. Очень много известных имен было среди откликнувшихся на беду горожан: будущий депутат Госдумы А.А. Кадыгробов, церковный краевед Лев Паевский, брат профессора-историка М.О. Кояловича – священник Иосиф Коялович, отец профессора-историка П.Н. Жуковича – священник Николай Жукович, композитор Антон Григорьевич Рубинштейн, приславший 2356 руб. 40 коп. и писательница Элиза Ожешко, собравшая среди своего окружения около 4000 рублей [15]; около 1000 рублей прислал в Гродно Чинезелли, содержатель цирка в Варшаве. И хотя дело было не в количественном денежном выражении, но иногда интересно сравнивать: «крестьянин Скидельской волости Мозолевский прислал 100 рублей» и рядом: «граф Хребтович из имения Щорсы – 100 рублей». Заметим, что в то время корова стоила 3 рубля.

Около 100 имен значилось в списке пожертвователей вещами. Среди них не только бывший гродненский губернатор А.Е. Зуров, но и писательница Элиза Ожешко. От себя лично она передала в комитет для раздачи нуждающимся 216 штук белья и 5 пар башмаков, а при ее посредничестве из Варшавы, Киева и Вильно в Гродно было доставлено 17 тюков с вещами, около 60 пудов сахара, 20 пудов муки, 1 ящик чая, 15 ведер и 60 бутылок вина. Ковенский комитет для оказания помощи гродненским погорельцам прислал в город 84 пуда одежды и белья. Целый вагон одежды и обуви прислало в город «Российское общество Красного Креста», а Дмитрий Дашкевич из Войчизны, кроме 11 рублей, прислал погорельцам 50 бутылок старой водки, от продажи которой комитетом было выручено 116 рублей, что в сумме составило 127 рублей [16].

Весьма интересен «Именной список лиц, пострадавших в Гродно от пожара 29 мая 1885 года, коим выдано пособие из сумм комитета». Для подтверждения его исследовательской значимости вполне уместен для примера следующий эпизод. В начале 2005 года я познакомился в архиве с исследователем из Германии, занимавшимся поисками своей родословной в Гродно, Слониме, Зельве и даже в Изабелино, что в Волковысском районе, где до Первой мировой войны была большая немецкая колония. Естественно, что я, как мог, помогал этому человеку советом и радовался его скромным находкам. Когда же наш гость уехал на родину, я случайно наткнул-

ся в указанном списке на фамилию деда моего нового знакомого. Более того, там был указан состав семьи гродненского нотариуса, перечислены убытки, которые он потерпел от гродненского пожара, а также размер оказанной ему комитетом помощи. В тот же день переслал историку эту интересную и свежую информацию. Уверен, что она его обрадует.

Хранящийся в Гродненском историческом архиве отчет местного комитета по оказанию помощи погорельцам – удивительный памятник человеческой солидарности, достойный того, чтобы о нем всегда помнили потомки. Вместе с пожертвованиями в комитет поступали и письма отозвавшихся на беду людей. Пожалуй, в тогдашней России не было места, откуда бы она ни поступала. Фрагменты этих добрых, сердечных писем также нашли свое отражение в данном документе. Их и сегодня нельзя читать без волнения. Женщина из Украины писала: «7 рублей я собрала среди соседей. Очень мало – почти ничего, соразмерив их с бедой Вашего города. Но если мы все протянем так руку помощи погорельцам, то им станет хотя бы немного легче...». А вот письмо из Западной Сибири: «Муж меня бросил, живу с дочуркой, занимаюсь портняжничеством. Высылаю 3 руб. К сожалению, больше не могу. Но пусть и эта капля моего сердца хоть немножко смягчит участь многострадальных гродненцев» [17].

Деятельность городского комитета, материальная и моральная помощь всей России гродненским погорельцам вселили в них надежду на будущее и послужили активному началу на месте пожарищ восстановительных работ. Спустя десять лет в городе не осталось и следа от пожара. Как писал Е.Ф. Орловский в своей «Гродненской старине», «после пожара плацы города застроились новыми каменными, более обширными домами» [18]. Но память о страшной трагедии и человеческой отзывчивости в сердцах гродненцев осталась надолго. С той поры как будто еще крепче, чем прежде, горожане были связаны теплой нитью со всей Россией. Стар и млад помнили и передавали из уст в уста, кому они обязаны своим спасением. Вот почему, когда 6 – 7 июля 1910 года опустошительный пожар уничтожил значительную часть г. Могилева, гродненцы оказались первыми среди тех, кто откликнулся на беду земляков.

Цель данного исследования состоит не только в том, чтобы напомнить гродненцам о трагической странице истории города и высокой духовности тех, кто пришел ему на помощь в тяжелую годину. Не менее важно исправить перекосы в трактовке случивше-

гося много лет тому назад. Ибо в прежних публикациях при упоминании пожара 1885 года необоснованно подчеркивались бездеятельность по отношению к его жертвам властей, низкая степень общественной активности, а также сведение ее лишь к выдающейся роли отдельных лиц, в частности, писательницы Элизы Ожешко. Как свидетельствуют имеющиеся исторические источники, подобное далеко от истины.

1.4. 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА («КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ») В ОЦЕНКЕ «ПРИБАВЛЕНИЙ К ЦЕРКОВНЫМ ВЕДОМОСТЯМ»

В большинстве исторических трудов начало первой русской революции принято связывать с петербургскими событиями 9 января 1905 года, получившими не без участия либеральной и революционной печати того времени название «кровавого воскресенья». В такого рода констатации есть своя конкретно-фактологическая логика: в этот день действительно шествие рабочего люда, возглавляемое священником Г.А. Гапоном, к Зимнему дворцу со своими требованиями, изложенными в петиции, по распоряжению властей было не только расстреляно, но и серьезно потрясло общественное мнение, положив тем самым начало антиправительственным выступлениям по всей стране.

Сегодня, спустя столетие, об этом дне и вызванной им драме все чаще говорят как о «самой загадочной провокации в российской истории» [19]. Среди ее составляющих на первом месте находятся противоречивые устремления честолюбивого священника Георгия Гапона, желавшего угодить и правительству, и революционерам, а более всего самому возвыситься до уровня «выдающегося деятеля», чего бы это ни стоило. Немало потрудились над приданием мирной демонстрации петербургских рабочих политической окраски большевики, явно стремившиеся к обострению классового антагонизма путем пролития крови. Налицо было и явное попустительство завязывающемуся конфликту и со стороны правительственных кругов, по своему рассчитывающих запугать одним разом и царя, и страну.

Шествие 9 января носило явно провокационный характер со стороны его организаторов (мы не касаемся здесь мотивации действий простых рабочих, которые были обмануты своими агитаторами и явились жертвой провокации). Дело в том, что требования, составленные Гапоном с товарищами, были принципиально непри-

емлемы и носили демагогический характер в силу их невыполнимости. Начнем с требований восьмичасового рабочего дня. В то время, с учетом развития техники и ее малого количества, сокращенный рабочий день привел бы к срыву производства, что, в конечном счете, отразилось бы на рабочих. Кроме того, восьмичасовой рабочий день на оборонных предприятиях в воюющей с Японией стране в условиях, когда действующая армия на Дальнем Востоке задыхалась от снарядного и оружейного голода, граничил с государственной изменой. Так называемая свобода слова, собраний и печати также объективно работала на поражение страны в войне. С изменой граничило и требование прекратить войну «по воле народа». Что касается требования о созыве Учредительного собрания, то оно вело к ликвидации самодержавия, а следовательно, и к водворению кровавого хаоса в стране. Понятно, что подобные требования попали в «рабочую петицию» благодаря так называемым «друзьям народа».

Даже исследователи, благосклонно относящиеся к Гапону, указывают на существование между ним и революционными партиями сговора. Революционеры рассчитывали использовать мирное хоровое шествие рабочих в своих интересах: на совещании большевиков 7 января было решено предложить «организованным рабочим собраться и иметь при себе заготовленные знамена красного цвета с революционными призывами, чтобы создать видимость того, что все рабочие идут под флагами революционных организаций». Замыслы революционеров шли и далее: в толпы рабочих осознанно внедрялись революционные боевики-террористы с оружием.

План Гапона и тех, кто стоял за ним, был прост: в случае отсутствия сопротивления со стороны царя и правительства захватить власть мирным путем с последующей ее передачей революционным организациям типа советов, приходом к власти радикалов, ликвидацией монархии и распространением революционного террора на всю страну. В случае же, если войска преградят дорогу, то вооруженные боевики должны спровоцировать столкновение с войсками, которое приведет к стрельбе, жертвам, дискредитации императора Николая II, правительства и революционному взрыву с соответствующими последствиями. На совещании с меньшевиками 7 января Гапон провозглашал следующее: «Если нас будут бить, мы ответим тем же; будут жертвы, но часть войск перейдет на нашу сторону, и тогда мы, будучи сильны количеством, устроим революцию». Самое отвратительное в этой истории состояло в том, что явная политическая провокация прикрывалась псевдоцерков-

ными и псевдонародными «ризами». Сама петиция была выстроена по всем правилам церковной риторики: «Карают как за преступления за добрую душу, за отзывчивое сердце... Государь! Разве согласно это божеским законам, милостью которых ты царствуешь?». Имеются основания утверждать, что еще накануне рокового шествия у Гапона, знавшего, к каким последствиям может привести инсперируемая им демонстрация, уже созрели сказанные им после событий 9 января весьма характерные слова: «Нет больше Бога. Нет больше Царя». Гапон, несомненно, шел к этому [20].

Трагедия 9 января 1905 года многократно описана. Однако при ее анализе неизменно игнорировался взгляд Церкви на произошедшее, наиболее полно выразившийся в синодальной периодике. Такой явно антиисторический подход чаще всего базировался на воинствующем атеизме «прогрессивных» исследователей. Дескать, что можно услышать от прихвостней самодержавия, если все эксплуататоры трудового народа в своих оценках кровавых событий поддерживают друг друга. Голословность подобных утверждений убедительно подтверждают многочисленные страницы печатного органа Святейшего Правительствующего Синода «Прибавления к церковным ведомостям» за 1905 год. В отличие от беснующихся в иступлении либеральных и революционных изданий, всячески преувеличивавших масштабы событий в Петербурге, тон православного издания отличался взвешенностью и выдержкой, стремлением разобраться в причинах случившегося и его последствиях. Так, в «Прибавлениях» сообщалось следующее: «В начале 1904 года по ходатайству нескольких рабочих фабрик и заводов С-Петербурга был утвержден в установленном законом порядке устав «С-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих», имевшего целью удовлетворение их духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от влияния преступной пропаганды. Общество это, избравшее своим председателем священника С-Петербургской пересыльной тюрьмы Георгия Гапона, по мере своего распространения на все фабричные районы Петербурга стало заниматься обсуждением существовавших на отдельных фабриках и заводах отношений между рабочими и хозяевами, а затем в декабре месяце минувшего года побудило рабочих Путиловского завода вмешаться в вопрос об увольнении с завода четырех рабочих, из которых некоторые, как оказалось впоследствии, не были уволены, а оставили занятия добровольно. Тем не менее, возбуждаемые священником Гапоном и членами означенного общества рабочие Путиловского завода 2 января прекратили работы. Меры увещания со стороны фабричной инспекции оказались безуспешными, и к стач-

ке под влиянием тех же лиц присоединились рабочие некоторых других крупных заводов Петербурга, а затем стачка стала распространяться, охватив почти все фабрично-заводские предприятия столицы. Требования эти в письменном изложении, составленные в большинстве случаев священником Гапоном, распространялись среди рабочих. Первоначально они касались частных вопросов, а затем перешли к вопросам общим: о восьмичасовом рабочем дне, об участии рабочих организаций в разрешении споров между рабочими и хозяевами и т.п. Хозяева охваченных стачкой промышленных заведений, собравшись на совещание, признали, что удовлетворение некоторых из домогательств рабочих должно повлечь за собой полное падение русской промышленности, другие же могли быть рассмотрены, а частью удовлетворены в мере, посылкой для каждого отдельного предприятия, но, вместе с тем, высказывая готовность вступить с рабочими в переговоры, признали, что таковые невозможны при условии ведения их с организацией стачечников во всей их совокупности и достижимы только по отдельным фабрикам и заводам. От такого обсуждения требований рабочие отказывались. Ввиду того, что стачка не сопровождалась нарушением порядка, никаких репрессивных мер властями предпринимать не было, и со времени ее возникновения не было произведено ни одного ареста и обыска в рабочей среде. Однако к агитации, которую вело «Общество фабричных и заводских рабочих», вскоре присоединились подпольные революционные кружки. Вышеупомянутое общество со священником Гапоном во главе с утра 8 января перешло к пропаганде явно революционной. В этот день священником Гапоном была составлена и распространена петиция от рабочих на Высочайшее Имя, в коей рядом с пожеланиями об изменении условий труда были изложены дерзкие требования политического свойства. В рабочей среде был распушен слух и распространены письменные обращения о необходимости собраться к двум часам дня 9 января на Дворцовой площади и через священника Гапона представить Государю Императору прошение о нуждах рабочего сословия; и в этих слухах и обращениях требования политического характера умалчивались и большинство рабочих вводились в заблуждение о цели созыва на Дворцовую площадь.

Фанатическая проповедь, которую в забвении святости своего сана вел священник Гапон, и преступная агитация злонамеренных лиц возбудили рабочих настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться к центру города. В некоторых местах между ними и войсками, вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованиям разойтись, а иногда даже нападения на

войска, произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова у Александровского сада, на углу улицы Гоголя и Невского проспекта, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволоки и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы: у городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитив около ста стальных клинков, которые, однако, были большею частью отобраны; в 1-м и 2-м участках Васильевской части толпою были порваны телеграфные провода и опрокинуты телефонные столбы; на здание 2-го полицейского участка Васильевской части произведено нападение, помещение участка разбито, вечером на Большом и Малом проспектах Петербургской стороны разграблено пять лавок.

Общее количество потерпевших от выстрелов, по сведениям, доставляемым больницами и приемными покоями к 8 часам вечера, составляет: убитых 76 человек (в том числе околоточный надзиратель), раненых 233 (в том числе тяжело раненый помощник пристава и легко раненые рядовой жандармского дивизиона и городской)).

Далее в «Прибавлениях» отмечалось: «В течение 10 января в столице столкновений толпы, производившей беспорядки, с войсками не было, и воинским командам не пришлось прибегать к оружию, так как при появлении войска толпа разбегалась. Днем была произведена вовремя предупрежденная попытка нападения на Гостинный двор. К вечеру к стачке присоединились рабочие электрических станций, вследствие чего, пользуясь темнотою, отдельные группы принялись бить оконные стекла магазинов на разных улицах, но порядок повсюду был быстро восстановлен.

В течение 10 января убитых и раненых не было; число пострадавших в течение 9 числа, по точному подсчету, оказывается: убитыми 96 человек и ранеными – 333 (в том числе 53 зарегистрированные в амбулаторных пунктах)» [21].

С кратким изложением причин и хода событий 9 января трудно не согласиться. Более того, показ того, что расстрел демонстрантов происходил не на самой Дворцовой площади, как это утверждали советская историография и кинематограф, а уже на подходах к ней, существенным образом меняют наше представление о главных символах случившегося. Новые аспекты можно увидеть и в трактовке поведения рабочих и революционеров, стремившихся

направить народное недовольство против носителей власти, придать ему характер народного бунта с погромом полицейских участков, магазинов и лавок.

Весьма важными представляются данные, приводимые журналом, в отношении жертв злосчастного воскресенья. Эти цифры уже на 10 января следует считать наиболее реальными (96 убитых и 333 раненых), причем как со стороны участников шествия, так и со стороны блюстителей порядка. В этой связи не может не вызвать недоумения та разногласица, которая существует в литературе последних десятилетий. К примеру, в «Краткой истории рабочего движения в России (1865 – 1917)», изданной в Москве в 1965 году, среди жертв «кровавого воскресенья» значится 1000 человек убитых и 5000 человек раненых. В российских учебниках последнего десятилетия называется 4600 убитых, раненых и искалеченных (1998 человек), а в другом случае – «погибло и ранено свыше 3 тысяч демонстрантов». В одном из белорусских учебных пособий называется цифра в 1200 человек убитых и около 5000 раненых [22]. Разумеется, во всех случаях ссылки на источники не даются.

В третьем же номере «Прибавлений» сообщалось, что «изложенные обстоятельства вызвали необходимость прибегнуть к исключительным мерам, в видах охранения государственного порядка и общественной безопасности. Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 11 января сего года было повелено учредить должность С-Петербургского генерал-губернатора с предоставлением ему широких полномочий во всем, что касается охраны государственного порядка и общественной безопасности. На эту должность тогда же был назначен бывший обер-полицмейстер г. Москвы генерал-майор Трепов».

В январе по повелению императора Николая II генерал-губернатор Д.Ф.Трепов и министр финансов В.Н. Коковцев обратились со специальным воззванием к жителям Петербурга, в котором было заявлено следующее: «Спокойное течение общественной жизни в С.-Петербурге нарушено за последние дни прекращением работ на фабриках и заводах. Оставив свои занятия к явному для себя и своих хозяев ущербу, рабочие предъявили ряд требований, касающихся взаимных отношений между ними и фабрикантами. Возникшим движением воспользовались неблагонамеренные лица, которые избрали рабочих орудием для выполнения своих замыслов и увлекли трудящихся людей обманчивыми, несбыточными обещаниями на ложный путь. Последствиями преступной агитации были многочисленные нарушения порядка в столице и неизбежное в таких случаях вмешательство вооруженной силы.

Явления эти глубоко прискорбны. Порождая смуту, злонамеренные лица не остановились перед затруднениями, переживаемыми нашей Родиной в тяжелое военное время. В руках их трудящийся люд петербургских фабрик и заводов оказался слепым орудием. Трудящиеся не давали себе ясного отчета в том, что именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие.

Заявляя эти требования и прекращая свои обычные занятия, рабочие забыли, что правительство всегда заботливо относилось к их нуждам. Оно и теперь готово прислушаться к их справедливым желанием и удовлетворять их в меру представляющейся возможности. Но для такой деятельности правительства необходимы прежде всего восстановление порядка и возвращение рабочих к обычному труду. В пору волнений немыслима спокойная и благожелательная работа правительства на пользу рабочих. Удовлетворение их заявлений, как бы справедливы они ни были, не может быть последствием беспорядка и упорства.

Рабочие должны облегчить правительству задачу по улучшению их быта и могут сделать это только одним путем: отойти от тех, кому нужна одна смута, кому чужды истинные пользы рабочих, как чужды и истинные интересы Родины, и кто выставил их только как предлог чтобы вызвать волнения, ничего с этими пользами не имеющие. Они должны возвратиться к своему обычному труду, который столько же нужен государству, сколько и самим рабочим, так как без него они обрекают на нищету самих себя, свои семьи. И, возвращаясь к работе, пусть знает трудящийся люд, что его нужды близки сердцу Государя Императора так же, как и нужды всех его верных подданных; что Его Величество еще столь недавно повелеть соизволил приступить к разработке вопроса о страховании рабочих, имеющем своею задачей обеспечить их на случай увечья и болезни; что этой мерой не исчерпываются заботы Государя Императора о благе рабочих, и, что одновременно с сим, с соизволения Его Императорского Величества, Министерство финансов готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мер, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах.

Пусть знают рабочие, что, вернувшись к труду, они смогут рассчитывать на защиту Правительством неприкосновенности их самих, семейств их и домашнего их очага. Правительство оградит тех, кто желает и готов трудиться, от преступного посягательства на свободу их труда злонамеренных людей, громко взывающих к свободе, но понимающих ее только как свое право не допускать

путем насилия до работы своих же товарищей, готовых вернуться к мирному труду» [23].

Правительственная точка зрения в объяснении событий 9 января и мер, направленных на установление общественного спокойствия, получила свое развитие и в следующем, 4-м номере «Прибавлений». Здесь помещена информация, значительно углубившая наше представление о путях разрешения острого социального конфликта со стороны Императора Николая II. Так, в разделе «Правительственное сообщение» давалась такая информация: «Его Величество Государь Император в среду, 19 января, осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском дворце, в Царском Селе, следующими милостивыми словами: «Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждения и обман изменниками и врагами нашей Родины.

Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истиннорусские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое нужно улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их.

Теперь возвращайтесь к мирному труду Вашему, благословясь принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами и да будет Бог вам в помощь».

Не могут не вызвать интереса процедура и итоги встречи императора с представителями рабочих Петербурга. Вот как писали об

этом «Прибавления»: «Вчера, 19 января, в три часа пополудни, в Царскосельском Александровском Дворце, в Портретном зале, Его Императорскому Величеству имела счастье представляться депутация рабочих, по одному человеку от каждого наиболее значительного промышленного предприятия Петербурга, в составе 34 человек. Депутация в первом часу дня была собрана в покоях Зимнего Дворца, с Комендантского подъезда, а затем с Царского железнодорожного павильона с экстренным поездом отбыла в Царское Село, где в экипажах была перевезена в Александровский Дворец и введена в Портретную залу. При депутации находился С.-Петербургский генерал-губернатор, генерал-майор Д.Ф. Трепов. В три часа в залу вошел Его Величество Государь Император. Его Величество сопровождали министры: Императорского Двора и Уделов, командующий Императорской Главной квартирой, генерал-адъютант, барон Фредерикс; финансов, статс-секретарь В.Н. Коковцов; дворцовый комендант, генерал-адъютант Гессе и лица свиты. Когда Его Величество изволил поздороваться с депутацией, последняя, ответив по-русски, низко поклонилась. Государь Император изволил обратиться к депутации со словами, вышеприведенными в правительственном сообщении. Подойдя затем к рабочим, Его Величество изволил обратиться к ним и удостоить их милостивых слов. После приема в здании лица депутации было предложено угощение, во время которого каждому из рабочих были розданы отпечатанные к встрече на гектографе слова Его Величества. В 5 часов дня депутация с экстренным поездом была доставлена в С.-Петербург» [24].

Встреча Николая II с рабочими, разумеется, была выброшена советскими историками из числа событий, имеющих отношение к 9 января: так им было удобнее трактовать императора как «кровавого деспота». Что же касается дореволюционной либеральной историографии, то только В.П. Обнинский уделил рабочей депутации несколько слов в том смысле, что она была «составлена наполовину из стариков-черносотенцев, наполовину из агентов полиции» [25]. Так ли это было или нет – сказать определенно трудно. Вслед за описанием вышеупомянутой встречи императора с рабочими в «Прибавлениях» говорилось: «Их Императорские Величества Государь Император и Государыни Императрицы, движимые чувством сердечного сострадания семьям убитых и раненых во время беспорядков 9 сего января в Петербурге, Всемилостивейше соизволили назначить из собственных средств пятьдесят тысяч рублей для оказания помощи нуждающимся членам этих семей. Сумма эта препровождена министром Императорского Двора в распоряжение С.-Петербургского генерал-губернатора для распределения ее меж-

ду пострадавшими на основании подробных данных об их положении, выяснение коих возлагается на особую комиссию в составе, образуемом по усмотрению генерал-губернатора».

Вышеприведенные строки, как, впрочем, и все то, что сознательно обходилось вниманием советской историографией при трактовке 9 января, возможно не столь уж и значительно, это не более чем штрих, но как нам кажется, он важен, ибо без этого никак не представить всей полноты исторического факта.

Не менее важна по отношению к событиям «кровового воскресенья» и позиция церковной иерархии. В «Прибавлениях» она нашла свое выражение в речи митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского), обращенной к рабочим Путиловского завода. Однако прежде чем перейти к краткому изложению ее содержания, необходимо сказать о том, что еще накануне 9 января по распоряжению митрополита Антония был положен запрет на любые церковные шествия. Вследствие этого староста церкви Казанской иконы Божией Матери отказался отдавать рабочим иконы и хоругви, однако рабочие, подговариваемые революционерами, отобрали их силой, совершив таким образом грех святотатства. Однако обратимся к выяснению того, при каких условиях была произнесена вышеупомянутая речь: «23-го января, в воскресенье, высокопреосвященный митрополит Антоний совершил молебствие в церкви Путиловского завода. Владыка приехал к 10 часам утра прямо в церковь, где отслужил литургию, совершенную местным причтом. За литургией пел собственный хор из путиловских рабочих, а «Символ Веры» и «Молитву Господню» пела вся церковь. Молебен пели певчие митрополита. За литургией и молебном было множество молящихся. Несмотря на то, что западные церковные двери были открыты, в церкви было душно. Надо заметить, что рабочие Путиловского завода на другой же день после рокового несчастья запросили у владыки приема. Владыка принял депутацию из пяти человек в среду, 12 января, вечером. После продолжительной беседы владыка, благословив каждого из них «Новым Заветом» и образком Святого Александра Невского, затем сказал, «что только молитвою и словом Божиим можно положить твердое основание мира в душах наших». Тогда же решено было помолиться на заводе вместе с рабочими. Теперь это и было исполнено. Пред молебном владыка сказал следующую речь:

«Боже милостив буди нам грешным! Простите меня, возлюбленные братья-христиане, что буду говорить с вами, как и все теперь, о постигшем нас в лукавые дни наши несчастье. Слишком больно отозвалось оно в сердцах наших, чтобы скоро можно было

забыть его и не говорить о нем. Всех нас поразило оно и своею роковою неожиданностью, и своими невинными кровавыми жертвами. Среди обычного мирного течения нашей жизни оно разразилось над нами, как всегубительное вулканическое извержение, похоронившее под пеплом своим жизни многих людей..! Невольно все мы спрашиваем: за что же, за что так ужасно скончались дни своей жизни эти безвременно погибшие?..

Братия мои! Отвлекает Господь скорбную мысль нашу о погибших и обращает к нам самим. «Если не покаетесь, все также погибнете». Грехи наши тяжкие и всем нам ведомые. Мы забыли закон Отца нашего небесного и стали жить беспечно в похотях сердца нашего. Крепкие исторические устои бытия нашего мы поколебали и расшатали. Вера православная в нас ослабела, наша преданность, наша верность православному Царю нашему поддались искушению. Мы доверились вожакам льстивым и лицемерным и отдались водительству их, как бы новых каких Моисеев, в безумных мечтах обрести землю обетованную, молоком и медом текущую. Зато и предал нас Господь за беспечность нашу и слабоверие... и допустил совершиться тяжкому несчастью... Мы были ленивы и беспечны, а враги бодрствовали. Злоба всегда бодрствует, а доброе сердце в мире поживает... Предатели бодрствовали, а мы в беспечной доверчивости пребывали... Будем же отныне бодрствовать, по слову Господню, и молиться, чтобы не впасть в новые, тягчайшие искушения. Помолимся же усердно Богу мира, да подаст Он мир душам нашим, да потребит от нас все неистовые крамолы супостатов и да утвердит в земле нашей безмятежие, мир и благолепие. Аминь»[26].

Следует заметить, что откликов на петербургские события 9 января в «Прибавлениях» за 1905 год крайне мало. Собственно, все они и были упомянуты выше. Спрашивается, чем можно объяснить такую необычную сдержанность в оценке случившегося в тот морозный зимний день. Ответ на этот вопрос более чем очевиден, ибо не в традициях православия было охать и ахать вокруг случившейся беды, ища при этом, потирая руки, только зачинщиков, но и способ для разжигания смуты. Русская церковь в трудную годину всегда обращалась ко всей нации с призывом не озлобляться, не ожесточаться, а молиться и искать причину кровавой драмы в самих себе, в отношении каждого из людей друг к другу, а также к святым заповедям Божьим. В этом смысле синодальный печатный орган остался верен своему предназначению, но, к сожалению, его голос был

услышан немногими. На старом гродненском кладбище до сих пор сохранились могилы жертв кровавых событий 9 января 1905 года и последующих революционных событий [27].

1.5. ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905 – 1907 ГОДАХ

Первая русская революция... Вот уже более сто лет исполнилось этой российской драме, но все, что было написано об этом событии, по-прежнему напоминает кривое зеркало. Опять все тот же набор известных штампов о дореволюционной России как очаге всякого гнета, и упоминание о «возглавляемой Николаем II горстке злодеев-помещиков с капиталистами, якобы сделавшей «положение народных масс невыносимым», и «объективный ход исторического процесса, с противоречиями и классовыми антагонизмами», вызвавший, по мнению ряда авторов, первую русскую революцию, и, конечно же, ее герои – «революционные рабочие и крестьяне», «дружинники Красной Пресни», «легендарный лейтенант Шмидт, в революционном порыве поднявший на реях крейсера «Очаков» сигнал к восстанию». Ни больше – ни меньше. Тут же и отзвуки этих событий на Беларуси с традиционным подчеркиванием «революционизации народных масс», выступивших в ответ на «кровавую акцию царизма» организацией митингов и демонстраций. При этом замалчиваются подлинные причины революции, искажаются ее факты, а бывшие когда-то совестью и гордостью страны ее сыны по воле недобросовестных историков предстают перед нами, потомками, в качестве «реакционеров», а то и «палачей-извергов».

На самом же деле многое в этой истории происходило совершенно иначе. Прежде всего, Россия никогда не была «тюрьмой народов», и вся жизнь страны управлялась на строгом основании законов. Россия была единственной страной, где отсутствовала смертная казнь. В первые годы XX века в стране легально и полулегально существовало более 100 партий и политических организаций различного толка. Экономическая мощь Российского государства, его значительные достижения во всех областях науки и культуры вызывали восхищение многих иностранных исследователей и специалистов. Разумеется, в Российском государстве, как и в других странах, имелись и нерешенные проблемы (аграрный и рабочий вопросы), но все они могли быть успешно реализованы в рамках существовавшей тогда политической системы. Увы, история распорядилась иначе.

Чтобы понять причины этой и всех последующих русских смут, следует обратить внимание на основное зло российской жизни – глубокую рознь между властью и значительной частью образованного общества. Трудно найти в российской истории другой слой населения, который бы ругал больше все свое родное, как это делала тогдашняя интеллигенция. Привыкшая к безденежью, нахватавшая верхов западноевропейской культуры, она с молодых лет впитывала пренебрежительное отношение ко всему отечественному. Отсюда рабское копирование всего заграничного. Все это радикальная интеллигенция сразу же превращала в объект слепого поклонения. На основе всей этой мешанины выдумывались «отечественные учения», призванные облагодетельствовать простой народ. В действительности же не было слоя более далекого от народа, чем интеллигенция. Эта толпа поверхностно образованных людей целиком ушла в политику, а политика в их понимании заключалась в упорном расшатывании всего, что было в России. Старательно подталкивал Россию к революции и быстро крепнувший еврейский капитал. Большой вред наносила студенческой молодежи либеральная профессура. Тема особого разговора – позиция православного духовенства. Помимо истинных поборников благочестия, среди них было немало и таких деятелей, которые увлеклись социалистическими идеями и также ушли в политику.

В большинстве исторических работ давно принято связывать начало первой русской революции с событиями 9 января 1905 года, «кровавым воскресеньем» – самой загадочной провокацией российской истории. Вместе с этим совершенно не придается должного значения другому событию – состоявшемуся в ноябре 1904 года в Петербурге земскому совещанию – либеральному сборищу, выступившему с требованием отмены самодержавной власти, явившемуся наглым вызовом самому Николаю II. Это был первый пробный шар организаторов русской революции. И он попал в цель. Упиваясь собственной «смелостью» и безнаказанностью, либеральные краснобаи исподволь готовили по всей стране выступления – одно бестактнее другого. В конце ноября 1905 года начались крикливые уличные демонстрации... Требования «свободы слова», «свободы собраний», «свободы союзов» и других «свобод» вскоре вылились в волну неслыханных насилий, воровства, грабежей и убийств. Все это сопровождалось глумливым поношением всего русского и полной безнаказанностью главных организаторов беспорядков и убийств.

В событиях 1905 – 1907 годов принимали участие различные оппозиционные партии. Несмотря на несхожесть своих программных установок, все они надеялись на развал многовековой русской

Империи. Генералами этой революции, революционерами в модных перчатках были кадеты; всю же черновую работу (забастовки, грабежи, мятежи) взваливали на себя эсеры, анархисты, большевики и др. В 1905 году по стране, словно моровое поветрие, прокатилась волна аграрных беспорядков. Все происходило по одной и той же схеме. Сначала среди крестьян появлялись революционные агитаторы. Начинались «задушевные» беседы. Затем откуда-то появлялась в большом изобилии водка. «И чего вы ждете? – подучивали захмелевших мужиков «народные доброхоты». – Идите и берите господское добро. Все равно оно скоро вашим будет!». И начинался погром помещичьего имения. Пылали дома, сады, усадьбы. Уничтожался домашний скот. Убивали помещиков и управляющих. Зато «революционные гуманисты», ликуя, потирали от удовольствия руки. За 1905 – 1906 годы в стране было сожжено и разграблено 2000 усадеб.

То тут, то там вспыхивали забастовки и вооруженные мятежи. Подняла голову уголовщина. В октябре 1905 года была спровоцирована всеобщая политическая стачка. В ряде крупных городов произошли военные бунты. В декабре в Москве началось печально известное Декабрьское вооруженное восстание. Огромная держава постепенно погружалась во тьму...

Но организаторы революции просчитались. На защиту существующего государственного строя выступило крестьянство, довольно быстро разобравшееся, кто же все-таки его подлинные недруги. Не поддержали революционеров и квалифицированные рабочие. Нерушимой стеной на пути разрушителей России встал «Союз Русского Народа» и другие патриотические партии. Получив хорошую сдачу, видя, что все их планы бесславно провалились, революционеры всех мастей объявили правительству «партизанскую войну». Она состояла из взрывов, подлых и трусливых убийств из-за угла, расправ с лично неугодными людьми. «Герои революции» нападали на отдельных городских, часовых, патрулей, часто стреляли в спину, и... пускались наутек.

В исторических работах последнего десятилетия немало написано о красном терроре времен гражданской войны и о репрессиях 30-х годов, но почему-то почти никто серьезно не задумывался о последствиях красного террора 1905 – 1907 годов. «Подсчитал ли кто-нибудь и доложил ли Царю, сколько всего жертв погубило с января 1905 года благодаря политике доверия князя Святополк-Мирского и своевременной политике заигрывания с вождями революции, – писал 3 января 1907 года в журнале «Русское Знамя» Павел Федорович Булацель. – Известно ли вам, что с февраля 1905 года по ноябрь 1906 года включитель-

но убито и тяжело ранено генерал-губернаторов и градоначальников – 67; исправников, приставов и околоточных – 315; полицеймейстеров и их помощников – 57; городских – 347; офицеров охранного отделения и жандармского корпуса – 47; нижних жандармских чинов – 95; агентов охранной полиции – 74; армейских и гвардейских офицеров – 124; нижних чинов армии и гвардии – 382; чиновников гражданского ведомства – 215; духовных лиц – 53; представителей сельских властей – 68; земледельцев – 73; фабрикантов, заводчиков и высших служащих – 117; купцов и директоров разных обществ в Юго-Западном и Варшавском округе – 72; простых рабочих, крестьян и людей без определенных профессий убито частью самими революционерами, частью во время столкновений революционеров с войсками и черносотенцами, всего – 32706 человек» [28].

Среди них есть и гродненские жертвы революционного террора. Только в одном г. Белостоке Гродненской губернии в течение полугода, с февраля по август 1905 года, из состава городской полиции были убиты революционерами: исправник Ельчин, городовые Мизгер и Барцевич; тяжелоранены полицеймейстер Пеленкин, его помощник Губский, полицейские приставы Жолткевич и Самсонов, околоточный надзиратель Савицкий; дважды были ранены городовые Карпов, Григен, Поповский и Ткачук. Всего за этот период в Белостоке было убито и ранено 11 полицейских чинов, причем в 7 случаях орудием преступления были разрывные снаряды (бомбы), а в остальных – револьверные пули. В подлинную демонстрацию патриотических сил превратились похороны убитого 8 апреля 1905 года в Белостоке донского казака Антона Лопатина.

Потери со стороны чинов полиции г. Белостока вызвали объявление этого города 7 сентября 1905 года на военном положении. С этого времени преступные посягательства на полицию в городе практически прекращаются, ибо за этот период, т.е. с момента введения в городе военного положения и до дня его отмены, 1 марта 1906 года, в Белостоке было совершено лишь одно убийство городского Монюшко. Однако уже день фактического снятия здесь военного положения, 4 марта, был ознаменован убийством на Суражской улице, буквально в центре города, помощника пристава Кульчицкого и ранением пристава Райского. Через три дня, 18 марта, осколками брошенного в канцелярию Белостокского жандармского управления разрывного снаряда был убит жандармский унтер-офицер Рыбинский и ранены два унтер-офицера того же ведомства – Сыколевич и Гуз; после чего до конца мая 1906 года, кроме 9 случаев неудавшихся покушений на жизнь чинов Белостокской полиции,

был убит городской Шейман и ранены двое городских – Зиновьев и Алексейчук, а также пять нижних чинов 61-го пехотного Владимирского полка, несших в городе охранную службу. Всего же с начала марта и до конца мая 1906 года, т.е. на протяжении трех месяцев, в городе было убито и ранено 13 человек.

В действиях революционеров и их главарей было много обыкновенной уголовщины. И это неудивительно, ибо, едва зародившись, подпольные кружки и организации сразу же превращались в замкнутые ордена-касты со своим нигилистическим отношением ко всяким нравственным принципам, подчас граничащим с полным цинизмом. Люди, попавшие в революционные кружки, были обречены. Вероотступника ждала жестокая кара. Убийцу ради якобы высоких целей часто напутствовали словами: «Или убьешь ты, или будешь убит сам».

В годы революции обычной забавой либеральной молодежи стало портретов царей и издевательство над теми, кто на них изображен. уничтожение. Весной-летом своего максимального развития достигли экспроприации – грабежи с политическими целями. Деньги, награбленные в банках, почтовых конторах, почтовых вагонах, торговых предприятиях и т.д., шли на содержание революционеров (так как даже на хлеб они себе не зарабатывали), на покупку оружия, боеприпасов и на социалистическую пропаганду. В основном политическими убийствами и разбоями на Гродненщине занимались анархисты, бундовцы, социал-революционеры и деятели ППС на Литве.

Сразу же после снятия военного положения в г. Белостоке здесь произошло 10 случаев разбойных нападений вооруженных революционеров-анархистов на частных лиц, а также на их жилье и торговые заведения. Также имели место: два случая – покушения на убийство собственника завода и владельца ремесленной мастерской, одно убийство мастера крупного механического завода, два случая вымогательства денег на революционные цели под угрозой убийства. Имели место 6 случаев бросания разрывных бомб-снарядов в квартиры представителей местной фабричной промышленности, из которых в трех случаях этими взрывами, кроме материального ущерба, были причинены и телесные повреждения проживавшим в этих квартирах лицам. Всего же с 1 марта по 1 июня 1906 года в двух следственных участках Белостокского уезда, в которые входил г. Белосток, было заведено 45 дел о зафиксированных террористических актах.

Все эти преступные деяния революционеров с провоцируемыми ими забастовками на фабриках и заводах не только нарушали

нормальное течение жизни в городе, но и вызывали озлобление к себе со стороны солдат местного гарнизона, вынужденных, кроме военных обязанностей, нести опасную службу по охране города. На пополнение убыли чинов Белостокской полиции в город приходилось с большим трудом командировать из других мест Гродненской губернии полицейских, которые мало были осведомлены об условиях службы, вследствие чего шел процесс дезорганизации состава местной полиции.

Особенно накалило обстановку в городе убийство среди белого дня револьверными выстрелами на Суражской улице из толпы молодых евреев Белостокского полицмейстера Деркачева, «пользовавшегося расположением всего населения города». Вслед за убийством Деркачева из среды революционеров стали циркулировать слухи о предстоящем в городе еврейском погроме, который якобы приурочивался к 1 июня 1906 года – ко дню православного крестного хода по случаю празднования воссоединения униатов с Матерью-Церковью и католической процессии по случаю праздника «Тела Божия». С целью предотвращения нагнетавшейся революционерами паники среди местных евреев замещавший убитого полицмейстера исправник Шереметов в переговорах с их представителями сделал все возможное для снятия среди евреев напряжения, но безрезультатно.

30 мая 1906 года Белостокское еврейское общество отправило свои особые депутации в г. Гродно к губернатору В.К. Кистеру и начальнику Белостокского гарнизона генерал-лейтенанту фон Бадеру с ходатайством о принятии мер по недопущению 1 июня погрома. Однако полученные означенными депутациями успокоительные ответы последними были признаны недостаточно убедительными, а потому еврейское общество начало принимать против погрома меры. Эти меры, кроме массового выезда 30 и 31 мая из Белостока по железной дороге и на лошадях пожилых евреев с семьями в близлежащие местности, нашли свое выражение в организации в городе и его окрестностях в те дни «вооруженной еврейской самообороны». Иногородние участники означенной самообороны начали съезжаться в Белосток в те же числа в таком количестве, что они не могли не обратить на себя внимания даже посторонних наблюдателей. Массовый выезд участников «самообороны» в течение двух дней наблюдал на станции Гродно местный полицмейстер Геннисаретский, посчитавший необходимым тотчас же доложить об этом губернатору Кистеру. Необычайный наплыв еврейской молодежи «в черных рубашках» (отсюда и пошло в городе их название – «чернорубашечники») наблюдался и

на станции Белосток.

На основании распространившихся по городу слухов о возможных погромах в городе, а также исходя из результатов визуальных наблюдений, губернское и городское начальство распорядилось увеличить в городе 1 июня количество нарядов войсковых патрулей. Равным образом, и местная полиция в ожидании большого стечения в этот день богомольцев-православных и католиков, со своей стороны, принимала меры по предупреждению могущих возникнуть беспорядков. Независимо от этого полицмейстер Радецкий, заменивший по распоряжению губернатора в эти дни временно исполняющего обязанности главного полицейского начальника Федосова, заранее договорился с православным и католическим духовенством, чтобы во избежание толчеи процессия из костела выступила через полчаса, после выхода из собора православного хода.

Несмотря на принятые меры, оказалось достаточно небольшой искры, чтобы в городе начались беспорядки, переросшие в погромные действия по отношению к еврейскому населению. Существует мнение, что первопричиной явилась паника среди участников католической процессии, после того, как лошадь одного из извозчиков, стоявших около тротуара, чего-то испугавшись, вдруг понеслась на стоявший возле костела народ, причем при переезде через бордюр она произвела колесами экипажа звук, подобный взрыву бомбы. По другим сведениям, кому-то показалось, что в толпу была брошена бомба или петарда. Вслед за этим из домов Каплана на Немецкой улице и Городища на Базарной улице раздались несколько револьверных выстрелов. Чтобы предупредить православный крестный ход об угрожающей ему опасности в районе костела, крестьянин Антон Вильчинский побежал ему навстречу. Его сообщение о происходящем около костела заставило остановиться головную часть крестного хода, все же остальные богомольцы продолжали двигаться вперед. Во время этого замешательства с балконов, окон и чердаков домов Рахитиса, Маковского, Фольмана и дома еврейского общества на Александровской улице была открыта по участникам крестного хода учащенная пальба из револьверов, а затем с балкона второго этажа дома Миловского «молодой мужчина и женщина в темной одежде бросили в толпу бомбу, разорвавшуюся среди участников хода...». Так вспыхнули события, вошедшие в историю как «Белостокский погром».

Не вдаваясь в детали данной трагедии, затронувшей практически весь город, необходимо подчеркнуть, что у истоков ее стояли революционеры-анархисты. Ими же были спровоцированы и погромные действия ополоумевшей от паники и страха толпы; вос-

пользовались этой ситуацией и уголовные элементы; не всегда продуманными и организованными были действия войск и полиции при устранении вспыхнувших беспорядков. Инициаторы вооруженной борьбы ощущали себя подлинными «героями», своими выступлениями провоцируя районы и улицы города к новым потрясениям. В результате вооруженных столкновений революционеров и анархистов с правительственными силами с 1 по 3 июня 1906 года в г. Белостоке, как было установлено следствием, «было убито и умерло от повреждений, причиненных насилиями толпы, выстрелами еврейской самообороны, войск и полиции, призванных для прекращения беспорядков, 11 человек не евреев и 73 еврея; ранения получили 23 не еврея и 82 еврея; разгромлено 3 завода, 120 торговых помещений и 118 квартир, в том числе 11 не еврейских, всего, по оценке потерпевших, на сумму свыше 400 тысяч рублей» [29].

Расследование белостокской трагедии породило многочисленные инсинуации на политической, этнической и конфессиональной почве. «Обвинительный акт», составленный следственными органами, стремился объяснить погром «революционной деятельностью евреев, озлобившей прочее население города». Комиссия же Госдумы отвергала это: «никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением города Белостока не существовало», намекая таким образом на «происки правительства». Современные исследователи, включая и А.И. Солженицына, тем не менее признают, что белостокские анархисты готовили в городе вооруженное восстание «во имя безгосударственной коммуны, а потому своей инициативой они «стремились «ликвидировать... пассивное настроение масс». Однако еще и сегодня отдельные авторы пишут: «...погром был чисто военный. Войска превратились в погромщиков» [30].

Весьма своеобразно оценивает события в Белостоке С.М. Галай [31]. С одной стороны, для автора «остаётся нерешенным вопрос, на что надеялись власти, когда подстрекали к погрому и/или не предотвратили его». С другой стороны, ему «представляется, что их действия (или бездействие) объяснялись главным образом желанием выместить на евреях все неудачи, постигшие их за два предшествующих года». Стремясь доказать, что белостокский погром был одной из причин роспуска Госдумы, активно критиковавшей правительство по еврейскому вопросу, автор в то же время говорит, что «известие о погроме дошло до Думы на второй день после его начала – к концу продолжительных дебатов, посвященных репрессивной политике властей и защите, оказываемой ими головорезам черной сотни». А это означает, что разыгравшаяся в Белостоке дра-

ма оказалась как бы приуроченной к этим самым дебатам. Все их участники (11 из 12 депутатов-евреев) в тот же день обратились в Министерство внутренних дел к П.А. Столыпину с вопросом: «Какие меры приняло Министерство для защиты еврейского населения Белостока?», но их, равно как и незаконно направленных для проведения расследования на месте в Белосток депутатов (М.П. Араканцева, Е.Н. Щепкина, И.Н. Пустошкина – кадетов и трудовика В.Р. Якубсона) совершенно не волновал вопрос, что явилось первопричиной трагедии, кто спровоцировал ее. Оценивая число жертв белостокского погрома с точки зрения «современных данных», а также двух основных источников (правительственное сообщение и отчет думской комиссии), С.М. Галай лишь вносит путаницу в этот вопрос, «еще более усиливаемую ссылкой на «современных историков», полагающих, что «имущественный ущерб и число жертв вдвое превышали данные, указанные властями». Между тем существует «Обвинительный акт», составленный следственными органами для представления в Гродненский окружной суд, сведения из которого можно считать наиболее верными.

Как бы там ни было, но нельзя не признать, что события в Белостоке, как составная часть «революционизации масс» привели к кровопролитию, а красный террор продолжил свое шествие по Гродненщине. Активно подталкивали население к революции в губернском Гродно не только марксисты, но и деятели Бунда и ППС на Литве. Один из активистов ППС Бронислав Шушкевич спустя годы так вспоминал о событиях 1905 года: «Где-то в апреле по примеру других городов у нас была создана боевая группа. В нее входило 16 человек. Задачи ее были те же, что и остальных подобных групп: организация покушений, изыскание денежных средств на нужды организации, поддержание боевой готовности на случай погромов и т.д. Оружия имелось достаточно: 20 браунингов и много револьверов других систем. Оружие было доставлено заблаговременно из Пруссии при помощи Бориса Геца. Первая партия бомб, изготовленная нами, прошла успешные испытания в лесном массиве Пышки... Для того, чтобы поднять дух товарищей, боевая группа совершила нападение на водочный магазин в Лососно, а 180 рублей было отдано в комитет. Группа сделала две попытки покушения на полицмейстера Геннисаретского, но безрезультатно. При этом был ранен полицейский Грико и убит Вильчунский. Оружие с целью устрашения полиции применялось во время первомайской демонстрации, а также во время антирусской манифестации школьной молодежи под лозунгом: «Гродно – город польский». Здесь Геннисаретскому было прямо сказано, что

если он не уберется из города, то он будет убит...».

О том, что эти слова были не простым звуком, свидетельствует статистика. Только на территории Гродненской губернии в годы первой русской революции в составе боевых групп ППС действовало 199 человек. Свои боевые группы имели в Гродно, Бресте, Белостоке и другие партии. Наиболее крупным центром деятельности в губернии анархистов был Белосток, где действовала группа «Хлеб и свобода» в количестве 42 человек, ее небольшие ячейки существовали практически во всех городах. По мнению современных польских исследователей, наиболее сильным был террор анархистов на территории Виленской, Сувалковской и Гродненской губерний. Только в последней (с января до октября 1905 года) было приведено в исполнение 23 смертных приговора [32]. И это только по самым общим подсчетам. Всеми же антиправительственными партиями их производилось здесь в несколько раз больше. «Свобода» добывалась большой кровью.

Жестокая революция 1905 – 1907 годов потерпела поражение потому, что в отличие от февраля 1917 года в рядах царской администрации и в личном окружении Николая II нашлись люди, оказавшиеся на высоте своего служебного положения и положившие предел революционным бесчинствам. Мало кто из них умер своей смертью. В те годы назначение на высокую должность означало смертный приговор. Вот имена тех, кто собою заслониł великую Россию, дав ей еще десять лет нормального развития: адмирал Ф.В. Дубасов, генерал Г.А. Мин, петербургский градоначальник В.Ф. Лауниц, граф А.П. Игнатъев, генерал Д.Ф. Трепов, главный военный прокурор В.П. Павлов, московский градоначальник А.А. Рейнбот, генерал-адъютант В.В. Сахаров, барон А.Н. Меллер-Закомельский, адмирал Г.П. Чухнин и другие.

Падали, обливаясь кровью, и простые люди, верные своему долгу и присяге. Еще в 1907 году известный общественный деятель того времени Н.А. Павлов предложил соорудить в Москве памятник всем героям-мученикам долга, пострадавшим от «освободителей». «Пройдут годы, – писала газета «Новое время», – и ореол, которым окружила кучка политических психопатов имена убийц, исчезнет. Вещи назовут своими именами, в летописи революции отметят только толпу тупых фанатиков, лицемерных предателей и бессовестных искателей приключений. Не герои, а преступники будет их имя. Они не освобождали Россию, а мешали ее свободе» [33].

Конкретные усилия по увековечиванию памяти жертв революционного террора прикладывали лишь патриотические организации страны. В начале 1911 года «Русский Народный Союз имени

Архангела Михаила» предпринял издание книги «Русская скорбь» с портретами и описанием жизни и мученической кончины чинов полиции – «доблестных воинов родины, павших от рук крамольников». 28 апреля 1911 года редакционная комиссия по изданию данной книги с целью увековечивания памяти возможно большего числа убитых русских людей обратилась ко 2-му делопроизводству департамента полиции, а директор его С. Белецкий – к гродненскому губернатору В.Н. Шебеко с ходатайством «содействовать представлению указанной комиссии фотографических карточек и кратких биографий чинов администрации, павших жертвами долга». В предписании означалось, «что означенная книга должна стать настольной книгой каждого полицейского управления, чины которого смогут почерпнуть в ней новые силы к продолжению своей трудной, но доблестной службы на пользу дорогой нам родины». Прося о сердечном участии губернатора в данном деле, департамент полиции заверял, что при оперативном доставлении в редакционную комиссию необходимых материалов «означенная книга будет напечатана в самое непродолжительное время».

За выполнение этого поручения взялось Гродненское губернское правление в лице его старшего советника В.В. Ярошенко, который тотчас же (13 мая) затребовал от всех полицмейстеров и уездных исправников присылки в губернское правление всех необходимых материалов. Первыми откликнулись уездные исправники Бельского, Сокольского, Брестского и Волковысского уездов, заявившие почему-то, что «чинов полиции, павших от рук крамольников жертвами долга, во вверенных им уездах и полиции не было». Однако из других мест губернии вскоре стали поступать сведения, весьма заинтересовавшие издателей книги.

17 мая 1911 года представило биографические сведения об убитых в 1906 – 1907 годах чинах полиции с фотографическими карточками (на околоточного надзирателя Тавреля и городского Карпука, на остальных убитых карточек найдено не было) Гродненское полицейское управление. Из полученных материалов следует, что первой жертвой революционеров в г. Гродно стал околоточный надзиратель Семен Семенович Козел. Родился он 22 июля 1877 года в д. Олексичи Деречинской волости Слонимского уезда, православный, холост, образования домашнего. В военную службу был принят охотником (добровольцем. – В. Ч.) 9 сентября 1897 года в унтер-офицерский учебный батальон, после окончания обучения в котором был назначен на службу в 100-й Островский полк, в составе которого в звании фельдфебеля участвовал в русско-японской войне. 22 февраля 1905 года в сражении под Мукденом был ранен.

Награжден знаком отличия Военного ордена 4 ст. После увольнения от военной службы был определен околоточным надзирателем г. Гродно 1 сентября 1906 года. «Служил ревностно и честно. Убит крамольниками 10 мая 1906 года во время ночного обхода улицы Мостовой оставить неизвестными лицами, стрелявшими залпом. С.С. Козел умер на месте от внутреннего кровотечения от пули, застрывшей под покровами живота».

24 августа 1906 года во время недопущения на Соборной площади сборища бунтовщиков был убит из револьвера одним из крамольников городской Степан Иванович Карпук. Погибший родился 2 августа 1857 года в д. Глубокой Муравьевской волости Пружанского уезда, из крестьян, православный. По призыву 1878 года был принят на военную службу и зачислен в 103-й пехотный Петрозаводский полк и состоял в нем на сверхсрочной службе по 20 сентября 1889 года. После чего был определен городским в городской полиции (28 июня 1890 года), в которой непрерывно служил до дня своей гибели. За время службы в полиции был награжден медалью за 5-летнюю службу в полиции, получал прибавку к жалованью (в четверть оклада) за службу в полиции сроком свыше 7 лет. После смерти С.И. Карпука остались вдова и трое детей в возрасте 12 – 20 лет.

11 января 1907 года во время преследования крамольников во главе с Фридманом были убиты следующие чины городской полиции: околоточный надзиратель Матвей Фомич Таврель, городовые Никифор Николаевич Селезнев и Франц Осипович Новик. М.Ф. Таврель, имевший чин губернского секретаря, родился 20 октября 1862 года в селе Шембелевцы Сувалковской губернии, из крестьян, православный. 17 ноября 1883 года по призыву был принят на службу и зачислен в 79-й пехотный Куринский полк, в котором дослужился до звания фельдфебеля, а 29 сентября 1888 года уволен в запас. Образования в учебном заведении не получал, но выдержал экзамен в знании курса уездного училища. Поступил на службу городским городской полиции 4 мая 1890 года и 25 сентября 1896 года был назначен околоточным надзирателем. Остались вдова и четверо детей в возрасте 3 – 16 лет.

Н.И. Селезнев родился 6 августа 1880 года в селе Кузьминском той же волости Липецкого уезда Тамбовской губернии, из крестьян, православный. По призыву 1902 года служил в 102-м пехотном Вятском полку, откуда был уволен в запас 31 августа 1906 года. 15 сентября 1906 года поступил на службу в Гродненскую полицию. Был холостым.

Ф.О. Новик родился 18 декабря 1879 года в селе Шимковском той же волости Волковысского уезда, из крестьян, католик. По при-

зыву 1901 года был принят на службу в 161-й пехотный Александропольский полк, откуда был уволен в запас 1 июля 1906 года. Участвовал в русско-японской войне. 23 августа 1906 года поступил городским в городскую полицию. Был холостым. Убитые полицейские были похоронены: Ф.О. Новик – в родном селе, а М.Ф. Таврель и Н.И. Селезнев – в Гродно, на старом православном кладбище. Весьма драматичным представляется при этом следующий факт: неподалеку от могил М.Ф. Тавреля, Н.И. Селезнева, а также жандармского офицера А.Н. Грибоедова и начальника Гродненской тюрьмы А.П. Сибирякова, похоронен и студент Санкт-Петербургского университета Антон Левицкий, ставший жертвой кровавых событий 9 января.

24 мая 1911 года в Гродненское губернское правление поступили запрашиваемые материалы («Биографические сведения о полицейском учреждении Гродненского уезда Осипа Максимовича Анхим-Ольшевича, убитого революционерами 25 июля 1906 года») от местного исправника Н.И. Бюффонова. В них, в частности, сообщалось, что «О.М. Анхим-Ольшевич происходил из крестьян Юшковской волости Волковысского уезда Гродненской губернии; родился он в 1884 году. На действительной военной службе состоял в 142-м пехотном Звенигородском полку, откуда вышел в запас со званием старшего писаря. 13 декабря 1905 года он был назначен пешим стражником в Скидельский пеший отряд, а в апреле 1906 года – на должность фабричного полицейского урядника в м. Кринки Гродненского уезда, где на кожевенных заводах и мастерских находилось 1500 рабочих и ремесленников, главным образом евреев, принадлежащих к разным противоправительственным партиям. Урядник Анхим-Ольшевич, будучи предан долгу службы, ревностно исполнял свои служебные обязанности и всеми мерами преследовал революционеров. Он на месте преступления задержал рабочего Фридмана, бросившего разрывной снаряд в еврейскую молитвенную школу в м. Кринки, где совещались местные жители, принадлежащие к партии правого порядка. За все это революционеры страшно ненавидели полицейского урядника. 24 июля 1906 года Анхим-Ольшевич в качестве важного свидетеля по делу о разбойном нападении кринских рабочих на дом священника в селе Шудзялово Сокольского уезда был вызван к судебному следователю г. Соколки. После допроса он был окружен шестью молодыми евреями и тяжело ранен в живот и шею. В бессознательном состоянии полицейский был доставлен в Уяздовский военный госпиталь в г. Варшаве, где 25 июля умер. Похоронен на Варшавском кладбище. Фотографической карточки его не имеется. Покойный был холост».

8 июня поступили в губернское правление от Белостокского уездного исправника три карточки убитых полицейских чинов: урядника Чекеля и стражников Ерошенко и Рыбника, а также «биографические сведения об их жизни и мученической кончине». Фотографий в деле не имелось. Из указанных сведений следовало, что «Яков Степанович Чекель, урядник полицейской стражи Белостокского уезда, происходил из крестьян д. Кудричи Кринской волости Гродненского уезда, от роду имел 47 лет, вероисповедания православного, холост. До призывного возраста жил при родителях, занимался хлебопашеством; в 1880 году был принят на действительную военную службу, по окончании которой поступил в полицию. В должности урядника в уездной полиции состоял около 11 лет, а затем по упразднении должности полицейских урядников в 1905 году был переведен в урядники полицейской стражи, в каковой должности прослужил около двух лет. Пал жертвой служебного долга от рук политического убийцы при следующих обстоятельствах. 15 февраля 1907 года, около 10 часов утра, в местечке Тростянцы Белостокского уезда к уряднику Чекелю, возвращавшемуся из местного почтово-телеграфного отделения по делам службы, внезапно подбежал крамольный изверг – еврей и несколькими выстрелами из револьвера в затылок убил его, а сам с места преступления скрылся. Было установлено, что до момента совершения им преступления он находился в квартире еврейки Арды – ярой революционерки. И хотя последняя пыталась направить полицию по ложному следу в его поисках, убийца был обнаружен в Варшаве и уличен в злодейском преступлении свидетелем – мальчишкой-подмастерьем, бывшим очевидцем убийства. Убийца был предан военному суду и понес заслуженное наказание. Медико-полицейским вскрытием констатировано, что уряднику Чекелю преступником было нанесено четыре пулевых ранения: 1-е – в затылок (пуля вышла под левым глазом); 2-е – в спину (пуля вышла через легкие навывлет); 3-е – в правый висок (пуля прошла через мозг навывлет); 4-й выстрел (пуля оказалась в колене) был произведен тогда, когда Чекель уже находился в неприжизненном состоянии. Могила урядника Я.С. Чекеля находится в г. Кнышине Белостокского уезда. На ней – памятник с надписью: «Дорогому брату и сослуживцу Я.С. Чекелю, погибшему от рук крамольника при исполнении обязанностей службы». Телу покойного были отданы надлежащие воинские почести.

7 апреля 1909 года «пали от рук политических убийц полицейские чины Белостокского уезда И.Н. Еременко и Б.М. Рыбник. Иван Николаевич Еременко, старший стражник 4-го Белостокского конного отряда, происходил из крестьян Черниговской губернии Со-

ловской волости села Олейникова. Родился он 31 января 1881 года; до призывного возраста жил на родине, занимаясь хлебопашеством. 6 ноября 1902 года он был принят на действительную военную службу и зачислен в 6-й эскадрон 11-го драгунского Харьковского полка. После окончания полковой учебной команды он был произведен во взводные унтер-офицеры, награжден серебряными часами с портретом Государя Императора. За участие в подавлении смуты во время русско-японской войны он был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердную службу». 10 декабря 1906 года был уволен в запас армии, а 15 декабря того же года поступил на службу младшим конным стражником в 4-й Белостокский отряд. За воинскую решимость и честное исполнение обязанностей службы 1 мая 1907 года он был произведен в старшие конные стражники. Своим добрым и незлобивым характером он располагал к себе подчиненных, что облегчало их тяжелую службу в разгар политической смуты. 7 апреля 1909 года преступник выстрелом из-за угла сразил этого честного воина, оставив осиротевшую семью, состоящую из жены и ребенка.

Тело Ерошенко опущено в могилу на местном православном кладбище под прощальный салют товарищей по службе и при прочувственных словах священника. На могиле поставлен на средства сослуживцев памятник, на котором имеется следующая надпись: «Пал от руки крамольника 7 апреля 1909 года при исполнении служебных обязанностей. Незабвенному И.Н. Ерошенко от сослуживцев 4-го конного Белостокского отряда».

Бронислав Михайлович Рыбник, младший конный стражник 4-го Белостокского отряда, происходил из крестьян д. Катринки Обрубниковской волости Белостокского уезда Гродненской губернии. До призывного возраста жил при родителях, занимавшихся хлебопашеством. Родился он 26 октября 1874 года, исповедания римско-католического. Военную службу отбывал в 3-м резервном артиллерийском парке. После увольнения в запас в чине старшего фейерверкера поступил на службу в полицию, которую начал с 1 января 1907 года в должности младшего конного стражника 4-го Белостокского отряда. Б.М. Рыбник отличался усердием по службе и благодаря своему кроткому характеру пользовался любовью и уважением среди товарищей. Погиб от руки убийцы-крамольника при следующих обстоятельствах. 6 апреля 1909 года Белостокским сыскным отделением был задержан один из пяти участников разбойного нападения на контору фабрики Цитрона в селении Супрасль Белостокского уезда, где ими была ограблена касса и убит фабричный мастер Ланге, который тотчас же был препровожден в Белосток-

ское уездное полицейское управление для установления степени его виновности. Этого преступника конвоировал на коне стражник Рыбник. Во время следования по г. Белостоку по стражнику открыли стрельбу из револьверов трое крамольных убийц из евреев, свалив его с лошади. По доставлении Рыбника в окружную лечебницу он, не приходя в сознание, скончался 7 апреля 1909 года в 12 часов дня, оставив жену и двух малолетних детей. Тело Рыбника предано земле на местном римско-католическом кладбище при прощальном салюте. На могиле сооружен на средства 4-го Белостокского конного отряда памятник с надписью: «Младший конный стражник 4-го Белостокского отряда Б.М. Рыбник. Убит крамольниками 7 апреля 1909 года. От товарищей и сослуживцев доброму другу».

В материалах, присланных 31 мая 1911 г. от Брестского полицеймейстера, кроме биографических сведений о чинах полиции, убитых в 1905 – 1906 годах в г. Бресте, имелись и их фотографические карточки (такие же были посланы в редакционную комиссию в Петербург). Сведения, полученные из Бреста, были составлены в хронологическом порядке.

«1. Старший городской Феликс Мартышевский. 26 июля 1905 года, в 10 часов вечера, старший городской Брестской городской полиции Феликс Мартышевский, проходя по делам службы по Мясной улице, услышал тихие губные свистки. Не обратив на них внимания, он пошел дальше и не доходя до Збириговой улицы увидел незнакомого человека, который на расстоянии 2-3 шагов выстрелил в него два раза из револьвера, после чего городской упал, обливаясь кровью, а неизвестный успел скрыться. На крик раненого собралась толпа евреев, отнесшаяся безучастно к истекающему кровью полицейскому. Подоспевшие вскоре к месту происшествия помощник пристава Воропаев и городской Кучинский доставили раненого в городскую больницу, где ему была оказана помощь, но да, ввиду серьезности ранений он был переведен в частную хирургическую лечебницу доктора Шульца. Однако, несмотря на все усилия врача, 30 августа Мартышевский скончался. Он был трижды ранен в лицо и шею. Похороны состоялись 1 сентября при участии всех чинов городской полиции, представителей городского общественного управления во главе с городским головою А.А. Маймейскулом и огромного количества народа. Траурное шествие от местного римско-католического костела до кладбища сопровождали оркестр военной музыки и взвод почетного караула от местного гарнизона. Перед опусканием гроба в могилу деканом о. Павлом Станкевичем было произнесено глубоко прочувственное слово, многие из присутствующих плакали.

Ф. Мартышевский родился 22 ноября 1856 года, происходил из крестьян Мстибовской волости Волковысского уезда, служил в 103-м пехотном Петрозаводском полку. Был уволен в запас ефрейтором в 1882 году. На службу в полицию поступил младшим городовым 10 марта 1904 года и в июле месяце того же года назначен старшим городовым. Отличался особой способностью к сыскной части, задерживая преступных лиц, за что неоднократно награждался начальством. Оставил жену и троих малолетних детей.

2. Помощник пристава, губернский секретарь Александр Дмитриевич Тер-Оганесов. 7 мая 1906 года, около 10 часов вечера, в проходившей по Шоссейной улице г. Бреста помощника пристава Тер-Ованесова из толпы, гулявшей на бульваре еврейской молодежи, неизвестным злоумышленником был произведен выстрел из револьвера, которым Тер-Оганесов был убит. Публика моментально разбежалась, скрыв в своей среде преступника, который остался незамеченным. Местной еврейской среде Тер-Ованесов был в особенности ненавистен за его неприятие их недозволенных сборищ. О готовящемся на него покушении полицейского неоднократно предупреждали, но он не обращал на это внимания и по-прежнему добросовестно нес свою службу. Торжественные похороны покойного состоялись 10 мая на православном кладбище.

А.Д. Тер-Оганесов происходил из дворян Эриванской губернии. Родился он 3 августа 1874 года. Учился в Бакинском реальном училище и выдержал экзамен на звание вольноопределяющего в Финляндском кадетском корпусе. По выходе в запас был канцелярским служителем Тифлиского губернского правления, 29 июня 1894 года назначен помощником пристава г. Эривани. В 1900 году перешел на службу в Гродненскую губернию. Служил помощником пристава г. Гродно, а с 21 декабря 1904 года перешел на эту же должность в г. Брест. Остались жена и сын Сергей 8 лет.

3. Начальник Брестской тюрьмы, коллежский регистратор Семен Александрович Дружиловский. 25 июля 1906 года в половине десятого часа вечера пал жертвой служебного долга начальник Брестской тюрьмы С.А. Дружиловский. В этот день, окончив вечером проверку арестантов, он вышел по личным делам в город. Недалеко от того места, где два месяца тому назад был убит помощник пристава Тер-Ованесов, неизвестный злодей выстрелил в него сзади, почти в упор, в затылочную часть головы. Все это произошло на глазах немногочисленной еврейской публики, которая поспешила разбежаться, и преступник оказался невыясненным. С.А. Дружиловский состоял в должности начальника тюрьмы немногим более полугода, но за это время успел навести в тюрьме строгие законные

порядки. Тогдашний контингент тюрьмы в большинстве своем составляли так называемые «освободители». Им-то, вероятно, и пришлось не по душе такая деятельность начальника, почему и приняты были меры по его «устранению». Похороны С.А. Дружиловского прошли торжественно со всеми военными почестями.

Дружиловский родился 27 мая 1869 года в семье священника Гродненской губернии. На службу в полицию поступил 14 мая 1899 года. Вначале служил околоточным надзирателем, а с 9 августа того же года – помощником пристава г. Бреста. 7 января 1906 года был назначен начальником тюрьмы. Оставил жену».

Террор в отношении чинов полиции коснулся и небольших городов. Вот что сообщал Слонимский уездный исправник: «12 марта 1906 года, в воскресенье, в полдень, в г. Слониме был убит ночной стражник Альбертинского отряда полицейской стражи Слонимского уезда Алексей Петрович Болвин. В этот день, сменившись с поста, он шел со своей женой по улице при базаре. Внезапно выскочившие из глухого переулка несколько молодых евреев на виду у массы народа (день был базарный) выстрелили залпом из револьвера в спину Болвину. Уже раненый, он выхватил револьвер и повернулся к нападавшему, но в это время уже другие злоумышленники еще несколько раз выстрелили в него. Одна из пуль пронзила сердце. Пораженная произошедшим, жена Болвина без чувств упала рядом с ним. В общей суматохе, вызванной выстрелами, убийцы успели скрыться с места злодеяния, но 13 марта ночью трое из них – Шухатович, Осаковский и Швар – были арестованы и уличены в этом преступлении. Виленский военно-окружной суд приговорил их к смертной казни, замененной впоследствии 20-летней каторгой. Характерно то обстоятельство, что перед рассмотрением этого дела жену Болвина евреи угрозами принуждали отказаться от показаний против убийц мужа, лица которых она сразу узнала. К разбору дела явились со стороны обвиняемых 58 свидетелей, в том числе одна крестьянка, чтобы доказать невиновность обвиняемых, несмотря на наличие неопровержимых улик. Настолько сильна была солидарность тех, кто способен нападать только из-за угла и стрелять только в спину...

Болвин выделялся среди сослуживцев усердием и толковостью, неутомимостью и безбоязненностью, пониманием своего служебного долга. Неся службу постового в пору беспорядков 1904 – 1905 годов, он решительно не допускал сборки бундовцев, социал-революционеров и социал-демократов, состоявших преимущественно из еврейской молодежи, разнузданных хулиганов, подстрекаемых вышеназванными революционерами. Были случаи, когда

Болвину, окруженному толпой бесчинствующей молодежи и требовавшему, чтобы она разошлась, угрожали револьвером. Но он, в тот же миг выхватив шашку, нанес ею удар угрожавшему. Толпа нахальна только перед нерешительными людьми, но всегда трусит перед действительным мужеством, поэтому моментально разбежалась. За три дня до покушения евреи сказали полицейскому, что он будет убит. После этого жена умоляла его уехать из Слонима, но Болвин решительно отверг ее просьбу. Жена Болвина живет в Слониме, получая пенсию в 10 руб. в месяц. Детей покойный не имел».

Разумеется, в эти годы полицейские чины губернии гибли не только от рук революционеров, но и уголовных элементов. Так, в апреле 1910 года в Пружанском уезде Гродненской губернии действовала вооруженная шайка из пяти человек во главе с Дмитрием Буржинским, скрывшимся еще в 1907 году от суда за антиправительственную деятельность и до возвращения на родину проживавшего два года в Америке. Хорошо вооруженная банда грабила имения помещиков, зажиточных людей. Покидая места разбоя, они ломали портреты императора и произносили в его адрес оскорбительные слова. Благодаря исключительной энергии местного исправника Г.С. Лукина банда была истреблена преследовавшей ее полицейской стражей. В ходе этой операции 28 апреля был смертельно ранен пристав И.И. Кухлевский, а также конно-полицейские стражники Андрей Борищик и Федор Гаврилюк. В ходе перестрелки с бандитами ранения получили: пристав В.А. Галкин, стражники Иван Пташник, Семен Матюкевич, Петр Демьянчук, Василий Чеботарян, Павел Шикасюк, Викентий Ботвинский, Прокофий Аверкин. Но были уничтожены и все бандиты. Подробно об этой операции было написано в статье «Разбой в Гродненской губернии», помещенной в журнале «Вестник полиции» за 1910 год № 25. В этом же издании в августе 1911 года была помещена заметка советника губернского правления В.В. Ярошенко по поводу освящения 15 мая того же года в г. Кобрине памятника на могилах стражников Борищика и Гаврилюка (И.И. Кухлевский был похоронен в м. Антополь Кобринского уезда и памятник ему был освящен 1 мая). Небольшой фрагмент из нее: «Обряд освящения проходил в торжественной обстановке. Почтили своим присутствием гродненский губернатор Борзенко, прокурор окружного суда Клопов, другие военные и гражданские чины. В торжествах участвовала вся полицейская стража Кобринского уезда, сборная рота 150-го пехотного Таманского полка, призванные на учебные сборы работники ополчения и три роты «потешных» из числа учащихся городского и народного училищ. После окончания литургии в местном соборе духовенство в числе 12

священников в сопровождении начальствующих и должностных лиц, депутации и массы молящихся направились крестным ходом на кладбище, где красовался величественный из черного гранита памятник, обнесенный железной оградой. Затем состоялось возложение венков, освящение памятника, завершившееся трогательной речью священника Сергия Страховича. После этого состоялся смотр-парад отряда местной полицейской стражи, который принял губернатор Борзенко. Была совместная трапеза. Затем по просьбе чинов полиции губернатором была послана телеграмма Государю Императору с выражением верноподданических чувств, а также министру внутренних дел. От последнего была получена ответная телеграмма: «Счастливы узнать, что молодецкий подвиг стражников Борищика и Гаврилюка прославлен открытием памятника на их могиле. Сердечно благодарю чинов губернской и Кобринской полиции за высказанные чувства и пожелания». Пришла телеграмма и от министра императорского двора: «Государь Император повелеть соизволил благодарить представителей полиции Гродненской губернии и депутации от уездных отрядов стражи в городе Кобрине в день освящения памятника на могилах убитых стражников Кобринского отряда за вознесенные молитвы и выраженные в вашей телеграмме чувства».

На адрес Кобринского уездного исправника поступило множество других телеграмм по случаю данного события. Пружанский предводитель дворянства прислал ее в стихотворной форме: «Услышите, герои, к Вам братья идут, затем, чтоб отдать Вам последний салют». Прислали телеграммы гродненский полицмейстер Фриммерман и уездный исправник Бюфонов. А гродненский священник Михайловский составил телеграмму следующего содержания: «Да почивают мирным сном могильным до радостного пробуждения гласом Архангельской трубы павшие жертвой служебного долга самоотверженные стражи порядка Государственного. Да здравствуют чтущие их память верные слуги Царя, доблестные сыны Родины Святой!».

На памятнике, воздвигнутом Борищнику и Гаврилюку, были выбиты весьма содержательные надписи и эпитафия:

1. Здесь покоится конно-полицейский стражник Андрей Фомич Борищик, павший 1 мая 1910 года от рук злодеев при честном исполнении долга службы. Род. 1880 г. Мир праху твоему, конно-полицейский стражник.

2. Здесь покоится Федор Устинович Гаврилюк, павший 5 мая 1910 года от рук злодеев при честном исполнении долга службы. Род. 1876 г. Мир праху твоему.

3. Не убойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. Боль-

ше сия любве никто же имать да кто душу свою положит за други своя.

(Иоанна гл. 17, ст. 13).

4. Памятник сей сооружен сослуживцам и жителям Кобринского и Пружанского уездов в увековечение доблестных подвигов».

Как следовало из материалов дела, И.И. Кухлевский был дворянином Тверской губернии, вначале служил приставом г. Гродно, с 1895 г. был переведен в м. Антополь. Борищик и Гаврилюк были из крестьян Кобринского и Брестского уездов.

13 марта 1907 года от рук злоумышленника погиб полицейский урядник Слонимского уезда Никита Станиславович Кондрашук. Дело разбиралось Гродненским окружным судом. Обвиняемые понесли должное наказание.

По донесению Белостокского полицмейстера, от рук крамольников в 1905 – 1907 годах погибли следующие чины Белостокской полиции: полицмейстер Деркачев, помощник пристава Кульчицкий, городовые Мизгер, Барцевич, Монюшко, Шейман, Попельшко, Кузан, Юрчак, агент Белостокского охранного отделения Чугунин. Все материалы о них с фотокарточками Кульчицкого, Мизгера, Моница и Шеймана 20 февраля 1910 года препровождены в Главную Палату Русского Народного Союза имени Михаила Архангела. Фотокарточек остальных погибших разыскать не представилось возможным. Приведенный спустя годы список значительно шире того перечня жертв террора в Белостоке, который имелся в упомянутом выше «Обвинительном акте».

В декабре 1911 года «Книга русской скорби», содержащая описание жизни павших от рук крамольников в смутные года за Царя и Родину, в количестве 300 экз. была получена в Гродненском губернском правлении, а затем разослана «для награждения ими лучших нижних чинов страны и полицейских команд Гродненской губернии [34]. Разумеется, что и в этой книге сведения о жертвах революционного террора на Гродненщине были далеки от реальности. Но это было обусловлено нежеланием полицейского начальства на местах «выносить сор из избы», т.е. выдавать информацию, не всегда выгодно характеризовавшую их действия в годы смут. Такое нежелание еще в большей степени было присуще жандармским управлениям, где старались воздерживаться от предания гласности своих потерь, тем более, что революционеров-террористов, совершивших убийства жандармов, еще необходимо было найти и уличить в содеянном. А это было не так-то просто.

Так, 25 февраля 1913 года в Белостоке был арестован незадолго

до этого вернувшийся из Америки мещанин м. Орля Бельского уезда Гродненской губернии Вольф Доротынский по подозрению в том, что он в 1906 – 1907 годах (уже после погрома 1 – 3 июня. – *В. Ч.*) совместно с другими террористами из летучего отряда партии социалистов-революционеров (Иоселем Виторжем и Ицко Рублянским – последний был убит при взрыве бомбы при их вооруженном нападении на почтовый поезд на станции Новогрудок. – *В. Ч.*) принимал участие в подготовке убийств коменданта станции Белосток полковника Шретера и жандармского подполковника Грибоедова. Произведенным расследованием не была установлена виновность задержанного по подозрению в покушении на жизнь вышеуказанных офицеров, и уже 10 апреля 1913 года было принято постановление об освобождении Доротынского из-под стражи [35]. Добавим, что в целом по трагическим событиям в Белостоке не был предан суду ни один террорист.

Хранит молчание и надгробие на могиле Николая Антоновича Грибоедова (1866-1906), похороненного на Гродненском старом православном кладбище. Из всех доступных автору источников удалось узнать, что Н.А. Грибоедов родился в Вильно в семье потомственных дворян, окончил Псковский кадетский корпус, подполковник отдельного корпуса жандармов, с 1905 года – помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления по Гродненскому, Слонимскому и Волковысскому уездам, с лета 1906 – по Белостокскому и Сокольскому уездам. Убит террористами при исполнении служебных обязанностей 23 августа 1906 года [36]. О Шретере пока ничего не известно.

Автор не стремился к освещению событий революционных событий по принципу «от обратного». Мыслилось более важным непредвзято, с позиций объективности и историзма подойти к осмыслению всей совокупности фактов, имевших место более сто лет тому назад в Гродненской губернии.

1.6. К БИОГРАФИИ А.В. БЕЛЕЦКОГО (1841 – 1907)

Почти столетие имя и дела Алексея Викторовича Белецкого пребывали в забвении. В последнее десятилетие некоторые сведения о нем просочились в ряд энциклопедических изданий [37]. Однако трактовка жизни и деятельности этого замечательного человека, много сделавшего для развития исторического самосознания белорусского народа, освещается в этих изданиях не только крайне лапидарно, односторонне, но и с явными искажениями. Причина этого заключается в явном нежелании авторов вникнуть не только в

атмосферу общественно-политической жизни Белецкого, но и в святая святых каждого человека – его биографию. К сожалению, вся информация о жизни А.В. Белецкого взята лишь из некрологов, посвященных ему. Что касается других источников, то они были попросту проигнорированы. Сегодня в нашем распоряжении имеются не только труды А.В.Белецкого, но и отдельные материалы из его наследия, включая выступления на страницах тогдашней местной периодики. Совокупность всего этого, несомненно, позволяет сказать об этом человеке значительно больше того, что в последнее время стало достоянием белорусской историографии.

Ревностный сторонник западнорусизма А.В. Белецкий родился в 1841 году в г. Кирилове Новгородской губернии в семье православного священника. Окончил Новгородскую духовную семинарию, а затем за казенный счет Петербургскую духовную академию (1865 г.). После окончания академии А.В. Белецкий какое-то время служил в родной ему Новгородской духовной семинарии, однако в 1869 году он вновь был приглашен в Петербургскую духовную академию на должность секретаря Совета. Служа в академии, А.В. Белецкий одновременно преподавал педагогику в Павловском институте благородных девиц и Мариинской женской гимназии. В 1873 году по рекомендации своего научного руководителя профессора М.О. Кояловича он был направлен в Полоцкую учительскую семинарию в качестве преподавателя русского языка. Через два года Белецкий был назначен директором семинарии. За семь лет работы в Полоцке ему удалось превратить это учебное заведение в одно из лучших в крае.

На административное рвение, организаторские способности и талант педагога обратил внимание попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский. В 1882 году Белецкому было сделано предложение о переезде в Вильно и занятии им должности окружного инспектора учебного округа. При данном назначении Сергиевский учитывал неуклонное следование своего подопечного охранительным принципам при реализации задач народного образования в крае, твердую уверенность последнего в правоте осуществлявшегося так называемого «русского дела». Были взяты во внимание и широкие познания Белецкого о прошлом и настоящем края, нашедшие отражение в его научных трудах и публицистике. Выражением высокого доверия к чиновнику и признанием его заслуг на ниве народного просвещения было назначение А.В. Белецкого в сентябре 1889 года помощником попечителя Виленского учебного округа. На этом поприще он прослужил более семнадцати лет, уделяя при этом основное внимание деятельности в крае учитель-

ских семинарий и народных училищ.

Работу на ниве народного просвещения в русско-православном духе Алексей Викторович Белецкий успешно сочетал с членством в культурно-просветительных и религиозно-благотворительных товариществах. Общественная работа была для него естественным и органическим продолжением всего того, что он делал по своей должности в учебном округе. Он являлся членом Виленского Исторического и Археологического обществ, Церковно-археологического комитета Свято-Духовского братства, общества Красного Креста, Виленского отдела общества ревнителей исторического просвещения в память Императора Александра III и др. Деятельное участие принимал А.В. Белецкий в устройстве в Вильно музея имени графа М.Н. Муравьева.

Немало потрудился Белецкий и для науки истории, развивая в ней применительно к Северо-Западному краю основные положения своего наставника М.О. Кояловича. К числу наиболее значимых работ А.В. Белецкого следует отнести: «Об иконах, распространяемых среди простого народа» (СПб., 1863); «Униатский вопрос с 1772 по 1827 годы» (СПб., 1889); «Вопрос об образовании евреев в царствование императора Николая I» (СПб., 1894); «Чем вызвано сооружение в Вильне в 1597 году православного храма во имя Святого Духа (к 300-летнему юбилею Виленского Свято-Духовского храма в Свято-Духовом монастыре» (Вильна, 1896); «Открытие музея графа М.Н. Муравьева» (Вильна, 1901); «Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский» (Вильна, 1903); «Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России» (памяти князя А.П. Ширинского-Шахматова)» (Вильна, 1904); «Забота императрицы Екатерины II о распространении образования в Полоцкой и Могилевской губерниях (исторический очерк)» (Вильна, 1905); «Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования, 1803 – 1832» (Отд. 3, Вильна, 1906) и др. [38].

Прекрасное знание состояния народного образования в крае в прошлом и настоящем, качественный подбор первоисточников, учет предшествующей историографии по исследуемым проблемам позволили Белецкому написать труды, вполне отвечающие духу его времени. Много ценного в них найдет и современный исследователь. Весьма активно сотрудничал Белецкий с периодическими изданиями края (губернскими и епархиальными ведомостями, листками местных православных братств). Он был редактором и автором ряда публикаций на страницах таких периодических изданий, как «Циркуляры по Виленскому учебному округу» и приложений к

ним: «Народное образование в Виленском учебном округе», «Материалы об организации школьного обучения на началах научной педагогики», «Памятная книжка Виленского учебного округа» и др.

Будучи членом Издательского комитета Виленского Свято-Духовского братства, Белецкий стоял у истоков «Вестника Виленского Православного Свято-Духовского Братства», являлся членом его редакции, вплоть до своей кончины. На страницах этого издания были опубликованы весьма важные для понимания научных и общественно-политических воззрений Белецкого материалы. К их числу следует отнести объемные статьи, вышедшие затем в виде брошюр: «Перемены в русском законодательстве о вере и церкви православной, последовавшие с 17 апреля 1905 г., с приложением свода действующих постановлений, ограждающих веру и православную церковь»; «Как папа римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России»; «Речь, произнесенная ревнителем русского исторического просвещения в память Императора Александра 26 февраля 1907 г.».

В упомянутой речи в весьма сжатой форме получила свое освещение та «огромная работа русского общества в крае, которая была проведена во второй половине XIX – начале XX веков по организации отпора на исторической почве тем кругам среди местных поляков и белорусов-католиков, которые не жалели усилить для проведения в сознание населения края идеи неотделимости Западного края от Царства Польского и неотъемлемых правах Польши на Западный край России». Организованный отпор таким устремлениям Белецкий связывал с деятельностью графа М.Н. Муравьева, который не только подавил польское восстание 1863 года в крае силой оружия, но и много сделал для противодействия такого рода притязаниям и на литературно-историческом поприще. В ряду таких мер оратор видел всестороннюю поддержку Муравьевым местных журналов («Вестник Западной России», «Виленский вестник»), организацию им в 1865 году экспедиции для изучения края в этнографическом, историческом и археологическом отношениях, послужившей основанием для написания многочисленных томов Археологических сборников. «Но особенно, – отмечал Белецкий, – заботила графа Муравьева мысль о правильной постановке преподавания местной истории в учебных заведениях края. История, надеялся граф, лучше всего может показать, что поляк – пришелец в Западной России, что край этот принадлежит русским и литовцам, что до 1596 года огромная часть населения исповедовала православную веру, что период времени, когда Западный край находился под властью Польши, был для русского населения края самым тяжелым

периодом во всей его истории». По инициативе М.Н. Муравьева был объявлен конкурс на составление такого учебника, а в числе лучших были названы сочинения по истории края Бантыш-Каменского и Беляева. Содействуя развитию исторического самосознания всего русского общества края, Муравьев, по мнению Белецкого, основную ставку делал на белорусов, уже изрядно при помощи поляков забывших о «своем родстве с великим русским народом».

В речи А.В. Белецкого была подвержена критике «примирительная политика» преемника М.Н. Муравьева – А.Л. Потапова. Новое обращение к традициям графа Муравьева в крае оратор связывал с периодом правления императора Александра III, когда к делу народного образования в крае было допущено православное духовенство, еще более активизировалась деятельность местных историков и краеведов Е.Р. Романова, А.П. Сапунова, Ф.Н. Добрянского, И.Я. Спрогиса, С.В. Шолковича и др. Положительно оценивая этот период для развития исторического самосознания белорусов, Белецкий предупреждал о грядущих общественных потрясениях, если местное русское общество позволит себе вновь расслабиться и отойти от муравьевских принципов управления краем. Говоря о том, что «разрозненность не есть органический порок нашего общества», оратор предлагал всем представителям его «объединиться под знаменем «Русского Крайнего Союза» – «союза беспартийного, национального». Ему были по душе строки воззвания данного Союза, опубликованные в этом же номере «Вестника Виленского Братства» (№ 2 от 15 марта 1907 года): «Люди православно-русские, очнитесь!.. Ведь, слава Господу, вы не крепостные у поляков, ведь свободному человеку нет запрета кричать о своих обидах. А такие обиды на каждом шагу наносятся на окраинах нашему дорогому русскому имени. Пора сознать, что все мы – белорусы, вместе с великорусами и малорусами составляем один великий русский народ и дружными усилиями сможем защитить родное православие и русскую народность» [39].

Подобными идеями и призывами были проникнуты и другие публичные выступления А.В. Белецкого как в печати, так и в непосредственном общении с местным населением. Все это не могло не раздражать так называемых либералов и прогрессистов, не жалевших усилий для того, чтобы запугать и дискредитировать деятельность человека, искренне уверовавшего в справедливость своей общественно-политической ориентации. Однако его нельзя было ничем запугать, ибо он уже не мог поступиться принципами, которыми была посвящена вся его сознательная жизнь.

Уход из жизни А.В. Белецкого до сих пор окутан тайной.

О причинах его смерти нигде публично не сообщалось. Некоторые догадки по этому поводу дают недавно обнаруженные строки из писем Белецкого к директору Гродненской мужской гимназии А.Ф. Пигулевскому, а также объяснительная записка последнего в Виленский учебный округ. Первый из названных документов, будучи посвященным историческому образованию учащихся в русском духе, датирован 22 января 1894 года. В нем, в частности, сообщалось: «Милостивый Государь Александр Фавстович! Случайно стало мне известно, что рекомендованная «Хрестоматия по истории Западной России», изданная преподавателем Виленской 1-й гимназии А.О. Турцевичем, очень мало известна ученикам вверенного Вам учебного заведения, так как в библиотеке существует чуть ли не один экземпляр ее. Вполне желалось бы, чтобы это прекрасное пособие для ознакомления учащихся с историей Западной России было им вполне доступно, а потому не излишним считаю обратить Ваше внимание на указанное явление. В целях ознакомления учеников с историей края было бы вполне необходимо иметь в библиотеке заведения несколько экземпляров этого издания. Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам свое почтение. А. Белецкий» [40].

Второй документ – объяснительная записка А.Ф. Пигулевского на имя попечителя Виленского учебного округа барона Б.Э. Вольфа от 10 августа 1907 года – был написан, судя по всему, незадолго до кончины Белецкого, а возможно, и сразу же после нее (полная дата смерти в некрологе не указывалась. – *В. Ч.*). Вот его содержание: «Глубокоуважаемый Борис Эдуардович! Несчастный случай с Алексеем Викторовичем Белецким произошел при следующих обстоятельствах. 6-го сего августа около 12-ти часов ночи Алексей Викторович возвращался пешком (погода была хорошая) от меня в свою квартиру в городском училище, где он остановился при приезде в Гродно из Слонима. В этот вечер Алексей Викторович изъявил желание познакомиться с некоторыми членами Гродненского Софийского братства, и у меня их собралось пять человек, моих добрых знакомых. Беседа наша затянулась почти до 12-ти часов, и после этого А.В. настоял на том, чтобы пешком отправиться домой. И вот когда он проходил по Полицейской лице (ныне улица Кирова. – *В. Ч.*), мимо квартиры кожевенного заводчика Найдуса, взорвалась фабричная бомба (вероятно, речь идет о петарде. – *В. Ч.*), положенная какими-то злоумышленниками к дверям этой квартиры. Взрыв этот оглушил А.В. и отбросил его с тротуара на улицу. Так как в это время рядом никого не было, то А.В., придя в себя, добрался до своей квартиры сам, без посторонней помощи, не чувствуя при этом никаких серьезных повреждений в своем организме. Но уже около

часа ночи у него начались сильные боли в спине, в правом боку и плече. Были приглашены врачи, а утром созван консилиум из трех врачей, которые сочли состояние больного чрезвычайно серьезным и внушающим тревожные опасения. Но на следующий день состояние потерпевшего стало постепенно улучшаться. Все это время больной находился на попечении лучших докторов г. Гродны. 8-го числа приехала из Вильны племянница Алексея Викторовича господжа Вишневская. Она постоянно находится при больном. Искренне преданный Вам А.Ф. Пигулевский» [41].

В объяснительном письме директора Гродненской гимназии А.Ф. Пигулевского, по своей форме и содержанию больше походящим на частное письмо, на наш взгляд, имеется больше вопросов, чем ответов по поводу случившегося в Гродно с А.В. Белецким. По версии автора письма, А.В. Белецкий не был жертвой покушения на него со стороны злоумышленников, а явился лишь случайным прохожим, пострадавшим от козней недоброжелателей заводчика Найдуса. Напрашиваются вопросы: почему столь мощный взрыв у дверей квартиры не вызвал никакой реакции у ее жильцов; почему дело на Полицейской улице не вызвало никакого участия в нем со стороны полиции; почему обошли молчанием это событие «Гродненские губернские ведомости» с ее обширной рубрикой «Происшествия»? Круг вопросов можно расширять, но одно ясно: последствия гродненского взрыва оказались трагическими для А.В. Белецкого – человека, жившего заботами и переживаниями за судьбу родного ему края.

1. 7. ИЗ РОДА ОЖЕШКО

Не первый раз я обращаюсь к тому, что связано с именем Элизы Ожешко. При этом чаще всего побудительным мотивом является обнаружение нового архивного документа, так или иначе расширяющего представление о теме. Нередко обнаруживаются детали ранее известного и упомянутого в общем контексте исследования. Так было и в данном случае. Еще в кандидатской диссертации «Революционные связи Белоруссии и Польши в 70 – 80-х годах XIX века» мною упоминалось имя Флориана (Флорентина) Ожешко (Оржешко), родственника писательницы по линии мужа, ссыльного поселенца 1863 года, врача Томской тюремной больницы, оказавшего в 1880 – 1881 годах значительную помощь местному отделению «Западнорусское общество «Самопомощь» – нелегальной организации социалистического толка – по поддержке лекарствами и ме-

дицинским обслуживанием тех революционеров – уроженцев Польши, Литвы и Белоруссии, кто не по своей воле оказался в Сибири [42]. С той поры прошло почти тридцать лет. И вот очередная находка, обогатившая нас новым знанием о Флориане Ожешко и других членах этого большого семейства. Появление этого документа относится к тому времени, когда западнобелорусские земли оказались в составе II Речи Посполитой.

15 марта 1923 года в дирекцию госархива «земли гродненской» обратился с заявлением лекарь Бронислав Ожешко, проживавший в Красностоке Сокольского повета при местном госпитале. В своем заявлении он просил о представлении ему «как можно более точных данных о владениях, которыми владел в прошлом его отец Флорентин Ожешко, происходивший из кобринской шляхты и высланный в 1863 году в Сибирь как повстанец». Данные сведения Брониславу Ожешко были необходимы для выяснения дела об имуществе отца, умершего в 1905 году в Томске. Он сообщал: «Мне также известно, что во время восстания 1863 года мой отец находился в отряде Траугутта. Деда моего звали Феликс, а двоих братьев моего отца – Петром и Брониславом. Среди имений, которыми владели члены нашего рода, могу назвать Овзичи и Людвиново. Прилагаю к данному заявлению копию аттестата моего отца и справки о назначении ему пенсии. Последний документ представляет собой копию, заверенную 15 ноября 1921 года народным судьей г. Томска (он же заведующий нотариальной конторой), свидетельствующую о том, что «предписанием департамента государственного казначейства от 9 августа 1895 года за № 15547 коллежскому советнику Флорентину Ожешко была назначена пенсия за счет сумм государственного казначейства из оклада 588 руб. в год с 12 декабря 1894 г.». Эта копия была сделана с подлинника, представленного в нотариат гражданкой Марией Иосифовной Ожешко (вероятнее всего, первой женой Флорентина. – *В. Ч.*), проживавшей в г. Томске по ул. Розы Люксембург в д. 38. Вот ее текст.

«АТТЕСТАТ.

Предъявитель сего старший врач больницы Томской центральной пересыльной тюрьмы, коллежский советник Флорентин Ожешко, 55 лет от роду, вероисповедания римско-католического, имеет ордена: св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й и 2-й степеней, получает жалованье 1200 рублей в год. Происходит из дворян Гродненской губернии. Имения родового и благоприобретенного не имеет. Жена же имеет благоприобретенные: деревянный дом в Томске. По окончании курса наук в Императорской С.-Петербургской медико-хирургической академии был удостоен 26 июня 1861 года степени лекаря. Был под судом, не состоя на службе, за

имение у себя стихов возмутительного содержания и в бытность в шайке мятежников и по конфирмации военного губернатора г. Гродна лишен всех особых прав лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а затем сослан на жительство в Томскую губернию. Вследствие поданного им прошения и ходатайства Томского губернатора по Высочайшему повелению, объявленному на отношении министра внутренних дел от 24 сентября 1871 года за № 7811 к генерал-губернатору Западной Сибири, ему было разрешено поступить на государственную службу по медицинской части в Томской губернии с ограничениями, изъясненными в ст. 104 Уст. Врач. XIII ст. Свода законов изд. 1857 года, о чем Томским губернатором дано было узнать врачебной управе Томских тюремных больниц с 9 августа 1872 года, а его Преосвященством Епископом Томским и Семипалатинским утвержден в должности врача больницы Томской духовной семинарии с 24 января 1873 года. Вследствие просьбы, поданной им великому князю Алексею Александровичу во время проезда его по Западной Сибири, а также ходатайства местного начальства он был освобожден от прежних ограничений по службе, включая и возможности получения наград и других преимуществ, кроме знака отличия беспорочной службы и ордена Св. Владимира за выслугу лет.

С 7 августа 1880 года Флорентин Ожешко – врач Томского духовного училища. Кроме орденов, получал в награду денежные суммы в размере 1000 руб. С 14 августа 1890 года Ожешко Старший – врач Томской центральной ссыльной тюрьмы. С 1892 года он – надворный советник. 18 августа 1895 года тюремному врачу Ожешко была назначена «усиленная пенсия в размере 600 руб. в год». В походах против неприятеля и в сражениях не был. Никаким взысканиям по службе не подвергался. Из отпусков являлся вовремя, даже ранее срока. В отставке не был. Женат вторичным браком на девице Люции Доминиковне Поцолоевской. Имеет детей: от первого брака Владислава, родившегося 30 марта 1868 года, Бронислава, родившегося 7 ноября 1870 года, а также от второго брака – Доминика, родившегося 27 декабря 1878 года, Викентия, родившегося 9 июня 1878 года, и дочь Антонину, родившуюся 13 июня 1879 года. Жена и дети Ожешко вероисповедания римско-католического.

Сей аттестат дан за надлежащими подписями и печатями на свободное проживание во всех городах и селениях Российской империи. Томск, 2 октября 1896 г.» [43].

Был ли дан директором госархива в Гродно соответствующий ответ Брониславу Ожешко, нам не известно. Во всяком случае, среди документов данного дела его обнаружить не удалось.

Интересные сведения об участии Флориана Ожешко имеются в документальном сборнике «Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863 – 1864 гг.» (Брест, 2006. – С. 241 – 242), а конкретно в показаниях сдавшегося властям повстанца Людгарда Беркусевича: «В апреле месяце нынешнего 1863 года в моей избе оставились проездом доктор Флориан Ожешко и двое незнакомых мне людей, которые стали уговаривать меня идти в мятеж, говоря,

что придут французы и англичане и здесь будет Польша, грозя в противном случае меня повесить, и что дети мои будут несчастны. Наконец, положили передо мной небольшой крест и заставили присягнуть, что я пойду за ними. На другой день я прибыл в назначенный пункт, где застал Флориана и Петра Ожешко, Чернецких отца и сына, мальчика, бывшего при поваре Ожешки по имени Лукаш, и других людей, всего 16 человек, при них 4 воза по паре лошадей. Около д. Брюшевицкая к нам присоединились еще 14 человек. По присоединении их нам выдали ружья, вынутые из возов, с нами ехавших. Мне выдал ружье Флорентин Ожешко. Вскоре начальником нашей шайки стал Траугут, объявивший, что мы будем драться против русских войск. После перестрелки с русскими 9 мая мы возвратились в лагерь, привезя с собой 4-х убитых и 3-х раненых; убитых похоронили около лагеря, а раненых перевязывали доктора Домановский, Павловский и Ожешко. После нашего разгрома помещик Бронислав Ожешко в имении Овзичи давал нам приют... Между Ожешками и Траугутом были дружеские отношения...».

1.8. ОТ ОБЩЕСТВА ВЕЛОСИПЕДИСТОВ К ШИРОКОМУ ФИЗКУЛЬТУРНОМУ ДВИЖЕНИЮ

Привычный нашему глазу двухколесный велосипед, что в буквальном переводе с французского означает «быстрые ноги», стал завоевывать весь мир в конце XIX века. Тогда же началось и промышленное производство новейших средств передвижения, а вскоре, как грибы после дождя, стали возникать по всей Европе и объединения любителей велосипеда. Не обошла эта мода и губернский город Гродно. 18 декабря 1893 года группа городских жителей выразила свое отношение к ней в письме к гродненскому губернатору Д.Н. Батюшкову. В нем, в частности, говорилось: «Благодаря последним усовершенствованиям техники езда на велосипеде потеряла теперь, в особенности в Англии и Америке, характер гигиенической забавы и превратилась в удобный по своей быстроте и дешевизне способ передвижения. Составляя там достояние почти каждого жителя, как мужчины, так и женщины, велосипед вошел даже в обиход простолюдина. Насколько езда на велосипеде получила широкое распространение, видно из того, что ежегодно в мире изготавливается более миллиона велосипедов, и заводы не успевают выполнять требования заказчиков.

В Гродненской губернии в последнее время также стал развиваться этот полезный спорт, и уже имеется немало лиц, изучивших

велосипедную езду, а еще более желающих пользоваться велосипедами. Но развитие этого дела затрудняется следующими условиями: нет общедоступного велосипеда, на котором бы можно было под руководством опытного лица обучаться езде; всякий новичок при приобретении велосипеда и починке его часто затрачивает значительную сумму на вещь совершенно непригодную. Независимо от сего, лица без надлежащего контроля за своей ездой могут позволять себе неосторожность в езде, из-за которой, как показал опыт многих городов, могут последовать запреты надлежащею властью езды на велосипеде в городе, чем будет сдержано развитие столь полезного спорта.

Ввиду вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся, желая учредить в г. Гродне общество велосипедистов с целью распространения и упорядочения езды на велосипеде, покорнейше просим Ваших ходатайств об утверждении прилагаемого при сем устава».

Данное письмо-ходатайство подписали: управляющий казенной палатой И.А. Рыхлевский, член губернского распорядительного комитета Н.А. Архипов, секретарь казенной палаты А.А. Сорогожский, контролер Гродненского отделения госбанка Н. Лосский, начальник Гродненской инженерной дистанции, полковник И.Н. Кайгородов, полицмейстер Г.Н. Гордынский, правитель губернской канцелярии И.И. Яновский, советник губернского правления К.А. Вестингаузен, податный инспектор Ф.К. Вульферт, секретарь губернского по городским делам присутствия А.Н. Юган, член губернского по воинским делам присутствия М.П. Жилеев, старший врач Гродненской окружной лечебницы Н.Д. Беклемишев, командир 102-го Вятского полка А.А. Ларионов, командир 103-го Петрозаводского полка Л.М. Байков, жандармский полковник Малыхин, старший лесной ревизор Я.Ф. Михайлов. Последней под данным прошением недвусмысленно стояла подпись начальника отделения казенной палаты Д.Д. Батюшкова – губернаторского сына. Однако несмотря на столь убедительное и представительное прошение, общество велосипедистов в Гродно открыто не было, хотя устав общества со стороны губернатора не вызвал никаких замечаний. Согласно ему, «главная цель общества заключалась в сближении любителей велосипедной езды, ее усовершенствовании и распространении как приятного, практически полезного для здоровья способа передвижения». Для достижения этой цели общество намеревалось проводить собрания, экскурсии и состязания, а для увеличения средств «устраивались вечера, концерты и другие увеселения». Судя по документам, скорее всего, благородный порыв гродненцев был сдержан виленским генерал-губернатором, не пожелавшим в силу

каких-то своих личных причин проявить должную настойчивость перед Министерством внутренних дел.

Вторая попытка основать в городе общество велосипедистов была предпринята в январе 1898 года девятью энергичными гродненскими чиновниками во главе с Н.А. Добровольским и И.А. Рыхлевским. В феврале уже новый главный начальник края, основываясь на представлении губернатора, вошел в сношение с Министерством внутренних дел, которое 20 ноября того же года и утвердило устав гродненского общества. В новой редакции устава гродненские поклонники велосипеда брались, кроме всего прочего, и за «устройство мастерской для сборки и починки велосипедов». Предусматривался также и значок для членов общества, который вначале предполагалось размещать на их головных уборах, а затем – на груди. Проект значка общества, сохранившийся в архивных материалах, представлял собой светлого цвета стилизованный щит с изображением велосипеда, сверху была расположена дата основания общества – 1898 год, вверху – буква «Г», а внизу – «ОВ», что означало «Гродненское общество велосипедистов». 4 апреля 1900 года общество из-за трудностей в изготовлении данного значка, требующих значительных затрат, утвердило новый его образец, который и был утвержден губернатором 17 апреля 1900 года. Новый значок имел форму круга и был бирюзового цвета, по окружности его имелась надпись «Гродненское общество велосипедистов», внизу находилась дата – 1899 год (вероятно, дата реального начала его деятельности. – В.Ч.), а в центре – покрытый красной эмалью щит, в середине которого размещался зубр золотистого цвета.

15 марта 1908 года общее собрание членов «Гродненского общества велосипедистов» в связи с тем, что «рамки деятельности общества расширились за счет устройства разных спортивных и подвижных игр», постановило переименовать общество велосипедистов в «Гродненское общество содействия физическому развитию» на базе утвержденного в 1898 году устава.

В указанное время председателем правления общества являлся историк и видный общественный деятель, директор Гродненской мужской гимназии И.А. Глебов. После отчета общества по приходу и расходу сумм за 1908 год и представления нового устава 4 апреля 1909 года в городе было утверждено «Гродненское общество физического развития». Отчет за 1910 год свидетельствует о широком развитии в учебных заведениях города (мужской гимназии, реальном училище, частной гимназии и среди чиновников городской управы) не только велосипедного спорта, но и легкой атлетики, плавания, футбола, лаун-тенниса, крокета, кегель-бана, катания на конь-

ках и лыжах. При обществе осуществлялся за небольшую плату прокат велосипедов, коньков и лыж и другого спортивного инвентаря. Здесь же имелись разнообразные спортивные площадки, каток; арендовались крытые помещения, яхт-клуб и так называемый «плац». Расходы общества в 1910 году составляли около 2 тыс. рублей [44].

Известно, что весной 1914 года Гродненское отделение «Императорского Российского общества спасения на водах» обращалось в городскую управу с просьбой о выделении для нужд общества участка земли («на левом берегу Немана под горой, где стояла паромная будка») для устройства спасательной станции в связи с организацией в Гродно школы плавания. 15 апреля того же года такое решение управой было принято. Начались работы по возведению необходимых сооружений, но довести их до конца помешала война. Несколько ранее, 23 ноября 1913 года, председатель правления «Гродненского общества физического развития» И.А. Глебов из-за непомерного увеличения князем Друцким-Любецким арендной платы за пользование треком для подвижных игр обратился к городским властям с просьбой о выделении спортивному обществу для устройства площадки для подвижных игр «пустопорожной земли до 2000 квадратных сажень, например, на Скидельской заставе, где была карусель». Обосновывая свое обращение, И.А. Глебов писал: «Такая площадка даст возможность молодежи проводить в кругу друзей все свободное время на чистом воздухе, будет отвлекать их от бездельного шатания по улицам, разовьет их физически, даст полезное развитие и отдых от умственного труда». Для изучения данного вопроса была создана специальная комиссия в составе Г.К. Рейнгарда, И.М. Левандовской, С.Ю. Хазана и А.И. Глебова, которая сочла более выгодным для общества земельный участок в другом месте – «за Грандичской улицей, на территории, принадлежащей еврейскому кладбищу», тогда же были выделены и необходимые средства для строительства столь необходимого городу сооружения [45].

Рост числа любителей быстрой езды вынуждал городские власти переходить от восхищения новой модой к строгим запретам, что потребовало разработки для велосипедистов правил дорожного движения. Первым их вариантом стали предписания гродненского полицмейстера Гордынского от 21 мая 1899 года, суть которых состояла в следующем: «Езда на велосипедах разрешается в любую пору года по всем улицам, как и по дорогам для конной езды; управлять велосипедом может особа, достигшая 17 лет, при условии сдачи при обществе велосипедистов экзамена, состоящего в

демонстрации умения быстрой посадки на велосипед и такого же соскакивания с него; а также умения делать повороты; во время езды каждый велосипедист обязан иметь разрешение на управление велосипедом, регистрационный номер, звонок, а с наступлением темноты – зажженный фонарь; при езде надлежит придерживаться правой стороны, а скорость движения не должна превышать границ, определенных для обычной дорожной езды; при встрече похоронной процессии, марширующих солдат и т.п., а также по требованию полиции надлежит незамедлительно остановиться».

В последующие годы предписания полиции стали касаться и других прав и обязанностей велосипедистов. В фондах Национального исторического архива Республики Беларусь в Гродно хранятся документы, отражающие взаимоотношения городских властей и местных поклонников новомодного транспорта. Весьма характерным в этом плане следует признать объявление от 22 марта 1913 года: «Гродненская городская управа сим объявляет, что установленные обязательным постановлением Городской думы, изданным 5 июля 1900 года, номера для велосипедов на текущий 1913 год заготовлены Управою, где и должны быть приобретаемы велосипедистами. Означенные номера должны прикрепляться к велосипеду на видном месте, но отнюдь не на колесах. Член Управы А. Восинский. Делопроизводитель Саванчук».

В мае того же года городская дума обратилась к гродненскому полицмейстеру с просьбой «не допускать владельцев велосипедов ездить по городу без номеров, а также обязать лиц, содержащих велосипеды на прокат, снабдить каждый велосипед номером». Следует заметить, что в начале века в Гродно имелось три пункта проката велосипедов: на складе Гониозского по Ивановской улице, при магазине «Проводник», улица Муравьевская, дом 3, что у Михайловского моста, и при здании архива Гродненского губернского правления.

До начала Первой мировой войны в Гродно было несколько спортивных сооружений и площадок, включая и велосипедный трек неподалеку от нынешнего городского стадиона. Здесь ежегодно проводились соревнования велосипедистов, причем как наперегонки, так и по фигурному вождению «железного друга». Широко практиковались велосипедные экскурсии по историческим местам, а также велопробеги Гродно – Скидель, Гродно – Индура, Гродно – Друскининкай, Гродно – Озеры и другие. Интерес к быстрой езде и в целом к физической культуре оставался у гродненцев неизменным и в последующие годы [46].

ГЛАВА 2

МИР ГУБЕРНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

2.1. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ О ЧИНОВНИЧЕСТВЕ

Интерес к миру чиновничества зародился у меня еще со школьной скамьи благодаря знакомству с русской художественной классикой. Разноплановые (от комического до трагического) образы служителей огромной государственной машины стали объектом проникновенного описания их в произведениях Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Куприна... Под их талантливим пером получили глубокое освещение не только социальные, но и глубоко личные аспекты жизни рыцарей пера и чернил, и это в полной мере касалось не только придворных чинов, но и мелких служителей губернско-уездного уровня. Думая об этой теме, я неизменно обращался к словам некогда популярного романа – «он был титулярный советник, она генеральская дочь...», к образам Чичикова, Акакия Акакиевича, к вызывающему искреннюю жалость и сочувствие Желткову... А сколько размышлений и всевозможных ассоциаций вызывали титулы на надгробьях упокоившихся чиновников на старом городском кладбище: коллежский асессор, надворный советник, статский советник и т.д. ... Одним словом, тема чиновничества присутствовала в моих представлениях о прошлом практически всегда.

С научно-исторической точки зрения острая потребность в изучении темы через призму взаимоотношений самодержавия, бюрократии и государственных учреждений возникла у меня на рубеже 80 – 90-х годов минувшего столетия, когда публично подвергались критическому осмыслению составляющие так называемой АБС (административно-бюрократической системы) советской государственности. С распадом СССР стали в той или иной форме возникать аналогии в отношении дореволюционной и советской систем управления, их природы, сущности и значимости. Немалую роль сыграло и желание докопаться до истины. Известно, что к изучению чиновничества советская историческая наука априори подходила с негативных позиций, с рассмотрения его прежде всего как составной части ненавистного самодержавного строя. В это не верилось и искренне хотелось, возможно, в пику этому увидеть и то, что служило в чиновничьей службе во благо отечества. Данная потребность привела меня к исследованию темы «П.А. Столыпин – гродненс-

кий губернатор». Параллельно подвергалась анализу и осмыслению роль гродненского чиновничьего окружения в формировании будущего великого реформатора России. Все, что мне удалось в этом направлении сделать, нашло свое выражение в моих книгах: «Гродненский Православный Некрополь» (Гродно, 2001), «...Не потерять связующую нить. История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах» (Гродно, 2003).

Привлекал к исследованию темы гродненского чиновничества и студентов. Один из них, Павел Попелушко, думаю, не раз в ту пору поминал меня недобрым словом за «страшно сложную и совсем неразработанную» в науке тему. Однако дипломную работу он, хотя и со скрипом, но все-таки сделал, придя к весьма интересным выводам о социальных, вероисповедальных, возрастных, образовательных и других составляющих коллективного портрета гродненских чиновников конца XIX – начала XX столетий. К сожалению, трудоемкость темы, нехватка времени для ее глубокого осмысления не позволили студенту сделать работу более конструктивной, логически продуманной и предметной. После прочтения ее у меня долгое время на душе оставался осадок: «Эх, Паша, Паша, как жаль, что интерес к теме у тебя проснулся по-настоящему лишь на последнем курсе...», вслух и мысленно высказывая при этом пожелание о необходимости более дифференцированного рассмотрения всех категорий губернского чиновничества разных ведомств, показа их влияния на улучшение или ухудшение работы губернского правления, всего государственного механизма. За рамками исследования оставались, пускай даже и схематичные, портреты вице-губернаторов, предводителей дворянства, полицейских и других чиновников.

После защиты П.П. Попелушко дипломной работы я не решился давать студентам столь сложную тему, рассчитывая на обращение к ней со временем самому, естественно, в более предметной и глобальной расстановке. Частично это мне удалось применительно лишь к локальной теме, получившей свое рассмотрение в книге «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности» (Гродно, 2006 г.). Уводила от истории чиновничества и неожиданно приоткрывала новые аспекты данной темы и моя работа над проблемами Православия на Гродненщине, развитием здесь так называемого толстовства. И тем не менее мир чиновничества продолжал меня увлекать. За последние два года «перелопачено» громадное количество документов на эту тему, в ходе чего наметилось значительное количество проблем. Они увлекают, открывая новые научные перспективы. В данной книге

помещено несколько разрозненных очерков, имеющих отношение к кругу интересующих меня вопросов. Предварить же их хотелось общим анализом российской системы государственного управления в конце XIX – начале XX веков, а также такого же рода характеристикой чиновничества и чиновников империи.

К концу XIX в. самодержавие, как казалось, стояло на прочных и нерушимых позициях. Все высшие функции власти (законодательной, исполнительной и судебной) сосредоточивались в руках императора, но реализация каждой из них осуществлялась через систему государственных институтов.

Высшим законодательным органом, как и раньше, являлся Государственный совет, наделенный законосовещательными правами. Он состоял из лиц, назначенных царем, и министров. В большинстве своем это были известные царедворцы и сановники, многие из которых были в весьма преклонных годах, что позволяло фрондирующей публике в салонах именовать их не иначе как «госсоветовские старцы». Законодательной инициативы Государственный совет не имел. Его компетенция состояла лишь в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и при его согласии, разработанные в соответствующих министерствах.

В некоторых случаях, когда тот или иной вопрос затрагивал интересы нескольких ведомств, учреждались по монаршей воле специальные межведомственные комиссии, заключения которых рассматривались отдельными департаментами, а затем обсуждались на общем заседании Государственного совета. Решения этого бюрократического синклита передавались императору, который мог поддержать мнение и большинства, и меньшинства (если при голосовании обнаруживались различные точки зрения). Проект обретал силу закона лишь после утверждения императором, вступал в действие после опубликования и обратной силы не имел.

Главным органом административной власти являлся Комитет министров. Его возглавлял председатель, функции которого были весьма ограничены. В состав Комитета министров входили не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министров. Это не был консолидированный орган управления, координирующий деятельность отдельных ведомств. Комитет являлся собранием административно независимых друг от друга сановников. Каждый министр имел право прямого доклада императору и руководствовался его указаниями и распоряжениями.

К началу XX в. действовало 15 министерств и равнозначных им государственных установлений: Министерство иностранных дел и внут-

ренных дел, военное, морское, юстиции, финансов, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения, а также Министерство Императорского двора, Главное управление Государственного коннозаводства, Государственный контроль, Собственная Его Величества Канцелярия, Собственная Его Величества Канцелярия по учреждениям Императрицы Марии, Собственная Его Величества канцелярия по принятию прошений на Высочайшее имя.

Министр назначался исключительно монархом, имел от одного до трех заместителей («товарищей») и особый совет министра. Наиболее обширную компетенцию имели два Министерства: внутренних дел и финансов.

Первое занималось поддержанием внутреннего порядка в Империи, осуществляло цензуру, ведало общей статистикой, почтой и телеграфом, сословными учреждениями и земским самоуправлением, ветеринарным и медицинским делом, народным продовольствием и общественным призрением, делами исповеданий (кроме православного).

В ведении Министерства финансов находились дела финансов, торговли и промышленности, прямые и косвенные налоги, таможенные сборы, винная монополия, вся кредитная часть, торговое мореплавание, железнодорожная тарифная политика. В 1892 – 1903 гг. это ведомство возглавлял С.Ю. Витте.

Император считался главой суда и судебного управления, весь суд осуществлялся от его имени. На конкретное судопроизводство компетенция монарха фактически не распространялась: ему принадлежала роль высшего и последнего арбитра. Надзор за судом и администрацией монарх осуществлял через Правительствующий сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти надлежащим образом исполнялись на местах, и разрешавший жалобы на действия и распоряжения всех властей и лиц до министров включительно.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. Существовали административные единицы, включавшие несколько губерний, – генерал-губернаторства, обычно учреждаемые на окраинах. Глава губернии (губернатор) назначался царем по представлению министра внутренних дел.

В состав Российской империи с 1809 г. входила и Финляндия («Великое княжество Финляндское»), главой которой являлся император и которая имела широкую внутреннюю автономию: собственное правительство (Сенат), таможенную полицию, денежную единицу.

На правах вассальных образований в состав России входили и два среднеазиатских государства: Бухарское ханство (эмират) и Хивинское ханство. Они находились в полной политической зависимости от России, однако во внутренних делах их правители име-

ли автономные права.

Власть губернатора была обширна и распространялась почти на все области жизни губернии. Аппарат управления при губернаторе включал губернское правление и губернские учреждения («присутствия») по отраслям управления: по земским и городским, крестьянским, судебным, воинским и питейным делам, по подъездным путям). Губернскому присутствию подчинялись налоговая служба (казенные палаты), статистические комитеты и фабричные инспекторы. Народное образование и здравоохранение входили в систему центрального государственного управления.

Города имели самоуправление в виде городских дум и управ. На них были возложены административно-хозяйственные задачи: транспорт, освещение, отопление, канализация, водопровод, благоустройство мостовых, тротуаров, набережных и мостов, а также заведование учебными и благотворительными делами, как и делами местной торговли, промышленности и кредита.

Право принимать участие в городских выборах обуславливалось имущественным цензом. Его имели лишь те, кто владел в данном городе недвижимостью определенной стоимости (в крупных центрах не менее 3000 руб., в небольших городах этот порог был значительно ниже).

Четыре города (Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь-Еникале) были выведены из состава губерний и управлялись градоначальниками, непосредственно подчиненными центральной власти.

Губернии делились на уезды, а области – на округа. Уезд являлся низшей общедминистративной единицей, и дальнейшее деление имело уже специальное назначение: волость – для крестьянского самоуправления, участки земских начальников, участки судебных следователей и т.д.

К концу XIX в. земское самоуправление было введено в 34 губерниях Европейской России, а в остальных районах делами ведали правительственные органы. Земские органы управляли главным образом хозяйственными делами: строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных заведений; статистикой, кустарной промышленностью, организацией поземельного кредита. Для выполнения своих задач земства имели право устанавливать особые земские сборы.

Земское управление состояло из губернских и уездных земских собраний и исполнительных органов – губернских и уездных земских управ, имевших свои постоянные канцелярии и отделы.

Выборы в земства проводились один раз в три года по трем избирательным съездам: землевладельцев, горожан и крестьян. Уездные земские собрания выбирали своих представителей в состав

губернского земского собрания, которое и формировало губернскую земскую управу. Во главе уездных и губернских земских управ стояли выборные председатели. Они не только руководили деятельностью этих учреждений, но и представляли земства в государственных органах управления (губернских присутствиях).

Существовавшие в России жесткая вертикальная иерархия и строгая социальная регламентация требовали наличия значительного административного аппарата, способного осуществлять исполнительные и контролирующие функции. Либеральные оппоненты царского режима постоянно говорили о «засилье бюрократии», препятствовавшей «свободному развитию творческих сил народа». Консервативные же критики сетовали на «средостение» (народе) из «служилого люда», образовавшееся якобы в государстве после петровских реформ и «отдалившее царя от народа».

Чиновничество являлось важным элементом монархической авторитарной системы. Велика была его роль и в повседневной жизни людей. Существовавшая разрешительная процедура практически на все виды общественных занятий порой придавала разрешениям вид концессионного права. В силу этого власть чиновника могла приобретать (особенно в провинции) деспотический характер.

Однако со второй половины XIX в. она таковой по сути уже не являлась. Подданные царя имели право обжаловать решения учреждений и конкретных должностных лиц в других инстанциях, вплоть до Сената, и подавать жалобы «на Высочайшее Имя». Конечно, подобные «мытарства по инстанциям» требовали сил, времени, а нередко и значительных расходов; куда проще было «иметь добрые отношения» с «господами двадцатого числа» (так нередко именовали государственных служащих, большинство которых получало жалованье в двадцатый день месяца).

Власть чиновника открывала ему большие возможности для личного обогащения. Естественно, что пользовались этим немногие, но коррупция («подношения», «подарки», «услуги»), если не являлась вещью обыденной, то, во всяком случае, «имела распространение». Ничего уникального в этом отношении Россия не представляла, и хотя скандалы, связанные с взятками должностных лиц, случались, но грандиозных масштабов они никогда не достигали.

В отличие от распространенных представлений, количество чиновников в России не было столь велико, как принято считать. Согласно официальным данным, на государственной службе в 1900 г. состояло 159 476 лиц (через десять лет их количество возросло до 193 015). Если соотнести число жителей империи по переписи 1897 года (129 млн. человек) с количеством госслужащих за тот же год

(146 017), то один чиновник приходится более чем на 800 жителей.

В начале века по количеству чиновников Россия «почетно уступала» другим мировым державам. В Германии число чиновников составляло 714 860 человек (население 56,4 млн. человек), Великобритания – 505 530 (42,5 млн.), Франции – 700 000 (39 млн.), США – 864 740 (76 млн.). Поэтому расхожий вывод о том, что «ни в одной стране не было такого множества чиновников, как в России», является исторически недостоверным.

Понятия «чиновник» и «госслужащий» в условиях России не совпадали, и число вторых было больше числа первых. К разряду «госслужащих» относились все, кто «кормился от казны», в то время как собственно к чиновничеству принадлежали лишь те, кто имел чин по «Табели о рангах».

Писарь в губернском правлении, делопроизводитель в земской управе, посыльный в министерстве и другие категории мелких служащих к чиновничеству как таковому, как правило, не принадлежали, хотя и они «состояли на коронной службе». Не входили сюда и военные чины. С учетом отмеченных обстоятельств указанную выше цифру (159 476 чел.) следует увеличить, по крайней мере, вдвое, лишь тогда можно получить действительное представление о численном контингенте «госслужащих» в царской империи. В научной и публицистической литературе принято считать, что в начале XX в. в России насчитывалось более 400 тыс. чиновников. Однако даже при таких «свободных корреляциях» по числу «государственных людей» Россия явно уступала другим странам.

В России, в отличие от ряда западных стран, понятие «государственный служащий» включало не только собственно лиц, назначавшихся на посты государством и получавших содержание из казны. Как писал министр финансов С.Ю. Витте, «изящные искусства, литература, наука, прикладные знания, промышленность, торговля, сельское хозяйство, общественное управление, благотворительность – все это у нас в России состоит на государственной службе, если не целиком, то, во всяком случае, в значительной своей части». Подобная констатация не являлась преувеличением.

Вся социальная деятельность была включена в систему чиновничества. На многие должности в городских и земских управлениях, в благотворительных ассоциациях и даже на некоторые посты в акционерных компаниях (с участием государства) распространялась система чиновничества.

Скажем, крупный предприниматель всю жизнь мог провести на должности члена наблюдательного совета какого-нибудь общественного «попечения о бедных», но и он считался «чиновником» и

регулярно «по выслуге лет» получал очередной классный чин.

Профессора университетов, члены Петербургской академии наук, ведущие актеры императорских театров и некоторые другие лица творческих профессий тоже формально относились к чиновничеству, хотя никаких управленческих функций не исполняли. Закон не устанавливал четкого разграничения категорий «чиновник» и «государственный служащий».

Известный русский правовед М.Н. Коркунов считал, что под «государственной службой» следует понимать «особое публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную к осуществлению определенной задачи государственной деятельности».

При всей формальной логичности данной дефиниции она не может стать отправным ориентиром для структурной бифуркации служащих на чиновников и всех прочих. Понятие «служба государству» и по закону, и по сути было столь обширным и емким, что определить, где заканчивались общие интересы и начинались частные, в реальности нередко чрезвычайно трудно. В этом смысле крылатая фраза М.Е. Салтыкова-Щедрина «Россия – страна казенная» не выглядит лишь сатирической гиперболой.

Принадлежность «к чиновному званию» определялась и регулировалась государственным законом («Табель о рангах»), принятом еще при Петре I в 1722 г. и установившем порядок прохождения службы. В XVIII и XIX вв. эти законы дополнялись и видоизменялись, но основополагающие принципы петровского закона оставались в силе.

Все должности в госаппарате были разбиты на три разряда – военные, гражданские, придворные, каждый из которых подразделялся на 14 классов чинов (рангов). Все должности (классы) в управлении связывались с определенным чином. Различались чины мундирами и особыми знаками отличия. Чину соответствовало и общее титулование: «Ваше высокоблагородие» (для I – II классов), «Ваше превосходительство» (III – IV), «Ваше высочородие» (VIII), «Ваше высокоблагородие» (IX – XIV).

«Табель о рангах» должна была упорядочить организацию госаппарата и ввести строгую системность и постепенность в движении чиновника по служебной лестнице. Право на чин (должность) напрямую теперь зависело не от знатности рода, а от выслуги лет («старшинства чина»), благодаря которой происходил перевод из чина в чин. Эти же преимущества давали и награждения орденами, каждый из которых соотносился с определенным чиновным звани-

ем и соответствующим титулом.

К началу XX в. градация гражданских чинов выглядела следующим образом: канцлер, действительный тайный советник I класса (I класс), действительный тайный советник (II класс), тайный советник (III), действительный статский советник (IV), коллежский асессор (VIII), титулярный советник (IX), коллежский секретарь (XIII), коллежский регистратор (XIV), служащий получивший чин IV класса (действительный статский советник), имел право на получение потомственного дворянства (если ранее к высшему сословию не принадлежал).

Гражданские чины напрямую соотносились с военными и придворными чинами. Так, звание канцлера соответствовало чину генерала-фельдмаршала в армии, генерал-адмирала на флоте (придворных званий первого класса не существовало); действительный тайный советник – генерал-лейтенанту в армии, адмиралу на флоте и обер-камергеру, обер-гофмаршалу, обер-шталмейстеру, обер-шенку и обер-егермейстеру при дворе и т.д. Сроки выслуги лет в каждом чине были различны, и согласно закону 1906 года они составляли: для XIV – IX классов – 3 года, для VIII – VI – 4, для V – 5 и для IV – 10 лет. Чтобы получить чин IV класса – действительного статского советника («статского генерала», соответствующего званию генерал-майора в армии), надо было прослужить около 20 лет.

Производство в чины первых трех классов законодательством не регламентировалось и всецело зависело от усмотрения императора. Аналогичный порядок существовал и для военной службы, хотя там в некоторых классах требовалось прослужить большее количество лет.

Получение чина соответствовало определенной должности, и в штатных расписаниях всех ведомств указывалось, какому чину принадлежит та или иная должность. Обычно должность министра соответствовала II классу, товарища министра – III классу, директора департамента, губернатора и градоначальника – IV классу, вице-директора департамента и вице-губернатора – V классу, делопроизводителя в центральных учреждениях – VI, а столоначальника – VII классу. Монаршей волей на должности могли назначаться и люди, не имевшие соответствующего чина.

Жесткой связи между чином и должностью в обычной жизни не существовало. Награждение чинами в XIX в. стало одной из форм государственного поощрения, и высокие чины получали люди, не имевшие к делам управления отношения. В результате количество классов чиновников высших разрядов значительно превышало количество соответствующих должностей в госаппарате. В начале

XX в. только действительных статских советников имелось в три раза больше, чем должностей этого класса.

В 1897 году в России насчитывалось 101,5 тыс. гражданских чиновников, занимавших классные должности. Из них к первым четырем классам принадлежало примерно 1 %. Около половины чиновников (49 %) имели чины V–VIII классов, а 49,5 % принадлежало к IX – XIV классам. Составной частью чиновничества России были и гродненские чиновники [47].

2.2. ПОСЛЕДНИЕ ГРОДНЕНСКИЕ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ

О гродненских губернаторах я писал много раз. Ряд работ специально посвятил П.А. Столыпину. Пришла пора «замолвить словечко» и об их заместителях.

Должности вице-губернатора в губернском правлении, как правило, занимали наиболее опытные гродненские чиновники, чаще всего не претендовавшие на пост губернатора, но прекрасно знавшие свое дело. В силу громадного числа обязанностей у губернаторов, их весьма частого и длительного пребывания в столице губернаторские дела нередко на продолжительный период исполняли вице-губернаторы. Такого рода практика была особенно характерной для управления Гродненской губернией в годы Первой мировой войны в бытность главным начальником ее генерал-майора В.Н. Шебеко. Сразу же после назначения его в ноябре 1913 года гродненским губернатором он приблизил к себе (не без рекомендаций своего предшественника П.М. Боярского) и сделал своим заместителем, вице-губернатором, Владимира Владимировича Столярова. Последнему в ту пору было уже 59 лет, а из послужного списка его следовало, что это был один из наиболее подготовленных чиновников губернии и должность вице-губернатора до этого он уже исполнял неоднократно.

Родился В.В. Столяров 21 апреля 1855 года в семье потомственных дворян Тверской губернии. По окончании курса наук в Императорском училище правоведения он 31 мая 1877 года был утвержден в чине коллежского секретаря, а затем приказом по ведомству Министерства юстиции назначен кандидатом на судебные должности там же. Прослужив два года при Министерстве на мелких чиновничьих должностях, он благодаря своей аккуратности в делах и сноровке был определен 14 августа 1880 года старшим чиновником особых поручений при минском губернаторе. Так началась 17-лет-

няя служебная деятельность Столярова в Белоруссии. За время работы в Минске он был произведен в титулярного советника, коллежского асессора, надворного и коллежского советника и, наконец, статского советника. Повышение в соответствии с Табелем о рангах сопровождалось и служебным ростом. Так, 29 ноября 1883 года он стал непременным членом Минского уездного по крестьянским делам присутствия, а 4 июля 1886 года распоряжением министра внутренних дел назначен Игуменским уездным предводителем дворянства, а также председателем местных уездных по крестьянским делам и по воинским повинностям присутствий. В.В. Столяров был награжден за выслугу лет и за успехи по службе: орденом св. Станислава 3-й степени (1883 г.), орденом св. Анны 3-й степени (1887 г.), св. Станислава 2-й степени (1891 г.), св. Анны 2-й степени (1894 г.), серебряной медалью в память царствования императора Александра III (1896 г.), орденом св. Владимира 4-й степени (1897 г.); в конце того же года он получил темно-бронзовую медаль за труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

22 ноября 1898 года «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 85» В.В. Столяров был назначен «членом от Правительства Гродненского Губернского по крестьянским делам Присутствия». 27 мая 1900 года состоялось его назначение почетным мировым судьей Гродненского округа на трехлетний срок. 1 декабря 1903 года он был назначен непременным членом Гродненского губернского присутствия. 1902 – 1903 годы в жизни и деятельности В.В. Столярова совпали со службой на посту Гродненского губернатора П.А. Столыпина. Именно в этот период по представлению молодого губернатора он был награжден орденом св. Владимира 3-й степени (1902 г.), а также «знаком отличия» от 24 ноября 1866 года «за труды по земельному устройству бывших государственных крестьян».

В конце первой русской революции, 6 декабря 1905 года, чиновник был награжден орденом св. Станислава 1-й степени. Высокая награда, преданность устоям самодержавной России потребовали от Столярова еще большей ответственности по службе. 11 декабря 1905 года он был командирован губернатором с эскадрой драгун «для принятия мер к прекращению аграрных волнений, беспорядков и грабежей» и в числе других лиц получил благодарность генерал-губернатора за «принятые меры, свидетельствующие о безукоризненной деятельности, проявленные при исполнении этого поручения». 10 июня 1906 года он был командирован в Пружанский и Брестский уезды также для прекращения возникших в тех уездах аграрных волнений. Большую работу проводил он в хозяй-

ственных общественных мероприятиях, связанных с русско-японской войной 1904 – 1905 гг. 14 января 1906 года он был награжден серебряной медалью Российского Общества Красного Креста «в память об участии в деятельности данного общества в русско-японской войне 1904 – 1905 гг.».

Сразу же после возвращения в Гродно, 26 июня 1906 года, он был назначен гродненским вице-губернатором. Более того, уже в августе – октябре 1906 года в связи с выездом губернатора в Петербург он управлял Гродненской губернией. Исполнение обязанностей губернатора имело место и в последующие годы вплоть до своей кончины (11 июня 1916 года в Калуге). Тогдашние губернаторы, проводившие немало времени в служебных командировках, занимались местными делами лишь в отдельные дни месяца, все вопросы внутренней жизни губернии решались непосредственно В.В. Столяровым. В те же дни, когда губернаторы брали в руки бразды правления, они тем не менее стремились к тому, чтобы возложить наиболее сложные поручения на вице-губернатора. Так, в период с 15 по 19 января 1907 года Столяров находился в заштатном городе Дрогичине Бельского уезда «для исполнения сложного и ответственного поручения по устранению недоразумений, возникших на почве фанатизма местного католического населения». 7–15 марта 1908 года он производил ревизию Бельского, Кобринского, Слонимского и Брестского уездных съездов, а 25 – 26 ноября того же года – ревизию Бельской уездной землеустроительной комиссии. В 1908 году он назначался на трехлетний срок мировым судьей Гродненского уезда, в 1911 году – почетным мировым судьей (на тот же срок) Брестского и Гродненского уездов, в 1912 году – Волковысского уезда. Кроме того, он был почетным членом Гродненского православного Софийского братства и ряда других общественных комитетов.

За неутомимую государственную и общественную деятельность В.В. Столяров был награжден золотым знаком Императорского Российского пожарного общества (1907 год), светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память столетия Отечественной войны 1812 года, светло-бронзовой медалью, учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых, и знаком отличия за труды по землеустройству (1913 год). В канун Первой мировой войны, 6 апреля 1914 года, вице-губернатор был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Еще больший груз ответственности лег на плечи В.В. Столярова в тяжелые годы войны.

Из сведений его формуляра по службе можно отметить следующее: В.В. Столяров имения не имел, в походах и войнах до 1914 года

не участвовал, под судом не был, в отставке – тоже. Отпуски проводил в Гродненской губернии или на родине, в Тверской губернии. Трижды, в 1911 – 1913 годах, выезжал с семьей на отдых и лечение за границу. В.В. Столяров был женат на дочери статского советника Жолкевич Антонине. Имел сыновей: Владимира (1894 года рождения) и Александра (1896 года рождения). Жена и дети были православного вероисповедания и находились при главе семейства. «Формулярный список о службе» гродненского вице-губернатора, действительного статского советника Владимира Владимировича Столярова был составлен 2 мая 1914 года [48].

Яркой, колоритной фигурой был гродненский вице-губернатор, отставной гвардии полковник Х.Х. Бойе-ав-Геннэс. Согласно «Формулярному списку о службе», составленному 19 июня 1916 года, Христофор Христофорович Бойе-ав-Геннэс родился 24 августа 1876 года в семье потомственных дворян Великого княжества Финляндского, православного вероисповедания. Образование получил в Первом кадетском корпусе и Павловском военном училище. В 1895 году, после окончания училища и производства в подпоручики, был зачислен в списки 36-го пехотного Орловского полка. 27 января 1896 года, согласно предписанию начальства, его переводят в лейб-гвардии Семеновский полк. В прославленном российском полку Бойе-ав-Геннэс заведовал полковой охотничьей (т.е. разведывательной) командой, служил адъютантом 1-го батальона. Здесь же он был произведен в поручики, а затем и в штабс-капитаны, был удостоен первой в своей жизни награды – серебряной медали в память коронавания Императора Николая II в 1896 году для ношения на груди на Андреевской ленте.

Когда началась русско-японская война, штабс-капитан Бойе-ав-Геннэс покидает прославленный полк и становится есаулом, командиром сотни 4-го Забайкальского казачьего батальона. Находясь в распоряжении забайкальского наказного атамана, он занимал должность исполняющего обязанности российского военного комиссара Хеймудзянской провинции, хотя продолжал рваться в действующую армию. 5 июня 1904 года его желание сбылось: после сдачи сотни он был прикомандирован к 24-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, где принял на себя командование ротой. Участвовал в бою у деревни Кофынзы, а также в знаменитом сражении под Ляояном. 18 августа, находясь на передовых ляоянских позициях, он был ранен осколком гранаты в спину (этот осколок остался в левом легком офицера), после чего был эвакуирован для лечения в Петербург. После длительного лечения Бойе-ав-Геннэс был принят под покровительство Александровского благотворительно-

го комитета и зачислен в запас стрелковых частей по Петербургскому уезду. За отличие в боях с японцами он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а также орденом св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» и светло-бронзовой медалью за участие в войне с Японией. Находясь в запасе, молодой офицер мечтал о возвращении на действительную военную службу, и осенью 1908 года его усилия увенчались успехом. Он возвратился в гвардейский Семеновский полк и вступил в командование его 16-й ротой. Тогда же состоялось награждение его нагрудным знаком прославленного полка, а также знаком в память 100-летия канцелярии Финляндского генерал-губернатора в 1912 году. Однако болезнь, вызванная ранением, не позволила Бойе-аб-Геннэсу полностью утвердиться на военной службе. В силу чего 22 декабря 1908 года «он был уволен по болезни от службы полковника с мундиром и пенсией сроком на два года».

10 апреля 1914 года он был принят на службу в Министерство внутренних дел, а 14 апреля был командирован для исполнения обязанностей Слонимского уездного предводителя дворян. 1 декабря 1914 года приказом начальника санитарной части армии Северо-Западного фронта назначен начальником Слонимского тылового эвакуационного полка. 3 марта 1915 года «за отличную усердную службу и труды во время военных действий» был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В январе 1916 года получил право ношения знака Красного Креста. 19 июля 1916 года был назначен Гродненским вице-губернатором. 17 января 1917 года был перемещен на должность Екатеринбургского губернатора [49].

Дальнейшая судьба Х.Х. Бойе-ав-Геннэса нам неизвестна.

Одним из последних гродненских вице-губернаторов был Александр Иванович Ушаков. Родился он 17 января 1859 года в имении Алексеевка Новосильского уезда Тульской губернии в семье потомственных дворян. Когда началась русско-турецкая война за освобождение южных славян от османского владычества, 18-летний юноша, движимый благородными порывами, поступил на службу рядовым в 1-й Московский лейб-драгунский Его Величества полк. Оттуда уже в августе 1877 года он был командирован на учебу в Тверское кавалерийское училище. Через год был переведен в Московское пехотное юнкерское училище, после окончания которого в декабре 1879 года был зачислен в звании портупей-юнкера в 12-й пехотный Великолуцкий полк. 26 мая 1880 года он был произведен в прапорщики и назначен адъютантом батальона. 24 августа 1882 года молодой воин был переведен в 4-й (позже 10-й) Екатеринбургский драгунский полк, где был переименован в корнета, а затем

1 января 1885 года произведен в поручики. 16 июля 1885 года А.И. Ушаков был зачислен в запас армейской кавалерии, а через два года (8 июля 1887 года) уволен в отставку. Было ему в ту пору 28 лет, что свидетельствовало о том, что военная карьера у молодого человека не удалась. После этого Ушаков жил в собственном имении, помогая родителям в ведении сельского хозяйства (к этому времени он уже был женат на дочери отставного полковника Юлии Смутьской (1869 года рождения, лютеранского вероисповедания, детей у них не было)). Спустя семь лет А.И. Ушаков решил искать себе службу, и 16 ноября 1894 года по распоряжению министра финансов он был назначен членом учетно-ссудного комитета Белостокского отделения государственного банка по сельскохозяйственным кредитам. Так породнился Ушаков с Гродненской губернией.

1 апреля 1896 года он был назначен почетным мировым судьей Бельского округа Гродненской губернии на трехлетний срок. 12 ноября 1898 года был утвержден на должность мирового посредника первого участка Сокольского уезда. 1 апреля 1899 года стал почетным мировым судьей Бельского округа на трехлетний срок. В 1902 году этот срок ему был продлен еще на три года. За это время Ушаков был произведен в коллежские секретари, награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а 14 апреля 1902 года ему были «всемилодивейше пожалованы золотые часы». 1 мая 1903 года с легкой руки гродненского губернатора П.А. Столыпина А.И. Ушаков был назначен на должность волковысского уездного предводителя дворянства и председателя местного съезда мировых посредников. В течение нескольких лет он произведен в титулярные советники, а затем в коллежские асессоры. С 8 января 1907 года надворный советник Ушаков является Гродненским уездным предводителем дворянства. Одновременно он неоднократно назначался почетным мировым судьей Бельского, Волковысского и Гродненского уездов. В 1911 году «за особые труды по борьбе с чумной и холерной эпидемиями в 1910 году» был произведен в статские советники, а через два года (6 декабря 1913 года) – в действительные статские советники. В мае 1914 года он был удостоен права ношения Высочайше учрежденного знака отличия «За труды по землеустройству». Много ответственных государственных и общественных поручений выполнял А.И. Ушаков в годы Первой мировой войны. 29 августа 1915 года за труды по мобилизации 1914 года он был награжден орденом св. Владимира 3-й степени. 17 января 1917 года, уже будучи в эвакуации в Калуге, «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» он был назначен гродненским вице-губернатором» [50].

В годы войны исполнял обязанности вице-губернатора и советника Гродненского губернского правления Павел Алексеевич Головачев. Родился он 24 сентября 1874 года в обедневшей дворянской семье в Тверской губернии. После окончания юридического факультета Московского университета в 1903 году был направлен в распоряжение гродненского губернатора на должность кандидата в земские начальники при Гродненском губернском присутствии. С 20 ноября 1904 года занимал должность земского начальника 2-го участка Белостокского уезда. 16 января 1905 года женился на дочери генерал-майора девице Александре Дмитриевне Зайцевой. Имел дочь. С 13 августа 1905 года он – земский начальник 6-го участка Брестского уезда. С 12 сентября 1908 года – неперемный член губернского присутствия, а с 8 февраля 1908 года – советник Гродненского губернского правления. В июне и декабре 1911 года, в октябре-ноябре 1912 года, в июне-июле 1913 года, в мае, июне, сентябре, октябре, ноябре и декабре 1914 года занимал должность вице-губернатора. Был награжден светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 года, медалью в память 300-летия Дома Романовых, орденом св. Станислава 2-й степени. С 12 января 1915 года – старший советник Гродненского губернского правления. 28 сентября 1915 года по распоряжению Особого совещания при МВД был командирован в распоряжение департамента общих дел [51]. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

В целом же гродненские вице-губернаторы достойно выполняли свои государственные обязанности, твердо веруя в твердость и незыблемость устоев Отечества.

2.3. ЕЩЕ РАЗ О ПЕРВЫХ НА ВТОРЫХ РОЛЯХ

Имя гродненского чиновника В.В. Ярошенко уже не раз упоминалось нами в данной работе в связи с мерами властей по «ограждению спокойствия в г. Белостоке» в мае 1906 года. Однако участием в этом наделавшем много шума деле отнюдь не ограничивалась беспокойная жизнь видного губернского функционера.

Владимир Васильевич Ярошенко родился 21 июня 1866 года в Малороссии (на Украине) в семье чиновника. В 1890 году, 7 мая, по окончании Киевского императорского университета имени св. Владимира (историко-филологический факультет со степенью кандидата) он был принят на службу исполняющим обязанности младшего чиновника особых поручений при гродненском губернаторе. Им был

в то время Д.Н. Батюшков. Данная мера была продиктована общей атмосферой в губернии после восстания 1863 – 1864 годов и несомненным желанием властей укрепить местный административный аппарат за счет кадров внутренних губерний. Новый работник, видно, сразу пришелся по душе губернатору, так как уже через два года он был утвержден в чинах коллежского секретаря («по степени кандидата»), титулярного советника («за выслугу лет»), а также поочередно в должностях младшего чиновника особых поручений при губернаторе и старшего помощника правителя губернской канцелярии. В начале 1893 года приказом виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора он был назначен «кандидатом к мировым посредникам Гродненской губернии». В течение того же года по поручению губернатора он временно занимал должности мировых посредников в Гродненском, Волковысском и Слонимском уездах, принимал участие в заседаниях съезда мировых посредников Волковысского и Кобринского уездов. 9 декабря 1893 года был назначен мировым посредником 2-го участка Бельского уезда.

Стремителен был и карьерный рост молодого чиновника. 18 января 1894 года он назначается правителем канцелярии гродненского губернатора, а в августе того же года – исполняющим должность советника Гродненского губернского правления. Кроме непосредственных обязанностей, он в течение 1894 – 1895 годов управлял II и III-м отделениями губернского правления, по поручению губернатора «производил дознание о злоупотреблениях по отбыванию в Волковысском уезде воинской повинности» (февраль-март 1895 года), знакомился в Петербурге «с производством антропометрических измерений, в целях устройства измерительной станции при Гродненской тюрьме (с 6 по 23 октября 1895 года). После произведения за выслугу лет в коллежские асессоры (20 декабря 1895 года) и утверждения в должности советника губернского правления (22 июня 1896 года) он выполнял следующие поручения начальства: производил «дознание о незаконных действиях по службе брестского городского врача Войналовича», «ревизию делопроизводства станковых приставов и мещанских управ Гродненского уезда», «дознание о незаконных действиях по службе Гродненского уездного исправника и пристава 1-го стана того же уезда Лукина, а также делопроизводителя Гродненского уездного по воинским делам присутствия».

В 1897 году В.В. Ярошенко находился в командировках с целью рассмотрения заявления купца Эдуарда Яунзема, жалоб Марии Калиты и Ивана Мармоля на пристава 4-го стана Бельского уезда Подгорецкого, дворянина Викентия Юшкевича на полицию за отнятие у него ружья, «еврейки Новиковой на отношение к ней в при-

сутственных местах». В 1898 году он проводил расследования: по жалобе некоей Бринзчайловой на белостокского полицмейстера Малевича, арестанта Иосифа Запасника на начальника Гродненской тюрьмы о незаконных действиях по службе секретаря слонимского уездного полицейского управления Оглоблина, о незаконных действиях полицейского надзирателя г. Пружаны Покровского и т.д., проверял ведение делопроизводства присутственных мест и полицейских управлений в ряде уездов губернии; производил расследование «о неприятии чинами брестской городской полиции мер к прекращению поджогов строений с целью получения страховой премии». 20 декабря 1899 года В.В. Ярошенко был произведен в очередной чин надворного советника.

Новый 1900 год начался для чиновника с производства расследования «о незаконных действиях кобринской дворянской опеки в деле об участии ее в судьбе умалишенного князя Массальского и его имущества», а затем с дознания по жалобе некоего Щепановского «на незаконное по отношению к нему действию брестского полицмейстера Гаврилова». В 1901 году 35-летний В.В. Ярошенко (кроме прямых своих обязанностей) в разные сроки (с февраля по октябрь) занимал обязанности вице-губернатора. В 1902 году должность вице-губернатора он занимал с 20 по 30 сентября. Такого доверия он заслужил от только что вступившего в должность губернатора П.А. Столыпина. По поручению последнего 2 октября 1902 года он производил расследования о «неправильных действиях по службе чинов гродненской тюрьмы», «о нарушениях по службе пристава 1-го стана Волковысского уезда». 13 мая 1903 года В.В. Ярошенко был утвержден губернатором Столыпиным в должности (кроме основных обязанностей) председателя 1-й приемной комиссии в г. Гродно «для приема лошадей, поставляемых от населения в войска в случае мобилизации армии». По поручению губернатора он председательствовал в комиссиях, «образованных начальством для выработки новых штатов полиции г. Гродно и Белостока». В течение всего 1903 года (от нескольких дней до двух недель ежемесячно) он исполнял обязанности вице-губернатора.

В бытность гродненским губернатором М.М. Осоргина В.В. Ярошенко возглавлял комиссию «по отысканию места под постройку новой тюрьмы в г. Брест-Литовске». Производил дознание о «беспорядках, учиненных рабочими в м. Рожанах Слонимского уезда», о «беспорядках среди арестантов тюрьмы в г. Белостоке», участвовал в осмотре Брестской и Бельской тюрем. Признанием заслуг Ярошенко стало утверждение его в звании директора Гродненского губернского попечительного о тюрьмах

комитета. 12 декабря 1903 года «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» он был утвержден старшим советником и произведен в чин коллежского советника. В течение всего 1904 года (в разные сроки) занимал должность вице-губернатора. Участвовал в расследовании жалобы Юлии Зданович на «незаконные действия полиции г. Белостока», председательствовал в комиссии «по организации в г. Белостоке института дворников». Проверял действия чинов Брестской дворянской опеки и фабричной инспекции по управлению находящегося в их ведении стекольного завода в имении Руда-Черняны Брестского уезда.

Наибольшую активность В.В. Ярошенко проявил в годы первой революции в России. Уже 11 января 1905 года по поручению губернатора он был командирован в г. Волковыск для расследования «беспорядков, производимых запасными чинами». 25 января он начал «выяснение обстоятельств беспорядков, имевших место в г. Соколке и м. Кринки». С 12 марта он участвовал в расследовании дела о беспорядках в Гродненской тюрьме, 18 мая того же года – в Белостокской тюрьме. 30 июня 1905 г. был командирован в г. Брест, а 22 июня в Кобрин для руководства действиями полиции во время пожара и организации комитета по оказанию помощи погорельцам. 25 июня состоялась командировка Ярошенко в г. Белосток «для принятия мер, могущих обеспечить восстановление там спокойствия». С 31 июля по 4 августа он опять в Белостоке, проводит расследование о «беспорядках, вызванных бросанием бомбы в патруль Углицкого полка».

С 13 по 25 октября он организовывал в Бресте военную охрану правительственных учреждений, руководил действиями полиции ввиду предполагавшихся беспорядков: исполнял в 1905 году обязанности вице-губернатора по десятку дней во все месяцы, кроме апреля. 23 декабря 1905 года Высочайшим приказом по гражданскому ведомству был назначен почетным мировым судьей Гродненского уезда.

23–27 мая 1906 года расследовал жалобы крестьян Пружанского и Бельского уездов на действие полицейских стражников. 29 мая по поручению губернатора был командирован в Белосток для организации похорон убитого злоумышленниками полицмейстера Деркачева, а также с целью выяснения на месте обстоятельств дел и принятия к согласованию с начальником охраны генералом-лейтенантом мер по налаживанию спокойствия в Белостоке [52]. Об убитом приставе Белостокской городской полиции Павле Павловиче Деркачеве известно следующее. Родился он в м. Щучин Лидского уезда Виленской губернии в семье коллежского асессора, православный. Учился в Гродненской мужской гимназии и Виленском пехот-

ном юнкерском училище. Служил в 102-м Вятском пехотном полку в Гродно. В 1893 г. ушел с военной службы и был назначен на должность помощника пристава 2-й части г. Гродно. В 1896 г. занимал должность гродненского полицмейстера. В 1899 году стал приставом 4-го стана Бельского уезда. 1 января 1904 г. был назначен приставом Белостокской городской полиции, а через год – местным полицмейстером. Награжден орденами: св. Анны, св. Станислава 3-й степени, серебряной медалью в память Императора Александра III, серебряным портсигаром из кабинета Его Императорского Величества и др. [53]. Судья по формуляру, П.П. Деркачев был подлинным профессионалом в своем деле.

С 3 августа 1906 года В.В. Ярошенко сопровождал губернатора в его недельной поездке для обзора губернии, в ходе которой произвел ревизию делопроизводства Слонимского, Пружанского и Волковысского уездных полицейских управлений.

8 декабря производил расследование по поводу побега 6 арестантов Слонимской тюрьмы из железнодорожного вагона между станциями Слоним и Озерница. В разные сроки на протяжении 1906 – 1907 годов исполнял обязанности вице-губернатора.

В 1909 году он осуществил ревизию Брестского городского и уездного полицейских управлений. Тогда же участвовал в работе комиссии по написанию правил по выселению жителей района Брестской крепости на случай мобилизации. Здесь же инструктировал чины полиции по случаю Высочайшего проезда императора через город.

Исполнял вице-губернаторские обязанности в разные сроки в течение 1908–1911 годов. В конце декабря 1911 года участвовал в инспекторской поездке губернатора в Белосток, Бельск, Волковыск, Слоним и Брест по случаю проверки чиновниками МВД состояния дел в губернской полицейской страже. В феврале 1912 года был командирован в Волковысский уезд для расследования факта сопротивления крестьян чинам полиции во время пребывания императора Николая II в Беловеже и в последующем исполнял обязанности вице-губернатора. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 30 июня 1913 года был назначен старшим советником Симбирского губернского правления.

Действительный статский советник В.В. Ярошенко являлся кавалером орденов: св. Владимира 4-й ст., св. Станислава 2-й и 3-й степеней и св. Анны 3-й ст. Имел серебряную медаль в память царствования Императора Александра III. Ему были также пожалованы из кабинета Его Величества золотые часы с цепочкой и с изображением Государственного герба, золотой портсигар с изображением Государственного герба. Жалованья получал 2500 руб. в год. Был холост [54].

Сменил Ярошенко в должности старший советник Саратовского губернского правления Михаил Андреевич Черкаев. Чем объяснить такую перестановку, непонятно, ибо оба чиновника хорошо зарекомендовали себя на своих постах. Надворный советник М.А. Черкаев родился 22 мая 1855 года в семье потомственных дворян. Окончил строительное училище МВД. Служил на разных должностях в Саратовской губернии, занимался благотворительной деятельностью, будучи председателем комитета по оказанию помощи инвалидам и участникам русско-японской войны. Заведовал богадельней, находящейся в ведении Саратовского губернского попечительства о тюрьмах комитета. Выполнял многочисленные поручения губернатора во всех уголках губернии. В 1912 – 1913 годах неоднократно исполнял обязанности вице-губернатора. По приезду в г. Гродно занимал должность гродненского вице-губернатора в разные сроки в 1913 – 1914 годах. В дальнейшем М.А. Черкаев был переведен в Санкт-Петербург в аппарат МВД [55].

В истории Гродненской губернии найдется немало случаев, когда вице-губернатором становился человек, не прошедший многотрудных ступеней служебного роста в пределах губернского правления. Еще реже случаи, когда такого рода выдвиженец «со стороны» становился после занятия вице-губернаторского поста губернатором. Но именно такой – пример явлен нам Н.А. Добровольским.

25 февраля 1897 года виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор уведомил гродненского губернатора о том, что «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 8 сего февраля за № 12 прокурор Рижского окружного суда, статский советник Добровольский переведен на службу по ведомству МВД с назначением гродненским вице-губернатором». Причиной такого карьерного роста следует считать не только происхождение Н.А. Добровольского из потомственных дворян Смоленской губернии, владение там двумя имениями (в Духовницком уезде – 845 десятин, а в Смоленском уезде – 400 десятин), служебное рвение, но и родственные связи. Протеже был женат на княжне Ольге Дмитриевне Друцкой-Соколинской, имевшей связи при дворе и давнее родство с самой западной губернией Российской Империи. Некоторые детали служебного роста Добровольского прослеживаются и в его формулярном списке.

Статский советник Николай Александрович Добровольский, бывший прокурор Рижского окружного суда, родился в 1853 году в Смоленской губернии. По окончании юридического факультета С.-Петербургского университета со степенью кандидата права был определен 20 мая 1877 года на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре

Петербургского окружного суда. 7 марта 1878 года он был командирован в помощь судебному следователю 7-го участка С.-Петербурга с правом самостоятельного производства следственных действий. 16 апреля 1879 года по распоряжению министра юстиции был командирован для занятий в канцелярию министерства. 16 июня того же года был назначен товарищем (заместителем) Волынского губернского прокурора. С 29 июня 1880 года занимал должность прокурора Житомирского окружного суда. С 23 мая 1882 года он – товарищ прокурора Невского окружного суда. С 17 декабря 1886 года – товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда. 29 сентября 1891 г. назначен прокурором Литовского окружного суда. С 11 октября 1895 года он – прокурор Рижского окружного суда, статский советник. Приказом от 8 февраля 1897 года Н.А. Добровольский назначен гродненским вице-губернатором. Был награжден орденом св. Станислава 3-й ст., св. Анны 3-й ст., Св. Анны – 2 ст.

Н.А. Добровольский из-за болезни смог прибыть в Гродно лишь 22 мая 1897 года. Спустя два года после назначения его на должность вице-губернатора, 2 апреля 1899 года, он занимает должность гродненского губернатора. 5 февраля 1900 года вышел указ Его Императорского Величества: «Исправляющему должность гродненского губернатора статскому советнику Добровольскому повелеваем быть гродненским губернатором». 19 октября 1900 г., т.е. через 8 месяцев губернаторства в Гродно, Н.А. Добровольский был назначен по именному Высочайшему указу обер-прокурором первого департамента Правительствующего сената с оставлением в придворном звании камергера Двора Его Императорского Величества [56].

Обращение к биографиям Ярошенко, Черкаева и Добровольского еще более убеждает в том, сколь многообразен был мир гродненского чиновничества, сколь важна и ответственна была выполняемая ими работа. В свою очередь содержание этой работы значительно расширяет наши представления о больших и малых событиях в истории губернии.

2.4. ГРОДНЕНСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ И УЕЗДНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Важную роль в социальной политике дореволюционной России играли дворянские собрания в губерниях и уездах. Именно на этих корпоративных собраниях избирались предводители губернского и уездного дворянства, с 1862 года их стали назначать. Подчиняясь

губернатору, они своей главной обязанностью считали проведение съездов дворянства, опеку над сиротами и больными из данной среды, выдачу свидетельств о дворянском происхождении и др. В повседневной жизни предводители дворянства принимали активное участие в деятельности различных местных комитетов, исполняли поручения губернатора. Вполне естественно, что на должности предводителей местного дворянства назначали людей благонадежных, способных и морально устойчивых. Весьма часто предводителями местного дворянства назначались отставные офицеры.

Из числа людей военных был и гродненский губернский предводитель дворянства Николай Григорьевич Неверович. Родился он 5 октября 1866 года в семье потомственных дворян Смоленской губернии, православный. Учился в Гатчинском сиротском институте и во 2-м Константиновском военном училище. 7 августа 1887 года был произведен в подпоручики и направлен в 17-ю полевую пешую артбригаду. Затем служил в 5-й батарее 3-й резервной артбригады. В чине поручика был преподавателем бригадной учебной команды. 29 октября 1896 года штабс-капитан Неверович был назначен «для исполнения ординарческих обязанностей к командующему войсками Виленского военного округа» с переводом в 27 артбригаду. Тогда же он женился на дочери полковника девице Анне Алексеевне Ивановой. При штабе округа он прослужил шесть лет. За это время был награжден орденом св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени, а также темно-бронзовой медалью за труды по проведению всеобщей переписи населения России в 1897 году. 18 января 1903 года Неверович был уволен со службы «по домашним обстоятельствам в чине полковника с мундиром» и в тот же день назначен старшим чиновником особых поручений при виленском генерал-губернаторе генерал-майоре, князе П.Д. Святополк-Мирском. 27 января 1903 года он был назначен членом хозяйственного комитета по заведыванию имуществом Виленского дворца. 13 февраля 1903 года был командирован в Виленский уезд «для руководства расследованием по ходатайству капитана лейб-гвардии Литовского полка Владимира Эльжановского об удалении в административном порядке из мест проживания старообрядца Анания Большова, производящего самовольные порубки и кражи леса в имении просителя Бастуны». В июле-августе 1903 года ему было поручено ознакомиться на месте с экономическим положением, условиями быта, характером занятий и степенью материальной обеспеченности дворян и мещан (шляхты) в пределах Виленского генерал-губернаторства. Все поручения Неверович исполнял качественно и в срок. 1 февраля 1904 года он был назначен Белостокским

уездным предводителем дворянства. 4 сентября 1905 года стал гродненским уездным предводителем дворянства. 6 декабря того же года был награжден орденом св. Станислава 2-й степени. 30 декабря 1906 года Неверович был награжден орденом св. Владимира 4-й степени. 24 марта 1909 года он был «Всемилоостивейше пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества».

В начале XX века в состав Гродненского дворянского депутатского собрания входили: губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович; секретари его канцелярии В.И. Навродско-Опашанский, В.В. Карный; депутаты дворянства от уездов: К.С. Прушинский, Е. Курлов (Гродненский уезд); В.О. Карпович (Белостокский уезд), Э.Д. Шука (Бельский уезд), М.М. Ерогин (Брестский уезд), Г.В. Красицкий (Волковысский уезд), С.И. Пузына, К.Г. Скиржуй (Кобринский уезд), Б.И. Бер (Сокольский уезд), В.Ф. Микульский (Слонимский уезд), К.Э. Левкович (Пружанский уезд), секретари дворянского собрания В.В. Карный, Б.К. Стефанович; столоначальники С.Н. Выходцевский, И.И. Миссек; их помощник К.Я. Воронович; эзекутор А.А. Рудаков.

Губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович являлся членом совета Гродненского Софийского православного братства, председателем Гродненского правления Российского Общества Красного Креста, директором Гродненского благотворительного общества, членом правления Гродненского округа Императорского Российского общества спасения на водах, заместителем председателя Гродненского пожарного общества, почетным мировым судьей ряда уездных съездов дворянства, членом Гродненского церковно-археологического комитета, почетным членом комитета по постройке Св. Петро-Павловского Суворовского храма в г. Кобрине.

Пик предводительства Н.Г. Неверовича выпал на годы Первой мировой войны [57]. Война вместе с февральской революцией 1917 года привела к упразднению как дворянского сословия, так и должности предводителя дворянства. О дальнейшей судьбе Неверовича нам мало известно.

Имелись среди уездных предводителей дворянства Гродненской губернии и участники русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов. Одним из них был пружанский уездный предводитель дворянства, отставной полковник Виктор Яковлевич Давыдов. Родился он 27 января 1838 года в г. Торопце Псковской губернии. Происходил из потомственных дворян Витебской губернии, православный. После получения домашнего образования окончил Елизаветградское кавалерийское училище. Служил во Владимирском уланском полку

юнкером, корнетом. 27 июня 1863 года был произведен в поручики. С 1869 года – командир 142-го эскадрона. В 1874 году произведен в майоры. Участвовал в войне с турками, в частности, в переправе через Дунай в районе Систова в составе войск 13-го армейского корпуса, а затем в составе отряда наследника-цесаревича (будущего императора Александра III). В июне 1877 года участвовал в перестрелке у деревень Демиршон и Ковландраль, 22 ноября – у деревни Куровая. Участвовал Давыдов в переходе через Балканы в составе отряда генерал-лейтенанта барона Э.К. Деллинсгаузена в январе 1878 года, во взятии г. Ямболя 10 января. 27 июля 1878 г. по болезни Давыдов был эвакуирован в Россию. Далее служил в драгунском Глуховском полку в должности командира дивизиона, являлся помощником командира по хозяйственной части, подполковником, временно исполняющим обязанности командира полка. После выхода в отставку служил лепельским уездным предводителем дворянства, белостокско-сокольским уездным предводителем дворянства. С 1 февраля 1904 года – пружанским уездным предводителем дворянства. Умер Давыдов на службе 14 августа 1907 года. Являлся кавалером орденов: св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степеней, а также медалей: в память войны 1853 – 1856 гг., царствования императора Александра III. Вдовец, имел дочь Наталию, находившуюся замужем за поручиком Моровицким [58].

До Давыдова уездным предводителем Пружанского дворянства являлся Иван Михайлович Вышеславцев. Родился он 3 марта 1855 года в имении Кульнево Мглинского уезда Черниговской губернии в семье потомственных дворян Тамбовской губернии. Имел в Кобринском уезде имения: Третьяки (529 дес.) и Плянты (209 дес.). Окончил Петербургскую частную гимназию и три курса юридического факультета С.-Петербургского университета, после чего поступил на военную службу в 4-ю конно-артиллерийскую бригаду. Служил канониром, бомбардиром, фейверкером. 27 марта был командирован на офицерские курсы в С.-Петербург, где выдержал экзамен за курс Михайловского артиллерийского училища и произведен в прапорщики 29-й артбригады. Участвовал в войне с турками. За мужество, проявленное в боях под Горным Дубняком 12 – 16 октября 1877 года, был награжден орденом св. Анны 4-й степени «За храбрость». Участвовал в осаде Плевны.

Был награжден орденами: св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й, 3-й, и 4-й степеней, св. Станислава 2-й и 3-й степеней, медалью за перепись населения 1897 года, медалью в память правления императора Александра III и румынским железным крестом в память

войны 1877 – 1878 годов.

Женат был на дочери подполковника девице Вере Ильиничне Миклашевской. Имел сына Михаила и дочерей Нину и Ирину [59].

Брестским уездным предводителем дворянства являлся в начале XX века отставной генерал-майор Георгий Иванович Пашков. Родился он 29 января 1847 года. Являлся уроженцем Тульской губернии и потомственным дворянином. Имел имение в Брестском уезде Блювиничи (около 800 десятин). Окончил академию Генштаба, а до этого – 3-е Александровское военное училище, после окончания которого был произведен в подпоручики и определен 12 июля 1868 года в училище, после окончания которого был командирован в 51-й пехотный Литовский полк. Через год был переведен в 111-й пехотный Донский полк, а в 1871 году – в 8-ю артбригаду. 18 августа 1873 года был направлен для сдачи экзаменов в Академию Генерального штаба. После успешной сдачи экзаменов был зачислен в академию штабс-капитаном, а затем переведен в капитаны. После окончания академии служил в Туркестанском военном округе. С начала русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов участвовал в артиллерийской перестрелке с турецким броненосцем близ Турна Магурской 11 июля 1877 года, с затем с неприятельской батареей при крепости Никополь в присутствии императора Александра II 14 – 15 июля 1877 г., 18 июня 1877 г. – в сражении под Плевной под началом генерал-лейтенанта барона Н.П. Кридинера и генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. При занятии Тырнова командовал сотней казаков для рекогностировки в предгорьях Балкан, выполнял поручения генерал-лейтенанта А.Э. Циммермана, генерал-лейтенанта В.Н. Веревкина. Занимал должность начальника штаба 4-го армейского корпуса на позициях под Плевной. Являлся кавалером орденов: св. Владимира 3 и 4-й степеней, св. Анны 2-й степени, св. Станислава 2-й степени с мечами; был награжден медалями: в память императора Александра III, в честь коронации императора Николая II в 1896 году, за походы в Средней Азии в 1853–1895 годах и в память русско-турецкой войны 1877-1878 годов, румынским железным крестом, почетным знаком Красного Креста, а также медалью за проведение всеобщей переписи населения в 1897 году [60].

Некоторые уездные предводители дворянства принимали активное участие в общественной жизни губернии, становились депутатами Государственной думы. В частности, депутатом Госдумы IV созыва (1912 год) являлся П.А. Сафонов. Из формулярного списка брестского уездного предводителя дворянства Петра Африкановича Сафонова следует, что родился он 13 ноября 1877 года в семье

потомственных дворян Орловской губернии. После окончания Александровского военного училища служил на офицерских должностях в 116-м Малоярославском пехотном полку. В 1903 г. вышел в отставку, служил земским начальником Новоалександровского уезда Виленской губернии. В связи с началом русско-японской войны был призван из запаса в 110-й Камский пехотный полк. В ноябре 1905 года уволен в запас, а 9 января 1908 года назначен брестским уездным предводителем дворянства. С 8 сентября 1904 года был женат первым браком на дочери генерал-лейтенанта Гончарова девице Юлии Федоровне. Имел дочь Марину 1908 года рождения [61]. Более подробная характеристика П.А. Сафонова дается в данной работе в очерке, посвященном выборам в IV Госдуму [62].

Нередко во главе дворянства уездов находились крупные землевладельцы. Одним из них являлся предшественник П.А. Сафонова – брестский уездный предводитель дворянства в 1905 – 1908 гг., действительный статский советник Алексей Петрович Чичерин. Из его формулярного списка следует, что он имел в своем уезде 3200 десятин земли. Родился А.П. Чичерин в 1851 году в Петербурге в семье потомственных дворян Орловской губернии. После окончания в 1872 году юридического факультета С.-Петербургского университета служил чиновником в столичной судебной палате, затем был направлен в провинцию, где занимал должность судебного следователя в Шавельском уезде Ковенской губернии, был заместителем ковенского губернского прокурора, а затем ковенским губернским прокурором. С 1878 года он занимал должность заместителя прокурора Варшавского окружного суда. В 1887 году был назначен прокурором Радомского окружного суда. Через десять лет, в 1897 году, он был назначен прокурором Варшавского окружного суда, а через год, в 1898 году, – прокурором С.-Петербургского окружного суда. Через два года, в 1900 году, Чичерин опять был направлен в провинцию, вначале в Петраковский окружной суд, а затем в Брест на должность почетного мирового судьи Брестского уезда. 7 марта 1905 года А.П. Чичерин вступил в должность брестского уездного предводителя дворянства. В связи с революционизацией в ту пору всей общественной жизни исполнять свою должность Чичерину было крайне сложно. Близко принимая к сердцу все происходящее в уезде, включая и крестьянские волнения, уездный предводитель часто жаловался на сердечные боли, а 31 декабря 1907 года он умер.

За усердную дворянскую службу А.П. Чичерин был награжден орденами св. Станислава 2-й и 3-й степеней, св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й и 4-й степеней и серебряной медалью в память об императоре Александре III. Был женат на дочери генера-

ла от инфантерии Игельстрома Ларисе Генриховне, вероисповедания православного. Детей супруги Чичерины не имели [63].

Среди уездных предводителей дворянства Гродненской губернии преобладали люди военные, однако к началу XX века ими все чаще становились дворяне, положительно проявившие себя в гражданской службе. Одним из них был слонимский уездный предводитель дворянства, действительный статский советник Михаил Михайлович Величковский. Родился М.М. Величковский 9 ноября 1857 года в семье потомственных вологодских дворян. Его родители владели в Кодняковском уезде Вологодской губернии имением Абрамово в 860 десятин земли, самому же М.М. Величковскому принадлежало небольшое имение Устье в 50 десятин, что находилось в Пошехонском уезде Ярославской губернии. Он окончил в С.-Петербурге Константиновский межевой институт в должности старшего землемерного помощника с обязанностью прослужить по межевому ведомству не менее пяти лет. После службы вольноопределяющимся в 82-м резервном батальоне (1881 – 1882 годы) он увольняется в запас и вновь поступает на службу в С.-Петербургскую чертежную межевую канцелярию. В последующем он занимал на должности окружного и старшего землемера в Енисейской и Тобольской губерниях, принимал активное участие в первой всеобщей переписи населения России в 1897 году. С 1898 года М.М. Величковский занимал должности земских начальников ряда уездов Ставропольской губернии. 1 декабря 1903 года он был назначен земским начальником 2-го участка Пружанского уезда Гродненской губернии, а через три года, 19 апреля 1906 года, – слонимским уездным предводителем дворянства. На этом посту М.М. Величковский прослужил до 14 апреля 1914 года, после чего по прошению вышел в отставку. Был награжден орденом св. Станислава 2-й степени, серебряной медалью в память императора Александра III, темно-бронзовой медалью за перепись населения в 1897 году, светло-бронзовой в память 300-летия Дома Романовых, а также знаком отличия за труды по землеустройству [64].

Бывали случаи, когда уездных предводителей дворянства временно заменяли служители дворянского депутатского собрания. Такой факт зафиксирован в Гродненском уезде, где в 1897 – 1904 годах уездным предводителем являлся заседатель Гродненской губернской опеки Филипп Андреевич Нездуров. Полноправным предводителем дворянства Гродненского уезда он стал лишь 12 августа 1905 года, в разгар первой русской революции. Сменил его на этом посту А.И. Ушаков.

Судьба Ф.А. Нездурова весьма примечательна. Родился он в

1835 году в г. Копыси Могилевской губернии, по происхождению из мещан. После окончания местного приходского училища в 1855 году служил почтальоном в Оршанской почтовой конторе, затем почтальоном в городах Горки, Рогачеве. После награждения орденом св. Анны 2-й и 3-й степеней он, обретя личное дворянство, становится помощником, а затем и управляющим Гродненской почтово-телеграфной конторой (с 1889 года). Соответственно шло повышение его и по «Табели о рангах». В 1895 году коллежский советник Ф.А. Нездуров по прошению был уволен по причине болезни со службы «с мундиром последней должности».

3 марта 1897 года он по постановлению губернского правления был назначен заседателем Слонимской дворянской опеки и в том же году переведен на эту должность в Гродненскую дворянскую опеку. Кроме орденов св. Анны, Ф.А. Нездуров был награжден орденом св. Станислава 2-й и 3-й степеней, медалью в память Крымской войны 1853 – 1856 гг., медалью в память усмирения польского мятежа 1863 – 1864 гг., а также медалью в память императора Александра III [65].

Будучи важным звеном в управлении государством, институт предводителей дворянства Гродненской губернии, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

2.5.К БИОГРАФИИ ДЕПУТАТА IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А.А. ОЗНОБИШИНА

Жизнь и деятельность на общественном поприще гродненского землевладельца Алексея Александровича Ознобишина уже освещалась на страницах данной книги. Однако недавно к нам попали архивные материалы, в значительной степени обогащающие биографию А.А. Ознобишина не только в период до его участия в выборах в Государственную думу, но и в последующие годы. Их вкрапление в очерк о выборах в Гродненскую губернию в 1912 году было затруднено некоторой несовместимостью по хронологическим признакам известных нам сюжетов, по этой причине было принято решение рассказать о новых аспектах биографии А.А. Ознобишина в отдельном очерке.

Весьма интересные сведения о семье помещиков Ознобишиных содержатся в одном из дел Гродненской казенной палаты «О переходе земли из имения Мосты Ознобишиных к разным лицам» (дело начато 23 января 1904 года и завершено 9 июня 1908 года).

Судя по материалам дела, на начало января 1904 года по окладным книгам казенной палаты о частном землевладении Гродненского уезда Мостовской волости значилось имение Мосты с фольварками Сороки, Новина и Большие Стефанишки с пространством земли: удобной – 2466 S дес., неудобной – 89 S, а всего – 3365 дес., принадлежащих статскому советнику Александру Ивановичу Ознобишину – отцу нашего героя.

Из сведений, полученных из Гродненского окружного суда 29 октября 1903 года, видно, что из данного имения к казне Министерства путей сообщения под постройку железнодорожной линии «Полоцк – Седлец» перешло более 12 дес. удобной земли.

Из указанных документов стало известно, что по купчей крепости, утвержденной 16 октября 1903 года, за указанную землю на 38 участках Ознобишиным было уплачено из казны 3255 руб. Среди тех, от кого перешла земля к казне, значились сыновья А.И. Ознобишина: коллежский советник Александр, надворный советник Алексей и коллежский регистратор Юрий (Георгий) Александровичи Ознобишины.

В связи с уменьшением земельных угодий менялся и налог на имения. С этой целью в мае 1904 года податным инспектором 2-го участка была начата «проверка угодий в имении статского советника Александра Ивановича Ознобишина». О результатах ее свидетельствует соответствующий документ: «Акт 1904 года 12 дня. Я, податный инспектор 2-го Гродненского участка, составил сего числа акт при бытности землевладельцев Мостовской волости – волостного старшины Василия Касперовича и мещанина Франца Вареника сей акт о нижеследующем: согласно предложению Гродненской казенной палаты от 10 минувшего февраля за № 925, я делал осмотр угодий в имении Мосты Гродненского уезда, принадлежащем статскому советнику Александру Ивановичу Ознобишину, а за смертью его, его наследникам; при этой проверке угодий оказалось, что в имении в настоящее время имеется усадебной 26 S дес., разной 50 S дес., сенокосов – заливных 24 S дес., полевых 30 j дес., болотистых 158 дес., пастбищ по сухому грунту 214 s дес., по болоту 172 j дес., лесу 246, зарослей 597 j и неугодий 898 S дес. Неудобная земля находится в трех участках; в одном из них под названием Гнилая или Большая Омшара, имеющем в себе около 700 дес. и представляющем болото, покрытое мхом и редким, корявым, около аршина в высоту лесом, принадлежит к имению Ознобишина свыше 400 дес.; к имению Михайловка владелицы Ловицкой около 200 дес. и около 10 дес. принадлежит к надельной крестьянской земле; в другом участке по названию Куписто, принадле-

жащем всецело Ознобишину и относящиеся к имению Мосты, находится 102 дес., и в третьем участке того же имения, принадлежащем Ознобишину, под названием Корчи, около 400 дес.; эти два последних участка представляют из себя сплошной песчаный грунт земли, неудобный для какого-либо полевого хозяйства, а также и два выгона скота; наследники умершего Ознобишина засеяли в 1902 и 1903 г. эти участки лесом, почему до известного возраста они не представляют владельцам никакой доходности и не подлежат оценке для налога. При этом один из наследников статский советник Александр Александрович Ознобишин объяснил, что ему неизвестно, почему отец его в 1891 году, переводя в Дворянский поземельный банк ссуду Секретной казне, показал неудобной земли 204 дес., но полагает, что это произошло от того, что когда имение прежних владельцев было заложено в Секретной казне, то на совершенно песчаных местах в имении произрастал строевой лес, который истреблен был в течение долгого времени без обсеменения вырубленных мест лесом. Поденный инспектор Станислав Кныш, а также Василий Касперович, Франц Вареник.

При составлении акта присутствовал совладелец имения Мосты статский советник Александр Александрович Ознобишин».

В том же 1904 году при содействии Крестьянского поземельного банка по купчим крепостям стали приобретать землю имения Мосты и крестьяне близлежащих деревень. За период с 1904 по 1908 год у Ознобишиных купили землю из этого имения: крестьяне (двое домохозяев Велико-Стефанишского товарищества) – в урочище Дуброво, Макаровщина, Усадьбище, Застенок и Особое Болото – 22 дес. земли; крестьянин Иван Иванович Бакун – 24,5 дес. земли; крестьянин д. Малые Стефанишки Василий Семенович Касперович – 29,5 дес. земли (там, где и первые), крестьянин Павел Антонович Пецевич (23 дес.), Семен Павлович Пецевич и Адам Казимирович Кучук (24 дес.). За эту землю (123 дес.) Ознобишины получили от крестьян 5250 рублей [66].

Нашла отражение в архивных документах и последующая хозяйственно-экономическая деятельность Алексея Ознобишина. Так, в одном из них говорится, что 16 августа 1910 года владелец имения Новая Квасовка Гродненского уезда Алексей Александрович Ознобишин подал в Гродненское отделение Госбанка заявление с просьбой об открытии ему кредита в размере 5000 рублей «для расширения и усовершенствования своего хозяйства» под залог имения и в полном составе. К этому заявлению прилагались составленные по форме так называемые «Обязательство» и «Описание имения», из которых следовало, что во время пользования кредитом он обязуется «не допускать по отношению к данному имуществу таких действий, ко-

торые могли бы уменьшить его ценность или доходность», «не сдавать имение в аренду», «охранять и не рубить находящийся в имении лес сверх разрешений к рубке площади» и т.д. Отмечалось, что имение Новая Квасовка находилось в Гродненском уезде Лашанской волости при реках Свислочь и Неман, в 25 верстах от Гродно и 1,5 верстах от села Лаша. Имение включало в себя 563 дес. земли. Из них пахотной – 495 дес., сенокосной – 65 дес., усадебной (под строениями, садом и огородом) – около 4-х дес. Пахотная засеивалась: рожью – 110 дес., пшеницей – 10 дес., овсом – 55, ячменем – 55, картофелем – 55, горохом – 55, клевером – 55 дес. Преобладающая почва – глинисто-черноземная. Севооборот в имении применялся 9-типольный. Урожай (в пудах) с десятины в среднем за последние пять лет составлял: ржи – 100, овса – 120, пшеницы – 120, ячменя – 120, картофеля – 1200, гороха – 100 пудов. На 120 десятинах пойменных лугов (65 дес.) и посевных трав (55 дес.) урожай сена составлял с десятины пойменных лугов в среднем 3000 пудов, а посевных трав (клевера) – 500 пудов. В имении имелось 36 рабочих лошадей, 150 коров голландской породы (дойных – 130), бык – 1, свиней – 20. Среди наиболее значимого инвентаря в имении имелись: паровая молотилка, веялки, сеялки, жатвенные машины, плуги и прочее (всего на 20 тыс. рублей). Ежегодно доход имения от полеводства за последний год составлял 25 200 рублей, а от продажи 10 бракованных коров – 5750 руб. (итого – 32 250 руб.). Ежегодный расход на содержание имения составлял 24 730 руб. Чистый доход с имения в год – 7520 руб. В соответствующем акте, составленном того же 18 августа 1910 года помощником бухгалтера Гродненского отделения Госбанка И.Ф. Ястржембского, кроме прочего, указывалось, что «названное имение досталось Алексею Александровичу Ознобишину по решению Третьего суда, состоявшегося 8 июня 1906 г.». Среди построек упоминались: «деревянный господский дом, крытый гонтом; каменный амбар, крытый гонтом; каменный дом для службы, крытый соломой; хлебный деревянный сарай, крытый соломой; кухня деревянная, крытая гонтом; каменный жилой дом и хлебный сарай, крытые гонтом; сарай, крытый соломой; два небольших жилых деревянных дома, крытых гонтом; два каменных скотных сарая, крытых черепицей, и прочие постройки. Все они находились в хорошем состоянии и были застрахованы на сумму в 30 000 руб. Перечисленный инвентарь составляли: паровая хлебная молотилка, 3 веялки, 2 сеялки, 2 жатки, 3 косилки, 2 грабель, 26 разного вида плугов, 6 пружинных борон и прочее. Все сельхозоборудование и инвентарь находились в прекрасном состоянии. Все хозяйственные

книги по имению – в должном порядке. Согласно произведенному осмотру поля оказались тщательно обработанными, к чему, как видно, прилагаются великие старания землевладельцев».

20 октября 1912 года, уже в качестве только что избранного депутатом IV Госдумы, Алексей Ознобишин вновь обратился к управляющему Гродненским отделением Госбанка со следующим заявлением: «Пользуясь кредитом Государственного банка под вексель в 5000 руб., покорно прошу об увеличении этого кредита до 12 000 руб. Докладываю, что хозяйство мое все время улучшается и что о решении сего вопроса я бы очень желал узнать до 1 числа будущего ноября месяца, т.к. в начале ноября месяца я должен уехать в Петербург». В конце заявления был указан адрес – «Гродно, Замокская ул., д. князя Четвертинского или почт. отд. Индура – Новая Квасовка Гродненского уезда».

После рассмотрения этого заявления Учетно-ссудный комитет отделения Госбанка пришел к решению об открытии для Алексея Ознобишина кредита в размере 5000 руб. на основании того, «что А.А. Ознобишин пользуется репутацией честного, энергичного и состоятельного помещика, что хозяйство его имения Квасовка-Новая находится в весьма культурном состоянии и что означенный кредит испрашивается исключительно на усиление средств по ведению сельского хозяйства».

16 ноября Гродненское отделение Госбанка согласно заявлению депутата Госдумы камер-юнкера Алексея Ознобишина утвердило постановление Учетно-ссудного комитета об увеличении землевладельцу А.А. Ознобишину кредита для получения ссуд под соло-векселя до 10 000 руб. В связи с этим на основании устава Госбанку 8 декабря 1912 года на имение Квасовка-Новая был наложен запрет, что означало невозможность его продажи [67].

В последующем, даже в годы Первой мировой войны, депутат Алексей Ознобишин продолжал внимательно следить за развитием своего хозяйства, ежемесячно требуя от управляющего имением Станислава Гриневича детальных докладов о состоянии дел в Квасовке-Новой. После эвакуации гродненских госучреждений, в частности, отделения Госбанка в Калугу, Ознобишин прилагал все усилия для погашения своего долга по соло-вексельному кредиту [68]. Последнее свидетельствует о том, что он был твердо уверен в том, что кайзеровские войска в скором времени будут изгнаны из пределов Гродненской губернии и России и он сможет вновь возвратиться домой и заняться своим имением. Однако надеждам его не суждено было сбыться. Произошло это лишь в начале 1920-х годов, в условиях уже польской государственности. Имеются сведения, что

и в этот период владелец имения Квасовка-Новая Алексей Ознобишин отличался энергией и предприимчивостью как в хозяйственных, так и в общественных делах [69].

Весьма интересные суждения о политической деятельности А.А. Ознобишина в составе IV Государственной думы в начале февраля 1917 года приводятся в статье Сергея Фомина «Великая? Бескровная? Русская?» (Русский Вестник. – 2007. – № 3. – С. 7 – 11)». Эти суждения во многом базируются на «Воспоминаниях члена V Государственной думы» (Париж, 1927) А.А. Ознобишина, «который вместе со своими ближайшими товарищами стремился предотвратить февральские и последовавшие за ними октябрьские дни». Как пишет С. Фомин, «эта попытка не удалась, как и несколько более ранняя, предпринятая по инициативе министра юстиции Н.А. Добровольского. Предварительно он прибег к консультациям со своими бывшими сослуживцами: депутатом IV Государственной думы А.П. Ознобишиным и прокурором Петроградской судебной палаты Л.А. Шульгиным (первый был в свое время гродненским предводителем дворянства, второй – там же прокурором, оба были однокашниками по Императорскому училищу правоведения). Сам Николай Александрович, напомним, был в то время гродненским губернатором.

При рассмотрении указанной ситуации С. Фомин прибег к воспоминаниям гродненского депутата думы.

«В последний день Масленицы 1917 г., стало быть 12 февраля, – писал писал А.А. Ознобишин, – после обеда Добровольский пригласил меня в кабинет для совещания. Оказалось, что правительство, сильно встревоженное все усиливающимся народным волнением и в особенности агитационною деятельностью левых думских ораторов, предположило принять энергичные меры и в первую голову хотело арестовать главных лидеров, начиная с истеричного Керенского, влево, всего около десяти человек. Добровольский просил меня, по старой нашей дружбе, высказать совершенно откровенно мое мнение. Мне показалось чудовищным посягнуть на депутатскую неприкосновенность вообще, а арест «кликуши» Керенского в частности казался мне нежелательным еще и потому, что арест окружил бы его ореолом мученичества и вызвал бы усиление народного волнения, тем более, что врачи психиатры несомненно признали бы Керенского нервнобольным и его пришлось бы из-под ареста выпустить, что только осложнило бы положение, поэтому следовало бы его прежде всего немедленно освидетельствовать. Добровольский, наоборот, считал арест Керенского и компании и содержание их в Петропавловской крепости единственно радикальною мерою, а на случай

выхода революции на улицу заявил, что правительство готово дать самый решительный отпор и что пулеметы готовы. На мое возражение, что если арестовать Керенского, Скобелева и Чхеидзе, то почему оставлять на свободе Милюкова, Родичева, Шингарева, Шульгина и графа Бобринского, усердно расчищающих путь к власти не только для себя, но и для Керенского, Скобелева, Чхеидзе и других, Добровольский возразил, что Милюков, Шульгин и прочие названные мною депутаты являются все-таки монархистами и порядочными людьми, которые во время войны не допустят открытой революции, и что Протопопов, несмотря на свое личное нерасположение к Шульгину, графу Бобринскому и Милюкову, тоже высказался против их ареста. С ними всегда можно будет договориться, а с Керенским, Чхеидзе и Скобелевым – никогда.

Прокурор Петроградской судебной палаты Шульгин высказался, как и я, вообще против ареста кого бы то ни было из членов Думы, полагая, что в происходящих событиях виноваты не одни лидеры, а все левые фракции Государственной думы и вообще ее нынешнее большинство, т.е. весь прогрессивный блок, а потому единственным справедливым способом воздействия он признал немедленный роспуск Государственной думы. Этот роспуск обезкуражил бы главных думских лидеров, лишил бы их возможности выступать с зажигательными речами от имени фракции или прогрессивного блока, стоящего за спиною и облегчил бы возможность обезвредить особенно настойчивых агитаторов путем ареста в качестве обычного гражданина, а не неприкосновенного члена Государственной думы.

Добровольский был явно недоволен мнением моим и мнением Шульгина. Он как бы предчувствовал, что Керенский скоро сменит его на посту министра юстиции и причинит непоправимый вред России, однако Добровольский был, видимо, поколеблен в своей решимости арестовать Керенского. И если Керенский в свое время, к сожалению, не арестовал Ленина, то Добровольский, отчасти по моей вине, к сожалению, не арестовал Керенского».

По сведениям, любезно представленным нам гродненским историком А.Н. Чернякевичем, А.А. Ознобишин возвратился из эвакуации в Гродно, как только для этого сложились благоприятные условия. Здесь он жил с середины декабря 1918 года по 12 февраля 1919 года, пока вместе с Л. Барковым не выехал в Берлин. Тогда же он был введен в состав белорусской делегации для поездки в Париж. 29 апреля 1919 года Ознобишин направился вместе с Кондратовичем и Л. Барковым в Париж. Здесь он несколько раз встречался с последним послом России во Франции В. Маклаковым, в том чис-

ле 30 июня 1919 года вместе с А. Мицкевичем.

1 сентября 1919 года Ознобишин оказался вновь в Берлине. Вернулся в Париж 12 сентября 1919 года. По свидетельству Л. Зайца, именно Ознобишин сообщил противникам А. Луцкевича об отъезде последнего в Варшаву в августе 1919 года. В. Дитман обвинял Ознобишина в том, что он еще в декабре 1919 года утерял дипломатические документы. В начале 1920 года он возвратился из Парижа в Берлин, где основал товарищество русских людей за границей. По А. Ладнову, Ознобишин в 1919 году вместе с Л. Барковым и К. Кондратовичем создал в Берлине «монархически-патриотическую российскую организацию, наладил контакты с немецкими монархистами и, прикрываясь белорусским мандатом, все время поддерживал контакты с немцами». В свою очередь, А.А. Ознобишин вместе с К. Кондратовичем и Л. Каховским обвинял А. Ладнова в его связях с французской контрразведкой. Письмом А. Луцкевича к А. Ладнову от 13 февраля 1920 года Ознобишин был исключен из состава делегации в Париж, что было утверждено постановлением совещания Президиума БНР в Риге 30 – 31 мая 1920 года. Весной 1920 года по приезду в Париж на железнодорожном вокзале А.А. Ознобишин был арестован французской полицией как немецкий шпион. Жена Ознобишина вместе с дочкой все это время оставалась в Гродно. Осенью 1920 года большевики вывезли ее из города и по дороге возле г. Лиды убили. Что касается дальнейшей жизни А.А. Ознобишина, то никакими сведениями о ней мы пока не располагаем.

2.6. ГРОДНЕНСКИЕ ЗЕМЛЕМЕРЫ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Межевание – установление на местности и юридическое оформление границ земельных участков, занимало важное место в социально-экономической жизни Российской Империи. Чиновников межевого ведомства в Гродненской губернии возглавлял губернский землемер. Появление этой должности было связано с учреждением в 1802 году Гродненской губернии. Губернский землемер на правах члена входил в состав общего присутствия Гродненского губернского правления, которое осуществляло наблюдение за ходом межевания земель в губернии.

16 декабря 1846 года император Николай I утвердил мнение Государственного совета о присоединении Гродненской губернской

межевой части к Межевому корпусу. Последнее означало, что с этого времени все межевые чины губернского ведомства, находившиеся «под ближайшим и непосредственным начальством властей губернского управления, вместе с тем подчиняются и главному директору Межевого корпуса». Реально это выражалось в том, что все землемеры, включая и состоящих при губернских чертежных, при определении их на службу, повышении в должности, переводе в другие губернии и т.д. должны были проходить через предварительное соглашение главного директора Межевого корпуса с начальниками губерний, в которых указанные землемеры состояли на службе. Данным положением определялось, каким требованиям должны отвечать все категории землемеров по социальному, образовательному и нравственному цензам. Так, в документе говорилось о том, что «в губернские землемеры определяются преимущественно те из достойнейших землемеров Межевого корпуса и губернского ведомства, которые соединяют в себе вполне все необходимые качества опытного, деятельного, знающего юридическую и техническую часть межевания и совершенно благонадежного в нравственности чиновника». Для большего порядка устанавливалась жесткая система подчиненности межевых учреждений разного ранга, описывались обязанности губернских, уездных и всех других категорий землемеров, а также их помощников. Там же назывались «предметы и число баллов в оных для получения званий старших и младших чертежников и помощников землемеров». Определялись критерии оценки баллов по знанию межевого дела, а также значение тех или иных баллов [70].

Под началом губернского землемера находилась Гродненская губернская чертежная, образованная в 1871 году, т.е. в ту пору, когда на северо-западные земли Империи был распространен закон 1868 года «О порядке производства межевых дел в местностях, где введены в действие судебные уставы 20 ноября 1864 года». Гродненская губернская чертежная находилась в подчинении губернатора, губернского правления и межевого департамента (с 1894 года – 3-го департамента Сената). Штат чертежной состоял из губернского землемера, его помощников, уездных землемеров, делопроизводителей, чертежников, писцов. Землемеры, состоящие на государственной службе, являлись членами соответствующих землеустроительных комиссий. Их работа по межеванию земель требовала высокого профессионализма, соответствующих служебных и нравственных качеств. Лучше всего об этом можно судить по тому, как шло продвижение землемеров по службе, как поощрялось их служебное рвение. Одним из документов, дающим представление об этом, является «Формулярный список о службе землемеров гу-

бернского ведомства Гродненской губернии за 1852 год», хранящийся в фонде Гродненской чертежной НИАБ в г. Гродно. Ценность этого документа заключается еще и в том, что в нем содержатся сведения о жизни и служебной деятельности всех тогдашних землемеров. Возглавлял список землемеров губернии глава ведомства. Впрочем, начнем знакомство с ними по закрепленному документом порядку.

1. Надворный советник Николай Ефимович Панютин – гродненский губернский землемер и неперемный член губернской строительной и дорожной комиссий, от роду 71 год, православного вероисповедания, кавалер орденов св. Станислава 3-й степени и св. Владимира 4-й степени, имеет «Знак отличия» за беспорочную службу, получает в год жалованья 588 рублей. Н.Е. Панютин происходил «из землемерско-помощничьих детей», имения ни он, ни его жена не имели. На момент составления формуляра был вдов, имел сына Алексея (30 лет), служившего каневским уездным землемером Киевской губернии, и пять дочерей: четыре из них Александра (39 лет), Надежда (34 лет), Вера (32 лет), Любовь (26 лет) находились в замужестве, а младшая Екатерина (21 года) жила при отце. Все члены семьи Панютина были православного вероисповедания. Служебная деятельность Н.Е. Панютина развивалась следующим образом. В 1790 году после окончания Вологодского народного училища он поступил на службу в Вологодскую межевую контору младшим учеником, через три года он уже старший ученик. И только после службы в нижних должностях в Курской и Саратовской межевых конторах его направляют в 1809 году на службу в Омский уезд землемером. После открытия в 1824 году Омской области Тобольского края он становится областным землемером. Дополнительно к этому несколько лет он исполнял здесь и должность областного архитектора.

В апреле 1835 года указом Правительствующего сената по межевому департаменту Н.Е. Панютин был переведен на должность гродненского губернского землемера. Здесь, в Принеманье, он занимал до своей кончины.

2. Титулярный советник Езикиль Иванович Василевский – особый землемер при Гродненской губернской чертежной, от роду 59 лет, римско-католического вероисповедания, имеет знак отличия за 20 лет беспорочной службы, получает жалованья в год 280 рублей серебром, из дворян, имений с женой не имеют. Женат на дворянке Эмилии Длуской, имеет двух дочерей: Жозефину-Екатерину (26 лет, в замужестве) и Эмилию-Мариану (20 лет, живет при родителях), все они римско-католического вероисповедания. Е.И. Василевский окончил в 1822 году Волыньско-Каменецкий институт, после чего

межевым департаментом определен на службу пермским уездным землемером. Через два года он переезжает в Гродненскую губернию, где становится сначала слонимским уездным землемером, а с 1828 года – особым землемером при Гродненской губернской чертежной, где и протекала вся служба Е.И. Василевского.

3. Губернский секретарь Ксаверий Фердинандович Станкевич – гродненский уездный землемер, от роду 33 лет, вероисповедания римско-католического, жалованья получает 200 рублей в год, из дворян, у него самого и родителей имеется родовое имение Олексин в Волковском уезде с 11 мужского пола крестьянскими душами, холост. Окончил Волковыское уездное училище, после практического изучения геодезии был в 1835 году определен землемером в Кобринском межевом акцизном суде. В 1842 году после сдачи специального экзамена был определен к исправлению должности гродненского уездного землемера.

4. Губернский секретарь Лев Михайлович Качанский – сокольский уездный землемер, от роду 29 лет, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, жалованья в год получает 200 рублей. По окончании в 1840 году полного курса наук в Константиновском межевом институте поступил на службу в межевой корпус младшим землемером, с 1849 года – сокольский уездный землемер, холост.

5. Не имеющий классного чина Петр Казимирович Зворовский – белостокский уездный землемер, 48 лет, римско-католического вероисповедания, жалованья получает 300 рублей в год, из дворян, у родителей имелось в Бельском уезде имение Лубика с тремя душами крестьян мужского пола и тремя женского, у жены имелось в том же уезде имение Корженевка с 28 душами крестьян мужского и 43 душами женского пола, женат на дворянке Марии Боржим, имеют двух сыновей: Адама 16 лет и Леона 13 лет, оба римско-католического вероисповедания, обучаются в Белостокской гимназии.

6. Губернский секретарь Иван Андреевич Петрашевич – бельский уездный землемер, 50 лет, римско-католического вероисповедания, имеет серебряную медаль с надписью «За спасение погибавших», получает в год жалованья 300 рублей, из дворян, у жены имеется имение Кошево и 35 ревизских душ, женат на дворянке Екатерине Емилиховской, детей не имеют. Землемерской деятельностью начал заниматься после окончания Борунского училища Ошмянского уезда, с 1834 года – бельский уездный землемер; серебряной медалью «За спасение погибавших» был награжден по Высочайшему повелению за человеколюбивый подвиг в 1837 году.

7. Коллежский регистратор Иван Викентьевич Домбровский – брестский уездный землемер, 49 лет. Римско-католического вероис-

поведания, жалованья получает в год 200 рублей, из дворян, имений не имеет, холост. Окончил Холмское уездное училище, осваивал дело практически при Кобринском межевом суде, в 1843 году был определен к исправлению должности брестского уездного землемера.

8. Коллежский секретарь Юлиан Осипович Малевич – 2-й особый землемер, исправляющий должность Кобринского уездного землемера, 33 лет, римско-католического вероисповедания, жалованья получает 200 рублей, из дворян, имений нет, холост, окончил Слонимское уездное училище, землемерное дело изучал практически, в 1852 году ему была объявлена благодарность за наблюдения по солнечному затмению, бывшему 16 июля 1852 года.

9. Коллежский регистратор Иван Иванович Сикорский – пружанский уездный землемер, от роду 36 лет, вероисповедания римско-католического, жалованья получает 200 рублей серебром, из дворян, у родителей – имение Александров в Волковском уезде с 40 душами крестьян мужского пола, женат на дворянке Евгении Сосулич, имеет сына Северина-Людвика (5 лет), дочь Ядвигу (3 лет) и сына Антона-Ксаверина (1 года), которые находятся при родителях; все римско-католического вероисповедания, окончил Волковское уездное училище, осваивал дело практически вольным способом, с 1840 года – пружанский уездный землемер.

10. Коллежский регистратор Михаил Тимофеевич Михайлов – слонимский уездный землемер, 32 лет, православного вероисповедания, жалованье получает 200 рублей в год, из обер-офицерских детей, имений не имеет, женат на дворянке Ольге Тупальской, римско-католического вероисповедания, детей не имеют. Окончил Константиновский межевой институт, с 1839 года исправлял должность особого землемера при губернской чертежной, с 1884 года – слонимский уездный землемер.

11. Губернский секретарь Иван Игнатьевич Добровольский – волковьиский уездный землемер, от роду 50 лет, вероисповедания римско-католического, знаков отличия не имеет, получает жалованья 200 рублей в год, из дворян, имеет родовое имение Заблоть с двумя душами мужского пола в Волковском уезде; вдов, имеет сына Игнатия-Вандалина (8 лет, живущего при отце). Окончил Жировичское училище, землемерное дело освоил практически [71].

Характерно, что из названных межевых служащих лишь двое (сокольский уездный землемер Л.М. Качановский и слонимский уездный землемер М.Т. Михайлов) имели после окончания Константиновского межевого института в Москве специальную профессиональную подготовку. Что касается остальных сотрудников чертежей, то они получали нужную квалификацию самостоятельно и на

протяжении всей жизни. Тем не менее именно на этих землемеров и их помощников легла вся тяжесть работ, связанных с подготовкой и реализацией аграрной реформы 1861 года, и они с этой задачей в профессиональном отношении вполне справились.

Разумеется, что с годами менялись не только задачи межевой службы, менялись и сами люди: одно поколение землемеров сменялось другим. Об этом убедительно свидетельствует «Формулярный список о службе чинов Гродненской губернской чертежной за 1895 год». Судя по нему, состав чертежной к этому времени радикально изменился. На начало года в ней числилось 7 человек. Начинался формулярный список с данных о том, кто возглавлял учреждение.

1. Межевой топограф, действительный статский советник Алексей Сергеевич Цветков, гродненский губернский землемер, родился в 1841 году, православного вероисповедания, был награжден орденами св. Владимира 4-й степени, св. Анны и св. Станислава 2-й и 3-й степеней, знаком отличия беспорочной службы за 40 лет, медалью в память императора Александра III и знаком Общества Красного Креста за труды в его пользу; жалованья получал в год 1800 рублей, проценты к нему в 135 рублей и труды по землеустройству 900 рублей, всего 2835 рублей. Происходил из оберофицерских детей. На время составления формуляра А.С. Цветков был вдов; имел детей – сыновей: Константина, родившегося 28 апреля 1874 года; Михаила, родившегося 30 сентября 1875 года, и Александра, родившегося 4 июня 1878 года. Из них: Константин состоял на службе астрономом в Межевом институте; Михаил служил ревизором Главного переселенческого управления, а Александр состоял помощником присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. Все дети вероисповедания православного.

Вся жизнь А.С. Цветкова проходила в занятиях землемерным делом. После окончания в 1862 году школы межевых топографов он вступил в Межевой корпус в должности прапорщика. После преобразования корпуса из военного учреждения в гражданское он был направлен в 1869 году на должность помощника Черниговского губернского землемера. С 1876 года занимал должность черниговского губернского землемера. Приказом по ведомству Министерства юстиции (его межевой части) от 18 марта 1882 года был назначен гродненским губернским землемером [72]. Параллельно с основной должностью он был в 1887 году утвержден в звании директора Гродненского губернского попечительного о тюрьмах комитета, в 1896, 1899, 1905 и 1908 годах Цветков назначался почетным мировым судьей Гродненского округа. Все это говорило о государственном и общественном признании заслуг этого человека. Кроме того, А.С. Цвет-

ков являлся почетным членом Гродненского губернского попечительства о народной трезвости, а также Гродненского Софийского православного братства. В 1910 году он оставил должность губернского землемера «согласно прошению по болезни» и вышел на пенсию. В своем ходатайстве о назначении чиновнику «усиленной пенсии» гродненский губернатор Борзенко, в частности, отмечал, что «А.С. Цветков прослужил на межевой службе 47 лет, из коих более 27 лет в должности губернского землемера в Северо-Западном крае и при своих высоких нравственных качествах, основательном знании межевого дела и большой опытности всегда отличался особенным усердием по службе и отличным ведением дела, причем сверх своих прямых служебных обязанностей уделял много трудов делам различных гродненских благотворительных учреждений, принимал большее участие в разрешении ряда судебных дел, вот почему я признаю действительного статского советника Цветкова вполне заслуживающим Монаршей милости – назначения усиленной пенсии в размере 1935 рублей из Государственного казначейства» [73]. И такая пенсия А.С. Цветкову была назначена.

Опять обратимся к формулярному списку губернской чертежной за 1895 год.

2. Межевой пенсионер, статский советник Владимир Александрович Лозовский – помощник гродненского губернского землемера, 54 лет, православного вероисповедания, из дворян, награжден орденами св. Анны 2-й степени и св. Станислава 2-й и 3-й степеней, а также «академическим знаком, заменяющим аксельбант»; получал жалованья в год 1200 рублей, процентной прибавки 120 руб. и пенсии 600 руб. Итого – 1920 руб. Женат на дочери коллежского секретаря Вере Васильевне Перхуровой, имеет сыновей – Василия, родившегося 15 февраля 1870 года, и Михаила, родившегося 1 ноября 1879 года, а также дочь Елизавету, родившуюся 4 августа 1873 года; Василий служит помощником лесничего Донского лесничества, Михаил воспитывается в Сокольском уездном училище, а дочь Елизавета находится при родителях; жена и дети православного вероисповедания. Как и Цветков, В.А. Лозовский окончил Константиновский межевой институт, служил прапорщиком корпуса межевых инженеров, затем был прикомандирован к межевому институту, был назначен преподавателем, ему поручили и заведывание библиотекой института. Затем в 1877 году был направлен работать преподавателем Пензенского землемерного училища, на протяжении нескольких лет был его надзирателем. С 1890 года – помощник гродненского губернского землемера.

11 февраля 1895 года был «уволен от службы согласно прошению по болезни с мундиром занимаемой им должности».

3. Коллежский ассессор Иван Николаевич Янучков – гродненский уездный землемер, 40 лет, вероисповедания православного, жалованья получает 600 руб. в год, холост, сын купца. После окончания школы межевых топографов работал младшим землемером, помощником в Черниговской межевой палате, служил челябинским уездным землемером Оренбургской губернии. С 1892 года – гродненский уездный землемер.

В составе губернской чертежной также служили:

4. Надворный советник Хлавна Менделеевич Ракк – и.о. кобринского землемера, 53 лет, вероисповедания иудейского, жалованья получал 600 руб. в год.

5. Коллежский секретарь Шевель Липманович Боярский – частный землемер-таксатор, 46 лет, вероисповедания иудейского, жалованья по штату не получал.

6. Коллежский ассессор Иван Нилович Троицкий – делопроизводитель губернской чертежной, 42 лет, православного вероисповедания, жалованья получал 600 рублей.

7. Канцелярский служитель Гродненского губернского правления Алексей Матвеевич Данильчик, 28 лет от роду, православного вероисповедания, «орденов и знаков отличия не имел, жалованье получал не окладное» [74].

Работы землемерам всегда хватало, и чаще всего она была связана с командировками по всей губернии. Объем работ чертежной и каждого землемера определялся в начале года и на весь период. В списке дел, поручаемых к исполнению в 1902 году помощника гродненского губернского землемера Оглоблина, значились работы по измерению земель, занятых зданиями военного собрания и местного лазарета, постройками и стрельбищами 171-го Кобринского пехотного полка, 102-го Вятского пехотного полка, 103-го пехотного Петрозаводского полка, 26-й артбригады, 4-го саперного батальона, Гродненской инженерной дистанции, дислоцировавшихся в г. Гродно. Гродненскому же уездному землемеру Янучкову в это же время поручались экспертиза застройки улиц в местечке Крынки Гродненского уезда, измерение и составление планов земель, отводимых в 1902 году для надобности войск при г. Белостоке, измерение и составление плана на поселение Михайлова Незбудка, восстановление границ и поверка в натуре земли причта Друскеникской церкви, в даче местечка Друскеники и др.

Сроки исполнения всех работ в чертежной были четко регла-

ментированы, любая задержка в исполнении требовала аргументированного объяснения со стороны землемера. Это можно подтвердить рапортом помощника губернского землемера Д.Ф. Оглоблина гродненскому губернскому землемеру Цветкову от 10 мая 1902 года: «На 10 мая мне было назначено к исполнению в натуре 1-го очередного по списку дела – по измерению земель Гродненского военного собрания и военного лазарета, но так как по 1-му делу еще не собраны не по моей вине сведения о границах, я приступаю к исполнению 2-го очередного дела об измерении земель, занятых провиантским магазином. О чем имею честь донести».

Ход производимых землемерами работ проверялся губернатором, губернским правлением, губерnskим землемером исключительно строго. О проделанной работе надлежало сообщить в форме доклада и представить резолюцию в отношении дальнейших работ. Под этими документами (к примеру, о работах, производимых землемером Оглоблиным по измерению и составлению планов земель, отчуждаемых в казну под устройство дорог между фортами Брест-Литовской крепости и т.д.) ставили свои подписи губернский землемер Цветков, вице-губернатор, губернатор П.А. Столыпин; за получение их подписывался и землемер, в частности, Оглоблин.

В отдельных случаях землемерные работы в губернии проводились по линии Министерства юстиции через председателя межевой канцелярии, лишь с уведомлением о таком решении губернского землемера. Об одном из таких дел свидетельствует письмо из Министерства в Гродненское губернское правление от 20 мая 1902 года: «По распоряжению Межевой канцелярии, утвержденному управляющим межевой частью, для производства в текущем году коштного межевания в Гродненскую губернию командирован старший землемер Межевой канцелярии инженер, статский советник Тельшевский по делу лесной дачи Тетеровский Бор Гродненского уезда, принадлежащей к имению В.-Берестовица, владения графа Коссаковского».

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить губернское правление сделать зависящие от него распоряжения об исполнении местными властями всех законных требований поименованного межевого чина. Председатель, инженер-генерал (подпись неразборчива. – В.Ч.)». По получению этой бумаги губернское правление ставило в известность о ней губернского землемера, а он – ниже следующие инстанции.

По приезду в Гродно командированный инженер получал от местных властей соответствующее свидетельство. Вот содержание

одного из них: «Выдано настоящее свидетельство от Гродненской губернской чертежной за надлежащими подписями и приложением казенной печати старшему землемеру Межевой канцелярии, межевому инженеру, статскому советнику Тельшевскому в том, что он командирован Межевой канцелярией для производства специально-коштного межевания в Гродненской губернии и что ему на основании циркуляра министра внутренних дел от 21 сентября 1874 года за № 15091 во время разъездов по делам службы по Гродненской губернии при выдаче почтовых лошадей должно быть отдаваемо преимущество пред приезжающими по частной надобности, с освобождением от уплаты добавочных денег за повозки и смазку колес, а на шоссейных заставах и переправах через реки – свободный пропуск. Июня 15 дня 1902 года. Гор. Гродна. Губернский землемер Цветков. Делопроизводитель Троицкий».

Кроме свидетельства, командированный в губернию землемер получал от местных властей так называемый открытый лист. Такой документ за № 153 на 1902 год имелся и у Тельшевского. Его текст: «Выдан сей из Гродненского губернского распорядительного комитета старшему землемеру Межевой канцелярии межевому инженеру Тельшевскому сроком от нижеподписанного числа впредь по 31 декабря 1902 года на взимание обывательских или земских подвод по 6 лошадей платежом прогонов по 13 коп. за версту и лошадь при разъездах по делам службы в пределах Гродненской губернии; вследствие сего сим предписывается городской и уездной полициям и сельским властям оказывать содействие и без замедления представлять предьявителю сего обывательские или земские подводы по 6 лошадей за указанную выше плату. Июня 15 дня 1902 года. Губернатор (подпись), член губернского распорядительного комитета (подпись)».

Всем землемерам (столичным и местным) власти должны были представлять на время командировки место для бесплатного проживания. Занимались этим, как правило, полицейские чины. В местном архиве хранится немало дел с разносами в адрес полиции за неисполнение по той или иной причине этого требования. Вот одно из них (от 11 августа 1902 года), адресованное гродненским губернатором П.А. Столыпным и губернным землемером А.С. Цветковым белостокскому полицмейстеру: «Рассмотрев рапорт Ваш от 13 июня сего года за № 1622 и представленное уездным землемером Янучковым объяснение и переписку его с Вами об отводе ему в г. Белостоке квартиры на время исполнения порученного губернским правлением дела, я нашел, что Вами, вопреки предписанию правления от 30 апреля 1902 года за № 314, не оказано Янучкову

должного содействия при отводе вышеозначенной квартиры. Поставляя это Вам на вид, предписываю на будущее время в точности исполнять поручения начальства». Характерно, что запланированные на год работы для землемеров губернской чертежной фиксировались на соответствующей карте Гродненской губернии в форме пометок с цветными номерами и конкретными примечаниями. Одна из них хранится в бумагах за 1902 год [75].

В распоряжении землемеров находились помощники землемеров землеустроительных комиссий. В их обязанности во исполнение предписания от 29 апреля 1881 года входило следить за ними и представлять в губернскую чертежную сведения о служебных и нравственных качествах своих помощников. Как правило, эти характеристики были лаконичными, но вполне ответственными, не формальными. Из более 40 характеристик помощников землемеров за 1913 год выберем наиболее типичные или неординарные: Л.К. Дроздовский 1-й («тихий, скромный; делом интересуется и исполняет его аккуратно, толково и умело»), К.К. Дроздовский 2-й («ни в чем предосудительном не замечен; опытный, сообразительный, но требуется большее трудолюбие»), П.И. Злауготна («нравственные качества удовлетворительные; особого интереса к делу не проявляет»), К.М. Иванов («нравственные качества очень хорошие; трудолюбив, энергичен, проявил знание и интерес к делу»), К.О. Казберук («ни в чем предосудительном не замечен; малосведущ, но старается приобрести познания, работает охотно и без оговорок»), М. Китенко («нравственные качества отличные; исполнитель, трудолюбив. Желательный кандидат в землемеры») и т.д. В отдельных случаях губернский землемер требовал представления более подробных сведений о служебных и нравственных качествах помощников. Такие требования исполнялись неукоснительно. Вот пример этого в отношении помощника землемера Ломеки 2-го: «1) В отношении полевых работ в начале командировки был недостаточно подготовлен, но затем приобрел необходимые навыки, так что в конце командировки мог самостоятельно и безошибочно производить теодолитную съемку. 2) В отношении камеральных работ, как то: вычисление румбов, азимутов, координат и черчение планов, был также слаб, но как человек сообразительный довольно скоро все это усвоил; как чертежник особенно трудолюбив и старателен; чертит весьма старательно и красиво, вполне ознакомлен с каллиграфическими надписями на планах. 3) В знании землеустроительной техники и законов совершенно слаб и к усвоению их не проявлял особого желанья, хотя с правилами вызова владельцев и производства отграничений поверхностно ознакомился. 4) К служ-

бе относится усердно, все поручения выполняет беспрекословно и по возможности скоро. 5) Во время работ в моей партии вел себя вполне благопристойно. Ст. землемер И.С. Карчевский».

В деле за 1913 год даны краткие и пространные (в большинстве случаев положительные характеристики) на следующих помощников землемеров: Э.М. Зоммерфельда, Л.М. Климаша, С.В. Красковского, А.Я. Лаукмана, В.И. Ломеки 1-го, М.К. Лосева 2-го, И.И. Лукина, В.М. Маслиевича, А.И. Озола, В.Е. Остапчука, М.М. Павловского 1-го, Е.Б. Павловского 2-го, И.Л. Свицерского, Д.М. Семерича, Ф.-А.Ю. Сиршбарта, Г.И. Стригуцко, К.М. Табельчука 1-го, И.М. Табельчука 2-го, Л.И. Филипчака, С.С. Хоновца, А.А. Цимма, А.И. Чалова, А.Д. Чалова, А.Д. Шиканова, Э.В. Щепановского, С.М. Бека, А.О. Бредса 1-го, П.Т. Абрамовича, К.П. Григорьева, А.Д. Дехтярева, И.У. Завко, О.П. Лешковича-Зеновича-Ольпинского, И.К. Лосева 1-го, А.Е. Морозова, К.С. Плетнева, В.К. Рудаковского, О.Я. Рукайса, В.Г. Стирна, А.С. Шустова и др. Среди авторов характеристик (сведений) были старшие и просто землемеры Л.И. Гришин, Бондаренко, Игнатович, А.О. Бредс, Рыжков, В. Каверзнов, Пустынников, И. Мерт, А. Прейман, Ханнус, Чесноков, Богданов и др.

По мере надобности губернский землемер и инженер чертежной составляли характеристики (сведения) и старших землемеров: А.С. Бондаренко, В.А. Волотовского, М.И. Гедговда, Ф.А. Игнатовича, И.С. Карчевского, К.С. Каменского, Я.П. Лисовского, Ф.И. Павлуновского, Л.В. Терешенкова, А.А. Фомина 1-го, Я.К. Берзина, Л.З. Будника, П.Ф.Воробьева, В.В. Гусака, С.И. Дюжикова, Н.И. Илларионова, П.В. Козловского, П.К.Кривцова, П.В.Кузьмина, И.Я. Лосика, Я.Л.Лося 1-го, А.П. Масленникова, М.Э. Немитца, З.И. Перлиса, А.-Я.Я. Преймана, Н.А. Пустынникова, Х.В. Рыжкова, Г.А. Савальича, П.А. Чеснокова, А.И. Щербинина, Н.А. Фомина 2-го, Н.Н. Богданова, С.С. Боярского, А.О. Бредса, С.П. Белотелова, Г.А. Волкова, М.К. Зиминского, В.В. Каверзнева, В.И. Комаровского, М.М. Лагодича, П.Ф. Леина, В.Г. Лося 2-го, И.И. Мерта, К.И. Прокопенко, И.А. Рахальского, М.И. Субботина, М.М. Субоча, Н.Н. Третьякова, Н.П. Федорова, Ю.Ю. Ханнуса, В.И. Шмидта, Ф.Ф. Юрковича, И.И. Шахолова, А.А. Аболина, К.П. Борковского, Л.Т. Браташа, Э. – М.Г. Берзина, В.М. Брувера, Я.С. Бегенского, М.Ф. Бельцеровского [76].

Благодаря этим характеристикам имеется возможность для поименного и количественного определения тех людей, кто в 1913 – 1914 годах занимался землемерным делом в Гродненской губернии. В начале же 1915 года на государственной службе в землеустроительных комиссиях Гродненской губернии состояло 14 старших и 20 обычных землемеров.

Среди старших землемеров наиболее опытными были Ф.И. Павлуновский, М.И. Гедговт, И.С. Карчевский, а среди обычных землемеров З.И. Перлис, И.А. Скворцов, Г.А. Савольич, П.Ф. Воробьев. Из числа старших землемеров в действующую армию были призваны В.А. Волоотовский, М.И. Гетговт, Ф.Ф. Игнатович, Х.В. Рыжков, а из обычных землемеров: Я.К. Берзин, Н.И. Илларионов, П.В. Кузьмин [77].

Первая мировая война нанесла удар по землемерному делу в Гродненской губернии: многие землемеры ушли на войну, работы по межеванию были свернуты, ведомство влачило жалкое существование. Положение особенно осложнилось с эвакуацией губернской чертежной и всех землеустроительных комиссий в Калужскую губернию. Как свидетельствует «Требовательная ведомость по выдаче содержания чиновникам и сторожам Гродненской губернской чертежной за январь месяц 1916 года», в составе учреждения числилось 7 человек (3 землемера, включая губернского землемера Иванова, его помощников Оглоблина и Янучкова, делопроизводителя Наливко) и 3 канцелярских служителя (Александр Свидерский, Павел Гузовский и курьер-сторож Петр Ерохин) [78]. Мизерное жалованье для них приходилось буквально выпрашивать у властей. Остальная масса губернских землемеров и их помощников перебивалась как только могла. Еще труднее приходилось эвакуированным семьям тех землемеров, которые ушли на войну. В феврале 1916 года среди остро нуждающихся семей значились: семьи вольнонаемных землемеров Комаровского, Лукина, Ганнуса, Волкова, Ваврешука, Смольского; семьи помощников землемеров Берзина, Прокопенко 2-го, Ильюхина, Алатарцева и др. В последующем список членов семей землемеров, призванных в действующую армию, все увеличивался. К уже указанным семействам прибавились: семьи помощников землемеров Павловского, Щепановского и др [79].

Следует отметить, что гродненские землемеры еще до эвакуации вглубь России активно участвовали благотворительной деятельностью. Как следовало из рапорта гродненского губернского землемера Н.М. Иванова в управление межевой частью Министерства юстиции, «землемерными чинами землеустроительных комиссий Гродненской губернии производится ежемесячное двухпроцентное отчисление от получаемого содержания в средства комитета помощи призванным на войну чинам ведомства Главного управления землеустройств и земледелия и их семействам, и, кроме того, содержится вместе с чинами губернской чертежной по одной кровати для раненых нижних чинов в госпиталях: Добровольного санитар-

ного отряда Гродненской крепости и Гродненской общины сестер милосердия Красного Креста с платой по 30 руб. в месяц за каждую. Сверх этого землемерные чины Кобринского уезда участвуют в содержании лазарета местного комитета Красного Креста» [80].

После эвакуации из Гродно землемеры сами оказались в положении взывающих о помощи. Что же касается производственной деятельности губернской чертежной, то она в соответствии с рапортом губернского землемера Н.М. Иванова в 1916 – первой половине 1917 года «заклучалась главным образом в небольших работах по землеустройству, а также в выдаче справок из межевого архива по просьбам разных лиц и учреждений» [81]. В данной ситуации выжить можно было лишь сообща. Так, в среде находящихся в эвакуации в г. Калуге чиновников межевого ведомства, так называемого «гродненского землячества», зародилась идея создания «Союза землемеров Гродненской губернии». О том, как создавался союз, лучше всего судить по следующему документу: Протокол. 4-го декабря 1917 года служащие Гродненской губернской чертежной собрались в числе 11 человек (Оглоблин, Федоров, Юркевич, Шаржант, Воевник, Ерохин, Л. Наливко, Зоммерфельд, В. Наливко, Будник, Рохальский. – *В. Ч.*) для обсуждения вопросов по поводу образования исполнительного комитета служащих чертежной, выборов представителей в Гродненский губернский исполнительный комитет и в Комитет союза служащих правительственных и общественных учреждений Гродненской губернии и о желательности организации «Союза землемеров Гродненской губернии».

Председателем собрания был единогласно избран Д.Ф. Оглоблин, секретарем – В.А. Наливко.

1. По предложению председателя было намечено 6 кандидатов для выборов их в Исполком служащих Гродненской губернской чертежной. При выборах закрытой баллотировкой избранными оказались: Л.З. Будник, В.А. Наливко, Н.П. Федоров, Д.Ф. Оглоблин, К.А. Касалайнен и П.С. Ерохин, кандидатом в члены – Э.М. Зоммерфельд.

2. Из числа избранных было предложено выбрать по одному представителю в Гродненский губернский исполнительный комитет и в Комитет союза служащих правительственных и общественных учреждений Гродненской губернии. После принятия этого предложения в Гродненский исполком был избран Л.З. Будник и в Комитет Союза служащих – Н.П. Федоров.

3. По предложению председателя собрание постановило войти в сношение со всеми землемерными чинами, призванными на военную службу и командированными в различные организации об

образовании «Союза землемеров Гродненской губернии» и по образованию такового войти в контакт с Калужским и Всероссийским Союдами. Текст обращения к отсутствующим землемерам поручить составить В.А. Наливко». Протокол подписали: председатель Оглоблин, секретарь В. Наливко и еще шесть участников собрания (подписи неразборчивы).

После выполнения принятых замечаний 24 января 1918 года состоялось общее собрание членов «Союза землемеров» в количестве 33 человек (Иванов, Оглоблин, Масленников, Перлис, Рохальский, Скворцов, Федоров, Фомин 2-й, Юркович, Архипов, Воевник, Берзинь, Браташ, Зоммерфельд, Злаучонти, Касалайнен, Кудрявцев, Лаукман, Лось 2-й, Маслиевич, Озолин, Шаржант, Свидаерский, Эйсмонт, Сергей, Юречко, Ерохин). Собрание утвердило Устав «Союза» и решило ряд организационных вопросов. Дату 24 января 1918 года можно справедливо считать датой рождения общественной организации землемеров. К этому времени членами его стало 93 работника межевой службы Гродненщины.

Ввиду ликвидации всех эвакуированных гродненских учреждений 1 февраля 1918 года, а вместе с ними и Гродненской губернской чертежной, Гродненский союз землемеров также был ликвидирован путем самороспуска и последующего вхождения всех его членов в состав Калужского союза землемеров. 4 марта 1918 года «Союз землемеров Гродненской губернии» (председатель Д.Ф. Оглоблин, секретарь В.А. Наливко) ходатайствовал о зачислении его членов в состав «Всероссийского союза землемеров». В качестве членского взноса почтовым переводом в адрес общероссийской организации было отправлено 115 рублей [82].

Национализация земли в советский период вызвала коренные изменения в системе землепользования. На смену дореволюционному межеванию пришло землеустройство, основанное на современных достижениях геодезии и картографии. Землемеры стали называться землеустроителями. Однако в исторической памяти гродненцев остались и работники бывшей межевой службы. Могилы некоторых из них (Г.В. Лобковского, И.Н. Троицкого, Цветковых и др.) на старом городском православном кладбище до сих пор посещаются родными и близкими.

2.7. ПОДАТНЫЕ ИНСПЕКТОРА ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В середине 50-х годов XIX века финансовое положение Российской Империи оказалось подорванным из-за огромных военных расходов, вызванных Крымской войной. Громадный дефицит 1854 – 1856 годов (30 731 527 руб.) пришлось покрывать за счет повышения налогов, займов и работы печатного станка. Финансовая ситуация усугублялась кризисными явлениями в промышленности и торговле, вызванными нехваткой капиталов. Для оживления экономики были снижены таможенные пошлины на ряд материалов, необходимых российской промышленности. Был усилен контроль за расходованием средств, существенные изменения произошли в налоговой системе. Усложняющаяся налоговая система настоятельно требовала реформ в области контроля за поступлением налогов, создания соответствующих административных учреждений [83].

В 1885 году во исполнение утвержденного 30 апреля этого года постановления Государственного совета в Гродненской губернии, как и в других губерниях Европейской России, были учреждены должности податных инспекторов. Учреждение их следует отнести к одному из самых важных моментов деятельности Гродненской казенной палаты.

Податная деятельность последней при личном составе ее до 1885 года имела почти исключительно канцелярский характер как по исчислению сборов в казну, так и по их взиманию. Иного рода деятельности и не требовалось от палаты при той несложной податной системе, которая привлекала к обложению лишь немногие виды имущества и притом в ничтожном сравнительном размере; с другой стороны, установленный для некоторых налогов порядок их раскладки учреждениями местного самоуправления также не вызывал до поры до времени необходимости в изменении деятельности палаты, пока – при общей незначительности этих платежей – неравномерность распределения их между различными уездами и городами не могла иметь существенного значения.

В то время были следующие прямые налоги: подушная подать, государственный поземельный налог, государственный налог с недвижимых имущества в городах и налог с торговли и промыслов. Все эти прямые налоги давали очень небольшую сумму сборов, причем увеличить обложение не представлялось возможным, так как сборы распределялись столь неравномерно, что даже слабое увеличение обложения могло разорить многих плательщиков. Кроме того, значительная часть исчисленных сборов оставалась в недоимке, что, в свою очередь, влияло на состояние государственного бюджета, который почти ежегодно сводился с дефицитом. Нахо-

дившийся в то время (в 80-х годах XIX в.) во главе Министерства финансов тайный советник Николай Христианович Бунге составил проект улучшения государственных финансов путем перенесения податного бремени с малоимущей части населения на его состоятельные группы. По этому проекту предполагалось заменить оброчную подать выкупными платежами; кроме того, отменить подушную подать и налог на соль, взамен коих ввести дополнительный промысловый налог с гильдейских предприятий, установить пошлины с безвозмездно переходящих имуществ и сбор доходов от капитала, эти налоги внесли бы большую равномерность в обложение плательщиков.

Усложнение податной системы, частью уже свершившееся до 1885 года, частью предполагаемое при дальнейшем существовании указанного преобразования податей, а также увеличение размера существовавших налогов поставили дело податного управления в губернии в другие условия и предъявили к этой администрации такие требования, которые она в ее тогдашнем составе удовлетворить не могла.

Заведование в губернии податями подушную и оброчную, выкупными платежами, налогом поземельным и с городских недвижимых имуществ и пошлинами с торговли сосредоточено было исключительно в одном из отделений казенной палаты, которое вместе с тем вело и сложную переписку по текущим изменениям подушного счета податного населения. Личный состав этого (второго) отделения казенной палаты был следующий: 1) начальник отделения; 2) 2 столоначальника и 3) бухгалтер. В помощь этим лицам учреждены были 3 должности чиновников особых поручений при палате, из которых двое почти все время заняты были ревизией торговых и промышленных заведений, а третий исполнял отдельные поручения по разнородным делам палаты, в том числе местные расследования и ревизию кассовых учреждений Министерства финансов. Вполне естественно, что эти чиновники особых поручений, находившись постоянно в губернском городе и ревизуя по назначению почти каждый год различные уезды, не могли знать хозяйственно-податную жизнь отдельных уездов и потому не в состоянии были сколько-нибудь заметно облегчить задачу палаты в изучении жизни отдельных платежных единиц. Что касается деятельности уездных казначейств, то таковая, сравнительно узкая по своей компетенции, в то же время была настолько велика по количеству работ, что оказать какое-либо содействие палате в податном деле казначейства также не могли. Городские управы с торговыми депутациями и волостные правления не проявляли должного усердия в деле наблюдения за торговлей и

промыслами. Между тем в Гродненской губернии в 1885 году насчитывалось до 22 000 частных землевладений, и их число постоянно увеличивалось от выкупа и от приобретения крестьянами земель; имелось множество фабрик (в Белостоке, например, только суконных фабрик было более 130); торговых заведений, хотя и преимущественно мелких, было также очень много.

Ввиду отсутствия каких-либо уездных административных (а не кассовых) учреждений, подведомственных палате, последняя, поставленная – относительно подлежащего ее ведению податного материала – в зависимости от учреждений посторонних ведомств, очевидно, не могла располагать достаточными силами для отношения к делу: для непосредственного участия в собирании и проверке требующихся данных по всем видам окладных налогов, для правильной оценки платежных сил населения, для расследования условий, при которых могла оказаться необходимою временная приостановка взыскания образовавшихся недоимок, и т.п.

Что касается учреждений местного самоуправления, на которых лежала обязанность распределения некоторых налогов между плательщиками, то и они не могли оказать какого-либо содействия казенной палате в изучении жизни отдельных платежных единиц. При разрозненности действий учреждений местного самоуправления финансовое ведомство не могло получать от них однородных податных данных, необходимых для обеспечения равномерности обложения. Во многих случаях эти учреждения довольствовались относительно расценкою имуществ, что делало собираемый ими материал непригодным для каких-либо обобщений; притом предметы обложения были часто не одни и те же для казны и для этих учреждений; вследствие этого их нельзя было признать достаточно заинтересованными в правильности исчисления размера следующего в каждом случае сбора в казну.

Из изложенного видно, что новые обязанности по податному управлению не могли быть возложены ни на личный состав казенной палаты, ни на учреждения местного самоуправления. Такое положение дел привело Министерство финансов к заключению о необходимости учреждения в уездах особых должностных лиц, которые, заведывая постоянно известным районом, могли бы изучить его подробнее в хозяйственно-податном отношении и затем быть связующим звеном между податным населением уезда, с одной стороны, и казенной палатой, ведающей податным делом в губернии, – с другой; кроме того, эти же лица могли бы принимать активное участие в правильной постановке дела взимания окладных сборов и налогов и быть представителями Министер-

ства финансов в уездах. Таковыми должностными лицами и явились податные инспектора.

Высочайше утвержденным 30 апреля 1885 года постановлением Государственного совета об учреждении должностей податных инспекторов было решено возложить на них следующие обязанности: а) постоянное наблюдение за правильностью торговли в назначенных им участках; б) участие в качестве чиновников казенных палат в генеральных поверках торговли; в) председательствование в уездных податных присутствиях, образуемых для раскладки дополнительного сбора с торговли и промыслов; г) содействие казенным палатам по приведению в известность ценности и доходности имуществ, подлежащих обложению в доход казны; д) исполнение других обязанностей, которые будут возложены на сих лиц законом; е) исполнение поручений казенных палат по другим предметам, сверх означенных в предшествующих пунктах. При этом, обнаружив неправильность действий правительственных или общественных установлений по взиманию и распределению казенных сборов, податный инспектор, согласно этому закону, не мог делать никаких распоряжений собственною властью, но о замеченной им неправильности должен был сообщить казенной палате.

С целью повышения эффективности работы института податных инспекторов последние делились опытом работы в области налогового обложения. Наиболее представительным был XXVIII съезд чинов податной инспекции Гродненской губернии, который проходил в губернском городе с 26 по 30 апреля 1910 года. На этом съезде выступили с содержательными докладами: податный инспектор 1-го участка Гродненского уезда И.И. Крачкевич (о выработке единых форм делопроизводительных бумаг и о порядке собирания и регистрации оценочных данных о недвижимых имуществах в городских поселениях); податный инспектор Пружанского уезда А.П. Иванов (о регламентации роли и обязанностей податных инспекторов, а также о ликвидации путаницы при раскладке недвижимости в местечках и селах); податный инспектор Слонимского уезда П.Н. Бибило (об обложении лесопромышленности, о скупке сельскохозяйственной продукции, об обложении трактирного промысла, аптек и др.).

Принятые съездом рекомендации существенно улучшили работу данного института чиновников. Все материалы съезда были опубликованы в двух частях; к ним были приложены формы бланков и других материалов, столь необходимых инспекторам. Там же

был помещен и очерк о 25-летней деятельности податных инспекторов Гродненской губернии, написанный помощником податного инспектора Брестского уезда А.В. Пасынковым. Этот очерк был снабжен эпиграфом: «Всегда и в каждом деле для сознательности совершаемых в нем действий преполоздно подсчитываться» (Д.И. Менделеев. К познанию России). Как писал во введении к очерку его автор, этот девиз он понимал не в смысле цифровом, арифметическом, а значительно шире – «в беспристрастном освещении всех более или менее выдающихся событий, имеющих отношение к деятельности инспекторов» [84]. Ознакомление с материалами съезда и вышеуказанным очерком окажет несомненную пользу не только современным историкам, но и тем, кто сегодня работает в налоговых учреждениях Гродненской области.

2.8. ЧИНЫ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ, ГОРОДСКОЙ И УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИХ ТИПЫ И СУДЬБЫ

Российская полиция как самостоятельная организация была учреждена Петром I в 1718 году и делилась на общую, наблюдавшую за порядком в стране (ее сыскные отделения вели расследования по уголовным делам), и политическую, представленную информационными и охранными отделениями. «Полиция, – говорилось в регламенте Петра I, – рождает добрые порядки и нравоучения..., принуждает каждого к трудам и к честному промыслу...». За время своего существования полиция претерпела многократное реформирование, направленное не на реализацию самых благородных устремлений правительства, но благодаря творчеству целого ряда российских литераторов XIX – начала XX веков в нашей генетической памяти осталась мрачная фигура городского, да знаменитое «Держать и не пушать!». Отсутствие специальных работ, свободных от классового подхода к анализу данного государственного образования, еще более закрепило в нашем сознании представление о полиции как некоем позорном явлении дореволюционной России с явно подчеркнутым вниманием к ее деятельности в области политического сыска и так называемой охраны.

Новые подходы к изучению прошлого страны позволяют видеть в деятельности полиции не только негатив, ибо в поступках чинов полиции тех лет имеется немало и позитивного, что дает основание уважительно относиться к полицейской службе. Необхо-

димо учитывать, что и в то время было немало лихоимцев, покушавшихся на жизнь и имущество жителей России, и полицейские чины вполне успешно с ними справлялись. Важное значение имеет и тот факт, что командовали полицией и служили в ней рядовыми полицейскими наши предки, которые мужественно сражались не только с внешними врагами (в полиции всегда служило немало кадровых армейских офицеров), вторгавшихся в Россию через государственные кордоны, но и собственным преступным элементом, зарившимся на чужое имущество и жизнь.

Такого рода особенности полицейской службы, несомненно, относятся и к организации полиции на территории Беларуси, входившей в ту пору в состав Российской Империи. Разумеется, история местной полиции имела свою специфику в связи с национальным и конфессиональным составом населения Беларуси, их традициями, но в целом так называемая технология полицейской службы на белорусских землях оставалась такой же, как и в центральной России. Последнее было обусловлено и тем, что с конца XVIII века все законы, регламентировавшие деятельность полиции, имели общероссийский характер.

К началу XX века центральным полицейским управлением было Министерство внутренних дел. Министр заведовал корпусом жандармов на правах его шефа. На местах полиция подчинялась генерал-губернаторам и губернаторам, которые руководили губернским правлением. В уездах – и в уездных полицейских правлениях – высшими были должности уездного исправника и его помощника. Городскому полицейскому управлению в лице полицмейстера подчинялись участковые приставы, полицейские и околоточные надзиратели, городовые. В городах полагалось не более одного городского на 500 жителей [85]. Исходя из почти 50-тысячного населения г. Гродно на начальные годы XX века, в нем имелось около 10 городских. Такой расклад был обусловлен тем, что все расходы по содержанию полиции относились полностью к казне города, власти которого отводили для полицейских чинов квартиры с оплатой отопления и освещения и выделяли средства на вооружение – револьвер и обязательная шашка, получившая в народе название «сеledка». Бедами русской полиции издревле были огромное количество обязательных бумаг, недостаток денег, низкий образовательный и культурный уровень ее служащих (особенно низшего полицейского звена), а также существование излишних инстанций, тормозящих оперативную деятельность.

В начале XX века Гродненское городское полицейское управление размещалось на улице Полицейской (ныне ул. Кирова. – *В. Ч.*).

В последующем оно переместилось в Колокольный переулок. Уездное полицейское управление находилось на улице графа Муравьева, в доме Ральма. Город был разделен на две части, во главе каждой находились два полицейских пристава. Канцелярия пристава 1-й части находилась в здании городского полицейского управления, а пристава 2-й части – на Татарской улице (в доме Алкона). Распределение города на полицейские части осуществлялось следующим образом: в состав 1-й части входили территории: «левая сторона Скидельской заставы, левая сторона Кутузовской улицы, Парадная площадь, правая сторона Замковой улицы со старым замком, Александровская слобода с расположенными на ней артиллерийскими бараками и казармами Вятского полка; улицы Новоалександровская с вокзалом, Софийская, Муравьевская, Полевая, Песочная, Гончарная, Городничанская, Почтовая, Телеграфная, Палатская, Коложанская, Соборная, Большая Троицкая, Малая Троицкая, Полицейская, Школьный двор с улицами: Местною, Кривою, Еврейскою и Козьим Рынком, Фабричная, Раздельная, Загородная; Новый Свет с улицами: Северной и Садовою и Яковом проспектом, Дворцовая и Акцизная площади; переулки: Жандармский, Гимназический, Колокольный, Хлебный, Банковый, Рыночный, Водовозный, Тюремный, Каменный, Еврейский, Виленский, Кирпичный, Коложа, Рыбацкая и Загородная слободы; Грандзичская застава, Ивановская и Николаевская улицы и новые постройки Станиславов за Саперной улицей. 2-я часть включала в себя территории: правая сторона Скидельской заставы, правая сторона Кутузовской улицы, Гостиный двор, левая сторона Замковой улицы с новым замком, Базарная площадь, улицы: Ланского, Мещанская, Мостовая, Подольная, Огородная, Подгорная, Татарская, Пороховая, Артиллерийская; переулки: Почтовый, Малярный, Рыночный, Кузнечный, Каретный, Монастырский, Прачечный, Подгорный; слободы: Кладбищенская, Солдатская и Скидельская; Занеманский форштадт с улицами: Левою Набережной, Августовской, Лососнянской, Индурской, Казачьею, Белостокской и Мясницкою, 1-й и 2-й Августовские переулки, Св. Владимирская площадь, Извозчичья улица, Казачий переулок, Мельничная улица, Поповка улица, Хлебная пристань, Форштадская слободка, Францисканский переулок, Церковный переулок, Новое-Селение и новые постройки Станиславово, за Скидельской слободкой.

Приставом 1-й части г. Гродно в 1911–1914 годах являлся коллежский секретарь Игнатий Михайлович Иванов. Родился он 17 мая 1871 года в семье мещан. Воспитывался в Жировичском духовном и Вилкомирском городском училищах. Службу в полиции начал в 1891 году урядником 3-го стана Волковысского уезда Гродненской

губернии. В ноябре 1892 года поступил на военную службу в С.-Петербургский гренадерский полк. После завершения службы в июне 1894 года был назначен полицейским урядником в 4-й стан Гродненского уезда. С марта 1897 года служил писцом и столоначальником Слонимского уездного полицейского управления. В августе того же года временно исполнял должность пристава 4-го стана Слонимского уезда. 9 июня 1900 года «согласно прошению по домашним обстоятельствам» был уволен со службы. В последующие годы И.М. Иванов служил околоточным надзирателем С.-Петербургской столичной полиции. Оттуда летом 1903 года был командирован в г. Нижний Новгород по случаю так называемых «Саровских торжеств», в которых принимал участие император Николай II. За отличную службу в этот период он был «Всемилоостивейше пожалован подарком». 11 мая 1909 года И.М. Иванов был назначен помощником пристава г. Гродно, а 3 сентября того же года был переведен на должность пристава 1-й части г. Гродно. Особенно отличился Иванов во время маневров войск Виленского военного округа, которые проходили в Гродненском уезде с 15 по 28 августа 1910 года. Он получил благодарность от губернатора «за усиленные труды по оказанию содействия чинам военного ведомства и участие в работе комиссии по оценке убытков, понесенных населением уезда по случаю маневров, и за образцовый порядок во время следования войск». В 1913 году (с 20 по 27 марта) И.М. Иванов занимал должность гродненского полицмейстера. 13 марта 1914 года был переведен на службу в Нижегородскую губернию.

В предвоенные годы приставом 2-й части г. Гродно являлся титулярный советник Михаил Владимирович Богородицкий. Родился он в 1876 году в Саратове в семье диакона. Воспитание получил домашнее и лишь в 1902 году выдержал экзамен на классный чин при Саратовской гимназии. Службу в полиции начал в 1901 году околоточным надзирателем 1-й части г. Саратова. В течение 1902 – 1903 годов временно занимал должности помощника пристава городов Хвалынска, Саратова и Кузнецка. Служил он честно, добросовестно, за что неоднократно получал благодарности местного губернатора П.А. Столыпина. 7 апреля 1904 года по распоряжению губернатора он был назначен приставом 5-й части г. Саратова. 2 февраля 1905 года «за задержание воров-рецидивистов Солуянова и Куршева, совершивших ряд краж в городах Саратове, Киеве, Астрахани, Казани, Ростове-на-Дону и др.», ему была объявлена благодарность губернского начальства. Неоднократно в 1907 – 1908 годах он командировался властями «в распоряжение начальников маневрирующих в Саратовской губернии отрядов». Вероятнее всего, речь шла об участии в умирот-

ворении крестьянских волнений. 25 сентября 1913 года М.В. Богородицкий был назначен приставом 2-й части г. Гродно, после вышедшего в отставку Стефана Евстафиевича Цюпы. 18 июня 1915 года, в преддверии оставления г. Гродно русскими войсками, Богородицкий был переведен на службу в Казанскую губернию. За службу в полиции он был удостоен следующих наград: ордена св. Станислава 3-й степени, серебряной медали Российского общества Красного Креста «в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904 – 1905 годов» и светло-бронзовой медали в память 300-летия Дома Романовых. Кроме этого, он удостоивался «Всемилошвейшего пожалования подарка в качестве серебряного портсигара с изображением государственного герба» (1906 г.) и ряда благодарностей начальства за «отличный порядок в городе Саратове 21 февраля 1913 года во время юбилейных торжеств по случаю празднования 300-летия Дома Романовых», а также за полезные труды по обеспечению продовольственной кампании в 1911–1913 гг.».

Участки полицейских урядников Гродненского уезда располагались: 1-й стан – в деревнях Каплица, Коваличи, Коптевка, Грандичи; 2-й стан – в деревнях Крынки, Индура, Голынка, Олекшицы, Велико-Берестовица; 3-й стан – в деревнях Скидель, местечке Мосты; 4-й стан – в местечке Каменка, деревне Сорочицы, селе Жидомля; 5-й стан – в поселке Поречье, местечке Озеры, селе Бершты. Всего в уезде имелся 21 полицейский участок. На 1910 год в Гродненском полицейском управлении значились: полицмейстер А.Ф. Шкнев, секретарь С.И. Букса, приставы: 1-й части В.С. Балдовский (Дворцовая площадь, дом Вириона); 2-й части – М.В. Богородицкий (Татарская улица, дом Алкона). У каждого пристава были два помощника: в 1-й части – Д.С. Хведчик и О.О. Соловей; во 2-й части – В.М. Юсман и Н.И. Кудрявцев. Начальником сыскного отделения был В.А. Янушик.

Кроме поддержания порядка в городе, под особенным пристальным надзором городской полиции находились в 1900 году 7 гостиниц, 11 трактиров, ресторанов и других питейных заведений, 3 рынка, несколько постоянных дворов, 3 ночлежных приюта, 5 официально зарегистрированных домов терпимости. Ежегодно полиция Гродно задерживала около 3 тысяч человек, из них более трети – за уголовное преступление. Остальную часть составляли бродяги, нищие, незарегистрированные проститутки, беспаспортные и т.п.

В истории гродненской полиции было немало успешных операций по обнаружению и поимке уголовных преступников. Об одной из них, произошедшей поздней осенью 1894 года, говорилось в рапорте гродненского уездного исправника от 4 декабря того же года на имя местного губернатора: «27 декабря, в 8 часов вечера, из

Скидельского волостного правления был похищен сундук с общественными деньгами в сумме 3143 руб. 89 коп. В сундуке, кроме этих денег, находилось еще свыше 1000 руб., составлявших частную собственность скидельского волостного старшины Сергиевича. Как только факт похищения сундука был обнаружен, были немедленно приняты все необходимые меры к розыску похищенного и виновных. С этой целью в ночь на 28 ноября была устроена облава для розыска злоумышленников в ближайшем лесу, так как были обнаружены следы, указывающие на направление их именно туда. В облаве участвовало до 60 человек – крестьян, и все они под руководством станового пристава Творковского и мирового посредника Мочуговского быстро разошлись по лесу. Один из них Осип Ватыль встретил в лесу постороннего человека, который, выйдя из чащи леса, бросился в сторону Ватыля. Сей последний, убежденный в том, что имеет дело с вором и считая себя в опасности, выстрелил в него и убил на расстоянии 7 – 8 шагов от себя. Собравшиеся на выстрел люди узнали в убитом крестьянина д. Хватов Андрея Витко. При нем оказалось 220 руб. и печать Скидельского волостного старшины, хранившаяся в указанном сундуке. Это обстоятельство убедило всех в том, что убитый Витко является участником совершенной кражи, вследствие чего пристав в ту же ночь произвел обыск в квартире последнего, и хотя ничего не нашел там, но узнал от жены Витко, что незадолго до убийства ее муж был вызван из дома мальчиком Иваном Голубом и с ним куда-то ушел.

Лесная облава была организована приблизительно в 12 часов ночи, а до нее по распоряжению пристава были арестованы сторож волостного правления Иван Витко и крестьянин Семен Голуб, так как по собранным предварительным сведениям было установлено, что сторож вечером куда-то отлучался, наоборот, несколько раз приходил в это время в волостное правление. Впоследствии оказалось, что арестованный Семен Голуб, увидев близ правления своего 12-летнего брата Ивана, поручил ему сбежать к Андрею Витко и сказать ему, чтобы он перепрыгал побыстрее деньги, так как у него будет скоро обыск. Семен Голуб не знал намерений властей, а предполагал, что люди собраны в волостном правлении для обыска у Андрея Витко. Когда таким образом мальчик Иван Голуб предупредил Андрея Витко о грозящем ему обыске, то последний взял из дома мешок с деньгами и пошел по направлению к лесу с целью спрятать там деньги, но именно в это время к лесу направилась облава. Витко, вероятно, поняв, что хотят задержать его, бросил ме-

шок с деньгами в поле, а сам скрылся в лесу, где и был убит Осипом Ватылем. Спустя еще 3 – 4 часа, когда начало рассветать, по распоряжению пристава Творковского и мирового посредника Мочуговского был вновь произведен обыск в лесу и в поле, где и были найдены остальные украденные деньги, а еще через некоторое время пристав Творковский нашел в реке сундук. Воры заполнили его землей, а затем затопили его в реке.

Дознанием было установлено, что кражу из волостного правления совершили Андрей Витко, Семен Голуб и сторож Иван Витко. Они разбили сундук в поле, на расстоянии не далее одной версты от волостного правления, затем снесли сундук к реке и затопили его, а все деньги взял к себе Андрей Витко с тем, чтобы впоследствии поделиться ими с товарищами. Окончили они все это очень скоро, так как в 10 часов вечера все они уже были дома.

Успех в деле розыска был обеспечен, прежде всего благодаря исключительной энергии и оперативной деятельности пристава Творковского и мирового посредника Мичуговского».

Прочитав данный рапорт, губернатор объявил благодарность всем чинам полиции, участвовавшим в раскрытии преступления, совершенного в Скиделе, а на самом рапорте написал резолюцию: «Пропечатать об этом в неофициальной части «Гродненских губернских новостей» [86].

Несмотря на огромную работу, которую приходилось проводить полиции, ее в городе не любили: низы побаивались, средние слои старались не иметь с ней дела, городская верхушка относилась к ней с явным пренебрежением. Сравнительно невысокое жалованье рядового состава буквально толкало городских к тому, чтобы они постоянно «брали». Было заведено одаривать полицию в дни праздников. И это делали все, начиная от дворников и заканчивая самыми состоятельными жителями.

Достаточно остро стоял и кадровый вопрос: офицерский состав полиции комплектовался за счет резерва, слушателей полицейских школ и бывших армейских чинов, в силу разных причин покинувших военную службу. Деятельность сыскной полиции – особая статья как в смысле ее формирования, так и уровня профессионализма. Следует сказать, что в полиции работали и асы своего дела.

О кадровом составе гродненской полиции можно узнать из «Памятных книжек Гродненской губернии» за разные годы и «Формулярных списков о службе», составлявшихся на всех служащих полиции. Данные источники позволяют нам, хотя бы в общих чертах, представить типы тогдашних руководителей полиции – по-

лицмейстеров. Рассказ о них следует начать с надворного советника Николая Ивановича Дынги. Родился он 5 января 1856 года в семье мелкого чиновника (коллежского регистратора) в Бессарабской губернии. Православный. Воспитывался в частном учебном заведении и окончил курс наук в Одесском пехотном юнкерском училище по 2-му разряду. На службу поступил унтер-офицером с выслугой в 3 месяца от рядового с определением в 55-й пехотный Подольский полк 1 декабря 1873 года. 27 октября 1874 года был направлен в Одесское пехотное юнкерское училище. 17 сентября 1875 года по окончании курса наук в данном училище был переведен в портупей-юнкеры. 12 июня прибыл в полк прапорщиком. Со дня объявления Россией войны Турции (12 апреля 1877 года) и по день возвращения с полком домой (27 марта 1878 г.) участвовал в сражениях и походах против Турции. В 1-й период кампании (с 12 апреля по 13 июня 1877 года) участвовал во всех передвижениях в составе 55-го пехотного Подольского полка, который входил в состав отряда генерал-лейтенанта Радецкого под непосредственным командованием генерал-майора Драгомирова. Участвовал в переправе через реку Прут у м. Леово в Румынское княжество, в переправе через Дунай и взятии г. Систова 15 июля 1877 г. Во 2-й период кампании (с 15 июля по 19 декабря 1877 г.) после переправы через Дунай в составе полка участвовал в преодолении Шипкинского перевала, а также в отражении 12 – 13 августа неприятельского штурма во главе с Сулейманом-Паши, когда полк занимал гору св. Николая, и эту позицию защищал с августа по декабрь. Участвовал в пленении отрядом генерала Радецкого шипкинской армии Весели-паши, в переходе от Казанлыка до Андрианополя. 27 марта 1878 года вернулся на пароходе вместе с полком из Сан-Стефано в Одессу. Получил огнестрельное ранение 15 июня 1877 года в бою на переправе через Дунай в обе ноги, был контужен. За мужество и храбрость, проявленные при переправе через Дунай у Систова, был награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Тогда же был назначен временным командующим 12-й ротой. За грамотные действия при обороне Шипкинского перевала с 9 по 14 августа был награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. За отличие в боевых действиях против турок был произведен в подпоручики. Командовал временно 3-й ротой, затем был заведующим полковым лазаретом. За отличие в боях на перевале 29 декабря 1877 года был произведен в поручики. Когда залечил боевые раны, сдал заведование лазаретом и вступил в командование 9-й, а затем 8-й ротой. 24 февраля 1883 года Дынга сдал командование ротой и был назначен отрядным офицером в Измай-

ловскую бригаду. Весной 1885 года в чине штаб-ротмистра переведен в Вержболовскую бригаду, где служил офицером при штабе бригады. 25 июня 1889 года уволен со службы «подполковником с мундиром» и по предложению варшавского генерал-губернатора был назначен помощником участкового пристава Варшавской полиции. С 1 октября 1889 года значился в штате Варшавской полиции. С 1891 года служил приставом в Варшаве, был награжден орденом св. Станислава 2-й степени. После этого переведен в штат Московской городской полиции. В 1897 году награжден темно-бронзовой медалью для ношения на груди на ленте из государственных цветов за труды по Первой всеобщей переписи населения России, а также серебряной медалью в память коронавания императора Николая II. В том же году был пожалован серебряной медалью в память царствования императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте. В конце 1897 года – орденом св. Анны 2-й степени. В 1900 году был «награжден золотыми часами с цепочкой из Кабинета его Величества». 23 октября 1901 года постановлением Гродненского губернского правления Дынга был допущен к временному исправлению должности Пружанского уездного исправника. 17 декабря был утвержден в этой должности. 20 декабря 1902 года (по распоряжению губернатора П.А. Столыпина. – *В. Ч.*) был переведен на должность полицмейстера г. Гродно. 6 декабря 1903 года был награжден орденом св. Владимира 4-й степени [87]. Был женат на Ирине Степановне Коваленко. Сын Николай (1860 г. р.) учился в Варшавском политехническом институте, а дочь Марина (1885 г. р.) – в Петербургском Смольном институте благородных девиц. Н.И. Дынга сменил на посту полицмейстера некоего Т.Н. Гордынского, после него эту должность занял П.С. Геннисаретский.

Участником русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов был и белостокский полицмейстер Константин Николаевич Пеленкин. Родился он 12 февраля 1858 года в Ростовском-на-Дону округе Донской области. Происходил из дворян Екатеринославской губернии, вероисповедания православного. Учился в Ейской Кубанской гимназии и Чугуевском пехотном училище. В 18-й Вологодский пехотный полк прибыл в 1876 году прапорщиком, но уже через полгода был произведен в подпоручики. В качестве командира стрелковой роты участвовал в переходе полка через румынскую границу. 23 июля участвовал в переправе через Дунай у Зимницы. Принимал участие во взятии крепости Никополь под командованием генерал-лейтенанта барона Криденера. В составе отряда генерал-лейтенанта Шильдера участвовал в сражении под Плевной, в бою при взятии в плен Османа-Паши. Под командованием генерал-адъютанта

Гурко участвовал в переходе через Балканы. 25 января 1878 года при взятии г. Темарь-Базарджик во время ледохода переправлялся вброд через реку Марицу под командованием генерал-адъютанта графа Шувалова и участвовал в трехдневном бою. Участвовал он также в разгроме рассеянной армии Сулеймана-Паши под Филиппополем и взятии в плен почти всей его артиллерии. С 10 по 20 января участвовал в переходе отряда Гурко от Филиппополя к Андрианополю. До заключения Сан-Стефанского мира находился с полком в Андрианополе. Из Бургасса морским путем прибыл в Севастополь, а затем на постоянные квартиры в г. Чернигов. В ре-ляции генерал-лейтенанта Шильдера от 7 января 1878 года значилось: «18-й пехотный Вологодский полк под сильным ружейным и артиллерийским огнем двинулся к левому флангу Финляндского полка, где первый батальон, перестроившись поротно в одну линию, имея одну стрелковую роту впереди, в цепи перешел в наступление, чтобы поравняться с финляндцами, а второй батальон остался в резерве на указанном мной месте; поравнявшись с финляндцами, 1-я стрелковая рота 18-го полка открыла меткий огонь по наступающему неприятелю и заставила его в беспорядке отступить. 18-й Вологодский полк под начальством полковника Тихонова весьма способствовал успеху дела, а в особенности 1-я стрелковая рота под начальством своего храброго командира подпоручика Пеленкина блистательно выполнили свою задачу, отбросив правый фланг неприятеля». В боях при городе Плевна Пеленкин получил сквозное ранение в шею. 21 сентября 1883 года был уволен с военной службы по болезни «капитаном с мундиром и пенсией». 13 февраля 1885 года по предложению местного губернатора Пеленкин был назначен помощником борзенского уездного исправника. Затем стал помощником конотопского уездного исправника. В январе 1890 года он уже борзенский уездный исправник. В 1897 году – конотопский исправник, а с 1898 г. – новгородский уездный исправник. С 10 января 1901 года Пеленкин является брестским полицмейстером. 23 декабря 1902 года по распоряжению П.А. Столыпина назначен на должность пружанского уездного исправника (вместо Дынги. – В.Ч.). 12 сентября 1902 г. был переведен на должность белостокского уездного исправника. 14 января 1904 г. назначен белостокским полицмейстером. Был награжден орденами: св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й степени, св. Анны 2-й степени; имел медали: светло-бронзовую в память войны 1877 – 1878 годов и румынский железный крест в память «о совокупных действиях», серебряную медаль в память

царствования Александра III и темно-бронзовую медаль за труды по всеобщей переписи населения в 1897 году. Был женат на Юлии Лавровне Лукашевой, однако их брак от 12 сентября 1886 года был признан незаконным. В 1888 году ему было дозволено местной духовной консисторией вступить в новый брак [88].

Гродненский полицмейстер Павел Сергеевич Геннисаретский родился 23 июня 1862 года. Происходил из обер-офицерских деятелей, православный. Окончил курс Саратовского уездного училища. Служил в лейб-гвардии Егерском полку исправником (писарем). 31 декабря 1886 года был уволен в запас армии. С 6 февраля 1887 г. – околочный надзиратель в С.-Петербуржской полиции. 15 июня 1895 года назначен письмоводителем участкового управления С.-Петербуржской полиции. С 8 мая 1896 года – пристав 7-го участка г. Вильны. 12 мая 1900 года назначен помощником виленского полицмейстера. В 1901 – 1902 годах в разные сроки исполнял обязанности виленского полицмейстера. За предотвращение беспорядков, «имевших возникнуть 26 июля 1903 года в г. Вильне, а также за продуманность и внимательность исполнения своих обязанностей ему была объявлена виленским генерал-губернатором благодарность. Исправлял обязанности виленского полицмейстера в 1903 – 1904 годах. За особые труды по обеспечению безопасности в день освящения памятника императрице Екатерине II 10 сентября 1904 года был награжден золотым портсигаром с государственным гербом, украшенным бриллиантом. 28 октября 1904 года был назначен гродненским полицмейстером. Был награжден орденами: св. Станислава 3 ст., св. Анны 3-й ст.; серебряной медалью в память императора Александра III, медалью за перепись населения 1897 года, серебряным значком Российского общественного спасения на водах. Был холост [89].

П.С. Геннисаретского, убитого террористами-социалистами в годы революции, сменил Иван Васильевич Фриммерман. Родился он в 1861 году. По происхождению из штаб-офицерских детей. Вероисповедания православного. Воспитывался в Белгородской классической гимназии, а затем в местном юнкерском училище. Находясь на военной службе в чине подпоручика, по приговору Варшавского окружного суда, Высочайше утвержденному 17 октября 1883 года за нарушение воинской дисциплины, был лишен чинов, всех прав состояния приговора и подлежал ссылке в Сибирь. По докладу Государю Императору просьбы матери Фриммермана и отзыва командующего войсками Варшавского военного округа Его Величества 27 января 1889 года повелеть изволил разрешить Фриммерману повсеместное жительство с восстановлением во всех прежних

правах, но без прежнего военного чина, в чем ему было выдано 5 апреля 1889 года соответствующее свидетельство Енисейского губернского правления. 1 августа того же года согласно прошению он был определен на службу канцелярским слушателем Харьковского губернского правления. До 23 января 1891 года занимал должность помощника делопроизводителя, после чего вышел в отставку. 28 мая 1892 года был определен протоколистом Валуйской дворянской опеки. С 17 июня 1892 года по 7 июля 1894 года заведовал делопроизводством Валуйского уездного по воинской повинности присутствия. С 17 апреля 1896 года по докладу императору Александру III воронежского губернатора с Фриммермана была снята прежняя судимость, и он получил право беспрепятственного получения наград и продвижения по службе. 30 октября 1896 года он был переведен в штат чиновников канцелярии курского губернатора. 28 июня 1898 года назначен секретарем курского городского полицейского управления. 16 августа ему был пожалован драгоценный подарок. 8 мая 1904 г. был назначен помощником курского полицмейстера, 25 сентября 1904 года – тимским уездным исправником, 2 мая 1905 года – курским полицмейстером, а с 20 марта 1908 г. – брестским полицмейстером. Был награжден орденами: св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й ст., св. Станислава 2-й и 3-й степеней; медалями: серебряной в память императора Александра III, в память Отечественной войны 1812 года, 300-летия Дома Романовых, серебряным знаком Российского пожарного общества, серебряным портсигаром с золотым гербом, украшенным бриллиантами. Награждался он и благодарностями за раскрытие кражи, совершенной в квартире инженера Павловского (25 ноября 1903 года), за энергичные меры по розыску 10 тыс. 500 руб., принадлежащих Управлению Московско-Киевско-Воронежской железной дороги (3 февраля 1904 г.). Он был отмечен и благодарностью государыни императрицы Александры Федоровны «за деятельное участие в сборе пожертвований для пострадавших от землетрясения в Семиреченской области». 23 марта 1913 года И.В. Фриммерман получил назначение на должность нижегородского полицмейстера. Был женат на учительнице Любове Дмитриевой, имел троих сыновей – Евгения, Василия, Дмитрия и дочь Елену. Старший сын был чиновником, Василий учился в кавалерийском военном училище, дочь Елена и сын Дмитрий учились в местной гимназии [90].

К начальствующим чинам полиции относились и уездные исправники. Их жизнеописания в большинстве случаев достаточно типичны.

Брестский уездный исправник, коллежский советник Алексей

Фомич Введенский родился 7 марта 1855 года в селе Балыклей Кирсановского уезда Тамбовской губернии в семье потомственных дворян, православный. Окончил в 1876 году полный курс богословских наук в Тамбовской духовной семинарии. 17 августа 1878 года А.Ф. Введенский, движимый патриотическими чувствами и желанием помочь южным славянам, поступает рядовым в запасной батальон лейб-гвардии Семеновского полка. Побывать в боях батальону так и не довелось, и 25 февраля 1879 года младшего унтер-офицера Введенского командировали на учебу в С.-Петербургское юнкерское училище. После успешного окончания училища с так называемым «призом» он 14 сентября 1880 года был произведен в прапорщики и переведен на службу в 15-й пехотный Шлиссельбургский полк. Будучи недовольным таким переводом, а также по семейным обстоятельствам он 29 сентября 1881 года был уволен с воинской службы и зачислен в запас армейской пехоты. 18 декабря 1884 года было удовлетворено его прошение о переходе в полицию с определением околоточным надзирателем С.-Петербургской столичной полиции. Прослужив два года на этой должности, Введенский был уволен со службы и назначен 5 июня 1886 года исполняющим дела пристава 1-й части г. Гродно. Через три месяца он уже пристав 3-го стана Брестского уезда. На этой должности он был переведен в подпоручики армии, произведен в коллежского секретаря, а затем титулярного советника и коллежского асессора. 13 августа 1894 года за «отлично-усердную службу» он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени. 17 июня 1899 года Высочайшим приказом он был назначен помощником кобринского уездного исправника. Такой перевод можно рассматривать в качестве повышения по службе «за активное участие в тушении пожара 4 мая 1895 года в г. Бресте». О том, что этот факт биографии не прошел бесследно для Введенского, свидетельствует то, что ему в это же время было «Всемиловнейше пожаловано пособие на лечение тяжелых повреждений в размере 200 рублей, полученных 4 мая в Бресте». 27 сентября 1897 года он был произведен в надворные советники со старшинством. Тогда же ему «Всемиловнейше было пожаловано золотое кольцо с бирюзой и двумя бриллиантами из кабинета Его Императорского Величества». С 18 октября 1897 года по 6 сентября 1904 года он занимал должность белостокского и брестского уездного исправника. В январе 1905 года ему было поручено «общее наблюдение за городом Брестом ввиду увольнения брестского полицмейстера Соколова». Летом 1906 года он командировается в помощь белостокскому уездному исправнику в связи с обострением общественно-политической ситуации в городе.

25 сентября 1906 года он вновь был назначен брестским уездным исправником. В этой должности он был награжден орденами св. Станислава 2-й степени, св. Анны 3-й степени, а также медалями: в память участия в деятельности Общества Красного Креста во время русско-японской войны 1904 – 1905 годов, в память императора Александра III, в память 300-летия Дома Романовых. 3 июля 1913 года А.Ф. Введенский был уволен со службы согласно его прошению по причине болезни [91]. О дальнейшей судьбе его нам ничего не известно.

А.Ф. Введенского на посту белостокского уездного исправника сменил Митрофан Иванович Дехтярев. Родился он 28 мая 1880 года в селе Сыраи Остерского уезда Черниговской губернии в дворянской семье, православный. Окончил курс Козелецкого городского училища, после чего в июле 1903 года был определен на государственную службу в штат Житомирского городского полицейского управления канцелярским служителем III разряда. После предоставления документа об утверждении в потомственном дворянстве был «перечислен» из III-го в I-й разряд канцелярских служащих. 19 мая 1904 года был назначен исполняющим должность полицейского надзирателя г. Соколки. 6 сентября того же года был назначен полицейским надзирателем г. Слонима, а 5 мая 1905 года – исполняющим должность пристава 5-го стана Слонимского уезда. 8 июля 1905 года гродненским губернатором ему была объявлена благодарность «за примерную распорядительность по задержанию 11 и 12 июня 1905 года ряда лиц, совершивших в губернии кражи». 28 сентября 1905 года утвержден в должности пристава 5-го стана Слонимского уезда. 11 ноября 1905 года М.И. Дехтяреву гродненский губернатор объявил благодарность «за распорядительность при исполнении возложенных поручений во время происходивших 16 октября 1905 года беспорядков в м. Косове Слонимского уезда». Через неделю, 18 ноября, благодарность была объявлена приставу «за обнаружение убийц ночного сторожа имени Азаричи Слонимского уезда, крестьянина Соколовского». 15 сентября 1907 года М.И. Дехтярев был назначен приставом 1-го стана Сокольского уезда, а уже 9 октября – приставом 1-го стана Кобринского уезда. 18 декабря 1907 года «с явной опасностью для жизни пристав Дехтярев задержал главаря шайки разбойников, каторжного арестанта Николая Шейбака». 18 июля 1908 года гродненский губернатор объявил ему благодарность «за разумный и энергичный образ действий по поимке злоумышленников, покушавшихся на убийство Шлиомы Дейча». В 1909 – 1910 годах занимал должность бельского уездного исправника. 5 сентября 1910 года «за

образцовое и добросовестное исполнение обязанностей по охране пути в районе Сувалкской губернии во время проезда государя императора начальником губернии исправнику Дехтяреву была объявлена благодарность (Гродненские губернские ведомости. – 1910. – № 72)». 11 ноября 1910 года М.И. Дехтярев был назначен пружанским уездным исправником. 15 апреля 1911 года гродненский вице-губернатор объявил ему благодарность за умелый и энергичный поиск похищенных у купца Наума Цукера денег и процентных бумаг и за задержание похитителя их Семена Харкевича с его соучастниками. 18 сентября 1912 года исправнику Дехтяреву «во время пребывания государя императора в Беловеже были Всемилостивейше пожалованы из кабинета Его Императорского Величества золотые часы с такой же цепочкой с изображением государственного герба». 5 июля 1913 года он был переведен на должность белостокского уездного исправника. За полицейскую службу М.И. Дехтярев был награжден орденами св. Анны 3-й степени и св. Станислава 3-й степени, а также медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 года, в память 300-летия Дома Романовых. В годы Первой мировой войны находился в длительной служебной командировке в Галиции, а 1 января 1916 года он «согласно прошению был уволен со службы» [92].

Во время нахождения М.И. Дехтярева в служебной командировке в Галиции обязанности белостокского исправника исполнял Василий Андреевич Литавер. В формулярном списке о его службе сообщается, что В.А. Литавер родился 1 января 1878 года в зажиточной крестьянской семье в Новогрудском уезде Минской губернии. Окончил местное уездное училище. Службу начал 4 июня 1897 года, т.е. с назначения на должность регистратора Гродненского уездного полицейского управления. В 1900 – 1902 годах занимал должность столоначальника и секретаря того же управления. В последующие годы В.А. Литавер являлся приставом 1-го и 4-го станов Гродненского уезда. 1 мая 1908 года постановлением Гродненского губернского правления был командирован в г. Друскеники для «усиления местной полиции на время лечебного сезона (с 1 мая по 1 сентября)». После возвращения к месту постоянной службы был командирован «к исправлению должности пристава 2-го стана Брестского уезда». В 1911 году гродненский губернатор объявил ему благодарность «за энергичные действия по расследованию кражи лошади у Адольфа Лютовставского и задержание злоумышленников» (Гродненские губернские ведомости. – 1911. – 1 марта), а также «за отличные действия по службе во время полевой поездки чинов 38-й пехотной дивизии с 20 по 30 сентября». В последующем

Литавер исполнял обязанности брестского уездного исправника в связи с откомандированием бывшего исправника Бондарчука в командировку в Галицию. 15 октября 1915 год был командирован в Белосток для замены М.И. Дехтярева, также посланного в Галицию. Исправник В.А. Литавер имел награды: орден св. Станислава 3-й степени, серебряную медаль Красного Креста за содействие Обществу в его работе в годы русско-японской войны 1904 – 1905 годов, медаль в память 300-летия Дома Романовых [93].

В начале XX века уездным исправником Гродненского уезда служил Н.А. Бюффионов. Это был ревностный служака, способности которого с особой яркостью проявились в годы Первой мировой войны. Помощником уездного исправника был Ф.Ф. Авдеевич, секретарем – А.И. Рымашевский, столоничальниками – Г.Г. Багрукович, Н.Ф. Кученюк; регистратором – А.И. Ласевич; приставами от 1-го до 5-го станов – В.А. Бортник, Г.А. Кречунеско, А.Г. Кушель-Кушелевич, И.П. Гриневич, Ф.К. Шукайло; урядниками (по станам и участкам) – В. Кузьмицкий, П. Кучинский, М. Добровольский, А. Парфенюк, С. Цецерко, А. Янученя, М. Колосовский, К. Захаревич, Ф. Федорчук, А. Пригожий, И. Красовский, М. Курза, С. Януцик, П. Морговник-Носко, И. Яцевич, О. Манкевич, И. Михалкович, Ц. Каскевич, И. Веремейчик [94].

В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно хранятся два формулярных списка, озаглавленные «О службе околоточного надзирателя г. Соколки (коллежского регистратора) Петра Станиславовича Гениуша», начатые в 1894 – 1900 годах и оконченные в 1915 году. И вот о чем они поведали.

Петр Станиславович Гениуш родился 1 октября 1871 года, вероисповедания православного. Окончил курс наук в Зельвенском народном училище Волковисского уезда. В 1892 году Волковисским уездным по воинской повинности присутствием был принят на военную службу и зачислен в 7-й гренадерский Самогитский полк. После двух лет службы (23 декабря 1894 года) он был уволен из полка в запас рядовым армии. Какое-то время после службы он работал на хозяйстве отца в Зельве, но, женившись, стал искать постоянный заработок.

25 ноября 1900 года постановлением Гродненского уездного исправника он был назначен полицейским урядником в Гродненском уезде. Служил П.С. Гениуш (встречается и написание Гениюш. – В.Ч.) в этой должности честно и добросовестно, за что 27 марта 1908 года был награжден серебряной медалью за беспорочную службу. 30 октября того же года постановлением гродненского губернатора он был назначен околоточным надзирателем г. Сокол-

ки Гродненской губернии «с откомандированием в распоряжение гродненского уездного исправника Н. Бюффонова». Это было повышение по службе хорошего служаки, тем более, что должностной оклад на этой должности в городе был значительно выше, чем на селе. 4 мая 1913 года П.С. Гениуш получил право ношения на груди светло-бронзовой медали, учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых. Рос полицейский П.С. Гениуш и по «Табели о рангах». 7 февраля 1914 года при Кринском высшем начальном училище он выдержал экзамен на первый классный чин, после чего «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» от 23 сентября того же года был произведен в коллежские регистраторы (Правительственный вестник. – 1914. – № 235). После оставления Гродненской губернии русскими войсками П.С. Гениуш был переведен по службе в Нижегородскую губернию в помощь приставу 2-го стана одноименного уезда, о чем свидетельствует распоряжение начальника губернии генерал-майора В.Н. Шебеко от 19 сентября 1915 года за № 148. В формулярных списках, кроме всего прочего, указывалось, что П.С. Гениуш происходил из крестьянского сословия, а потому никакими имениями ни он, ни его жена не владели, в «походах против неприятеля не участвовал», в «дисциплинарном и судебном отношении наказаниям не подвергался». Что же касается семейного положения и наличия детей, то в соответствующих разделах формуляров сообщалось следующее: «Женат П.С. Гениуш на девице Эмилии Адамовне (родившейся 28 августа 1880 года), вероисповедания римско-католического. В брак вступил 4 июля 1899 года. Имеет сына Ивана, родившегося 24 февраля 1902 года, православного вероисповедания. Жена находится при нем, а сын воспитывается в Гродненской гимназии. На 31 декабря 1913 года Гениуш получал в год жалованья в размере 400 руб.» [95]. Лишь осенью 1921 года семейство Гениушей возвратилось на родину, в Зельву.

Спустя годы сын П.С. Гениуша Иван женился на Ларисе Антоновне Миклашевич – будущей белорусской поэтессе Л.А. Гениуш. В ее воспоминаниях есть немало строк о своем теплом отношении к родителям мужа (в то время студента медицинского факультета Пражского университета). Когда в 1937 году молодые собрались ехать в Прагу, они испытывали страшную материальную нужду. В этой ситуации перед ждавшей прибавления в семействе Ларисой был поставлен вопрос о необходимости продажи родительского земельного надела, часть которого принадлежала ей. Зная, в какую трагедию для последних может превратиться ее согласие на продажу этого куса земли, Лариса отказалась подписать эти документы. Вот что она поведала об этом: «Не, – сказала, – такого я не зраблю»

ніколі, лепш разыйдуся з табою, мой муж... Я казала гэта зусім паважна. Муж мой негадаваў, яго мама таксама. У мужа былі ў Чэхіі даўгі, і трэба было іх тэрмінова аплаціць. Я лічыла вінаватымі сваіх бацькоў у тым, што яны адказаліся памагчы Янку, урэшце зямля ж мая, але зрабіць ім прыкрасць было не ў маіх сілах, і ніхто мяне да гэтага не сьмеў змусіць... Нарэшце паклікаў мяне да сябе ў пакой мужаў тата. Я пайшла да яго, як на суд. «І што ж, Ларыса, не падпішаш вэксалеў супраць свайго бацькі?» – «Не, татачка, я іх не падпішу, я такога не магу ўчыніць...». Тады стары тата майго мужа працягнуў рукі да мяне, абняў мяне і сказаў: «Я шчаслівы, дзіця, што ты менавіта такая, і калі не можаш ты скрыўдзіць сваіх бацькоў, дык ніколі не скрыўдзі і майго сына...». Я заплакала. А стары Пётр Станіслававіч Геніуш прадаў сваю другую кароўку і заплаціў сынаў доўг. Я ніколі яму гэтага не забылася... Бацькі Яначкі былі добрымі людзьмі» [96].

Есть в воспоминаниях Л.А. Гениуш и строки, касавшиеся последних лет жизни Петра Станиславовича. Сделаны они были уже тогда, когда поэтесса и ее муж Иван Гениуш находились во второй половине 40-х годов XX века в исправительно-трудовых лагерях в Коми за антисоветскую деятельность: «Нам дазвалялася пісаць два разы ў год. Я пісала мужаву бацьку ў Зэльву. Старэнькі доўга не адказваў, людзі тут кажуць, што ён адрокся ад нас быў, начыста выракае. Дзіва тут няма. Кажуць, што быў такі жах, створана такая атмасфера, што людзі адракаліся ад усяго, нават ад бацькоў і родных дзяцей, каб толькі выжыць. Пасья адпісаў нам. Лісты яго былі больш-меньш такія: «Дарагая Ларыса, мне куды горш, як вам. Я ўжо зрабіў сабе труну, і яна ляжыць у мяне на гарышчы. Жонку сваю я пахаваў паводле ўсіх законаў рэлігіі, а вось хто мяне пахавае?» [97].

Небольшой штрих к биографии поэтессы, несомненно, сделает для нас восприятие ее жизни и деятельности, а также близких ей людей более предметным и образным. Расширил он и наше представление о службе и судьбе одного из низших чинов гродненской полиции.

В заключение следует отметить, что гродненские губернские учреждения полиции были упразднены Временным правительством в мае – июне 1917 года во время их нахождения в эвакуации в г. Калуге и одноименной губернии [98].

2.9. ГРОДНЕНСКИЕ ВЕТЕРИНАРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Наличие большого количества лошадей, сельскохозяйственного скота и других животных в пределах Гродненской губернии требовало хорошо налаженной ветеринарной службы. Как следует из «Памятных книжек Гродненской губернии», обеспечивалась она крайне ограниченной группой людей, бывшими специалистами своего дела. Так называемое ветеринарное отделение находилось в ведении губернского правления и в непосредственном подчинении вице-губернатору. В конце XIX – начале XX веков гродненским губернским ветеринарным инспектором являлся Иван Дмитриевич Юдин. Заведующим же делопроизводством в ту пору был Константин Яковлевич Бокша. Городским ветеринарным врачом долгое время являлся Мартин Мартинович Мешаак. Из формулярных списков ветеринаров известно следующее.

И.Д. Юдин родился 24 февраля 1854 года в семье потомственных дворян Симбирской губернии. Здесь же, в Ардатовском уезде, находилось их родовое имение Тихоновка и 37 десятин земли. Он получил хорошее домашнее образование, что позволило ему успешно поступить, а затем и окончить полный курс Казанского ветеринарного института в 1878 году. В 1878 – 1881 гг. Юдин находился на военной службе в качестве ветеринара запасного пехотного батальона. 5 апреля 1881 года он был уволен в запас, а потом назначен медицинским департаментом МВД сверхштатным ветеринарным врачом по Гродненской губернии. Здесь в 1881 – 1884 годах он был произведен в титулярного советника, а затем и коллежского асессора. 4 августа 1887 года он был перемещен в г. Кобрин. 31 октября 1897 года был назначен гродненским губернским ветеринарным врачом. 22 мая 1898 года Юдин был произведен за выслугу лет в статские советники. Сверх прямых обязанностей он в разные сроки в 1898 – 1903 гг. управлял различными отделениями губернского правления. По поручениям губернатора производил расследования по жалобам разных лиц на неправильные действия по службе правительственных ветеринаров Гродненской губернии. Постановлением губернатора от 19 февраля 1902 года на него было возложено ведение делопроизводства Гродненского местного управления Красного Креста.

12 июня 1902 года на основании решения Государственного совета И.Д. Юдин был переведен из губернского ветеринарного врача в губернского ветеринарного инспектора. Помимо основной работы, он участвовал в заседании городской комиссии по переосвидетельствованию новобранцев, занимал должность советника губернского правления. В 1904 году по поручению губернатора он производил дознания по жалобе крестьянина Фомы Калинейко на

кобринского пунктового ветеринара Шестаковского, по жалобе мясоторговца Юдея Герта на волковысского уездного ветеринара Луговского. Кроме того, он произвел серьезное расследование действий по службе брестских пунктовых ветеринаров Серебрякова и Толоконникова, а также бывшего волковысского уездного ветеринара Наткина. В 1905 – 1907 годах по приглашению губернатора он состоял членом комитета по оказанию помощи семействам воинов, отправленных на Дальний Восток для участия в военных действиях с Японией.

Являлся кавалером орденов св. Владимира 4-й степени, св. Станислава 2-й и 3-й степеней, св. Анны 2-й степени, имел медаль в память царствования императора Александра III. Ему были высочайше пожалованы золотые с цепочкой часы с изображением государственного герба из кабинета Его Величества императора. И.Д. Юдин был холост [99].

Ближайшим сотрудником И.Д. Юдина был гродненский городской пунктовой ветеринарный врач, статский советник Мартын Мартынович Мешаак. Он уроженец Курляндской губернии, родился 30 января 1864 года, вероисповедания лютеранского. По окончании курса Дерптского (Юрьевского) ветеринарного института в 1890 году он служил в 1891–1899 годах ветеринаром на ряде государственных конных заводов и других местах. В 1900–1902 годах он находился в командировке в Закавказье для проведения противочумных мероприятий. 8 февраля 1902 года Мешаак был переведен на должность ветеринарного врача в г. Брест Гродненской губернии, а 5 июня 1904 года – на эту же должность в г. Гродно. Был награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III, светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых, а за труды, «понесенные при условиях военного времени», он 26 августа 1915 года был награжден орденом св. Анны 3-й степени [100].

Сокольским уездным ветеринарным врачом служил в начале XX века надворный советник Федор Григорьевич Шимановский. Родился он 20 апреля 1876 года в семье православного священника. После окончания Варшавского ветеринарного института служил в 1902 – 1905 годах бобруйским городским ветеринарным врачом. 21 февраля 1905 года он был призван из запаса на действительную военную службу. С 22 апреля по 10 ноября 1905 года он в составе 37-го военно-вьючного транспорта находился в действующей армии во время русско-японской войны. После его расформирования был отправлен в распоряжение бобруйского уездного воинского начальника, после чего был назначен сверхштатным ветеринарным

врачом в г. Бобруйске. 27 апреля 1906 года был назначен сокольским уездным ветеринарным врачом. Был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых [101].

Разумеется, что именами вышеупомянутых ветеринаров их список не ограничивается. Поиск людей этой благородной профессии продолжается.

2.10. БЛАГОРОДНЫЕ СОБРАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ ГРОДНО И БРЕСТ-ЛИТОВСКА

Во второй половине XIX – начале XX веков местом культурного времяпрепровождения большинства состоятельных людей Гродненщины были Благородные собрания. Основной контингент этого своеобразного сословного клуба составляли дворяне и высшее чиновничество, частично – купечество и офицерство. В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно сохранились документы, отражающие основные направления деятельности этого общественного культурно-просветительного учреждения в г. Бресте Гродненской губернии.

Брестское городское Благородное собрание было образовано в январе 1872 года. 24 марта был учрежден его устав. В 1894 году возникла необходимость внесения в него ряда дополнений. Об этом и некоторых других моментах, касавшихся деятельности данного Собрания, говорилось в письме его председательствующего старшины В.В. Роменского от 24 июня 1894 года на имя гродненского губернатора Д.Н. Батюшкова: «Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Дмитрий Николаевич. Как заступивший место председательствующего старшины в дирекции Брестско-Литовского Благородного собрания за отказом от этой должности Алексея Петровича Штера, имею честь почтительнейше представить Вашему Превосходительству копию постановления общего собрания членов Брестско-Литовского Городского Благородного собрания от 19 июня 1894 года.

При этом присовокупляю, что копия такового же постановления лично вручена мною господину коменданту Брест-Литовской крепости генерал-лейтенанту Э.С. Цитовичу, который по ознакомлении с содержанием постановления изволил отозваться, что он разрешит господам офицерам посещать Городское собрание по получении уведомления об утверждении высшей властью новых по уставу Собрания дополнений, составленных в заседании Общего собрания членов 19 сего июня.

Ввиду чего и в уважение постоянных заявлений со стороны членов Собрания и их семейств относительно устройства в Собрании вечеров, любительских спектаклей и других дозволенных уставом развлечений с участием в них и господ военнослужащих с их семействами, я, по уполномочию Совета Старшин, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в возможном ускорении ходатайства пред господином Министром Внутренних Дел об утверждении выработанных в заседании 19 сего июня дополнений к прилагаемому при сем уставу Брест-Литовского Городского Благородного собрания».

Присланным документам был дан ход: после одобрения устава и дополнений к нему гродненским губернатором Д.Н. Батюшковым и виленским генерал-губернатором Оржевским они через определенное время попали в МВД, где и были утверждены министром внутренних дел Дурново 20 августа 1894 году.

Судя по уставу 1872 года и дополнениям к нему 1894 года, Брест-Литовское Городское Благородное собрание учреждалось с целью «доставить обществу возможность проводить свободное время в танцах, дозволенных правительством играх, чтении книг и периодических изданий». Членами Собрания имели право быть «все состоящие в военной и гражданской службе, дворяне, помещики и лица других сословий, имеющие вход в Общество по своему положению и образованию». Желаящие стать членами Собрания поступали в него посредством тайного голосования общего Собрания его членов (не менее 4/5 голосов). За право быть членом необходимо было уплатить 10 руб. серебром в год. Не имели права быть членами Собрания лица, находящиеся под надзором полиции, исключенные из каких-либо других Собраний, а также «обесславленные решениями или гласными предосудительными поступками». Дополнения 1894 года значительно расширили круг лиц, которые не имели права на членство в Благородном собрании. К ним относились: «лица женского пола; несовершеннолетние, за исключением имеющих классные чины; учащиеся учебных заведений и состоящие на действительной службе нижние чины и юнкера».

На мероприятия, проводимые Благородным собранием, кроме постоянных членов и так называемых полугодовых (с платой в 6 руб. серебром за годы без права голоса на общих собраниях), допускались и посторонние посетители, имевшие право на членство в Собрании, но лишь при наличии для этого «пространств помещения и соответствующих удобств». Имя и звание гостя заносилось членом Собрания в особую книгу. Право на участие быть посетителем Со-

брация имели и гости, имевшие так называемые «дозволительные записки за собственноручной подписью члена», которые предъявлялись посетителями при входе в Собрание (записки эти хранились в делах дирекции в течение года). Гости за право входа платили: в обыкновенные клубные дни – по 30 коп., а в танцевальные вечера – 1 рубль. Член Собрания, записавший посетителя или выдавший ему дозволительную записку, нес ответственность «за поведение, проигрыши и все расходы по буфету» приглашенного им в клуб лица. Посетители же, нарушившие «право благочиния и общественных приличий», навсегда теряли право быть гостями Собрания.

Всеми делами Собрания заведовала дирекция, состоявшая из 9 старшин, из которых один избирался председательствующим. Почетным старшиной Собрания традиционно избирался начальник Гродненской губернии. Старшины отвечали за хозяйство и имущество Собрания, работу библиотеки. Они же в качестве дежурных старшин наблюдали за порядком в Собрании. Все члены и посетители Собрания должны были «беспрекословно подчиняться всем их законным распоряжениям». Старшины дежурили по понедельно. В обязанности старшины входило «находиться в Собрании с 8 часов вечера до выхода последнего гостя и члена из Собрания».

Старшина-распорядитель вел шнуровую книгу для записи имущества собрания, получал ежедневный приход, производил выдачу денег на освещение, отопление и прислугу и прочее, а в начале каждого месяца представлял дирекции отчет о состоянии кассы, о сделанных на текущие надобности Собрания расходы, о поступившем приходе и о предстоящих платежах. Старшина-библиотекарь вел учет книгам, журналам и другим периодическим изданиям, имевшимся в библиотеке, содержал ее в порядке, выдавал книги членам и наблюдал за своевременным их возвратом. Библиотека во всем подчинялась высочайше утвержденным правилам от 6 апреля 1865 года о цензуре и печати. В библиотеке запрещалось иметь книги, журналы и газеты, а равно разговаривать в Собрании на польском языке. Выбор старшин осуществлялся тайным голосованием на общем собрании, на котором должно было присутствовать более половины общего числа всех постоянных членов Собрания, включая и старшин.

Высокое достоинство Собрания зависело от соблюдения в нем приличий общественной жизни и благопристойности, а потому в нем запрещались «непристойные и грубые поступки, а равно и разговоры, клонящиеся к оскорблению какого-либо лица или общественной нравственности». Старшинам вменялось в обязанность не

оставлять подобных поступков без внимания. Об исключенных из Собрания немедленно сообщалось дирекции. После этого исключенные навсегда теряли право вступать в Собрание или посещать его в качестве постороннего посетителя.

В Брест-Литовском Городском Благородном собрании (клубе) дозволялись все коммерческие игры в карты, шахматы, шашки, домино и др. Играющие в карты платили по 1 руб. 50 коп. за игру. Одна игра служила не более как для одной пульки преферанса, шести роверов в вист и 12 королей в пикет. При игре в палке с переменной играющего лица обязательно требовалась и новая игра карт. Каждая игра карт для избежания подлога от официантов должна была быть за подписью и печатью распорядителя. За каждую распечатанную колоду должно было быть заплачено, даже если начатая партия и не была окончена. Желавшие продолжать игру со старыми картами платили по 90 коп. За игру в домино, шашки и шахматы и т.д. плата не взималась. Если играющие требовали лучшего освещения, то они платили по 30 коп. за пару свеч. Излишний азарт подвергался ответственности по закону. Долги по карточной игре в Собрании не терпелись. Если проигравший в течение суток не уплачивал своего проигрыша, то ему запрещалось право входа в Собрание до уплаты долга.

В читальне Собрания не дозволялось громко разговаривать, читать вслух. Запрещалось также переносить из нее книги и газеты в другие комнаты. Журналы и газеты разрешалось брать и для прочтения их дома на срок от 3 до 7 дней; издания прошлых лет можно было держать и месяц. За нарушение сего срока уплачивался штраф за каждый день просрочки по 10 коп. за журнал и по 5 коп. за газету.

Во время танцевальных вечеров, балов и маскарадов в Благородном собрании запрещалось курить в танцевальном зале и гостиных. Все жалобы на нарушения разного свойства принимались только в письменной форме и заносились в специальный журнал. Много внимания уделялось внешнему виду посетителей. Так, во время балов и маскарадов должны были быть: «военные в мундирах, а гражданские во фраках, в обыкновенные же дни и танцевальные вечера и военные, и статские могут быть в сюртуках». Исключение допускалось только для танцевальных вечеров в летнем помещении Собрания, где разрешалось быть и в другой одежде, «обусловленной состоянием погоды и общественным приличием». Маскарады в Собрании давались не иначе как с разрешения местного начальства [102].

Если в уездном Брест-Литовске Городское Благородное Собрание являлось практически всеобщим учреждением, куда допус-

кались состоятельные люди всех званий при условии должного поведения и образования, то в губернском Гродно такого рода общественные собрания отражали желание горожан отдыхать и развлекаться в своем кругу с соблюдением определенной автономности в быту. Возникли эти учреждения в Гродно в конце 60-х годов XIX века, а чиновничий клуб – 23 января 1903 года.

Наиболее престижным клубом для досуга было Гражданское Благородное собрание (оно находилось на Парадной площади в доме Брегмана (до наших дней здание не сохранилось)). Членами его были наиболее состоятельные жители города.

В связи с наличием в городе значительного контингента войск (в 1908 году – 16 800 чел.) значительная часть местного офицерства образовала здесь свой клуб, получивший название Военного собрания. Располагалось оно на Замковой улице, в здании старого замка. Цели данного Собрания были приблизительно те же, что и Благородного собрания, только со спецификой, связанной с армейской службой. Основной состав данного Собрания был представлен офицерами 26-й артбригады, а также пехотных полков – Вятского, Пермского, Петрозаводского и Кобринского.

Мелкие чины, интеллигенция, мещане имели свой клуб – Собрание чиновников. Он располагался по улице Телеграфной в доме Гродненского Благотворительного общества. В настоящее время в этом здании размещается издательский центр Гродненского государственного университета имени Янки.Купалы.

Помимо организации в своих клубах различных культурно-развлекательных мероприятий, члены всех трех городских собраний организовывали гуляния своих членов на свежем воздухе (в городском саду, в лесном массиве Пышки, на Немане). Гулять обычно выходили семьями, сохраняя свои сословные правила поведения. В городском саду играл духовой оркестр, работал буфет. Любили гродненцы гулять и по центральным, наиболее многолюдным улицам города (Муравьевской и Соборной), а также на Парадной площади, т.е. там, где можно было «на других посмотреть и себя показать». Гостевание в часы досуга было в городе широко распространенным занятием. Без приглашения в гости ходить обычно было не принято. Обязательно соблюдалась очередь: «если тебя приглашали, то и ты должен пригласить».

Излюбленными местами отдыха состоятельных горожан были городской театр, летний театр и цирк; люди победнее и пониже рангом посещали Гродненский народный дом, закладка которого по проекту гражданского инженера Н.В. Романова состоялась 22 июля 1902 года. При народном доме (ныне Дом культуры по ул. Дзер-

жинского) действовала народная бесплатная библиотека-читальня. В начале XX века в городе существовали литературно-музыкальное общество, музыкально-драматический кружок (при Гродненском пожарном обществе), Гродненский кружок любителей музыки и драматического искусства. 3 ноября 1907 года был утвержден «Устав Гродненского педагогического общества». Главной его задачей было объединение педагогических сил г. Гродно и организация народных чтений [103]. Значительным фактом в жизни людей становилась книжная культура. Возрастало число досуговых центров. Знаковым явлением начинающегося XX века стало появление в городе кинематографа, выполнявшего как развлекательные, так и просветительские функции. Горожане активно посещали всякого рода зрелища, представления и концерты. Так формировалась публика, «готовая к потреблению культурных продуктов разного уровня: от высоко духовных до пошлых, от пустых до глубоких и содержательных» [104].

ГЛАВА 3. ИЗ ЖИЗНИ ПАСТЫРЕЙ И ПАСОМЫХ

3.1. О СУДЬБЕ НАСЛЕДСТВА ЦЕРКОВНОГО ДЕЯТЕЛЯ И УЧЕНОГО-СЛАВИСТА М.К. БОБРОВСКОГО (1784 – 1848)

Наш земляк, выдающийся богослов и филолог-славист, Михаил Кириллович Бобровский скончался 21 сентября (по новому стилю 3 октября) 1848 года в местечке Шерешево Пружанского уезда Гродненской губернии в возрасте 63 лет. Как писал об этом в 1887 году его племянник, известный в ту пору военный историк П.О. Бобровский, причиной смерти ученого, а в то время православного священника, была холера, «продолжавшаяся у него всего лишь несколько часов». В связи со скоропостижностью случившегося, отмечалось в данной работе, «протоиерей Михаил Бобровский не успел сделать никаких распоряжений относительно бывших у него документов и своих собственных рукописных сочинений, ценных снимков, библиографических заметок, археологических записок и писем к нему известных в то время славянских филологов, археологов и любителей древней славянской письменности, в том числе и графа Н.П. Румянцева, равно, как бывших его учеников в Главной Виленской семинарии, занявших наиболее видные посты в воссоединенных с православием Литовской и Белорусской епархиях». Внезапная смерть священника, по-видимому, и стала основанием для невключения данных документов в опись имущества покойного, составленную Пружанской дворянской опекой.

Спрашивается, какие же меры были приняты властями по охране имущества М.К. Бобровского? Имеются сведения, что на другой день после кончины протоиерея часть его бумаг (каких, мы не знаем) была опечатана вице-благочинным Кургановичем и послана к архиепископу, в будущем митрополиту Литовскому и Виленскому Иосифу (Семашко). Известно, что с покойным протоиереем вели переписку по вопросам о воссоединении униатов с православием местный митрополит Иосиф, архиепископ Василий Лужинский, архиепископ Антоний Зубко, архиепископ Михаил Голубович, протопресвитер Тупальский, архиепископ Филарет Малишевский, ректор Жировичской семинарии Гомолицкий, Сосновские – Антоний (отец) и Платон (сын), П. Янковский, М. Шелепин. Все они, кроме Тупальского, А. Сосновского и Зубко, были учениками Бобровского и относились к нему с дружеским почтением как к своему «настав-

нику и профессору». Однако известие об отсылке этих бумаг в Вильно официально не подтвердилось. Как указывает П.О. Бобровский, «в деле Литовской консистории по архиву № 928 «О смерти Пружанского благочинного протоиерея Михаила Бобровского» нет даже намека на распоряжение Виктора Кургановича (об отсылке ценных бумаг к митрополиту Иосифу).

При протоиерее М.К. Бобровском в момент его кончины находились отец Иоанн Курганович, ближайший сосед по приходу, и викарный священник Михаил Савинский. Кафедральный протоиерей В.И. Гомолицкий, женатый на сестре митрополита Иосифа, также не подтвердил показаний о пересылке Кургановичем к его зятю письменных документов М.К. Бобровского. Дворянская же опека вступила в действие не ранее как через три недели после кончины протоиерея Михаила Бобровского и не приняла надлежащих ограничительных мер, за что малолетние наследники стали просить власти «подвергнуть ответственности их опекуна Сенковского и асессора или пристава Лозинского. Все малолетние племянники, его наследники, в то время были далеки от Шерешева. К описи имущества при депутате со стороны духовенства, которым был ново назначенный благочинный протоиерей Виктор Курганович (впоследствии настоятель Супрасльского монастыря), Пружанская дворянская опека приступила лишь 16 октября. По свидетельству «лица, заслуживающего уважения», три мешка с бумагами были отправлены к ученому библиофилу Владиславу Трембицкому. Между тем переход к нему рукописей и писем также не доказан документально. Известно лишь, что Трембицкий скоропостижно скончался в Варшаве. Какая же судьба в последующем постигла рукописи и письма к М.Б. Бобровскому после его смерти, писал племянник покойного, «мы до сих пор не имеем достаточно точных сведений».

Мало что изменилось в выяснении данного вопроса и сегодня, спустя более ста лет после того, как была написана книга П.О. Бобровского. И тем не менее поиски в этом направлении продолжают-ся. Не всегда достигая главной цели, т.е. выяснения судьбы рукописного наследия покойного, его богатой библиотеки, они, тем не менее, позволяют не только раскрыть некоторые обстоятельства, связанные с судьбой утраченного, но и осветить малоизвестные детали из жизни и деятельности М.К. Бобровского, много сделавшего для развития исторической науки о Беларуси.

Наиболее ценным в этом отношении следует признать «Дело № 39 по представлению Гродненской палаты гражданского суда о продаже имущества Бобровских». Именно в нем нашел освещение весь драматизм ситуации, связанной с удручающим состоянием

имущества, оставшегося после смерти знаменитого ученого – протоиерея. Вот что удалось узнать из этого дела. 4 мая 1849 года, спустя восемь месяцев после его смерти, Гродненская судебная палата сообщала местному губернатору барону Х.Х. Ховену о том, что «опекуны малолетних Бобровских и имущества, им принадлежащего после умершего дяди их, протоиерея Бобровского, просят Пружанскую дворовую опеку об учинении распоряжения насчет продажи такового имущества, так как оно может подвергнуться порче, а лошади, скот и прочие животные, прокормом оных причиняют значительный ущерб. Дворянская опека, имея в виду отзывы Духовной консистории, что на покойном Бобровском числится 2064 руб. 96 коп. долга, к удовлетворению которого нет законных средств, кроме имущества покойного, оцененного на 1435 руб. 83 j коп., состоящем из гардероба, белья, мебели, книг, экипажей, разных хозяйственных снарядов и многого другого, не нашла ничего иного, как продать с публичных торгов все имущество Бобровского в м. Шерешеве, находящегося и о вызове всех жаждущих принять участие в оных на 23 число сего марта месяца. Откомандированному туда члену опеки Протасевичу было поручено сообразить при торгах: все ли имущество показано в описи, а равно – отчего произошла разница в количестве скота, ибо, по отзывам консистории, показано оно 31 штука, а в описи только 14 штук; кроме того, Протасевичу предлагалось получить соответствующее разрешение гражданской палаты на продажу золотых, серебряных и медных вещей, а также выяснить у пружанского благочинного Кургановича сведения о долгах, относимых к покойному Бобровскому, и доказательства на оные. Поручалось ему и выяснение того, куда была обращена барщина с имения Обруба, и где находится опись имущества дома в г. Бельске, принадлежащего малолетним Бобровским, и плацу в м. Клещели. Исходя из того, что мать упомянутых малолетних, по настоящему браку – Васьневская, находилась некоторое время при покойном проиерее Бобровском, то она может знать как о его фондушах, так и о долгах, то необходимо и от нее потребовать эти сведения. От опекунов же необходимо потребовать, чтобы они хранили в целости все вещи, неподверженные в продажу. При особом рапорте от 20 марта (№ 196) опека представила опись имущества покойного Бобровского и свидетельство о летах его наследников двуименных Ивана-Станислава и Владимира-Юльяна. Опекунство над ними по рапорту опеки было заведено в гражданской палате 7 декабря 1848 года».

Прежде чем дать разрешение на проведение торгов имущества покойного, губернатор Х.Х. Ховен запросил разрешение на прода-

жу со стороны Правительствующего сената. Оттуда лишь 13 сентября 1849 года пришло сообщение о том, что Сенат воздерживается от такого рода разрешения, так как «из дела сего не видно: 1) кем именно, по каким долговым обязательствам предъявлены претензии к имуществу умершего протоиерея Бобровского; 2) в чем и на какую сумму состоит претензия того Бобровского к духовному имению Обруб и 3) за сколько продано дворянской опекой имущество Бобровского, подверженное тлению; и сверх этого, поскольку не представлено подробной описи с оценкою назначаемому в продажу драгоценному имуществу, то Правительствующий сенат определяет гродненскому губернатору предписать указом, дабы он вышеозначенные сведения и опись представил Сенату немедленно».

Подготовка данных сведений, возложенная губернатором на Пружанскую дворянскую опеку и Гродненскую палату гражданского суда, была данными инстанциями завершена лишь в декабре 1849 года. К губернатору же они поступили 3 января 1850 года. Из ответов на вопросы, поставленных Сенатом, значилось, что:

«1) к имуществу, оставшемуся после покойного протоиерея Бобровского, простираются следующие претензии: Шерешевской православной церкви на 290 руб., на что имеется собственноручная расписка покойного у церковного старосты; казенные начеты, отпущенные на починку разных церквей, подтверждаемые делами благочиния, что покойный Бобровский получал от протоиерея Ячиновского церквям: Муравьевской – 66 руб. 97 коп., Циповольской – 52 руб. 90 коп., Беловежской – 65 руб. 80 коп., о чем имеется собственноручная пометка на бумаге покойного Бобровского; Ржечицкой церкви – 28 руб. 51 коп., из коих выдано священнику Вожнянской церкви, отпущенных ему на починку церкви 79 руб. 87 коп., а всего остается казенного начета – 446 руб. 35 S коп. – вычет церковного долга, как уведомила Литовская духовная консистория, ею было отчислено из источников, служащих покойному по день его смерти 242 руб. 35 S коп.; осталось затем 47 руб. 64 S коп., а также частные лица: протоиерей Курганович в 60 руб., издержанных им на удовлетворение прислуги покойного и удержание трех лошадей на собственном корме с 28 сентября 1848 года; дворянин Александр Таргонский по заемным письмам 13 августа 1848 года покойным Бобровским выданным; и того же времени в Пружанском уездном суде, совершенном на 600 руб. с законными процентами по день уплаты, причитающимися за неустойку в платеже за расписками собственноручными покойного: еврею Гальперну – 101 руб. 90 коп.; Цехановцевой – 5 руб. 22 S коп.; Боруху Райману – 14 руб. 82 S коп.; Тенебаумовой – 43 руб.; Митиссовой – 21 руб.; поварке Пеллаге –

8 руб.; лакею Ивану – 16 руб. – без расписок; 3-й гильдии купчихе Ловиновой за разные напитки – 197 руб. 64 S коп.; Хайке Кринской – 24 руб. 25 коп.; извозчику Шмуйле Розенбауму – 10 руб. за доставку в Минск в Архиерейский дом Владимира Бобровского, а всего долга 1595 руб. 84 j коп.

2) К духовному имению, Обруб называемому, простирается претензия со стороны покойного Бобровского за обсеменение полей озимыми и яровым хлебом при передаче того имения в казну, как он, принимая то имение в свое ведение 24 июня 1832 года, на основании указа Литовской духовной консистории обязан был уплатить жене предместника своего Клышинской за означенные посева 200 руб. серебром по документу, между ними заключенному;

3) из продажи имущества, подвергающегося тлению, выручена сумма 1193 руб. 62 коп. Причисляя сюда найденные в наличности 124 руб. 16 коп., составил общий капитал 1317 руб. 78 коп. серебром. Из этого израсходовано на содержание в училище, экипировку Владимира Бобровского до отвоза его в Полоцк, и Ивана Бобровского до его кончины 84 руб. 22 коп., и на похороны сего последнего 20 руб. Старшему же из родства Михаилу Бобровскому посредством С.-Петербургского правления, просил по продаже общего имущества выслать еще доводящуюся часть, насчет которой послано опекуном 25 руб., и того затем остается на удовлетворение должников 1188 руб. 56 коп. Причем опека представила копию описи драгоценному имуществу, оставшемуся после покойного протоиерея Бобровского, оцененного в 270 руб. 97 коп.»

Судя по всему (включая и исправления карандашом на сведениях, представленных Пружанской дворянской опекой), с оценкой имущества покойного Бобровского, размерами его долгов и долгов ему не все обстояло благополучно: цифры изменялись то в сторону увеличения, то уменьшения, а это затягивало разрешение ряда спорных вопросов. С течением времени объявлялись новые претенденты на компенсацию потерь, а то и займов, совершенных протоиереем Бобровским. Характерно, что одна и та же информация, полученная Гродненской палатой гражданского суда от Пружанской дворянской опеки в письме губернатору от 1 мая 1850 года, неожиданно обретала совершенно иное звучание. Так, при показе оборота денег по имуществу малолетних Бобровских отмечалось следующее: «Выручено с продажи вещей, подвергающихся порче, 1317 руб. 78 коп. серебром, из коих произведено в расход: выдано учителю Сломинскому за учение и содержание малолетних Ивана и Владимира Бобровских 57 руб. 82 коп., на сапоги для них 2 руб. 40 коп., на лечение Ивана – 24 руб. и на похороны его – 25 руб., послано Михаилу Боб-

ровскому 25 руб., за перевозку вещей из Шерешева в Пружаны 4 руб. 50 коп. (на что представлена расписка), выдано благочинному Кургановичу 59 руб. 64 коп. невырученных из тех денег, которые покойный Бобровский за расписками взял из кружки Шерешевской церкви, по формальным заемным письмам выдано Александру Таргонскому капитала с процентом 646 руб. 50 коп., еврею Шмуилу Розенбауму недоплаченных ему за отвоз малолетнего Владимира Бобровского в Минск 10 руб. 75 коп., выдано прогонных (т.е. командировочных. – *В. Ч.*)стряпчему (делопроизводителю – ?. – *В. Ч.*) 1 руб. 84 коп., о чем имеется расписка по шнуровой книге дворянской опеки, представленной на ревизию казенной палате. Итого в расходе 852 руб. 45 коп. Затем осталось в наличности 351 руб. 92 коп., которые хранятся в кладовой уездного казначейства, впредь до представления доказательств на церковную претензию за взятие Бобровским денег на устройство и приобретение утвари по разным церквям, а 114 руб. находятся у опекуна Сенковского, и что настоящий рапорт заключает подробный счет за время управления имуществом малолетних Бобровских».

Трудно сказать, какие цифры были зафиксированы в документе, отправленном гродненским губернатором в Сенат, ибо он отсутствует в материалах настоящего архивного дела. В какой-то степени о его содержании можно судить по ответу губернатору. В нем, в частности, говорилось: «Военный губернатор города Гродно и гродненский гражданский губернатор рапортом своим от 5-го июля 1849 года просил разрешения Правительствующего сената на продажу драгоценных вещей, оставшихся после протоиерея Бобровского, с целью уплаты казенных и частных долгов, оказавшихся на покойном в сумме 1595 руб. 84 S коп. серебром (здесь и ниже подчеркнуто в губернской канцелярии. – *В. Ч.*). Из собранных Православным сенатом по предъявлению этому сведений показывается, что после кончины Бобровского осталось наличными денег 124 руб. 16 коп. серебром, разная движимость, из которой тлению и порче подвергшаяся продана уже с разрешения опеки за 1193 руб. 62 коп. серебром, дом в г. Бельске и плацовое место в местечке Клещелях; из числа же наследников сыновей Бобровского, Михаил совершенных лет, Владимир взят на воспитание в Архиерейский дом, а третий сын Иван, также малолетний, умер; наконец, что из вырученных с продажи денег 25 руб. уплачено Михаилу Бобровскому в счет следующей ему части. Православный сенат, имея в виду, что содержание и воспитание малолетнего наследника Бобровского не требует, по крайней мере в настоящее время, никаких расходов, правительные же покойного Бобровского долги могут быть в большей

части уплачены из оставшихся от него денег и из суммы, вырученной уже продажей движимого имущества, определяет: в разрешении продажи вещей, порче не подверженных, отказать и затем поручить дворянской опеке, чтобы имеющиеся в наличности деньги были обращены опекунами на уплату одних беспорных и сомнению не подлежащих долгов под собственную их ответственность, а о продаже драгоценных вещей опека вошла бы с представлением тогда лишь, когда к уплате таких долгов не будет предстоять никакого другого способа или совершеннолетний наследник будет требовать выдела причитающейся ему части. Об исполнении чего к гродненскому гражданскому губернатору послать указ и уведомить указом обер-прокурора Святейшего синода. Декабря 14 дня 1850 года».

Такого решения вопроса об имуществе М.К. Бобровского в Гродно, вероятно всего, не ожидали. Наступила пауза, прерванная лишь грозным напоминанием Сената от 24 августа 1851 года «О немедленном исполнении указа Сената от 14 декабря 1850 года». Последовавшее после этого «строжайшее указание губернатора Х.Х. Ховена от 3 октября 1851 года всем подчиненным ему учреждениям о «немедленном исполнении сенатского указа» вызвало во исполнение данного предписания следующий ответ (от 20 октября 1851 года): «Дворянская опека имеет честь донести, что для удовлетворения кредиторей (так в тексте. – *В.Ч.*), имеющих неоспоримые претензии, по недостатку наличных сумм, вырученных с продажи имущества покойного Бобровского, сделано было представление о подтверждении продаж вещей, не подвергающихся порче, на сумму 134 руб. 42 коп. серебром. Однако в продаже этой по учиненному представлению Вашим Превосходительством Правительственный сенат отказал по тому соображению, что, кроме наличных, вырученных из продажи имущества, имеются еще дом в г. Бельске и плацовое место в м. Клещелях, и как племенники покойного не требуют в настоящее время никаких расходов, а правильные покойного долги могут быть уплачены в большей части из оставшихся после покойного денег, суммы, вырученной из его выпродажи движимого его имущества, предписал, чтобы имеющиеся в наличности деньги были обращены опекунами на уплату одних лишь беспорных, сомнению не подлежащих долгов, а о продаже этих вещей войти с представлением лишь тогда, когда к уплате этих долгов не будет представляться никакого другого способа или совершеннолетний наследник Бобровского будет требовать выдела причитающейся ему части. Дабы сообразить и открыть все это с точностью, необходимо иметь достаточные сведения о стоимости дома в г. Бельске и плацового места в м. Клещелях, и хотя по этому поводу

ведется уже с декабря 1849 года переписка с Бельской городской полицией и тамошним земским судом, удовлетворяющий нас ответ оттуда не получен, и засим не может быть приведен в исполнение указ Правительственного сената».

В конце концов 11 марта 1851 года бельский городничий донес губернатору Ховену о том, что при «разглашении сведений о доме протоиерея Бобровского в г. Бельске встретилась необходимость и надобность расспросить обо всем проживающего в городе Белостоке некоего Людвиг Костецкого и вытребовать от него нужные документы...». Впоследствии выяснилось, что последний из Белостока выехал в неизвестном направлении. Не менее сложным оказалось выяснение вопроса о плацовом участке в Клещелях. По этому поводу Пружанская дворянская опека 3 декабря 1861 года сообщала в Гродно следующее: «По розыску, учиненному Бельским земским судом о крестьянах и землях, принадлежащих покойному Бобровскому, стало известно, что принадлежали к ним человек Иосиф Пищель и два незаконнорожденных мальчика Иван и Мартын Трояны, а также земли в Клещелях и дом в Бельске, дабы не были пропущены по ревизии, опека предписала земскому суду раскрыть на месте в имении Обруб все об означенных крестьянах, где были записаны по 8-й переписи о земле. В результате чего было открыто: 1) что о дворовом человеке Иосифе Клещеле никто ничего не знает, как по здешнему, так и по Бельскому уездах; 2) принадлежащие покойному Бобровскому в м. Клещелях огороды, из коих один отдан в пожизненное владение с домиком крестьянке Анне, вышедшей в замужество за бессрочно отпускнуго унтер-офицера Кондратия Карпинчука, и таковым она пользуется поныне. Покойный протоиерей Бобровский 6 июля 1846 года выдал на простой бумаге свидетельство, что отдает ей, Карпинчуковой, на пожизненное владение плац, называемый Бобриковщизна, шириною 8 загонов, а в длину 2 стаи за двенадцатилетнюю ее беспорочную службу; прочие два огорода состоят в аренде у Павловича и Кунаховича с уплатой первым 6 руб. серебром ежегодно, которые отсылаются в С.-Петербург Михаилу Бобровскому; 3) из незаконнорожденных мальчиков Троян, со слов Анны Карпинчуковой, Иван находится у матери малолетних Бобровских, по второму браку Васьевской, а Мартын и дочь Катерина – при своей матери в Клещелях, по 8-й народной переписи родившихся, на принадлежность их Бобровским никаких документов не имеется, а только видно, что во время служения девки Анны у Бобровских в здешнем уезде, в подушном имении Обрубе, она прижила двух сыновей Ивана и Мартына и дочь Катерину, а все они выросли и удерживались Бобровским, и когда

их было предположено записать по сказкам при земле, принадлежащей Бобровским в м. Клещелях, то становой пристав Бельского уезда 1-го стана заключил, что как мать их происходит от казенных крестьян Виленского университетского имени Замечка (д. Гуденов), то и дети ее незаконнорожденные должны быть приписаны к казенным крестьянам. Имеющиеся у опеки сомнения относительно детей Анны или к называемым крестьянам, или к малолетним Бобровским, то обстоятельства этого должны быть отданы на постановление уездного суда. Кроме того, суду предписано принудить опекуна Сенковского к доставлению к продаже вещей и денег от нее следуемые: всего 25 руб. 4 коп. серебром».

Заканчивалось данное дело донесением губернатору Ховену от бельского городского от 19 июня 1852 года о том, что «требования Пружанской дворянской опеки по делу об имении Бобровских переданы для полного удовлетворения в Белостокскую городовую полицию», а также сообщением председателя Гродненской палаты гражданского суда Глиндзича губернатору Ховену от 22 сентября 1854 года о том, что «палатой сделаны все необходимые распоряжения по доставлении Пружанской дворянской опекой всех необходимых сведений по выполнению Указа Правительственного сената по делу о наследниках покойного Бобровского и о продаже имущества, после него оставшегося, порче не подвергающегося» [105].

Достаточно содержательным по данному вопросу представляется и «Дело № 395 по жалобе Юделевского Рафала на Пружанскую дворянскую опеку за невыдачу ему купленной на торгах ржи после смерти священника Бобровского». Материалы дела позволяют узнать много нового как о самих торгах и имущественном положении покойного ученого, так и о причинах затягивания дела. Главная из них, по мнению пружанского уездного стряпчего, состояла в растрате помещиком Сенковским – опекуном малолетних Бобровских ряда вещей, предназначенных к продаже. Из его показаний следовало, что «некоторых вещей, показанных в описи, вовсе не оказалось, а другие пропали». Уездный же стряпчий «по собранным справкам из дворянской опеки» квалифицировал данный факт как «растрату Сенковским имущества Бобровских» [106].

25 августа 1863 года «за содействие мятежникам» Гродненское правление предписало пружанскому военному начальнику имение помещика Алионзия-Юльяна Михайлова Сенковского поручить полицейскому надзору. Было также сделано распоряжение о взятии имения Сенковского в секвестр и наложении узаконенным порядком запрещения на всякого рода имущество и капиталы, могущие оказаться ему принадлежащими. Об этом решении была уведоملة-

на Палата госимуществ, а информация об этом была направлена за счет Сенковского (3 руб. 48 коп.) в Петербург для опубликования в «Сенатских ведомостях» [107]. При практической передаче имения Гриневици А.-Ю.М. Сенковского в казну оказалось, что ему лично принадлежит лишь 1/7 часть имения, а остальное его покойной женой было записано за его детьми, тогда малолетними Флорентием и Ядвигой. Кроме того, выяснилось, что у него имеется масса судебных дел по долговым обязательствам с соседними помещиками. Их разрешение требовало времени, которое А. Сенковский использовал и для ходатайства о снятии с его имения секвестра. Во всяком случае, в 1870 году ему удалось этого добиться, что и подтверждается соответствующим документом от 25 апреля 1870 года, подписанным гродненским губернатором Зуровым: «Так как помещик Сенковский по производившемуся о нем политическому делу оказался невинным и по конфирмации командовавшего войсками Виленского военного округа 30 марта 1864 года состоявшемся, от всякой ответственности освобожден, то имущество имения его, Сенковского, ни секвестру, ни конфискации подлежать не может, и за сим таковое приему в казну не подлежит» [108]. Между тем, на имя гродненского губернатора продолжали поступать прошения родственников покойного об ускорении дела о наследстве. Об одном из них следует сказать особо, ибо его автором был будущий известный военный историк П.О. Бобровский, автор нескольких работ о своем дяде. Сведения об этом прошении имеются в записке, составленной губернским правлением от 31 августа 1852 года, с целью «ускорить дело покойного Бобровского». В данном документе сообщалось следующее: «Наследники протоиерея Михаила Бобровского – служащий в С.-Петербургском губернском правлении коллежский регистратор Михаил и прапорщик лейб-гвардии Литовского полка Павел Осиповичи последним своим прошением, посланным 30 минувшего мая, просили Пружанскую дворянскую опеку о скорейшем удовлетворении прежних прошений их о высылке им по сказанному наследству денег, находящихся в опеке и принадлежащих им, но опека как прежние, так и последние прошения их оставляет без движения, а потому Бобровские осмеливаются утруждать Ваше Превосходительство всепокорнейшей просьбою о понуждении Пружанской опеки к скорейшему удовлетворению прошений их». Существенно затягивала дело и тяжба между купцом Рафалом Юделевским и Пружанской дворянской опекой, получившая освещение в ряде рапортов ее председателя. В одном из них (от 14 июля 1852 года) сообщалось следующее: «По передаче достояния малолетних Бобровских с разрешения Палаты гражданского суда в

м. Шерешево производилась с ведения дворянской опеки продажа вещей покойного, подвергающихся порче. При этом в подуховном имении Обрубе были найдены запасы разнообразного хлеба в снопах и зерне. Во время торга, производимого членом опеки господином Протасевичем, еврей Рафал Меер Юделевский покупал 23 четверти ржи, а помещик Волынцевич – 127 коп. в снопах. Эта продажа была произведена в имении Обрубе при крестьянах-домохозяевах и десятнике Пантелее Цыбулевиче, призванных для перекладки ржи в снопах. В то время они не жаловались члену опеки господину Протасевичу и не требовали возврата недоимки хлеба, взятого якобы покойным протоиереем Бобровским из сельского запасного магазина, и следствием того они по приказании доставляли по назначению, а при последней доставке задолжали еврею Юделевскому 7 S четверти ржи. По поданному о том прошению дворянская опека обратилась к помощнику слонимского окружного начальника Грабовецкому о возврате той ржи покупчику, а ежели крестьяне имеют претензии, то должны представить доказательства. Вместо ответа от помощника было получено донесение Старовольского сельского управления о том, что покойный протоиерей Бобровский не отсыпал в запасной магазин три четверти ржи и три четверти ячменя, просят удовлетворения, а о возврате Юделевскому 7,5 четвертей ржи выйдет распоряжение. Крестьяне простирают претензию по собственноручной расписке покойного Бобровского, о представлении затем отнесенной в сельское управление какого-то расчета, никем не подписанного, а только с заглавия оказывается, что этот расчет хлеба запасного магазина, с добавлением, что собственноручную расписку Бобровского крестьяне вручили благочинному Кургановичу. По требованию опеки Курганович уведомил, что магазинщику деревни Обруба он вручил означенный выше счет, но расписки от крестьян никогда не брал и у себя не имеет. Приступив к рассмотрению претензий крестьян имения Обруба, опека нашла, что расчет никем не подписан, и хотя он веден был о ссуде и отсыпке хлеба в запасной магазин в 1844 году, но поскольку в конце того расчета написано: «Двор продана бочка (это четверть) 8 руб. и половину бочки (одна четверть 6 руб. 60 коп.)», а на другой стороне о пополнении ссуды (тоже в конце) написано: «Из Беловежи намерено 6 шапков ржи (или 3 четверти)», и это относится ко двору, то и таким образом пополняется ссуда хлеба в запасной магазин. Опека отмечает, что после смерти Бобровского, а также во время продажи его имущества, где крестьяне лично находились, имея тут же помощника окружного начальника, вовсе не простирали претензии и не жаловались о том члену опеки, однако при последней доставке

сделали забор хлеба, проданного Юделевскому, то по таковым обязательствам дворянская опека отказалась в домогательстве крестьян и стала вновь просить Грабовецкого о возврате полученной ржи. После чего от Грабовецкого были получены сведения о том, что в приемном инвентаре имения Обруба показана наличность озимого хлеба 33 четверти 7 четвериков и 1 гарнец, и потребовал от волостного управления ответа: зачислены ли задержанные 7 S четверти ржи в полную наличность или хранятся особо, и только в сем последнем случае он будет в возможности удовлетворить требования опеки. Все попытки переубедить помощника окружного начальника результатов не дали, а потому и продолжается бесполезная переписка с 1849 года» [109].

Явная попытка дворянской опеки обвинить слонимского окружного начальника в упрямстве и препятствии скорейшему разрешению дел вызвала направление в адрес Гродненской палаты госимуществ в июле 1853 года соответствующей записки, в которой было сказано: «По личному опросу крестьян поступившего в казну от Шерешевской церкви имение Обруба о сущности простираемой ими претензии к бывшему владельцу сего имения покойному ныне протоиерею Бобровскому за позаимствованную им рожь и ячмень из местного сельского магазина оказалось, что протоиерей Бобровский, состоя еще владельцем имения Обруба, употреблял иногда по своей надобности хлеб из сельского запасного магазина заимообразно, каковой после новых урожаев сам возвращал, оставаясь же нередко в долгу, и последствием таких займов, продолжавшихся до 1848 года, задолжался по сельским запасам: 6 шапков ржи и 8 S шапков ячменя, и хотя он и был готов отсылать позаимствованное, но внезапная смерть его в первых числах сентября месяца 1848 года приостановила исполнение желаемого, и когда в таком положении дела имение Обруба поступило в ведение Пружанской дворянской опеки, то крестьяне со словесною просьбою о возврате неотсыпанного священником Бобровским хлеба обратились к пружанскому благочинному, но не получив никакого удовлетворения, вынуждены были из оставленной за кончиною Бобровского под их присмотром и ключом наличности хлеба удержать 14 S шапков ржи для пополнения недоимки в магазине; что же касается возражения, сделанного Пружанскою дворянскою опекою, якобы на подтверждение крестьянских претензий, нет доказательств, крестьяне отзывались: что покойный протоиерей Бобровский, будучи их владельцем, не имел надобности давать расписок на получаемый из магазина хлеб, и они не смели таковых требовать, ибо целость сельских запасов лежала на ответственности его, и для сведения только в этом отношении

веден был собственноручно Бобровским счет, объясняющий, кто из крестьян или он сам, Бобровский, заимствовал хлеб и сколько в число обратно поступило в магазин хлеба; каково счет показывает их долг, и хотя в оптом нет всех подробностей, но, однако ж, на первой странице написано собственною рукою Бобровского, что на дворовые надобности получено 8 шапков ржи, 2 четка ячменя и 2 шапка овса; продана 1 бочка за 8 руб. и полбочки за 6 руб. 60 коп. серебром; дано стражнику ржи 1 шапок, ячменя 2 шапка; на другой же странице расчеты вовсе не показали того, дабы фольварковое управление возвратило какую-то часть займа, а учинена лишь запись, что намерено из Беловежи 6 шапков ржи, составляющей собственность крестьян, поступивших и принятых в казну от Беловежской церкви и по существу сего расчета крестьянам, хотя следует более к возврату, но легко может быть, что покойный Бобровский забыл об этом пояснить в счете, но позаимствованный хлеб вполне возвращен ими и разница в полной наличности в сельских запасах происходит лишь за невозвратом означенных 14 S шапков.

Таковые объяснения крестьян подуховного фольварка Обруба Палата государственных имуществ, находя совершенно уважительными, не может умолчать, что на обязанности дворянской опеки, принявшей имение в свое управление по случаю кончины Бобровского, лежали предпочтительно поверка и обеспечение целости всех частей к устройству и благосостоянию относящихся, в том числе сельского запасного магазина, а не продажа хлебных запасов, и если бы опека обязанность свою, значащуюся в самом даже ее названии, исполнила как следовало, то, само собой разумеется, она не продала бы еврею Юделевскому хлебного запаса, подлежащего ссыпке в сельский магазин, и несвойственными распоряжениями не навлекла бы настоящей переписки».

Для проверки изложенных в данном письме сведений губернатор Ховен направил в Пружаны чиновника своей канцелярии, коллежского асессора Вислоуха, который после 16 суток (с 15 сентября по 2 октября 1854 года) изучения «дела об упущениях членов Пружанской дворянской опеки при продаже имущества, оставшегося после смерти протоиерея Бобровского», вынужден был признать, что «таковые действительно имели место», что подтверждалось соответствующими документами.

Между тем дворянская опека свои упущения пыталась исправить взысканием посредством земского суда 69 руб. 91 коп. с опекунов малолетних Бобровских Вредта и Сенковского за растрату некоторого имущества, перешедшего к ним. Последние как могли увиливали от уплаты наложенного на них взыскания, пока из Сена-

та, уже в который раз, не затребовали отчета о выполнении его указа от 14 декабря 1850 года. В ответ на запрос губернатора, что может быть сделано для подготовки письма в Сенат, Гродненская палата гражданского суда предложила вполне устраивающий губернатора выход: «Поскольку малолетние наследники протоиерея Бобровского достигли уже тех лет, в которых они могут уже сами управлять своим имуществом и делами, а равно поверить все действия своих опекунов об управлении их имуществом, то палата, не видя надобности производить дальнейшую переписку насчет продажи драгоценных вещей упомянутым Бобровским принадлежащих, предлагает считать их дело законченным со своевременной передачей его в архив для хранения». Подталкивали к такому решению и ответные меры опекуна Алоизия Сенковского по отношению к выбывшим из-под опеки наследников. Он стал требовать от них положенных ему по закону 5 процентов от всего оставленного имущества. Кроме того, ему удалось переоформить имение Гриневичи на свою жену, предпринимались и другие шаги спасения от осаждавших его кредиторов [110].

Окончательно «похоронить» дело об имуществе покойного Бобровского удалось новому губернатору И.А. Шпееру, предоставившему по рекомендации судебной палаты наследникам Бобровского право ходатайствовать о начете, а Сенковскому и другим опекунам – о получении опекунского процента, уже независимо от дворянской опеки. Такое решение было зафиксировано в рапорте гродненского губернатора Правительственному сенату от 21 октября 1858 года.

3.2. ВКЛАД ГРОДНЕНЦЕВ В РЕСТАВРАЦИЮ ВИЛЕНСКОЙ СВЯТО-НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В 1863 – 1864 ГОДАХ

Гродненцы всегда почитали древние виленские православные святыни: монастыри, храмы, иконы. На протяжении веков они немало сделали для процветания Православия в столице края. До начала 60-х годов XIX века Литовско-Виленская епархия, включавшая в себя и белорусские земли (Гродно, Брест, Слоним, Волковыск и др.), практически не получала из государственной казны помощи на церковное строительство, а местные ресурсы не позволяли осуществлять его в нужном объеме. Более того, местные помещики, преимущественно католики, всячески бойкотировали рекомендации властей строить и ремонтировать церкви, в которых

духовно окормлялись подвластные им православные крестьяне.

Положение в епархии изменилось после событий 1863 – 1864 годов. Польский мятеж, главной действующей силой которого были католическое духовенство и помещики-поляки, показал, насколько сильны здесь были антирусские и прокатолические, а значит, и пропольские настроения. И политика имперских властей в крае стала более наступательной. «За содействие мятежникам» были закрыты или перешли в распоряжение Православия многие костелы и католические монастыри. В распоряжение Литовско-Виленской епархии российская казна выделила более 500 тысяч рублей на строительство и восстановление православных храмов.

Стали поступать и добровольные пожертвования со всех концов Империи. Одним из инициаторов оказания материальной помощи местному Православию за счет правительства, в том числе и на храмостроительство, был генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев. Его поддержку на себе в полной мере ощутила и иерархия края. При владыке Иосифе (Семашко) только в одном Вильно в память о погибших от рук мятежников были возведены Александроневская и Георгиевская часовни. Тогда же, в 1865 – 1868 годах, были восстановлены древние виленские храмы: Пречистенский (Успенский) собор, Пятницкая церковь и Свято-Никольский храм, к которому пристроили Михайловскую (в честь графа М.Н. Муравьева) часовню.

Что касается Свято-Никольского храма (1514 год), то в современной историографии присутствует желание затушевать факт причастности графа Муравьева к судьбе этой уникальной православной святыни. История восстановительных работ подается в нарочито общем виде: «В тот период общественность города обратилась к властям с предложением построить храм во имя Архистратига Божия Михаила. Когда из частных пожертвований собрали первоначальную сумму, виленское губернское начальство предложило свой вариант – отреставрировать Свято-Никольскую церковь и пристроить к ней Михайловскую часовню. Проект реставрации храма и возведение часовни выполнил петербургский академик А.И. Резанов, а строительными работами руководил виленский архитектор Н.М. Чагин» [111].

Недавно выявленные нами в фондах НИАБ в г. Гродно документы позволяют более детально и правдиво показать не только историю реставрации древней церкви, но и строительство Михайловской часовни, обозначить роль в этом процессе как самого М.Н. Муравьева, так и других представителей местной администрации, а также жителей ряда уездов.

12 декабря 1863 года военный губернатор города Гродно

(он же гродненский гражданский губернатор) генерал-майор И.Н. Скворцов циркулярно сообщил всем уездным военным начальникам следующее: «Русские, находящиеся в г. Вильно, в поданном начальству Виленской губернии письме, за подписью 500 лиц, при участии Высокопреосвященного митрополита Литовского Иосифа заявили, что в день 8 ноября, когда Православная церковь совершает празднество Михаилу Архангелу, они сочли одной из своих священных обязанностей торжественно высказать свою безграничную благодарность тому, кто в течение нескольких месяцев успел водворить в крае спокойствие и гражданский порядок.

Желая же надолго сохранить в потомстве память о Михаиле Николаевиче Муравьеве и связать его имя с будущими судьбами здешнего края и вместе с тем сознавая, что в Православной Русской земле нет памятника выше святости, русские, любя г. Вильно, не нашли ничем лучшим почтить Михаила Николаевича, как ходатайством об испрошении Высочайшего соизволения на разрешение подписки для сооружения православной церкви во имя Михаила Архангела в том месте, которое будет указано Его Высокопреосвященством, и с тем, чтобы в этой церкви приносились молитвы за Михаила Николаевича и об успокоении всех павших жертвою при усмирении мятежа в 1863 году.

При докладе о сем Его Высокопревосходительству Михаил Николаевич, с сердечной благодарностью приняв заявление сочувствия к его деятельности, высказал мнение, что он желал бы на жертвуемые деньги в подобающем величии возобновить один из древнейших православных храмов г. Вильно – Николаевскую церковь. Церковь сия, по сказанию литовских летописцев, основана второю женою Ольгерда княжною Тверскою Юлианою Александровною (1349 – 1377 гг.) и возобновлена князем Константином Острожским в 1514 году. В настоящее время церковь эта не только не соответствует значимости памятника, но и мало удовлетворяет современному положению святого православного храма.

О содержании поданного письма и о высказанном по этому вопросу желании Михаила Николаевича виленский губернатор 11 сего ноября доводил до сведения г-на Министра Внутренних Дел и испрашивал чрез него соизволение Государя Императора на открытие подписки. Ныне статс-секретарь Валуев уведомил виленского губернатора, что Государь Император по Всеподданнейшему докладу представление его Высочайше соизволил разрешить подписку на тех основаниях, которые указаны Его Высокопревосходительством.

Сообщая об этом мне, виленский губернатор просит сделать распоряжение о распространении этой подписки в Гродненской губернии. Вследствие этого, будучи уверенным, что жители Грод-

ненской губернии с тою же готовностью, как и Виленской, пожела-ли выразить признательность свою Михаилу Николаевичу Муравье-ву принятием участия в пожертвовании денег, покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать известным о вышеизложенном во вверенном Вам уезде и деньги, которые будут собраны Вами по подписке, переслать прямо от себя к виленскому губернатору, а мне сообщать об отправленных деньгах с именами жертвователей для напечатания их в губернских ведомостях».

В числе первых поддержали инициативу виленцев «по сооруже-нию храма архистратига Михаила в пользу усмирившего восста-ние Его Превосходительства Михаила Николаевича Муравьева» офицеры Пензенского пехотного полка, дислоцировавшегося в г. Слониме, пожертвовавшие и выславшие 31 декабря 1863 года на имя военного начальника города и уезда 30 руб. серебром. Послед-ний переслал их военному губернатору г. Гродно.

10 февраля 1864 года 8 руб. «в пользу пострадавших от мяте-жа» выслали на имя гродненского губернатора члены Коссовского еврейского общества Слонимского уезда. 20 февраля на эти же цели Бытеньское еврейское общество выслало в Гродно 50 руб. Среди жертвователей значились: раввин общества Шмуйло Шаевич Менькович, купцы 2-й гильдии Калман Бутковский, Вольф Руткин и Абрам Вольфсон; домохозяева Абрам Галерштейн, Шая Абрамов-ский, Матус Пружанский, Вольф Венгрофский, Мовша Шапиро, Абрам Юзеловский, Берло Иоселовский, Мовша Резник, Шлома Граевичкий и старшина общества Шлома Юземович.

28 марта 1864 года слонимский уездный исправник выслал по назначению 335 руб. 63 с половиной копейки с указанием имен жерт-вователей. Сам исправник подал на храм 5 руб., а остальные поли-цейские чины (помощник исправника Бекетов; приставы Аристарх Будянский, Григорий Дашевский, Петр Покуневич, старший заседа-тель Залесский, секретарь Феофил Баранцевич, столоначальник Иван Сорока, регистратор Глиндзич; дворяне Керсковский, Байрашевский и др. пожертвовали от 1 рубля до 3 рублей. Крестьяне-собственники Песковской волости Слонимского уезда пожертвовали «на возобно-вление Св.-Николаевской церкви в г. Вильне в память усмирения польского мятежа 5 руб. 37 с половиной коп. Именной список по-жертвователей подписали: волостной старшина Осип Матяш, сель-ские старосты Иван Новик, Юстин Козлюк, Андрей Сырысько, Иван Артыш и волостной писарь Иосиф Кодлубовский.

В списке жертвователей от г. Слонима в количестве 64 чело-век значились не только православные горожане, но и католики, иудеи, причем из разных слоев населения. Слонимчане собрали на

храм в Вильно 70 рублей серебром.

10 рублей пожертвовали на храм в Вильно 390 крестьян Косовской волости во главе с волостным старшиной Данилой Здзито-вичем и писарем Гринкевичем. По копейкам собирали деньги на виленский храм крестьяне и остальных волостей Слонимского уезда (в составленных именных списках их значится более 2 тыс. человек), собрано ими было около 500 руб. серебром.

В ответ на это благодеяние из Москвы, Гродно, Слонима в адрес крестьян направлялось для безвозмездной раздачи крестьянам множество православных крестиков, иконок и портретов государя императора. Большие пожертвования на столичную церковь в Слонимском уезде сделали слонимские купцы Иван Никонов и Алексей Фомин, за что были удостоены благодарности губернатора.

Население Слонимского уезда жертвовало на виленский храм не только деньги. Так, местный помещик Иоахим Федорович Чудовский пожертвовал на эти цели образ Тайной Вечери, который и был доставлен на место помощником исправника Бекетовым [112].

Весьма интенсивно осуществлялся сбор пожертвований на храм в Вильно и на территории Волковысского уезда. Подтверждается это следующим образом. Так, 24 февраля правление виленского генерал-губернатора сообщало военному начальнику г. Волковыска и уезда: «Генерал-губернаторская канцелярия имеет честь уведомить, что присланные при рапорте Вашего Высокоблагородия 284 руб. 51 с половиной коп., пожертвованные разными лицами, поименованными в приложенном к тому рапорту списке, на возобновление Николаевской православной церкви в г. Вильно, в сей канцелярии получены и вместе с сим отправлены начальнику Виленской губернии для употребления согласно пожеланию жертвователей».

Уведомления о получении денег (13 руб. 39 коп.), пожертвованных 4-м эскадронном лейб-уланского Курляндского полка (г. Волковыск), и других сумм от разных учреждений и лиц поступали к военному начальнику Волковыска и уезда почти ежедневно. Здесь, впрочем, как и по всей губернии, широко практиковалось использование на постройку храма в Вильне средств, собранных за счет штрафов и контрибуций, полученных от польских помещиков за их помощь повстанцам; использовались и деньги, полученные от продажи вещей, реквизированных от провинившихся перед властями жителей уезда, и т.д. [113]. В ходе таких мероприятий имели место нарушения, на которые указал гродненский губернатор волковысскому военному начальнику от 7 марта 1866 года: «Для устранения на будущее время разных недоразумений и для установления повсеместного единства в распоряжениях по предмету как взыскания

штрафов, так и определения размеров оных, я, на основании распоряжения Главного начальника края, предлагаю принять во исполнение следующее: никакие штрафы не должны быть налагаемы уездными властями без предварительного представления на мое разрешение...» [114]. Разумеется, такого рода увещание не могло стать преградой для инициативы снизу.

Еще более активно осуществлялся в губернии сбор пожертвований на сооружение в Вильно памятника «в честь частных и должностных лиц, без различия вероисповеданий, претерпевших мученическую смерть от неистовства мятежников». Для этой цели, как свидетельствуют архивные материалы и в первую очередь многочисленные списки крестьян-пожертвователей с более сотней человек каждый, деньги в буквальном смысле текли рекой в Вильно к инициаторам сооружения данного памятника. Более подробных сведений о том, как он будет выглядеть, не сообщалось. Есть основания полагать, что речь в этих документах шла о виленских православных часовнях: Александро-Невской, Георгиевской и Михайловской, пристроенной к древней Свято-Никольской церкви.

Со времени капитальной реконструкции во второй половине XIX века Свято-Никольский храм с Михайловской часовней стал важным архитектурным акцентом Старого города литовской столицы. И сейчас посещение Никольской церкви входит в расписание экскурсионно-туристических городских маршрутов. В последние годы храм и его территория были отремонтированы и благоустроены. Сегодня среди посетителей храма и часовни немало гродненцев. Однако большинство из них не знает о том, что в свое время в благоуукрашение данного памятника православной культуры, сделали свой вклад и их земляки.

3.3. О ВОЗВРАЩЕНИИ В ЛОНО ПРАВОСЛАВИЯ ЛИЦ РАЗНОГО СОСЛОВИЯ ВОЛКОВЫССКОГО УЕЗДА ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1863 – 1867 ГОДАХ

Подавление польского восстания 1863 – 1864 годов значительно активизировало приток бывших униато-католиков Гродненщины в лоно Православной церкви. Это движение было обусловлено не только деятельностью властей, православного духовенства, но и всей общественной атмосферы тех лет: строительство в губернии новых церквей, перевод ряда костелов в православные храмы вызвали оживление интереса к своим духовным корням у многих

верующих христиан. О том, как протекал этот процесс, свидетельствуют данные по приходам Волковысского и Поддорского благочиний Волковысского уезда за 1863 – 1867 годы.

Из донесения Волковысского благочинного священника Мартина Касперовича от 5 мая 1867 года на имя военного начальника г. Волковыска с уездом майора Портена следовало, «что по приходам Волковысского благочиния присоединилось к Православной церкви с 1-го января по 1-е мая настоящего года следующее число душ: по Волковысскому – 73 мужчины и 6 женщин; Зельвенскому – 8 мужчин и 8 женщин; Клепачевскому – 1 мужчина и 2 женщины; Волпенскому – 1 мужчина и 3 женщины; Мстибовскому – 2 мужчин и 3 женщины; Кузьмичскому – 9 мужчин и 7 женщин; Левшовскому – 7 мужчин и 4 женщины; Дятловичскому – 3 мужчин и 3 женщины; Росскому – 1 мужчина и 2 женщины; Гудзевичскому – 1 мужчина и 3 женщины; Яловскому – 27 мужчин и 10 женщин; Белавичскому – 15 мужчин и 20 женщин; Самуйловичскому – 4 мужчины и 7 женщин; Свислочскому – 52 мужчины и 63 женщины. Итого: 203 мужчин и 181 женщина.

Что же касается Добровольского и Песковского приходо́в, то там за указанный период случаев присоединения к Православной церкви не было. В целом же с 1863 по 1 мая 1867 года по Волковысскому благочинию к Православию присоединено 3884 чел. Все названные лица были представителями низших сословий. Относительно лиц привилегированных сословий, т.е. чиновников и дворян, то среди них в числе присоединившихся назывались по Волковысскому благочинию на 20 июля: коллежский регистратор Иосиф Жуковский, сын губернского секретаря Иван Довгяло и дворянка Антонина Амброжевич. По Поддорскому благочинию Волковысского уезда в числе присоединившихся к Православию с 1863 года по 16 июня 1867 года числилось лиц мужского пола 1817, женского – 1801 душа.

По донесению священника Зельзинской Воздвиженской церкви Антония Родкевича и дьячка Игнатия Карповича, с 1863 по июль 1867 года в Православие перешли 94 души мужского и 87 душ женского пола (семейства Корнач, Чайковские, Оберган, Мацевич, Мархуцик, Романчук, Мозоль, Конько, Владыко, Белобоко, Сетько, Остапчик, Ахремчик, Ковейша, Смурога, Нестер, Макаревич, Авдейчик, Ярмак, Ковалевский, Авдейчик, Грищук, Цеслюк, Шалыгайло, Комисарик, Дниюк, Хмылко, Ширковец, Полешик, Ковальчук, Дембинские, Ярмолик, Макарчук, Осип Матвеев Люцик (д. Головичицы); крестьяне д. Шейпяки Казимир Прокопович Агиевец, его жена Ксения, сыновья Викентий и Иван, дочери Мария и Анна, семейства Ивчак, Сулицкие, Микуцик, Новик и др.

О деталях перехода можно найти сведения из списка лиц, присоединившихся к Православию, составленного в июле 1867 года священником Поддоросской церкви Филиппом Занкевичем. В 1863 и 1864 годах таких переходов вообще не было (боялись повстанцев. – *В. Ч.*), и только с 1865 года (2 чел.) началось в этом отношении движение и в 1866 году (47 лиц мужского и 46 женского пола). Все перешедшие – из крестьян, и лишь одна дворянка – Елисавета Павловна Корн. В списке значились семейства: Волк, Сикорин, Петрушевич, Бабинские, Хлусевич, Шепель, Кладкевич, Улас, Милесиницкий, Грушевский, Балейко, Сарай, Ковальчук, Гришкевич, Остапчик, Кубицкий, Юшкевич, Соболевский, Василевский, Василена, Носчик, Родецкий, Грищик, Шиманчук, Волинский, Войщищичик, Крот, Белуха, Сыроежко, Полуянчик, Точик, Рудомино и др.

По ведомости, составленной в июле 1867 года священником Горностаевичской Петро-Павловской церкви Иосифом Восинским, в 1863 и 1864 годах присоединившихся к православию здесь не было. В 1865 г. присоединилось лишь 4 крестьянина-мужчины (Осип Игнатович, Антон Михальчик, Петр Михальчик и Антон Михальчик). Наивысший подъем в переходе был отмечен в 1866 году (495 мужчин и 505 женщин); в 1867 году – 52 мужчины, 36 женщин. Итого: 551 – 541. Среди присоединившихся были фамилии: Имшеник, Новосад, Микшута, Тубай, Шкулепа, Григорович, Косинский, Лукашевич, Чафковский, Хнусевич, Качан, Адамович, Полуянчик, Жебрович, Дубровский, Грищик, Носчик, Здасеня, Новик, Баяк, Носевич, Конохович, Реутович, Левосечка, Ломаско, Бандысик, Скаскевич, Пастирчик, Бохончук, Засимович, Сымонов, Игнатович, Войцеховский, Волонтей, Лешкевич, Шичик, Далкевич, Мазур, Янчик, Дубонос, Савицкий, Ярош, Халицкий, Прокопик, Шпаковский, Новик, Ярошевич, Крит, Рожко, Пронько, Агеевец, Агеевич, Точик, Крочик, Шиманчук, Белуго, Рудомино, Василена, Гуштин, Сыроежко, Валько, Гурский, Потоцкий, Мишковский, Захарко, Лой, Герасимчик, Бовтрукевич, Самущик, Бобрик, Залоско, Снежицкий, Косцюк, Бенбух, Антушевский, Поконечный, Лукашевич, Станисловицкий, Станиславчик, Масловецкий, Савченко, Дубачевский, Валько, Богданович, Микнук, Каркуць, Луй и др. Из привилегированных лиц в ведомости значилась дочь коллежского асессора из г. Волковыска Амелия Зиновьевна Имшенник.

По Лысковскому православному приходу (по сведениям, представленным священником Лысковской Рождество-Богородичской церкви Иоанном Огиевцом 15 июня 1867 г.) в 1863 и 1864 годах переходов из одной конфессии в другую не было. В 1865 году здесь присоединились к Православию из крестьян 54 души мужского и

55 душ женского пола; в 1866 году – 212 душ мужского и 184 души женского пола; в 1867 году – 50 душ мужского и 70 душ женского пола. Всего с 1863 года по 15 июля 1867 года в Православие перешло: мужского пола – 310 и женского пола – 307 душ; из солдатского сословия – 6 душ мужского пола и 2 души женского пола. Сообща же – 625 душ.

По приходу Изабелинской Свято-Михайловской церкви (священник Стефан Левицкий) в 1863 году перешли в Православие крестьяне, из которых было 3 мужчины и 2 женщины, а именно Лаврентий Митронов, Игнатий Щиглинский, Осип Нарухлов, Павлина Трептова, Анна Кислова. В 1866 году стали православными: отставной солдат Игнатий Могильницкий; 9 мещан (Карп Виленец, Адам Мецкий, Людвика Мецкая, Эмилия Амброшкевич и ее дети Ксаверин, Осип, Елисавета, Викентий, Александр); все остальные были крестьянами (фамилии – Дубровский, Мелешкевич, Дудко, Филон, Тишковский, Купрашевич, Жуков, Бурдак, Калюта, Шидловский, Кароза, Ласюкевич, Танкевич, Кукла, Байко, Мария Яковлевна Таранцей и ее сыновья Викентий и Матей, Филонов, Романовский, Жележкевич, Шукайло, Конюшко, Шиглинский, Бурак, Созин, Харитон, Блажеевич, Чернецкий, Козлинко, Потапович, Козак, Печко и др. В 1867 году к православной вере присоединилось 9 крестьян. Всего с 1863 года по 15 июня 1867 года здесь присоединилось к Православию 138 лиц мужского и 137 лиц женского пола. Всего 275 человек.

В 1866 году к вере предков (по сведениям протоиерея Владимира Протасевича) в Подоросском приходе присоединилось 210 душ мужского и 175 душ женского пола. Их фамилии: Блажеевич, Крищак, Рыбак, Цишко, Ярошевич, Крылюк, Бульковский, Самостойко, Лях, Дубровский, Русак, Пекарский, Гошевский, Ковалевский, Рысчий, Козел, Григорович, Ботвенко, Безносик, Мойко, Магусевич, Наумик, Петкевич, Черепенко, Гроздей, Ковалюк, Шимчук, Борович, Романчук, Крищик, Горчечко, Протасевич, Кровцевич, Рында, Урбанович, Филипович, Волоцько.

Своеобразной динамикой отличалось присоединение к Православию в приходе Седельницкой Свято-Параскевской церкви. В 1865 году в числе присоединившихся значилось только 3 человека: Ева Григорович (19 лет); Ксения Врублевская (30 лет) и Тереса Санюкевич (20 лет). В 1866 году их количество увеличилось на 171 человека (77 мужчин и 94 женщины). Среди них преобладали лица от 30 до 40 лет. 57 человек были детьми от полугода до 18 лет. 114 человек находились в возрасте от 18 до 70 лет. Среди полугодовалых младенцев значились Иван Ринда и Павлина Хорошко. В более зрелом возрасте перешли в Православие братья Урбановичи: Ми-

хаил и Николай (оба имели 70 лет) и Иван Урбанович (55 лет). В «Ведомости» перешедших в Православие по данному приходу значились следующие фамилии: Савицкий, Прокопчик, Захарко, Чернушик, Киселев, Медзелян, Коляда, Зелевич, Месячик, Пронько, Лихута, Косовец, Цуприк, Дубинский, Пашко, Шаповал, Бандык, Карлюк, Басалько, Жмайлик, Кухарчик, Ежевский, Дзерщик, Сыроватко, Дылевский, Рудчинский, Колесовский, Данцевич, Рудковский, Мозань, Цывуньчик, Гоздик, Ялакевич, Дзеречик, Василевко и др. В 1867 г. (на 25 мая) к приходу местной церкви присоединилось 7 человек (4 мужчины и 3 женщины) в возрасте от 25 до 40 лет). Среди них значились фамилии: Жук, Гоздик, Дзеречик, Бурдук.

По Славятичскому приходу (Свято-Георгиевская церковь) с 1866 по 1867 год перешло в Православие 139 человек (75 мужчин и 64 женщины), происходивших из крестьян-собственников. Среди них значились следующие фамилии: Вожеевский, Петрашкевич, Свидаерский, Михальчук, Мартынкевич, Калюта, Мирский, Трашкевич, Жидок, Менчик, Гаврилик, Рубанович, Гележ, Стовбуник, Бразовский, Матос, Леваневич, Голоскок, Кречко, Аполейчик, Кузьмицкий, Резук, Тимох, Гроздей, Перечко, Бурдук, Сыроватко, Соколовский, Губар, Новосад, Петруций (отставной солдат), Пармоник и др.

По Лапеницкому приходу Подоросского благочиния Волковысского уезда (Троицкая церковь) в 1863 году присоединившихся к Православию не было. В 1864 году к нему присоединилось 3 человека: Антон Прокопчик (16 лет), Мария Шулько (40 лет) и Екатерина Митронева (30 лет). В 1865 году – лишь один человек (крестьянин д. Демидовичи 14-летний Людовик Гаврилик). В 1866 году (на июль 1867 года) перешло в православную веру 78 человек (42 мужчин и 46 женщин). Итого: 407 человек, все они крестьяне-собственники из деревень: Гриневичи, Малая Лапеница, Каменица, Баков, Павловщина, Матвеевцы, Ельцовщина, Демидовичи, Кривуличи, Низяны, Митронева. Среди них преобладали представители следующих фамилий: Лукашевич, Бошко, Козел, Зданович, Дзенгелевский, Чабан, Микита, Пекарский, Бакун, Блажевич, Шабат, Клюха, Менчиковский, Лешко, Лукиян, Бич, Жилинский, Водопьян, Карлюк, Прохор, Тишко, Кукиш, Добровкович, Щиглинский, Козлов, Даник, Родзевич, Дудар, Петруль, Овсейчик, Бекель, Ляховский, Савосик, Маковецкий, Павлович, Тупица, Шуманский, Якимчик, Смурага, Харко, Нестор, Евсейчик, Лютковский, Филиппович, Козак, Зубрицкий, Антончик, Слесарь, Агей, Сноп, Строк, Шукайло, Антонович, Бурак, Давидик, Макарский, Колодзинский, Жилинский, Гаврило, Шиманский, Левоневский и др. Все – из крестьян.

По Полонковскому приходу (Свято-Покровская церковь) в 1863

и 1865 годах не было присоединившихся к Православию. В 1864 году среди таковых был крестьянин Семен Масейчик. В 1866 – 1867 годах к местному приходу присоединилось 13 крестьян со следующими фамилиями: Автух, Гутор, Нестер, Богданович, Харко, Соловей, Гаржун, Микшик. Приход возглавлял священник Антоний Новицкий.

С 1863 года по 19 июля 1867 года по Свентицкому приходу (священник Параскевской церкви Иоанн Зубкович) среди присоединившихся к Православию значилось 109 человек, из них 58 душ мужского и 51 душа женского пола. Все из крестьянского сословия. Принимали Православие, как правило, семьями. Среди глав семейств значились следующие фамилии: Ковалевский, Луковский, Будкевич, Михальчик, Шегун, Радзивончик, Дыринда, Карпевич, Карпыза, Гулай, Залуцкий, Рыбак, Шлык, Циунчик, Поконечный, Нестер, Смурога, Грищук, Шайковский, Микшута, Жилевский, Чижик, Товстыга, Буховецкий, Колонтай, Лойко и др.

Из сведений, представленных Хорошевицким приходским священником Кириллом Ширинским, к Покровской церкви за 1866 год перешло 35 человек (14 душ мужского и 21 душа женского пола). Среди них преобладали фамилии: Шимановский, Новицкий, Гусинец, Савицкий, Талай, Бородич, Курьян, Лущик, Найда, Яновский, Гудко, Дропа, Лайковский, Грушецкий и др.

С 1864 по 1867 год к Новодворскому приходу (священник Свято-Михайловской церкви Мартин Прокопович) присоединилось из крестьянского сословия 37 человек, из них 25 душ мужского и 12 душ женского пола. Среди присоединившихся преобладали фамилии: Косинский, Завацкий, Кукла, Сушко, Букраба, Грунтович, Ярошевич, Романовский, Подговецкий, Катаркевич, Кошковский, Савко, Журкевич, Романович и др. В частности, объездчик Свислочской дачи 3-го объезда Александр Гениуш – родственник по мужу будущей писательницы Ларисы Гениуш.

С 1863 по 1867 год к Ивашкевичскому приходу Подоросского благочиния (Свято-Покровская церковь) из латинства к Православию присоединилось 57 крестьян. Из них 19 человек были мужского, а 38 – женского пола. Преобладающими здесь были следующие фамилии: Казак, Петрукевич, Скробот, Ольшевский, Бутько, Войтко, Душко, Дробчак, Дубатовка, Мухтан, Романчук, Полещук, Макаревич, Мальшко, Леуто, Потройко и др.

Таким образом, даже по неполным данным, за период с 1863 по июль 1867 года к приходам Волковысского и Подоросского благочиний Волковысского уезда Гродненской губернии присоединились к Православной церкви 6512 человек [115]. В 1863 – 1864 гг. случаев подобного перехода здесь было немного. Пик переходов пришелся на 1865 – 1867 годы. В последующем их количество по

приходам колебалось от одного до двух десятков человек.

Об удельном весе переходов из католичества в православие можно судить лишь косвенно, исходя из количества прихожан в двух благочиниях Волковысского уезда в 1904 году. В приходах Волковысского благочиния насчитывалось 9220 прихожан, а в Подоросском – 39 942. Итого: 89 165 прихожан. По приходам их количество было следующим. Волковысское благочиние: Волковыск – 2037, село Белавичи – 2941, местечко Волпа – 3230, село Гудевичи – 3292, село Доброволья – 3137, село Дятловичи – 1755, местечко Зельва – 3572, село Колонтаево – 2514, село Левково – 2020, село Левшово – 1272, местечко Свислочь – 2753, местечко Яловка – 7479, село Ятвеск – 2374, местечко Мстибово – 1178, местечко Пески – 2335, местечко Рось – 3868, село Самуйловичи – 2863; Подоросское благочиние: село Горностаевичи – 1781, село Зельзин – 3270, село Ивашкевичи – 2953, местечко Изабелин – 2693, село Лапеница – 2390, местечко Лысково – 4958, село Межиречье – 2996, местечко Новый Двор – 1717, село Подороск – 2227, село Полонка – 2408, местечко Порозово – 3059, село Свентица – 1871, село Славатичи – 2523, село Седельники – 2559, село Хорошевичи – 2547 [116]. Как правило, количество мужчин по каждому из приходов в то время было преобладающим по сравнению с женщинами-прихожанками. То же можно отметить и применительно к социальному составу присоединившихся к Православной церкви. Большинство этих лиц составляли крестьяне. Что же касается дворян и чиновников, то в общем количестве вернувшихся в Православие лиц всего по Волковысскому уезду их было 6 человек. К уже упоминавшимся лицам (Иосиф Жуковский, Иван Довгяло, Антонина Амброжевич, Елизавета Корн, Амилия Имшеник) нужно добавить и дворянина Флора Верцинского, «добровольно возвратившегося из мятежа в 1864 году».

Таким образом возвращение в лоно Православия бывших униато-католиков в Волковысском уезде протекало после событий 1863 года достаточно динамично, отражая тем самым положительные сдвиги, наметившиеся на Гродненщине в духовной сфере.

3.4. ДЕЛО СВЯЩЕННИКА НИКОЛАЯ БУДЗИЛОВИЧА

В Синодальный период истории Русской Церкви жизнь православного духовенства тщательно регламентировалась светскими и духовными властями. Несмотря на это, в этой работе имелись и сбои. Отдельные из священников в силу тех или иных черт характера, обстоятельств жизни и других причин не вписывались в «прокрустово ложе» духовных и светских предписаний. Чаще всего это при-

водило к небольшим конфликтам, которые завершались сменой прихода или другим порицанием. Однако случались и происшествия, которые перерастали в долговременные дела. Одно из них имело место на Гродненщине, а главным героем его стал Николай Будзилович – представитель одного из многочисленных священнических родов в крае.

Начинается это дело с рапорта от 9 апреля 1866 года брестского военно-уездного начальника, председателя комитета по устройству православных церквей, жандармского майора фон Бутлера гродненскому губернатору: «По распоряжению высшего начальства в октябре месяце прошлого года священник Збуражского прихода Киприан Дружиловский был назначен самостоятельным священником в Вильямовичский приход, а тамошний – Николай Будзилович – в Збуражский, вследствие чего священник Дружиловский прибыл в то же время в село Вильямовичи на приход, а последний и до настоящего времени еще не переехал на место своего назначения, а живет также в селе Вильямовичи.

Чтобы уяснить себе, кто из этих двух священников имеет более права управлять Вильямовичским приходом, я отнесся к местному благочинному протоиерею Соловьевичу и получил ответ от 22 марта с.г. о том, что по распоряжению епархиального начальства священник Будзилович перемещен в с. Збураж, а на его место назначен самостоятельным священником и председателем церковно-го совета Дружиловский.

На этом основании я попытался убедить священника Будзиловича смириться перед распоряжением начальства и отправиться в Збураж и сотворить тем самым благо, но встретил в священнике беспредельное к сему упорство; между тем как священник Дружиловский кроткостью, терпением и активностью подчинился всем повелениям своего начальства, чем заслужил уважение всех его окружающих.

Не находя никаких средств к убеждению священника Будзиловича выехать из Вильямович на назначенный ему приход обыкновенными мерами, я поставлен в крайнюю необходимость беспокоить Ваше Превосходительство всепокорнейшей просьбою почтить меня по сему предмету своим предписанием. Выезд одного из священников крайне необходим, потому уже, что происходящее между ними неудовольствие показывает прихожанам дурной пример».

4 июня 1866 г. с просьбой к губернатору «заставить священника Будзиловича к выполнению распоряжения начальства» обратился и член консистории протоиерей Владимир Гомолицкий. Между тем не терял времени зря и Будзилович. Он писал во все инстанции

жалобы на то, что он не может выехать к новому месту службы «из-за неудовлетворения его за убытки, понесенные им на улучшение помещения для притча». Сообщая об этом виленскому генерал-губернатору, гродненский губернатор в своем письме от 13 июля 1866 г. отмечал не только несправедливость данной жалобы, но и то, что «Будзилович, вследствие своего беспокойного характера и склонности к постоянному писанию несправедливых жалоб, находясь в Вильямовичском приходе, довел его до совершенного расстройтва, так что прихожане вынуждены были обратиться с жалобой на него к епархиальному начальству, которое по сделанному о поведении его дознанию распорядилось о переводе священника в другой приход. Однако он не исполнил этого, почему консистория и обратилась ко мне с просьбой об удалении его из Вильямовичей полицейскими мерами, о чем мною и предписано брестскому военно-уездному начальнику 27 июня с.г.».

Несмотря на многократные внушения со стороны полиции, Будзилович не только продолжал оставаться на старом месте службы, но и чинил препятствия в исправном исполнении обязанностей священнику Дружиловскому. Более того, «28 июля, когда последний свозил сжатую рожь в сарай, Будзилович учинил ссору и драку с крестьянином-подводчиком, а потом и с самим Дружиловским; наконец, схвативши камень, гонялся за ним по полю с намерением бросить его в преследуемого».

Сообщая об этом губернатору Скворцову, епископ Игнатий Железовский подчеркивал: «Вследствие сего и по известному мне упрямству и вспыльчивости характера Будзиловича, во избежание могущего случиться нестастия, я нахожусь вынужденным возобновить свою покорнейшую просьбу об учинении из Вильямовичей священника Будзиловича вместе с его семейством к назначенному ему месту при Збуражской церкви того же Брестского уезда».

Между тем 23 августа священник Будзилович обратился к местному военно-уездному начальнику с прошением о прекращении понуждения его к выезду в Збураж «впредь до рассмотрения его жалобы, поданной в Правительствующий синод и к Государю Императору с копией медицинского свидетельства о состоянии его, Будзиловича, болезни». В прилагаемом свидетельстве от 20 августа 1866 г., подписанном уездным врачом Гертунгом, имелось заключение, что «больной одержим малокровием и раздражительностью нервной системы, могущих при правильном лечении быть совершенно излеченными».

Не прекращалась «ослушность священника Николая Будзиловича» и в последующем, о чем свидетельствует рапорт губернатору

брестского военно-уездного начальника от 1 октября 1866 года: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что переведенный по распоряжению епархиального начальства из Вильямовичского в Збуражский приход священник Николай Будзилович еще до настоящего времени не прибыл к месту назначения. Семейство его вместе с имуществом отправлено в Збураж по распоряжению полиции еще 20 минувшего августа. Сам же священник Будзилович во время прибытия пристава Крестникова 19 августа для высылки его в Збураж, приказав сыну подготовить лошадь вблизи сарая, где помещался он с семейством (дом он уже освободил для священника Дружиловского. – *В. Ч.*), вечером тайно на оной верхом уехал. О чем составлен был приставом Крестниковым акт. С этого времени Будзилович, имея пристанище у отца в имении Шебрин, в видах уклонения от выполнения распоряжения начальства под разными предложениями разъезжает по разным местностям.

В последнюю бытность Будзиловича в г. Бресте 25-го истекшего сентября частный пристав Ослопов, согласно моему распоряжению, принуждал его к выезду к новому месту службы посредством обязательной подписки (после личных объяснений и со мной). Отказавшись выполнить предложение Ослопова, он, выйдя на улицу, закричал: «Что вы меня режете!» и опять вернулся в дом к отцу. Из всего вышеизложенного усматривается явная ослушность его... Употребить же насильственные меры к отправлению его в Збураж я, принимая в уважение его священнический сан, не решился, тем более, что подобная мера, в особенности в настоящее время и в здешнем крае, может вызвать в лице народа мнение, не соответствующее и неприличное духовному званию».

Более подробно об обстоятельствах уклонения священника Будзиловича от высылки в Збураж было изложено в соответствующем акте, составленном 20 августа 1866 г. приставом Крестниковым: «Прибыв 19 августа в селение Вильямовичи, я объявил священнику Будзиловичу распоряжение начальства о безотлагательном выезде его к месту назначения, в Збуражский приход, но он тотчас же отозвался, что в назначенный ему приход он и сам не поедет, ни вещей своих туда перевозить не намерен. Мною же было дано распоряжение о подготовке местными крестьянами необходимого количества подвод под имущество священника. Кроме того, дабы он, Будзилович, где-либо не скрылся, мною было приказано трем крестьянам – Григорию Марцюку, Лукьяну Цыганчуку и Севастьяну Татарчуку – иметь строгое за ним наблюдение. Но Будзилович, приказав своему сыну тайно привести свою лошадь под сарай, где помещался с семейством, быстро выскочил из оногo, вско-

чил на лошадь и, несмотря на чинимые ему крестьянами препятствия, сумел ускакать и где-то скрыться. Сегодняшнего же числа, утром, жена Будзиловича уложила самолично и с помощью прихожан все вещи на крестьянские подводы. Присутствовавший при этом вице-благочинный священник Сычевской церкви Павел Сосновский заметил ей, что все принадлежащие Вильямовичской церкви книги и бумаги непременно должны оставаться на месте. Она же ответила, что ни о каких бумагах и книгах она не знает. Между тем при проверке того, что осталось, выяснилось, что многих книг и бумаг в церкви не достаёт. Для перевозки семьи и вещей священника Будзиловича было взято от крестьян селения Вильямовичи двенадцать подвод, а именно: у крестьян Феофила Дудика, Иова Дудика, Василия Дудика, Якима Дудика, Ивана Каравая, Петра Хотя, Данилы Дорошука, Василия Тербуна, Гордея Хотя, коим по уговору следует уплатить за каждую подводу по три рубля серебром, а для отогнания скота было взято два пеших крестьянина, а именно: Мирона Сахарчука и Федора Смолея, коим следует уплатить по одному рублю пятьдесят копеек серебра. А всего за подводы и пеших крестьян следует Будзиловичу уплатить тридцать девять рублей. За занимаемую им квартиру Будзилович не доплатил крестьянину Онуфрию Мождзеру десять рублей 35 копеек серебра. При том крестьяне селения Вильямовичи предъявили ему следующие долги: Григорий Барцюк – 3 рубля, Семен Мождзерук – 3 рубля, Семен Смолей – 4 рубля, Иван Дудик – 50 копеек, Сидор Дудик – 50 копеек, Елена Сильчукова – 4 рубля 50 копеек, Анастасия Кондратюкова – 4 рубля, Мария Новикова – 90 копеек, а дьяк Вильямовичской церкви – 5 рублей. О том же заявили крестьяне деревни Чижевичи: Николай Кондратюк – 6 рублей, Василий Дмитрук – 1 рубль 90 копеек и Григорий Иванюк – 4 рубля 50 копеек. Итого – 47 рублей 65 копеек серебром, а всего за наем подвод и долг крестьянам со священника Николая Будзиловича причитается 86 рублей 85 копеек серебром». Это акт подписали пристав Н.И. Крестников и священник Павел Сосновский.

Затянувшееся упрямство священника Будзиловича не могло не обратить внимание к нему со стороны митрополита Литовского и Виленского Иосифа Семашко. В своем письме от 8 июля 1868 года уже к новому гродненскому губернатору князю Кропоткину он сообщал следующее: «Состоявший при Вильямичской церкви Брестского уезда священник Николай Будзилович за нерадение по должности, неповиновение властям, неуживчивость с прихожанами и непозволительные с них поборы за требоисправления, а также за другие неприличные поступки, засвидетельствованные местным Брестским протоиереем Соловьевичем и Преосвященным Игнати-

ем, епископом Брестским, в сентябре месяце 1865 года был устранен мною от Вильямовичского прихода и перемещен к Збуражской церкви того же Брестского уезда; но он, Будзилович, от сего прихода по своему упрямству отказался и на многократные предписания о выбытии по назначению решительно не захотел переместиться — почему отрешен мною и от Збуражского прихода.

Сей упорствующий священник, при многократных и неосновательных жалобах на епархиальное начальство Святейшему Правительственному синоду, господину Синодальному Обер-прокурору и даже Государю Императору, исходатайствовал себе письменный на проезд вид без ведома и дозволения своего духовного начальства и отправился в Петербург, повторив там разные свои ябеднические жалобы, домогаясь своего оставления на прежнем месте при Вильямовичской церкви. Наконец, после решения в Святейшем синоде по всем его жалобам дела он был доставлен 29-го прошлого мая из Санкт-Петербурга обер-полицмейстером под конвоем городского Петербургского полицейского резерва.

Хотя в Святейшем синоде решено дело не в пользу священника Будзиловича, но я, однако ж, по вниманию к семейному его положению и в надежде на его исправление, предложил Литовской духовной консистории 27-го истекшего июня определить его на священническое место при Мокранской церкви Пружанского уезда, и консисторией сделаны по сему предмету надлежащие распоряжения. Между тем священник Будзилович вновь, несмотря на неоднократные вразумления, продолжает обращаться со своими домогательствами к властям о пересмотре своего дела, в связи с чем я считаю нужным снести с губернаторским начальством об учреждении за ним, Будзиловичем, на настоящем месте его жительства, при отце своем священнике Шебринской церкви Брестского уезда полицейского надзора».

Через неделю после этого было решено заменить для Будзиловича Мокранскую церковь на священническое место при Рудницкой церкви того же Пружанского уезда. Вмешался в это дело и виленский генерал-губернатор, признавая справедливым установление за ним полицейского надзора с воспрещением ему выезда из своего прихода. Последнее обстоятельство (неопределенность места нахождения прихода) вынудило митрополита Иосифа Семашко обратиться 7 августа 1868 года со следующим прошением к гродненскому губернатору князю Кропоткину: «Ваше Сиятельство, Милостивый Государь. Я разделяю мнение Вашего Сиятельства о дурном характере и дурных качествах священника Николая Будзиловича, потому предложил я ныне же консистории устранить его от представленно-

го ему священнического места при Рудникской церкви, тем более, что сам Будзилович от этого места отказывается. Уведомляя о сем Ваше Сиятельство, честь имею просить вновь об учреждении за священником сим полицейского надзора на нынешнем его местожительстве при отце священнике Шебринской церкви в Брестском уезде, и о распоряжении Вашем об этом меня уведомить».

Однако не успел князь Кропоткин сделать насчет прошения митрополита Иосифа соответствующие распоряжения, как еще большая неприятность, связанная с делом Будзиловича, свалилась на местные светские и духовные власти. 14 августа управляющий 3-м отделением генерал-майор Мезенцов сообщил в Гродно весьма неприятное известие: «Государем Императором получена в Киссенгене телеграмма из Бреста за подписью ксендза Пудзиловича или Будзиловича, в коей он просит о Всемиловейшем разрешении его прошения, посланного Его Величеству 16 апреля. По неимению никаких сведений о сем ксендзе, а равно по неполучении упомянутого им прошения, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить мне, находится ли в г. Бресте ксендз Пудзилович или Будзилович, и если находится, то в чем может состоять дело, по коему он утруждал его Императорское Величество».

20 августа в адрес губернатора было направлено уведомление петербургского обер-полицмейстера генерала Трепова с вопросом: «Что сделано по отношению моему о взыскании со священника Будзиловича 28 рублей 8,5 копеек, издержанных на высылку его из Санкт-Петербурга в Вильню?»». При таком обороте дела Брестскому уездному полицейскому управлению ничего не оставалось, как затребовать 25 сентября у священника письменные ответы на следующие вопросы: «1) За Вашей ли подписью посылаема была из г. Бреста в г. Киссенген Государю Императору телеграмма о Всемиловейшем разрешении на прошение Ваше, посланное Его Величеству 16 апреля? 2) Будучи православным священником, по какой причине в посланной телеграмме Вы назвали себя ксендзом? 3) Если действительно послано Ваше 16 апреля Всеподданнейшее Государю Императору прошение, то объясните со всей подробностью и точностью, в чем таковое заключалось? 4) На основании предписания гродненского губернатора Вы обязываетесь: а) ныне же дать брестскому исправнику подписку в том, что без его ведома и разрешения Вы из селения Шебрина никуда отлучаться не будете; б) уплатите ныне же израсходованные при высылке Вас из Санкт-Петербурга 28 рублей 8,5 копеек и на пересылку таковых 24 копейки, в получении таковых дана будет Вам квитанция».

Не посчитав нужным отвечать на первый вопрос, вероятно, в силу очевидности его отношения к нему, Николай Будзилович начал свои ответы сразу со 2 вопроса:

«2. В посланной телеграмме на французском языке я назвал себя *preft*, что значит «священник», какого бы то ни было исповедания, а ежели и есть на этом языке другое название (*оувг*), то оно означает настоятель прихода, я же такого звания безвинно лишен и о назначении мне оного просил, и, как православный священник, никаким *ксендзом* именовать себя не мог.

3. 16 апреля я не посылал, а лично имел счастье в Санкт-Петербурге поднести Государю Императору Всеподданнейшее прошение мое, которое заключалось именно в том, чтобы не допустить местного благочинного к безвинному преследованию меня с семейством, всеми силами старающегося оклеветать меня перед начальством и не возвратит меня в Вильямовичский приход, которого я лишен единственно по несправедливости его же епархиального благочинного начальства, хотя 13 октября и последовал указ Литовской консистории ему же об оставлении меня на месте в Вильямовичском приходе, но он несправедливо донес консистории, что священник Дружиловский уже переехал, в то время как тот еще тогда и с места не трогался, а также чтобы было мне выдано удержанное жалование без причинно чем Митрополиту и Синоду достаточно известно из представленных документов, и чтобы были возвращены мне убытки при насильственном выдворении моего семейства из приходского помещения, сообразно изложенными в пасквильном безымянном письме, подброшенном мне в 1863 году с предварением и страцанием о выброшении и уничтожении меня в Вильямовичах (как ныне все с точностью исполнилось), которое представлено мною в Святейшем синоде 4 апреля 1866 года, так равно чтобы возвращено было 600 рублей, следуемые мне за посев, как я со многочисленным семейством моим, состоящим из 10 человек, по милости местного благочинного страдаю при всех невыгодах отдельной разлуки с семейством голодающим, из которого я уже потерял в этом году одно дитя от сей скудной жизни.

4. Я из настоящего места жительства моего самовольно не отлучался и отлучаться далеко не намерен; если же я и отправлялся куда-либо с жалобами по начальству, то не иначе как по указанным видам, следовательно, не без ведома начальства; буде же в настоящее время я в праве иметь свидания с женой и детьми, в этом же уезде за 40 верст особо от меня проживающими, то я не знаю, с чьего разрешения приговорен без суда к такому строгому угнете-

нию меня и невыпуске из Шебрина к страдающему ежечасно от недостатка и даже от голода семейству. Что же касается платы, требуемой от меня за доставку меня городовым из Петербурга в Вильно, то я, состоя ныне в жалком и затруднительном положении, нахожусь в совершенной невозможности уплатить сих денег, которые не угодно ли взыскать с причитающихся мне от священника Дружиловского, бесспорно следуемых за посев, так как я вовсе жалования не получаю, о чем сообщил приставу сего уезда 12 августа сего года.

5. Наконец, будучи несправедливо лишен своего прихода с совершенным разорением своего быта, разлукой с семейством, потерей ребенка и здоровья своего, то в сем бедственном положении крайность заставила меня жаловаться сначала епархиальному начальству, после Святейшему синоду, а затем утруждать Государя Императора всеподданнейшими просьбами; не дождавшись ни малейшего удовлетворения по объявлении мне воли Монаршей, а напротив, встретив еще большие гонения и невинные обвинения после возврата из столицы, по-видимому, мщению мне за все жалобы, даже с обвинениями меня безо всякого суда и следствия, чему служит доказательством представление Митрополита Синоду по делу, там находящемся, что я переведен для пользы службы, следовательно, не за пороки. Поэтому-то я и осмелился утруждать Его Императорское Величество о всем том в Киссенген телеграммою. По этой же причине 18 сентября в Варшаве я лично обращался вновь с всеподданническим прошением по сему делу, и для того, чтобы я, невинный страдалец, не был обвиняем и лишаем доброго имени без суда и следствия, а получил бы следующую защиту и удовлетворение по закону, так как Его Высокопреосвященство Митрополит Литовский и Виленский Иосиф в ответе своем Обер-прокурору, полученном 19 февраля с.г. по сему делу, вовсе меня ни в чем не обвиняет. Без места священник. Николай Будзилович 1868 года сентября 24 дня».

Факт поездки священника Николая Будзиловича в Варшаву получил подтверждение в письме из канцелярии наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском от 14 ноября 1886 г. гродненскому губернатору. В нем сообщалось: «Находившийся в Варшаве священник Николай Будзилович в минувшем сентябре подал на имя Государя Великого Князя Николая Николаевича-Старшего прошение о дозволении ему проживать в местах, удобных для пользования от болезни. Прошение это вместе с другими просьбами, поданными Его Императорскому Величеству в Варшаве, передано господином генерал-фельдмаршалом наместнику. Как священ-

ник Будзилович происходит из крестьян Гродненской губернии и выехал из Варшавы в Тересполь, то канцелярия наместника имеет честь означенные прошения с приложением переправить на дальнейшее Ваше усмотрение и распоряжение».

В своем прошении на имя Великого Князя Николая Николаевича-Старшего священник Николай Будзилович сообщал следующее: «В промежуток времени счастливого рождения внука Вашего Императорского Величества Николая Александровича я удостоился личным Монаршим повелением на Всеподданнейшее прошение мое 16 апреля с.г., когда Вы изволили следовать с Принцем, что я буду удовлетворен, и когда я насильно был отправлен из Санкт-Петербурга в г. Вильно к гродненскому губернатору, мне до настоящего времени не дозволяют оставаться на месте, где бы я мог жить, будучи немощным, и где бы мог получить убытка в 5000 рублей серебром. Для чего Всеподданнейше просил и прошу: 1) о повелении прекратить месть-гонение полиции на предъ и дозволить мне лечиться в местах сухих и выгодных, чем поддержу мою жизнь и жизнь 10-душного семейства, весьма истерзанную в насильном препровождении, и да позволено будет: 2) выдать мне билет во врачебницу Варшавскую или Санкт-Петербургскую, Обуховскую и средства о коих я в первом прошении изложил Государю Императору, а сим всеподданнейше прошу повелеть объявить мне, где именно оный билет получить: в Гродне, в Вильно или же здесь в Варшаве, и как скоро?

К сему прилагаю копии: 1) медицинской справки лекаря Крашевского о том, что я действительно болен; а также 2) справки станового пристава Агатины о взыскании с меня 28 рублей 8,5 копеек, израсходованных при высылке меня в Вильно из Санкт-Петербурга. 1868 года, сентября 20-го дня. г. Варшава. Вашего Императорского Высочества верноподданный священник Николай Будзилович».

Трудно сказать, была ли удовлетворена данная просьба священника, так как последующие документы из этого дела (по одному-два в год – через год) связаны в основном с установлением места его пребывания или с очередным обострением его положения. Так, 24 июня 1869 года пружанский уездный исправник в своем рапорте сообщал гродненскому губернатору: «Честь имею донести, что священник Николай Будзилович, назначенный Преосвященным митрополитом Иосифом на священническое место при Рудницкой церкви, за которым следовало учредить полицейский надзор с отобранием от него, Будзиловича, подписки о невыезде из своего прихода, но в означенный приход он, Будзилович, по настоящему время не явился, и где он ныне находится – сведений не имеется, а

в этот приход назначен другой священник – Николай Сосновский».

В конце концов Будзилович согласился на место при Збуражской церкви, но и здесь он не собирался сдаваться в деле удовлетворения своих претензий к властям о чем свидетельствует письмо члена Литовской консистории, протоиерея Петра Левицкого от 15 мая 1870 года губернатору Д.Н. Кропоткину: «Священник Гродненской губернии Брестского уезда Збуражской церкви Николай Будзилович, состоящий под полицейским надзором с запрещением ему выезда из своего прихода (по отношению покойного митрополита Литовского и Виленского Иосифа к Вашему Сиятельству), ныне без ведома полицией прибыл в Вильну». Имеются сведения, что измученные «делом Будзиловича» члены консистории слезно умоляли начальство «употребить все меры к тому, чтобы означенный священник Будзилович без надлежащих сношений полиции с епархиальным начальством не был допускаем к отлучкам из своего прихода».

Судя по всему, полиция справиться с этим не могла. Менялись генерал-губернаторы, митрополиты, начальники Гродненской губернии, а Николай Будзилович продолжал бороться за свою «правду». Этот факт подтверждают строчки из письма члена Литовской духовной консистории протоиерея Виктора Гомолицкого в адрес нового гродненского губернатора А.Е. Зурова: «Литовская духовная консистория по постановлению своему, утвержденному Высокопреосвященнейшим Макарием 25 сего июля, в видах воздержания священника Збуражской церкви Николая Будзиловича от самовольных отлучек из прихода и направление его к повиновению властям, оштрафовала его на 10 рублей в пользу бедных духовного звания Литовской епархии с предварением, что если он, Будзилович, и на предь будет самовольно поступать против требований учрежденного над ним надзора, то как неповинующийся властям он будет отстранен от должности, о исполнении чего послав вместе с сим указа Владыкскому благочинному, имеет честь уведомить о сем Ваше Превосходительство».

Несмотря на это, Николай Будзилович добивался удовлетворения своих прав. В ноябре 1871 года он послал прошение на имя обер-прокурора Святейшего синода об освобождении его от полицейского надзора. Узнав об этом, епископ Брестский викарий Литовской епархии Евгений 23 декабря 1871 года послал письмо губернатору А.Е. Зурову с просьбой не освобождать Будзиловича от учрежденного над ним полицейского надзора в связи с тем, что его самовольные отлучки повторяются «и что он своим сутяжничеством, неуживчивостью и постоянным сопротивлением законным постановлениям и вообще неблагоприятным поведением оскорбляет честь

всего духовенства».

Вероятно, сразу же после этого Николай Будзилович был переведен из Збуражского прихода в новый – Матвеевичский Пружанского уезда. Но и там, как следовало из служебной переписки, священник не бросил своего «неправильного поведения». Более того, 16 марта 1877 года в Пружанскую уездную полицию обратились прихожане Матвеевичской церкви с заявлением, «что священник Николай Будзилович во время минувшего поста на исповеди бил их палкой и ругал. Причем не принимал к исповеди днем, а исповедовал их только по вечерам, продерживая их нередко в церкви до 12 часов ночи. Кроме того, он требовал от прихожан за совершение погребения по 5 рублей серебром, в противном случае грозил не приступать к сопровождению тела на кладбище». За этот проступок Николай Будзилович был лишен священнического сана. Подтверждают последнее следующие строки документа: «Указом Святейшего синода от 30 октября 1878 года за № 3375 дано знать Высокопреосвященнейшему Макарию, архиепископу Литовскому и Виленскому, что определение Литовского епархиального начальства о низвержении священника Матвеевичской церкви Пружанского уезда Николая Будзиловича в причетники при Матвеевичской церкви с запрещением ему священнослужения Святейшим синодом утверждено, а жалоба Будзиловича на это постановление оставлена без последствий». Несмотря на это, полицейский надзор за священником был сохранен.

Одной из последних попыток Будзиловича обратить на себя внимание стала отправка 27 апреля 1879 года на имя губернатора телеграммы: «Прикажите пружанскому исправнику предотвратить покушение на мою жизнь и право собственности. Священник Будзилович». Из ответа же самого исправника Кояловича от 30 апреля 1879 года гродненскому губернатору следовало, что «никакого покушения на жизнь низведенного в причетники Матвеевичской церкви бывшего священника Николая Будзиловича не было. При дознании же, произведенном приставом, оказалось, что между сыном упомянутого Будзиловича – Михаилом Будзиловичем, 26 лет, и работником священника той же церкви – Михаилом Кульчицкого – унтер-офицером запаса Климом Постоаялко произошел спор за выгон скота, причем Постоаялко ударил Михаила Будзиловича в грудь (руками), говоря, что если его рассердить, то он, Постоаялко, его, Михаила Будзиловича, убьет. Об угрозах Постоаялко составлен акт, который передан мировому судье. Имею честь также доложить, что причетник Николай Будзилович вследствие неудовольствия на священника Кульчицкого за принятие Матвеевичского прихода посто-

янно заводит с ним споры и ссоры. Подобные неблагоприятные со стороны духовенства поступки служат соблазном для всех прихожан и, конечно же, на предь не прекратятся, если при означенной церкви будет оставлен Будзилович».

25 июля 1878 года Николай Будзилович послал на имя губернатора еще одну телеграмму: «Оградите от насилия жизнь моей семьи в селе Матвеевичи. Тотчас прикажите об этом пружанскому жандарму или исправнику. Ответ оплачен. Священник Будзилович». В ходе дознания выяснилось, что «насилием» Будзилович считает то, что «священник Кульчицкий не допустил его воспользоваться куском земли, принадлежащем ему, и что последний считает за собой право на эту землю. Насчет этого вопроса он обращался с иском к мировому судье, в котором ему отказано. Ссоры между семействами Будзиловича и Кульчицкого часто происходят, так как живут они в одном доме, и Кульчицкий назначен на место Будзиловича священником. Враждебные отношения обеих сторон служат дурным примером для прихожан, и для устранения их желательно было бы, дабы Будзилович был переведен в другой приход». В ответ на это разъяснение полиции Будзилович послал прошение на имя генерал-губернатора Альбединского, в котором он пожаловался на «притеснения, делаемые ему Пружанской уездной полицией».

В ходе последующей переписки по данному делу Литовская духовная консистория пришла к решению о необходимости перевода причетника Николая Будзиловича в Звонскую церковь Брестского уезда. Это решение консистории архиепископ Макарий утвердил 10 августа 1879 года [117]. Прекратились ли после этого тяжбы Николая Будзиловича со светскими и духовными властями, нам не известно, однако тот факт, что последнее в этих материалах прошение нашего героя было подписано «состоящим на праве апелляции священником Николаем Будзиловичем», давало достаточно весомые основания предполагать, что последний не собирается ни перед кем сдаваться. Через несколько лет молчания он вызвал к себе очередное внимание начальства некогда уже испробованным способом.

24 августа 1885 года из г. Клещели Бельского уезда на имя гродненского губернатора пришла странная телеграмма: «Де-Лерак, обидевший священника, скандалит. Прикажите исправнику его успокоить. Священник Будзилович». Губернатору ничего не оставалось, как тотчас дать ответ: «Бельск, исправнику. Будзилович доносит о беспорядках, произведенных Де-Лераком. Убедитесь, в чем дело, донесите. Губернатор Потемкин (около 8 часов вечера)».

30 августа 1885 года от бельского исправника в Гродно поступил рапорт следующего содержания: «По сведениям, собранным

мною вследствие телеграммы Вашего Превосходительства от 28 августа, оказалось, что утром этого числа священник г. Клещель Будзилович, получив от одного крестьянина 30 копеек серебром за погребение ребенка, заявил крестьянину, что такая сумма далеко не вознаграждает труд священника, но крестьянин не мог дать больше денег, а находившийся при этом дворянин Де-Лерак заметил Будзиловичу, что он не вправе требовать от крестьянина вторичной уплаты денег за погребение ребенка. По этому поводу между священником Будзиловичем и дворянином Де-Лераком возникли пререкания, закончившиеся крупной бранью; они обругали друг друга разными крайне неприличными словами, после чего священник Будзилович телеграфировал Вашему Превосходительству о произведении Де-Лераком беспорядка. Донося об этом, имею честь присовокупить, что описываемый случай произошел не во время отправления священником Будзиловичем богослужения, а после окончания погребения ребенка, когда священник уже возвращался домой, и что оба они – и священник Будзилович, и дворянин Де-Лерак были совершенно трезвы».

После прочтения этого рапорта губернатор поинтересовался у исправника: «А не тот ли это священник Будзилович, который несколько лет тому назад был низведен в причетники и отдан под надзор полиции по распоряжению Литовской духовной консистории за беспокойный характер? В случае утвердительном представьте мне немедленно сведения: по чьему распоряжению и когда именно упомянутому Будзиловичу было разрешено священнодействие».

Ответ не заставил себя ждать. Вот его содержание: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что священник г. Клещель Николай Будзилович – тот самый, который низведен был в причетники; затем он состоял псаломщиком при Клещевской церкви, и священнодействие разрешено ему указом Литовской духовной консистории на имя местного благочинного от 3 мая сего года за № 3596. Уездный исправник». Вслед за этим от губернатора последовал такого же рода запрос на имя архиепископа Литовского и Виленского Алексия [118]. К сожалению, ответа Владыке в упомянутом деле не оказалось. Неизвестна и дальнейшая судьба упорствующего Николая Будзиловича. Можно лишь догадываться, что поиски своей «правды» он продолжал и в последующие годы.

3.5. ИКОНЫ ГРОДНЕНСКИХ СВЯТЫНЬ

60 – 70-е годы XIX века – время невиданного в истории Грод-

ненщины подъема православного храмостроительства. Не было в ту пору здесь ни одного уголка, где бы ни шло строительство или обновление обветшалых храмов. За ходом этих работ с большим вниманием следили не только местные, но и столичные власти. К храмостроительству были привлечены как архитекторы, строители, так и иконописцы. Последние в широко развернувшемся строительстве видели возможность не только для осуществления своих творческих планов, но и способ улучшить материальное положение. По-разному смотрело на предложения иконописцев и местное духовенство: одни откликнулись на услуги иконописной мастерской в Вильно, другие искали мастеров в Петербурге, Москве и в других местах.

Кем же были иконных дел мастера? Как поступали их творения на Гродненскую землю? Ответы на эти вопросы дает архивное дело «Об открытии иконописной мастерской в г. Вильна», начатое 20 декабря 1864 года и хранящееся ныне в Национальном историческом архиве в г. Гродно. Так что же произошло в этот день? Об этом свидетельствует уже первый документ этого дела. Воспроизводим его здесь в полном объеме: «1864 года декабря 20 дня. Мы, нижеподписавшиеся академики Императорской академии художеств Николай Иванов Тихобразов и Василий Васильев Васильев, заключили настоящее условие с Виленским губернским комитетом об устройстве православных церквей в следующем: 1) мы, Тихобразов и Васильев, обязуемся к первым числам генваря будущего 1865 года устроить в городе Вильно мастерскую для художественных работ по иконостасам строящихся и обновляемых православных церквей в Виленской губернии за свой собственный счет без всяких задатков и пособий со стороны комитета, с подчинением в отношении устройства мастерской всем правилам военного положения и с обязательством иметь художников, учеников и прочих лиц, входящих в состав мастерской, православного вероисповедания, безукоризненной нравственности и знающих свое дело; 2) в мастерской этой мы обязуемся изготавливать иконы в те сроки, какие будут нам заблаговременно назначены комитетом, не позже месячного срока для каждого сельского иконостаса, сколько бы их ни было; 3) все иконы должны быть исполнены в размерах по нормальному чертежу и указанию архитектора, на холсте, масляными красками, с соблюдением исторических данных и православного стиля по следующим ценам: за местные иконы в первом ярусе – по двадцати пяти руб., во втором ярусе – по пятнадцати руб. за каждую; за тайную вечерь – тридцать пять руб., за царские врата – от тридцати до сорока рублей, смотря по числу образов от четырех до шести; за запрестольный крест с живописью на обеих сторонах –

тридцать пять руб.; за образ для жертвенника – десять руб.; за плащаницу без украшений – двадцать пять руб. и за хоругви, писанные с обеих сторон, с древками, за пару – семьдесят пять рублей; 4) если в местных иконах и запрестольном образе будет находиться несколько фигур, изображающих святых, то на каждую из таких икон, сколько бы ни было на них фигур, цена увеличивается: для запрестольного образа – на пятнадцать руб.; для местных икон первого яруса – на десять и для местных икон второго яруса – на пять рублей; 5) иконы будут сдаваться нами в губернский комитет, рассылка же их по губернии будет производиться комитетом за свой счет, но укупорка будет наша и за наш счет; 6) следующую по условию плату за иконы мы, Тихобразов и Васильев, будем получать по мере сдачи нами икон комитету; 7) в верности исполнения настоящего условия мы, Тихобразов и Васильев, обязываемся ответственность оба вместе и один за другого, и следующие нам деньги каждый из нас будет получать за себя и по доверию другого; 8) в случае порчи икон в пути, зависящей от дурной укупорки, мы, Тихобразов и Васильев, обязываемся исправить все повреждения за собственный счет свой; 9) в учреждаемой нами в г. Вильно мастерской мы обязываемся обучать даром вольно приходящих учеников, о чем мы представили особый проект; 10) условие это хранить свято и ненарушимо. Подлинное условие это подписали академики Васильев и Тихобразов. С подлинным верно: делопроизводитель комитета Н. Чернышев».

20 января 1865 года, уже по получении данного документа, Гродненский губернский комитет разослал уведомление об иконописной мастерской и ее услугах во все уездные комитеты по строительству православных церквей. Вскоре после этого с мест стали поступать в Гродно письма, отражающие отношение уездных комитетов к полученной информации. Потенциальные заказчики интересовались размерами икон, иногда высказывали предложения относительно цен за работу. Большинство из них хотело, чтобы размеры икон соответствовали тем проектам типовых иконостасов, которые были рекомендованы губернским комитетом для строящихся церквей, как на 300, так и на 700 человек.

Для того чтобы активизировать поступление заказов, основатели виленской мастерской обратились за поддержкой к генерал-губернатору Кауфману, а тот, пообещав ее, написал 22 июня 1865 года письмо гродненскому губернатору И.Н. Скворцову, в котором, указав на то, что по Виленской губернии в адрес мастерской поступает множество заказов на иконы («и большинство из них уже исполнено»), рекомендовал и Гродненской губернии делать подоб-

ное еще большим числом, «дабы дать возможность академику Васильеву большим числом заказов улучшить достоинство образов и понизить цены на оные». Принятые Скворцовым меры дали свои положительные результаты, и десятки церквей губернии обрели иконы работы виленской мастерской. Однако объемы заказов в полной мере не устраивали «академика византийской живописи В. Васильева», как он официально именовал себя. Последний в силу этого обратился к гродненскому губернатору И.Н. Скворцову с письмом, отправленным из Петербурга 11 августа 1867 года: «Ваше Превосходительство, милостивый государь, Иван Николаевич. По предложению Вашему удостоился я чести производить во вверенной Вам губернии иконописные работы. В настоящее время нахожусь в Петербурге, где у меня также иконописная мастерская уже более 18 лет, и я осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не оставить меня предстоящими заказами, причем объявляю, что нахожу возможным с назначенных имеющихся у Вас прежних цен на иконы сделать уступку еще на 5 %, т.е. всего на 20 % и, кроме того, доставку их до Гродно принять на свой счет. Надеюсь добросовестным исполнением и аккуратной доставкой вполне заслужить и оправдать Ваше столь лестное для меня доверие».

Появление этого письма, как подтверждают другие материалы этого дела, были продиктованы также желанием Васильева досадить новому руководителю Виленской иконописной мастерской Ивану Петровичу Трутневу, сменившему академика Васильева и, как стало известно, проявлявшему явное недовольство резким снижением цен за работу, столь понравившуюся гродненскому губернатору. Вот что писал в Гродно по этому поводу начальник Виленской губернии 14 февраля 1868 года: «Классный художник Трутнев от 7 сего февраля донес, что он, высоко ценя лестные о нем отзывы и желая вполне оправдать их, никак не может согласиться на сбавку цен на иконы до 20 %, ибо он будет иметь от этого не выгоду, а одни убытки» [119].

Конкуренция между Вильно и Петербургом, Трутневым и Васильевым за получение заказов в Гродненской губернии имела место и в последующие годы. При этом живший в столице Васильев неоднократно обращался за содействием в этом деле к князю Лобанову-Ростовскому, возглавлявшему в МВД департамент общих дел. Однако несмотря на эти усилия, гродненское духовенство предпочитало размещать свои заказы у И.П. Трутнева, у «мастера иконотасных работ», некоего Трехнера, а также у известных московских мастеров. Характерным в этом отношении примером может быть письменный ответ приходского попечительства Боцьковской церкви в Гродненское губернское церковно-строительное присутствие

по поводу заказов Васильева: «По Вашему предложению Боцьковское попечительство может донести, что в истекшем месяце марте мы обратились с просьбой к протопресвитеру Московского Успенского собора Дмитрию Новскому об изготовлении икон для нашей перестраиваемой церкви, и таковая была принята. В настоящем месяце сентябре наш заказ будет выполнен, отчего попечительство не может поручить исполнить таковых работ академику Васильеву». Белостокский же уездный предводитель дворянства на сей счет 19 октября 1873 года писал следующее: «Относительно представления заказов академику Василию Васильеву для иконостасов строящихся православных церквей имею честь уведомить, что братчики Фастовской церкви, проживающие в Москве, изъявили желание, чтобы образа для иконостаса Фастовской церкви написаны были в Москве известными им московскими художниками, и что таковые образа ими уже заказаны и будут высланы на место к весне наступающего года» [120].

В 1872 – 1875 годах виленский генерал-губернатор Потапов содействовал в получении заказов на изготовление икон и для «свободного художника Сивицкого», проживавшего в Вильно. Однако не нашлось на Гродненщине много желающих воспользоваться его услугами. К примеру, комитет по постройке Порозовской церкви Волковысского уезда мотивировал свой отказ перед губернатором Зуровым тем, что иконы для их иконостаса уже подготовлены подрядчиком Трехнером. Слонимский уездный комитет по устройству православных церквей заявлял, «что образа для вновь строящихся четырех церквей давно заказаны и изготавливаются живописцем Титовым в Москве, которому уплачен задаток». Из села Мокрое священник Игнатий Смольский сообщал, что их заказ уже исполнен неким «живущим в г. Слониме иконописцем» [121].

Анализ путей поступления икон для строящихся на Гродненщине в указанный период православных церквей дает основание утверждать, что в большинстве случаев свои заказы местное духовенство отдавало в Виленскую иконописную мастерскую И.П. Трутнева, однако при этом не исключалась возможность обращения и к известным мастерам московской иконописной школы. Кроме того, спрос на иконы вызывал потребность и в собственных гродненских мастерах.

3.6. ПРАВОСЛАВНОЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 ГОДОВ

В начале XX века Беларусь жила общей жизнью с остальной Россией, а потому русско-японская война 1904 – 1905 годов не могла не затронуть своим темным крылом и историческую судьбу нашего народа. Внешняя война еще глубже обострила кризисные явления внутри Империи. Страна была беременна революцией. В этой ситуации правящие круги России проявили преступную слабость и недомыслие, пойдя на разрешение сложнейших проблем бытия традиционным военным способом; революционеры же всех толков в эти годы отчаянно раскачивали государственный корабль, действуя по принципу «чем хуже, тем лучше». В той или иной степени указанные явления охватили и Беларусь, приближая ее вместе со всей Россией к глобальной катастрофе начала века. Между тем анализ этих процессов совершенно отсутствует в работах белорусских исследователей. Более того, русско-японская война полностью исключена из контекста школьного и вузовского курсов по истории Беларуси. Это более чем странно, ибо эта война, кроме своих масштабных задач, имела и такие стороны, которые развивались здесь в рамках повседневности. Их рассмотрению на материалах истории Гродненской епархии и посвящено данное исследование.

* * *

Весть о начале русско-японской войны, по свидетельству губернских властей, была воспринята достаточно спокойно, прежде всего «по причине значительного удаления губернии от театра военных действий». Сам же факт вероломного нападения Японии без объявления войны на русскую эскадру в Порт-Артуре вызвал у значительной части населения губернии подъем патриотических чувств. В это время лишь члены нелегальной организации «ППС на Литве» выражали радость по случаю потерь русского флота, но их голос дошел до нас спустя годы через воспоминания ее функционеров [122]. Что же касается зримых мероприятий властей, то они осуществлялись на Гродненщине достаточно планово. Четко и организованно прошли мобилизационные мероприятия. Общее число призванных в губернии на войну запасных и ратников первого разряда составляло 4922 человека. По всей Беларуси эта цифра достигала 30 тысяч человек. Стремясь снизить общее тревожное состояние людей от мобилизации, власти делали все, чтобы охватить своим вниманием членов семейств тех, кто был призван на войну. Число семейств, «пользовавшихся призывением», т.е. опекой и присмотром со стороны правительства, составляло по губернии 3827, а число лиц, входивших в их состав – 8597 человек. Надо полагать, что по всей Белоруссии такая забота распространялась на

60 – 70 тысяч человек.

На каждого нуждающегося выделялся продуктовый или денежный паек, а также так называемые квартирные выплаты. Стоимость пайка определялась уездными властями исходя из усредненных цен с выделением на каждого человека ежемесячно 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов гречневой крупы и 4 фунтов соли. Сумма расходов, произведенных на призрение семейств воинов из местных и губернских средств, составляла за весь период войны 158 687 рублей и 07 копеек. Размеры выдаваемых квартирных пособий изменялись в годы войны в зависимости от времени года и состава семьи. Обследование имущественного положения семей призванных воинов производилось чинами полиции по поручению уездных и губернских комитетов с использованием так называемых опросных листов. Если на основании их данных семейство призванного на войну обеспечено жильем (квартирой) не было, то проверяющие предлагали означенным комитетам озаботиться отводом квартир (жилья) нуждающимся семьям, квартиры выделялись редко, практиковалась выдача денег на их наем.

Как осуществлялись эти выплаты? Пособия на наем квартир выдавались городскими управлениями следующим образом. По г. Гродно с апреля по 1 октября 1905 года семействам в 1-2 души – по 2 рубля; в 3-4 души – по 2 руб. 50 коп.; в 5 и более душ – по 5 руб. По г. Белостоку призревало лишь три семьи, поэтому пособие им выдавалось на все месяцы года одинакового размера, т.е. двум семействам – по 3 руб., а одному – по 2 руб. 50 коп. По заштатному городу Гониондзу Белостокского уезда призревало лишь одно семейство, и ему выдавалось пособие на наем квартиры в месяц по 1 руб. 50 коп; по г. Бресту пособие выдавалось на квартиру и отопление, и размер его определялся независимо от числа душ в семействе; по г. Слониму сумма пособий колебалась с января 1905 года по июнь 1906 года от 1 руб. 20 коп. до 1 руб.; по г. Пружаны пособие выдавалось лишь одному семейству в размере 3 руб. 50 коп. в месяц; по г. Волковыску – по 3 руб. в месяц, а по местечку Озерница Слонимского уезда – по 1 руб. 29 коп. в месяц.

Деньги нуждающимся выдавались частью непосредственно из касс управ с распиской в кассовых книгах, а частью – по ведомости с распиской получателей. Право на пособие удостоверялось отдельным на каждое семейство решением городских управлений через комитеты и исправников. За расходованием всех средств был установлен надлежащий контроль.

При определении прав на пособие комитеты по призрению руководствовались степенью зажиточности обследуемого семейства.

При этом обращалось внимание и на обстоятельства случайного характера: на наличие грудных детей, надзор за которыми и кормление лишали хозяйку дома возможности иметь сторонний заработок и даже вести надлежащим образом собственное хозяйство, отдаленность от мест сбыта продуктов сельского хозяйства и т.д. Главным же основанием в этом деле служило заключение земских начальников и участковых попечителей.

На руки получателям не выдавалось никаких документов, удостоверявших их право на пособия. Комитеты лишь посылали исправникам соответствующие отношения с указанием лиц, коим назначено пособие, и числа душ, на которых назначалось пособие в каждом семействе. Исправники выдавали деньги лицам, живущим в городах, а в уезды деньги отсылались по волостям с соответствующим указанием по выдаче пособий. Волостные же управления при помощи сельских старост вели учет нуждавшихся в пособиях и их материального положения.

Нарушений в деле призрения семейств воинов за годы войны зафиксировано не было. По каждому населенному пункту велась соответствующая ведомость по учету затрат. Например, в м. Озерница Слонимского уезда на помощь семействам нижних чинов было израсходовано 90 руб. 48 коп., из которых 40 руб. 48 коп. были направлены на помощь их родственникам, кроме жены и детей, а 50 руб. – на выдачу единовременных пособий членам семьи деньгами, продуктами, одеждой.

Помимо государственной помощи, призванные в действующую армию резервисты и члены их семей постоянно ощущали на себе заботу и общественных организаций. В пользу «Особого комитета по усилению Российского военного флота», образованного в феврале 1904 года под почетным председательством великого князя Михаила Александровича, поступали немалые средства и с Гродненщины. Только в марте того же года на его счет были отправлены следующие суммы денег: Гродненская духовная консистория – 22 руб. 40 коп.; Индурский благочинный, священник Лев Теодорович – 41 руб. 41 коп.; 103-й Петрозаводский пехотный полк – 55 руб. 73 коп.; Гродненская городская управа – 266 руб. 06 коп. Вместе с прежними поступлениями этот взнос составил 12 357 руб. 69 коп. В марте-апреле 1905 года более других отличились при сборе пожертвований на нужды военного флота слонимские чиновники Гореинов, Тучемский, супруги Тотаревские, А.А. Мержевский, М.В. Воронцов-Вельяминов, Б.А. Красновский, Ю.А. Юндзил и священник Травин, учителя и учащиеся Гродненской мужской гимназии, чины Гродненского военного лазарета, волковысский лесничий Стефановский. Начиная с января 1905 года,

ими было собрано около двух тысяч рублей.

Значительные пожертвования на нужды войны поступали от местных комитетов Российского Общества Красного Креста. Из отчета Слонимского дамского комитета этого Общества следовало, что на начало 1905 года в его состав входило 53 человека. Возглавляла комитет жена местного чиновника А.А. Поппе. Ее ближайшими помощниками в сборе денежных средств, материальных пожертвований, а также в изготовлении снаряжения, военного лазарета для отправки на Дальний Восток 25 кроватей были Н.И. Полторацкая, Е.И. Горбачевич, В.К. Батурина, М.И. Бибилова, А.И. Виторская, С.Ю. Левина, Е.П. Прокопенко, М.П. Скабаллана, баронесса Клодт-Фор-Юргесбург и С.А. Шероцкая. Только членских взносов от Слонимского дамского комитета поступило на военные нужды за конец 1904 – 1905 года 384 рубля. Пожертвования частных лиц в комитет составили 357 руб. 82 коп.

За счет сборов со спектаклей, концертов, публичных лекций слонимчанами было собрано 433 руб. 19 коп.; от сборов у церквей – 145 руб. 97 коп.; за счет «набежавших» процентов в сберкассе Слонимского казначейства – 13 руб. 94 коп. Всего же членами дамского комитета в первый год войны было собрано 1698 руб. 91 коп.

Большим и раненым воинам гродненцы помогали, кто чем мог. Жители местечка Ружаны пожертвовали местному Красному Кресту 25 теплых одеял по 135 рублей каждое; крестьяне Слонимского уезда – полотенец простого крестьянского холста 158 аршин, а священник Борисо-Глебской Накрышской церкви – 63 холщевые рубахи, 14 кальсон, крестьянского холста 125 аршин (принесенного ранее для нужд церкви приходскими крестьянами). Заготовка и шитье для воинов осуществлялись в Слониме и уезде под контролем членов дамского комитета. Материал приобретался как в местных магазинах, так и выписывался из «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова». Всего было приобретено пошивочного материала на сумму 997 руб. 31 коп. Стирка полученного от населения белья производилась как за счет комитета, так и безвозмездно прачечными г. Слонима. Полностью снаряженный лазарет на 25 кроватей был отправлен из Слонима в Гродно для дальнейшего следования в действующую армию в конце апреля 1905 года.

Активно работал Пружанский комитет Российского Общества Красного Креста под председательством уездного предводителя дворянства В.Я. Давыдова, а также членов правления: А.И. Знаменского, М.К. Маяковского, протоиерея Николая Жуковича (отца известного в ту пору историка П.Н. Жуковича) и ксендза Антония Сонгайло. С конца 1904 года по 1 января 1905 года ими была собра-

на сумма в 1437 руб. 71 коп., а также пожертвовано на больных и раненых вещей на сумму 1401 руб. 87 коп. Ими было отправлено в Гродно большое количество белья, одежды и обуви. На усиление флота от них поступило 76 руб. 85 коп.

В целях поощрения благотворительности Главное управление Российского Общества Красного Креста (почетный председатель – великий князь Сергей Александрович) учредил Особый жетон для выдачи его лицам, сделавшим пожертвование в пользу Общества. В правилах Красного Креста давалось следующее описание жетона: «Жетон состоит из красного эмалевого креста, укрепленного на белой эмалевой розетке с инициалами (в венке) Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича и Императорскую Корону над ними. Жетон не служит предметом покупки и продажи, но лишь знаком вещественной благодарности Общества за пожертвование. На все жетоны именные и на право их ношения выдается особое удостоверение. Жетоны установлены серебряные и золотые. За пожертвование не менее 10 рублей выдается серебряный жетон, а за пожертвование не менее 20 рублей – золотой. Лицо, пожертвовавшее от себя лично не менее 200 рублей или оказавшее Обществу особо выдающуюся пользу, получает золотой жетон с алмазами и зачисляется его действительным членом». Среди гродненских пожертвователей было немало тех, кто был удостоен Обществом Красного Креста жетонов разного достоинства.

Весьма плодотворной на ниве благотворительности в годы русско-японской войны была деятельность дамского комитета Гродненского православного Софийского братства. К примеру, 21 февраля комитет устроил в военном собрании концерт и спектакль, прибыль от которых составила 953 руб. 03 коп. Вся она была обращена на нужды войны. На страницах «Гродненских губернских ведомостей» комитет периодически печатал свои отчеты о работе, а также воззвания. Вот текст одного из них, помещенного в данной газете 18 марта 1905 года: «Воззвание. Жители г. Гродно, чистая прибыль, полученная от устройства Дамским комитетом концертных вечеров, дала возможность покрыть весь расход по шитью шаровар для нижних чинов Гродненского гарнизона, ушедших на Дальний Восток. В настоящее время комитет озабочен шитьем рубашек по числу тех же нижних чинов, для которых сшиты шаровары. Часть рубашек сшита, но их пока не хватает до полного числа, а в кассе комитета нет денег для покупки недостающего материала. И на этот раз комитет обращается к доброму сердцу жертвователей – жителей г. Гродно и уездов Гродненской губернии, прося оказать посильную помощь как деньгами, так и материалами на шитье ру-

башек. Пожертвования принимаются на квартире Елизаветы Николаевны Осоргиной в губернском доме, а также на вокзале, в Московской гостинице на Соборной улице и у казначея, капитана Волкова, в Гродненском местном лазарете ежедневно с 12 до 18 часов».

Как свидетельствуют источники, данное воззвание нашло отклик у гродненцев. В числе лиц, пожертвовавших значительные суммы на изготовление дамским комитетом военного обмундирования, были супруги Стояновские, Е.Н. Осоргина, Е.А. Ржепецкая, епископ Никанор (Каменский), О.П. Булгарина, С.В. Вышеславцев, Петров, Ревуцкий, Канноних, Функ, братья Муравьевы, Яновский, супруги Аничковы, Волчковичи, Вегей, Бюфонов, Шахрович, Михальский, Сербинович, Цвет, Кузьмин, Кемарский, Кузнецов, Полешко, Недоль, Е.В. Фоллендорф, Романова, Пацевич, Литвинских, Бузынова, Труневский, Ласточкин, Ремейко, Крейцер, Кайгородов, Ф.Ф. Мерный, Кунахович и др. Уже 20 марта 1905 года первые партии солдатского обмундирования были отправлены из Гродно на Дальний Восток в роты Восточно-Сибирского полка, а также в 26-ю артиллерийскую бригаду. Из отчета Гродненского местного управления Российского Общества Красного Креста за март месяц следовало, что на военные нужды, а также помощь больным и раненым, семействам воинов, находящихся в армии, ими было перечислено 962 руб. 19 коп. Управление за свой счет подготовило, снарядило и отправило на Дальний Восток 8 сестер милосердия из числа жительниц г. Гродно. Вот что писала об одной из них губернская газета от 18 марта 1905 года: «3-го сего марта, в 12 часов дня, учителя и учительницы Гродненского женского приходского училища в г. Гродне чествовали поднесением иконы учительницу этого училища А.П. Маркову, отъезжающую сестрой милосердия на театр военных действий. Напутственный молебен о здравии совершал настоятель Рождество-Богородичной церкви отец Иосиф Будилович. Старший из учителей А.П. Зелько от лица сослуживцев поднес А.П. Марковой икону Божией Матери. 5-го сего марта, в 5 часов вечера, А.П. Маркову провожали на станции Гродно все учителя и ученицы. Антонина Петровна Маркова – дочь инспектора народных училищ Гродненской губернии, окончила курс Виленского Мариинского высшего женского училища, в прошлом году прослушала курсы для сестер милосердия в г. Гродно. В должности учительницы прослужила два года и приобрела любовь своих учениц».

Деятельное участие в сборе пожертвований принимали учителя церковно-приходских школ, решившие отдавать два процента своего жалованья на нужды армии и флота. С большим сочувствием относились к сбору пожертвований для оказания помощи семь-

ям ушедших на войну и раненым воинам прихожане Гродненского Софийского собора. Только 23 мая 1905 года, после прочувственной проповеди о необходимости такой помощи, они собрали средства, достаточные для покупки 50 постелей [123].

Среди множества индивидуальных пожертвователей и патриотов Отечества достатойно упоминание имени члена Гродненского епархиального училищного Совета и почетного попечителя церковных школ Сокольского уезда А.А. Яценко. Последний значительную часть доходов со своего небольшого имения (близ м. Кузница) отдавал не только церковно-школьному делу (на ремонт и строительство, закупку мебели и оборудования, оказание помощи учителям Кузницкой, Сидерковской, Юровлянской, Студенковской, Верхолеской, Гребеневской, Хильмановской и других церковных школ), но и в качестве пожертвований на нужды русского флота. Два сына А.А. Яценко – Вячеслав и Николай, будучи студентами 1-го курса Петербургского университета (бывшие воспитанники Гродненской мужской гимназии), по объявлении войны с Японией добровольцами ушли в действующую армию. Оба геройски сражались на полях Маньчжурии: первый пал в первом же бою; второй, трижды раненый, был награжден крестом св. Георгия и продолжал воевать на фронте. Дочь А.А. Яценко – Вера, с отличием окончившая один из Петербургских институтов, также уехала на Дальний Восток в качестве сестры милосердия Георгиевской общины [124].

В феврале 1905 года жители Гродно провожали на Дальний Восток первый военный эшелон. На перроне вокзала было многолюдно. Православное духовенство города (епископ Гродненский и Брестский Никанор, священники Николай Диковский, Феодор Адамович, Николай Гаварин и др.) совершило напутственный молебен, одарило солдат и офицеров крестиками и иконками. В последующем это вошло в традицию проводов военных эшелонов. В это время играл военный оркестр, слышались прощальные возгласы и рыдания. На платформах стояли зачехленные танки, над вагонами неслось: «Взвейтесь, соколы, орлами...». На войну отправлялись 26-я артбригада, другие части гарнизона. Многие гродненцы пришли на вокзал семьями. Был среди провожавших и мальчишка, который внимательно всматривался во все происходящее и время от времени спрашивавший о чем-то своего отца, офицера отправлявшейся на войну бригады. Никто из присутствовавших и подумать не мог, что спустя сорок лет этот мальчик, а звали его Алексей Антонов, станет одним из организаторов сокрушительного разгрома японской армии.

Сохранилось описание и других проводов на войну с участием епископа Никанора на страницах «Гродненских Епархиальных

Ведомостей» за 1905 год: «В Волковыске владыка служил 3 февраля молебн среди нескольких тысяч войск, отправлявшихся на Дальний Восток. Холод был умеренный, и потому молебн происходил на поле. Однако, несомненно, что владыка явил немалое мужество в служении молебна в легкой мантии. Но зато как было трогательно это молебствие и как горячо молилось русское воинство, видя молящегося с ними архипастыря, который окроплял всех святой водою и делял крестиками. Кроме того, войскам были поднесены иконы от Государя Императора, других частей войск и от горожан и учащихся двух школ. Благославляя ими войска, владыка говорил сопутствующие пожелания, причем церковный хор пел разные молитвенные призывания» [125].

26-я артбригада проявила себя на войне с самой лучшей стороны. Мужественно сражались с японцами офицеры и солдаты Гродненского гарнизона из 101-го Пермского, 102-го Вятского и 103-го Петрозаводского пехотных полков. Имена многих из них были впоследствии увековечены на мемориальных досках, установленных в Гродненской Свято-Покровской гарнизонной церкви, специально построенной в 1907 году в память о воинах местного гарнизона, погибших на русско-японской войне [126]. О подвигах гродненцев на Дальнем Востоке штабс-капитаном О.В. Пожерским в 1910 году была написана и издана в Гродно книга «26-я артбригада в войне с Японией в 1904 – 1905 годах» [127]. В ходе же войны призванные из губернии воины писали о своих ратных делах домой, и эти письма часто публиковались на страницах местных газет. Весьма интересно письмо командира 26-й артбригады полковника Эрис-Хан Галиева от 17 мая 1905 года на имя епископа Гродненского и Брестского Никанора (Каменского), в котором, в частности, говорилось: «Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Владыко! Получив Ваше сердечное пастырское благословение, Гродненская 26-артиллерийская бригада, Слава Богу и благодаря молитвам Вашим, до сих пор вела себя как подобает христолюбивому воинству. Хотя имеем потери (5 офицеров и 6 нижних чинов) и раненых (7 офицеров и 42 нижних чина), но ни разу себя ни в одном бою не осрамили, а, напротив, своей мужественной отвагой и сознанием святости долга заслужили во всей армии самую лестную репутацию до того, что все наперерыв стараются заполучить какую-либо из наших батарей... Перед Мукденскими боями три мои батареи (6-я, 7-я и 8-я) были взяты в главный резерв Главнокомандующего, что считается особой честью. С гордостью сообщая, что пока еще ни один командир артбригады не получил Георгиевского креста – этой высочайшей военной награды, а мне ее вручили в

первый же месяц по прибытии из Гродны, т.е. в сентябре, за бой под Бен-Сиху. Несмотря на неудачи, мы не потеряли ни одной пушки, духом как офицеры, так и солдаты бодры и ждут боя, как праздника. Отступали только по приказанию высшего начальства, но не было ни единого случая, чтобы хотя один солдат отступил бы хоть на шаг от своей пушки. Не могу умолчать и о случае, характеризующем нашего доблестного солдата. Батарея при громадном напряжении сил вела ужасную дуэль с неприятельской артиллерией, которая буквально засыпала мою батарею залпами. Вот целый снап снарядов разрывается над головой наших пушкарей... Один из них крестится впопыхах и громко произносит: «Пронеси, Господи...». Когда же одна из граней шлепнулась около его ног, то он же преспокойно тотчас же выругался по-русски: «Ишь, чертова кукла, куда вдарила...». Таков наш солдат. Наши пушкарки чудо что за народ. Я видел наших гродненцев, которые, раздевшись донага, лезли в грязь, чтобы вытащить свои пушки. Это в сентябре-октябре. А зимой по гололедке, по кручам высочайших гор, эти же чудо-пушкарки тащили свои орудия рядом с добрыми российскими конями, пожалуй, даже с большим старанием, чем лошади...».

О высоком патриотическом подъеме свидетельствовали проводы 17 августа 1905 года в действующую армию 13-ти призванных гродненских пожарных (Познанский, Рудзинский, Семенович, Соловейчик, Рутковский, Костевич, Пахутко, Зубкович, Качан, Пинке, Мазурчик, Шиделевский, Троев). Их провожали на Дальний Восток вся вольно-пожарная дружина в народной форме и собственный духовой оркестр. 19 августа «Гродненские губернские ведомости» писали о торжественных проводах в действующую армию чиновников Гродненского губернского правления П.И. Толстова, М.И. Кузьмина, К.Н. Матусевича, Л.И. Дорошевича, а также Квинты, Пачкова, Остринского, Осипа Романика и дворянина Орлюка. Перед отправкой на фронт был совершен напутственный молебен с вручением иконок и крестиков. Каждого из отъезжающих вместе с вручением подарка «лично облобызал начальник губернии».

Ежемесячно на проводы и угощение запасных из городского бюджета отпускалось по 400 руб. Каждому перед отправкой были обеспечены чай, булка, сахар и коробка папирос. Кроме того, на дорогу каждому вручался пакет-подарок: фунт сахара, пачка табаку и большая коробка спичек. Особенно торжественные проводы были устроены 23 августа в имени Мосты заведующим местной чайной Ю.А. Ознобишиным. Здесь каждому из 65-ти, помимо образков и крестиков, выдавалось на дорогу: бутылка пива, 3 яйца, сыр, колбаса, французская булка, белый хлеб, два огурца, 8 груш,

четверть фунта махорки и 10 папирос.

Церковные службы с молением о даровании победы над японцами не прекращались на Гродненщине на протяжении всей войны. Имели место и другие формы выражения верующими своего отношения к событиям на Дальнем Востоке. Один из таких фактов нашел свое отражение на страницах журнала «Прибавление к Церковным Ведомостям» (1905. – № 15. – С. 661 – 662) в разделе «Хроника»: «Священник Городисской церкви Бельского уезда Гродненской губернии Иоанн Самойлович в рапорте преосвященному епископу Гродненскому Никанору сообщил, что на 9-е марта 1905 года – день памяти страстотерпцев Севастийских им было назначено служение литургии и постановка креста на церковном погосте в присутствии всего прихода с молением о даровании победы над японцами. При этом всеми верующими было выражено желание провести этот день в посте и молитве. В означенный день прихожане из деревни Чарны-Великой за 6 верст пришли с крестным ходом и привезли крест. На кресте вырезана следующая надпись: «Сим победиши. Крест царем держава... верным утверждение. Кресту Твоему поклоняемая, Владыко. Господи, прими слезы и воздыхания и дай победу над японцами». Церковь была переполнена молящимися, собралось не менее 500 душ; из них 150 человек говели, исповедовались и причастились Святых Тайн. Все соблюдали строгий пост, по крайней мере, до окончания службы, которая окончилась в 4 часа пополудни. В церкви были ученики народной и церковно-приходской школ, присутствовали и некоторые католики» [128]. Разумеется, данный эпизод не был исключительным, скорее, он был типичным для той конкретной ситуации.

Информация о благотворительной деятельности духовенства чаще всего помещалась в официальном отделе «Гродненских Епархиальных Ведомостей». Так, в одном из номеров данного издания за конец 1904 года сообщалось: «В пользу семейств доблестных защитников Порт-Артура в ноябре и декабре через Преосвященного Никанора поступило: от Епископа Никанора – 100 руб., причтов и церковей Индурского благочиния – 53 руб. 2 коп., Влковысской церкви – 32 руб. 8 коп., Новодворской церкви и священника – 30 руб. 15 к., священника Дружиловского – 10 руб., Пружанского благочинного Недельского – 24 руб. 72 коп., Мельниковской церкви – 8 руб., Лясковичской церкви – 5 руб., Деречинской церкви и священника – 22 руб. 10 коп., учащихся и учащихся Потокской школы – 14 руб. 60 коп., диакона Рудаковского – 1 руб., Марии Васильевны Бершовой – 15 руб., Миловидских прихожан – 6 руб., прихожан Лунненской церкви – 6 руб. 94 коп., священника И. Красков-

ского и его прихожан – 10 руб., прихожан Красностоцкого монастыря – 5 руб., протоиерея А. Богословского – 10 руб., диакона С. Житенца – 1 руб., присутствия и канцелярии Гродненской духовной консистории – 23 руб. 50 коп., братии и послушников Борисоглебского монастыря – 13 руб. 25 коп., и от соборных прихожан (т.е. прихожан Гродненского Софийского собора. – В.Ч.) за 25 декабря – 53 руб. Итого – 444 руб. 36 коп.

Означенные отправлены через казначея Гродненской духовной консистории Николая Иссинского в Красностоцкий монастырь в содержание одной девицы – дочери одного из защитников Порт-Артура».

Следует полагать, что вышеуказанная сумма не была окончательной, так как уже в февральском номере «Гродненских Епархиальных Ведомостей» за 1905 год сообщалось, что через Пресвященного Никанора на содержание детей порт-артурцев в Красностоцком монастыре отправлены следующие суммы денег: «от Клещельского благочиния – 33 руб., от Пружанского благочиния – 24 руб. 32 коп., прихожан Островской церкви Слонимского уезда – 10 руб., Тростяницкой церковно-учительской школы – 33 руб. Итого – 101 руб. 17 коп.».

Призывая помочь детям Порт-Артура, епископ Гродненский Никанор (Каменский), в частности, отмечал: «Сердца наши полны расположения и любви к страдальцам и героям нашим, мужественным защитникам Порт-Артура. Теперь они, взятые в плен, страдают физически и духовно. Нужно бы помочь им, но как и чем? Многие из них оставили беспомощных детей. Вот и нужно призреть сих малых, отцы которых, защищая Веру, Царя и Отечество, проливали за нас кровь свою, впали в бессилие, а многие там и сложили кости свои. Мертвые сраму не имут, но нам будет стыдно и грешно, если мы забудем и отвратимся от защиты сирых и беспомощных детей героев наших...». Речь эта была произнесена владыкой 25 декабря 1904 года в кафедральном соборе перед благодарственным молебном «по случаю избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати языков (в 1812 году). После чего был произведен сбор пожертвований, давший 53 рубля».

28 марта 1905 года в ходе обозрения епархии владыка Никанор побывал во Влодавке. Здесь он посетил дом инвалида русско-японской войны, встретившего его хлебом-солью, побеседовал с его семьей. Потом побывал в санатории для больных и раненых воинов, доставленных сюда из Маньчжурии. Их оказалось 10, в том числе 3 офицера. Все они психически больные. Офицеры все еще мечтают о войне, представляя свои болезни неважными, а солдатики смотрят на все как-то неопределенно и рассеянно. В целом же

этот санаторий рассчитан на 60 офицеров и нижних чинов.

Глубоким чувством патриотизма были проникнуты речи епископа Никанора: 30 января 1905 года при чтении в Софийском соборе он известил о войне; далее – при служении в Кобринском полку, а также во время панихиды о погибших на броненосце «Петропавловск» и проводов на войну 5-й и 8-й батарей 26-й артбригады. 21 октября им было издано воззвание в защиту Веры, Царя и Отечества. 21 ноября в своем слове перед учащими и учащимися Гродненской женской гимназии он просил их помочь одеждой нашим воинам. Эти заботы о воинах и особенно о бедных их семействах были главными для владыки, он обращался к множеству лиц, призывая их к участию в благой деятельности, и сам, показывая в этом пример, через поднесение Государю Императору иконы, жертвуя на флот и бедствующие семейства воинов, за что ему выражена благодарность Его Величества и Его Высочества Великого Князя Михаила Александровича. Все части войск и санитары, отправлявшиеся из Гродны на войну, были лично напутствуемы им служениями и раздачей крестиков, книжку с благословением иконами от братства св. Софии. Не оставались без его архипастырского благословения и слов назидания все значимые для общества события русско-японской войны».

Вот строчки из газетной хроники тогдашней гродненской православной жизни: «25 мая 1905 года, в среду, в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны, после Божественной литургии, совершенной в кафедральном соборе, Его Преосвященством был совершен благодарственный молебен в сослужении всего городского и монашеского духовенства, а засим – великая панихида по доблестным морякам эскадр адмиралов Рождественского и Небогатова, погибшим в боях в Корейском проливе (речь идет о Цусимском проливе. – В. Ч.).

С проникновенной речью выступил на панихиде епископ Никанор. Искренне скорбя о гибели кораблей и доблестного морского воинства, «погребенных в далеких водах мало кому ведомого моря», владыка выражал уверенность в том, что «память о погибших героях, до смерти стоявших за Веру, Царя и Отечество и честно исполнивших свой долг, не изгладится в нашем народе в веках». Эта речь, опубликованная в «Гродненских Епархиальных Ведомостях», завершилась словами: «Бог мертвит и живит. Он низводит. Он же и возводит. Силен Он, чтобы восставить нас и озарить светом славы Своей. Посему, да будет во всем воля Его святая и премудрая над всеми нами. Да будет мощный покров Его над всею Россией твердым и нерушимым всегда... Погибло много героев, но Бог силен восставить таких же новых защитников бедствующей России».

Вместе с воинами-гродненцами на полях Манчжурии находились и их духовные пастыри – полковые священники-белорусы. В годы войны «Гродненские Епархиальные Ведомости» неоднократно писали о мужестве и стойкости военного священника протоиерея Платона Менчица – родственника известного историка нашего земляка М.О. Кояловича. За свои подвиги на полях сражений отец Платон был награжден высокими наградами от русского и австрийского императоров. Восемь месяцев среди защитников Порт-Артура находился бывший священник села Верейки Волковысского уезда Иоанн Добросердов, а потом полковой священник, ободрявший и утешавший пастырским словом воинов крепости. После падения Порт-Артура отец Иоанн возвратился в Гродно, где ему была оказана достойная встреча как со стороны духовенства, так и всех жителей города.

В силу ряда внутренних и внешних причин в войне 1904 – 1905 годов победу одержала Япония. Однако в том вина была не столько армии и флота, сколько правительства и порочных методов командования войсками. В Манчжурии остались могилы около 500 уроженцев Гродненской губернии, некоторые из них погибли в составе российского военного флота в Цусимском проливе. Для увековечивания их памяти на родной земле немало сделал председатель Гродненского губернского отдела помощи жертвам войны епископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков). Среди его активных помощников по сбору пожертвований по оказанию помощи жертвам войны были священники Александр Пашкевич, Иоанн Пашкевич, Александр Смирнов, Александр Ральцевич, Петр Кречетович, Фома Кунахович, Иоанн Хастычевский, Алексей Пospelов, Никанор Пучковский, Максимилиан Померанцев, Павел Левицкий, Христофор Левицкий, Алексей Селезнев, Иосиф Гушкевич, Иоанн Котович, Виталий Строковский, Константин Константинович, Павел Кушнев, Сергей Лесневский, Иоанн Курилович, Василий Врублевский, Дмитрий Некрасов, Лев Теодорович, Александр Железовский, Владимир Дорожневский, а также чиновники – Пивоваров, Мациевич и др. В сборе средств в помощь жертвам войны участвовали прихожане Мильковщизненской, Ятвезской, Черленской, Скидельской, Озерской, Лунненской, Комотовской, Котранской, Дубненской, Головачской, Жидомлянкой, Вертелишской, Поречской, Коптевской, Индурской, Малой Берестовицкой, Олекшицкой, Массальянской, Гольневской, Верейковской, Клепачской, Мостовлянской, Тетеревской, Гольнской, Кринской, Большой Берестовицкой, Берштовской и других церквей.

В ноябре 1905 года «Гродненские Епархиальные Ведомости»

поместили на своих страницах следующее объявление: «При Жировицком монастыре Гродненской губернии открывается приют для детей воинов, убитых на войне России с Японией, а за неимением таковых – детей воинов, раненых, плененных и защитников Порт-Артура. Дети-мальчики принимаются в приют от 7-ми до 19-ти лет по возрасту. Прощения подаются на имя настоятеля названного монастыря епископа Михаила с приложением удостоверения от своего волостного правления и метрической выписки о рождении и крещении мальчика от местного священника. Настоятель Жировицкого монастыря Епископ Михаил».

В 1911 году на смену «Гродненскому губернскому комитету по призрению семейств воинских чинов, отбывших в поход по случаю войны с Японией», много делавшего по оказанию помощи семействам воинов и их детям, пришли отделы «Алексеевского главного комитета», основанного в Петербурге «для защиты прав детей в связи с гибелью на войне их родителей или утратой ими трудоспособности после 1 января 1909 года». На 1 августа 1912 года только в г. Гродно и уезде значилось 28 семейств, получавших пособие от этого комитета. Из ведомости о получении пособий детьми воинов русско-японской войны в г. Гродно за первое полугодие 1914 года следовало, что названный комитет ассигновал вдовам воинов (Глебович Михалине, Дерновой Марии, Кульчицкой Надежде, Николиной Марии, Патеюк Ольге, Таврель Юлии, Тарушкиной Ольге, Ничипорук Власии, Кулагиной Марии, Богушевич Софье, Козич Надежде, Попельшко Елене, Лыщик Анне и др.), а через них их детям 1650 руб. 27 коп [129]. Денежные суммы детям участников русско-японской войны выплачивались вплоть до достижения ими 18-ти лет, что до начала Первой мировой войны повсеместно и делалось. Новая военная трагедия расширила сферу деятельности Алексеевского комитета. Свое существование он прекратил в 1917 году.

3.7. ДУХОВЕНСТВО ГРОДНЕНСКОЙ ЕПАРХИИ НА ВЫБОРАХ В IV ГОСДУМУ

Выборы в Российскую Государственную думу IV созыва проходили в Гродненской губернии с сентября по октябрь 1912 года. Однако подготовка к ним по инициативе правительства началась еще в начале года. После того, как III Государственная дума прекратила свою деятельность (9 июня 1912 года) ввиду истечения полномочий ее членов, предвыборная кампания здесь значительно оживилась. Уже 12 июня 1912 года гродненский губернатор В.М. Бор-

зенко (на основании телеграммы министра внутренних дел А.А. Макарова и утвержденной последним соответствующей «Инструкции») дал указание подведомственным ему службам «немедленно приступить к составлению избирательных списков лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную думу» [130]. В течение недели чиновники на местах получили все необходимые разъяснения, касающиеся новых выборов на основании «Положений о выборах в Государственную думу», изданных в 1907 году, и директивных указаний, которые оперативно поступали из Петербурга. В циркулярах за подписью А.А. Макарова губернатору предписывалось сообщать ему о том, не предвидятся ли опасения, что в Думу могут попасть «левые». В связи с этим рекомендовалось вести все избирательное дело «в союзе и согласии с дворянством, а также с привлечением православного духовенства» [131]. Столь откровенные рекомендации были обусловлены не только приоритетным положением Церкви в стране, тесной связью духовенства с государственными структурами, но и реальной консолидацией местного духовенства с обществом перед угрозой новых революционных потрясений, особенно после событий 1905 – 1907 годов.

Представители гродненского духовенства принимали активное участие в работе Минского (1907) и Виленского (1909) съездов православных братств белорусских епархий. Цель их деятельности – объединение усилий всех епархиальных братств «на пользу веры православной и русской государственности». В числе резолюций съезда, кроме вероподданнических заявлений, получаемых одобрение императора Николая II, неизменно присутствовал тезис «об установлении органической связи братств с членами Государственной думы» [132]. Поиски надежной защиты от «католической пропаганды», «деятельности польских обществ «Освятя» и «Сокол», преследующих антигосударственные цели», и других проявлений «польскости» привели значительную часть православного духовенства Гродненщины к участию в создании «Русского Национального Союза Гродненской губернии» (сокращенно – РНС ГГ). Как явствовало из преамбулы к уставу данного Союза, изданному отдельной брошюрой в Гродно в 1911 году, объединение русских национальных сил губернии началось весной-летом 1910 года и завершилось 13 декабря 1910 года внесением РНС ГГ в реестр губернских обществ под № 52. Несмотря на то, что в числе учредителей значились лишь крупные чиновники: губернский предводитель дворянства Н.Г. Неверович, землевладелец А.А. Ознобишин, генерал-майор в отставке Л.Г. Ревуцкий и др., деятельное участие в этом деле принимал и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков). Если бы это было не так, то Временный

комитет этого Союза вряд ли мог обращаться за содействием «к потенциальным руководителям его уездных отделов – к русским землевладельцам, воинским начальникам, земским начальникам, инспекторам народных училищ, начальникам почтово-телеграфных контор и т.д.», но и к «председателям уездных епархиальных училищных советов и к отцам благочинным».

О влиянии православного духовенства на выработку целей и задач РНС ГГ свидетельствуют «Воззвание к русским людям селянам Гродненской губернии» и «Обращение к русским деятелям Гродненской губернии», датированные 1 января 1911 года. В каждом из них вместе с разъяснением целей и задач Союза присутствовал и вероисповедальный аспект, напрямую связанный с деятельностью III Государственной думы и Государственного совета. Обращаясь к православным крестьянам губернии [т.е. русским, согласно теории о триедином русском народе (великоросы, малоросы и белорусы), господствовавшей в те годы. – *В. Ч.*], авторы воззвания подчеркивали: «В Государственной думе есть наши избранники – члены Думы. В Государственном же совете Гродненскую губернию представляет человек, чуждый русскому населению губернии и по духу, и по вере. Голос его там – не голос населения, четыре пятых которого – русское и православное. Да, и члены Думы, хотя 6 из них и наши..., но голоса своего населения они не слышат». Критические замечания содержались и в тексте «Обращения к русским деятелям»: «Гродненская губерния в подавляющей массе населения – русская и православная (76 %). Однако, как показали выборы в законодательные учреждения, русское население они совершенно не объединяют, ибо его национальное самосознание еще недостаточно развито... Ввиду этого и нарождается «Русский Национальный Союз Гродненской губернии...».

Судя по всему, формирование данного Союза, как и все осуществляемое «сверху», с самого начала наталкивалось на массу всевозможных препятствий. Об одном из них свидетельствовало письмо настоятеля Цехановецкой церкви Антония Оглоблина от 3 июня 1911 года на имя председателя Гродненского уездного совета РНС А.И. Ушакова. В нем священник, в частности, сообщал: «В районе вверенного мне прихода проживает несколько чиновников почтово-телеграфного ведомства. Как член «Русского Национального Союза» я пожелал привлечь в число членов такового и сих чиновников. Но они, не доверяя показанному мною «Обращению» Союза, отклонили мое предложение на том основании, что их начальство воспрещает им вступление в какие-либо союзы... Ввиду этого

я почтительно просил бы Вас, не признано ли будет возможным рассеять сомнение сих лиц письменным сообщением, хотя бы и на мое имя» [133]. Такого рода письма присылали в уездные комитеты и другие священники, что свидетельствовало об их заинтересованности в упрочении РНС ГГ.

Начало предвыборной кампании в IV Думу застало Союз на стадии становления. К числу первых его мероприятий следует отнести организацию празднования 50-летия отмены крепостного права в России, которое широко отмечалось по всей губернии. О том, как это происходило, можно судить по информации, поступавшей в Гродненский уездный комитет РНС от одного из земских начальников: «Торжества 18 и 19 февраля во вверенном мне участке прошли в образцовом порядке и при высоко патриотическом настроении населения. 18 февраля в волостных присутствиях в присутствии волостных сходов и по их желанию были отслужены по императору Александру II панихиды, причем в Лашанское и Горницкое волостные правления прибыли из местных церквей, при громадном стечении народа, крестные ходы. 19 февраля во всех церквях и костелах было торжественное Богослужение и молебствие, а также в синагоге м. Индуры. После молебствия весь народ собрался в училищах, где было произведено чтение брошюр о значении для крестьян Манифеста 19 февраля 1861 года и соответствующих стихотворений». Кроме официальных лиц (губернатора В.М. Борзенко, членов губернского присутствия Баркова, Ромейкова, Яблокова и др.), лекции и беседы, посвященные юбилею, а также другим событиям русской истории, проводили и члены РНС ГГ (А.И. Ушаков, Н.Г. Неверович, А.А. Ознобишин и др.).

Поддерживая данные мероприятия Союза, священники Гродненской епархии тем не менее организационно чувствовали себя более уверенно в лоне епархиальных братств, чем в составе РНС. О причинах такого положения убедительно говорил на торжественном заседании Волковысского Св.-Петропавловского братства уездный предводитель дворянства С.В. Ольденборгер, которое состоялось 29 января 1912 года под председательством архиепископа Михаила: «После угара революционного брожения не совсем еще угасший русский патриотизм выдвинул в противовес вредным течениям космополитических и анархических идей, растлевающих государство, свои национальные союзы, сеть которых покрыла Россию. С чрезвычайными усилиями удалось организовать отдел национального союза (РНС ГГ. – В.Ч.) и у нас (в Волковысском уезде. – В.Ч.). Союз этот организован в числе 40 членов., и лучших результатов достичь пока не удалось, невзирая ни на какие приглашения. Такое явление зас-

тавило нас задуматься о причинах такого положения. Из разговоров выяснилось, что члены Национального Союза одновременно являются и членами братства, но записались в Союз люди из числа наиболее имущих, а остальные не могут себе позволить такой роскоши, как солидный членский взнос, по недостатку средств. Кто может роскошествовать и иметь у себя и братства, и деятельные Национальные Союзы – слава Богу, но мы этого не можем. Приглядываясь же к деятельности нашего братства, я заметил, что нет той области в сфере поддержки православия, в которую бы она не вникала. Думаю, что это мнение разделяют со мной и братчики, и присутствующий здесь Владыка. Сейчас, когда инородческая Дума ведет Россию к гибели, необходимо сделать так, чтобы IV Государственная дума стала национальной. И для решения этой задачи у нас в уезде нет для этого другого какого-нибудь учреждения, кроме братства, исторически призванного играть не только церковно-религиозную, но и национально-державную роль. А для этого все мы должны сплотиться воедино со своими духовными отцами и провести по уезду своих русских выборщиков... Да будет стыдно тому, кто в день выборов, когда его помощь будет нужна России, останется дома... Вперед к знанию и прогрессу! И да осуществим мы заветные мечты наших дорогих покойников-славянофилов, но не на помочах запада, а на основах нашего Православия». Выступивший на этом заседании архиепископ Михаил в целом поддержал докладчика, но сославшись на решения первого съезда Всероссийского Национального Союза, проходившего 19 – 21 февраля 1912 года в Петербурге, предложил собравшимся более эффективную форму взаимодействия братств с широкой общественностью [134].

В июне 1912 года по благословению архиепископа Михаила гродненское духовенство образовало «Губернский предвыборный комитет», который совместно с «Гродненским Софийским православным братством» путем устройства предвыборных собраний, а также распространения среди населения губернии воззваний, брошюр и листовок, немало потрудился на «ниве сплочения интересов русских людей». Как следовало из отчета губернатора В.М. Борзенко в МВД о результатах выборов, «такая деятельность предвыборных комитетов во главе с православным духовенством имела громадный успех, и русская партия (вероятно, имелись в виду РНС и другие объединения, включая братства. – В. Ч.), несмотря на свое численное, по сравнению с другими национальностями, меньшинство, сумела объединиться настолько прочно, что во все время вы-

боров не нуждалась в поддержке других партий и твердо прошла к намеченной цели – провести в Государственную думу только своих депутатов, не дав в ней ни одного места кому-либо из инородцев, чему главным образом способствовало православное духовенство своим влиянием на местных прихожан. Само духовенство, руководимое архиепископом Михаилом, помимо этой дружной предвыборной работы, проявило редкое единодушие в личном участии в выборах, о чем наглядно свидетельствует то обстоятельство, что из числа внесенных в избирательные списки 356 настоятелей православных церквей в выборах приняло участие 347, которыми избрано полное число подлежащих избранию уполномоченных».

Высокий уровень активности местного духовенства отмечал губернатор и на второй стадии выборов – при избрании выборщиков губернского избирательного собрания на съездах землевладельцев в составе лиц русского происхождения. «Вначале, – писал он, – здесь замечалось некоторое отсутствие солидарности между землевладельцами и православным духовенством, что объяснялось опасением землевладельцев на тот счет, что духовенство при своем преобладающем количестве будет проводить в Государственную думу исключительно священников; когда же выяснилось, что духовенство далеко от этого намерения, то землевладельцы объединились с духовенством».

По мнению В.М. Борзенко, большую роль в успешном завершении выборов сыграл А.И. Ушаков, возглавлявший, кроме прочего, уездный комитет РНС, но о чем в отчете, разумеется, не говорилось. Вот фрагмент отчета губернатора на эту тему: «В губернном избирательном собрании избиратели польского происхождения и евреи, видя не только численное превосходство, но и тесную сплоченность русской партии, устроили блок. Выборы членов Государственной думы от отдельных разрядов избирателей прошли без всяких осложнений. При баллотировке же из общего состава выборщиков, когда целый ряд предложенных евреями и поляками кандидатов оказался забаллотированным, последние, видя, что перевес клонится в сторону русской партии, несмотря на свой первоначальный неуспех, продолжали ставить на баллотировку свои кандидатуры с целью затянуть как возможно больше выборы, чтобы вовремя перерыва использовать данное обстоятельство для агитации между выборщиками от крестьян, и только благодаря настойчивости, тактичности и умению исполняющего должность председателя собрания местного предводителя дворянства, статского советника А.И. Ушакова длившиеся 18 часов выборы были доведены до кон-

ца. Таким образом, и последние усилия поляков и евреев успеха не имели, и русская партия, не дав в Государственную думу ни одного места инородцам, избрала в члены Думы лишь своих депутатов».

Оценивая выборную кампанию и по организации ее проведения, и по результатам «более чем удачно», губернатор в заключение своего отчета еще раз отметил, «что успехом своим выборы в Государственную думу IV созыва в Гродненской губернии всецело обязаны православному духовенству, которое, не преследуя при проведении их никаких личных целей, силой своих голосов и единодушием обеспечило избрание в Думу исключительно лиц русского происхождения» [135].

Выяснение причин убедительной победы на выборах в Думу «русской партии» невозможно без анализа содержания ее агитационно-пропагандистских изданий, начавших выходить уже в марте 1912 года. Воззвание «От Русского Предвыборного Комитета при Гродненском Православном Софийском Братстве» начиналось со слов: «В наступившем 1912 году Государственная дума 3-го созыва кончает срок своих пятилетних полномочий, и осенью предстоит избрание членов в новую – четвертую Думу. Перед каждым из нас встает важный вопрос: какого направления держаться и кого выбирать?». Видя в числе таких людей «лучших людей, преданных государю, родине и нашей православной вере», авторы воззвания дали характеристику первым двум Думах как «породившим смуту и беспорядок, а потому и распущенным раньше срока». Не зная, что подобную оценку на закате своей деятельности получит у правых и III Дума, члены предвыборного комитета выражали надежду на то, что «более 200 членов ее, искренне преданных царю и родине, взяв на себя труд по изданию полезных законов, сумеют постоять за спокойствие, честь и достоинство русского народа». Считая исключительно важным увеличить это число хотя бы до 300 членов, авторы воззвания предлагали внимательно присмотреться к поведению кандидатов в депутаты, «дабы не вышло обмана, ибо левые из лукавства могут прикинуться благожелателями и защитниками России, лишь бы пройти в Думу. Так ведь было у нас, в Гродненской губернии, при выборах в III Думу, когда один землевладелец прикинулся правым, а в Думе сел налево, в число врагов нашей государственности, и голосовал всегда против наших интересов».

Большое место в воззвании занимал ответ на вопрос: «Кто эти левые, наши противники, и чего они добиваются?». Прежде чем приступить к нему, авторы документа остановились на краткой характеристике своих оппонентов: «Левые партии состоят из партий: народной свободы (кадеты), социал-демократов, революционеров, трудовиков и почти всех инородцев, в том числе поляков и евреев.

Особенно опасна первая партия – «народной свободы». Она идет на поводу у инородцев, и член III Думы крестьянин Кузнецов справедливо в связи с этим заметил, что это партия «инородной свободы». Заявляя о том, что все левые партии будут выступать на предстоящих выборах под общим наименованием «прогрессисты», предвыборный комитет не пожалел усилий для показа того, что все эти деятели стремятся к «раздроблению России на части, дабы лишить русский народ главенства в своем государстве и подчинить его в некоторых местах, как у нас в Белоруссии, влиянию поляков и евреев». Отстаивая на словах равноправие всех народов, прогрессисты делают все для того, чтобы ослабить русский народ и, как говорится об этом в «Воззвании, «стараются умышленно затемнять у русских сознание о племенном единстве великоросов, малоросов и белорусов». Осуждение «прогрессистов всех мастей» заканчивалось в документе призывом голосовать за тех «русских-православных, которые искренне преданы вере православной, Царю и Родине, которые способны на усиленный и обдуманый труд и которые крепко стоят за единство и нераздельность России под главенством русского народа из трех его единокровных ветвей: великоросов, малоросов и белорусов».

Весьма содержательной была и «Программа Гродненского Православного Софийского Братства, составленная по случаю предстоящих выборов в IV Государственную думу». Характеризуя данное Братство как «исторически сложившуюся православно-русскую организацию, неуклонно следующую своему уставу», составители программы открыто заявляли, что «в политическом отношении, обнимающем государственное и гражданское устройство, Братство всецело присоединяется к целям и задачам Всероссийского Национального Союза, а посему на выборах в IV Государственную думу оно будет поддерживать только лиц, убежденно разделяющих цели и задачи Братства». В программе их названо 11, однако их главный смысл вполне укладывался в содержание заключительного абзаца «Программы»: «Вообще Братство поставляет избранныкам в IV Думу в обязанность пропагандировать укрепление русского самосознания и патриотизма в народе и самое широкое развитие национализма экономического». И на самом деле каждый пункт программы был буквально переполнен требованиями преимуществ в экономической и социальной областях для «истинно русских людей», включая и белорусов.

В сжатой форме идеи «Воззвания» и «Программы» получили свое воплощение и в официальном «Обращении архиепископа Гродненского Михаила к благочинным епархии» от 31 мая 1912 года.

Данный документ свидетельствует об огромном влиянии и непосредственном участии владыки в предвыборной кампании. В монографии А.Д. Степанова «Черная сотня: взгляд через столетие» его имя значится среди руководителей и активных участников черносотенного движения, причем «в бытность архиепископом Гродненским» [136]. Об официальном характере «Обращения» свидетельствуют строки письма архиепископа Михаила к гродненскому уездному предводителю дворянства А.И. Ушакову, а по совместительству председателю местного совета РНС ГГ от 31 мая 1912 года: «Ваше Высокоородие, Милостивый Государь Александр Иванович, признав благовременным обратиться с особым письмом («Обращением». – *В. Ч.*) к тем лицам, которым поручено мною образование Уездных Братских Предвыборных комитетов по выборам в IV Государственную думу, долгом своим считаю и Вас лично осведомить о содержании упомянутого письма, для чего препровождаю копию с оногo. Призываю на Вас Божие Благословение, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам уважении. Архиепископ Михаил».

Отпечатано «Обращение» было на типовом бланке, и начиналось оно с обращения: «Ваше Высокопреподобие, достопочтенный о. (отец. – *В. Ч.*)». После этого следовала прямая линия, над которой вписывалось имя благочинного, который в данном случае выступал одновременно и как уездный председатель Братского Предвыборного Комитета. Большая часть документа была посвящена разъяснению целей и задач предвыборной кампании («единодушной работе в пользу интересов Святой Церкви и русского дела»), обоснованию выбора наиболее опытных благочинных в качестве председателей комитетов, а также призыву «входить в ближайшее общение и сотрудничество с русскими землевладельцами». Имелось в «Обращении» и указание на то, что «о настоящем письме я поставлю в известность и уездного предводителя дворянства» (дескать, опасаться нечего. – *В. Ч.*). Заканчивался документ следующим образом: «Призываю на Вас и Вашу деятельность Божее Благословение, благодарю Вас за понесенные уже труды, молитвенно желаю добрых успехов по объединению русских сил в уезде» [137].

Много внимания вопросам единства русского народа на предстоящих выборах в IV Думу уделялось и на страницах «Гродненских Епархиальных Ведомостей». Весьма типичной в этом отношении была опубликованная в газете статья «Иерея Н» под заголовком «В ожидании Государственной думы четвертого созыва». Начав с констатации, что IV Дума «должна быть православной и безусловно русской», ее автор, предвидя нападки на этот лозунг со

стороны «левых» и «инородцев», решительно заявлял, что «это не шовинизм и не человеконенавистничество; это только желание, чтобы инородческие племена, объединенные короной, гармонически сплелись бы в один художественный узор, подобно тому, как цветы разной окраски, связанные в букет, сливаются в один прекрасный и законченный рисунок». Считая революцию 1905 года «делом рук евреев», «Иерей Н», развивая свою мысль, заявлял: «Для иудейского же племени в этом букете не должно быть места, так как никто не желает иметь букета душистых цветов, смешанного с запахом лука и чеснока». Критикуя местного русского обывателя, читающего со смакованием левую прессу «с дикими выпадами против Правительства, Синода и духовенства, а также с эффективными призывами к свободе, равенству и братству», автор статьи призывает их не стыдиться быть русскими сейчас, когда наступает горячее время, приближаются выборы... «Много трудностей и препятствий ожидает всех нас на этом пути, но наше дело правое. И Бог поможет нам, ибо это – обязанность наша, и Преосвященный наш Архипастырь (епископ Михаил. – В. Ч.) поддержит нас своей любовью, помогут нам и другие добрые, знающие люди своими советами и указаниями» [138]. Серьезную поддержку православному духовенству оказывали и виленские печатные органы: «Русский избиратель», «Северо-Западная жизнь (Белорусская жизнь)», издаваемая Л.М. Солоневичем, а также «Вестник Виленского Св.-Духовского Братства».

Конкретная деятельность Гродненского Софийского православного братства по выборам в Думу и участие его членов в «различных событиях общественного и политического характера» получила свое освещение в отчете и самого братства за 1911 и 1912 годы. Раздел VI его был полностью посвящен этой теме. Среди наиболее важных предвыборных мероприятий назывались: 1) июньское совещание в Гродно представителей духовенства всех благочиний епархии с членами Совета братства, принявшего общую программу предвыборной деятельности, а также постановившего «провести в Государственную думу всех 7 депутатов русских и православных, не входя ни в какие соглашения с р.-католиками и евреями»; тогда же был избран Предвыборный Губернский Комитет в числе 8 членов, составивший и распространивший среди населения епархии 30 000 экз. соответствующего названия, а также в таком же количестве и «Программу» комитета, которая по своим политическим идеалам и политическим требованиям аналогична программе «Всероссийского Национального Союза»; 2) январское совещание 1912 года представителей русского землевладения Гродненской гу-

бернии, обсудившее и принявшее совместно с Советом Братства вышеупомянутую программу; 3) образование в августе 1911 года уездных предвыборных комитетов, «их согласная работа с губернским комитетом и Советом Братства»; 4) созыв особых поуездных собраний, в которых приняли участие русские землевладельцы, священники и представители братств почти всех приходов уезда. Четыре таких собрания (в Слониме, Бресте, Волковыске и Белостоке) посетил архиепископ Михаил (Ермаков) в качестве почетного попечителя всех братств епархии; 5) майский съезд в Гродно «представителей всех классов русского общества», который в течение двух дней (19 и 20 мая 1912 года) «окончательно устранил всякие поводы к разногласию и предрешил вопрос о распределении депутатских мест между горожанами, духовенством, землевладельцами и крестьянами».

В отчете Софийского братства отмечалось, что «особым напряжением отличалась работа предвыборных комитетов в июле-августе 1912 года. В частности, немало труда было положено на то, чтобы устранить могущее повредить исходу выборов разногласие избирателей относительно лиц, намечаемых в выборщики и затем в члены Государственной думы. В городе Гродно, к прискорбию, значительная часть русских избирателей уклонилась влево от патриотической братской программы (речь, по-видимому, шла о кандидатуре прогрессиста К.И. Самарина. — В. Ч.). Успех был достигнут лишь благодаря тому, что Совет Братства сосредоточил голоса на одном кандидате в выборщики путем заблаговременного заявления об отказе на организованных Братством предвыборных собраниях всех других намечавшихся кандидатов-братчиков. В других местах губернии торжеству братского дела способствовали многочисленные настойчивые обращения к православно-русским избирателям явиться на выборы и тем самым выполнить свой гражданский долг».

Своеобразной репетицией предвыборной кампании в IV Думу стало участие Братства в выборах гласных в Гродненскую городскую думу, в мероприятиях по случаю 50-летия освобождения крестьян, кончины бывшего гродненского губернатора и великого государственного деятеля, бывшего почетного члена Софийского братства П.А. Столыпина, а также в организации крестных ходов в Красностокский монастырь, в г. Брест (на место мученической кончины св. Афанасия, игумена Брестского) и к Коложанской церкви в г. Гродно. Примечательно, что 20 мая 1912 года крестьянам-представителям приходских братств, пришедшим с крестными ходами на Коложанские торжества, Совет Братства предложил трапезу, на которой

присутствовало более 500 человек. В ходе ее архиепископ Михаил обратился к братчикам с приветствием, а затем произнес здравицу «за обожаемого монарха», поддержанную громким «ура» и пением гимна «Боже, Царя храни...». Вечером того же дня «при громадном стечении народа состоялось выступление с докладом члена III Государственной думы графа В.А. Бобринского, вызвавшее огромный подъем патриотических чувств у слушателей» [139].

Почетным председателем Братства и его Совета являлся архиепископ Михаил (Ермаков). Председателем Совета в 1911 – 1912 годах был губернский врач В.В. Кошелев. Его наиболее активными членами являлись: товарищ (заместитель) председателя Н.И. Шелутинский, кафедральный протоиерей Иоанн Корчинский, уездный предводитель дворянства А.И. Ушаков, а также отставной генерал Л.Г. Ревуцкий. Именно благодаря им предвыборная кампания, да и сами выборы в IV Государственную думу прошли в губернии при высокой активности православного населения. Разумеется, что такого рода подъем среди духовенства и мирян не мог не вызвать критики со стороны их оппонентов из числа местных польских землевладельцев. Последние от имени «Братства христианской любви и справедливости» распространяли в июне 1912 года по всей губернии листовки, в которых агитационно-пропагандистская работа Софийского Православного братства называлась «позорящей само название сего общества – «братства» из-за «науськивания одной части населения на другую». Обращаясь в первую очередь к местному крестьянству, авторы данной листовки, упомянув о принадлежности католиков и православных к «одной братской славянской семье», заключали свои призывы следующими словами: «Государь скоро призовет людей, коих вы изберете к совместному тяжелому труду на пользу государства, нашей родины, наших семейств и детей! Приступая к выборам, руководитесь совестью вашей, не смотрите, православный ли, католик ли! Избирайте людей честных, сведущих, умеющих защитить бедствующих и угнетенных. Сеющих же раздор и ненависть в семье вашей спросите, почему их пошлые обвинения голословны! «Предвыборный комитет Софийского братства» не докажет вам предательства «проходимцев-католиков» в Государственной думе, потому что ничего подобного не было и быть не может! Всякой пошлости всегда сопутствуют ложь и обман! Да возродится в сердцах наших христианская братская любовь! Да восторжествует между нами правда и справедливость!».

Содержание листовки, а также неоднократное употребление слов «ложь», «неоправданная ложь», «ложь и обман» – дают осно-

вание для установления несомненной связи авторства данного издания с предвыборным журналом «Борьба с ложью» («Walkaz Klamstwem»), выходящим в Петербурге летом-осенью 1912 года и широко распространявшемся в Северо-Западном крае. Издателем журнала значился Франц Остроменцкий, а редактором – Мечислав Вицедельпес. Последние, однако, не скрывали, что за их спиной стоит крупнейший представитель польского землевладения на белорусских землях граф Игнатий-Карл Оскарович Корвин-Милевский, финансировавший выход данного издания.

Поставив своей главной целью (на началах «безусловной преданности Государю Императору», «доброжелательного отношения ко всем народам, живущим в пределах Западной России») «безобидное, мирное и постепенное объединение окраин с Центральной Россией, но не путем лжи..., а путем уравнения их с правами коренной России», издатели и авторы журнала не жалели усилий для критики местных «местных русских националистов» в лице Л.М. Солоневича, М.Е. Низяева, Н.И. Шелутинского и др. И все же основной удар этот журнал наносил по православному духовенству. В статье «Желательно ли, чтобы заседали в Думе священники, ксендзы, раввины и пасторы?» (Борьба с ложью. – 1912. – 5 сентября. – № 8. – С. 3 – 5) ее авторы, утверждая, что поскольку «роль раввина как представителя политически бесправной нации ничтожна, пастора, никогда не игравшего политической роли, – тем более, а католическому ксендзу за его якобы полонизаторскую деятельность не верят и верить не станут», все свое внимание сосредоточили на православном клире. Среди причин, привлекающих «батюшек» в IV Думу, в статье называются: 1) «возможность «выслужиться» и за «усердие» получить «поощрение, хороший приход, хорошую казенную должность»; 2) «возможность установить в стране сильно демократическую теократию», граничащую с «крайними анархическими убеждениями», ибо «при всей своей внешней смиренности все православное духовенство не только радикально, но и революционно, а потому «с точки зрения полицейской православное духовенство – самое неблагонадежное из сословий. Оно дало Глеба Успенского, Добролюбова, Чернышевского. Самой революционной частью студенчества всегда были студенты из семинаристов». Среди других «опасностей» появления большого числа духовенства в Думе в статье называлось также и то, что «чрезвычайно левые по убеждениям «батюшки» в зале заседания все-таки предпочтут занять места в его правой части, ибо привыкли руководствоваться в жизни установками Синода и принципом «чего изволитесь?». Запугав таким образом читателей журнала и самих себя, авторы статьи

заканчивают ее таким выводом: «Великое дело для спокойствия, для блага России совершил бы тот законодатель, который на дверях Таврического дворца (где проходили заседания Государственной думы. – *В. Ч.*) сумел бы написать слова: «Духовенству вход воспрещается». В своих последующих обращениях «К господам-избирателям на Литве и Белой Руси» издатели журнала неизменно говорили о своем желании «жить свободно, с безусловным сохранением нашего (польского. – *В. Ч.*) языка, нашей культуры и религии». И данный призыв как нельзя лучше отражал истинную причину не любви их к «батюшкам»: совершенно противоположные цели оппонентов по предвыборной борьбе. Если польские землевладельцы, хотя и завуалировано, «тянули» общественное мнение в сторону «независимой Польши», то православное духовенство неизменно подчеркивало, что оно «живет на земле Белой, но все-таки Руси» и борьба за эту Русь была той идейной основой, на которой и строилась вся кампания «батюшек» по выборам в IV Думу. Проиграв выборы в нее, «Борьба с ложью» в качестве печатного органа пропольски настроенных кругов края 5 декабря на своем 14-м номере прекратила свое существование, продемонстрировав слабость позиций польскости и католицизма как во всем Северо-Западном крае, так и на Гродненщине.

Трудно определенно утверждать, в какой степени православное духовенство Гродненской епархии было знакомо с этим польским петербургским журналом. Однако вполне естественно, что оно не игнорировало критику в свой адрес со стороны своих противников, тем не менее основной упор «батюшки» делали не на полемику с ними, а на решение вполне конкретных задач. В ряде номеров «Гродненских Епархиальных Ведомостей» за 1912 год были опубликованы обширные справочно-информационные материалы под рубрикой «К сведению духовенства Гродненской епархии (по выборам в Государственную думу)», в которых давались ответы на вопросы, имеющие особое значение для духовенства в плане решения в IV Думе «вопросов обеспечения духовенства, о приходе, о церковной школе и многих других». Им предшествовал тезис о том, что «в деле избрания представителей от народа в Государственную думу духовенству предоставлены широкие права, которыми оно и должно широко воспользоваться». В вышеуказанных материалах подчеркивалось, что в I, II и III Думах не все духовенство осуществило свои права. Сейчас же, говорилось в «Гродненских Епархиальных Ведомостях», «духовенство, благодаря материальному цензу: земельному, имущественному, квартирному, а также получаемому жалованию и пенсии, получившее право на обладание таким

цензом, может выступить на выборах наравне с дворянством, вообще землевладельцами и горожанами». Отмечалось, что священно- и церковнослужителям предоставлено право участвовать: 1) в съездах землевладельцев; 2) в первом съезде городских избирателей или по первой городской курии и 3) во втором съезде городских избирателей или второй городской курии. Разъяснялось, что на предварительных съездах и на съездах землевладельцев могут осуществлять свои права как по земельному цензу, так и по личному настоятели церквей и их заместители (вторые священники), и «чтобы иметь успех на съезде землевладельцев, на него нужно явиться непременно всем представителям ценза; нужно позаботиться, чтобы ни один ценз земли не оказался не зачтенным на право выбора». На первом и втором съездах городских избирателей от духовенства могли принять участие вторые священники и дьяконы, которые не могли участвовать в съездах землевладельцев по церковному или причтовому цензу, но имеющие на правах собственности определенной стоимости недвижимое имущество. Могли участвовать во втором съезде и священники, имеющие или отдельную квартиру в городских поселениях, или получающие содержание (пенсию) в пределах уезда. В съездах городских избирателей могли принимать участие законоучители разных учебных заведений, учителя духовных и церковных школ, псаломщики. Всем этим избирателям предлагалось не только обязательно явиться на выборы («для блага св. Церкви и собственного блага»), но и предварительно позаботиться и посмотреть («каждый сам о себе»), внесен ли он в избирательный список.

Далее подробно разъяснялось, что должны были сделать священно- и церковнослужители, дабы не оказаться вне этих списков. Напоминалось, что избирательные списки будут публиковаться не позднее как за четыре недели до выборов, а в течение двух недель после их опубликования «заинтересованные лица могут подавать жалобы и заявления о неправильности помещенных о них сведений в губернскую или уездную по выборам комиссию». Много внимания уделялось процедуре выборов (баллотировке шарами и записками), порядку оплаты из казны путевых издержек по поездке в губернский город на избирательное собрание («по расчету пяти копеек на версту от уездного города до губернского и обратно»). В заключение публикуемых материалов, как правило, давалось напутствие: «Духовенство не только само должно отнестись к выборам с полным вниманием, но по возможности подготовить к ним и своих пасомых, внушая им поступать в этом деле вполне вдумчиво и осторожно, предостерегая их от возможной агитации со стороны людей неблагонамеренных, не пренебрегающим для достижения сво-

их целей никакими средствами, много обещающих, но в действительности стремящихся только к своей выгоде и не на пользу родине и церкви, а во вред». И еще раз напоминалось: «Являться на выборы следует заблаговременно, так как не явившиеся к определенному часу не допускаются принимать участие в выборах и ценз их утрачивается» [140].

Наибольших успехов предвыборная работа гродненского духовенства достигла при избрании уполномоченных от волостей губернии. На волостных сходах 16 сентября 1912 года (повторные выборы при наличии нарушений почти повсеместно проводились 21 сентября) в уполномоченные ото всех уездов были избраны в подавляющем большинстве православные крестьяне. В таких уездах, как Кобринский, Пружанский и Брестский среди уполномоченных значились исключительно только православные. В Гродненском, Волковысском и Слонимском уездах из общего числа избранных в их число (132 чел.) только 10 человек являлись католиками. Лишь в Сокольском уезде соотношение православных и католиков было одинаковым, а в Белостокском преобладание было на стороне так называемых «инославных» (14 католиков и 2 лютеранина) и только 6 уполномоченных назвали себя православными. Разумеется, что такой результат во многом отражал естественный состав населения волостей и уездов губернии, но факт участия духовенства был вполне очевидным. Большинство земских начальников, исправников и уездных предводителей дворянства в своих рапортах о результатах выборов доносили губернатору не только о том, что «выборы на волостных сходах прошли правильно, спокойно и тихо», но и о том, что «во всех волостях перед сходами были отслужены благодарственные Богу молебны». Как итог проделанной работы в этих рапортах преобладали следующие строки: «Все избранные в уполномоченные лица – корректных, правых направлений (националисты, монархисты, члены «Союза Русского народа»), солидные домохозяева». Около половины уполномоченных являлись волостными старшинами, сельскими старостами, членами волостного суда и др. О преобладании лиц православного вероисповедания среди должных лиц волостных правлений свидетельствуют следующие данные: из 21 волостных старшин только 4 были католиками; из 320 сельских старост католиков значилось 98; из 84 председателей волостных судов католиками было 20, из 28 судебных заседателей католиков было 7, а из 179 сборщиков волостных правлений лишь 42 были отнесены к католикам. Общее соотношение должностных лиц волостных правлений Гродненского уезда по вероисповедальному составу составляло: 473 православных и 171 католик.

Данный аспект выборов нашел свое отражение в одном из писем гродненского губернатора В.М. Борзенко (от 31 декабря 1912 года) министру внутренних дел А.А. Маклакову: «Среди крестьянского населения наблюдалось стремление каждого из лиц, имеющих право участия в выборах, попасть в Государственную думу, на что указывает то обстоятельство, что на каждом из волостных сходов кандидатура на избрание в уполномоченные от волостей выставлялась целым рядом лиц, включая и духовенство, причем успех оставался на стороне тех, кто пользовался на месте известным влиянием, вследствие чего в число уполномоченных попали большею частью должностные лица крестьянского самоуправления». Необходимо учитывать и следующее обстоятельство: в тогдашних условиях сельской жизни контакты вышеупомянутой категории должностных лиц с церковными старостами, приходскими комитетами, а они, как правило, входили в их состав, а также с настоятелями церквей, приходскими священниками и церковнослужителями (псаломщиками) были наиболее тесными. Священники не только благословляли волостные сходы на успешную работу, но и подчеркивали «важность принимаемых ими решений, а потому внимательно следили за тем, чтобы при проведении сходов строго соблюдалось «Положение о выборах». Так, например, по жалобе священника Изабелинской церкви Евстафия Михайловского были отменены выборы уполномоченных местного волостного схода из-за отсутствия на нем двух третей его численного состава. Приходские священники лучше других знали нравственный облик прихожан, а потому рекомендовали для избрания в уполномоченные «людей достойных и непорочных». Они обращали внимание местного начальства и на так называемую «благонадежность» избираемых. Примером этому могут служить строки из рапорта слонимского уездного исправника от 20 сентября 1912 года на имя начальника губернии: «В дополнение к рапорту от 17 сентября сего года доношу Вашему Превосходительству, что Голынковский священник Александр Пилинкевич лично сообщал мне, что будто бы во время выборов уполномоченных от Старовесского волостного схода один из присутствовавших на выборах крестьянин польского происхождения подсказывал бывшим рядом с ним крестьянам выбирать в уполномоченные Ивана Кармана, который и был избран. Сей Карман, по отзывам священника, хотя и православный, но расположен к католичеству, и при удобном случае порицает православную веру. От лиц же, участвовавших в этих выборах, заявлений на эту тему ко мне не поступало» [141].

Большую ответственность и организованность проявило местное духовенство при проведении предварительных съездов настоя-

телей православных церквей всех уездов губернии. Из отчета председателевавшего 19 сентября 1912 года на такого рода съезде в г. Гродно протоиерея Иоанна Корчинского следовало, что «из общего числа 35 внесенных в списки настоятелей православных церквей Гродненского уезда явилось в съезд 35 человек». Стопроцентная явка на предварительные съезды настоятелей церквей была характерна для всех уездов без исключения. На основании «Баллотировочных списков», к примеру по Волковысскому уезду, можно судить о высокой активности духовенства при выдвижении своих 10 представителей для участия в съезде крупных землевладельцев уезда. Из 11 священников, участвовавших в баллотировке, в число избранных вошли лица «с наиболее выраженной позицией по отношению к выборам, весьма энергичного возраста; размер земельного ценза присутствовавшими на съезде мало учитывался». Среди избранных для участия в съезде землевладельцев оказались священники: 1) Владимир Слаута (Свислочская церковь), 42 лет, число баллов избирательных 25? неизбирательных 9; 2) Феодор Павлович (Межеречская церковь), число баллов, соответственно, 26:8; 3) Николай Тиминский (Левшовская церковь), 37 лет, число баллов 25:9; 4) Николай Драгун (Порозовская церковь), 49 лет, число баллов 24:10; 5) Иосиф Янковский (Зельвенская церковь), 61 год, число баллов 27:7; 6) Евстафий Михайловский (Изабелинская церковь), 64 года, число баллов 27:7; 7) Владимир Занкевич (Волковысская Петро-Павловская церковь), 46 лет, число баллов 24:10; 8) Аркадий Самойлик (Росская церковь), 44 года, число баллов 28:6; 9) Николай Протасевич (Ивашкевичская церковь), 51 года, число баллов 30:4 (самый высокий балл. – *В. Ч.*); 10) Алексей Страшкевич (Скидельская церковь), 35 лет, число баллов 26:8. Примечательно, что не попал в это заветное число священник Яловской Александроневской церкви Николай Митропольский, 33 лет, имевший самый высокий среди всех настоятелей уезда ценз 193 десятины земли. Число его баллов было следующим: 15 избирательных и 19 неизбирательных. Съезд русских землевладельцев Волковысского уезда избрал двух выборщиков для участия в губернском съезде: священника Владимира Занкевича (10 баллов – за, 6 – против) и городского судью из г. Гродно Николая Янковского (19 баллов – за, 7 – против). Выборщиками от волостных сходов этого же уезда на губернский съезд были избраны православные крестьяне О.О. Пилавский, И.И. Балейко и В.М. Яковчук [142]. Всего же от волостей губернии в этом собрании участвовало 38 человек.

Согласно официальной статистике, в выборах в Государственную думу IV созыва на территории Гродненской губернии (по 9 е

уездам – Гродненскому, Брестскому, Белостокскому, Бельскому, Волковысскому, Кобринскому, Пружанскому, Слонимскому и Сокольскому) приняло участие 8969 избирателей. В их числе было 356 настоятелей православных церквей. Вроде бы немного, но в сравнении с количеством настоятелей других церквей (католической, лютеранской, иудейской, магометанской и др.) – 66, это в пять с лишним раз больше всех их вместе взятых, да и возможностей для воздействия на избирателей у православных священников были намного больше. Не случайно преобладающим был удельный вес православных лиц и духовенства и среди выборщиков, принявших 18 октября 1912 года участие в выборах депутатов Государственной думы на Гродненском губернском избирательном собрании. Вот некоторые цифры, подтверждающие это. Всего в избирательном собрании приняло участие 107 выборщиков, в их числе по сословиям: дворян – 26, духовного звания – 22, почетных граждан – 1, купцов – 9, мещан – 5, крестьян – 41, остальных – 3; по вероисповеданию: православных – 72, протестантов (разных исповеданий) – 1, католиков – 19, иудеев – 15; по политическим направлениям: правых – 55, умеренных – 1, левых – 21, неизвестных – 30; по национальности (на основании родного языка): великороссы – 19, малороссы – 11, белорусы – 47, немцы – 1, поляки – 14, евреи – 15; по профессии и роду занятий: государственных служащих – 14, представителей общественных и сословных учреждений – 28, православных священников – 20, представителей вольных профессий – 4, домовладельцев – 11, представителей прочих профессий – 4, ремесленников и фабричных рабочих – 2 (см. подчеркнутое нами. – В. Ч.). Таким образом, в числе так называемых правых число священников было преобладающим [143].

Кроме ранее названных лиц духовного звания, активное участие на всех этапах выборов в Государственную думу принимали следующие священники Гродненской епархии: Владимир Карский, Сергей Товаров, Антоний Сакович, Петр Рожанович, Константин Никольский, Иоанн Михайловский, Константин Карпинский, Яков Гришковский, Иосиф Гушкевич, Василий Чулков, Стефан Жуковский, Иоанн Калинин, Василий Красковский, Илья Ольховский, Григорий Скорковский, Николай Сobotковский, Константин Таранович, Василий Костыщевич, Симеон Бегаллович, Алексей Ральцевич, Петр Рожанович, Петр Котарь, Виктор Ральцевич, Феодор Дружиловский, Александр Лечицкий, Иосиф Будилович, Хрисанф Левицкий, Владимир Жиромский, Владимир Давидович, Виталий Лукашевич, Петр Кречетович, Владимир Беленич, Иоанн Пашкевич, Василий Врублевский, Александр Ральцевич, Георгий Бондарук, Петр

Зенкович, Стефан Кальвин, Гавриил Беневицкий, Наркис Верниковский, Александр Гележа, Владимир Зноско, Иннокентий Ковалевский, Стефан Ковалевский, Константин Константинович, Савва Кульчицкий, Марк Костенчик, Владимир Львов, Антоний Латышенков, Пахомий Мартынюк, Петр Мезит, Василий Неклюдов, Александр Пашкевич, Николай Пашин, Платон Пигальский, Сергей Покровский, Антоний Савич, Николай Смирнов, Владимир Соловьевич, Владимир Соловьев, Андрей Судилковский, Иоанн Щербинский, Феодор Яржембский и другие [144].

Весьма примечательно, что один из названных священников (Яков Гришковский) в результате выборов стал депутатом Государственной думы IV созыва. В анкете, заполненной отцом Яковом сразу же после избрания в депутаты, было записано следующее: «Протоиерей Гришковский Яков Игнатъевич, сословия духовного, православный, 48 лет, окончил Литовскую духовную семинарию, настоятель собора в г. Соколке и благочинный, по национальности русский, избран от съезда землевладельцев Сокольского уезда, число голосов: избирательных 60; неизбирательных 46, избран в депутаты Государственной думы впервые». Более полную характеристику будущему депутату дал архиепископ Гродненский Михаил: «Отец Протоиерей Яков Гришковский, 48 лет, сын священника, окончил в 1885 году Литовскую духовную семинарию, в 1888 году рукоположен в священники. Состоял священником Кобринской соборной церкви и Кобринским уездным наблюдателем. С 1902 года – настоятель соборной церкви г. Соколки, Сокольский благочинный, председатель Сокольского уездного епархиального училищного совета. Является депутатом от духовенства в местном городском управлении, законоучителем городского 4-классного училища и частной женской прогимназии. По своим политическим убеждениям о. протоиерей Яков Гришковский – правый русский националист. На всех местах своей службы он пользовался добрым вниманием общества, заметным значением в оном и искренними симпатиями как ревностный, добрый и учительный пастырь и полезный общественный деятель. Недвижимого имущества ни он, ни жена его не имеют. Во время выборов состоял по моему избранию председателем Сокольского уездного братского комитета по выборам в IV Государственную думу».

Кроме священника Якова Гришковского, в Государственную думу IV созыва от Гродненской губернии прошли: крестьяне П.Д. Песляк, В.Ф. Сидорук, Т.Я. Тарасевич, предводитель Брестского уездного дворянства П.А. Сафонов, землевладелец А.А. Ознобишин и член Гродненского окружного суда Ф.И. Лошкейт. Все они являлись православ-

ными христианами, а потому на протяжении всей избирательной кампании получали от духовенства необходимую помощь и поддержку. Последнее прямо или косвенно подтверждают и биографические материалы вновь избранных членов Государственной думы.

Из «Анкеты члена Государственной думы от Гродненской губернии» П.Д. Песляка, составленной собственноручно: «Песляк Павел Демьянович, крестьянин, православный, 39 лет, грамотный, по национальности русский, волостной старшина Шилковичской волости Слонимского уезда, избран от съезда уполномоченных от волостей по абсолютному большинству голосов: избирательных – 63; неизбирательных – 43; постоянное место жительства – деревня Браково Шиловичской волости, избран в Государственную думу впервые. Характеристику П.Д. Песляка составил слонимский уездный предводитель дворянства на основании сведений, полученных им от земского начальника 5-го участка, в котором находилась Шиловичская волость: «П.Д. Песляк происходит из крестьян Шиловичской волости Слонимского уезда деревни Браково. Родился 9 января 1873 года. Образование получил в народном училище и впоследствии был учителем в школе грамоты. Служил по выборам в трех должностях: судьей волостного суда – одно трехлетие; председателем волостного суда – тоже три года; волостной старшина с 1909 года. Как староста он был всегда исполнителен, обязанности свои знал и исполнял их порядочно; дисциплинарным взысканиям не подвергался. Со стороны крестьян отношение к нему хорошее, и жалоб на действия его поступало мало; при расследовании же их все они оказывались неосновательными. Особым влиянием на крестьян Песляк не пользовался. Ни к каким партиям не принадлежит, но по убеждению своему правый, националист, как он сам заявил об этом в одном из номеров газеты «Северо-Западная Жизнь». Песляк является убежденным чисто русским и правым и взглядов этих не изменит. В предвыборной агитации Песляк не участвовал. Человек он бедный, имеет семью, состоящую из жены и двух детей, владеет одной четвертью участка земли. В заключение считаю нужным добавить, что единственным недостатком Песляка является его любовь к спиртным напиткам, но это обстоятельство на его служебной деятельности не отражается».

Из «Анкеты члена Государственной думы от Гродненской губернии» В.Ф. Сидорука: «Сидорук Василий Филиппович, крестьянин, православный, 39 лет, окончил народное училище, хлебопашец, по национальности русский, председатель волостного суда Подольской волости Кобринского уезда, избран от съезда уполномоченных от волостей; число поданных голосов: избирательных – 67, неизбирательных – 37, постоянное место жительства – деревня Остро-

меч Кобринского уезда, избран в Государственную думу впервые». «Сведения об избранном в члены Государственной думы от Гродненской губернии В.Ф. Сидоруке» составил 30 октября 1912 года кобринский уездный предводитель дворянства: «Сидорук Василий Филиппович, крестьянин (из бывших помещичьих) деревни Остромеч, того же общества Подольской волости Кобринского уезда, православного вероисповедания; родился 22 марта 1873 года в деревне Остромеч, окончил курс народного училища; при призыве на военную службу был зачислен в ратники ополчения 1-го разряда, учебные сборы отбывал в 1895 и 1897 годах; женат первым браком на крестьянке д. Остромеч Марии Давыдовой Кондрашук, 41 года от роду; имеет сыновей: Степана – 16 лет, Трофима – 14 лет и дочь Пелагею – 12 лет; жена и дети вероисповедания православного.

После смерти отца, владевшего целым надельным участком в 11 десятин земли, Василию Сидоруку по разделу досталась 1/3 участка в д. Остромеч мерою в 7 дес. Кроме того, он имеет благоприобретенный участок земли в 4 дес. в той же деревне, а также хутор в 13 дес. земли, купленный в 1908 году из имения Плянты – владения Крестьянского поземельного банка. Покупная стоимость хутора – 2509 руб. Долг банку в настоящее время составляет около 1800 руб. Сидорук постоянно проживает в д. Остромеч, всю землю обрабатывает лично.

С 1899 года Сидорук занимает должности по крестьянскому управлению: первоначально в течение трех лет состоял смотрителем общественного хлебозапасного магазина, с 1902 года, в течение двух лет являлся волостным судьей, с 1904 года в течение двух трехлетий был волостным старшиной, а с 1910 года и по настоящее время служит председателем волостного суда; в 1909 году Сидорук назначался уполномоченным от волости для избрания членом землеустроительной комиссии. Как председатель волостного суда в 1911 году Высочайше был награжден нагрудной серебряной медалью с надписью «За усердие».

К политическим партиям Сидорук не принадлежал и не принадлежит, но по политическим взглядам его следует считать правым; среди местного населения пользуется доверием и уважением. Состоя в должности волостного старшины, в период 1905 – 1906 годов имел огромное влияние на крестьян, сдерживая их от выступлений по аграрным вопросам. Как должностное лицо аттестован начальством хорошо. Предвыборной агитацией не занимался и на выборах ничем не выделялся».

Депутат Т.Я. Тарасевич в своей анкете написал следующее: «Тарасевич Тимофей Яковлевич, крестьянин, православный, 51 года,

окончил народное училище, хлебопашец, по национальности русский, волостной старшина Ново-Березовской волости Бельского уезда, избран от съезда уполномоченных от волостей; число голосов: избирательных – 70, неизбирательных – 34; постоянное место жительства – деревня Ново-Березово, в Государственную думу избран впервые». 30 октября 1912 года бельский уездный исправник дал ему весьма лаконичную характеристику: «Крестьянин Т.Я. Тарасевич состоял одно трехлетие сельским старостой, управлял хорошо делами приходской церкви, а ныне состоит в должности волостного старшины; владеет 1-й с четвертью участка крестьянской надельной земли; ни к каким политическим партиям не принадлежит, влияния на месте никакого не имеет и в предвыборной агитации участия не принимал».

Из «Анкеты члена Государственной думы от Гродненской губернии» П.А. Сафонова: «Сафонов Петр Африканович, 34 лет, потомственный дворянин, коллежский асессор, православный, окончил Александровское военное училище, род занятий – государственная служба, русский, уездный предводитель дворянства Брестского уезда, состоял выборщиком от 2-го съезда городских избирателей по г. Бресту; число полученных голосов: избирательных – 60, неизбирательных – 46, прошел в депутаты по абсолютному большинству голосов; постоянное место жительства – г. Брест, в Государственную думу избран впервые». Характеристика на П.А. Сафонова была подготовлена губернским предводителем дворянства Н.Г. Неверовичем: «Коллежский асессор Петр Африканович Сафонов родился 13 ноября 1877 года, происходит из потомственного дворянства Орловской губернии; образование получил в Александровском военном училище, по окончании которого с 1898 по 22 января 1902 года проходил военную службу в 116 пехотном Малоярославском полку, из которой зачислен в запас армии с чином поручика. По выходе из военной службы последовательно занимал должности: крестьянского начальника 2-го участка Курчанского уезда, земского начальника 7-го участка Ново-Александровского уезда, земского начальника 3-го участка того же уезда и Брестского уездного предводителя дворянства. В 1905 году г-н Сафонов был призван вновь на военную службу, из которой был уволен в запас армии в 1909 году с производством в чин штабс-капитана. Г-н Сафонов является человеком энергичным, в высшей степени деятельным и со стойкими убеждениями. По своим политическим взглядам он принадлежит к числу правых националистов. Г-н Сафонов является знатоком крестьянского дела и вопроса о взаимоотношениях отдельных групп местного населения. Во время выборов в IV

Государственную думу принимал живое участие в деятельности правых организаций. Женат, имеет двоих детей. Никаким недвижимым имуществом ни он, ни его жена не владеют».

Из «Анкеты члена Государственной думы от Гродненской губернии» А.А. Ознобишина: «Ознобишин Алексей Александрович, 43 лет, дворянин, статский советник, православный, русский, окончил Императорское училище правоведения, род занятий – сельское хозяйство, почетный мировой судья Гродненского уезда, камер-юнкер Высочайшего двора, избран от съезда землевладельцев Гродненского уезда; число голосов: избирательных – 64, неизбирательных – 42; ценз – земля 539 десятин, в Государственную думу избран впервые». Характеристика на А.А. Ознобишина была составлена гродненским уездным предводителем дворянства А.И. Ушаковым: «Избранный членом Государственной думы камер-юнкер Двора Его Величества, статский советник Алексей Александрович Ознобишин родился и детство свое провел в деревне, ведет тихий и скромный образ жизни, характера уживчивого, холост. Получил высшее образование в Императорском училище правоведения, по окончании которого занимал последовательно должности: участкового мирового судьи по Витебской губернии, уездного предводителя дворянства, а затем вице-губернатора в Гродне. Последнюю должность он оставил лет 6 – 7 тому назад, после чего отдался исключительно сельскому хозяйству и никакой видной роли ни в политической, ни в общественной деятельности не проявлял. Ровным образом не принимал и активного участия в бывшей предвыборной агитации, но в то же время с живым интересом и полным сочувствием относился к программам и деятельности правых организаций.

Будучи широко известен населению губернии как бывший более 6 лет администратор и как сравнительно крупный землевладелец, ведущий культурное хозяйство, он пользуется во всех общественных слоях репутацией человека в высшей степени отзывчивого, образованного, беспристрастного и имеющего за собой разносторонний жизненный опыт.

Такие положительные качества господина Ознобишина были учтены во время бывшей предвыборной компании и оценены по достоинству русским обществом и особенно православным духовенством, стараниями которого, главным образом, он и был проведен в члены Государственной думы (подчеркнуто нами. – В. Ч.). Живет господин Ознобишин постоянно в Гродненском уезде, в своем имении Новая Квасовка, в котором и ведет сам личное хозяйство. Имение это, заключающее в себе разного рода земли в 539 десятин, досталось ему по наследству от отца; другого имущественного обес-

печения г-н Ознобишин не имеет».

Из «Анкеты члена Государственной думы от Гродненской губернии» Ф.И. Лошкейт: «Лошкейт Федор Иванович, 67 лет, потомственный дворянин Гродненской губернии, действительный статский советник, член Гродненского окружного суда, православный, русский, окончил Гатчинский Николаевский институт, избран от съезда землевладельцев Белостокского уезда; число голосов: избирательных – 77, неизбирательных – 31, прошел абсолютным большинством голосов, постоянное место жительства – г. Гродно, Песочная улица, дом Адольфа; ценз – земля в Белостокском уезде (262 дес.) по уполномочению жены Натальи Григорьевны Лошкейт, избран в Государственную думу впервые». Характеристику на Ф.И. Лошкейта составил 26 октября 1912 года председатель Гродненского окружного суда А.А. Степанов: «Член Гродненского окружного суда, действительный статский советник Федор Иванович Лошкейт происходит из потомственных дворян Гродненской губернии. Родился 3 октября 1845 года от родителей православного вероисповедания. По окончании полного курса наук в специальных классах Гатчинского Николаевского сиротского института с правом на чин XIV класса определен в штат канцелярии Минского губернатора 5 декабря 1864 года, а затем 1 июля 1866 года был перемещен на должность младшего помощника надзирателя 1-го округа акцизного управления Минской губернии. 18 сентября 1875 года перешел на службу по ведомству Министерства юстиции с назначением судьей Тельшевского округа Ковенской губернии, а с 10 января 1884 года назначен председателем съезда мировых судей 2-го округа Келецкой губернии. С 27 июля 1910 года состоял в должности члена Гродненского окружного суда.

Имея общих знакомых с Лошкейтом среди судебного ведомства, я давно осведомлен относительно его личных и служебных качеств, а также образа мыслей, а потому представляю решительное ручательство в его полной благонадежности как в отношении его нравственных качеств, так и в отношении его политических взглядов и стремлений. Он человек до последней степени беспартийный, и потому до дня избирательного собрания он оставался в стороне от подготовительных мер, предпринимавшихся партиями. По Гродненской губернии ему казалось все предрешенным относительно личного состава членов IV Государственной думы, а потому он смотрел на губернское избирательное собрание как на соблюдение формальности для признания членами Думы намеченных лиц. Работа же собрания и борьба на нем партии поставили в необходи-

мость от выборщиков класть шары лицам, которые не планировались для проведения в Думу, и вот благодаря этому Лошкейт и был выбран наибольшим числом голосов, а результаты голосования по его кандидатуре были встречены аплодисментами.

Сам Лошкейт безразлично относился к выборам и в какой-либо агитации не участвовал; на предвыборном собрании был всего один раз (в архирейском доме) по настоянию духовенства (подчеркнуто автором. – В. Ч.). До настоящего времени Лошкейт, если и интересовался делом выборов в Государственную думу, то только потому, что до дня его избрания в члены Думы он состоял членом Гродненской губернской по делам о выборах в Государственную думу комиссии по определению общего собрания отделений Гродненского окружного суда».

Характеристики на вновь избранных депутатов IV Думы после небольшой доработки со стороны губернатора В.М. Борзенко 20 ноября 1912 года были отправлены в МВД. Впрочем, эти дополнения касались характеристик лишь двух депутатов: священника Якова Гришковского и члена Гродненского окружного суда Ф.И. Лошкейта. К характеристике священника губернатор добавил следующее: «Пользуется уважением не только среди прихожан и духовенства, но даже и среди иноверцев». Что же касается второго, то здесь дополнение значительно расширяло значимость той помощи, которая была оказана члену окружного суда со стороны местного духовенства: «...Не обладая личным имущественным цензом, он не был внесен в избирательные списки, и только по настоянию Предвыборного комитета при Софийском православном братстве он получил от жены доверенность и был внесен в избирательные списки уже после опубликования их».

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что Ф.И. Лошкейт получал помощь от православной общественности в полном объеме и что последняя в пылу предвыборной борьбы совершенно не обратила внимания на то, что последний вел двойную игру: за внешней «благонадежностью» чиновника были тщательно замаскированы его либерально-прогрессистские устремления, которые и раскрылись в полной мере в бытность его уже депутатом Думы. На это незадолго до выборов обратил внимание белостокский губернский исправник. В его рапорте от 29 сентября 1912 года на имя губернатора были следующие строки: «На съезде землевладельцев русской национальности, который проходил 28 сентября в Белостоке, были избраны выборщиками в Гродненское губернское избирательное собрание три человека: священник Заблудовской церкви

Василий Васильевич Чулков, отставной генерал Владимир Францевич Мицеловский и член Гродненского окружного суда Федор Иванович Лошкейт; все трое – православные, но если первые два – правые, то партийность третьего неизвестна...» [145]. Однако губернатор В.М. Борзенко и Предвыборный комитет Софийского братства на данное обстоятельство не обратили внимания. Впрочем, не исключено, что даже узнав о двуличии Лошкейта, в ходе собрания они уже не могли что-либо изменить, да и прогрессистские наклонности самого старшего по возрасту гродненского депутата проявились в Думе не сразу. Тем не менее, забегая вперед, необходимо отметить, что после прихода к власти Временного правительства старания Лошкейта были вознаграждены назначением его после упразднения института губернаторов гродненским губернским комиссаром. Свои обязанности последнему приходилось исполнять в тяжелых условиях нахождения всех губернских учреждений Гродненской губернии (после захвата ее кайзеровскими войсками) в г. Калуге [146].

Несмотря на этот просчет на выборах, гродненские депутаты усилили правый лагерь Государственной думы, основу которого составили представители православного духовенства. Только из северо-западных и юго-западных губерний России депутатами IV Государственной думы стали 16 священников (Виленская губерния – В.П. Юзьвюк; Витебская – Ф.И. Ольховский; Волынская – священник И.К. Карпинский и епископ Кременецкий Никон; Гродненская – Я.И. Гришковский; Киевская – А.Л. Трегубов; П.Г. Населенко; Люблинская и Седлецкая – А.С. Будилович; Минская – К.М. Околович, И. Якубович; Подольская – В.И. Попов, К.Н. Рудич, Ф.Д. Филоненко, Г.Т. Маньковский; Полтавская – И.Д. Дроздовский; Черниговская – И.В. Борзаковский. Не представила ни одного священника в Думу Могилевская губерния, но большинство из ее депутатов являлись по своим политическим взглядам правыми [147].

Государственная дума IV созыва начала работу 15(28) ноября 1912 года. Из 442 ее депутатов к числу русских националистов и умеренно правых отнесли себя 120 человек, к правым – 65. Этого количества было вполне достаточно, чтобы вместе с октябристами (98 чел.) принимать законы, направленные на благо России. Однако неопределенность и шаткость политики последних, их заигрывание с либералами-кадетами и левыми серьезно ослабляли правый блок. Депутаты от 5 западных (белорусских) губерний, включая и Виленскую, в соответствии со своими политическими убеждениями распределились в Думе следующим образом. Фракцию правых составили: Г.Г. Замысловский, В.П. Юзьвюк, К.М. Околото-

вич, В.А. Якубович. Депутаты А.И. Мухин, И.Ф. Половцев, С.Р. Кириллов, С.Ф. Ольховский, П.М. Шмаков, И.Ф. Малайчук, С.Н. Сорнев, И.А. Папа-Афанасопуло, Г.А. Лашкарев, А.П. Фотинский, К.А. Смян, М.Г. Воробьев, А.А. Радкевич, В.С. Бочков, К.Ф. Томашевич, С.Д. Вербило, Н.Н. Ладомирский примкнули к фракции русских националистов и умеренно-правых. В эту же фракцию почти в полном составе (Ф.И. Лошкейт стал прогрессистом) вошли и гродненские депутаты А.А. Ознобишин, П.А. Сазонов, Я.И. Гришковский (фамилии депутатов-священников подчеркнуты нами. – В. Ч.), Т.Я. Тарасевич, В.Ф. Сидорук и Песляк. Последний думал перейти к трудовикам, полагая, что «трудовики – это те, кто трудится», но, познакомившись с ними и узнав, что «трудовики ничего не имеют против расселения евреев по селам», он опять возвратился к правым. Близки к ним были и вошедшие в фракцию центра депутаты Н.Н. Евреинов, Б.А. Энгельгард, В.С. Дрибинцев. Отдельную группу создали в Думе польские землевладельцы и католические ксендзы В.И. Баньковский, С.Г. Мацеевич, Л.С. Путткамер, Б.И. Свенцицкий, М.Е. Циунелис. Таким образом, 30 из 36 депутатов 5 западных губерний примкнули к правому блоку. Сплачивали их 4 православных священника [148]. Правое большинство депутатов, включая и гродненских, на протяжении всего периода существования IV Думы не жалели своих усилий для сохранения в стране стабильности, но их действия оказались безуспешными.

Изучение участия православного духовенства Гродненской епархии в выборах в IV Государственную думу позволяет сделать вывод о его значительной роли в формировании у выборщиков будущих депутатов общерусского самосознания, что и позволило одержать убедительную победу на заключительном этапе избирательной кампании 1912 года.

3.8. АРХИЕПИСКОП ГРОДНЕНСКИЙ МИХАИЛ ЕРМАКОВ (1862 – 1929): НОВЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Работы последних лет, посвященные истории Гродненской епархии, касались жизни и церковного служения ее правящих архиереев, не выходя за узкие рамки «кратких исторических справок». Данное заключение в полной мере относится и к жизнеописанию Высокопреосвященнейшего архиепископа Гродненского (в последние годы жизни – митрополита Киевского и Галицкого, экзарха

Украины) Михаила Ермакова. Думается, что трех страничек текста, составленного на основании краткой информации о владыке, помещенной в «Гродненских Епархиальных Ведомостях» накануне приезда на местную кафедру, да кратких характеристик, данных ему епископом-викарием Владимиром Тихоницким и чиновником С.Н. Цветковым, слишком мало для того, чтобы составить даже общее представление о святителе, управляющем епархией в самые драматические периоды истории страны и края. На пору служения владыки выпали не только годы русско-японской войны и общественных потрясений 1905 – 1907 годов, но и нелегкое дело создания «Русского Национального Союза Гродненской губернии», активное участие в выборах «надежных депутатов» в состав Государственной думы IV созыва и Государственного совета в 1912 году, широкое храмостроительство, духовное окормление жителей и защитников города-крепости Гродно в 1914 – 1915 годах. Эти и другие события из жизни Гродненской епархии и ее правящего архиерея лишь совсем недавно получили свое освещение в новейших исследованиях автора этих строк [149]. Сейчас появилась возможность рассказать о последних годах жизни и духовного служения святителя, а также о редких архивных документах, при рассмотрении которых владыкой Михаилом проявилась одна из замечательных черт его характера и пастырства – борьба за чистоту Православия.

Митрополит Михаил Ермаков родился 31 июля 1862 года в г. Петербурге в офицерской семье и наречен был при Св. крещении Василием во имя Блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. Низшее и среднее образование он получил в ремесленном и реальном училищах г. Киева. По окончании курса реального училища в 1881 г. Василий Ермаков, имевший призвание к служению Церкви, по совету известного своими толкованиями Евангелия ректора Киевской Духовной академии епископа Михаила (впоследствии епископа Курского) поступил в 5-й класс Киевской Духовной семинарии. По окончании семинарского курса со званием студента Василий Ермаков в 1883 году поступил в Киевскую Духовную академию, которую окончил в 1887 году со степенью кандидата богословия. 19 июня того же года он был пострижен в монахи с именем Михаил (вероятно, в память Преосвященного Михаила Курского), а 28 – 29 июня того же года монах Михаил был рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В сентябре 1887 года иеромонах Михаил был назначен преподавателем Священного Писания в Киевской Духовной семинарии, а в декабре 1888 года переведен из Киева на должность инспектора Орловской Духовной семинарии. В августе 1890 года иеромонах Михаил был назначен

исполняющим должность инспектора С.-Петербургской Духовной академии, а через год, в декабре 1891 года, утвержден в этой должности с возведением в сан архимандрита. В январе 1893 года он был назначен на должность ректора Могилевской Духовной семинарии, а в октябре того же года был переведен на такую же должность в Волынскую Духовную семинарию, где и оставался до 24 декабря 1898 года, когда состоялось и было утверждено определением Святейшего Синода о бытии архимандрита Михаила епископом Новгород-Северским, викарием Черниговской епархии.

Наречение ректора Волынской семинарии архимандрита Михаила во епископа состоялось в С.-Петербурге 29 января 1899 года. При наречении архимандрит Михаил произнес речь, в коей выразил свое благоговейное преклонение пред промыслительною волею Божию, направившею его на служение Св. Церкви, очертил трудность и ответственность епископского служения, а также опасность уклонения в этом служении в равнодушие и леность, высказал свою готовность со всем усердием понести бремя архиерейских трудов и закончил свою речь знаменательными словами: «Азь же есмь раб Господень отныне и до века и на всех местах моего служения, до конца дней, до последнего остатка моих сил, со всем усердием потщуся творить волю Божию, во славу Св. Церкви, во спасение свое и ближних».

Хиротония архимандрита Михаила во епископа совершена была в воскресенье 31 января 1899 года в Исаакиевском Соборе г. Санкт-Петербурга. Его совершал Великий Собор Иерархов: Иоанникий, митрополит Киевский и Галицкий, тогда первенствующий член Святейшего Синода; Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский; Владимир, митрополит Московский и Коломенский; Феогност, архиепископ Новгородский и Старорусский; Димитрий, архиепископ Тверской и Кашинский, присутствовавший в Святейшем Синоде епископ Гурий; Никанор, епископ Орловский и Севский; Николай, епископ Таврический и Симферопольский, и Иоанн, епископ Саратовский и Царицынский. Литургию совершал митрополит Антоний в сослужении с новохиротонисанным епископом Михаилом. По окончании Божественной Литургии Высокопреосвященный Антоний вручил епископу Михаилу посох и произнес речь на апостольское чтение того дня о средоточии архиерейской проповеди – о Господе Иисусе Христе.

Сравнительно недолго пробыл Преосвященный Михаил в Черниговской епархии викарием. Его административные способности были известны высшей церковной власти, и уже в 1902 году он стал правящим епископом Омским и Семипалатинским, где ознаменовал свое служение архипастырскими посещениями разбросанных на огромном про-

странстве епархии приходов и миссионерской деятельностью.

В 1905 году Преосвященный Михаил был переведен на Гродненскую кафедру, каковую привел в образцовое состояние. Здесь он получил в 1912 году сан архиепископа и отсюда вместе со всей епархией должен был в 1915 году эвакуироваться в Москву и другие местности России. В Москве он проявлял большие заботы о священниках Гродненской епархии и в образцовом порядке держал весь административный аппарат епархиального управления, всегда готовый вернуться в Гродно и приступить к восстановлению нарушенной войною епархиальной жизни. Он проживал в митрополичьих покоях Чудова монастыря и весьма часто служил в московских храмах, особенно на Мясницкой улице, где служили эвакуированные гродненские священники. Его священнослужение было так благолепно, что самые видные храмы Москвы по просьбе их причтов видели архиепископа Михаила священнодействующим в них. Один из священников, дважды удостоившийся служить владыке Михаилу – в Большом Успенском Соборе в Кремле и в Вознесенском женском монастыре того же Кремля, впоследствии отмечал, что «память об этом сослужении не изгладится у него до конца дней».

В Москве застала владыку Михаила революция. Пришлось оставить Кремль и ютиться по разным обителям и частным квартирам. Но недаром владыка Михаил говорил в своей речи при наречении во епископа, что «в совершении и причащении Святых Тайн Тела и Крови Христовых заключается такой источник сладости и утешения, пред которыми ничтожны и мелки все опасности, страдания и скорби сей временной жизни». Частые службы были для него единственным утешением в скорбной жизни после революции. Очевидцы со слезами на глазах рассказывают, как почти 60-летний старец владыка Михаил шествовал по Москве во храм на Мясницкой улице, неся на себе тяжелый узел с архиерейским облачением и некоторыми принадлежностями архиерейского служения... Святейший Патриарх Тихон видел жизнь в Боге и выдающуюся ревность к служению в смирении владыки Михаила и возвел его в сан митрополита. Но вскоре после этого трудно и даже невозможно стало жить в Москве, и митрополит вынужден был ютиться в деревнях по крестьянским хатам, уча, утешая и ободряя верующих, вкушал трапезу вместе со своими хозяевами. Рассказывают, что хозяйки предлагали кушать ему на отдельных тарелках, но митрополит неизменно отклонял эти предложения и ел из одной со всеми глиняной миски...

В 1922 году (по некоторым источникам, в 1924) Святейший Тихон назначил митрополита Михаила своим экзархом на Украине,

и владыка отправился в Киев, чтобы урегулировать течение тамошней церковной жизни. Ему не удалось, при всем его мужестве, предотвратить ту церковную драму, которая именуется «липковщиной», или самосвятством. Недолго он был свидетелем разыгравшейся драмы на Украине, ибо вскоре его арестовали и держали в разных тюрьмах Москвы, а затем отправили в Ташкент на поселение, где он пребывал до конца 1927 года. В этом году, как известно, митрополит Сергей вошел в соглашение с советской властью и объединил вокруг себя нескольких единомышленников – иерархов. Среди них оказался и митрополит Михаил, получивший Киевскую митрополицию кафедру. Здесь он заслужил широкую известность своей декларацией в пользу советской власти, которая наделала много шума и повлекла за собою даже осуждение почившего иерарха. Но трудно судить, кто были исповедниками за Веру Христову, в собственном смысле этого слова, и коих мыслей и возможностей при опубликовании их деклараций не дано нам пока знать... И все же можно заключить, что тяжелые минуты пережил владыка Михаил в связи с опубликованием своей декларации, ибо в том же году он тяжело заболел.

25 декабря 1928 года, в день Рождества Христова, владыка Михаил служил в Софийском (малом, возле ворот) Киевском соборе, а на Новый год 1929 г. – в Святой Троицкой церкви на новом строении. Хотя силы его были слабы, но он после служения посетил протоиереев этой церкви К. Стешенко и А. Вишнякова, а затем, вследствие настоятельной просьбы демиевских прихожан, поехал на Демиевку – откусать у местного настоятеля протоиерея Тесельского. В день Богоявления Господня владыка служил в Братском монастыре на Подоле, но в это время он уже был болен, о чем весьма сокрушался в письме на имя архиепископа Василия Боглашевского. Врачи настаивали на полном покое его, запрещая ему заниматься делами и совершать богослужения, но он не оставлял своего молитвенного и служебного долга. Владыка предчувствовал, впрочем, свою близкую кончину и неоднократно говорил близким людям, что скоро он отойдет в вечность. У него вдруг стало слабеть зрение, и доктор Думитрашко нашел в этом начало катаракты левого глаза, утешая владыку, что операцию придется сделать через 2-3 года. Болящий пошутил: «Я ужасно обеспокоен тем, что ослепну, но меня утешает то, что два года я не проживу». Некоторые из городского духовенства предлагали митрополиту купить домик, а не жить в маленьком помещении Михайловского монастыря, а летом уехать на дачу. Владыка отшучивался, ибо его глазам открыто было нечто другое, что он выразил в письме к брату. Он писал ему: «Больше в

этом мире не увидимся, и я прошу тебя дать мне обязательство словом – жить далее так, чтобы встретиться нам в Царствии Небесном и навеки быть обоим вместе».

В день Трех Святителей владыка Михаил служил в Трехсвятительской церкви по случаю храмового праздника. Под Сретение он стоял в Софийском соборе, а Литургию в день Сретения Господня совершал в Андреевском соборе, где сретенские прихожане отмечали храмовый праздник. В том же соборе он служил также и в следующие два воскресенья. В Прощеное воскресенье владыка Михаил служил в Софийском соборе и после литургии просил прощения у паствы. Он собирался читать великий канон Андрея Критского, но уже не смог, и только в пятницу первой недели Великого Поста совершил чин «Пассии», причем вследствие появившейся задыхки каждения храма перед чтением Евангелия не произвел, окадив только алтарь и иконостас. В субботу он исповедовался у Михайловского архимандрита Ионы, а в неделю Православия совершил в Софийском соборе Литургию и после нее отслужил молебен «Об обращении заблудших». И это было его последнее служение.

Вторая неделя Великого Поста прошла спокойно, и ничего устрашающего для владыки не предвиделось: он был бодр и в хорошем настроении. В пятницу 16 (29) марта в половине 2 часа дня к нему пришел ключарь Софийского собора отец Должанский за распоряжениями относительно богослужения. Владыка был с ним очень любезен, интересовался текущими делами, выражал беспокойство по поводу болезни протопресвитера Софийского собора М.Д. Златоверхникова и сказал, что будет служить в соборе под Благовещение и в праздник. «В это воскресение, – сказал владыка, – я служить не буду; надо пожалеть о. Иосифа (иподиакона), он нездоров, пусть полечится, а то как бы к Пасхе не разболелся (он умер через четыре дня после кончины митрополита), в понедельник будет у вас Литургия Св. Иоанна Златоустого по случаю именин отца Хрисана Григоровича, к которому и я прибуду на обед, ибо просил меня после приема посетителей у о. Феофилакта (в Софийском Митрополитальном доме)». В заключение беседы владыка сказал ключарю: «Что-то ноги у меня ослабели и не знаю, отчего: оттого ли, что все сижу в комнате, или потому, что вчера ездил на Крещатик и прошелся к извозчику». Отец Должанский ушел от владыки около двух часов дня, и последний стал обедать. Ел он, по обыкновению, мало и хвалил гречневую кашу. Затем, посидев около часу за письменным столом, митрополит пошел отдыхать, а келейники его ушли в город: один – в Андреевский собор, а другой – на почту.

К шести часам вечера оба они были дома и приготовили вечер-

ний чай, о чем один из них, архимандрит Нектарий, и пошел сообщить владыке. Но последний лежал на кровати и, ровно дыша, спал. Отец Нектарий несколько раз заглядывал в спальню, но не решался будить митрополита. В 7 с половиной часов вечера он опять вошел в спальню и увидел такую картину: митрополит лежал на полу у кровати, с синяком и царапиной на лбу, изо рта и носа текла кровь, а состояние его было полусонное. Келейники подняли и уложили владыку на кровати, приложили к голове холодный компресс, и один из них отправился к профессору Афанасьеву. Доктор сейчас же прибыл, осмотрел больного и констатировал мозговую удар, в результате которого последовал паралич левой части тела, причём речь сохранилась.

Келейник Петр Кравчук немедленно отправился в Софийский собор и сообщил о произошедшем духовенству. Сейчас же прибыл ключарь собора и застал доктора Афанасьева, обкладывающего владыку горячими бутылками. Но последний, казалось, спал и только через полчаса после ухода профессора стал беспокойно ворочаться. Ключарь положил на голову митрополита свежий пузырь со льдом, а владыка крепко прижал к себе правую рукою ключаря и отчетливо произнес: «Прощай». Отец Должанский сквозь слезы начал успокаивать владыку и спросил, отчего все это произошло. Владыка показал пальцем на стоящий у кровати шкафчик, о который он ударился головой, а затем проговорил: «Прощай, жизнь, прощай», несколько раз повторяя эти слова. Он просил посадить его, но по указанию доктора этой просьбы нельзя было исполнить.

Так угасал митрополит вся Украины в комнатке, которая поражала своей простотой. На стене в головах находился св. крест и иконы: св. Архистратига Михаила, мученика отрока Гавриила (память о любимой Гродненщине), Усекновения Главы Предтечевы, св. Великомученицы Варвары и Крещения Господня. Посередине стены был образ Святителя Иосафа Белгородского. Кровать владыки была узенькая, деревянная, выкрашенная масляною краскою, с матрацом на досках, сделанная иноками Киевского Ионинского монастыря. У кровати стоял шкафчик для белья, на стене – вешалка для рясы и подрясников и в углу – умывальничек...

Было поздно, но ключарь сообщил о болезни митрополита Киевскому епископату, и около 11 часов ночи к одру болящего явились: архиепископ Димитрий и епископ Филарет. В полночь отправлена была телеграмма Харьковскому архиепископу Константину, а последний передал тревожную весть о болезни Экзарха Украины в Патриархию – митрополиту Сергию.

В половине второго часа ночи владыке Михаилу стало как будто

лучше, ибо он начал двигать левою ногою, вследствие чего протоиерей Должанский и профессор Афанасьев простились с больным и ушли домой, питая надежду на выздоровление его и оставив у одра больного дежурного врача Примака. Владыка, по-видимому, спал, но всякий раз, когда врач щупал его пульс, он крепко пожимал руку врача.

В субботу, 17(30) марта, в день св. Алексия, человека Божия, были совершены Литургии о здравии и спасении митрополита Михаила в Софийском и Андреевском соборах, Трехсвятительской церкви и Никольском монастыре. В 6 часов утра протоиерей Должанский был уже у постели митрополита, который лежал с закрытыми глазами на правом боку, что-то шептал, а правая рука его время от времени совершала крестное знамение. Доктор Примак сообщил, что состояние митрополита угрожающее: поднялась температура, начались сердечные перебои, отек легких и продолжается процесс кровоизлияния. С рассветом владыка начал шевелить устами, произнося молитвы, совершая крестное знамение и благословляя. Болящий совершал последнее свое слезное моление, вспоминал свою паству и, предчувствуя свое близкое отшествие, благословлял пастырей и пасомых...

Протоиерей Александр Должанский, надев эпитрахиль, начал читать утренние молитвы и молитвы перед исповедью. Умиравший архипастырь крестился и не переставал шевелить устами. Затем чередной иеромонах Михайловского монастыря отец Тимофей принес из Трехсвятительской церкви св. Дары после Литургии, и митрополит причастился – последний раз на земле... Тогда же была получена от Харьковского архиепископа Константина телеграмма, в которой сообщалось о молении харьковцев о болящем Первосвятителе Украины. В 8 часов утра пришли друзья владыки – профессор Афанасьев и доктор Мансветов, осмотрели больного, нашли состояние его безнадежным и не отходили от постели до самой его кончины.

Около 9 часов утра, узнав о болезни митрополита, зашел к нему один из монашествующих, несогласный ранее с деятельностью владыки. Он поклонился ему в ноги и произнес: «Владыко Святый, я пришел проститься с Вами; простите и благословите». И десная рука архипастыря благословила кающегося.

В 10 часов утра прибыл епископ Филарет, а затем и архиепископ Димитрий, а также многие из духовенства и мирян... В соборах, монастырях и приходских храмах возносились горячие мольбы об исцелении Первоиерарха...

В 10.30 часов утра епископ Филарет, вместе с Михайловским архимандритом Тихоном, учениками владыки – протоиереями Алек-

сандром Должанским и Вячеславом Бычковским, секретарем экзарха протоиереем Браиловским и архидиаконом Онуфрием, начал совершать чин елеосвящения. При помазании елеем болящий владыка крестился... Елеосвящение было закончено в начале первого часа пополудни, и лицо святителя, уже плохо дышавшего, стало бледным... Протоиерей Должанский возжег у одра умирающего свечу и начал читать канон на разлучение души от тела. Архиепископ Димитрий держал правую руку умирающего, а епископ Филарет, настоятель Киево-Печерской Лавры архимандрит Гергомоген и множество духовных, иноков и мирян усердно молились... У всех на глазах были слезы... Канон закончен, прочитана разрешительная молитва, а архиепископ Димитрий осенил умирающего крестом... Лицо митрополита покрылось мертвенною белизною, выступил холодный пот, глаза были закрыты, правая рука сложена была именованного благословения, и в 12 часов 50 минут дня владыки Михаила не стало... Все опустились на колени, а затем, при пении «Со святыми упокой», начали целовать руку почившего... Протоиерей Бычковский начал последование по разлучении души от тела, а оставшиеся в келии – архиепископ Димитрий, епископ Филарет, настоятель Лавры, архимандриты Гермоген, Нектарий, Тихон, протоиерей Должанский и келейник Петр стали опрятьывать тело... Помазали маслом, надели подаренное Владыке Михаилу киевлянами в 1923 г. белье, крест от пострижения, параман Красностоцкого, Гродненской епархии, монастыря, подрясник черный – подарок Святейшего Тихона, кожаный пояс монашеский из Ионинской Свято-Троицкой обители... и положили на одре, с пением: «Со духи праведных» и до конца краткой литии.

Пока опрятьывали тело почившего в его келии, в то время все готовилось к облачению архипастыря. Письменный стол был покрыт белой скатертью и поставлен перед божницею. Архиепископ Димитрий облачился в мантию, омофор и митру, собрались архимандриты, протоиереи, облачился архидиакон. Диаконы и иподиаконы стали чинно, как полагается при встрече архиерея, с дикирием и трикирием, примикиршиком со свечой, посошник и диакон с патриаршим предносным крестом. Ученики почившего, некогда бывшие его иподиаконы, протоиереи Бычковский и Должанский, с келейниками – архимандритами Нектарием и Петром, усадили новопреставленного в кресло и вынесли в приемную комнату. Пели певчие Михайловского монастыря. Запели входное «Достойно есть»... На Софийской колокольне ударили в большой колокол про-

тяжно семь раз, чем возвещено было пастве о смерти ее представителя и молитвенника... Диаконы стали читать облачальные стихи «Да возрадуется душа твоя», певчие пели то же, а иподиаконы, заливаясь слезами, облачили бездыханного владыку, когда архиепископ Димитрий благословлял каждую принадлежность облачения. Надето было на владыку облачение, в котором он в последний раз совершал богослужение в Софийском соборе... Возложены две панатии, присвоенные Киевским митрополитом, и крест, и на голову почившего была надета митра, в которой он служил еще в Кременце в должности ректора Волынской духовной семинарии. В остывшие руки вложены затем дикирий и трикирий, архиерейский возгласил «Тако да просветится», руками почившего были осенены собравшиеся, а певчие запели «Вечная память».

Потом тело усопшего было возложено на уготованный стол, под ноги был подложен орлец, на грудь положено Евангелие – наградное от Киевского реального училища, в руки вложен постригальный крест, и почивший покрыт был голубою архиерейскою мантией, а лицо его – так называемым воздухом (покрывалом).

Архиепископ Димитрий с собравшимся духовенством совершил первую панихиду и благословил чтение над телом усопшего Св. Евангелия, причем сам прочел прощальную беседу Христа Спасителя.

После панихиды секретарь Экзарха протоиерей А. Браиловский известил о кончине митрополита Московскую Патриархию и всех архиереев Украины и учинил хлопоты перед светскими властями о разрешении погребности почившего архиерея у алтарной стены малого Софийского собора (большой находился в руках липковцев). Власти разрешили, сообщив, что нет препятствий к погребению даже и в самом соборе.

Между тем, у гроба совершались одна за другой панихиды, при были родственники, все говорили в Киеве о тяжести утраты. Во всех Киевских храмах были совершены после всенощной панихиды.

В 9 часов вечера духовенство Софийского собора у тела Первоверховного совершило панихиду, осватило гроб и положило в него тело архиерея, причем одна благочестивая путешественница принесла к гробу подушку из сухих цветов, собранных ею в Сибири и на Дальнем Востоке. На этой подушке и упокоилась глава Почившего.

В воскресенье, 18 (31) марта, во всех церквях Киева служились заупокойные обедни и панихиды, а у гроба покойного было так много народа, что пришлось установить очередь желавших приложиться к руке усопшего святого. В 4 часа дня назначено было

перенесение останков усопшего в Софийский собор. Прибыли архиепископ Димитрий и епископ Филарет, собралось множество духовенства и народа, заполнившего Михайловскую и Софийскую площади. На колокольнях – Софийской и Златоверхо-Михайловской – начался погребальный перезвон. Была совершена лития, и погребальная процессия двинулась по направлению к Софийскому собору. Она начиналась у стен собора. Пошел густой снег, затем прояснилось. Доносились звуки хора «Помощник и покровитель». Подошли к собору, но потребовалось минут двадцать, пока удалось внести гроб во храм и установить в центре храма, осененный рипидами, с партиаршим крестом, свечой и посохом у изголовия и белым клобуком, дикарием и трикирием в ногах.

Всю ночь служились панихиды в переполненном соборе, где всякий хотел приложиться, попроситься и помолиться. Казалось, это было не погребение, а прославление почившего митрополита. Обстановка напоминала Великий Пяток: посередине гроб, со всех сторон – живые цветы, множество свечей, лампы и везде народ, народ, непрерывно совершающий моление о душе усопшего архипастыря.

В понедельник, 1 апреля, в 9 часов утра были прочитаны великопостные часы и была отслужена Литургия Св. Иоанна Златоустого (с вечерней), которую совершал епископ Филарет, произнесший перед панихидою престоленную речь, в которой изобразил тяжесть креста, возложенного на рамена почившего Святителя. В час дня была совершена панихида братиею Киево-Печерской Лавры во главе с настоятелем архимандритом Гермогеном, а затем последовал ряд панихид, совершенных пастырями г. Киева и их приходами.

В тот же день прибыли представитель Московской Патриархии архиепископ Калужский Сильвестр и заместитель Экзарха Украины, архиепископ Харьковский Константин, а также и другие епископы Украины. В 5 часов вечера был совершен Парастас, затем на Великом Повечерии лития, потом Утреня с «непорочными». Служили: архиепископы Константин, Анатолий и епископ Полтавский Сергей с сонмом духовенства. Всю ночь у гроба читалось Св. Евангелие.

В 6 часов утра 2 апреля раннюю заупокойную Литургию совершил Преосвященный Варлаам, епископ Бершадский с братиею Софийского митрополитального дома, а в 9 с половиной часов утра началась поздняя Заупокойная Литургия, которую совершали: архиепископ Калужский Сильвестр, архиепископ Уманский Димитрий, архиепископ Харьковский Константин, архиепископ Одесский Анатолий, архиепископ Черниговский Пахомий, епископ Переяс-

лавский Георгий, епископ Черкасский Филарет, епископ Козелецкий Стефан и епископ Кривогорский Порфирий. Им сослужили 24 человека архимандритов, протоиереев и игуменов. К концу Литургии прибыли маститый иерарх Высокопреосвященный Василий, архиепископ Каневский, доктор богословия и бывший ректор Киевской Духовной академии.

После Литургии в 11 с половиной часов началось отпевание, предваренное словами архиепископов Сильвестра и Василия. Духовенства на отпевании было так много (более 150 человек), что на середине храма оно не могло поместиться и, облаченное в ризы, заняло алтарь. Обращал среди духовных на себя внимание делегат от Волыни – Житомирский протоиерей Н. Бурчак-Абрамович. Пели хор Софийского собора под управлением В.А. Татарова и хор монастыря Лаврским распевом. По 6-й песне прошепталось место еженощного чтения почившего архиепископа Феофаном Фидеоским Афанасием.

Отпевание было закончено в 4 с половиной часа дня, и гроб с останками митрополита Михаила был вынесен священнослужителями из собора, обнесен вокруг храма и принесен к могиле. Возлили елей с вином на тело, обвязали гроб шелковым шнуром и опустили в склеп. Загудели Софийские колокола, как бы отдавая дань вечного покоя и вечной памяти Святителю-Исповеднику. Было 5 часов вечера, но народ не расходился, пока заделывали склеп. На могиле была водворена неугасимая лампадка, на водруженном у главы запрестольном кресте, который оказался как раз за горним местом придела священномученика Макария, митрополита Киевского. Затем в келии почившего митрополита была предложена собравшимся на погребение епископам Украины трапеза.

В 9-й день по кончине митрополита Михаила в Софийском соборе была отслужена архиепископом Димитрием Литургия, а затем панихида. В тот же день были совершены заупокойные Литургии во всех церквях и монастырях г. Киева.

В 40-й день (Среда Светлая) в Софийском соборе совершена была архиепископом Димитрием торжественная Литургия, которую пели клирошане Киево-Печерской Лавры, Флоровского и Покровского женских монастырей. Панихиду совершал Высокопреосвященный архиепископ Василий (Богдашевский), который произнес и слово, в сослужении архиепископа Димитрия, епископа Филарета, архимандрита Гермогена и 70 священнослужителей. На литию в Софийском соборе могила владыки Михаила

В последний день жизни митрополита Михаила Ермакова, а также проводив его в вечность, редакция журнала «Вос-

кресное Чтение» отмечала: «Даст Бог, будущий историк много напишет о митрополите Михаиле, который не малое занимал место в экономике жизни церковной, а нам да будет позволено кратко сказать: в лице почившего отошел в вечность большой церковник, стойкий борец за чистоту Православия, смиренный (особенно в последние 12 лет жизни), скромный, всепрощающий и ко всем доброжелательный Инок-Святитель. Вечная ему память!» [150].

* * *

Для документального подтверждения стойкости владыки Михаила Ермакова в его борьбе за чистоту Православия ниже помещаются прошения разных лиц на имя епископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова) в сентябре-ноябре 1910 года для получения разрешения для вступления в брак в тех случаях, когда последние не достигли совершеннолетия или были связаны между собой кровным родством. Здесь же приводятся и резолюции владыки на указанные прошения.

1.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина урочища Лютвины
Куриловской волости Слонимского уезда
Франца Николаева Евсейчика

Прошение

Припадая к Святительским стопам Вашего Преосвященства, всепокорнейше прошу Вашего милостивого разрешения на вступление в законный брак моего шестнадцатилетнего сына Владимира, православного вероисповедания, с девицею двадцати двух лет, православного вероисповедания, Христиной Ивановной Карман, не состоящей в родстве с моим сыном. Обстоятельства, заставляющие вступить в законный брак моего сына, следующие. Я со своим семейством уезжаю на вольное поселение в Сибирь, сын мой Владимир, старший в семье, а остальные трое детей малолетние, мать слаба здоровьем, вследствие чего необходимы женские рабочие руки для поддержания таковой. Ввиду вышеизложенного всепокорнейше прошу не оставить моей просьбы без милостивого внимания и последующей резолюции удостоить меня ответом.

Прочитав это прошение и подчеркнув в нем слова о возрас-

те сына просителя и его невесты, владыка запросил у членов канцелярии сведения о реальном возрасте сына просителя. Ответ был доставлен 23 сентября 1910 года из Щары: «Как видно из метрической книги Щарской православной церкви Слонимского уезда и благочиния, за 1895 год о родившихся, под № 11 мужеска пола, упомянутый в сем прошении сын просителя Франц Николаевич Евсейчик – Владимир имеет несовершеннолетний к бракосочетанию возраст: 15 лет и 7 месяцев, а именно: Владимир родился 1895 года 22 февраля.

Надежность сей справки из метрической книги Щарской церкви сим удостоверяю. Щарской церкви священник Иосиф Сомовский».

После этого епископ наложил на прошении следующую резолюцию: «27 сентября 1910 года. Шестнадцатилетним невестам вступать в брак можно, а пятнадцатилетним мальчикам законом воспрещается. Прежде чем подавать нелепое прошение и тратить полтора рубля на марки, просителю следовало бы посоветоваться с бабушкой. Е. Михаил».

1910 года октября 11-го дня Гордей Исидоров Кобяtko, а за него неграмотного по его личной просьбе расписался Фидипп Манькович».

«Его Преосвященству Михаилу, Епископу Гродненскому и Брестскому рядового 194 пех. резерв. Мстиславского полка Федора Богинского

Прошение

1-го ноября сего года по увольнении в запас из армии, желая вступить в законный брак с девицей мест. Каргуз-Березы Гродненской губернии Анной Владиславовной Позняк – римско-католического вероисповедания, покорнейше прошу Ваше Преосвященство разрешить совершение бракосочетания в православной церкви.

Ответ прошу отправить по адресу: мест. Каргуз-Берега, Гродненской губернии, священнику 157 пехотного Пятигорского полка.

15 октября владыка наложил на прошении резолюцию: «На католичке жениться не разрешаю; пусть невеста прежде примет православие».

В ходе рассмотрения прошения канцелярия выявила отсутствие на ней еще одной марки в 75 коп. Поэтому вместе с резолюцией по указанному адресу было отправлено и уведомление о необходимости доплаты. О реакции рядового Ф.И. Богинского на полученный им ответ можно судить по письму священника 157-го пехотного Пятигорского полка

Сергея Флоренского, отправленного им 28 октября 1910 года: «В канцелярию Епископа Гродненского и Брестского. Имею честь сообщить, что рядовой 194-го пех. полка резервного Мезишлавского полка Федор Богинский, просивший о разрешении ему брака с Катюшиной Павлицей, отказывается за неимением средств предоставить марку в 75 коп.»».

3.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянки д. Друскеники Гродненской губернии
Валерии Фоминичны Павляк.

Прошение

Чсть имею покорнейше просить Ваше Преосвященство разрешить причту Поречской церкви повенчать меня с почтальоном Друскеницкой почтово-телеграфной конторы Матвеем Степановичем Солтоном православного вероисповедания.

На прошении – резолюция владыки: «15 окт. 1910 г. Когда невеста примет православие, тогда и венчать можно; в противном случае нельзя».

Не помогла и приложенная к прошению подписка Валерии Павляк от 12 октября 1910 года, в которой она обещала, «что по вступлении в законный брак с М.С. Солтоном, православного вероисповедания, детей, могущих быть от сего брака, буду воспитывать в православной вере, а также для большего единства семьи и сама перейду в Православие».

4.

Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу, Епископу
Гродненскому и Брестскому

крестьянина д. Цюприк Ратайчицкой волости
Брестского уезда

Прокофия Осипова Дашкевича

Прошение

Желяя женить моего сына Мирона, родившегося в 1893 году, августа 20 дня, причт Тростяницкой церкви объявил мне, что венчать его не может, так как он не достиг совершенного возраста. Осмеливаюсь припасть к стопам Вашего Преосвященства, и честь имею пояснить следующее: я похоронил свою жену в 1908 году и остался с двумя детьми: сыном и дочерью, которая от природы малоумная и к физическому труду совершенно не способна. Вся моя надежда в поддержании меня и моего хозяйства – сын Мирон. Страдая два с

половиной года без хозяйки дома, я с детьми претерпеваю большое бедствие, так как без хозяйки дом пуст. А потому ввиду всего вышеизложенного, имею честь всепокорнейше разрешить сыну моему Миرونу вступить в законный брак. Милостивейшую Архипастырскую резолюцию покорнейше прошу объявить мне через причт Тростяницкой церкви Брестского уезда мальца за него неграмотного по его личпокорнейшей просьбе Протофию Дашкевича за него неграмотного по его личной просьбе расписался Иван Довженюк».

Внизу листа приписка:

«Причт Тростяницкой Свято-Преображенской церкви имеет честь покорнейше подтвердить прописанное выше в сем прошении то, что действительно сын крестьянина д. Цюприк Прокофия Осипова Дашкевича и его законной жены Елены Тарасевой, православного вероисповедания – Мирон родился 1893 года 20 августа и 22-го крещен того же месяца, как записан акт в метрике».

Резолюция владыки была следующей: «Прошение оставлено без последствий ввиду того, что сыну просителя исполнилось 17 лет только в августе месяце». А это значило, что Миرونу надо было дожидаться 18 лет. Об этом под расписку и сообщил Прокофию Дашкевичу св. Иоанн Пашкевич.

5.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина Гордея Исидорова Кобятко, живущего в д. Миньковичи Ратайчицкой волости 4-го стана Брестского уезда

Прошение

Желаю вступить в законный брак с девицей, крестьянкой д. Миньковичи Ратайчицкой волости Анастасией Филипповной Маньчак, но священник Борщевской церкви не желает повенчать нас по той причине, что она приходится мне племянницей, т.е. она – дочь моей сестры. А так как мы друг друга страстно любим, то я имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство разрешить мне вступить в законный брак с означенной девицей Анастасией Фойл просеб расписался Иван Василевич».

О сделанном распоряжении прошу объявить мне.

Резолюция владыки на прошении: «19 октября 1910 года. На брак, запрещенный законом, разрешения не может быть дано. Е. Михаил».

Эта резолюция и была объявлена просителю настоятелем Борцевской церкви св. Максимом Санкевичем.

6.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина Гродненской губернии Слонимского уезда села Ляховцы Малоритской волости
Никиты Шульнюка

Покорнейшее прошение

В месяце сентябре сего года, желая женить своего сына Назария, я по его усиленной просьбе сосватал ему невесту, крестьянку села Збураж Феклу Львовну Артемук. После оглашения в церкви между Назарием и Феклой оказалось свойство, которое по заявлению причта Збуражской и Ляховицкой церкви служит препятствием к браку. Свойство это состоит в следующем: родной дед жениха Назария, Илья Смаль, вторично женат на Параскеве Артемук, дочь Параскевы Артемук от первого брака Фекла и есть невеста моего сына. Ввиду вышеуказанного свойства всепокорнейше прошу Архиерейской властью разрешить брак моего сына Назария с Феклой Артемук.

октября 28 дня 1910 год
д. Радовень Снитовского прихода
Ивановской волости, 5-го стана
Кобринского уезда. Почт. отд.

Иваново Покорнейший проситель Игнатий
Феодосиев Лагодич, а за его неграмотного
по его личной просьбе расписался Сельвестр
Манюк».

В самом низу данного прошения, по-видимому, священником Ляховицкой церкви Стефаном Случановским было графически изображено так называемое «свойство» между женихом-внуком Ильи Смалья Назарием Шульнюком и невестой – падчерицей того же Ильи – Феклой Артемук.

После прочтения прошения и просмотра графически изображенного «свойства» владыка перечеркнул своей рукой первый и четвертый квадраты в этом родстве и подписал схему, словно указав диагноз – «3-я ст. двухродного свойства». Затем написал на прошении свою резолюцию: «9 окт. 1910 г. В показанной степени родства браки воспрещаются законом. Посему просимое разрешение не может быть дано. Е. Михаил».

7.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому,
Милостивейшему Архипастырю и отцу

крестьянина села Ляховцы Малоритской волости

Покорнейшее прошение

На поданное прошение моим зятем Никитой Шульнюком Вашему Преосвященству о разрешении вступить в законный брак его сыну, а моему внуку Назарию Шульнюку с моей падчерицей крестьянкой села Збураж, девицей Феклой Артемуковой, так как они между собой состоят в родстве, и не получив от Вашего Преосвященства разрешения на благословение вступить им в законный брак, я смею вторично утруждать Ваше Преосвященство всепокорнейшею моею просьбой ввиду очень печального и безвыходного моего положения и весьма уважительной причины, которую осмеливаюсь выяснить с болью моего сердца старческого Вашему Преосвященству, а именно: падчерица моя, крестьянка села Збураж Фекла Артемукова забеременела от моего внука Назария Шульнюка уже третий месяц и грозит мне, старому, и матери своей, что если ее не обвенчают с Назарием Шульнюком – моим внуком, то она утопится или лишит себя жизни. Ввиду сего плачевного моего и матери ее положения и их обоих, Назария и Феклы, слезно припадаю к Святительским стопам Вашего Преосвященства и покорнейше прошу разрешить и благословить вступление в законный брак моему внуку Назарию Никитову Шульнюку с моей падчерицей крестьянкой села Збураж Феклой Артемуковой.

Резолюция владыки была следующей: «27 октября 1910 г. К сожалению, ничем не могу помочь в данном случае, так как нарушить закона нельзя. Надо было старшим получше смотреть за молодежью. Е. Михаил».

Резолюция эта была доведена до сведения Ильи Смаля 5 ноября св. Ляховицкой Церкви Стефаном Случановским.

Если дед и отец Назария Шульнюка были заинтересованы в положительном решении вопроса о его бракосочетании с родственницей Феклой Артемуков, то среди прошений к епископу Михаилу были обращения и противоположного свойства. Вот одно из них:

8.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьян Гродненской губернии Слонимского
уезда Боркинской волости д. Подстаринь

Павла Григорьева Лапчука

Прошение

Сын мой Димитрий желает вступить в брак с девицей православного вероисповедания Буллыянского прихода Варварой Герман. Отец мой Павел Иванович женат на родной сестре Варвары – Федоре. Я, как отец, не разрешаю ему вступать в брак, да и закон не позволяет; но сын мой Димитрий хочет тайно написать прошение Вашему Преосвященству с просьбой о разрешении вступить в брак с девицей Варварою под видом того, что Варвара – двоюродная сестра Федоры. Так как в прошении сына моего будет чистейшая ложь, то покорнейше прошу Ваше Преосвященство не разрешать сыну моему вступление в брак с девицею Варварой Герман.

Как следует из материалов дела, упредительное прошение Павла Лапчука сыграло свою роль: прошение на имя владыки от его сына Димитрия так и не поступило.

Существовали запреты и другого свойства. Подтверждением тому может быть следующий документ.

9.

«Его Превосходительству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина Ивановской волости Кобринского
уезда Гродненской епархии, д. Радовень Снитов-
ского прихода

Игнатия Феодосиева Лагодича

Покорнейшее прошение

Я, проситель, вдов по первому браку около 15 лет. В настоящее время мне 43 года. У меня было еще три брата; у нас одно общее хозяйство и земля 1/3 участка (участок 14 десятин). В этом году мой младший брат Моисей умер, оставив после себя жену и малолетнего ребенка – девочку. Поэтому я для поддержания своего семейства (у меня тоже один ребенок), а равно чтобы не раздроблять и эту последнюю часть земли, имею сильное желание вступить во второй законный брак с женою-вдовою своего младшего брата Моисея – Юлианой Романовой Лагодич, которая на этот брак тоже согласна. Метрическая выпись о смерти сказанного моего брата Моисея будет своевременно представлена по принадлежности.

А потому покорнейше прошу Ваше Преосвященство, не признаете ли возможным сделать зависящее распоряжение, разрешив мне вступить во второй законный брак с вышесказанною вдовою Юлианой Романовой Лагодич.

Резолюция владыки: «2 ноября 1910 года. Браки в показанной степени законом не разрешаются; посему просьба не может быть исполнена. Е. Михаил».

Не пошел против закона епископ Михаил и при рассмотрении следующего прошения.

10.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина д. Новоселки Волковысского уезда, прихожанина Светлицкой церкви, проживающего в г. Волковыске,

Ивана Иосифа Самсоника

Прошение

После внезапной смерти моего старшего родного брата, зарезанного поездом на железной дороге при исполнении своего долга службы, оставшаяся после его жена с четырьмя малолетними детьми подверглась, не имея никаких средств к существованию, горькой участи и всяким бедам в своей жизни. Все принятые ею меры, чтобы найти себе мужа и отца-кормильца детям, остались безуспешными, т.к. нежеланные всем чужие дети, а с ними и многосемейность, не способствовали этому. Трехлетняя одиночная и многострадальная жизнь молодой, неопытной матери привели ее к тому заключению, чтобы я, как родной брат ее покойного мужа, которому все не чужое, вступил с ней в законный брак, и этим бы спас все ее семейство от настоящей тяжелой жизни. Зная ее с самой наилучшей стороны, как свою братовую, трудолюбивую хозяйку и нравственную христианку и желая всеми силами прийти ей на помощь, я счел, если только это будет возможно, всеми мерами ходатайствовать пред Епархиальным начальством о разрешении мне вступить с вдовой Анастасией Петровой Самсоник в законный брак. Тем более, что в настоящее время по циркулирующим слухам среди крестьян говорят, что браки в Православной церкви, где имеется смешанное население, разрешаются во всех степенях, в коих они разрешаются и в Западной церкви, и что это постановлено духовенством в 1907 году.

Припадая к Святейшим стопам Вашего Преосвященства, осмеливаюсь препокорнейше просить Ваше Преосвященство ходатайствовать пред Святейшим Правительствующим Синодом о разрешении мне вступить в первый законный брак с моей братовой Анастасией Петровой Самсоник.

Резолюция владыки: «15 декабря 1910 г. О разрешении брака в показанной степени родства ходатайствовать нельзя, так как подобные браки, безусловно, воспрещаются законом. Е. Михаил».

Близким по содержанию было и следующее прошение.

11.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина д. Исток Кленинской волости и
прихода Бельского уезда Гродненской губернии
Фотия Алексева Павлючука

Прошение

Желая вступить в первый законный брак с крестьянкой девицей д. Исток Еленой Артемиевой Куприянюк, причт Кленикской церкви не соглашается нас повенчать на том основании, что я с невестой состою во второй степени двухродного сводного родства, а именно: мой родной отец Алексей после смерти первой жены, а моей матери, женился на вдове Магдалине, матери моей невесты, следовательно, я от первого брака моего отца Алексея, а невеста от первого брака своей матери Магдалины, а потому, припадая к Святительским стопам Вашего Преосвященства, осмеливаюсь и ~~покорнейше~~ просить разрешить причислить Кленикской церкви повенчать меня и указанную невесту. Бельский».

Резолюция владыки: «23 декабря 1910 г. Браки в показанной степени родства, безусловно, воспрещаются законом, а посему разрешение никем не может быть дано. Е. Михаил».

Не следует считать, что данные резолюции были лишь отражением непреклонного характера епископа Михаила. К прошениям данного рода столь же строго относился и епископ Иоаким (Левицкий) – первый епископ самостоятельной Гродненско-Брестской епархии. Подтверждается это следующим документом.

12.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Иоакиму,
Епископу Гродненскому и Брестскому

прихожанина Гриневичской православной церкви
Бельского уезда и благочиния, жителя и
крестьянина села Гриневици Бельского уезда

Всепокорнейшее прошение

Имея от роду 30 лет и нуждаясь в хозяйке дома, я, покорнейший проситель, вознамерился вступить в первый законный брак с прихожанкой Бельской Михайло-Архангельской церкви, девицей Анастасией Васильевой Макацевич, 22 лет, но настоятель оной церкви о. Августин Таранович отказывается благословить мой брак с избранной невестой, находя родство, которое состоит в следующем. Родной отец моей невесты крестьянин д. Тимки Бельского уезда Василий Макацевич женат третьим браком на моей родной сестре, крестьянке села Гриневици Февронии Ивановне. От первого его брака с Параскевой Осиповой из Добровольских была дочь Анастасия, на которой я желаю жениться. Мать ее не состояла со мной ни в каком родстве. Отец моей невесты тоже до женитьбы на моей сестре не был мне родственником.

Потому, припадая к Святейшим стопам Вашего Преосвященства, всепокорнейше прошу разрешить отцу-настоятелю Михайло-Архангельской церкви о. Августину Тарановичу благословить брак мой с избранной мной невестой Анастасией Макацевич и почитать меня резолюцией об этом через о. Августина Тарановича.

На этом деле были две резолюции владыки Иоакима: 1) 1900 г. 18 окт. Приходскому притчу для определения родства между ищущими брака на рассмотрение в недельный срок. Е. Иоаким» и 2) «1900 г. 4 ноября. Просимый брак не может быть разрешен, так как он, безусловно, возбращаем законом. Е. Иоаким».

13.

Спустя десять лет, 15 декабря 1910 года, от священника Свято-Ильинской церкви села Гриневици Бельского уезда Зиновия Чаквина на имя епископа Михаила поступил рапорт следующего содержания:

«Прихожанин вверенной мне церкви крестьянин и житель села Гриневици Николай Иванов Кирилюк прошением от 16 октября 1900 года на имя Преосвященнейшего Иоакима, Епископа Гродненского и Брестского, ходатайствовал о разрешении вступить ему в законный брак с девицей-крестьянкой д. Пилики Анастасией Васильевой Макацевич, православного вероисповедания, падчерицей его родной сестры Февроньей, на которой женат третьим браком отец Анастасии Макацевич Василий. По затребовании у причта сей церкви сведений относительно родства между ищущими брака просителем Кирилюку в его просьбе было отказано, и он с того времени состоит с девицей Анастасией Макацевич в открытой незаконной связи и прижил уже четвертых детей, которые крещены в Гриневицкой церкви. В настоящее время ксендз Бельского костела якобы предложил им, Н. Кирилюку и его сожи-

тельнице А. Макаевич, перейти в римо-католичество и обещал повенчать их законным браком. Н. Кирилук и А. Макаевич высказывались перед посторонними, что хотя им и очень тяжело переменить веру и крайне не хотелось бы это делать, в особенности теперь, но ради детей, ради необходимости вступить в законный брак и снять с себя позор безбрачной жизни они принуждены будут изменить вере отцов своих и перейти в католичество.

Донося всепочтительнейше о всем изложенном Вашему Преосвященству и представляя при сем вышеозначенное прошение Н. Кирилюка с заключением на нем причта этой церкви и резолюцией Его Преосвященства от 4 ноября 1900 года, осмеливаюсь утруждать Ваше Преосвященство всепокорнейшей просьбой – не представится ли возможным в предупреждении перехода целой православной семьи из 6 человек в римо-католичество и в ограждение православных от соблазна признать законным брак между Кирилюком и Макаевич и дать на таковой свое Архипастырское разрешение, в затруднительном случае просить о том же Святейший Правительствующий Синод».

Вашего Преосвященства послушник, священник
Гриневичской церкви

Зиновий Чаквин».

Несмотря на данное ходатайство резолюция епископа Михаила была предельно жесткой, но законной: «18 декабря 1910 г. Просимое разрешение на брак не может быть дано, утруждать Св. Синод просьбами по совершенно незаконному делу тоже невозможно. Е. Михаил».

Неприступен был епископ Михаил в делах о браках православных с инославными верующими.

14.

«Его Преосвященству Преосвященнейшему Михаилу,
Епископу Гродненскому и Брестскому

крестьянина местечка Дятлово прихода Дятловской церкви Слонимского уезда

Осипа Иванова Бельского

Всесмирнейшее прошение

По непреодолимому влечению я желаю вступить в первый законный супружеский брак с крестьянкой-девицей местечка Дятлово – прихожанкою Дятловского римо-католического костела Марией Фердинандовой Черникевич. Вступив в брак с означенною Черникевич, я буду оставаться в послушании Православной церкви, могущих быть от сего брака детей буду крестить и воспитывать в православной вере. Припадая к Святейшим стопам Вашего Преосвященства, осмеливаюсь всемирнейше просить разрешить мне вступить в законный супружеский брак с избранной

мною невестой Марией Черникевич.

Резолюция: «4 ноября 1910 г. Не отец воспитывает детей в вере, а мать. Католичка не сможет и не захочет воспитывать своих детей по-православному. Посему и разрешения на просимый брак дать не могу. Е. Михаил».

15.

Такого же рода прошение поступило на имя епископа Михаила и 13 декабря 1910 года от прихожанина Чернавицкой церкви местечка Чернавицы Брестского уезда Гродненской губернии Александра Лукича Бышко на брак с девицей того же местечка римско-католического вероисповедания Марией Фоминичной Гресюк. Почти слово в слово и на этом прошении была воспроизведена все та же резолюция:

«18 декабря 1910 г. Детей воспитывает не отец, а мать. Католичка не сможет и не захочет воспитывать своих детей в православной вере, да и ксендз ей это не позволит. Посему, чтобы плодить еретиков в православном доме, брака сего не допускаю Е. Михаил».

Характерно, что свои обязательства невеста подтвердила соответствующей распиской.

16.

«Его Высокопреосвященству Епископу Гродненско-Брестскому
рядового 4-го саперного батальона
Ивана Стратоновича Темежникова

Прошение

Исповедуя Православную веру, покорнейше прошу разрешить Ваше Высокопреосвященство вступить мне в церковный брак в г. Гродно по православному обряду с девицей Марией Людвиговной Дудзич, римско-католического вероисповедания, без перехода ея в Православие.

Резолюция: «2 ноября 1910 г. Просимое разрешение не может быть дано. Е. Михаил» [151].

В фондах Гродненской консистории сохранился документ, под-

тверждающий то, что интересы Церкви он постоянно ставил выше своих личных. 31 августа 1910 года на имя епископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова) Святейший Синод направил указ Его Императорского Величества от 2 августа того же года, в котором вместе с признанием неправомерности доходов, получаемых епархиями и архиереями по всей России (от 1000 до 2500 рублей), ставилась задача повышения содержания архиереям до 6000 рублей в год. Источником такого повышения должны были стать процентные отчисления с валовой суммы доходности от недвижимых имуществ и оброчных статей каждой епархии. С учетом этого епископу Михаилу, как и всем архиереям, предлагалось в 3-месячный срок представить в Синод свои отзывы по предположениям спецкомиссии, занимавшейся решением этой проблемы.

В означенные сроки (21 октября 1910 года) такой отзыв был епископом Михаилом подготовлен: «Можно только приветствовать меры, предпринимаемые комиссией Св. Синода к повышению содержания архиереев беднейших епархий до 6000 рублей в год. К сему остается только прибавить пожелания, чтобы Преосвященные vicарные получали не менее как по 3000 рублей в год. Принимая одинаково во внимание тот факт, что в некоторых епархиях Преосвященным приходится производить немало расходов и пожертвований на разные благотворительные и просветительные учреждения, а также бедные родственники, то предлагаемые суммы следует признать весьма скромными. Желательно было и доведение пенсий архиереям и vicарным до вышеуказанных размеров. Что касается процентных отчислений с валовой суммы доходности, то их сумму было бы желательным увеличить и за счет передачи после смерти Преосвященных всех его капиталов не в пользу родственников, а в пользу епархий, а, следовательно, и всей Церкви» [152]. Вот таким был в жизни и пастырском служении гродненский владыка Михаил (Ермаков).

3.9. ПРАВОСЛАВИЕ В МЕСТЕЧКЕ ОЗЕРЫ И В БЛИЖАЙШИХ ОКРЕСТНОСТЯХ

Озерский приход, названный священником и летописцем его Иоанном Пашкевичем «древним достоянием Православия», изучен весьма слабо. Более того, при датировке храма Сошествия Святого Духа современными исследователями допущена явная путаница, а факты, имеющие отношение к древнейшему Озерскому храму –

Свято-Петро-Павловской церкви, необоснованно приписаны Свято-Духовской церкви. Убедиться в этом несложно, если заглянуть в первый том «Энциклапедыі гісторыі Беларусі», где помещена статья М.А. Ткачева, И.Г. Трусова и В.В. Шаблюка «Азёры». Авторы ее, делая упор на литовско-польский период истории, указывая на Озеры как на двор «Вітаўта» (1398) и «сталовую маёмасць польскага караля Станіслава-Аўгуста» (1798), на «будаванне ў 1679 годзе тут касцёла», были совершенно безразличны к православному облику тогдашнего местечка и потому упоминали об озерской церкви лишь в одном ряду с костелом и синагогой применительно к 70-м годам XIX века. Давая же характеристику достопримечательностям современных Озер, они ошибочно называют «царкву Ушэсця ў в. Азёры» архітэктурным помнікам пачатку XX стагоддзя» [153]. Не менее досадную ошибку совершил А.Н. Кулагин в своем энциклопедическом справочнике «Праваслаўныя храмы на Беларусі». Так, в статье «Азёры, Гродзенскі раён. Свята-Духаўская царква» он пишет: «Свята-Духаўская царква знаходзіцца ў цэнтры вёскі. Пабудавана ў 1866 годзе з бутавага каменю. Сродкі на будаўніцтва царквы ўнёс падстолі Валицкі» [154]. Не поясняя, что такое «падстолі» и кто такой Валицкий – носитель этого титула, автор справочника также как бы ненароком придает истории церкви польско-литовский оттенок. Что же касается времени строительства храма, то и оно требует уточнения.

С данной целью, а также для выяснения других аспектов духовной жизни Озер обратимся к сведениям, известным еще в начале XX века из «Архива Озерской церкви»: «Местечко Озеры – центр духовной жизни местного прихода – стоит в 22-х верстах на северо-восток от г. Гродно. В старину принадлежало к королевской экономике и в XVI веке пользовалось магдебургским правом. До мятежа 1863 г. составляло частную собственность графов Валицких».

По мнению Иоанна Пашкевича, служившего священником в Свято-Духовской церкви с 1895 по 1915 год, ее предшественницей в качестве приходской была Свято-Петропавловская униатская церковь, воздвигнутая в 70 – 80-х годах XVIII века в Озерах «коронным подстолем и кавалером графом Михаилом Валицким. Последнему принадлежало все местечко и окружавшие его деревни. В документах той поры Михаила Валицкого именовали «ктитором». Цель устройства данного храма была довольно конкретной – «приведение православного белоруса через унию в лоно Рима». Имеются основания для утверждения, что до строительства церкви Петра и Павла в Озерах был другой греко-униатский храм, ибо еще до 1737 года здесь уже велись метрические книги и записывались све-

дения о бракосочетавшихся. Само собой разумеется, что переход в унию большей части жителей Озер произошел еще в бытность здесь православной церкви (1596 год), хотя точная дата ее строительства нам, как и ее название, неизвестны.

Приходская же во имя святых апостолов Петра и Павла униатская церковь располагалась на юго-восточной окраине местечка. Здание церкви было построено из добротного соснового дерева в виде корабля, обращенного алтарем на северо-восток. Окна церкви имели форму полукругов. Рядом с церковью находилось древнее кладбище, поросшее липами и кленами. Длина церкви составляла 26 аршин, ширина – 12 аршин. Из документов церковного архива следовало, что в 1817 году церковь еще не требовала никакой починки.

Однако уже в 1843 году церковь была отремонтирована графом Корнелием Валицким, а в 1853 году «по Высочайшему повелению отремонтирована иждивением прихожан». Несмотря на вышеуказанные усилия, «деревянные стены церкви начинали поддаваться влиянию всепобеждающего времени», и перед прихожанами встал вопрос о строительстве нового храма. И как только таковой был отстроен, старая церковь стала именоваться кладбищенской. Близость ее от квартир причта было удобно последнему – здесь хранились и запасные Св. Дары, находились церковный архив и библиотека. Судя по всему, здание старой церкви сохранялось до начала Первой мировой войны.

Сразу после восстания 1863 года, направленного в определенном смысле и против Православия, царское правительство принимает решение об укреплении позиций «Русской Церкви» в Северо-Западном крае, начинается широкое православное храмостроительство. Затронуло оно и Озеры. Новый приходской храм, названный по имени Сошествия Святого Духа, был построен по распоряжению главного начальника края графа М.Н. Муравьева в самом центре местечка. История его строительства такова. 25 ноября 1864 года были утверждены государственными и церковными властями проект и смета «православной каменной церкви на 450 человек с колокольной в местечке Озеры Гродненского уезда», составленные архитектором Михаэлисом и проверенные губернским архитектором Коленкевичем. Эти документы были согласованы и с гродненским губернским инженером В.С. Дженеевым. Согласно смете, отпечатанной в губернской типографии на все строительство, включая материалы, а также все виды работ, необходимо было затратить 8513 руб. 9 коп.

На строительство церкви было отведено два года, из государственной казны было выделено 6000 руб., на железную крышу – 700 руб. Прихожане изъявили желание содействовать постройке

храма своими личными трудами и деньгами. В начале 1865 года ими было заготовлено 54 куб. сажень булыжного камня, 54 штуки кирпича, 92 бочки извести. Церковно-приходское попечительство за строительством возглавил священник Адам Михалевич.

26 апреля 1865 года была освящена закладка церкви в сослужении 8 священников. 30 апреля гродненский губернатор И.Н. Скворцов лично осмотрел площадку под строительство. Дружно был вырыт котлован под фундамент нижними чинами 3-й стрелковой роты князя Меншикова полка. 4 мая начались каменные работы, которые производились под наблюдением архитектора Михаэлиса и священника Адама Михалевича. Следует отметить активность прихожан. Ежедневно приход поставлял 15 – 25 человек. Пеших рабочих с прихода за 11 месяцев строительства было задействовано 5500 человек, подвод – 4870. Все эти повинности прихожане исполняли добровольно, безвозмездно и без всякого понуждения [155].

Как и всякое большое дело, строительство Озерской церкви не обошлось без осложнений.

С целью удешевления строительства в смету строительства церкви вносились определенные коррективы. Об этом, в частности, свидетельствует дело «О постройке и ремонте православных церквей в Гродненской губернии», начатое 8 мая 1868 года и оконченное 11 октября 1880 г. В деле имеется докладная записка председателя Озерского церковно-приходского попечительства священника Адама Михалевича от 15 января 1868 года, адресованная им в Гродненский губернский комитет по сооружению православных церквей. Поскольку в комитете этой записке, по-видимому, не был дан ход, священник Адам Михалевич обратился 26 мая 1868 года с идентичной по содержанию запиской к гродненскому губернатору, генерал-майору, князю Кропоткину. Вот ее содержание: «На постройку в м. Озерах каменной церкви по плану № 3 ассигновано по главной смете 6000 и по дополнительной на железную крышу 700 руб. Из этой суммы получено в распоряжение совета разновременно в 1865 и 1866 годах 6460 руб.; затем удержано 250 руб. по недоумению за 50 т кирпича, отпущенного из Озерского конфискованного завода по разрешению Гродненской палаты государственных имуществ. Из дела о постройке Озерской церкви ясно доказывается, что означенный кирпич, как низкого качества, был отпущен для церкви безвозмездно, что видно из отзыва участкового чиновника палаты Шпеера к председателю уездного комитета генералу Прасолову от 18 февраля 1865 года за № 70. Эта переписка как доказательство выдачи безвозмездно 50 т кирпича представлена в Грод-

ненский уездный церковно-строительный комитет.

19 сентября 1867 года за № 78 с просьбой об отпуске неправильно удержанных 250 руб. серебром я обращался к губернатору. Кроме того, по сему же предмету Совет неоднократно (8 ноября 1866 года, 8 января 1867 года, 7 марта 1867 года) обращался в уездный комитет, к мировому посреднику г. Славутинскому 12 февраля 1867 года, в Гродненский губернский комитет (15 января 1868 года) с представлением, что для удовлетворения кредиторов за работы и материалы совет не имеет никаких средств на уплату долга до 300 руб. серебром; прихожане же, кроме личных и громадных своих трудов (до 10 000 рабочих), внесли деньги в пользу церкви в размере 1384 руб., но все таковые заявления церковного совета остались без всяких последствий со стороны Гродненского уездного и губернского по сооружениям церкви комитетов.

Представляя сие обстоятельство благосклонным вниманию Вашего Сиятельства, Озерский церковный совет имеет счастье покорнейше просить Ваше сиятельство разрешить отпуск оспариваемых 250 руб., хотя бы в виде пособия на уплату имеющихся долгов и на перекраску железной крыши.

Церковь построена и освящена 11 июня 1867 года».

Судя по всему, эта докладная была отправлена в Гродненскую контрольную палату, а она 26 июля 1868 года затребовала от губернского церковно-строительного комитета и отчетность в расходовании 6700 руб. на постройку Озерской церкви, оконченной 11 июня 1867 года». В данном деле имеется «Проект Озерской православной церкви (по плану № 3)», составленный архитектором Михаэлисом 25 ноября 1864 года. Этот проект был возвращен в Губернский церковно-строительный комитет гродненским губернным инженером В. Дженеевым вместе с актом ее приема от 29 января 1869 года.

После завершения строительства Озерской церкви и ее освящения тяжбы вокруг нее не прекращались. Так, 28 февраля 1868 года житель д. Озеры, каменных дел мастер Яков Обремский обратился с докладной запиской на имя губернатора князя Кропоткина следующего содержания: «По заключенному контракту я принял на себя постройку каменной православной церкви в м. Озеры с условием, что за каждый сложенный куб. аршин стены я буду получать 37 S коп. серебром. По мере возведения храма мною разновременно было получено от Озерского православного священника Михалевича: за поставку фундамента 275 руб. 62 S коп. и вывод стен 1215 руб., а всего 1490 руб. 60 S коп., затем по окончании постройки церкви и сделанному мною размеру стен причитается мне к получению еще 200 руб.

Когда я обратился к священнику Михалевичу об удовлетворении меня сказанной суммой, то его преподобие решительно отказался от уплаты заработанных мною денег и вопреки контракту не принимает в расчет углов оконных и дверных навесов, что занимает более времени, чем при сплошной кладке кирпичной стены, а кроме того, священник Михалевич имеет и другие совсем неосновательные привязки, клонящиеся явно к моей обиде. О всем выше-сказанном в декабре месяце 1866 и октябре месяце 1867 года я описал в своей жалобе предместнику Вашего сиятельства, но ходатайство мое осталось без последствий.

Будучи обременен семейством и терпя крайние недостатки при настоящей дороговизне на все жизненные припасы, я прибегаю под защиту Вашего сиятельства, осмеливаюсь всепокорнейше просить сделать милостивое начальственное распоряжение об удовлетворении причитающихся мне 200 руб. и таким образом доставить мне к жизни средства, которых я и моя семья лишены».

10 мая 1868 года Яков Обремский обратился к губернатору с повторной просьбой. Тогда к разбору спора был приглашен архитектор Михаэлис, который нашел, что жалоба Обремского имеет основания, хотя «обыкновенно здешние каменщики рядятся на каменную работу с тем, дабы не исключать окна и двери, но зато они уже не требуют особого вознаграждения за отделку последних, между тем в контракте об этом ничего заявлено не было». Дабы разрешить это дело, Михаэлис сделал новую смету, чтобы уплатить Обремскому не 200, а 153 руб.40 коп.

Священник Адам Михалевич назвал требования Обремского вымогательством, ибо заявленная им сумма ничем не подкреплена, а смету Михаэлиса – не согласующуюся с договоренностями, и предложил компромисс: уплатить Обремскому 54 руб., ибо при производстве каменных работ ему каждый день на помощь приходили 20 – 25 рабочих-прихожан, включая и каменщика Осипа Костюка, кроме того, Обремскому выделялся инструмент и т.д., приобретенный за церковные деньги. Здесь священник делал ссылку на то, что уплатить данную сумму он сможет лишь после выплаты ему 200 руб., причитающихся за безвозмездный кирпич.

Священник Михалевич неоднократно отмечал перед начальством «усердную и успешную деятельность местных прихожан в постройке Озерского Храма». Что же касается Обремского, то о причинах недовольства им он писал архитектору Михаэлису 23 апреля 1867 года следующее: «Милостивый Государь Осип Осипович! Приятным долгом почитаю поздравить Вас с праздником Св. Пасхи с выражением моего желания Вам здравия, бла-

гопомощи и всех благ от Господа Бога на многие лета! Просвященный Игнатий предполагает освятить нашу Церковь 25 будущего мая (т.е. 1867 г. – В.Ч.) на Вознесение Господне. До того времени осталось произвести некоторые починки; но после зимы оказались большие недостатки, а именно: нижний карниз от цоколя совершенно обсыпался вокруг всего здания; штукатурка на верхнем ярусе колокольни в некоторых местах отпала. Это произошло, я думаю, по нерадению Обремского, который заботился только о том, как бы насчитать себе побольше аршинов и получить еще побольше денег, а на работу и раствор извести не обратил внимания.

Все эти грехи теперь и спросить нельзя, потому что наружная штукатурка еще больше будет отпадать; меньшие же погрешности теперь исправлены.

Иконостас и Царские двери местами полопались и разошлись от сырости. В остальном же внутри все исправно. Ограда сделана из досок, прибитых к столбикам. Подмости перед дверьми будут сделаны на следующей неделе. Но главная беда, что на крыше протекает около башни.

Полагаю, что Вы еще изволите осмотреть нашу церковь до освящения и пособите нашему горю; хуже всего, что денег нет для уплаты долга, а комитет молчит по отношению к нашему донесению.

Ваш покорный слуга свящ. Михалевич».

В августе 1870 года Гродненская контрольная палата в ходе ревизии отчетности по расходованию средств на постройку церкви в Озерах выявила, что в ходе строительства было «употреблено кирпича и белой извести более сметного назначения на 822 руб. и 7 коп.». Не отрицая этого факта, священник Адам Михалевич в своих пояснениях на сей счет от 23 сентября 1870 года отметил следующее: «Об излишнем потреблении материалов пусть судит отрицательный производитель работ в лице техника Михаэлиса и архитектора Малишевского, я же со своей стороны положительно, свято по иерейскому моему долгу заявляю, что все показанные в моем отчете материалы употреблены по назначению, именно на постройку храма Божия безо всякого ущерба и злоупотребления. На меня была возложена обязанность постройки церкви хозяйственным способом; смета же выдана только для руководства. Операция эта исполнена в определенный двухгодичный срок благодаря стараниям прихожан и заботливости бывшего Церковного совета. Прихожане, кроме своих трудов в поставке всех материалов и чернорабочих, внесли наличными деньгами 1558 руб. 43 коп., не считая других расхо-

дов, внесенных в смету. Затем и расходы на излишние материалы относятся на собственные средства прихожан, не подлежащие постороннему контролю. Показываю также, что все расчеты с мастерами и поставщиками были составлены аккуратно, согласно устным и письменным условиям» [156].

И в последующем священник Адам Михалевич проявлял себя как истинный радетель за развитие храмостроительства на Гродненщине, причем не только у себя в приходе. Будучи Скидельским благочинным, он немало потрудился для введения в строй новопостроенной церкви в селе Черлена. Об этом, в частности, идет речь в письме епископа Брестского, викария Литовской епархии Евгения (проверить. – *В. Ч.*) к гродненскому губернатору генерал-майору Зурову от 11 ноября 1871 года: «Скидельский благочинный священник Адам Михалевич доносит мне следующее: «Для принятия новопостроенной Черленской церкви в духовное ведомство консисторией предписано священнику Скидельской церкви Будиловичу присутствовать в качестве депутата при осмотре здания и проверке техником, командированным из Гродненского церковно-строительного присутствия. Прошло два месяца после издания сего распоряжения, но техник так и не прибыл в Черлену для означенной надобности. Таким образом, Черленская церковь более года как оконченная постройка до сих пор еще не принята в Епархиальное ведомство, без чего нельзя испрашивать разрешение у духовной власти на ее освещение».

Прописав все это, отец благочинный просит меня ходатайствовать пред кем следует о скорейшем командировании техника для сдачи Черленской церкви в духовное ведомство» [157].

Вышеуказанное дает все основания считать, что строительство Свято-Духовской церкви в Озерах – это прежде всего результат трудов и хлопот священника Адама Михалевича и прихожан местечка. Что же касается даты завершения строительства и освящения церкви (у Иоанна Пашкевича – 11 июня 1866 года, а у Адама Михалевича – спустя год, 11 июня 1867 года), то наиболее достоверной следует считать точку зрения священника Адама Михалевича, вынесшего на своих плечах ее строительство. В любом случае следует признать, что «освящение храма было совершено Преосвященным Игнатием, епископом Брестским, викарием Литовской епархии в сослужении 10 священников и 7 диаконов. Ко дню освящения церкви в Озеры прибыли с крестным ходом братства Скидельской и Головачской церквей.

В последующем церковь неоднократно ремонтировалась и обновлялась как изнутри, так и снаружи. Так, в 1904 году вместо обветшавшего иконостаса был устроен новый величественный

иконостас в три яруса. Тогда же вместо штукатурных потолков в церкви устроили подшивные потолки. Необходимо отметить, что к Озерской церкви в 1837 году была приписана кладбищенская церковь (1785 г.) при деревне Губинка. В 1880-е годы она находилась уже в весьма ветхом состоянии.

Менялись и границы Озерского прихода. В 1837 году он состоял из м. Озеры и деревень Локна, Лыщицы, Бондари, Стрельцы, Коневичи, Пыры, Губинка, Стриевка и Лозы. В 1841 году в составе Озерского прихода числилась деревня Новоселки, которую с 1845 года стали именовать Кончатка. Такое название, по мнению Иоанна Пашкевича, произошло потому, что деревня эта находилась как бы в конце местечка. Называть эту деревню «Камчатка», как многие делают, считал он, не было никаких оснований». С 1844 года в Озерский приход вошли деревни Новая Руда и Глушнево. Такие границы прихода сохранялись до 1876 года, когда по распоряжению Литовской духовной консистории деревни Лыщицы, Бондари и Стрельцы отошли к вновь образованному приходу в селе Головачи. С 1903 года деревни Новая Руда и Глушнево были причислены к новооткрытому приходу на станции Поречье (в то время ст. Друскеники). В 1912 году в состав Озерского прихода входили следующие населенные пункты: местечко Озеры, деревни Стриевка, Кончатка, Локно, Лозы, Коневичи, Пыра, Пруды и Губинка, а также т.н. урочища Берви, Березина, Дубинка, Бабино, Конно, Мостки и Бушнево с населением до четырех тысяч человек обоего пола.

* * *

Историческая память прихожан сохранила до наших дней имена священников Озерского прихода. До 1780 года, но с какого времени – неизвестно, настоятелем Озерской Петро-Павловской церкви был Сымон Магусевич, умерший и погребенный в местечке. Где находится его могила, неизвестно.

С 1780 года священником этой же церкви был Иосиф Кучинский, утвержденный на это служение в Гродно 25 апреля того же года польским королем Станиславом-Августом Понятовским. Этот священник служил при Озерской церкви до 1827 года, т.е. 46 лет. Где умер и погребен – неизвестно.

С 1827 года настоятелем Петро-Павловской церкви в Озерах был Стефан Германович. Родился он в 1788 году в семье церковнослужителя. Начальное образование получил в Корниловском приходском училище близ Бельска, после чего служил дьячком при местной церкви. С 1815 по 1816 год обучался в Жировичской семинарии. 28 марта 1817 года был рукоположен митрополитом Иоса-

фатом в священники Беловежской церкви. В 1818 году переведен к Головачской Воздвиженской церкви. После девятилетнего служения в мае 1827 года был переведен в Озеры. Женат Стефан Германович был на дочери священника Венедикта Кунаховича и имел троих детей – Схоластину, Леокадию и Камилию, «впоследствии доставивших православному священнику своим упорством в латинстве и участии в мятеже 1863 года», за что в начале 1864 года сосланы в дальние российские губернии.

Священник Стефан Германович прослужил при Озерской церкви до 14 ноября 1850 года, т.е. до перемещения его к Лашанской Николаевской церкви. По данным от 26 марта 1856 года, он числился священником за штатом при Озерской Петро-Павловской церкви. Скончался в Озерах 20 октября 1867 года и погребен на местном кладбище. Следов от его могилы не осталось, хотя предание гласит, что это могло быть захоронение при входе на кладбище с правой стороны.

С 14 ноября 1850 года настоятелем при Озерском приходе был священник Адам Михалевич. Родился он в 1821 году. Образование получил в Литовской духовной семинарии в Вильно. 22 августа 1842 года был рукоположен к Левшовской Успенской церкви. 19 апреля 1845 года был переведен в Скидельскую церковь, 14 ноября 1850 года – по распоряжению епархиального начальства в местечко Озеры, как гласит местное предание – «для укрепления Православия в приходе, едва прозябавшего при воссоединенном из унии предшественнике его священнике Германовиче».

Отец Адам Михалевич (с 1875 года – протоиерей) служил при Озерском приходе более 27 лет (с 1850 по 1878 год), из которых около четырех лет состоял в должности Скидельского благочинного. Эти годы не прошли бесследно для местного прихода. Священник Михалевич «зорко следил за прихожанами – бывшими униатами и безуспешно убеждал их переходить в лоно Православной церкви, а переписка его по поводу устройства в Озерах каменной церкви убедительно показывает, насколько горячо он работал за святое для него дело. Много неприятностей пришлось перенести ему при постройке нового храма; ему пришлось даже фигурировать в камере судьи вместе с каменщиком Обремским, недобросовестно исполнившим порученную ему работу».

Озерский приход многим обязан отцу Адаму. Он был погребен с восточной стороны церкви Святого Духа, его трудами и заботами построенной и украшенной. Памятник на его могиле, как гласит надгробная надпись, был а воздвигнут а любившими и почитавшими его прихожанами, и ежегодно долгие годы 1 ноября на могиле

отца Адама творился помин его души. Любовь народа – награда уроженцу Малороссии Михалевичу за его честное иерейское служение в Принеманском крае.

С 10 августа 1878 года в Озерском приходе священствовал отец Михаил Пашкевич – ровесник и личный друг Адама Михалевича. Священник Михаил Келестинович Пашкевич родился в сентябре 1821 года в семье униатского священника села Мыщицы Кобринского уезда Гродненской губернии. Семи лет от роду он потерял отца. Девятилетним мальчиком был отдан на казенное содержание в Кобринское духовное училище, где учился с 1831 по 1835 год. По окончании училища он поступил в Литовскую духовную семинарию, которая находилась в м. Жировицы Слонимского уезда. За время шестилетнего обучения в семинарии (1835 – 1841 годы) Михаил Пашкевич под руководством ректоров Антония Зубко и протоиерея Ипполита Голощицкого, а также всей преподавательской корпорации был воспитан в строго православном духе.

24 января 1843 года Михаил Пашкевич был рукоположен епископом Михаилом (Голубовичем) к Высокодворской Покровской церкви Виленской губернии Трокского уезда. 2 июля 1845 года он был переведен (согласно прошениям) в Меречскую Воздвиженскую церковь той же губернии и уезда. 10 августа 1878 года, опять-таки согласно прошению, был перемещен к Озерской Свято-Духовой церкви. Здесь, кроме ревностного исполнения своих пастырских обязанностей, отец Михаил усердно трудился на ниве народного образования. На протяжении 28 лет (с 1849 по 1877 год) он занимал должность учителя Меречского народного училища. За это время им были получены благодарности от митрополита Литовского Иосифа (Семашко), генерал-губернатора М.Н. Муравьева и от Виленской дирекции народных училищ за усердные труды во вверенном ему училище».

Одновременно по назначению епархиального начальства священник Пашкевич исполнял должности благочинного, духовника и духовного депутата. Меречский приход во время служения его здесь превратился в один из лучших в уезде. Пашкевичу удалось не только примирить 300 переселенцев из внутренних российских губерний с местным католическим населением, но и удержать католиков от участия в мятеже 1863 года.

В должности настоятеля Озерской церкви отец Михаил за примерную пастырскую службу был причислен к ордену св. Анны 3-й степени, а за усердное законоучительство в Озерском народном училище неоднократно получал благодарности Гродненской дирекции народных училищ. За свою примерную пасторскую службу священник Михаил Паш-

кевич был удостоен всех священнических наград, завоевал любовь и почитание прихожан. Это особенно ярко проявилось в день празднования 50-летия его священства 24 января 1893 года.

Вот как освещалось оно на страницах «Литовских Епархиальных Ведомостей» (1893. – № 7. – С. 59 – 61). Торжество началось еще 23 января совершением всенощной, т.к. юбилей совпал с воскресным днем. Несмотря на вечернее время (6 часов вечера), церковь была заполнена народом; служил всенощную сын юбиляра Николай Пашкевич с диаконом Гродненского Софийского собора Герасимом Говсем; на литию и полиелей вышли: прибывший из Вильны товарищ юбиляра протоиерей Петр Левицкий в сослужении с Гродненским благочинным протоиереем Григорием Кудрицким, а также настоятелем Виленской Свято-Николаевской церкви Митрофаном Померанцевым. Пел Озерский церковный хор, составленный из крестьянских мальчиков почетным попечителем местной церкви гродненским чиновником А.А. Цветковым. После всенощной была отслужена панихида по всем почившим сродникам юбиляра.

На следующий день громадная толпа народа с раннего утра заполнила храм. В 10 часов утра под торжественный звон юбиляр прибыл в церковь, где на паперти был сердечно встречен прихожанами во главе с настоятелем Вертелишковского прихода Львом Кудрицким в сослужении со священником Николаем Пашкевичем и Львом Теодоровичем. На литургии в церкви присутствовали: протоиерей Кобринского собора Лев Пашкевич и настоятель Дисненской Воскресной церкви Александр Грязнов. По окончании литургии духовенство приветствовало юбиляра. Затем почетный попечитель прихода А.А. Цветков от имени всех прихожан преподнес отцу Михаилу наперстный крест, сопроводив этот акт задушевным приветственным адресом, «напечатанным золотыми буквами на роскошной бумаге за подписью прихожан и попечителей». Гродненский благочинный, протоиерей Григорий Кудрицкий подарил юбиляру драгоценную икону св. Архистратига Михаила (внизу этой иконы на серебряной дощечке были выгравированы подписи священников Гродненского благочиния). Священником Николаем Пашкевичем юбиляру были поднесены икона Виленской Божией Матери – благословение Преосвященного Иосифа, епископа Брестского, и икона святых Виленских мучеников – от него лично. Благоговейно приложившись к поднебесным святым иконам, отец Михаил Пашкевич принял участие в совершении торжественного благодарственного молебствия с провозглашением многолетия «всечестнейшему отцу Михаилу с паствой». После молебна был совершен крестный ход вокруг церкви и в Петро-Павловскую церковь. Из церк-

ви юбиляр был торжественно сопровождаем в свой дом, где при входе его встретил хор певчих с пением «Многия лета». В числе присутствующих при сем, кроме духовенства и прихожан, было много офицеров батальона 103-го пехотного Петрозаводского полка, расположенного в Озерах, где за отсутствием полкового священника отец Михаил исполнял духовные требы воинов. Юбиляра приветствовал командир батальона штабс-капитан Н.П. Лукьянович.

В три часа дня гостям была предложена скромная трапеза, проникнутая духом христианской любви друг к другу. Милостивым пастырским вниманием почтил юбиляра епископ Брестский Иосиф, приславший ему в дар, кроме святой иконы, все свои сочинения и фотографическую карточку. Письменное приветствие владыки прислушано было всеми присутствующими с глубоким почтительным вниманием. Из Петербурга была получена поздравительная телеграмма юбиляру от председателя Озерского попечительства графа В.В. Левашева. Прочитаны были многочисленные приветствия от родных и близких: племянника юбиляра, инспектора Тверской духовной семинарии М.П. Пашкевича; зятя его, законоучителя Полоцкого кадетского корпуса священника Я.Н. Благовещенского; протоиерея Бельского собора Григория Пенокевича; священника Друскеникской церкви Федора Лавриновича; священника Воскресенской церкви г. Останкова Тверской губернии Ионна Боброва; главноуправляющего графа Левашева М. Кангера и многих других почитателей.

Священник Михаил Пашкевич прослужил при Озерской церкви 17 лет и с 25 июля 1895 года был уволен по прошению за штат. За годы его службы были окончательно изжиты всякие упоминания в приходе об унии, все церкви прихода его заботами были отремонтированы; усадьба причта также была приведена в порядок. Сам приход покрылся сетью церковных школ грамоты, открытых крестьянами по его настоянию. Скончался отец Михаил в Озерах 5 апреля 1906 года и погребен согласно его предсмертной просьбе при кладбищенской Петро-Павловской церкви с восточной ее стороны.

С 1895 по 1915 год в Озерском приходе священствовал отец Иоанн Пашкевич – младший сын священника Михаила Пашкевича. Священник Иоанн Пашкевич окончил в 1895 году Литовскую духовную семинарию и 17 сентября того же года был рукоположен в священники архиепископом Литовским и Виленским Иеронимом к Озерской Свято-Духовской церкви. Молодой священник не жалел сил для поддержания того уровня состояния дел в приходе, который был достигнут трудом его предшественников. Вместе с тем он первым среди всех священников взялся за написание истории прихода, и ему многое в этом отношении удалось.

Известно, что в 1906-1907 годах священник Иоанн Пашкевич

являлся Скидельским благочинным. Подтверждение этому можно найти в архивном деле «О служении молебнов по случаю избавления Его Императорского Величества от угрожавшей опасности». Суть дела заключалась в том, что на факт раскрытия в апреле 1907 года полицией готовившегося боевым отрядом партии эсеров (Наумов, Никитенко, Синявский и др.) покушения на императора Николая II по всей России начался массовый подъем патриотических настроений, включая и служение духовенством в церквях благодарственных молебнов по данному поводу. В деле, в частности, имеются: рапорт Скидельского благочинного Иоанна Пашкевича от 19 мая 1907 года на имя епископа Гродненского Михаила (Ермакова) о представлении ему на утверждение копии акта Скидельского Благочинного съезда, а также и текст данного документа. Его содержание весьма полно характеризовало образ мыслей и действий составителей.

«Акт. 1907 года, мая 17-го дня, с. Вертелишки. По открытии заседания, помолившись и возблагодарив Господа за чудесное избавление Государя Императора от угрожавшего Его жизни заговора, Скидельский Благочинный съезд священно-церковнослужителей в составе 9-ти священников, 2-х диаконов и 11-ти псаломщиков, пораженный и возмущенный злодейским заговором на драгоценную жизнь возлюбленного Монарха нашего и Самодержца Всероссийского, выражая величайшее презрение к преступникам и всем сочувствующим им, постановил просить Преосвященнейшего владыку, своего архипастыря, повернуть к стопам Его Императорского Величества чувства любви, преданности и радости об избавлении Его Помазанника Божия от угрожавшей Ему опасности. О чем и составлен настоящий акт. Подлинный подписали: Скидельский благочинный священник Иоанн Пашкевич, священники Алексей Селезнев, Павел Кушнев, Иоанн Хомичевский, Лев Теодорович, Александр Некрасов, Александр Ральцевич, Василий Врублевский, Виталий Страковский, Платон Карпович, Антоний Пилинkevич, псаломщики Александр Давыдов, Петр Дорошкевич, Андрей Борис, Павел Харкевич, Захарий Ясинский, Николай Кандрусик, Гавриил Якимец, Петр Халецкий, Викентий Сивицкий, Иосиф Игнатович, Александр Одельский» [158].

В качестве настоятеля Озерского прихода отец Иоанн встретил и Первую мировую войну. Он немало потрудился в приходе в области попечительства за семьями воинов, ушедших на войну, по оказанию помощи больным и раненым воинам русской армии. Когда же кайзеровские войска подошли вплотную к родным местам, священник Иоанн Пашкевич вступил в действующую армию. 1 августа 1915 года он числился священником 334-го полевого под-

вижного госпиталя.

Как сложилась его дальнейшая судьба – неизвестно.

* * *

Благодаря усилиям священника Иоанна Пашкевича, изучившего клировые ведомости, хранящиеся при Петро-Павловской церкви, нам стали известны имена священнослужителей Озерского прихода, служивших здесь в XIX – начале XX веков. Так, в 1817 году при церкви был лишь один служитель, но имя его неизвестно.

В 1818 году церковными служителями числились вольные крестьяне Юрий Рыщевский и Ян Баубер. С 1837 года при церкви числился штатный дьячок Павел Захаревич, происходивший из казенных крестьян. Он окончил Клещельское училище и с 1812 до 1837 года занимал должность дьячка при Беловежской Свято-Николаевской церкви. В Озерах он служил до 1854 года. До Павла Захаревича в приходе сверхштатными дьячками служили Прокопий Вошенька (с 1827 года) и Матвей Тушкевич до 1827 года, служивший при Головачской церкви.

С 1851 года при церкви, кроме дьячка Захаревича, числился еще диакон Константин Рафаилович. После окончания Литовской духовной семинарии он был рукоположен 19 января 1848 года во диакона и Семятичской церкви, а 13 марта 1851 года он был переведен в Озеры, где прослужил до 1875 года и 14 апреля того же года там же и скончался.

На место дьячка Захаревича 19 июня 1854 года поступил из казенных крестьян Андрей Глинский, принятый в духовное звание еще в 1848 году. Глинский прослужил при церкви до 1862 года. С 18 марта 1862 года по 1871 год в Озерской церкви служил дьячком священнический сын Константин Радзивонович, обучавшийся в причетническом училище. С 1871 по 1873 год служил при церкви исполняющим обязанности псаломщика причетнический сын Иван Яковлевич Варсанович. С 1873 по 1874 год служил исполняющих обязанности псаломщика причетнический сын Игнатий Добровольский.

С 20 сентября 1874 года по 3 апреля 1903 года в Озерах служил псаломщиком священнический сын Юлиан Макарович, обучавшийся в Жировичском духовном училище. Скончался он в Озерах и был погребен на кладбище у самого входа. С 20 сентября 1880 года по 1890 год служил совместно с Макаровичем псаломщик Емельян Дружиловский – священнический сын, окончивший Литовскую духовную семинарию.

С 1880 года при Свято-Духовой церкви совместно служили два псаломщика. С 1890 по 1892 год псаломщиком состоял священнический сын Владимир Занкевич, окончивший Литовскую духовную

семинарию. С 1892 года по 1901 год псаломщиком состоял выходец из крестьян Слонимского уезда Захарий Ракуць, обучавшийся в Свислочской учительской семинарии. С 6 октября 1901 года по 1907 год псаломщиком церкви был выходец из крестьян Сокольского уезда Петр Дорошкевич. С 1907 года должность второго псаломщика в Озерах была закрыта.

С 1902 по 1912 год в Свято-Духовской церкви служил псаломщиком Андрей Борис – из крестьян Гродненского уезда. Он обучался в Виленской псаломщицко-певческой школе и на краткосрочных курсах псаломщиков в Гродно.

Завершил священник Иоанн Пашкевич свое исследование об Озерском православном приходе следующими словами: «Да сохранится же в летописях Озерской церкви память давно прошедших лет на многие лета» [159].

3.10. ДВА НЕКРОЛОГА

Листая 40 номер «Литовских Епархиальных Ведомостей» за 1891 год, я обнаружил на его страницах два «прощальных слова» священникам, тесно связанным своею жизнью с Гродненщиной: один – по службе, другой – по рождению. И хотя они упокоились в разных местах: один – в селе Вертелишки, а другой – в городе Люблине, несомненно, есть в их жизни что-то общее, делающее их жизнь и уход из нее небезразличными нам. Хотелось бы, чтобы как можно большее число людей знали их имена. Некрологи, посвященные этим людям, помещаются здесь с небольшими сокращениями.

«9-го августа в 3 часа дня скончался от скоротечной чахотки священник церкви в с. Верцелишках, в 8-ми верстах от Гродны, Иоанн Петрович Гашунин, хорошо известный многим православным гродненцам своими трудами и огромною энергией в деле распространения религиозного просвещения среди простого народа.

Уроженец Тверской губернии Иоанн Петрович, по окончании местной духовной семинарии 9 сентября 1863 года был назначен на должность народного учителя в Тверской губернии, а 20 июня 1865 года – на должность надзирателя Виленского духовного училища. Несмотря на краткость службы, он выделялся среди сослуживцев своими способностями и добротой и заслужил любовь детей. 23 октября 1865 года он был уже рукоположен во священника Скидельской церкви Гродненского уезда, а 15 января 1875 года перемещен по прошению к Верцелишской церкви. С 4 ноября 1865 года о. Иоанн состоял законоучителем

безвозмездно сначала при Скидельском народном, а затем при Верцелишском приходском училищах, исполняя эту обязанность с полным усердием и вниманием к религиозному воспитанию народа. 17 июня 1880 года назначен помощником благочинного, каковую должность исполнял по день смерти. 5 декабря 1883 года назначен наблюдателем за церковно-приходскими школами Гродненского благочиния, обширного по своему пространству, а потому трудного для объездов наблюдателя, а 30 июня 1889 года – членом Гродненского уездного отделения училищного совета и 15 февраля 1890 г. избран делопроизводителем оно-го. Покойный о. Иоанн неоднократно получал за отлично ревностное исполнение пастырских обязанностей благодарности начальства; последнею наградою его была в текущем году бархатная камилавка. Таков краткий официальный очерк службы покойного.

Прямодушие, добросовестность, откровенность, мягкосердечие и отзывчивость к нуждам другого были неизменными качествами покойного о. Иоанна как человека и как семьянина, беззаветно любившего детей и взаимно ими любимого.

Как пастырь и учитель покойный отличался преданностью Св. Церкви и ревностным исполнением своих обязанностей. Благодаря его аккуратности в служении и заботам, церковь приведена в благолепный вид и обеспечена материально. Особенною заботою покойного было распространение в приходе учения в духе православной веры, с какой целью им было открыто 4 школы грамотности в деревнях: Ридзелях, Тоболе, Тополеве и Козловичах.

В один из частных разъездов по обязанности наблюдателя церковно-приходских школ в благочинии о. Иоанн простудился. Как бы не замечая своего недуга, он неослабно исполнял требы и служил в великом посту почти ежедневно. Перед праздником Пасхи ему пришлось поехать к больному за 18 верст в дождливую погоду. Как ни защищал себя о. Иоанн от неблагоприятной погоды – простуда усилилась, и в среду великую во время служения у него пошла горлом кровь. Не желая оставлять церкви в такие великие дни без служения, да и сам, чувствуя к нему непреодолимое влечение, он прослужил и первые дни Пасхи, но затем почувствовал большой упадок сил. По совету докторов он ездил в Друскеники и в Самару, но это не принесло ему ожидаемой пользы. Недуг быстро разрушал его здоровье. Возвратясь домой из Самары, он слег в постель, с которой уже не вставал. Эти последние дни он употребил на приготовление себя к вечности, был напутствован святыми тайнами и соборован о. протоиереем А. Оноцким. 12 августа он был торжественно погребен на погосте церкви тем же протоиереем в сослужении множества священников, почтившим память покойного надгробным словом. Мир

праху твоему, добрый пастырь! Вечная тебе память!».

А вот текст второго некролога: «1 июня (1891 года. – В. Ч.) в г. Люблине скончался на 68-м году от роду настоятель Люблинского собора, протоиерей Михаил Иоакимович Ивановский.

Вот краткие биографические сведения о покойном.

Сын священника Гродненской губернии, по увольнении, за болезнью, из С.-Петербургской духовной академии, 15 июля 1844 г. о. Михаил определен был старшим учителем в Березвечское духовное училище Литовской епархии. Спустя год он рукоположен был блаженной памяти митрополитом Иосифом Семашко во священника к Воложинской церкви 14 октября 1845 года. Таким образом, о. протоиерею судить Боге прослужить из священничества свыше 45 лет.

В августе 1847 года, по усмотрению того же митрополита, назначен был настоятелем Молодечненской церкви, а в следующем году утвержден был и в должности законоучителя Молодечненского уездного для дворян училища. С преобразованием этого училища в прогимназию в 1860 году оставлен в ней законоучителем. По Высочайшему повелению 25 июля 1863 года Молодечненская прогимназия была закрыта. Спустя 7 лет после рукоположения в сан священника о. Ивановский определен был Молодечненским благочинным, какую должность проходил непрерывно около 12 лет – до самого открытия в м. Молодечно учительской семинарии – куда он назначен был законоучителем, в этой должности оставался с 28 октября 1864 г. по 25 августа 1875 г. 11 лет законоучительства о. протоиерея Михаила в Молодечненской семинарии (первой по времени открытия по всей России) составляют в истории ее блестящую страницу.

Незабвенный князь А.П. Ширинский-Шихматов, глубоко уважавший о. Михаила, вот что писал ему в письме от 26 января 1877 г., найденном в бумагах покойного: «Не могу не пожалеть, что Молодечненская семинария, которая дорога мне и как учреждение, вызванное к существованию в мое управление округом, – на началах мною представленных, – и как родоначальника с лишком 40 семинарий теперь уже существующих, – лишена вашего опытного руководства, столько лет и с видимым успехом продолжавшегося... Об оставлении вами Молодечны я узнал от о. кафедрального протоиерея Гомолицкого: выразил и пред ним свое глубокое сожаление о том, что вы покинули дитя, родившееся и выросшее под вашим духовным наблюдением...».

В мае 1876 г. отец протоиерей Ивановский по предложению архиепископа Варшавского Леонтия (товарища покойного по академии) пе-

реведен был в г. Радом настоятелем собора и законоучителем гимназии. В январе 1885 г. перемещен на те же должности в г. Люблин; в 1888 г. избран был духовником и назначен благочинным 1-го люблинского округа. Здесь и закончилось многотрудное служение его Св. Церкви.

Почивший о. протоиерей М. Ивановский известен в литературе не только как педагог, но и как публицист. Немало разбросано в разных повременных изданиях (начиная с «Литовских Епархиальных Ведомостей» и кончая «Холмско-Варшавским Епархиальным Вестником») его проповедей, статей и заметок, большею частью исторического содержания. Как труженик, прошедший тяжелым искусом самообразования нелегкое поприще жизни, покойный смело выступал своим блестящим и правдивым пером в таких даже изданиях, как «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Московские Ведомости», «Странник» и т.д. Будучи очевидцем прошлых судеб унии и бурного последующего затем течения исторической жизни своего родного края, о. Михаил оказался вполне достойным высокого доверия двух маститых иерархов – в Бозе почившего митрополита Иосифа и ныне здравствующего архиепископа Леонтия, которые всегда с особенным уважением относились к его честной деятельности. А как на плод его многолетних педагогических трудов нельзя не указать его «Руководство к изучению Закона Божия» в трех частях, напечатанное в 1876 г., одобренное учебным комитетом при Св. Синоде и особым отделом ученого комитета Министерства Народного Просвещения и признанное учебником по Закону Божию для воспитанников учительских семинарий как Виленского, так и других учебных округов.

Вообще о. Михаил оставил по себе незабвенную и добрую память как честный и бескорыстный труженик на ниве Христовой; образцовая его и притом разнородная деятельность, при симпатичных душевных качествах, снискала ему всеобщую любовь и привязанность во всех слоях общества, начиная с пройденной им скромной стези сельского пастыря и кончая высшими должностями, которые он проходил с отменным усердием. За свою отличную службу о. Михаил имел все награды, доступные его сану, в том числе – наперстный синодальный крест, ордена св. Анны 3-й и 2-й степеней, св.Владимира 4-й и 3-й степеней.

Память почившего почтил преосвященный Анатолий, епископ Уманский, прислав из Киева на имя родных в Люблин следующую телеграмму: «Глубоко скорблю о кончине незабвенного протоиерея Михаила и молюсь об упокоении его души. К похоронам не успею

приехать. Господь да утешит всех вас. Епископ Анатолий».

Проводы о. Михаила в жизнь вечную, при громадном стечении народа, приковали ко гробу его внимание всех, без различия национальностей и вероисповедания. Многотысячная толпа, сопровождавшая останки умершего до самой могилы, показала, как дорога и любезна для всех память о почившем... На гроб его возложено было несколько живых и металлических венков от корпораций и учреждений губернии с лаконическими надписями, в которых, как в зеркале, рельефно отобразилась так же любовь к почившему. Перед отпеванием, совершенным соборным духовенством, прибывшим на похороны из разных мест, сказано было зятем покойного прекрасное слово на евангельский текст. В этом слове живыми и яркими чертами изображена была вся жизнь почившего – от самой колыбели до гробовой доски! Полная высокого одушевления проповедь вызвала слезы у окружающих гроб о. Михаила...

Почивай же сном праведника, честный и бескорыстный труженик в вертограде Христовом! Мир праху твоему и вечная тебе память из рода в род».

Две жизни, две судьбы... Очень бы хотелось после прочтения прощальных слов, посвященных нашим землякам-священникам, побывать у их могил и отдать им должное за их бескорыстное служение Богу и людям.

3.11. ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НА ГРОДНЕНЩИНЕ В ОЦЕНКЕ «ВЕСТНИКА ВИЛЕНСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ДУХОВСКОГО БРАТСТВА» (1907 – 1915)

31 января 1907 года указом Св. Синода на имя архиепископа Литовского и Виленского Никандра (Молчалова) Виленскому Св.-Духовскому Братству, основанному в 1458 году и восстановленному в 1865 году, было разрешено издавать журнал под названием «Вестник Виленского Православного Св.-Духовского Братства». В этом же указе отмечалось, что журнал этот должен заменить собой неофициальную часть «Литовских Епархиальных Ведомостей». Ответственным редактором «Вестника Братства» был назначен помощник архивариуса Виленского центрального архива, кандидат богословия Д.И. Довгяло (1868 – 1942). В последующем в разные годы журнал редактировали: Г.Я. Киприанович, архимандрит Иоанн, В.В. Богданович, А.И. Миловидов, архимандрит Лаврентий,

В.А. Ивановский, В.И. Знаменский.

К решению об издании данного печатного органа местное духовенство и члены Виленского братства пришли еще весной 1905 года. О характере задуманного издания имеются сведения в письме архиепископа Литовского и Виленского Никандра (Молчанова) от 4 августа 1905 года на имя епископа Гродненского и Брестского Никандра (Каменского). В нем, в частности, говорилось: «Новые тяжелые условия, в какие поставил православно-русское дело в Западном крае Высочайший указ 17 апреля сего года о свободе вероисповедания, получивший превратное толкование в устах римско-католиков, заставили Виленское Св.-Духовское Братство, издревле служившее оплотом православия и русской народности в крае, направить все силы для борьбы за дорогие заветы.

Совет Братства, согласно постановлению общего собрания от 9 июня с.г., решил расширить свою деятельность. И с этой целью наряду с изданием соответствующих брошюр и листов предполагает с начала 1906 года издавать по особой программе журнал – «Братский Вестник» с тем, чтобы он составлял неофициальную часть Литовских Епархиальных Ведомостей, являясь в официальной своей части епархиальным органом. В журнале намечено 5 отделов:

1-й отдел – церковная история, западно-русская история (гражданская), статистика и история местных древностей;

2-й отдел – изложение инославных вероучений, с апологетикою православия;

3-й отдел – библиография;

4-й отдел – хроника Братства и приходской жизни как Литовской епархии, так по возможности и всего края;

5-й отдел – приложения по примеру «Троицких» и «Почаевских Листков». В качестве приложений предположено дать в русском переводе текст молитвословий и песнопений всего года. Намечено также, согласно желанию окружного Съезда духовенства Литовской епархии, бывшего в г. Вильне в конце мая и в начале июня сего года, издание практического катехизиса – молитвослова для народа. (Подобные сведения о журнале будут сообщены своевременно – письменно и путем объявлений в периодических изданиях.)

Наряду с изданием журнала и брошюр Совет Братства постановил также для привлечения к участию в своей деятельности городского и сельского духовенства открыть уездные отделения Совета Братства согласно параграфам 24 – 30 Братского Устава и церковно-приходские православные братства, согласно особому выработанному комиссией уставу.

Совет Братства, извещая о сем Ваше Преосвященство, выра-

жает уверенность, что идея Братства о журнале встретит в Вашем лице полное сочувствие и что духовенство вверенной Вашему Пресвященству епархии, связанное в исторических своих судьбах с Виленским Братством, откликнется на призыв старейшего Братства и примет участие как в подписке на журнал для большего успеха дела, так и в сотрудничестве на его страницах».

По причинам чисто бюрократического свойства издание «Вестника Братства» реально осуществилось лишь спустя два года. В первом номере журнала, вышедшем в Вильно 1 марта 1907 года, была помещена «Программа «Вестника Виленского Православного Св.-Духовского Братства», предполагавшая публикацию на своих страницах статей «по вопросам современной церковно-общественной жизни в России вообще и в Северо-Западном крае в особенности», материалов «по апологии Православной Церкви и веры, по догматическому и сравнительному богословию, очерков по истории и археологии края. Планировался также обмен мнениями между читателями по поводу напечатанных в журнале статей, а также краткие библиографические заметки, различные сведения по сельскому хозяйству, объявления, издание приложений к журналу и т.д.

В редакционной статье первого номера журнала его «Программа» получила еще более пространное толкование. Среди причин создания нового печатного органа в статье говорилось о необходимости «укрепления православных в их праотеческой вере» и «ограждения их от посягательств на их веру со стороны римско-католической веры», «указания высоты православия сравнительно с отступившими от истины иноверными церквями». Среди других причин назывались: «вступление православной русской Церкви в период решительных и капитальных реформ, направленных к освобождению Церкви от государственной опеки», а также деятельность революционных агитаторов, «под влиянием которых во многих местах были сделаны попытки к осуществлению своих сумасбродных идей». В этой связи заявлялось о том, что «Виленское Православное Братство считает своим нравственным долгом послужить православному русскому народу (имелся в виду триединый русский народ – великороссы, малороссы и белорусы. – *В. Ч.*) по мере сил в указанном направлении.

Здесь же давался обзор виленской периодической печати, распространявшейся по всему краю: «Литовцы имеют одну ежедневную и три еженедельные газеты. Еврейские жаргонные издания из Вильны распространяются по всему краю. Некто Уласов издает еженедельную газету на белорусском языке под заглавием «Наша Нива». Поляки имеют две ежедневные газеты и четыре еженедельные. А

сколько за последнее время народилось в Вильне польских, антирусских, противоправительственных обществ и союзов: «Конституционно-католическая партия», «Польское коло», «Освята», «Школьная матица», «Общество Сокол», «Общество Лютня», «Общество народодумцев» и др. Данное обстоятельство еще более подчеркивало, по мнению редакции, «острую нужду православного общества в таком издании, которое бы стояло на страже охраны православно-русских интересов от напора воинствующего римско-католичества... и это не черносотенство, не выдумка... Насколько мы удачно справимся с принятой на себя работой – покажет само дело. Мы считаем своей священной обязанностью неотступно следовать в своих отношениях со всеми иноверцами завету приснопамятного владыки Литовского, впоследствии митрополита Московского Макария (Булгакова). Он говорил: «Ревнуйте об истине Христовой: о спасении ближних; но помните, что Православие есть чистейший свет и отнюдь не должно распространяться путями тьмы. Употребляйте для этого одни только оружия света: наставление, вразумение, убеждение, краткость, любовь, собственный пример благочестивой жизни. Другие христиане, придерживающиеся мнения, будто цель освещает средства, – для нас не пример... Совершеннейшая любовь, всеобъемлющая, всепроникающая есть лучшее украшение православного христианина и вернейшее средство для победы над всякою враждою... И чем более вы будете отличаться любовью среди иноверцев, тем неотразимее она будет покорять их сердца...».

Этому завету митрополита Макария редакция «Вестника Братства» стремилась следовать всегда. К этому она призывала и читателей журнала.

В конце первого номера журнала было помещено обращение редакции и издательского комитета Виленского Братства (А.В. Белецкий, священники М.М. Пашкевич, Д.Г. Модестов, Н.И. Лузгин, Г.Я. Кипрянович, Е.Р. Романов, М.И. Врублевский) к своим будущим читателям: «к духовенству, учителям и ко всем ревнителям веры и церкви православной в Северо-Западном крае»: «Отцы и братья! Жизненность и интерес «Вестника» зависит исключительно от Вас. Не медлите и не откладывайте – делитесь своими сообщениями, наблюдениями, мыслями, чувствами и планами с редакцией «Вестника Братства». Живая связь и постоянное взаимообщение с Вами поможет Братству с полным успехом выполнить ту великую задачу, которую оно приняло на себя настоящим изданием. В наше время, когда печатное слово с каждым днем приобретает все большую и большую силу, молчание Ваше и наше было бы преступлением пред православной верой и церковью, пред тем делом, которому мы со-

обща служим. Ни формой изложения, ни кажущейся незначительностью факта отнюдь не стесняйтесь. Одно только нужно, чтобы факты были безусловно верны».

На Гродненщине было немало людей, которые не только читали «Вестник», но и помещали в нем свои статьи. Именно благодаря такому сотрудничеству на страницах журнала публиковались сведения об общественно-церковной жизни в Принеманье. Так, в рубрике «Из жизни Братства» редакция сообщала о решении Виленского Св. Духовского братства «принять участие в торжестве празднования 500-летнего юбилея приходского каменного храма во имя Рождества пресвятой Богородицы в селе Мало-Можейкове Лидского уезда. Храм этот представляет одно из выдающихся произведений древности. Ныне по поручению Совета Братства преподавателем Литовской духовной семинарии Н.А. Предтеченским готовится брошюра о храме, которая будет раздаваться верующим 10 мая 1907 года в день празднования названного юбилея».

Не скрывала редакция и негативных фактов во взаимоотношениях православных с католиками. В одном из номеров журнала приводился следующий «новейший факт»: «2-го января в местечке Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии православные прихожане на 500 подводках доставляли камень для постройки церкви на месте упраздненного с 1863 года недостроенного костела. Ныне это место принадлежит православному ведомству. Местные католики в числе более 1 тысячи человек, несмотря на увещевания власти, оказали вооруженное сопротивление страже, охранявшей подводчиков. Толпа католиков, произведя два выстрела из револьвера, бросилась с кольями и камнями на стражников. Нападение пришлось останавливать огнем...».

Много места отводил «Вестник» показу участия северо-западных православных братств в выборах во II Госдуму. По мнению редакции, «после минской, гродненская православная паства в избирательную кампанию перед нынешней 2-й Госдумой проявила особенно выдающуюся деятельность, и что особенно широко в ней заявило о себе Гродненское Софийское Православное Братство (ГСПБ)». Сведения о данной стороне деятельности Братства представляются исключительными, по этой причине они приводятся нами лишь с небольшими сокращениями.

«В октябре 1906 года от Братства с благословения преосвященно-го Михаила, епископа Гродненского, была командирована в С.-Петербург особая депутация. Она состояла из неперемennого члена Братства, кафедрального протоиерея Н. Диковского и братчика А.Д. Орлова. Депутация имела своей задачей осветить положение православно-рус-

ского дела в Гродненской губернии и исходатайствовать русскому населению безобидное право участия в выборах депутатов в Государственную думу (по принципу пропорциональности к составу населения, о невведении земства без коренного пересмотра положения 1890 года, о применении сего положения к законным и исконным русским интересам Северо-Западного края). Депутация пробыла в С.-Петербурге с 15-го по 23-е октября и действовала совместно и единодушно с депутациями от других окраинных городов (Варшавы, Вильны, Минска, Ковны, Юрьева, Витебска и Риги), совместно с гродненскими депутатами, утруджавшими правящие сферы во главе с председателем Совета Министров П.А. Столыпиным.

В ноябре месяце Братством сделан очередной шаг в том же направлении. Когда после торжественного освящения 8 ноября 1906 г. церкви при сельской лечебнице, при Красностокской женской обители, в Гродну прибыл преосвященный Холмский Евлогий и на заседании Софийского братства сообщил скорбную весть о тяжелом положении русских православных людей Холмской Руси, то тут же окончательно было осуществлено давно назревшее у православных русских людей г. Гродны предположение просить архипастыря Гродненского лично отправиться в С.-Петербург для представительства за кровные интересы гродненской паствы. Епископ Михаил изъявил полную свою готовность быть печальником за свою паству пред правительством. Епископ Евлогий с теми же целями немедленно отправился в С.-Петербург, а за ним 12-го ноября выехал преосвященный Михаил туда же и только 5-го декабря возвратился к своей пастве. Но Братство пошло дальше. Еще более живым обнаружением деятельности Братства было образование при нем особого «выборного отдела» и издание двух братских призывов: 1-й – к православным крестьянам губернии и 2-й – ко всем братским церковным попечительствам и духовенству, учителям и всем православным русским людям Гродненской губернии. Дата первого не указана, второй помечен 26 ноября 1906 года.

Написанные живым, захватывающим языком, эти призывы разъясняли самый процесс выборов, указывали на необходимость наметить достойных кандидатов исключительно из православных русских людей, честных, стойких, здравомыслящих, непродажных, и единодушно голосовать за них на предстоящих выборах, не увлекаясь льстивыми обещаниями иноверцев и иноплеменников.

Эти призывы совершенно сразили узко – национальную агитацию римско-католического духовенства среди крестьянства и, главное, наглядным путем указали каждому несведущему избирателю, что русских в крае много, что они составляют крупную силу,

с которой необходимо полякам считаться.

В самом губернском городе Гродне (как передает корреспондент «Виленского Вестника») накануне выборов преосвященный Михаил обратился с приглашением к православным выборщикам пожаловать, кто желает, в день выборов в архиерейскую домовую церковь помолиться Богу, прежде чем они приступят к серьезному и важному делу выборов. На приглашение архиерея откликнулись не только православные выборщики, но и католики, явившиеся 6 февраля в архиерейский дом на молебен, который служил сам архиерей. По окончании молебна один из выборщиков, священник Михайловский, обратился к присутствующим с кратким словом, в котором, коснувшись важности предстоящих выборов, попросил выбирать людей честных, пользующихся доверием общества, которые не изменят своей вере, Царю и Родине. Затем епископ предложил выборщикам отправиться в народный дом и там оговориться, кого выбирать, а сам удалился в свои внутренние покои. Выборщики, однако, из архиерейской церкви спустились в нижний этаж, где помещается зал училищного совета, и, спустя полчаса времени, выбрали из своей среды трех депутатов к епископу: волковысского помещика Толочко (католика), слонимского помещика Гарденина (православного) и крестьянина Янушкевича (православного), которых уполномочили просить владыку от имени выборщиков-христиан благословить их на предстоящие выборы. Епископ вышел к депутатам и, узнав, что в члены Думы уже намечено шесть православных и один католик, обратился к выборщикам с горячей патриотической речью, в которой просил забыть все раздоры между христианами и, соединившись всем вместе, не дать врагам Родины и Креста торжествовать победу, и в заключение речи, сделав глубокий монашеский поклон всем присутствующим, поблагодарил их за единение. Из архиерейского дома выборщики отправились на выборы. В десятом часу вечера результаты выборов были объявлены: прошло пять крестьян и один помещик-католик.

Гродненская победа русского православного населения и особенно деятельность православного духовенства и Братства в выборах вызвали целые потоки всяких грязных комментариев в польской печати и даже в некоторых русских газетах (как «Телеграф»), но этими корреспонденциями только более усилился эффект победы...».

В этом же номере журнала давалась информация о подготовке к празднованию 500-летнего юбилея Мало-Можейковской церкви Лидского уезда, о посещении ее 12 июня 1906 года с научной целью видным специалистом-археологом-архитектором Покрышкиным, еще раз подтверждавшим ее почтенный возраст. Здесь же со-

общалось о том, что в заштатном городке Сморгони по инициативе священника местной Преображенской церкви отца Николая Коченовского представители прихожан в числе 22 человек постановили учредить церковное братство с наименованием его «Преображенское церковное братство «Утоли мои печали». Задачи вновь созданного братства: 1) материальное пособие старым, больным и увечным людям; 2) оказание помощи больным, не имеющим средств на лечение; 3) призрение сирот и детей бедных родителей; наблюдение за нравственностью призываемых, ограждение их от обид и оказание юридической помощи. В видах успешности своей деятельности братство планирует открытие приюта, школы, столовой, лечебницы, ночлежного дома. Устав братства представлен на утверждение епархиальной власти».

В третьем номере журнала весьма подробно освещался ход первого съезда преподавателей средних учебных заведений Виленского учебного округа, давался анализ выступлений на нем директора Гродненской мужской гимназии А.Ф. Пигулевского и преподавателя ее Е.Ф. Орловского.

В четвертом номере издания в редакционной статье подвергалась критике политика польских землевладельцев в недавно открытом в г. Ошмянах сельскохозяйственном обществе. Последние настаивали на том, чтобы проведение заседаний общества осуществлялось исключительно на польском языке. Комментируя сложившуюся в Ошмянах ситуацию, редакция журнала акцентировала внимание на сложность так называемых польско-русских отношений: «Поляки-паны считают уездное земледельческое товарищество польской общественной организацией, а отнюдь не организацией, общей для всех народностей. В связи с этим редакция задалась вопросом: сколько же поляков вообще в Ошмянском уезде? По переписи 1897 года оказалось, что польская группа местного населения самая последняя: она составляет 1,9 % от общей массы населения. Между тем белорусов вместе с великорусами здесь живет 90 %. «Спрашивается, – задавалась редакция вопросом, – по какому праву горсточка лиц, считающих себя поляками, может так глумиться над языком большинства членов общества, ради нужды и пользы которых основано и само сельскохозяйственное общество. Ответ только один: поляки-руководители Ошмянского земледельческого общества выступают против деятельности всякого общества, если в нем нельзя заниматься полякованием».

Традиционно большое внимание уделялось «Вестником Братства» так называемой братской теме. В седьмом номере журнала, в частности, сообщалось о собрании представителей православных

братств Гродненской епархии, проходившем по инициативе епископа Михаила (Ермакова) 29 – 30 апреля 1907 года в Красностоке. Первое такое собрание 120-ти представителей епархиальных братств состоялось в Гродно 3 января 1907 года. Второе же собрание оказалось еще более представительным. В нем участвовали братчики от девяти уездов местной епархии – представители духовенства и мирян. Главная цель собрания заключалась в том, чтобы объединить все братства по уездам, а затем по губернии, а также обменяться мнениями по обстоятельствам переживаемого Родиной и Церковью трудного времени». После завершения работы съезда была издана брошюра с извлечениями из речей преосвященного Михаила, а также братчиков: А.Ф. Пигулевского, протоиерея И.В. Корчинского; А.Д. Орлова, Ф.Г. Прохорова, А.В. Ласточкина и священника Григория Скорковского. Редакция «Вестника» приветствовала это «отрадное проявление братской деятельности».

В журнале давалось архипастырское обозрение Литовским и Виленским архиереем Никандром церквей и приходов Лидского уезда 10 – 19 мая 1907 года. Владыка посетил местечко Острино, местечко Щучин, село Раковичи, село Турейск, местечко Орлю, а затем г. Лиду, участвовал в богослужениях, беседовал с прихожанами по актуальным вопросам.

В этом же девятом номере журнала сообщалось о праздновании 7 августа 1907 года в г. Гродно 100-летия местного Софийского кафедрального собора, о выходе к этой дате брошюры протоиерея Иоанна Корчинского «Православный Софийский собор в г. Гродне». Получили в издании освещение и красностокские торжества в праздник Св. Троицы в присутствии члена Государственного совета В.К. Саблера, графини Гейден, прибывших из Петербурга, а также епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого) и епископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова).

В «Хронике церковно-общественной жизни» журнала сообщалось, что «бывший епископ Гродненский Иоаким, ныне епископ Оренбургский, оставил о себе добрую память в Гродно введением так называемых «пассий», которые до него в городе не практиковались». 9 марта 1908 года первая в городе пассия была совершена епископом Михаилом в сослужении многочисленного духовенства и при огромной массе молящихся. Этому во многом способствовал прекрасный архиерейский хор, руководимый опытным регентом отцом Баньковским. Вместе с этим в заметке выражалось сожаление, что указанные поручения не всеми выслушивались: «Проповедник – на кафедре, а так называемая интеллигенция – из церкви, а остается в ней в большинстве случаев только наш серый, глубоковерующий право-

славный народ, как всегда внимательно слушающий поучения». Получило освещение на страницах издания и собрание совета Гродненского Софийского Братства, которое состоялось 5 марта 1908 года под председательством почетного председателя Братства преосвященного Михаила: «При открытии заседания ему был преподнесен братчиками нагрудный знак Братства. Владыка поблагодарил совет Братства за внимание к своим скромным трудам и высказал пожелание всем присутствующим работать сообща еще плодотворнее, чем прежде. По вопросам ношения нагрудного знака и внесения изменений в устав Братства на заседании выступили члены совета: протоиерей И.В. Корчинский, Н.И. Шелутинский, В.В. Кошелев, священник Дедевич. Рассмотрен был на заседании и новый факт недоброжелательности католиков к православным. Узнав о том, что находившийся более 10 лет в услужении у помещицы Залевской православный крестьянин Лебедевич является истинным сыном своей церкви и членом Софийского братства, последняя по настоянию ксендза лишила его места, оставив тем самым семью крестьянина без средств к существованию. Войдя в тяжелое положение Лебедевича, совет Братства постановил прикомандировать его в помощь заведующему братским церковно-утварным складом с платой ему 15 руб. в месяц. Там также был решен вопрос об определении мальчика-сироты в Вировский монастырь. В конце заседания преосвященным Михаилом был поднят вопрос о древнейшем в крае памятнике православия – Коложской церкви. По его мнению, Софийское братство должно принять посильное участие если не в восстановлении этого памятника, то в охране его от окончательного разрушения. Мысль владыки встретила самое горячее сочувствие всех членов совета, постановивших просить протоиерея Корчинского о скорейшем окончании начатого им труда по историческому исследованию прошлого Коложской церкви». С большим воодушевлением описывал «Вестник Братства» праздник православия в местечке Сморгонь: «В воскресенье, 28 сентября 1908 года, около 5 часов пополудни из Вильны прибыл на станцию Сморгонь ректор духовной Литовской семинарии, архимандрит Иоанн с чудотворной иконой Виленской Божией Матери Одигитрии («Путеводительницы»). Журнал сообщал о том, что «икона эта имеет свою многовековую историю. Написанная, по преданию, евангелистом Лукою, она была принесена в Москву греческою царевной Софьей Палеолог, бывшей в замужестве за собирателем русской земли князем Иоанном Васильевичем III, который благословил этой иконою свою дочь Елену, отправляя в Литву для бракосочетания с великим князем Литовским». Журнал подробно писал, как встречали икону многотысячная масса народа, столь же многочисленные крестные

ходы при переносе св. иконы в сморгонские церкви, а затем и проводы ее 29 сентября для дальнейшего следования в Вильну. Все это имело «особый торжественно-величественный вид». Журнал отмечал: «Замечательно, что среди молящихся было много католиков, а евреи почтительно, без шляп, встречали и сопровождали процессию. Надо также заметить, что, несмотря на многотысячное стечение народа и на базарный день, порядок, поддерживаемый конной и пешей полицией с ошмянским исправником Смирновым во главе, был образцовым. По поручению губернатора в Сморгонь был командирован чиновник особых поручений Новицкий, который неотступно сопровождал архимандриту Иоанну».

«Отмечая этот праздник православия, – заключала редакция, – мы не можем не выразить пожелания, чтобы православное население Белоруссии имело возможно чаще случай возгреть свое религиозное чувство, которое теплится в душе народа... Оно напоминает белорусскому населению о его принадлежности к вере, исповедуемой многомиллионным русским народом, и его кровном родстве с господствующим племенем, – создателем и хозяином русского государства» [160].

Получило освещение в «Вестнике Братства» и участие гродненских представителей в работе Минского (1907 года) и Виленского (1909 года) съездов православных братств белорусских епархий [161].

В 1908 году на страницах журнала весьма подробно освещался польский вопрос в плане обсуждения сметы Святейшего Синода на церковное управление в западнорусских губерниях. С критикой этой сметы в плане «наступления русских начал на интересы большинства населения Холмской, Седлецкой и Люблинской губерний» выступил 22 марта 1908 года от имени польского кола Госдумы депутат Дымша. Его поддерживал польский депутат Малевич. В полемике с последними участвовали епископы Евлогий и Митрофан, а также депутат от Гродненской губернии В.К. Тычинин. Выступление последнего, служившего до избрания в депутаты инспектором народных училищ губернии, весьма интересно в историко-краеведческом отношении. Не согласившись с общей тональностью выступлений польских депутатов в отношении гонений на католицизм и ксендзов, Тычинин стоял на том, что на западных окраинах Империи все происходит совсем наоборот, где «воинствующий католицизм, проникнутый полонизмом, ведет непримиримую войну против основ русской народности и государственности – православия». В качестве примера он привел содержание прокламации, «напечатанной в Белой Руси, № 19, за 1906 г.». Назвав эту прокламацию реальным воплощением программы основанной епископом Роопом конституционно-католической партии, В.К. Тычинин методом ана-

лиза содержания данной прокламации показал антиправительственную, антиправославную и антирусскую ее направленность. Досталось от оратора и барону Роопу, который, по мнению Тычинина, «призывает население, свою паству, бойкотировать русские правительственные школы», считая, что эти школы «не нашей веры, а часто и без всякой веры». «Более того, – отмечал Тычинин, – Рооп считает, что правительственные школы ничего не дают. Учителя в них нам чужие, нездешние». Отвергая эти «баронские фантазии», гродненский депутат заявлял, что утверждения Роопа – сплошная неправда, ибо «в Гродненской губернии и вообще в губерниях Виленского учебного округа – большинство учителей из местного крестьянства, только православного вероисповедания. Они, народные наши учителя, слишком благородны и умны, чтобы посягать на веру и нравственность детей-католиков, что им приписывает епископ, барон Рооп... Вы помните, как здесь жаловался депутат-ксендз Мацеевич на то, что в государственных школах дети подвергаются унижениям за свои религиозные и национальные чувства. А вот я вам расскажу факт официальный, как я видел слезы ученика-католика, русского (вероятно, речь шла все-таки о белорусе-католике. – В. Ч.), и его матери. Это было на экзамене в 1906 году в Гродненском уезде в Озерском училище. Вошел мальчик, и законоучитель задал ему по-польски вопрос, на который мальчик ничего не мог сказать, и не потому, что он ничего не знал, а потому, что он ни слова не мог ответить по-польски, и ксендз поставил ему дурной балл. Мальчик расплакался, было очень жаль его, и я, конечно, вошел в его положение и расспросил его. Это был мальчик из бедной семьи, он был старший, и для семьи было важно, чтобы он получил свидетельство об окончании училища. В конце концов мать нашлась и подала нам прошение слезное, которое находится в делопроизводстве Гродненского четырехклассного городского училища. Мы вошли в горькое положение мальчика и его матери, утерли их слезы и выдали свидетельство. Так вот отчего дети плачут, – потому что от них требуют изучения Закона Божия на чужом языке, которого они не знают. Вот об этом молчат польские депутаты».

В четвертом номере журнала за 1909 год в «Хронике церковно-общественной жизни» была опубликована корреспонденция «Из братской деятельности». В ней речь шла о том, что «28 января, в 40-й день кончины отца Иоанна Кронштадского, почетного члена народного братства, в селе Райцы Новогрудского уезда состоялось открытие братской женской организованной школы. По окончании литургии и панихиды священник Л.И. Васюкович обратился к богомольцам и братчикам со словом об отце Иоанне, в заключение

которого сказал, что всякий христианин должен воспитывать себя и своих детей так, чтобы в жизни быть похожим на отца Иоанна, и открываемая в селе женская церковная школа позволит в этом помогать родителям, так что братство открытием школы делает великое дело... По совершении молебствия с возгласением обычных многолетий и вечной памяти отцу Иоанну состоялось чрезвычайное собрание братства, на котором было решено открываемую школу к будущему году преобразовать в церковно-приходскую, говорилось также о ремонте ее, о преподавании пения, рукоделия и т.п.»

В одном из номеров журнала за 1909 год была помещена статья Г.Я. Киприяновича «Памяти А.С. Будиловича (по поводу годовщины со дня смерти)», посвященная одному из выдающихся ученых, уроженцу Гродненской губернии. Ввиду важности данной статьи в историко-познавательном плане помещаем ее здесь с незначительными сокращениями.

«11 декабря 1908 года скончался в петербургской лечебнице после операции и похоронен на Александро-Невском кладбище Антон Семенович Будилович, редактор «Московских Ведомостей», бывший ректор Юрьевского университета, известный славист. Белорус по происхождению, сын православного протоиерея, А.С. родился 24 мая 1846 года в селе Каменец-Литовский Гродненской губернии, первоначальное образование получил в Литовской духовной семинарии. По выходе из среднего отделения семинарии и по выдержании выпускного экзамена из гимназии поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Окончив курс университета в 1868 г. и побывав за границей, А.С. был последовательно преподавателем русского языка и славяноведения в С.-Петербургской духовной академии и в С.-Петербургском историко-филологическом институте (1870 – 1874), профессором историко-филологического института в Нежине (1874 – 1881) и Варшавского университета (1881 – 1892), наконец – ректором Юрьевского университета (1892 – 1901).

Русская наука, русская публицистика, русская патриотическая мысль понесли в лице А.С. Будиловича громадную незаменимую потерю. «Ушел от нас большой человек, исчезла крупная сила, – говорится в «Нов. Вр.» по поводу кончины А.С., – иссяк мощный ум и яркий талант, перестало биться горячее сердце, трепетавшее истинной, самоотверженной любовью к своему призванию, к своей родине, к своему народу». Глубоко симпатичная личность А.С. Будиловича, говорит профессор Филевич, «давала редкий теперь образец типичной цельности натуры; это был убежденный, прямолинейный человек, в котором слово и убеждение никогда не расходились с делом».

Пережив на родине, в пределах Литовской епархии, ужасы польского мятежа 1863 г., молодой человек рано задался вопросом о причинах польско-русской розни. Он был горячо предан идее русской государственности, в которой видел существенное ручательство как за будущность всего славянства, так и за возрождение угнетаемого поляками белорусского народа.

Когда дело шло о правах русской государственности, русской народности и языка, Будилович был тверд как скала: стройной, беспощадной логикой он разрушал все доводы своих противников и мужественно стойкостью побеждал все препятствия и интриги. Так, по словам его сослуживца проф. Кулаковского, А.С. сумел отстоять русский характер Варшавского университета, когда в его бытность здесь профессором, во время шатания русской власти в Царстве Польском при генерал-губернаторе Альбединском, была учреждена кафедра польской словесности в предположении, что чтения на ней будут происходить на польском же языке, и этим будет положено начало двуязычию этой школы. Тогда с неумолимой логикой А.С. раскрыл польский замысел и доказал, что этот предмет даже с большим удобством и правом может преподаваться на русском языке, едином языке преподавания в университетах.

Когда правительство Александра III решило преобразовать немецкий университет в г. Юрьеве в русский, то для проведения задуманной реформы назначен был ректором этого окраинного университета Будилович, как человек большого ума, железной воли, европейски образованный, весьма тактичный, притом одаренный организаторским талантом. Возложенную на него трудную задачу он в течение девяти лет исполнил блестящим образом, несмотря на встреченные им и в Прибалтике, и в Петербурге всевозможные препятствия. Даже высшие сферы, побуждаемые влиятельнейшими немцами и титулованными балтийцами, иногда противодействовали его мероприятиям. Но Будилович не убоился никаких препятствий, никаких клевет и инсинуаций. Даже отказ в материальной поддержке его преобразований со стороны тогдашнего министра финансов гр. Витте не мог сломить его энергии. Он умел найти способных русских профессоров для университета и не уронил ни на йоту ни своего знамени, ни чести русской науки, ни чести русской государственности.

Большая моральная и умственная сила, громадная твердость духа и убежденность – вот что составляло обаяние этой мощной личности. Человек долга, строгих требований к себе и высокого нравственного закала, А.С. обладал изумительной силой воли и характера. Это помогало ему на всех поприщах его деятельности, осо-

бенно на наших западных окраинах, в борьбе за русское дело с необыкновенной стойкостью и последовательностью проводить свои идеи, заветные убеждения и взгляды. Эти же свойства создали ему и преданнейших помощников и почитателей, и ярых противников. Но, наряду с непреклонностью и твердостью, в нем соединились благотворно и обдуманная тактичность приемов, и симпатичная мягкость, и доброта души, так ярко светившаяся в его доброй, приветливой улыбке. Не поступаясь ничем в вопросах принципиальных, в делах служебного долга, он в личных отношениях и житейских делах и нуждах был всегда готов оказать всякому и поддержку, и помощь. Чувство справедливости, уважения к чужому мнению, воззрению или интересу, снисходительность и терпимость был развиты в нем в высокой степени.

Чрезвычайно симпатичны были также (но совсем невыгодны для него в смысле внешних успехов) его непритязательность, редкая скромность и отсутствие столь обыкновенной у нас слабости шуметь, выставляться, пролезать вперед, стремиться играть роль. Для А.С., как вообще для высших натур, существовал только интерес дела, благородной цели, идеи. Он шел туда, куда его призывали эти идеальные задачи, влечение духа, и был чужд всяких личных соображений и расчетов.

Свобода и независимость мысли, слова и труда были для него всегда священны и дороги, и не удивительно, что публицистическая деятельность, к которой его часто тянуло и которой он предался с истинно-юношеским пылом в последний год жизни, была так по душе ему. В этих свойствах его кроется также одна из причин, почему значение и роль, которых он достиг на служебном поприще, далеко не соответствовали его из ряду выходящим знаниям, способностям, опытности и заслугам. Человек широкого ума с синтетическим складом сильного и здравого логического мышления, А.С. упорным трудом и глубокими разносторонними изучениями приобрел громадную эрудицию как в специальной своей области – славистике и, в частности, русско-славянской филологии, так и в соприкасающихся областях романо-германской филологии, словесности и истории, а также византийских изучений. Непосредственное близкое знакомство с русским и славянским миром во всех их частях и углах, а равно и с Западной Европой, расширяя чрезвычайно его кругозор, не позволяло ему оставаться теоретиком. Да это и не было в его натуре. Будучи ученым, исследователем строго научного, критического направления, оставаясь на почве твердых научных фактов и данных, А.С. тем не менее не оставался человеком одной только книги, теории, мелким буквоедом.

Таким образом, А.С. был не только славяноведом-специалистом, но и деятельным проповедником и популяризатором славянской взаимности и выдающимся публицистом по славянским вопросам вообще и по польскому вопросу в частности. В основе исповедуемого Будиловичем славянофильства лежала идея кирилло-мефодиевской общеславянской культуры, учение о грекославянстве и России, как о среднем мире, и глубокое понимание славянских отношений, унаследованных им у своего столь же знаменитого тестя, западного славянофила Адольфа Ивановича Добрянского. Это спасительное кирилло-мефодиевское знамя общеславянского культурного братства с православной всепримиряющей и всеобъединяющей Россией в центре и в руководящей роли Будилович держал высоко и в своей просветительной деятельности, и в стенах славянского благотворительного общества и на широкой публицистической кафедре «Московских Ведомостей» А.С. в своей деятельности всегда чуждался духа партий, избегал выступать в каких-либо чисто политических партийных организациях – все по той же своей самобытности и любви к независимости. Всегда трезвый духом и уравновешенный (хотя и крайне чуткий, и внутренне волнующийся), А.С. не любил крайностей и сторонился крайних течений. Будилович всегда был скорее склонен к оптимизму, к исканию путей к мирному единению людей, что ярко проглядывает во всех его публицистических статьях и общественных выступлениях.

Все невзгоды, встречавшиеся на тернистом пути жизни, А.С. переносил с покорностью промыслу Божию, как человек глубоко религиозный. Искренняя его религиозность явно обнаружилась еще в бытность его в Литовской семинарии. Обладая прекрасным голосом, он считался одним из усерднейших певчих на правом клиросе, хотя всем известно было, что этот нежный благовоспитанный юноша, успевший на семинарской скамье изучить в совершенстве новейшие языки, ретиво готовится к поступлению в университет. Промыслу угодно было, чтобы А.С. впервые выступил на учено-педагогическом поприще в звании преподавателя С.-Петербургской духовной академии и первая его лекция в академии была о заслугах для славяноведения известного протоиерея Павского. Он же был членом кружка, состоявшего большей частью из уроженцев Западной России и собиравшегося по воскресным дням у известного историка и публициста профессора М.О. Кояловича, земляка и друга Будиловича.

Отсутствие в нашей коллекции номеров «Вестника Братства» за 1910 – 1914 годы ограничивает наши возможности в познании церковно-общественной жизни в Гродненской епархии за означенный период, но факт, что такого рода материалы помещались на

страницах журнала, не вызывает сомнений.

Из подшивки издания за 1915 год у нас имеется лишь седьмой номер. В нем в разделе «Хроника» помещено следующее сообщение: «9 марта на железнодорожной станции Лида Полесских железных дорог, в присутствии военных и гражданских властей, представителей всех ведомств и учреждений, учащихся, войск местного гарнизона и многочисленного скопления народа, законоучителем Лидского железнодорожного училища священником Сергием Панкратовым пред иконой Спасителя, под открытым небом было совершено благодарственное молебствие за дарованную победу – взятие русскими войсками Перемышля.

Пред началом молебна священником Панкратовым была оглашена телеграмма о падении Перемышля и произнесено краткое, прочувственное слово, посвященное данному событию. По окончании молебна на платформе была устроена патриотическая манифестация. Несколько раз по просьбе собравшихся военным оркестром исполнялся народный гимн. Дружное «ура» оглашало воздух. У всех приподнятое, праздничное настроение. Многие люди, точно в Христов день, лобызали друг друга, поздравляя с победой.

По просьбе всех присутствовавших лидский уездный предводитель дворянства граф Грабовский отправил Верховному Главнокомандующему телеграмму следующего содержания: «Действующая армия. Ставка. Его Императорскому Высочеству, Верховному Главнокомандующему. Жители города Лиды и уезда, выслушав благодарственный молебен, просят Ваше Императорское Высочество принять поздравления с одержанной победой и молят Господа Бога о здравии и многолетию Вашего Императорского Высочества, Великого вдохновителя геройской русской армии. Лидский уездный предводитель дворянства, граф Грабовский».

Уездный предводитель дворянства, граф Грабовский удостоился получить следующую ответную телеграмму:

«Лида, графу Грабовскому. Сердечно благодарю жителей г. Лиды и уезда за поздравление со взятием Перемышля. Генерал-адъютант Николай».

Разумеется, что информация о церковно-общественной жизни на Гродненщине на страницах данного издания требует более пристального изучения, включая все номера «Вестника Братства» Но даже известные нам факты свидетельствуют об исключительной значимости этого исторического источника для изучения Православия.

3.12. ПРОТОИЕРЕЙ ЛУКА ГОЛОД,

ПУБЛИЦИСТ ВЯЧЕСЛАВ БОГДАНОВИЧ И «ПРАВАСЛАЎНАЯ БЕЛАРУСЬ» (1927 – 1928)

По меткому замечанию Н.А. Бердяева, главной темой истории является «судьба человека в земной человеческой жизни». Справедливость этих слов особенно применима к судьбе Вячеслава Васильевича Богдановича (1878 – 1939) – замечательного западнобелорусского православного богослова, педагога, литератора и общественно-церковного деятеля. Постижение его судьбы открывает широкие возможности не только для изучения главных вех биографии замечательного человека, но и для проникновения в мир его «Я», в сферу его взаимоотношений с современниками. Многие в обретении В.В. Богдановича сегодня уже сделано, в том числе и автором этих строк (см.: Черепица, В.Н. «Не потерять связующую нить...». История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах / В.Н.Черепица. – Гродно, 2003. – С. 106–130), однако для полного осознания значимости его судьбы в истории западнобелорусской общественно-политической и культурной жизни еще, разумеется, предстоит многое сделать. Вот почему каждый новый штрих в судьбе и жизни В. Богдановича не может не становиться объектом пристального внимания исследователей.

К одной из таких тем в полной мере можно отнести сотрудничество В.В. Богдановича с журналом «Праваслаўная Беларусь», выходившим в Вильно в 1927 – 1928 годах (известно 16 номеров; № 4 издания за 1928 год был конфискован польской полицией), и его редактором-издателем, протоиереем Лукой Голодом. В отличие от В.В. Богдановича, о протоиерее Луке Голоде известно еще меньше, если не считать воспоминаний о нем митрополита Евлогия (Георгиевского) в книге «Путь моей жизни» (М., 1994. – С. 476 – 477, 460 – 461). Судя по всему, отец Лука был одним из тех в окружении митрополита Евлогия, кто помогал ему в налаживании церковной жизни во Франции в 1920-е годы. В город Ромба (Мозель), где, по словам владыки, в местном приходе «состояние дел было самое печальное», он направил Луку Голода, «и тут начался краткий, но цветущий период»: все преобразилось до неузнаваемости... В безнадежно мрачном приходе посветлело. Отец Лука создал прочную организацию, сумел сплотить вокруг церкви трезвое окружение. За его заслуги он перевел его в более видный приход – в Лион». При описании здесь служения Луки Голода митрополит Евлогий называет его «бывшим холмским священником», что вряд ли отвечает действительности, хотя бы потому, что незадолго до выезда за границу отец Лука служил настоятелем Деречинковской церкви, а в сен-

тыбре 1921 года стал заведовать приходом Гродненского Рождество-Богородичного монастыря («Гродненский Епархиальный Вестник». – 1921. – 1 ноября. – № 11). Однако суть не в этом. Вот как характеризовал владыка протоиерея Луку во время нахождения последнего в лионском православном приходе: «Он был в числе духовенства, не принявшего конкордата с польской государственной властью. За непримиримость посидел в тюрьме и был запрещен в служении; потом бежал за границу. Отец Лука повел приход прекрасно, сумел сплотить прихожан, привить им чувство единства, стойкости, преданности своей вере и Церкви. Никакие соблазны – ни католические, ни карловацкие – приход не смущали. К сожалению, отец Голод вновь отправился в Польшу бороться за непримиримость с польской властью».

Несколько раз упомянул протоиерея Луку в своей работе «Гонения на православных и русских в Польше в XX веке» (Белград, 1937. – С. 43, 92) известный в русской эмиграции публицист Александр Попов. Он, в частности, писал: «После расправы с епископами, не подписавшими польскую автокефалию, приходской священник Гродненской епархии о. Лука Голод заявил своему епархиальному начальству, что он не может признать действительной неканоническую автокефалию и остается в подчинении Московского патриарха. За это Варшавский Синод лишил сана и благодати о. Луку Голода, создавшего в Вильно Патриаршую общину, одновременно Синод отлучил от Церкви десять членов этой общины во главе с сенатором В.В. Богдановичем». Этот поступок А. Попов называл «подвигом верности иерея Луки Голода». Впрочем, все это было в жизни редактора-издателя «Правослаўнай Беларусі» еще до побега за границу. Однако сам факт основания журнала можно вполне считать первым конкретным делом священника, вернувшегося летом 1927 года на родину «для борьбы с польской властью». Между инициаторами создания этого журнала Лукой Голодом, бравшим на себя все организационно-финансовые вопросы, и В.В. Богдановичем, отвечавшим преимущественно за содержательное наполнение издания, существовало полное взаимопонимание, залогом чего было их давнее знакомство и духовная близость.

Отражением идейного родства этих людей можно считать обращение редакции нового издания к своим будущим читателям, помещенное в № 1 «Правослаўнай Беларусі» от 1 октября 1927 года: «Мы верим в светлое будущее нашего белорусского народа, однако верим и в то, что его подлинное возрождение осуществится на основе церковно-христианских ценностей или не осуществится совсем». Общими были подходы В.В. Богдановича и Л. Голода к решению и других проблем, стоявших перед редакцией. К примеру, статья «Мы и

Р.Н.О.» (№ 5 за 1928 г.). Подписями однодумцев были скреплены опубликованные в журнале (№ 3, 6 за 1927, № 3, 7 за 1928 г.) программа и устав «Православного Белорусского демократического объединения, воззвание «Граждане белорусы, крестьяне и рабочие (в связи с предстоящими выборами в польский Сейм и Сенат)», «Воззвание Центрального Избирательного комитета Блока национальных меньшинств в Польше», воззвание «К русским гражданам». Есть основания судить и о том, что Л. Голодом и В. Богдановичем была написана совместно статья «Польское «Слово» о «Православной Беларуси».

Влияние В.В. Богдановича, как более опытного публициста и политика, ощущается и в отдельных статьях протоиерея Луки Голода, помещенных в ряде номеров журнала за 1927 год: «Национальный язык в Православной Церкви», «Догматические основы соборности в православной церкви», «Кризис парламентаризма в Польше» и др. Последнее, разумеется, не означает, что Лука Голод, как автор, был лишен собственного видения существа обсуждаемых в этих материалах проблем. Более того, некоторые акценты, расставленные им в первой из упомянутых статей, были в последующем взяты на вооружение Богдановичем при написании трактата «Церковно-славянский язык как религиозно-культурная деятельность» (Гродно, 1938). Однако это ни в коей мере не умаляет роли Вячеслава Богдановича как лидера западнобелорусского общественно-церковного движения и публицистики. Стиль и подвижничество белорусского сенатора присутствуют буквально во всех номерах журнала.

Особой фундаментальностью (в сочетании со знанием практической стороны дела) отличается статья В. Богдановича «Церковь и Государство», датированная 29 сентября 1927 года. В ней после рассмотрения в исторической ретроспективе различных форм взаимоотношения церковной иерархии со светскими властями автор приходит к выводу, что церковно-государственные отношения в Польше нуждаются в серьезном реформировании. Идеалом таких отношений может быть такое положение, когда государство признает моральный авторитет церкви, когда оно свои законы старается сблизить с плодами христианской морали и дает церкви все имеющиеся возможности для исполнения ею высокого служения и Богу, и людям. В такой ситуации, считает Богданович, и «церковь сможет расширить свою моральную связь с государством и властью, даже поддерживать эту власть, используя свое влияние на верующих, ибо в такой власти церковь может видеть наилучшее фактическое разрешение слов «Священного Писания», что «всякая власть от Бога». Резюме автора статьи звучит вполне определенно: «Может быть и плохая нынешняя власть, но и она нам дается от Бога, хотя бы для наказания, как кара за наши грехи. И такой власти

мы должны (согласно заповедям церковным) подчиняться, однако в границах отмеченного минимума, и не более...».

Тема церковно-государственных отношений в Польше нашла свое отражение и в статье «Автокефалия», в которой В. Богданович ставит перед обществом вопрос: «а существуют ли реальные условия для автокефальной существования православной церкви в Польше?», если в стране не выполнено главное требование для создания новой автокефальной церковной единицы – безусловного стремления к автокефалии всего церковного народа. Давая отрицательный ответ на поставленный в статье вопрос, автор тем не менее оптимистично настроен на разрешение его в будущем при условии, что польское правительство уйдет от разрешения проблемы автокефалии «окольными путями при помощи преследования и давления на верующих». Основным выходом из сложившейся тупиковой ситуации, считает В. Богданович, «является в первую очередь согласие на это самой церкви, непосредственно в этом заинтересованной. Она же состоит из всех верующих и духовенства всех ступеней, а всеобщая воля всей церкви может быть выявлена только на церковном соборе, в котором бы приняли участие не только высшие православные иерархи, но и представители низшего духовенства и мирян».

Такого рода подходы Богдановича к разрешению возникших в Польше церковно-государственных проблем базировались на богатейшем жизненном опыте, включающем в том числе его участие в работе церковного собора 1917 – 1918 годов в Москве, восстановившего патриаршее управление Русской Православной Церковью. В.В. Богданович присутствовал на нем в качестве одного из представителей Литовско-Виленской епархии (епископ Елевферий, священник Павел Кубаевский, диакон Ливай, В.К. Недельский и А.П. Огиевич). Эти воспоминания под названием «10 лет тому назад» были опубликованы в шести номерах журнала, начиная с № 5 за 1927 год и заканчивая № 7 за 1928 год. В основу воспоминаний были положены «краткие записи из карманной книжки» Богдановича, а также «впечатления по памяти, которые сильно врезались во все пережитое в эти смутные дни».

Разумеется, главное событие в воспоминаниях В.В. Богдановича – участника Московского Собора – это сам Собор, который «под гром пушек принял решение о восстановлении патриаршества в Российской Церкви, отмененного 200 лет тому назад императором Петром I». В записях Богдановича о Соборе, несомненно, имеется немало интересных и оригинальных авторских наблюдений за его работой. И все же не им посвящены его воспоминания, ибо основная часть их – это кровавое противостояние между защитниками власти Временного правительства, засевшими в Кремле, и штур-

мовавшими его большевиками. Богданович подробно, с массой деталей, описывает, как устанавливала свои порядки в древней Москве новая власть. И лишь выборы на Соборе митрополита Тихона (Белавина) в патриархи всея России он описал достаточно полно и красочно. Присутствовал автор воспоминаний и на похоронах жертв братоубийственной борьбы. Их скорбное описание завершается весьма образным заключением автора: «Так закончилась междуусобная борьба, которая привела большевиков к власти, а вместе с тем помимо воли помогла и ускорила возрождение патриаршества в российской церкви. Одновременно родилась «безбожная власть» и возродилось «Царство Божие – Церковь».

Немало страниц воспоминаний посвящено описанию назревающего конфликта между советской властью и Церковью, включая и издание декрета «О свободе совести и отделении церкви от государства», а также реакции на него («огромное впечатление») со стороны различных категорий населения Москвы. Свои настроения той поры Богданович выразил в следующих словах: «События тех дней ясно выявили две вещи. Первая – что народ православный в подавляющем своем большинстве крепко придерживается веры православной как основы своей жизни, что он не отречется от нее ни при каких условиях и будет бороться за нее при любой власти, любых политических условиях и строях. И другое – что народ не смешивает политический строй с церковью и религией. Государство не есть что-то вечное, постоянное, тем более – не вечное его правительство. Сегодня – одно, завтра – другое. Сегодня – монархия, завтра – республика, сегодня – одни порядки, завтра – другие. А вера христианская должна быть неизменной. Прежняя власть недальновидно смешивала конкретный (монархический) строй с религией. Народ показал, что без этого строя (генеральские погоны и т.д.) он обойтись сможет, а без веры и Церкви – никогда».

Завершаются воспоминания В.В. Богдановича весьма содержательным описанием митинга в Замоскворечье, который проходил под лозунгом «Церковь и большевики». Начался он с выступления Ярославского, известного в ту пору противцерковного большевистского деятеля. Речь его складывалась, главным образом, из многочисленных нападок не на веру и церковь, а на духовенство. Выступивший после него старенький протоиерей Бекаревич – участник Московского Собора – весьма убедительно опроверг упреки и обвинения Ярославского в адрес духовенства («им дорога не вера, а богатое при царе богатство»): «Пускай оно и плохое..., но это совсем не означает, что нужно остановить веру и Церковь. Веру и Церковь вы никогда не остановите, ибо и сами чувствуете ее жизненную силу и могущество... Вы и сами живете только потому, что среди вас пока есть люди, воспитанные в идеях христианства.

А если бы таких старательных людей среди вас не было, так от вас бы давно никого не осталось: вы бы поели один другого...». Оценивая атмосферу митинга, мемуарист писал: «Было видно, что среди слушателей было очень много тех, кто с удовольствием слушали это выступление, радуясь, что нашелся смелый человек, который не боялся выступить на этом митинге, чтобы защитить не только веру, но и опровергнуть общие нападки на духовенство». Этот митинг еще раз убедил Богдановича в том, что «народ еще крепко стоит за веру. Он более-менее спокойно перенес смену политического режима, однако он не допустил большевистские руки до святая святых своей души – до своей веры».

К мемуарному жанру следует отнести и статью В.В. Богдановича «Белорусский Посольский Клуб и его работа в Сейме и Сенате в 1922 – 1927 годах». Эта статья – сокращенный доклад сенатора, сделанный им на съезде, созванном Белорусским Объединенным Комитетом Блока национальных меньшинств 28 декабря 1927 года. Он был опубликован во 2-м и 3-м номерах «Правослаўнай Беларусі» за 1928 год. В нем содержался достаточно самокритичный анализ того, что было сделано белорусскими послами и самим автором в высших органах государственной власти Польши за последние пять лет при разрешении самых разных вопросов жизни белорусского народа, включая и церковный вопрос. В.В. Богданович, как человек наиболее осведомленный в этом деле, не жалел своих сил в борьбе за внутреннюю свободу Церкви. Справедливости ради он отмечал, «что эти церковные дела искренне отстаивали в Сейме не только православные послы, но и католики». Суммируя все написанное, автор статьи отмечал, что «пяtilетняя парламентская работа была бы для нас хорошим университетом политической науки, однако никто не может упрекнуть нас в том, что мы эту работу вели не по совети, скажу более: не жертвенно!».

Острой болью за судьбу Православия в межвоенной Польше была проникнута глубокая и аналитическая статья В.В. Богдановича «Без почвы» (к вопросу о правовом и каноническом положении Православной Церкви в Польше)», опубликованная в номерах 6 – 9 журнала за 1928 год. В ней, как и в предыдущих статьях на эту тему, автор обвиняет за сложившееся положение в Церкви в стране не только светскую власть, но и собственную иерархию. Он, в частности, отмечает: «Если и на самом деле в народе ослабеваает вера, нравственность, любовь к церкви, так разве же не виноваты в этом сами архипастыри, которые вошли во «двор отчи» не через двери церковных канонов, а потому и их зов не находит отклика в сердцах верующих, ибо они не свои!».

Вышеупомянутыми статьями, разумеется, не ограничивается

вклад В.В. Богдановича в дело, за которое боролся журнал «Правослаўная Беларусь». Несомненно, заслуживают историографического анализа и другие его публикации («Православная Церковь в Ковенской Литве», «Православная Церковь в Латвии», «Ответ митрополита Дионисия митрополиту Сергию», «Архиерейская тюрьма» (о шестилетнем подвиге сидения архиепископа Пинского и Новогрудского Пантелемона в келье православного Мелецкого монастыря)» и др. Весьма правдоподобной выглядит версия о том, что статьи в «Правослаўной Беларусі», опубликованные под именем «В. Василевич», также являются результатом труда В.В. Богдановича. Требуется более глубокого осмысления и вклад первого белорусского сенатора в Польшу в разработку агитационно-пропагандистских материалов «Православного Белорусского Демократического Объединения», печатным органом которого и была «Правослаўная Беларусь». Однако отмеченное отнюдь не мешает признать, что Богданович-публицист делал все для того, чтобы сплотить читателей журнала (местное белорусское крестьянство, этнических русских, включая как эмигрантов, так и ту часть западнобелорусского населения, которая считала себя русскими в силу осознания триединности своей нации и преданности русскому слову и русской культуре) вокруг идеи восточнославянской взаимности.

Думается, что лучшей оценкой разносторонней церковно-общественной и политической деятельности главного героя данной статьи могут быть слова одной из предвыборных листовок в поддержку его кандидатуры на выборах: «Все русские за список № 18, в числе которых значится б. сенатор В.В. Богданович! И да не будет у нас русских, другого списка! Да здравствует Блок национальных меньшинств! Да здравствует славянское единение белорусов и русских! Да здравствует русская культура» [162].

Плодотворное сотрудничество на ниве православной публицистики священника Луки Голода с В.В. Богдановичем продолжалось недолго (параллельно протоиерей Лука совершал богослужение в «патриаршей» домово́й церкви Вильны). Весной 1928 года Лука Голод тяжело заболел, врачи порекомендовали ему сменить климат, и в июне о. Луке пришлось надолго уехать во Францию, где он лечился и одновременно служил в православных церквях. В 1932 году поправившийся священник вернулся из-за границы в Вильно, где он вновь возглавил «патриарший» приход. Однако в 1936 году польские власти выслали о. Луку Голода за неприятие автокефалии и принадлежность к церкви другого государства из Вильно в глубинку. И только спустя три года, в августе 1939 года, опальному батюшке, запрещенному в служении, было разрешено вернуться в

Вильно и воссоединиться с близкими.

После передачи Вильно Литве протоиерея Луку Голода назначают настоятелем Никольской церкви, а вскоре он становится членом Литовского епархиального совета, надежным помощником митрополита Сергия (Воскресенского). Эти свои обязанности перед Церковью священник исполнял в годы войны. Однако 24 октября 1944 года советскими органами госбезопасности гражданин Голод Лука Филимонович якобы «за сотрудничество с немцами в годы оккупации» был арестован и привлечен к уголовной ответственности. Невероятно, но подследственного уже через три месяца после ареста – 24 февраля 1945 года из-под стражи освободили по причине того, что «никаких изобличающих обвиняемого фактов добыто не было». Во внимание было принято и ходатайство за арестованного бывших советских партизан, которым в годы войны о. Лука оказывал посильную помощь. Кроме того, был учтен тот факт, что священник страдал открытой формой туберкулеза и «к труду совершенно не пригоден»... Митрофорный протоиерей Лука Голод окончил свой земной путь в ноябре 1947 года в возрасте 56 лет, прах его покоится на Евфросиниевском православном кладбище в Вильносе. Еще более трагической оказалась судьба В.В. Богдановича. Он был расстрелян вместе с другими русскими деятелями Вильно в конце сентября 1939 года. По некоторым сведениям, их расстреляли в тюремном дворе Старой Вилейки, а затем их тела были тайно преданы земле, а где – неизвестно.

3.13. ПОДВИЖНИКИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЛИДЧИНЕ (XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

Православная Вера всегда была сильна преданными ей пастырями и пасомыми. Были такие люди в указанный период и на Лидчине. Первым следует назвать протоиерея православной преображенской Церкви в селе Дзикушки Лидского уезда Иосифа Семашко. Его знаменитый сын – митрополит Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), много сделавший для укрепления позиций Православной Церкви на белорусских землях, оставил в своих 3-томных «Записках» (СПб., 1883 год) немало теплых слов в адрес своего отца священника: «Отец мой – Иосиф был для нас, детей, строг в хорошем смысле этого слова. Мне только два раза случилось подвергнуться от него взысканию, но мы, дети, всегда боялись его добрым страхом»; «во всех хозяйственных и хлебопашенных занятиях помогал я отцу с детства, когда не был занят учением»; «сам

отец, образовавшийся в гимназии, помогал нам в нашем учении (в семье было восемь детей. – В. Ч.) в свободное от церковных и хозяйственных забот время»; «у отца была небольшая библиотека из книг довольно хороших, особенно исторического содержания. Он все свободное время любил заниматься чтением. По подражанию им, или естественному душевному направлению, начал я читать эти книги... и эта страсть к чтению осталась при мне навсегда».

Судя по содержанию «Записок», именно от отца будущий митрополит воспылал любовью к России, православной вере и священничеству. Завершал свои краткие воспоминания о детских годах владыка Иосиф упоминанием о сне, который приснился однажды его отцу, и этот сон он часто пересказывал в тесном семейном кругу: «Он вел меня за ручку по какому-то пустому безграничному полю, к какому-то уединенному огромному зданию. Перед нами отворили первый и второй залы. С открытием третьих дверей показались перед нами в перспективе пышные палаты, одна другой великолепнее, наполненные людьми, чем далее то, по-видимому, все более знаменитыми. Но в эти третьи двери и далее пустили меня одного, пред отцом же моим они затворились». Когда он, после окончания мной гимназии, отправлял меня в университет, то вспомнил этот, по его мнению, пророческий сон. «Помнишь мой сон, – сказал отец, – пустое безграничное поле – это жизнь, которую ты получил от меня; двери в первый зал – это домашнее образование; второй зал – гимназическое учение – одно и другое получил ты от меня; в третьи двери мне за тобой уж не следовать – ступай с Богом, пусть Он тебя проведет «по этим пышным палатам».

Как известно, Иосиф (Семашко) через разнообразные жизненные тернии достиг значительных высот в церковно-государственном служении, и вершиной его стал Полоцкий собор 1839 года, воссоединивший своими решениями униатов западных российских губерний со «Своей Матерью – Православной Церковью». Вскоре после этого, в 1841 году, архиепископ Виленский и Литовский Иосиф сделал в своем дневнике следующую запись: «В сем году перевел я своих родителей из Киевской губернии в свою Литовскую епархию. Там отец был в беззащитном состоянии и довольно долго страдал от латинян. Здесь же дал я ему приход в 130 верстах от Вильны, в Дзикаушках, который ему понравился и по местности, и по качеству земли. Здесь мои родители дожили до восьмидесяти лет. Здесь праздновал я их золотую свадьбу. Здесь имел я сердечное удовольствие посещать их каждый год по разу или два, в течение пятнадцати лет. А между тем, не потерял и Дзикаушский приход. Отец два раза обновлял, не без моего пособия, церковь; раз изнова,

другой – после пожара, а прихожан число более нежели удвоил из латинян своим умением и усердием» [163].

Исследователь жизни митрополита Иосифа (Семашко) виленский историк Г.Я. Киприянович посвятил немало строк и его отцу Иосифу Тимофеевичу Семашко (1776 – 1856). В статье «Соборный протоиерей Иосиф Семашко» Г.Я. Киприянович, в частности, писал: «Когда в 1841 году протоиерей Иосиф Семашко был назначен на Дзикашский приход (на место престарелого протоиерея Каневского. – В.Ч.), местным помещиком Рафаилом Грибовским в этом селе была выстроена в том же году новая каменная церковь, временно покрытая соломой. Внутренность этой церкви была украшена на средства ее нового настоятеля протоиерея И. Семашко. 26 апреля 1842 г. загорелась находившаяся вблизи церкви корчма, принадлежащая упомянутому помещику. Пожар быстро охватил соломенную крышу церкви, в которой в это время протоиерей И. Семашко совершал богослужение. Все деревянные части каменного здания церкви были истреблены пожаром. Спасена была только незначительная в то время церковная утварь. На восстановление и украшение этой церкви сам настоятель внес весьма значительные пожертвования. Он приобрел 130 пудов листового железа и устроил новую жестяную крышу, а также соорудил каменную колокольню и такую же ограду вокруг церкви. Кроме того, протоиерей И. Семашко в 1844 г. устроил на свой счет иконостас и пожертвовал пять больших икон: Бога Отца, св. благоверного князя Александра Невского, Успения Пресвятой Богородицы, Всех Святых и Покрова Пресвятой Богородицы. На также пожертвованном им на престольном (серебряном) кресте была сделана следующая надпись: «Помяни, Господи, раба твоего протоиерея Иосифа Семашку».

Как частные, так и официальные лица, всегда отзывались о нем как о примерном пастыре и добром семьянине. Преосвященный Евсевий, епископ Ковенский (впоследствии экзарх Грузии), обозревавший церкви Лидского благочиния в 1849 г., сделал о нем следующий отзыв в своем ревизорском отчете: «Протоиерей Семашко более прочих священников отличается способностью, исправностью и усердием к богослужению, а также в проповедовании в церкви и в доме, в приобретении особого уважения и доверия со стороны прихожан, а также отличается благотворительностью и жертвованиями для своей приходской церкви». Высоко оценивал духовные собеседования священника с прихожанами и местный благочинный Сампсон Брен. По свидетельству старых прихожан, беседы о. Иосифа с ними были всегда вразумительными и ув-

лекательными. Но лучшим назиданием для местных прихожан, по их отзывам, была добродетельная жизнь самого настоятеля. В 1852 году за присоединение к православию 156 латинян (католиков. – *В. Ч.*) ему был пожалован его сыном-митрополитом наперстный крест, украшенный драгоценными камнями. После смерти протоиерея Иосифа Семашко этот крест был передан митрополитом Иосифом в собственность Виленского кафедрального собора» [164].

Оказывал владыка Иосиф (Семашко) поддержку своему отцу и в последующем. В его дневнике за 1853 год есть следующая запись: «Пожертвованы мною Евангелие в богатых окладах, с соответствующими надписями в церкви: Павловецкую Киевской губернии Липовецкого уезда, где я в детстве молился, и в Дзикашскую Виленской губернии Лидского уезда, где отец мой скончался, прожив здесь последние пятнадцать лет».

Под 1856 годом в дневнике Владыки Иосифа появилась весьма скорбная запись: «В сем году скончался отец мой, протоиерей Иосиф Семашко, не дожив до восьмидесяти лет только один месяц и три дня. О смерти отца извещен я был в то самое время, когда на дворе стояла карета, готовая к выезду в Москву на коронацию (императора Александра II. – *В. Ч.*). Я послал в Дзикашки архимандрита с духовенством и родных на похороны, а сам во время оных молился уже в Минске. На возвратном пути из Москвы я сделал круг, чтобы посетить Дзикашки и помолиться на гробе родителя. Он погребен в тамошней церкви, в которой пастырствовал пятнадцать лет и которую дважды обновил. Это был достойный человек и истинный христианин. Достоин жил, достоин и скончался. Почти предвидел время кончины. Заблаговременно сделал для себя гроб и сам оный примеривал. Накануне напутствовался святыми таинствами; вечером велел приготовить ванну, обмылся и надел чистое белье, чтобы не делать, как говорил, для других хлопот; а к утру отошел мирно, почти незаметно. Сбереженным достоянием своим распорядился он заблаговременно, а за полчаса до своей смерти пожелал, чтобы завещание его было окончательно выполнено. Эта воля родителя свершилась при его жизни – достойно замечания, что последнее распоряжение к исполнению сей воли последовало накануне его смерти. Покойник сделал вклады в Виленский кафедральный собор и Духов монастырь, на вечное поминовение себя и жены...» [165]. Более подробно о кончине настоятеля Дзикашской церкви и увековечении его памяти писал в «Литовских Епархиальных Ведомостях» Г.Я. Киприянович: «Смерть протоиерея Иосифа Семашки последовала 17 июля 1856 г. на восьмидесятом году его жизни. По случаю выезда из Вильны митрополита Иосифа в Москву на коронацию погребение усопше-

го отца его было совершено наместником митрополита архимандритом Свято-Духова монастыря Антонием, соборно со всем духовенством Лидского благочиния. Протоиерей Иосиф Семашко погребен в каменной пещере под левым клироksom. Подле его могилы находится прикрепленная к церковной стене мраморная плита с вырезанной на ней следующей надписью: «Здесь покоится тело раба Божия протоиерея Иосифа Семашко. Родился в 1776 г. 20 августа. Скончался 17 июня 1856 года». Плита эта устроена по заказу и на средства митрополита Иосифа.

После смерти протоиерея Иосифа супруга его Фекла Семеновна (урожденная Ивановская. – *В. Ч.*) переехала на жительство в м. Мир Новогрудского уезда Минской губернии к своему зятю протоиерею местной Свято-Троицкой церкви Луке Кудржицкому. Спустя два года она умерла (8 августа 1858 года на 80 году жизни) и погребена на погосте, у северной стороны Свято-Троицкой церкви. На могиле ей поставлен скромный чугунный памятник, увенчанный таким же крестом с рельефным распятием Спасителя. На лицевой стороне памятника имеется следующая надпись: «Здесь покоится раба Божия Фекла Семашко, урожденная Ивановская, родилась в 1778 г. 20 ноября, скончалась в 1858 г. 8 августа». Могила эта обнесена чугунною решеткой, требующей ремонта, верхняя часть креста также повреждена бывшим пожаром».

Имелись в статье Г.Я. Киприяновича и характеристика священнического служения о. Иосифа, описание его внешности и заслуг перед православием (на старожилов, близко знавших его, а также передаточной ведомости, хранившейся в храме): «Это был истинный последователь веры во всей ее совокупности. Он не только сам соблюдал в точности все обряды и постановление православной церкви, но и бдительно наблюдал за исполнением их своими прихожанами. Только со времени вступления протоиерея Иосифа Семашки в должность настоятеля Дзикавской церкви (в 1841 г.) наученные им прихожане стали признавать себя православными, а не униатами.

Протоиерей Семашко постоянно ходил в подряснике, подпоясавшись поясом. Отправляясь в церковь на богослужения и для совершения треб, он всегда надевал на себя рясу. Наружность старца-протоиерея была довольно статная, величественная и привлекательная. Довольно высокое и открытое чело его светилось умом, а в глазах виделись доброта и спокойствие. Он издавна носил бороду, умеренно длинные волосы опускались с головы на его рясу.

Из представленной ведомости видно, что при вступлении о. Иосифа в управление Дзикавским приходом в нем числилось 882 прихожанина обоего пола. Благодаря умению и усердию приходского священ-

ника их число в 1855 году достигло свыше 1500 душ обоего пола» [166]. Было бы весьма интересно сегодня посетить Дзикушки, Мир и посмотреть, что сохранилось здесь от тех давних времен, а также как хранится память о протоиерее Иосифе, матушке Фекле и их сыне митрополите – подлинных подвижниках Православия.

К числу наиболее видных церковных деятелей Лидчины, несомненно, принадлежит протоиерей Иосиф Коялович, настоятель Лидского Архистратиго-Михайловского кафедрального собора – мученик за Веру и Церковь Христову. В известной мере отец Иосиф пострадал за труды и воззрения своего брата-историка, профессора Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловича (1828 – 1891).

Родился Иосиф Коялович около 1838 года в местечке Кузница Гродненской губернии в семье священника. Окончил Литовскую (Виленскую) духовную семинарию. Служил преподавателем Кобринского духовного училища. После рукоположения в священники он начал служить при строящемся с 1857 года Лидском православном соборе, освященном в 1863 году в честь архистратига Михаила. В 1864 году был назначен его настоятелем и Лидским благочинным. Одновременно вплоть до конца 1890-х годов являлся законоучителем Лидского двухклассного училища, городского училища и уездного дворянского училища. Постоянно оказывал помощь своему брату-историку в сборе материалов для его научно-публицистической деятельности, сопровождал его в поездках по городам и селам Белоруссии в 1864 – 1880-е годы. Вместе с братом (с разрешения Виленского владыки) обращался с предложениями в Св. Синод об образовании самостоятельной Гродненской епархии, выделении Литовско-Виленской епархии в митрополию и учреждении Виленской духовной академии. В 1889 году, во время болезни профессора М.О. Кояловича, о. Иосиф ездил с этой целью в Петербург на прием к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву, но «донести как следует суть этой проблемы до высшего начальства» ему в ту пору, к сожалению, не удалось. Умудренный жизненным опытом, стойкий заступник Православия и прекрасный педагог, протоиерей Иосиф Коялович пользовался большим авторитетом и огромным уважением среди духовных и светских властей, прихожан г. Лиды и Лидского благочиния. Будучи непреклонным противником всяких революционных ломок государственной жизни, о. Иосиф до конца своих дней оставался верен идее о единой и неделимой России. В годы Первой мировой войны он испросил разрешения у архиепископа Виленского Тихона (Белавина) – будущего патриарха Московского и всея Руси остаться по старости лет со своей па-

своей и не эвакуироваться вглубь страны. На что получил благосклонное согласие владыки. Пережив три года кайзеровской оккупации и три месяца советской власти, о. Иосиф принял мученическую кончину в апрельские дни 1919 года, когда в г. Лиду вошли польские войска. На третий день Пасхи во время совершения Божественной Литургии в храм ворвались польские легионеры. С криками: «Было ваше право, а теперь наше!» они стали ломать иконостас и выбрасывать иконы. А затем отрезали священнику бороду, подожгли и бросили ее в окно. На следующий день протоиерей Иосиф Коялович со следами побоев был обнаружен мертвым в церковном доме. Лишившись своего почтенного пастыря, прихожане Архистратиго-Михайловского кафедрального собора лишились и своего храма. В начале 1920 года польскими властями он был передан католическому ордену пиаров с получением имени «Иосифского костела» [167].

Во второй половине XIX – начале XX веков на Лидчине было широко известно священническое семейство Бреннов. Одним из членов его был Ярослав Бренн. Родился он 23 января 1844 года в семье священника Голдовской Богородицкой церкви Климента Брена в Лидском уезде. После смерти последнего в 1853 году десятилетний Ярослав был принят на казенный кошт в Жировичское духовное училище, а после его окончания – в Виленскую духовную семинарию. Затем Ярослав учился в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1867 году. После этого около года работал в Управлении государственного контроля, а также в качестве домашнего учителя в состоятельных семействах столицы. В 1869 году по приглашению ковенского губернатора князя Оболенского Ярослав Бренн переезжает в Ковно, где был рукоположен в священники. Тогда же он начал преподавать Закон Божий в местной мужской гимназии. Кроме священства и педагогической деятельности, Ярослав Бренн активно занимался статистикой, историей, этнографией и публицистикой. Был членом многих общественных и благотворительных комитетов.

В 1885 году он переезжает в село Старый Корнин Гродненской губернии, где служил священником его дядя Целестин Бренн. Кстати, другой его дядя – Сампсон Бренн – с 1835 по 1866 год служил Лидским благочинным. В православном приходе Старого Корнина Ярослав Бренн открыл пять приходских школ. Здесь же его усилиями на месте старой деревенской церкви был построен в 1893 году новый в честь святителя Михаила храм, который тогда же и был освящен архиепископом Литовским Донатом. Не допустил отец Ярослав и распространения в округе эпидемии холеры. Прихожане любили своего батюшку, и он щедро делился с ними

своей любовью. Протоиерей Ярослав был награжден многими светскими и духовными высокими наградами. В 1903 году было торжественно отмечено его 35-летнее священническое служение. В 1904 году отец Ярослав в качестве делегата Клещевского благочиния принимал участие в заседаниях Гродненского епархиального съезда и был избран председателем присутствующим на нем. С матушкой Фелицией он имел дочку и четырех сыновей. Все они получили высшее образование: Алексей стал экономистом, Александр – инженером, Владимир и Борис – юристами. Протоиерей Ярослав Бренн умер 2 февраля 1908 года. В похоронах его участвовало семнадцать священников и огромное количество мирян, которые с глубоким уважением и почитанием относились к его подвижнической деятельности на ниве Православия [168].

В деревне Гезгалы Лидского уезда Виленской губернии в 1875 году в простой крестьянской семье родился новомученик иерей Владимир Хрищанович, причисленный в 2000 году Белорусской Православной Церковью к лику местночтимых святых. Известно, что после окончания в 1911 году Слуцкого духовного училища он длительное время служил псаломщиком при церкви Св. Николая Чудотворца в д. Горки Бобруйского уезда Минской губернии. В 1930 году епископ Слуцкий Николай (Шеметилло) рукоположил его в иереи. Это было тяжелое время массовой коллективизации деревни, когда тысячи крестьян лишались крова и подвергались репрессиям. Это, однако, не остановило Владимира Ивановича Хрищановича, и он сделал свой выбор, став священником гонимой богоборческими властями Церкви.

Проживая в Горках, отец Владимир часто посещал соседний приходской храм Преображения Господня в д. Языль. Здесь он совершал богослужения по причине отсутствия в Языле священника. Священник-предшественник был арестован властями. Вскоре эта же участь постигла и отца Владимира. 27 декабря 1932 года он был арестован. Поводом к этому послужила одна из его проповедей, в которой священник затронул тему голода, разразившегося в стране и в селе. Вместе с отцом Владимиром арестовали еще девять человек – членов церковно-приходского совета.

Иерей Хрищанович не скрывал своих взглядов на допросах. «Да, – свидетельствовал он, – я как священник, будучи обречен на нищенскую жизнь, выражал недовольство политикой советской власти...». Подобную дерзость в высказываниях ему, конечно, простить не могли. Без суда и следствия 12 февраля 1933 года священник Владимир Хрищанович был приговорен к расстрелу и в тот же день был убит. Такая же мученическая участь постигла и трех при-

хожан Язельской церкви. Шестеро из них были приговорены к разным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Таким образом, и пастырь, и пасомые разделили все те страдания, которые выпали на долю их родного села и Православной веры [169].

Тяжелые испытания за веру Христову пережил в 1950-е годы священник-настоятель Гончарской церкви Лидского района Николай Устинович. О его хождениях по мукам можно прочитать в книге В.Н. Черепицы «Очерки истории Православной церкви на Гродненщине: в 2 частях. Часть 2. – Гродно, 2005. Там же помещены повествования о чудотворных иконах в селах Собакинцы и Мытно, а также рассказ о Степане Третьяке – православном подвижнике из села Збляны. К сожалению, эти сюжеты оказались вне поля зрения лидских исследователей и не были даже упомянуты в книге «Памяць. Ліда. Лідскі раён» (Мінск, 2004). Данная публикация – определенная попытка восполнить допущенный исследовательский пробел.

3.14. РОДОМ ИЗ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЛКОВЫСКА

Православный Волковыск еще не получил достойного освещения в научной литературе. В «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» в статье В.В. Шаблюка о конфессиональном облике Волковыска имеется лишь упоминание о том, что в городе «захаваліся помнікі архітэктурны: Вацлаўскі касцёл і Мікалаеўская царква XIX ст.». При этом остается лишь догадываться, к какому из упомянутых памятников имеет отношение ссылка на XIX столетие: к костелу или к церкви, или же и к костелу, и к церкви одновременно. Между тем в этой же статье есть указание на то, что «ў 1430 годзе Вітаўт заснаваў у Ваўкавыску касцёл Св. Мікалая». Может сложиться ложное представление, что вначале в городе утвердился католицизм, а потом, уже в XIX веке, – православие. Здесь же почему-то не упоминается о Волковыском Евангелии XVI в. Имеющаяся в энциклопедии статья об этом рукописном памятнике своим содержанием не столько справедливо утверждает нас в крепости православной традиции в городе, сколько ставит ряд вопросительных знаков в отношении связей данного Евангелия с Волковыском. К сожалению, ничего не говорится о конфессиональном облике Волковыска и в других статьях энциклопедии, в том числе и в статье Я.Г. Зверуго, посвященной Волковыскому княжеству. Справедливости ради следует заметить, что в его материале о волковысских замках (X – XIV в.) в энциклопедическом справочнике «Архітэктурна Беларусі» (Мінск, 1993. – С. 109 – 110)

имеются сведения о строительстве в Волковыске православного храма XII века, который автор относит к гродненской школе зодчества. В этом же справочнике имеется информация Т.И. Чернявской и В.В. Терещатовой о времени основания Вацлавского костёла (в 1846–1848 гг.) и Свято-Николаевской церкви (в 1874 г.).

Не много удалось узнать о жизни православного города и из других современных изданий подобного рода. Столь ограниченная и односторонняя трактовка истории Православия в Волковыске, естественно, требует исправления.

Для серьезного осмысления этого явления требуется целенаправленная и систематическая работа по изучению истории волковысских храмов, православных приходов, кладбищ и других святынь. В моих книгах, посвященных истории Православной Церкви на Гродненщине, имеется немало упоминаний и о Волковыске. Есть даже информация о том, что П.А. Столыпин был почетным председателем местного православного братства. Я хотел бы рассказать о трех замечательных православных людях, своей известностью во многом обязанных не только Волковыску, породнившему их, но и своей любовью к литературному творчеству.

В первую очередь необходимо назвать настоятеля Волковысской Свято-Николаевской церкви протоиерея Виталия Железняковича (1900 – 1972). Кроме своего священнического служения на церковной ниве, отец Виталий весьма активно занимался литературной и публицистической деятельностью. Свои замечательные работы он публиковал во многих православных периодических изданиях («Волковысское Чтение», «Русское слово», «Русский голос», «В церковной ограде» и др., выходявших в Польше в 1920 – 1930-е годы. Священник активно боролся против внутренних нестроений, охвативших верхушку церковной иерархии, а также против полонизации местного населения, осуществляемой польскими властями, за что он неоднократно подвергался репрессиям. В ту пору имя священника Виталия Железняковича, его жизненная позиция были широко известны не только в Польше, но и за границей. В 1951 году в атмосфере воинствующего атеизма священник-публицист был арестован «за антисоветскую деятельность и хранение литературы антисоветского содержания». Он был осужден на 25 лет ИТЛ с конфискацией имущества. Многие из творческого наследия отца Виталия было уничтожено им самим из-за опасения ареста, а также в ходе следствия сотрудниками МВД. Праведнической жизни и творчеству волковысского священника посвящено исследование В.Н. Черепицы «Сердце, горящее жаждой истины». Написано оно было на основе материалов архива КГБ, воспоминаний белорусского лите-

ратуроведа В.А. Колесника, родных и близких о. Виталия. Так случилось, что моя студенческая, а потом и преподавательская жизнь свели меня с племянниками отца Виталия – братьями Владимиром и Виктором Железняковичами – сыновьями младшего брата волковысского священника, известного партийного и советского деятеля Павла Аркадьевича Железняковича. Данное обстоятельство в значительной степени стимулировало мой интерес к данной теме. Драматизм, вся сложность взаимоотношений родных братьев – священника-публициста и представителя богоборческой власти, на мой взгляд, – весьма интересный сюжет для серьезного литературного произведения.

На квартире волковысского батюшки (не исключено, что о. Виталия) в 1946 году был тайно окрещен (как водилось в то время) ныне известный русский писатель-маринист Н.А. Черкашин. В «Изборнике. Материалах к словарю русских писателей XX – начала XXI века» (М., 2003) о нем написано следующее: «Черкашин Николай Андреевич (25.11.1946 г., г. Волковыск, Гродненская обл.). Отец – пушкинист, всю жизнь занимался воссозданием родословного древа Пушкиных (от себя добавлю, что в первые послевоенные годы отец писателя служил в Волковыске командиром стрелковой роты). Окончил в 1970 г. философский факультет МГУ и в 1974 году – аспирантуру. Служил на Северном флоте, был заместителем командира подводной лодки. Капитан 1-го ранга в запасе. Работал в газетах «Комсомольская правда» и «Красная Звезда». Первую книгу – «Соль на погонах» – издал в 1980 году. Лауреат ряда премий: имени Николая Островского (1980) и премии Ленинского комсомола (1982), «Золотого кортика» (2001) и других. В начале 1990-х годов выступал на телепроцессе защитником по делу В.М. Саблина, выведшего в 1975 году советский корабль в знак несогласия с советской властью в нейтральные воды. В 1994 году пережил тяжелую утрату: в Абрамцево неизвестные сожгли зимний дом писателя, в котором он хранил походные дневники и другие исторические материалы». Здесь же указываются сочинения Н.А. Черкашина – более двадцати книг очерков, повестей и рассказов, исторических романов. Приведен – перечень публикаций о писателе.

В моей домашней библиотеке имеется семь замечательных книг уроженца Волковыска, написанных в последнее десятилетие: «Звезда Колчака», «Опасные игры», «Взрыв корабля», «Повседневная жизнь российских подводников», роман в 3 книгах «Кровь офицеров», «Одиссея мичмана Д...», «Унесенные бездной. Гибель «Курска». Все эти книги имеют дарственные надписи-автографы. На титульном листе

первой из них («Звезда Колчака. Размышление над старыми фотографиями»), вышедшей в Москве в 1993 году, рукой писателя написано: «Профессору Валерию Николаевичу Черепице на доброе заочное знакомство. Ник. Черкашин. 22.06.94». Эту книгу мне принес студент-заочник офицер А.И. Чернобай, писавший под моим руководством дипломную работу о реформах в русской армии нашего земляка генерала-министра П.С. Ванновского. Получил он ее от гостившего у него в Гродно писателя. Как мне говорил Чернобай, во время этой встречи много говорилось об истории Гродненщины, причем упоминалось и мое имя. Так у меня появилась «Звезда Колчака». На книге о повседневной жизни российских подводников помещен следующий автограф: «Валерию Николаевичу Черепице – от земляка – и от всего сердца. Ник. Черкашин, 30.04.2001 г.». А вот надпись на книге «Унесенные бездной. Гибель «Курска». Хроника. Версии. Судьбы»: «Дорогой Валерий Николаевич! Примите со страниц этой печальной книги самые искренние пожелания добра, счастья и новых исторических находок. Ник. Черкашин. 25.10.2001 г.».

Уже несколько лет мы пишем друг другу. В одном из своих писем он прислал мне свою автобиографическую повесть «Волковыск». В нее он вложил немало души и таланта. Я с удовольствием (с согласия автора) передал бы ее в «Наш час» для публикации, если, разумеется, в этом была бы потребность. Говорю об этом с известной долей пессимизма лишь по той причине, что одна из моих попыток оказалась безуспешной, а связана она была с желанием познакомить жителей города еще с одним из земляков – писателем, публицистом и общественным деятелем Георгием Митрофановичем Моисеевым, живущим сейчас в Канаде. О его существовании я узнал в 1996 году, когда он прислал мне письмо-отклик на статью о И.Л. Солоневиче – выдающемся гродненце, опубликованной в московском издании «Русский Вестник». Там, в редакции «РВ», он получил и мой адрес. Завязалась переписка, продолжающаяся до сих пор. В 2004 году в России, Канаде и Австралии вышел автобиографический роман Г.М. Моисеева «Страницы жизни», посвященный истории его семьи и его личной судьбе. В книге немало ярких и интересных страниц из жизни Волковыска и Гродно в 1920 – 1930-е годы. Когда их автор только мечтал о публикации данных материалов на родине (при моем участии), он прислал мне письмо, в котором есть такие строки: «Если будете писать вступление к моим материалам или давать им критику, то Вам надо знать обо мне следующее. Рожден в Волковыске (от матери-москвички и отца – донского казака и белого офицера) в 1924 году. Вы уже знаете, что я архитектор мюнхенской и австралийской архитектурных школ, спе-

циалист по госпиталям (добавлю, что по проекту Г.М. Моисеева в Оттаве в 1988 году построена Свято-Покровская православная церковь). Являюсь старшим членом Австралийского Королевского института архитекторов, членом Ассоциации Британского Королевского института архитекторов, Королевского Института планировки городов – урбанистики, членом Международной ассоциации госпитальных консультантов, Викторианского института архитекторов. Кроме того, я полковник запаса, войсковой старшина Всевеликого Войска Донского и полковник Казачьего союза войск, член Верховного Совета Российской имперского ордена-союза. С 1946 года работаю в русской периодике на Западе и после 1990 года – в России. Написал более 1350 статей на политические, военные и бытовые темы. Шесть лет издаю журнал «Белый листок». Знаю четыре языка. Почетный член редакционного совета газеты «Вестник Казачьих Войск». В России только за последнее время был восемь раз, в том числе один раз в Гродно, а до Волковыска, где находятся могилы бабушки и дедушки по линии матери (Муравьевых), так еще и не добрался. Сильно связан с казачьим возрождением: дух мой на Дону, но в Гродно и в Волковыске, где прошли детство и юность, тянет необыкновенно. Проживал в Германии, Австралии, Саудовской Аравии, ныне в Канаде. Вся моя семья, дети, внуки и правнуки православные. Пришлось много пережить, но мне удалось выстоять, сохранить свою Русскость и Православие и передать их детям! А теперь пора и дух перевести. Не так ли?».

Н.А. Черкашин. Из автобиографического очерка «Волковыск»: «В моем паспорте навсегда записано: «Место рождения – г. Волковыск Гродненской области». Не сочтешь, сколько раз приходилось мне писать эти дорогие для меня названия во всевозможных анкетах... Волковыск... Слово это для меня навсегда детское. Наверное, потому, что «волк» – это прежде всего тот самый волк, которого во всех сказках так хитро морочила лиса, а сказки эти, как и прочие, я впервые услышал в Волковыске. И еще потому, что в Волковыске я очень часто слышал слово «колыска» – «колыбель» по-белорусски... На самом деле, как я потом узнал, название этому древнему городу дали холмы – выси, где находились языческие капища в честь тотемного животного, покровителя рода – волка...».

Г.М. Моисеев. Фрагмент из автобиографического романа «Страницы жизни», озаглавленный «Волковыск 1939»: «Август был тихий, теплый, наполненный запахом зрелых яблок, груш и цветущих флоксов... Утренние туманы долго стояли над реками и болотами. Воздух пах влажной пылью, вся природа казалась сонной и усталой. За Росью, что лениво извивалась среди изумрудных волко-

высских полей, стояли темной стеной леса Козьих гор, а еще дальше Изабелинский лес, и горизонт терялся в синей дымке уходящих в бесконечность холмов. Была в этом мире своя устойчивость, свой ежедневный порядок. Незримый закон природы царил повсюду. В лесной глуши, над широкими полями Белоруссии, в садах и огородах он сиял с высоты чистого, голубого неба, словно Божьим Глазом благословляя нерушимость созданного Богом мира...».

В названных произведениях – масса историко-краеведческих деталей, связанных с жизнью православного Волковыска как в предвоенные, так и в послевоенные годы.

Замечу, что многие события истории Волковыска 1920 – 1930-х годов получили освещение и в книге Моисеева-старшего – генерал-майора Митрофана Алексеевича Моисеева «Былое. 1894 – 1980», также изданной за границей [170].

ГЛАВА 4. ЭПИЗОДЫ СЛУЖБЫ РАТНОЙ

4.1. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУЭЛИ (К РОДОСЛОВНОЙ ВЫХОДЦЕВ ИЗ ИРЛАНДИИ ГРОДНЕНСКИХ ДВОРЯН О'БРИЕН ДЕ ЛАССИ)

Дуэли или поединки с целью выяснения отношений между людьми (чаще всего военными) были одной из отличительных особенностей не только средневековья, но и XIX века. Именно из этой поры пришли к нам образы дуэлянтов с их особой школой нравственности и отношением к жизни. Дуэль как бунт одиночек – один из самых распространенных метасюжетов русской литературы. Вот только самый поверхностный, беглый взгляд. А.С. Пушкин: дуэли «Онегина», «Выстрела», «Каменного гостя» и «Капитанской дочки». М.Ю. Лермонтов: Печорин убивает Грушницкого, а купец Калашников в настоящей кулачной дуэли – опричника Кирибеевича. Л.Н. Толстой: Пьер стреляется с Долоховым. И.С. Тургенев подводит к барьеру Евгения Базарова и Павла Кирсанова. «Поединок» – едва ли не лучшая вещь А.И. Куприна. И даже А.П. Чехов – уж от него мало кто ждал сочинения на подобную тему – пишет «Дуэль»! Не забудем, что тема дуэли трагически прозвучала и в жизни – в поединках закончили свой земной путь два гения (Пушкин и Лермонтов).

Как правило, вызов на дуэль, выбор оружия («стреляться» или «сабля»), переговоры секундантов, подбор лекаря, бессонная ночь в канун поединка, сама его процедура и нередко печальный итог были зачастую основной завязкой сюжета и упомянутых произведений, и биографий литераторов. В нашем восприятии XIX века дуэль в значительной степени является и символом той эпохи, лакмусовой бумажкой, с помощью которой проще понять, кто находится перед тобой: подлый или благородный человек.

Как дворянин считал, что позор хуже смерти, так и человек из народа, идя бунтовать, хорошо сознавал: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Нельзя забывать об этих морально высоких и чистых источниках бунта; это уже дело другое, что к чистой воде первоначального мятежа довольно часто примешивались мутные воды корыстных и властолюбивых расчетов, а иногда и глупости. И тем не менее в истории России дуэль, как и бунт, выражала определенное стремление к порядку и справедливости. Разве не подражая литературным героям пушкинской поры, дрались мы «по прави-

лам» на школьных вечерах и уже взрослых танцплощадках. В далекие 1960-е годы осели и навсегда остались в нашей памяти строчки стихотворения тогда еще молодого Игоря Кобзева, написанного под нравственным воздействием эпохи «золотого века»:

Как сладко за подленькое словцо, за лживую опечатку

Врагу в перекошенное лицо надменно швырнуть перчатку.

Увы, время дуэлей безвозвратно ушло, оставив в памяти и сознании последующих поколений лишь белую зависть по отношению к нравам XIX – XX веков. Сегодня выяснение взаимоотношений между людьми идет уже при помощи более изощренных и опасных средств. Нынешние СМИ в этом отношении практически не ограничены в своих поражающих возможностях. Однако при всем этом в так называемых «цивилизованных» средствах выяснения отношений, к сожалению, давно уже стерся и растворился главный элемент любого поединка – поступок. Снижение его роли в жизни современного общества, естественно, в качестве противовеса повышает потребность еще глубже проникнуть в нравственную природу дуэлей, проследить их историю.

Известно, что в XIX веке дуэли были запрещены, но негласно в дворянской и офицерской среде они существовали вопреки всему. Дворянское сословие считало вызов обычной нормой. Он заставлял строго соблюдать правила приличного поведения, ибо угроза дуэли за обиду висела над каждым, а отказаться от вызова для благородного дворянина и, кроме того, офицера было делом невозможным. По выражению Пушкина, «оскорблять и не драгаться» было постыдным даже для члена императорской фамилии. В XIX веке существовала даже особая категория дуэлянтов, так называемых бретеров (в переводе с французского – «забияка»), для которых встреча с оружием в руках служила самоцелью, доказательством удалства, хладнокровия, способом самовыражения. За полтора десятка лет, между 1894 и 1910 годом, в России произошло более 300 дуэлей на пистолетах. В них участвовало почти 650 человек, в основном офицеры. Следовательно, на каждый год приходилось по 30 поединков. Немало было дуэлей на саблях [171]. Исследователей привлекает не только общеисторический аспект проблемы, ибо всякая дуэль – одна из составных частей жизненного тонуса участников конфликта и той социальной среды, к которой они принадлежали, причем не только в масштабах всей страны, но и конкретного региона. Не менее привлекателен для исследователя и краеведческий аспект исследуемой темы. В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно хранится одно из своеобразных дуэлянтских дел. По своему названию – «Дело по рапорту смотрителя Друскенинских минеральных вод о нанесении побо-

ев князем Пузыною корнету О'Бриену де Ласси» – его первоначально никак нельзя было отнести к разряду классических дел о дуэлях. О том, что это дело дуэлянтское, стало известно лишь после углубленного ознакомления с ним. Что же касается названия данного дела, то оно, скорее всего, – лишь отражение первой реакции канцелярии местного губернатора на конкретное происшествие, о котором 20 июня 1852 года сообщал начальнику губернии барону Х.Х. Ховену смотритель Друскеникских минеральных вод, отставной ротмистр А.Г. Яцковский. Вот строчки из его рапорта: «19-го сего июня в зале нашего заведения, сразу же после музыкального вечера, собравшиеся посетители начали танцевать, но вдруг во время танцев возникли какие-то недоумения между отставным ротмистром, помещиком, князем Пузыною и корнетом уланского князя Чернышева полка О'Бриен де Ласси, после чего они вышли в соседнюю комнату кондитерской Каятана Кара, где начали браниться, в ходе чего князь Пузыно неожиданно ударил офицера де Ласси по лицу, а сам удалился к себе на квартиру. При данной сцене были многие свидетели. Имея в виду, что после этого происшествия могут произойти неприятные последствия, воспрещенные законом, тем более, что фамилия (т.е. семья. – *В.Ч.*) де Ласси восприняла нанесенную им обиду очень серьезно, честь имею почтеннейше донести о случившемся на начальническое зависящее распоряжение. Долгом своим считаю также присовокупить, что помещик князь Александр Пузыно прибыл в Друскеники по указу об отставке из военной службы 2-го числа сего июня, а корнет Карл О'Бриен приехал сюда вместе с семейством 9-го числа сего же июня [172].

Дальнейшее рассмотрение этого и других архивных документов, имеющих отношение к участникам конфликта, убедительно подтвердило, что предусмотрительность смотрителя Друскеникских минеральных вод не была беспочвенной, ибо упомянутые в рапорте лица относились к известным в крае родам, отличавшимся особой властью и честолюбием. Достаточно сказать, что земельные магнаты Пузыно вели свою родословную с XIV века, а в русском дворянстве были утверждены в 1826 году [173]. Их земельные владения и поместья имелись почти во всех губерниях Северо-Западного края. И хотя в последнее время этот род в финансово-экономическом отношении переживал не лучшие времена, о его оскудении не могло быть и речи, а представления о своей былой знатности и могуществе еще более усиливали претензии дворян Пузыно на высокое положение в обществе.

Не менее высоко судили о своем месте среди земледельцев края представители старинного ирландского рода О'Бриен де Ласси.

Первым среди них стал служить России генерал-фельдмаршал, граф Петр Петрович О'Бриен де Ласси (1678 г., Ламерик, Ирландия – 1751 г., Рига). В ряды русской армии он вступил поручиком в 1700 году. Участвовал в Северной войне, отличился в Полтавском сражении 1709 года. В 1719 и 1721 годах генерал де Ласси участвовал в победоносном десанте русских войск на побережье Швеции. После завершения длительной войны он командовал русскими войсками в Лифляндии. Занимал пост рижского губернатора. И все-таки военная карьера более всего прельщала Петра Петровича. В 1734 году корпус русской армии под его командованием разбил сторонников претендента на польский престол Станислава Лещинского. В 1736 году Донская армия под его предводительством разбила турок и овладела Азовом. В 1737 – 1738 годах он разбил войска крымского хана. Во время русско-шведской войны 1741 – 1743 годов он в качестве главнокомандующего русской действующей армией разбил шведов и принудил их к капитуляции. С 1744 года П.П. О'Бриен де Ласси был генерал-губернатором и командующим русскими войсками в Лифляндии. По стопам этого русского военачальника пошли и его потомки. Большинство из них служили в офицерских чинах в русской армии и сумели показать в войнах с Наполеоном свою преданность их стране, ставшей им второй Родиной. В экспедиции адмирала Сенявина в Средиземном море против французов в 1805 – 1807 годах участвовал Сибирский гренадерский полк под командованием сына Петра Петровича генерала-аншефа де Ласси. Один из представителей этой фамилии Патрик (на русский манер – Патрикий), служивший в конной артиллерии, в 1817 году вышел в отставку, получив в наследство от своего дядюшки-генерала русской службы имение Августовок в Гродненском уезде (ныне в черте Гродно, в районе улицы Репина. – *В. Ч.*). В 1819 году отставной офицер получил и русское дворянство [174]. Успешно развивались и его хозяйственные дела. Увеличивалась семья.

25 мая 1853 года гродненский губернатор, характеризуя Патрикия О'Бриен де Ласси, сообщал министру юстиции следующее: «С самого водворения своего в России он всемерно старался высказывать по отношению к властям свои верноподданнические чувства и служить чем только можно для своего нового великого Отечества. Будучи уже не в состоянии сам нести службу по крайне расстроенному здоровью, он послал всех своих взрослых сыновей служить в рядах победоносного русского воинства, постоянно внушая им быть достойными фамилии славных предков, сам же себя предоставив исключительно утешениям успехов детей своих. Вместе с тем, при каждом удобном случае он стремился на деле показать

свою готовность быть полезным нашему Отечеству. Так, во время прохождения в 1848 и 1849 годах русских войск через его имение Августовок, что близ Гродно (для участия в подавлении восстания в Венгрии. – *В. Ч.*), он обеспечивал им не только радушный прием, постоя, но и отличное содержание с весьма сытным столом и винной порцией. Жена господина О'Бриена де Ласси Юлия (урожденная Даме) – приверженная сотрудница своему мужу во всех его полезных делах и в воспитании детей. Семейство помещика О'Бриен де Ласси состоит из следующих лиц: жена Юлия (урожденная Даме) 44 лет, сыновья: Петр 25 лет, поручик уланского великого князя Константина Николаевича полка; Генрих 23 лет, поручик того же полка; Карл 20 лет, подпоручик уланского князя Чернышева полка; Маврикий 10 лет; Александр 8 лет. Дочь – Катерина 22 лет находится замужем за графом Францем Коссаковским. Семейство О'Бриен де Ласси пользуется в кругу местного дворянства всеобщим уважением» [175].

Приходится сожалеть, что в материалах данного дела не нашлось сведений, характеризующих род князя Пузыно. Однако по ряду косвенных фактов можно судить о значительном снижении в последние годы репутации княжеского семейства, причем не только в хозяйственном, но и политическом отношении. Отрицательно повлияло на это участие некоторых представителей княжеского рода в восстании 1863 года. Как стало известно уже в ходе разбирательства, сам Александр Пузыно «вынужден был выйти в отставку из-за неполадок по службе». В чем они выражались, доподлинно узнать не удалось.

Не исключено, что с учетом всех этих данных виленский генерал-губернатор тотчас же по получению донесения о происшествии в Друскениках предписал местным властям «немедля провести расследование о нанесении обиды корнету О'Бриену де Ласси, приказав ныне же арестовать князя Пузыно, а по окончании следствия перевезти его в Гродно на тамошнюю гауптвахту впредь до дальнейшего моего распоряжения». В тот же день начальником края были посланы запросы и командиру полка, в котором служил потерпевший: «имелся ли во время нахождения в Друскениках у корнета Карла О'Бриен де Ласси увольнительный билет и прибыл ли он после названного инцидента к месту службы?». Вскоре вместе с утвердительными сведениями о законном нахождении молодого офицера в Друскениках, включая и пояснения о том, что «отпущен туда увольняемый из полка был как по семейным обстоятельствам, так и для покупки себе лошади вместо павшей», в Вильно пришло из штаба 1-го пехотного корпуса сообщение о назначении подпол-

ковника Тромпковского представителем от военного ведомства «для производства расследования о ссоре между отставным ротмистром Пузыно и корнетом О'Бриен де Ласси». Со стороны гражданской власти для участия в рассмотрении данного дела был назначен помощник губернатора по особым поручениям М.А. Тергукасов. В начале августа последний из-за финансовых трудностей, связанных с наймом помещения в доме Гриневича в Друскениках, принял решение проводить следствие в Гродно, но из-за болезни Александра Пузыно осуществить это не удалось. Пока выздоравливал в Друскениках князь, корнет Карл О'Бриен де Ласси с разрешения подполковника Тромпковского проживал в имении своего отца Августовок, а когда пришла пора ехать в Гродно, то он, как доносил исправник, «заболел так сильно, что по освидетельствованию местным лекарем, было решено оставить его у родителей до полного выздоровления». В это время князь Александр Пузыно приехал по распоряжению генерал-губернатора в Гродно «для содержания его здесь под арестом на гауптвахте», но поскольку последнее по каким-то причинам не было сделано, то он остановился в лучшей городской гостинице, наносил визиты старым знакомым, практически себя ни в чем не ограничивая. Местные дамы смотрели на него как на человека весьма загадочного, отмечая, что в «последнее время он страшно осунулся и побледнел» [176]. Упоминание в деле гродненских дам, проникнутых сочувствием к князю, является, пожалуй, единственным намеком на то, что было причиной конфликта, однако об этом можно лишь догадываться. К чести участников конфликта, переросшего в дуэль, а также тех, кто участвовал в его разборе, никто из них даже не намекнул на так называемое «шерше ля фам» (ищите женщину), да и имя ее нигде не упоминается. Не менее благожелательным отношением к себе пользовался Александр Пузыно и со стороны офицеров Гродненского гарнизона, с которыми он познакомился и подружился во время игры в бильярд. До завершающего рассмотрения друскеникской ссоры оставалось два дня, однако произошло непредвиденное...

Впрочем, о характере данного происшествия подробно рассказано в рапорте гродненского полицмейстера губернатору от 7 сентября 1852 года. В нем, в частности, сообщалось: «Вчерашнего числа в первом часу по полудни в городском трактире Нерчи отставной поручик князь Пузыно играл в бильярд с прапорщиком егерского фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка Дворжицким — при этой игре находились: 1-го стрелкового батальона подпоручики Норденстедт, Малыш Фон Тюмен и Краббе, а также прапорщик Кульман и управляющий чарочным откупом Эддель. В это время в

трактир вошел приехавший сюда конно из имения отца уланского князя Чернышева полка корнет Карл О'Бриен де Ласси. Он был в форменном сюртуке, в фуражке и при сабле. Войдя в залу, он, обращаясь к упомянутым офицерам и указывая взглядом на Пузыну, ото-звался: «Господа, этот негодяй опорочил мою честь и уклоняется от дуэли», и тут же, подав князю пистолет, предложил стрелять в себя. Господин Пузыно, приняв пистолет, сразу же положил его на бильярд и сказал, обращаясь к де Ласси: «Здесь не место...». В это мгновение корнет де Ласси, имея при себе другой пистолет, возна-мерился выстрелить в князя Пузыно, но пистолет осекся, и выстре-ла не последовало... Тогда де Ласси, обнажив саблю, пронзил Пу-зыно в правый бок. Когда же он вознамерился нанести свой удар во второй раз, то подпоручик Норденстедт сумел приостановить кор-нета за руку, в результате чего де Ласси рассек саблею офицеру правое ухо. Предварительное дознание о вышеупомянутом проис-шествии взято со слов подпоручика Норденстедта; для освидетель-ствования же ран, нанесенных господинам Пузыно и Норденстед-ту, последние доставлены в контору военного госпиталя. Имею честь присовокупить, что корнет О'Бриен де Ласси арестован и содер-жится на главной гауптвахте. Два же пистолета и сабля, а также окровавленные вещи, как-то – две рубашки, жилет и пальто, нахо-дятся в полиции» [177].

Днем позже, 8 сентября, о соре, обернувшейся странной дуэ-лью, губернатору вынужден был докладывать старший чиновник канцелярии Тергукасов: «В дополнение к рапорту моему от 21 июля сего года о тяжкой обиде, публично нанесенной корнету Карлу О'Бриен де Ласси отставным поручиком Александром Пузыно в доме собрания на Друскеникских минеральных водах, имею честь донести, что во время производства формального о столь низком поступке со стороны Пузыно следствие сей последний содержался первоначально под арестом в Друскениках, а потом был переведен в Гродно на полковую гауптвахту. Когда же следствие было оконче-но и представлено мною на рассмотрение генерал-губернатора здеш-него края, генерал-адъютанта Бибикова, то им было предписано мне освободить сего Пузыно из-под ареста и обязать его подпиской о невыезде из г. Гродно вплоть до решения самого дела. Корнет же О'Бриен де Ласси постоянно находился в ведении представителя от военных властей, подполковника Тромпковского, который по окончании формального следствия оставил корнета больным на попечении родителей его, проживающих в имении своем около г. Гродно. По выздоровлении он 4 сентября отправился в свою пол-ковую штаб-квартиру, но по дороге туда де Ласси, по-видимому,

решил, прежде всего, добиться получения удовлетворения от жестоко оскорбившего его Пузыно, как известно, всемерно уклонявшегося от этого. Когда де Ласси узнал, что Пузыно постоянно играет на бильярде с офицерами 1-го стрелкового батальона, то он явился и объявил присутствующим офицерам о нанесении ему Пузыно жестокой обиды и о том, что последний отказывается дать ему удовлетворения. Вместе с этим он достал два заряженных пистолета и потребовал от Пузыно тотчас же с ним тут же стреляться. Когда же князь на то не согласился под разными предлогами, то корнет выхватил саблю и начал рубить обидчика, но офицеры, бывшие там, схватили его и не допустили де Ласси к совершенному умерщвлению Пузыно. После сего происшествия корнет де Ласси сам явился ко мне, сознавшись в содеянном им поступке. Мною он тотчас был отослан на гауптвахту. Князь же Александр Пузыно после получения необходимой медицинской помощи находится на квартире у своих родственников, пользуясь от нанесенной ему раны» [178].

9 сентября во исполнение предписания генерал-губернатора Бибикова в Гродно прибыл для рассмотрения вторичной ссоры между офицерами полковник Евреинов, не преминувший сообщить об этом местному губернатору. Тогда же из показаний офицеров-свидетелей несостоявшейся дуэли стали известны и другие детали случившегося. Вот как, к примеру, передавали они начало конфликта: «Когда в городской трактир вошел корнет О'Бриен де Ласси, он стал около бильярда, а затем, обратясь ко всем присутствовавшим и указывая на князя Пузыно, сказал: «Вот, господа, человек, который замарал офицерскую честь, я его несколько раз вызывал на поединок, но всякий раз он отказывался и отрекался от своих слов; в присутствии же вашем я его вновь вызываю на дуэль». В это самое время он подал пару пистолетов Пузыно со словами: «Выбирайте!». Пузыно принял один из пистолетов, который тотчас же положил на бильярд. Де Ласси же, перейдя на другую сторону, сказал: «Мы будем стреляться через бильярд», а Пузыно на это ответил, что «здесь не место». Тогда корнет де Ласси, подойдя к нему ближе с левой стороны бильярда и взведя курок, сказал: «Вы опять отказываетесь, стреляйте!». И сам в то же мгновение выстрелил в Пузыно, но пистолет дал осечку. Вслед за этим он обнажил саблю, бросился на князя и ударил его плашмя саблей по груди. Отступив назад, он сделал попытку вонзить ему саблю в грудь, но в это самое время подпоручик Норденстедт, видя, что корнет напал на совершенно вооруженного человека и желая спасти Пузыно от неизбежной смерти, бросился, чтобы удержать де Ласси, но второпях успел его схватить только за левую руку, чрез что корнет и ранил князя с правой стороны в

легкие; при этом, когда подпоручик Норденстедт удерживал де Ласси, оный ударил его саблей и прорубил правое ухо, после чего Пузыно бросился бежать, а де Ласси погнался за ним, стараясь еще раз уже при выходе на двор ударить князя, но и тут его удержали от этого находившиеся в трактире офицеры. Подпоручика Норденстедта освидетельствовал тотчас батальонный лекарь, коллежский асессор Эллерт, который и объявил, что ухо совершенно прорублено сверху вниз, и что следы прорубки находятся и на правом виске» [179]. После нескольких дней нахождения на гауптвахте корнет О'Бриен де Ласси серьезно занемог и 27 сентября после освидетельствования его лекарем Борнгартом был отправлен в госпиталь «для излечения от одержимой его болезни». Узнав об этом, генерал-губернатор Бибииков приказал, «чтобы во время нахождения сего офицера в госпитале за ним имелся должный присмотр, как за арестованным». Кроме того, он просил гродненского губернатора «принять строгие меры, чтобы после вторичной ссоры корнета О'Бриен де Ласси с помещиком Пузыно не могло возобновиться опять какого-либо неприятного между ними случая, при содействии родственников де Ласси, проживающих близ г. Гродно».

Из имеющихся материалов трудно составить представление о том, какие меры в защиту корнета принимали его родственники, если не считать наличия письма его отца Патрикия О'Бриена де Ласси на имя губернатора от 24 сентября, в котором он уведомлял последнего о том, что им по делу сына представлена по начальству «выпись, утвержденная Духовной консисторией, о времени его рождения, а также формулярный список о его службе, где показано, что ему 22 года от роду...».

9 октября начальник штаба 1-го пехотного корпуса, полковник, граф Гейден подал рапорт гродненскому губернатору следующего содержания: «Господин Главнокомандующий армией, отданным по оной приказом от 29 сентября за № 152-м изволил предписать: корнета уланского генерал-адъютанта князя Чернышева полка О'Бриен де Ласси за вызов на дуэль, сделавшего личное ему оскорбление помещика Ковенской губернии Пузыно и нанесения ему ран, когда он не соглашался на этот вызов, предать военному суду при своем полку, арестованным».

Однако с таким решением не согласился генерал-губернатор, потребовавший 19 октября «предания военному суду при Виленском ордонанс-гаузе отставного поручика Пузыно и корнета О'Бриен де Ласси: первого – за нанесение удара последнему в лицо, а другого – за вызов им Пузыно на дуэль и причинение ему ран». О том, как сложилась дальнейшая судьба одного из дуэлянтов, косвенно сви-

детельствует письмо генерал-губернатора Гродненской губернии от 16 декабря 1854 года: «По докладу Государю Императору отношения моего к военному министру, Его Величество Высочайше повелеть соизволил: корнета О'Бриен де Ласси во внимание к особому ходатайству моему освободить ныне же от содержания в каземате Бобруйской крепости и назначить на службу согласно состоявшейся о нем конфирмации генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича Эриванского в действующие войска Отдельного Кавказского корпуса с переводом его в драгунский полк и переименованием его в прапорщики». Что же касается князя Пузыно, то судя по всему, в этом деле он отделался легким испугом. Судом были учтены полученные им ранения.

О реакции семьи О'Бриен де Ласси на отправление сына на Кавказ в определенной степени свидетельствует письмо его главы от 28 января 1855 года на имя губернатора барона Х.Х. Ховена: «Ваше Превосходительство, барон Христофор Христофорович! Вследствие почтеннейшего отзыва Вашего Превосходительства от 16-го сего генваря за № 227, которым изволили известить меня о воле Высшего начальства насчет назначения сына моего Карла на службу в Кавказский Отдельный корпус, имею честь уведомить, что этот сын мой, находившийся у меня по разрешению Господина Бобруйского коменданта, чрез несколько дней, еще до получения мною настоящего отзыва Вашего, отправился в Бобруйскую крепость именно 23 генваря с тем, чтобы оттуда сейчас же отправиться в г. Тифлис, так как на следовании туда получил уже от Г. Коменданта по почте все нужные бумаги. С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства слуга О'Brien de Lasy» [180].

Отправляли родители сына на Кавказ с нелегкой душой. Еще совсем недавно там, в бою с горцами, был убит поручик Даме, приходившийся младшим братом Юлии О'Бриен де Ласси. После его гибели сестре пришлось погашать его долг штабу Отдельного Кавказского корпуса в размере 128 рублей 57 копеек [181]. Но дело, разумеется, было не в деньгах, а в тревогах за судьбу близкого человека. В доступных нам архивных материалах отсутствовали конкретные сведения о дальнейшей судьбе Карла О'Бриен де Ласси. Между тем известно, что Карл до конца своих дней оставался холостяком. Умер он 28 октября 1871 года, а похоронен рядом с принадлежащей их роду часовней. Не оставил потомства и брат Карла – Генрих (был старше его на два года), служивший поручиком в лейб-гвардии уланском императорском князя Константина Николаевича полку. Дата смерти и место захоронения Генриха неизвестны. Во

всяком случае, в делах о наследовании владений своего отца в указанные годы Карл и Генрих уже не упоминались. Продолжателями же рода О'Бриен де Ласси на гродненской земле стали: Петр – старший брат Генриха и Карла, дослужившийся до чина ротмистра того же, уланского полка и не служивший в армии, самый младший из детей Патрика и Юлии – Александр. Следует заметить, что дело об участии в дуэли корнета Карла О'Бриен де Ласси по-своему является уникальным, ибо оно явно выделяется из всей массы архивных документов, касавшихся данного семейства, в вопросах наследования, благотворительности и ведения сельского хозяйства.

К числу важнейших из них следует отнести ниже перечисленные дела, основное содержание которых здесь и далее подается в хронологической последовательности.

В 1813 году генерал Маврикий де Ласси, находясь за пределами Гродненской губернии, осуществил крупный заем в залог своего имения под Гродно. Содействие ему в этом деле оказывал В.С. Ланской. Об этом свидетельствует следующий документ: «В Государственный заемный банк от генерала и разных орденов кавалера Маврикия де Ласси. Прошение. На основании банковских законов прошу выдать мне в заем на 8 (восемь) лет тридцать (так в тексте. – *В.Ч.*) шесть тысяч рублей под залог собственного моего имения, находящегося в Литовско-Гродненской губернии вместе с шестьюстами душ крепостных, о подлинности коих свидетельство при сем представляю (в деле оно отсутствует. – *В.Ч.*); при этом обязуюсь как капитал, так и проценты в указанное время платить исправно. Означенные деньги согласно доверенности моей, изъясненной в свидетельстве Главного суда, представляю из банка получить и за меня расплатиться господину тайному советнику, кавалеру и командору Василию Сергеевичу Ланскому или поверенному его» [182]. Дата под документом отсутствует, и лишь по датировке других документов, находящихся в этом деле, можно предположить, что данное прошение Маврикия де Ласси было составлено в 1813 году.

В 1834 году Патрикий О'Бриен де Ласси судился с соседним помещиком Александром Решко на предмет неправильного начертания границ своего имения, а также прав владения им [183]. Большой любитель истории, он в 1837 году приобрел для своего домашнего музея часть скелета мамонта, обнаруженного при обвале высокого берега реки Лососянки [184].

Осенью 1840 года английский подданный Пирс Ласси (родственник Патрикия) сделал запрос в Министерство иностранных дел России о содержании завещания генерала русской службы О'Бриен де Ласси. Из содержания этого дела следовал вывод, что пос-

ледний завещал имение Августовок Гродненского уезда Патрикию О'Бриен де Ласси 6 ноября 1817 года «с выплатой вечного фундуша (по 300 рублей серебром ежегодно) Гродненскому монастырю францисканцев» [185]. Тогда же было запрещено проживание в имении Августовок уроженцу Кенигсберга, прусскому подданному Фридерiku Вильбергу – домашнему учителю малолетних сыновей владельца имения [186].

Известно также, что в 1846 году Патрикий пожертвовал в пользу Гродненского благотворительного общества 1000 рублей. В 1853 году в связи с обострившейся болезнью он ходатайствовал о передаче прав на владение имением Августовок своей жене Юлии. После смерти Патрикия О'Бриен де Ласси 31 августа 1870 года [187]. (Юлия умерла двумя годами раньше) «в наследственные права по имениям покойного вступили его сыновья Маврикий и Александр» [188].

В начале 1877 года Александр О'Бриен де Ласси вместе с помещиками Гродненского уезда (Покубято, Тальгейм, Вольмерн и Выгановская) безуспешно жаловались в Государственный совет «на неправильную оценку их имущества, отчужденного под строительство Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги» [189]. В 1882–1886 гг. тот же Александр участвовал в судебных тяжбах, связанных с «незаконной передачей в аренду некоему Эйнарвичу одного из его имений в Новом Дворе Сокольского уезда» [190].

В сентябре 1893 года внук Патрикия – Патрикий-Казимир Петрович О'Бриен де Ласси, проживавший в Друскениках, ходатайствовал перед гродненским губернатором о выдаче ему свидетельства о нравственной и политической благонадежности [191].

В фондах НИАБ в г. Гродно хранятся следующие документы, имеющие отношение к владениям семейства О'Бриен де Ласси: «План имения Августовок помещика О'Бриен де Ласси, составленный землемером 2-го класса Рейпертом в 1881 году»; «План участка земли, входящего в состав фольварка Смолянка – владения помещика Александра Патрикеевича О'Бриен де Ласси, купленного помещиком Михаилом Владимировичем Почижским в 1905 году»; «План урочища Коренева, входящего в состав имения Кругляны Горницкой волости Гродненского уезда – владения Патрикия Петровича О'Бриен де Ласси от 6 июля 1907 года»; «План имения Горница Гродненского уезда – владения Габриэля, Александра, Маврикия и Патрикия Александровичей О'Бриен де Ласси от 5 июня 1915 года».

В 1920 – 1930-е годы, при польской власти, помещики Патрик-Александр-Павел О'Бриен де Лассии его брат Маврикий по-прежнему

му относились к числу состоятельных землевладельцев. Об этом свидетельствуют документы, выявленные в фондах Государственного архива Гродненской области (ГАГО). Так, 5 июня 1926 года уполномоченный представитель Патрика О'Бриен де Ласси Зыгмунт Романовский от гродненского товарищества «Осадник Крэсовы» обратился в окружное земское управление с просьбой о проведении парцеляций в имении Горница Гродненского повета на общем пространстве 57,15 га (из них пахотной земли – 417 га, лесных угодий – 146 га и неудобий – 8,5 га). После проведения всех мероприятий владелец имения Горница Патрик О'Бриен де Ласси получил разрешение на продажу части земель этого имения общей площадью свыше 51 га. Среди тех, кто приобрел участки земли, были крестьяне деревни Гибуличи – Казимир Касперович и Франтишек Кучевский, а также Полотково – Винцент Марцулевич, Петр Марцулевич, Ян Терешко, Григорий Терешко, Антоний Геркевич, Евстафий Терешко, Александр и Николай Чучело, Алексей Цабенко. Площадь приобретенных крестьянами участков колебалась от 2 до 6 га. Их стоимость составляла от 700 до 2 тыс. злотых. Эта сделка завершилась в 1928 году.

В 1931 году в числе покупателей земли из имения О'Бриен де Ласси были крестьяне деревни Бычки: Теодор, Даниэль, Ян, Матвей, Юзеф, Адам, Станислав, Антон, Юлиан Ковалевские, Петр, Михаил Чулада, Яков и Агафон Короткевичи.

Инициатором продажи части имения Горница был брат Патрика – Маврикий О'Бриен де Ласси, обратившийся 8 декабря 1921 года в парцеляционный отдел с просьбой в отношении реализации 80 моргов земли. В деле об этом имеется справка, подтверждающая, что братья О'Бриен де Ласси и ранее продавали участки земли этого имения, в частности, 17 июня 1914 года поверенный братьев Давид Лейзерович Шейнберг выдал квитанцию уполномоченному 2-го Кореневского товарищества, состоявшего из 55 человек (С.Ф. Кулипа, Ф.Н. Сидоровича и М.А. Зайко) в том, что «сего числа я получил от сказанных уполномоченных две тысячи девятьсот рублей в счет запродажной, заключенной 20 апреля с.г. на продажу указанному товариществу 174 дес. 144 кв. земли из Горницы Гродненского уезда».

В 1930 году Маврикий О'Бриен де Ласси – владелец имения Августовок – был избран президентом г. Гродно. В краткой биографической справке значилось: окончил Гродненскую мужскую гимназию, учился на агрономическом факультете Рижского политехнического института (дипломный экзамен сдавал в Петровско-Разумовской академии в Москве). В органах самоуправления работал с 1918 года, являлся председателем школьной комиссии, организа-

тором и председателем объединения местных помещиков, а также членом ряда других организаций. За труды на общественной ниве был награжден польскими властями Золотым Крестом Заслуги.

В ходе парцеляции имения Новый Августовок, принадлежавших Маврикию О'Бриен де Ласси, в 1934 – 1937 г. среди покупателей участков земли имения были: Валериан Грибовский (Гродно) – чиновник и Михаил Кубяк (Гродно) – торговец, Анна Шумель (Гродно) – домохозяйка, Афанасий Мисковец (Гродно) – рабочий, Винцент Мусниц (Гродно) – рабочий, Надежда и Лукьян Неборченко (Гродно) – рабочие. Все проданное составило 1,5 га участков стоимостью 16 034 злотых. В последующем среди покупателей значились: Матюк Феликс, Янкуто Ян, Лапицкий Антоний, Селицкие Ромуальд и Гелена, Амелишко Пелагея, Мировский Киприан, Правко Мария (урожденная Шульга), Карданский Петр, Мазуркевич Анастасия, Илько Бронислав. Тогда же Холяво Сергей, Ширин Петр, Шока Розалия, Ковин Игнатий, Будник Федор, Грич Чеслав, Гуры Игнатий, Врублевские Юзеф и Анна, Малишевская Людвиг, Филипович Иосиф, Толкач Петр, Урлович Семен, Макаревич Станислав, Каленик Антон, Бертель Алексей, Косач Казимир, Горчак Александр, Данильчик Адам, Полунович Станислав, Савицкий Александр, Ивановская София, Милашевский Алексей, Пармушкевич Мария, заплатившие за нее все вместе 5350 злотых [192].

После того как данный материал был подготовлен к печати в газете «Вечерний Гродно» (25 мая 2005 года. – №21) была опубликована интересная статья Степана Стурейко об одном из отпрысков данного рода – Терентии Александровиче (1885–1932). Ему, выпускнику Гродненской мужской гимназии и Петербургского морского кадетского корпуса, довелось в качестве морского офицера быть участником русско-японской и Первой мировой войн. За боевые отличия он был награжден многочисленными орденами и медалями и дослужился до звания капитана 2-го ранга. После увольнения со службы отставной офицер, кроме занятий сельским хозяйством, участвовал в работе Гродненского сельскохозяйственного общества, в сборе средств на установку памятника П.А. Столыпину. Его дочь Елена – известная художница, в настоящее время живет в Аргентине. Терентий О'Бриен де Ласси был похоронен в фамильном склепе часовни, «которая продолжает оглашать улицу Репина своим звонким колоколом» [193].

Таким образом, обращение к одной из нетипичных дуэлей на Гродненщине позволяет слегка приоткрыть завесу тайны над одним из древнейших ирландских родов, немало послужившем Рос-

сии и оставившем скромный след на древней гродненской земле.

4.2. ДУЭЛЬ В УРОЧИЩЕ «СЕКРЕТНОМ»: СТРАНИЧКИ ИЗ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ В.В. КРЕСТОВСКОГО

Всеволод Владимирович Крестовский (1839 – 1895) – воин, писатель, историк и журналист – был необычайно популярен во второй половине XIX – начале XX века. Его литературно-историческими и публицистическими произведениями («Тьма Египетская. Тамара Бендавид», «Петербургские трущобы», «Панургово стадо», «Кровавый пуф», «Варшавский дневник» и др.) буквально зачитывались современники. Его романы, положенные на музыку – «Под душистой ветвью сирени», «Когда утром иль поздней ночью» – распевали по всей России. После революционных событий 1917 года творения замечательного литератора были выброшены из литературного и научно-исследовательского оборота почти на сто лет.

Сегодня переизданы главные произведения Всеволода Крестовского. По его роману «Петербургские трущобы» поставлен телесериал «Петербургские тайны». Вносятся все новые и новые штрихи в богатую биографию писателя. Автором данного издания несколько лет тому назад были открыты обстоятельства его жизни и творчества на Гродненщине, когда в 60 – 70-е годы XIX века он служил здесь в 14-м уланском Ямбургском полку. Кроме этого, на старом православном гродненском кладбище на улице Антонова была найдена могила задушевного друга писателя и героя его «Очерков кавалерийской жизни» обрусевшего англичанина, майора русской службы Даниила Ивановича Джаксона. Эта находка стала сенсацией в литературном мире. К настоящему времени при участии воинов гродненского гарнизона, а также членов школьного военно-патриотического кружка надгробие близкого В.В. Крестовскому человека полностью восстановлено. Находится оно рядом с кладбищенской церковью [194].

И вот новая находка, значительно расширяющая наши представления о гродненском периоде биографии писателя. В фондах Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно автором обнаружено «Дело о дуэли, произведенной корнетами 14-го Ямбургского уланского полка Крестовским и Цукатто». Начато оно было 2 августа 1870 года, а окончено спустя три дня. Появление этого дела относится к тому периоду жизни и творчества 30-летнего корнета-улана Крестовского, когда в процессе работы над романом «Панургово стадо» он заболел и для поправки здоровья получил

разрешение командира полка лечиться, как говорили тогда, «на водах» в Друскениках. Впрочем, обратимся к материалам дела.

2 августа 1870 года гродненский губернатор князь Д.М. Кропоткин сделал конфиденциальный запрос на имя военного коменданта местечка Друскеники генерал-майора Маркова по поводу происшествия, случившегося в курортном местечке губернии: «До сведения моего дошло, что будто бы на этих днях один из офицеров Ямбургского уланского полка, а именно корнет, граф Цукатто, дозволил себе публично в вокзале Минеральных вод вызвать на поединок своего товарища, корнета Крестовского и будто оба эти офицера Вашим Превосходительством были арестованы и отправлены в Гродну, в распоряжение командира Ямбургского полка. Не имея от Вашего Превосходительства известия об этом происшествии, имею честь покорнейше просить меня уведомить, насколько дошедшие до меня сведения справедливы и каким образом производится это дело».

4 августа генерал-майор Марков сообщил по поводу запроса губернатора следующее: «На отношении Вашего сиятельства от 2-го сего августа за № 128 имею честь уведомить, что никем и никакого публичного вызова на поединок в друскеникском вокзале сделано не было. 31 июля корнеты Ямбургского уланского полка Цукатто и Крестовский поссорились между собою при нескольких находившихся тут случайно свидетелях и тотчас же были разведены ими. Извещенный об этом, я, в целях ограждения поссорившихся от нового столкновения, признал необходимым арестовать их, что и было исполнено над корнетом Крестовским. Корнет же Цукатто, не отысканный жандармами, скрылся ночью из Друскеник и отправился, как узнал я, в Гродну. На другой день я передал Крестовского в полк для обсуждения происшедшей между ним и Цукатто ссоры. А так как ссора, почти в пустом зале между двумя офицерами и при том без всяких серьезных последствий – на месте происшествия и без соприкосновения их с лицами гражданского ведомства – всецело принадлежит ведению начальства военного, то полагаю, что я исполнил свою обязанность окончательно тем, что предупредил собственной властью дальнейшее столкновение поссорившихся и предоставил их поступок обсуждению полкового начальства. После чего всякая огласка с моей стороны этой корнетской истории была бы совершенно бесполезна для дела и вредна для полка».

На следующий день, 5 августа 1870 года, гродненский уездный исправник В.С. Гречанин в отличие от генерала Маркова, как видно из дела, весьма трепетно относившегося к «чести мундира», сообщил губернатору о том, что «4-го августа в 4 часа утра в урочище Секретном была дуэль между корнетами Крестовским и Цукат-

то. К первому из них были секундантами штаб-ротмистр Арбузов и поручик Тимченко, а у последнего – штаб-ротмистр Рошковский и поручик Муфель. По секретному дознанию обнаружено, что означенные офицеры действительно стрелялись в овраге неподалеку от урочища Секретного из пистолетов, но вреда и увечья друг другу не нанесли. О действительности этой дуэли подтвердил и сам Крестовский. О чем имею честь донести Вашему Сиятельству» [195].

Судя по всему, на этом дело о ссоре в Друскениках и ее продолжении в урочище Секретном начальством было закрыто исходя из соображений «все живы, и Слава Богу!». Не стало оно распространяться и по поводу того, из-за кого возникла ссора, а затем и дуэль. Как всегда, вероятнее всего, в деле этом была замешана женщина. Но кто она? Молода ли, красива? Из какого рода? Ответы на эти вопросы пока остаются тайной.

Вот, собственно, и все дело. Однако было бы опрометчивым не поинтересоваться секундантами той дуэли, сослуживцами дуэлянтов, а также тем, как сложилась их дальнейшая судьба. Эти сведения были почерпнуты из «Памятной книжки Гродненской губернии за 1870 год». Командиром 14-го уланского Ямбургского Его Королевского Высочества принца Фридриха Виртембергского полка в тот год был флигель-адъютант, полковник Николай Карлович Штрандман. Поручик Николай Михайлович Арбузов являлся полковым адъютантом и значился среди эскадронных командиров, а корнет Михаил Алексеевич Тимченко в этой книжке указан поручиком. Штаб-ротмистр Осип Осипович Рошковский и поручик Александр Алексеевич Муфель значились в списке полка среди его офицеров. После перевода Тимченко в поручики корнетами полка значились: Иван Петрович Данилов, Всеволод Владимирович Крестовский и корнет, граф Николай Михайлович Цукатто. Среди медиков полка (ведь кто-то из них обязательно присутствовал на дуэли) значились: старший лекарь Густав Иванович Родин и младший лекарь Михаил Дмитриевич Грандилевский и лекарский помощник Алексей Михайлович Исаков. Примечательно, что в «Памятной книжке» уже за 1871 год сведения о дуэлянтах уже отсутствуют. По-видимому, руководствуясь принципом «от греха подальше», начальство перевело корнета Цукатто в другой полк, а корнет-литератор Всеволод Крестовский был откомандирован в главный штаб в Петербург для написания истории своего полка. По-видимому, и военное, и гражданское начальство вполне устраивало такое разрешение дуэлянтского дела.

Мои выступления перед гродненцами о дуэлях неизменно сопровождаются вопросами: «А почему бы нам, гродненцам, не установить памятный знак на месте дуэли корнетов Крестовского и

Цукатто? Ведь это будет выражением не только нашего уважения к памяти писателя-улана, но и подтверждением высоких моральных достоинств наших предков, что, несомненно, будет формировать у нынешней молодежи стремление соблюдать свой своеобразный кодекс чести». С такого рода доводами трудно не согласиться, тем более, что такой знак, несомненно, украсит наш древний город, делает его еще более привлекательным для туристов. Подтверждением неувядающего интереса к дуэлям прошлого является и стихотворение, подаренное мне 11 июня 2007 года на поэтическом вечере, посвященном памяти А.С. Пушкина, молодым гродненским поэтом Дмитрием Радиончиком.

ДУЭЛИ

Всегда вперед глядят во все глаза
Истории вселенской маяки.
Нас честь ведет; нам в сторону нельзя.
Мы пленники рифмованной строки.

Шагнув к барьеру, сдержанно молчишь.
Твой путь земной срывается в пике.
Вокруг – одна заснеженная тишь.
Пусть холодный перст не дрогнет на курке!

Стучат неугомонные сердца;
Сменяются застоями прогресса,
Но нет историям счастливого конца,
Сплошь побеждают все-таки дантесы.

А секундантам вряд ли дело есть
До нас. У музыки вянут крылья...
У изголовья попранная честь
Чего-то ждет и плачет от бессилья.

4.3. О ПОСТОЙНОЙ ПОВИННОСТИ И О РОДОСЛОВНОЙ УЧЕНОГО-АРАБИСТА В.Ф. ГИРГАСА (1835 – 1887)

Наличие в городе или местечке гарнизона оказывало воздействие на его социально-экономическую, политическую и культурную жизнь. К началу XIX века практически все регулярные части российской армии размещались в домах обывателей, отбывающих постоянную повинность, которая позволяла сократить постой на 10 %. Повинность имела всесословный и неуравнительный характер. Всесос-

ловность позволяла переложить часть расходов на привилегированную часть населения. Неуравнительность была географическая и социальная. Войска располагались крайне неравномерно как в стране, так и в рамках отдельной губернии [196]. Гродненская губерния на протяжении XIX – начала XX веков была буквально перегружена войсками, что имело как позитивные, так и негативные последствия. Размещение в населенном пункте воинской части способствовало оживлению ремесла и торговли, культурной жизни. Русский полк был не только потребителем, но и производителем. В его составе были мастера самых различных специальностей. Солдаты работали по найму и были дешевой рабочей силой. В городах чаще проводились балы, обеды и т.д. Все это вело к увеличению торгового оборота. Так что тяготы постоя в известной мере компенсировались и выгодами. Это можно проследить на примере одного эпизода из жизни местечка Озеры Гродненского уезда во второй четверти XIX века.

В его основе лежит «Дело по жалобе Озерского еврейского общества на командира 4-й роты подвижного парка 9-й артиллерийской бригады штабс-капитана Гиргаса об обременении его военным постоем», начатое 17 марта 1834 года и оконченное 28 сентября 1834 года. Из дела следует, что 4 января 1834 года члены еврейского кагала м. Озеры Гродненского уезда обратились к исполнявшему обязанности гродненского гражданского и военного губернатора генерал-майору М.Н. Муравьеву с жалобой на ротного командира Гиргаса за имевшее место «притеснение» их, выразившееся: во-первых, в том, что он «производит ежедневные учения солдат в заезжих корчмах и шинкарных домах, лишая хозяев иных своих промыслов», во-вторых, «в других таковых же шинкарных домах учредил швальню и свою канцелярию в еврейской пришколке»; в-третьих, «по 3-4 раза в неделю посылает своих солдат по местечку для собирания дров на отопление бани, караульни и канцелярии»; в-четвертых, «не отпускает солдатам крупы, которыми мы, хозяева, должны продовольствоваться»; в-пятых, «из двух знатных домов уже до 7 недель выгоняет жильцов и держит в своем распоряжении без занятия, из коих в одном поставлено несколько коек»; в-шестых, «плотники этой роты оторвали от еврейской школы наружную обшивку из дощечек на выделку кроватей и прочего»; в-седьмых, «к вящему стеснению озерских евреев вышеупомянутый ротный командир самоуправным распоряжением не отводит для солдат квартир в крестьянские дома, а лишь в еврейские, лишая тем самым озерских евреев последнего способа к пропитанию...».

Жалобу эту подписали: Гиршко Иодемович, Вальтер Ицкович

и Лейба Езорович, а направлена она была гродненскому гражданскому губернатору на правах военного губернатора по городу Гродно генерал-майору и кавалеру М.Н. Муравьеву. Губернатор, в свою очередь, отправил эту жалобу начальнику артиллерийских парков действующей армии полковнику Жуковскому. Последний потребовал объяснение по поводу случившегося от капитана Гиргаса и направил это объяснение опять графу Муравьеву. Был дан ход этому делу и по линии гродненского нижнего земского суда.

Как в первом, так и во втором случае в качестве основных документов в этих инстанциях играла известную роль как жалоба членов Озерского еврейского кагала, так и объяснения по этому делу капитана Гиргаса, нашедшие отражение в его рапорте на имя полковника Жуковского от 11 февраля 1834 года. В последнем, в частности, говорилось: «Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия от 25 января сего года касательно представления объяснения против пунктов жалобы, изъясненной в прошении членам Озерского еврейского общества о моих якобы неправильных действиях имею честь донести:

Во-первых, вверенная мне рота расположена в окрестностях местечка Озеры, в малых деревнях, так что каждый взвод помещается не менее как в трех деревнях, расстоянием одна от другой до 5-ти верст. При таком расквартировании роты для одиночной выправки людей другого средства у меня не оставалось, как требовать взводы поочередно в ротную квартиру на две недели, тем более, что имею налицо только двух офицеров, один из которых занят ротную школой. В хорошую погоду ученье производится на площади, а в ненастное или холодное время учебный взвод делится на две части и производит ученье в двух довольно больших сараях, принадлежащих заездным корчмам, а не в самих домах, и не ежедневно, как в жалобе написано. Ученье производится два часа поутру и два часа после обеда, и потому хозяева их не могут быть лишены своих промыслов, тем более, что заезжать в оное и во время ученья никому не возбраняется. Неудобство это может быть отращено тогда, если из некоторых крестьянских сараев сложенный в снопах хлеб будет вымолочен, тогда сараи сии можно будет занять для ученья в ненастное время, а принадлежащие к корчмам – освободить, что может наступить к весне.

Во-вторых, по случаю постройки мундиров на всю роту и 60 шинелей по сроку сего 1834 года (швальни устроены в местечке Озерах по собственным моим наблюдениям) Вашему Высокопревосходительству известно, что в деревне вывести оные невозможно, ибо каким образом тогда наблюдал бы я за постройкою амуниции, вдоба-

вок к тому в деревнях сей губернии все избы чрезвычайно темны и имеют курные печи, если поместить в них швальни, то портные смогут работать там только 3 часа в сутки, ибо утром нельзя начать работы, пока печь не вытопится и пока дым не выйдет из избы, а после полудня уже делается темно, ибо через малые и замерзшие окна свет едва проникает; по сей же причине нельзя поместить швален и в крестьянских домах в самом местечке; других же строений, кроме шинковых домов, в местечке не имеется, ибо каждый еврейский дом есть шинок. Для облегчения участи жителей-евреев и для управления сей тягости каждый месяц швальни переносятся по очереди из одного дома в другой; что же касается ротной канцелярии, то таковая занята мною по отводу школьника, то есть соцкога со стороны еврейского общества и другого выгодного для канцелярии места, близкого к моей квартире, в местечке не имеется.

В-третьих, на отопливание караульни, канцелярии и бани дров от Озерских евреев мы никогда не собирали, в чем не было никакой надобности, ибо караульня помещается в крестьянской избе вместе с хозяином, а потому подтапливается частью хозяином, а частью отпускаемыми в роту дровами; канцелярия же отопливается хозяином, то есть семьей, живущей при полке; для отопливания же бани нижними чинами действительно собираются дрова по назначению самого помещика Валицкого от озерских жителей, крестьяне помещика Валицкого, которым он сам дает дрова из своих лесов и которые, пользуясь сами баней, не имеют к нам никаких претензий, дрова же собираются не три раза в неделю, но один раз, и то не каждую неделю. Почему евреи жалуются, что дрова у них собирались, мне неизвестно, и сие совершенно несправедливо.

В-четвертых, в декабре месяце, по причине дурной дороги, я не мог доставить круп из Гродно, где провиант принимается; крупа сия была доставлена в генваре месяце и роздана хозяевам, но и за декабрь месяц никакой жалобы не было приносимо жителями ни мне, ни находящемуся здесь в Озерах участковому надзирателю, и потому я не мог полагать, что замедление в выдаче круп, происшедшее от независимых от нас обстоятельств, сделало столь великую разницу в хозяйстве местных жителей-евреев, что побудило их к жалобе в высшую инстанцию.

В-пятых, дом, в котором (как прописали в своем прошении озерские евреи) поставлено несколько коек, занят под лазарет, который Ваше Высокоблагородие позволили видеть при осмотре вверенной мне роты, и не держится без занятий, но по прибытию к роте лекаря Байзурова больные введены уже в оный с 1 генваря сего года; из дома сего выведен только один жилец из малой комнатки, где уст-

роена аптека, а две комнаты, где находятся больные и где поставлены койки, очистились после жившего там вольнопрактикующего лекаря Бухмана, который нанял себе квартиру в другом доме, и тогда сии две комнаты, занятые мною, и были приготовлены для лазарета. Из другого дома я никаких жильцов не выводил и не имею в своем распоряжении, без занятия оною, полагаю, что сия жалоба относится к квартире, занимаемой ротной школой, которую Ваше Высокоблагородие изволили видеть при осмотре вверенной мне роты; квартира сия для ротной школы также отведена войтами и десятскими при вступлении вверенной мне роты в м. Озеры.

В-шестых, что будто бы мастеровые оторвали из еврейской школы наружную обшивку досок на выделку кроватей и прочего, по сделанному осмотру оказалось, что от школы оторваны и доски, из коих полторы доски были найдены на чердаке в том доме, где устроена была моя токарня. Дом сей разделяется сениями на две половины: в правой половине была токарня. Кроме того, в ней помещались три еврейские семьи, а в левой половине жили две еврейские семьи. Узнав о пропаже досок сих, по подозрению которое имеют на солдат, я тотчас же приступил к спросу токарей, и что по опросу сему открылось, имею честь изложить здесь. Гонтлангер Василий Иванов, обучающийся токарному мастерству, показал, что еврей Мовша, живущий на левой половине дома, заказал ему сделать две кровати, жена сего еврея по имени Роха вместе с мужем позвали его на чердак и там указали ему четыре доски, из коих и назначили брать лес для поделки кроватей, на поделку сего вышло три доски с половиною. Работать Иванов подрядился за три злота. Еврейка Роха и муж ее показали, что кроватей они не заказывали делать, но что купили их у Василия Иванова готовые уже, причем и не за три злота, но за четыре злота с половиною.

В обеих половинах дома живут 5 еврейских семей, если предположить, что доски оторваны от школы и принесены солдатами, то неужели из пяти семей никто не видал того или не слышал, как втискивали их на чердак? Трудно представить, что подобное происшествие могло укрыться от такого множества жильцов, а потому можно полагать, что все жильцы имели живое участие в этом деле, но несмотря на разногласие показаний, я согласился разрешить это дело таким образом, чтобы после очистительной присяги еврея Мовши, что он не заказывал кроватей сих, но купил готовые, удовлетворить сию претензию; об оценке досок сих я сделал сношения с участковым заседателем, и по доставлении этой оценки будут мною евреям уплачены деньги.

И, в-седьмых, с самого вступления вверенной мне роты в м. Озе-

ры все до одного крестьянские дома заняты постоем и ни один не изъежится от обязанности иметь на постое солдата. Вообще крестьяне те имеют лучший приварок, к которому прилагался солдат-постоялец. Выгода солдат, попечению моему вверенных, всегда обяжет меня не увольнять от постоя тех, которые лучше и охотнее кормят солдата, и потому для продовольствия солдата предпочитаю крестьянские квартиры, а для ротных заведений – еврейские жилища.

В м. Озерах квартируют только штабные чины и мастерские разного мастерства; в оном нет на квартире ни одного свободного человека, прочие же чины расквартированы в окружных деревнях. Расквартирование в Озерах так устроено, что ни один хозяин не имеет на приварке двух солдат, но только одного, и потому не знаю, имеют ли справедливую причину озерские евреи жаловаться на отягощенность постоя.

Жители м. Озеры состоят из евреев и христиан; квитанцию о благополучном квартировании я беру ежемесячно от местечка, а не от каждого общества, и квитанции сии препровождаю участковому заседателю, который выдает мне уже общую квитанцию. С этой стороны жалоба евреев не менее неосновательна, ибо если они имеют какую претензию, то для удовлетворения оной должны обращаться ко мне или участковому заседателю, который не выдаст мне квитанцию, пока претензия не удовлетворена.

Из всего вышеописанного, Ваше Высокоблагородие, усмотреть изволите, что прошение, поданное озерскими евреями, совершенно неосновательно. Поводом к поданию прошения сего, я полагаю, была привычка иметь на постое армейскую роту, где никаких заведений не имеется, по сравнению с армейской ротой озерские евреи не могут постигнуть, что все заведения, на которые они жалуются, были сущою необходимостью, но полагают, что все делается с намерением для отягощения их.

При получении вышеозначенного предписания Вашего Высокоблагородия из приложенного при оном прошении, не понимая, чего хотят от меня озерские евреи, я призвал к себе школьника еврейского и спрашиваю его, какого облегчения желают они? И получил в ответ:

Первое: «оставить швальни по назначению евреев». Это давно было мною приказано и исполнялось, исключая того, когда швальни назначались ими в тесной или темной комнате.

Второе, «перевести лазарет туда, где ныне ротная школа, а школу занять мастерскую вольного котляра или медника». Лазарет нельзя перевести в квартиру, занимаемую школою, ибо там нет кухни и нет комнаты для аптеки и для склада лазаретных вещей (белья и посуды); вдобавок к тому и школу невозможно перевести,

ибо в показываемой квартире, служащей мастерской, вольному котляру, в стене от выгнившего дерева сделался пролом, и потому там чрезвычайно холодно, и кроме того, отнять мастерскую у хозяина значило бы совершенно разорить его. Медник сей вероисповедания христианского, и потому верно евреи жалуются, что будто бы я освобождаю христиан от постоя.

Для прекращения подобных жалоб и для моего оправдания в глазах начальства всепокорнейше Вашего Высокоблагородия просить честь имею не оставить Вашим представлением о назначении комиссии из военного и гражданского чиновника, состоящей как для исследования моих поступков, так и для размещения заведений вверенной мне роты в м. Озерах.

Прошение евреев при сем к Вашему Высокоблагородию обратно представить честь имею».

Получив рапорт штабс-капитана Гиргаса, полковник Жуковский дал 8 марта 1834 года следующий ответ графу Муравьеву: «Из объяснений сего Гургаса явствует, что поводом к подаче жалобы озерских евреев было их желание освободиться от постоя роты, чего сделать без воли г-на Главнокомандующего никак нельзя; да если бы и была основательна их жалоба, то они должны были оную отнести к окружному заседателю, который смотря по справедливости, вероятно, доставил бы должное им удовлетворение. К тому ж, квитанции о благополучном квартировании доставлялись ко мне сею ротою всегда исправно, что также доказывает несправедливость их жалобы».

Как отнесся к жалобе евреев заседатель Озерского участка, видно из его рапорта в Гродненский нижний земский суд от 27 мая 1834 года: «Во исполнение предписания онного суда о доставлении сведений касательно жалобы членов озерского еврейского общества и объяснений на сию жалобу господина Гиргаса имею честь донести.

1. По содержанию жалобы, означенной в 1-м пункте прошения евреев, объяснение командира парка справедливо, ибо в ненастное время другого места, кроме сараев, для производства учений не имелось, и учения в сараях сих производились не ежедневно, но только в ненастную погоду.

2. По содержанию 2-го пункта жалобы объяснения командира также справедливы, ибо по неимению других домов, удобных под швальни, таковые необходимо должны быть заняты в еврейских домах, но за то те дома уже не имеют на постое солдата, швальни же для уравниения переменялись через каждый месяц.

3. По содержанию 3-го пункта жалобы объяснения г-на Гир-

гаса также справедливы, ибо дрова собирались для отапливания одной только бани от озерских жителей-христиан по их согласию, ибо в это же время они пользовались отапливаемой баней, от евреев же дров не собиралось; караульня находилась в крестьянской избе и отапливалась отпускаемыми от командира дровами. В доме через перегородку живет семья евреев, и печь выходит не в канцелярию, а в ту комнату, где живет семья евреев, и потому необходимо должна отапливаться оною.

4. Крупа для нижних чинов в м. Озерах, квартирующих, действительно, по прибытии роты сюда, не была некоторое время выдаваемая по причине худой дороги и затруднительной доставки оной; но по доставлении крупы все количество оной, принадлежащее евреям – за продовольствие солдат – препровождена мне командиром парка для раздачи им, каковую же однако евреи получать не хотели до последования резолюции на поданное ими прошение. До подания евреями прошения мне никто из них не жаловался за неполучение круп.

5. Против 5-го пункта жалобы евреев объяснение командира парка совершенно справедливо, ибо лекарь Байцуров прибыл в м. Озера к парку, здесь квартирующему, в конце декабря 1833 года, и больные введены в лазарет с 1-го января сего года; другого места для помещения лазарета в Озерах не имеется, и дом сей необходимо следовало занять; другого же дома командир парка не занимал – особенно без всякого употребления.

6. Касательно жалобы евреев по шестому пункту о продаже досок со школы, до сих пор нельзя разыскать, солдатами ли оторваны доски или евреями, жившими в одном доме с солдатами-токарями; подозрение же должно иметься на всех жильцов дома. Несмотря однако же на неимение доказательств, командир парка согласился (по очистной присяге жильцов-евреев, что они о досках до сих пор ничего не знали) удовлетворить их претензию и попросил сделать оценку ущерба, каковая еврейским кагалом не была сделана по причине ожидания резолюции на их проявление.

7. Что же касается жалобы членов еврейского кагала о том, что будто бы командир парка не ставил солдат постоем в крестьянских домах, а только угнетал евреев, то сие также несправедливо и не имеет даже никакого основания. Постой соизмеряется по возможности равно на всех жителей.

Расквартировать же заведение парка сего иначе было невозможно, как это сделано г-ном Гиргасом, ибо по имеющимся работам необходимо иметь и много заведений. Еврейское же общество

может жаловаться, но только не на притеснения командира, ибо таковых не было, но на стеснение их в оборотах по случаю занятия их домов или корчем швальнями.

Впоследствии уже после поданного евреями прошения на предложения мои о выводе из деревни некоторых заведений командир парка отозвался, что не в состоянии этого сделать при наличии у него лишь двух офицеров. Ныне же, по прибытии в парк третьего офицера, командир его считает возможным перевести ротную школу в деревню Бершты, так что в м. Озеры будет возможно иметь на постое 60 человек солдат, двух офицеров, лазарет, плотничьи и кузнечные мастерские, а также небольшие швальни. Что не будет обременительно для местечка.

Для лучшего же облегчения в постое, кроме просимой деревни Бершты, я полагаю необходимым отвести еще для сего парка деревни Соболяны, Верхополе и Езгорки.

25 мая дня 1934 года, местечко Озеры Гродненской губернии и уезда.

О чем суду и имею честь донести. Заседатель Пронтицкий».

О благополучном разрешении конфликта, произошедшего в Озерах, свидетельствует следующий документ.

Квитанция.

«1834 года августа 29 дня. Дана от Озерского еврейского общества командиру парковой роты № 4 г-ну капитану Гиргасу в том, что по данной нами жалобе в неполучении круп и за доски, оторванные при школе, мы получили полное удовлетворение и никаких претензий к парку не имеем, в чем и подписуемся: Шиммель Аронович Аркин, Вольф Ицкович Боровик, Лейба Азорович Шмигельский.

Квитанция сия скреплена печатью Литовско-Гродненской губернии Гродненского уезда Озерского еврейского кагала» [197].

Вот такими особенностями отличалась постоянная повинность для жителей местечка Озеры и солдат 4-й роты подвижного парка 9-й артбригады. Однако у вышеописанного эпизода есть своя интересная деталь. Как нам стало известно, командир 4-й роты, главный объект жалобы озерских обывателей, являлся отцом известного языковеда-арабиста Владимира Федоровича Гиргаса (1835–1887) – профессора Петербургского и Киевского университетов, преподававшего и всю жизнь изучавшего арабский и турецкий языки [187]. Примечательно, что родился В.Ф. Гиргас в Гродно 13 декабря 1835 года, т.е. спустя непродолжительное время после того, как отец его, штабс-капитан Гиргас? благополучно отделался от посланной на него начальству жалобы. Судя по всему, семья коман-

дира 4-й роты жила вместе с ним в Озерах еще несколько лет, а вот свою жену штабс-капитан Гиргас, по-видимому, заблаговременно отвез рожать в Гродно, чем по-своему и приблизил нас, гродненцев, к славе известного ученого.

4.4. ДЕЙСТВИЯ БРЕСТСКОГО ОТРЯДА РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1863 год)

В литературе, посвященной восстанию 1863 года на белорусских землях, отсутствуют работы, в которых бы исследовались боевые действия российских войск, принимавших участие в его подавлении. Чаще всего эта тема затрагивалась лишь косвенно при рассмотрении тех или иных операций повстанцев по отношению к правительственным войскам. Авторы таких работ традиционно выступали на стороне повстанцев, восторженно описывали их небольшие победы, выражали сожаление по поводу их поражений и гневно осуждали российские войска, называя их солдат и офицеров «карателями». Как правило, действия правительственных войск в таких работах, да и в учебной литературе, были обезличены. Кроме графа М.Н. Муравьева, разумеется, «вешателя», руководившего войсковой операцией по подавлению «польского мятежа», имена других высших офицеров Виленского военного округа, командовавших теми или иными частями российских войск, в такого рода работах или совсем отсутствовали, или подавались в искаженном виде: генерал-лейтенант Манюкин назывался Манюхиным; генерал-майор граф Ностиц именовался на русский манер Ностиным, а генерал-майор Эггер – Этером. Конкретные части войск, участвовавшие в стычках с повстанцами, весьма редко упоминались в их полном наименовании, тем более, нигде не отмечалась их соподчиненность по отношению друг к другу. В большинстве случаев речь шла о каких-то полках, батальонах, ротах, казаках и даже армиях.

Полное недоумение вызывают следующие обороты из названных выше работ: «Атрад (Р. Траугута. – *В. Ч.*) правёў некалькі паспяховых баёў (каких? где? – *В. Ч.*), разграміў адзін з лепшых батальёнаў расійскай арміі (где и когда он таким был признан? – *В. Ч.*) пад камандаваннем капітана Керсноўскага, накіраваны ўрадам (надо полагать, прямо из Петербурга. – *В. Ч.*) для падаўлення паўстання. Камандзір батальёна, баючыся трыбунала (его ли? – *В. Ч.*), застрэліўся. Гэта перамога прынесла Р. Траугуту шырокую папулярнасць. Супраць яго былі накіраваны чатыры роты пяхоты і дзве сотні казакоў на чале з генералам Этэрам (Эггером. – *В. Ч.*), спецыяльна прыбыўшым на Кобрыншчыну з Пецяўбурга (спрашивается, а как эти роты и сотни существовали до этого без него? – *В. Ч.*)». На следующей странице приводится не менее увлекательная байка: «Летам 1863 г. становішча паўстанцаў рэзка пагоршылася. Толькі ў Гродзенскай

губерні супраць іх была кінута 40-тысячная армія (не больше, не меншe. – *В. Ч.*) пад камандаваннем генерала Манюхіна. У паўстанцкіх атрадах, якія дзейнічалі на тэрыторыі губерні, налічвалася ўсяго 1700 чалавек (откуда взяты такие цифры? – *В. Ч.*). Перавага ўрадавых сіл стала абсалютнай». І как рэзультат – «агеньчык паўстання зусім патула» [198]. Определенную попытку расширить представление о военных действиях в истории восстания 1863 года предприняли гродненские архивисты. Они поместили в своем документальном сборнике показания местных повстанцев. Однако наличие в них спорадических сведений «о местах и количестве сражений» имеет также весьма косвенное отношение к боевым действиям российских войск, направленных на «усмирение польского мятежа». Некоторая информация, касающаяся вооруженных столкновений между повстанцами и правительственными войсками, имеется и в других пуб-

Наименование частей	Наличное число						Лошади		
	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Унтер-офицеры	Музыканты	Рядовые	Итого	Стрелые	Упряжно-арт.	Подъемные
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Ревельский пехот. полк: 3, 5, 6, 7 и 8 линейные и 2-я стрелковые роты. 2. Нестроевая рота	4	24	115	36	1006	1185			75
1. Псковский пехотный генерал-фельдмаршала Кутузова Смоленского полка: 5-я и 6-я линейные и 3-я стрелковые роты. 2. Нестроевое отделение	1	11	74	20	669	775			
1. 3-й стрелковый батальон 2. Нестроевое отделение	1 1	22	70 8	16	635 31	744 40			31
1. Нарезная легкая 5-я батарея 3-й артиллерийской бригады. 2. Нестроевое отделение	1	6	17	4	156	184	8	62	3
1. Донской 5-й казачий полк, 1-я и 2-я сотни	1	6	19	6	260	292	297		
Итого: строевых нестроевых	8 1	69	295 10	82	2726 183	3180 194	305	62	109

ликациях последнего времени, однако она не меняет в целом негативного отношения к русской армии. Более того, наметилась даже определенная тенденция называть повстанцев не иначе как партизанами, необоснованно сближая их деятельность с теми, кто прославился в памяти народной борьбой за Отечество [199].

Все вышеуказанное дает основание сделать вывод о том, что в современной белорусской историографии боевые действия конкретных частей российских войск, их командный и личный состав, места дислокации, методы поощрения и т.д. пока не получили своего систематического освещения. Не претендуя на исчерпывающее освещение данной проблемы в масштабах всего Северо-Западного края, автор данной работы поставил перед собой цель осветить лишь те ее аспекты (на основе доступных источников), которые имеют отношение к действиям Брестского отряда российских войск в южной части Гродненской губернии (Брестский, Кобринский, Пружанский и Пинский уезды).

Как свидетельствуют документальные материалы фондов – 1715 (Брестский военный начальник), 1159 (Кобринский военный начальник) Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно, общее руководство военной операцией по разгрому повстанцев было возложено императором Александром II на генерала от инфантерии графа М.Н. Муравьева. В дополнение к должности виленского генерал-губернатора с чрезвычайными полномочиями он исполнял обязанности командующего Виленским военным округом (начальником штаба округа являлся генерал-майор Г.М. Циммерман). Для борьбы с повстанческим движением в каждой из губерний края создавались специальные отряды войск. Командование ими на территории Гродненской губернии было возложено на начальника 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З.С. Манюкина (штаб дивизии располагался в г. Белостоке). 1 августа 1863 года генерала Манюкина на посту командующего войсками, расположенных на территории Гродненской губернии, сменил генерал-лейтенант Ганецкий, командовавший 3-й пехотной дивизией (штаб дивизии располагался в г. Гродно).

В подчинении генералов Манюкина и Ганецкого в разное время находилось от трех до четырех отрядов войск. Одним из них был и Брестский отряд, преследовавший повстанцев на юге губернии. Начальником его с 18 января 1863 года являлся генерал-майор, граф Ностиц. 1 марта того же года его сменил на данном посту генерал-майор Эггер. Оба – из прибалтийских немцев, получившие военный опыт во время Крымской войны.

Об истинных причинах смены командования этого отряда определенно судить трудно. Частично они нашли свое отражение в приказе по войскам Брестского отряда генерал-майора графа Ностица от 1 марта 1863 года: «Расстроенное здоровье вынудило меня

просить командующего войсками Виленского военного округа уволить меня, хотя бы на время, от занимаемых мною обязанностей. И моя просьба уважена. Сегодня передал я генерал-майору Эггеру командование над лихими войсками, бывшими под моим начальством с 18 января 1863 года.

Расставаясь с Вами, изъявляю я всем и каждому мое искреннее спасибо и заверяю, что всегда памятью будет мне время, проведенное с Вами.

Умалчиваю о тех, кои не оправдали надежд моих, не называю их во внимание доблестной службы их товарищей.

Прощаясь с Вами, лихие товарищи мои, говорю Вам еще раз искреннее «русское спасибо» и святым долгом почту заявить о службе Вашей Августейшему нашему Монарху».

В тот же день, 1 марта 1863 года, приказ № 1 по войскам Брестского отряда издал и новый отрядный начальник генерал-майор Эггер. Вот его содержание: «Вступая по воле командующего войсками Виленского военного округа в командование Брестским отрядом, расположенным в Бресте, Кобрине, Пружанах, Беловеже и Пинске, предписываю всем частным начальникам отныне обращаться ко мне.

Отряд Брестский до сих пор молодецки отличался во всех стычках с мятежниками, надеюсь, что так же упорно и храбро он будет действовать и на будущее время, при этом пусть однако же помнят, что храбрость – не одно лишь достоинство службы: солдат храбрый в бою не должен забывать, что нарушением порядка, грабежом мирных жителей он обесславит не только себя, но и всех товарищей своих, и что после самой блистательной победы солдат, нарушающий дисциплину, производящий беспорядки, грабежи, есть разбойник, заслуживающий презрения.

За всякое нарушение порядка, в какое бы время оно ни было, ответственность несут командиры отдельных частей. Вполне надеюсь, что при содействии их нарушений дисциплины у нас не будет и войска Брестского отряда столь же будут отличаться строгой дисциплиной и прилежным порядком, как и молодецкою храбростью и стойкостью».

Судя по содержанию последнего приказа, командующий Виленским военным округом рассчитывал назначением отрядным начальником Эггера улучшить порядок и дисциплину во вверенных ему войсках, чего не удалось добиться его предшественнику генералу Ностицу. Данное обстоятельство вполне подтверждается и характером ряда приказов генерала Эггера, включая и требование о предоставлении ему, начальнику отряда, (через каждые три дня) строевых записок и сведений о дислокации частей отряда от их непосредственных командиров.

Из приказа № 2 от 8 марта 1863 года: «...В случае появления каких-либо шаек, которые иначе не могут быть настигнуты, части вверенного мне отряда могут совершить передвижение на обывательских подводах, требуя их в таковых частях, которые имеют контрмарки или под квитанции начальника части. Предписываю однако разрешение это не употреблять во зло и пользоваться им только тогда, когда неприятель иначе не может быть достигнут...».

Из приказа № 3 от 9 марта 1863 года: «Мною предписано земской полиции, что в случае появления шаек инсургентов немедленно уведомлять о том ближайшее воинское начальство. Получив подобное уведомление, донося мне о том, не ожидая приказания действовать самостоятельно, сообразно обстоятельствам».

Из приказа № 4 от 9 марта 1863 года: «Предписываю всем начальникам укреплять вверенные им части стрельбою в цель, так как в частях этих находится еще немало людей, которые до сих пор или совершенно не стреляли, или стреляли весьма мало».

Из приказа № 5 от 12 марта 1863 года: «Предлагаю наблюдать всем воинским начальникам, чтобы отправляемые ими на задание команды всегда имели при себе шанцевый инструмент и сухарный запас».

Из приказа № 6 от 12 марта 1863 года: «Так как в настоящее время вверенные мне войска несут усиленную службу по охране порядка и преследованию мятежников, то считаю вправе отказать требованиям помещиков заставить крестьян принять уставные грамоты экзекуционным порядком и в то же время вменить это дело в обязанность мировым посредникам...».

Из приказа № 18 от 2 мая 1863 года: «...Принять к точному исполнению доставку требуемых сведений к штаб-доктору войск Виленского округа о числе убитых и раненых воинских чинов в сражениях и стычках с польскими мятежниками, начиная с 10-го января по 1-ое сего мая...».

Из приказа № 20 от 30 мая 1863 года: «...При движениях и преследовании инсургентов предлагаю избегать движения по гидротехническим сооружениям Днепровско-Бугского канала, если же такое необходимо, то исполнять оные с большой осторожностью».

Из приказа № 21 от 31 мая 1863 года: «Лично убедясь в том, что войска не только при преследовании шаек инсургентов и форсированных маршах, но и при самых умеренных переходах передвигаются на подводах, подтверждаю воинским начальникам, что передвижение своих частей на подводах возможно только при преследовании, т.е. в тех случаях, если иначе неприятель настигнут быть не может».

С приходом генерала Эггера на должность начальника Брестского отряда изменилась и дислокация его частей. Выявить эти изменения возможно лишь путем сравнения новой дислокации с тем,

как она выглядела при графе Ностице на 1 марта 1863 года:

«Пинск (военный начальник полковник Назимов): 4-й резервный батальон Полтавского полка; рота Ревельского полка; 2 сотни 5-го и 33-го казачьих полков; одно орудие конной № 4 батареи; Кобрин (военный начальник барон фон Бринкен); 4-я рота Ревельского полка; 2-я рота 3-го стрелкового батальона; два орудия 5-й батареи; Дивин: 1-я рота 3-го стрелкового батальона; Антополь: 1-я рота Ревельского полка; Селец: 2-я рота 3-го стрелкового батальона; Пружаны (военный начальник майор Бубнов): две роты Ревельского полка, сотня 5-го Донского казачьего полка; Королев мост: рота Ревельского полка; Беловеж: 5-я рота Псковского полка, 1-я рота Софийского полка, одно орудие 5-й батареи; Брест: четыре роты Ревельского полка, четыре роты Псковского полка; расход казаков 5-го казачьего полка, штаб полка в г. Кобрине; в Пинске: две сотни 33-го полка; Кобрин – одна сотня, Пружаны: одна сотня, Брест: одна сотня; отправлено в отряд ген.-майора Эггера: две сотни. Итого: 6 сотен».

С приходом к командованию Брестского отряда генерал-майора Эггера расположение его частей по состоянию на 20 июня 1863 года стало следующим: № 2 Кобрин: штаб Ревельского пехотного полка и 6-я рота того же полка, взвод нарезной легкой 5-й батареи 3-й артбригады; Янов: 5-я рота Кутузовского полка, 5-я рота Ревельского полка; Пружаны: 9-я рота Ревельского пехотного полка, 2-я сотня 5-го Донецкого казачьего полка; Беловеж: 2-я рота 3-го стрелкового батальона; Брест: два взвода нарезной легкой 5-й батареи 3-й артбригады; Шерешев: 1-я рота 3-го стрелкового батальона; Селец: 4-я рота Ревельского пехотного полка; Дивин 3-я и 4-я роты 3-го стрелкового батальона».

Разумеется, военные действия предполагали постоянное изменение мест дислокации. Вот почему в данном расписании было немало поправок и приписок типа: «2-я стрелковая и 3-я линейная роты Ревельского пехотного полка выступили 16 июня из Слонима в с. Пуховичи наперез партии мятежников; 2-я стрелковая рота Кутузовского полка выступила из Пружан в Сельце; 3-я стрелковая рота Кутузовского полка выступила из Кобрина в Городец, а далее – неизвестно». На 20 июня 1863 года численность Брестского отряда составляла более 3 тысяч солдат и офицеров; в строю находилось 400 разных пород и предназначения лошадей (см. таблицу 1, составленную в штабе отряда).

Таблица 1 – Сведения о численности войск, расположенных в южной части Гродненской губернии (Брестский отряд) на 20 июня 1863 г.

Некоторое время в состав Брестского отряда входили войска, находившиеся в ведении Пинского военного начальника (4-й резервный батальон Полтавского пехотного полка, 6-я и 8-я роты Ре-

вельского пехотного полка, 5-я сотня Донского 33-го казачьего полка, 2-я сотня 5-го Донского казачьего полка, Пинская команда внутренней стражи, 4-я облепченная батарея 2-й конно-артиллерийской роты). Эти войска состояли из 1300 солдат и офицеров и около 300 лошадей, но 20 июня войска этого гарнизона были переданы в распоряжение командующего войсками Минской губернии [200].

Изменение дислокации войск на территории Гродненской губернии, а следовательно, и Брестского отряда, было обусловлено рядом причин. О некоторых из них говорилось в приказе № 31 по войскам, расположенным в Гродненской губернии, от 27 июня 1863 года, подписанном командующим этими войсками генерал-лейтенантом Манюкиным. Вот его содержание: «Чтобы инструкция для военно-гражданского управления могла быть применена с наибольшим успехом в Гродненской губернии, командующий войсками Виленского военного округа предписанием от 12 июня за № 1014 изволил приказать изменить настоящую дислокацию войск. Согласно тому, войска в Гродненской губернии должны быть распределены следующим образом:

1) в Белостокском уезде: 1-й батальон и 3 роты 2-го батальона Либавского пехотного полка и 2-й стрелковый батальон, остальные две роты 2-го батальона Либавского полка будут поочередно с другими войсками, расположенными в уезде, занимать позиции на железной дороге, Белостокской станции и охранять мост через реку Нарев у д. Грово. Итого – 14 рот пехоты. Кроме того, в г. Белостоке будут расположены: один эскадрон С.-Петербургского уланского полка, нарезная легкая 3-я батарея 2-й артбригады и 75 казаков 3-й сотни Донского 5-го полка. Военным начальником г. Белостока с уездом назначается генерал Беклемишев;

2) в Сокольском уезде: 3-й батальон Калужского пехотного полка. На станциях Сокулка и Черная Весь и у моста через реку Супрасль будут расположены 10-я, 11-я и 12-я роты Невского пехотного полка. Итого – 8 рот пехоты, эскадрон Курляндского уланского полка и 50 казаков Донского 5-го полка. Военный начальник – полковник Мантейфель;

3) в Гродненском уезде: 1-й и 2-й батальоны Калужского полка. На станциях Гродно и Кузница – 3-я и 9-я роты Невского полка. Итого – 12 рот пехоты. Кроме того, в этом же уезде будут расположены эскадрон Курляндского уланского полка, батарейная 4-я батарея и облепченный 4-й батальон (6 орудий) 2-й артбригады и 100 казаков Донского 42-го полка. Военный начальник – полковник Вернер;

4) в Бельском уезде: 2-й и 3-й батальоны Софийского полка и 2-я рота 1-го батальона того же полка. Итого – 12 рот, один эскадрон С.-Петербургского уланского полка, дивизион батарейной 3-ей

батареи 2-й артбригады и 75 казаков 5-й сотни Донского 5-го полка. Военный начальник – полковник Амонтов;

5) в Брестском уезде: 2-й батальон Псковского полка и 3 роты 1-го батальона. Итого – 8 рот, один эскадрон С.-Петербургского уланского полка и 4-я сотня Донского 5-го полка. Военный начальник – полковник Деконский;

6) в Кобринском уезде: 1-й батальон и 3 роты 2-го батальона Ревельского пехотного полка. Итого – 8 рот пехоты, эскадрон С.-Петербургского уланского полка и 50 казаков 1-й сотни Донского 5-го полка. Военный начальник – полковник Бринкен;

7) в Ружанском уезде: 2 роты 2-го батальона и 3-й батальон Ревельского пехотного полка. Итого – 7 рот пехоты и 50 казаков 1-й сотни Донского 5-го полка. Временный военный начальник – полковник Скоробогатов;

8) в Слонимском уезде: 3-й стрелковый батальон и 3-й батальон Староингерманландского полка. Итого – 8 рот пехоты и 50 казаков 6-й сотни Донского 5-го полка. Временный военный начальник – полковник Клавер;

9) в Волковысском уезде: 7-й батальон Староингерманландского полка и 3-й батальон Псковского полка (без стрелковых рот). Итого – 9 рот пехоты и 50 казаков 6-й сотни Донского 5-го полка. Военный начальник – подполковник Казанли.

Для окончательного распределения войск согласно новой дислокации предписываю следующее:

1) Бельский военный начальник, дождавшись прибытия 3-го батальона Софийского полка в Бельск, отправляет три роты 1-го батальона в Брестский уезд согласно предварительному соглашению с полковником Деконским;

2) Брестский военный начальник, получив роты своего полка из крепости, отправляет 3-й батальон Псковского полка в г. Волковыск;

3) командир Ревельского полка отделяет в Пружанском уезде 7 рот своего полка, а 3-й стрелковый батальон отправляет в г. Слоним;

4) Волковысский военный начальник с получением этого предписания отправляет 2 роты находящегося у него Невского полка в г. Гродно;

5) Гродненский военный начальник распределяет свой полк в Гродненском и Сокольском уездах, а 5 рот Невского полка отправляет на станцию железной дороги, согласно вышесказанной дислокации;

6) полковник Сурков немедленно по приходе Софийских рот из экспедиции направит их в г. Бельск, а сам до приезда генерала Беклемишева исправляет должность Белостокского военного начальника;

7) генерал-майор Эггер, сдав начальство над войсками кому

следует, передав дела полковнику Бринкену, исключая военно-судные, которые немедленно отправятся им к генерал-майору графу Бобринскому, произведет инспекторский смотр, согласно предписанию, ему данному, и потом явится в штаб дивизии;

8) генерал-майор Беклемишев по возвращении из экспедиции сдает временно командование над войсками полковнику Амонтову и потом со своим штабом приедет в Белосток;

9) казаки сотни распределяются военными начальниками по уездам таким образом, чтобы вместе с пехотными частями (при передвижении их) отправлялись бы и казаки;

10) командиры С. – Петербургского и Курляндского уланских полков отправят немедленно эскадроны из Белостока и Гродно по назначению с тем, чтобы далее эскадроны были отправляемы военными начальниками под прикрытием частей, находящихся в распоряжении последних;

11) военные начальники распределяют войска в подчиненных им уездах согласно своему усмотрению, строго соблюдая все предписанное в инструкции для военно-гражданского управления краем;

12) штаб-квартира войск в Гродненской губернии переносится мною в г. Гродно, куда мне и адресовать все донесения. Эти донесения должны касаться только снабжения войск боевыми и другими припасами. В чисто военном отношении доносить мне только о появлении значительных партий мятежников из-за границы губернии или уезда. Во всех остальных случаях быть в полном и непосредственном подчинении начальника Гродненской губернии генерал-майора графа Бобринского, которому непрерывно доносить о всех случаях в уезде и всех своих распоряжениях».

Из данного приказа следует, что командование Брестского и других военных отрядов, действовавших на территории Гродненской губернии, должно было принимать практически все решения по дислокации в тесном взаимодействии не только с командованием округа, дивизии, военными начальниками городов и уездов, но и с представителями военно-гражданской администрации. В военно-оперативном же отношении они могли действовать в соответствии с конкретной военно-политической обстановкой по месту несения службы.

Кроме непосредственного участия в сражениях и стычках с повстанцами, частям, входящим в состав Брестского отряда, приходилось решать и вопросы, относящиеся к ведению военно-гражданского управления губернии. К их числу относилось циркулярное распоряжение командующего Виленским военным округом от 12 апреля 1863 года о том, что в случае, если «мятежники совершат убийство

повешением или расстрелянием должностных лиц земской полиции, то требовать от жителей этой местности непременно выдачи участников и пособников злодеяства. Если же жители не выдадут таковых и будут явно изобличаться в сокрытии оных, то накладывать на всю деревню или местечко контрибуцию от 5 – 10 копеек до 1 рубля с каждого обывателя». Здесь же предлагалось: «В тех же случаях, когда мятежнические шайки находятся сравнительно с населением в ничтожном числе, то обыватели должны защищаться сами и выдавать начальству участников злодеяний, не выжидая помощи от войск, которых налицо не будет, или когда эти войска по разным условиям раздробляться на мелкие части не могут».

28 мая 1863 года отрядный начальник генерал-майор Эггер предписывал всем начальникам частей, входящих в состав Брестского отряда, принять за непреложное правило, чтобы в случае взятия в плен мятежников ему были «делаемы донесения с точным в оных изложением: кто из них, когда и где был взят в плен, с оружием ли в руках или без оного, а также кто, где, когда и за что арестован...».

3 июня 1863 года среди нижних чинов Брестского отряда был зачитан приказ генерал-лейтенанта Манюкина о бдительности, проявленной солдатами вверенных ему войск: «Канониры 3-й батареи 2-й артбригады Михаил Поганов и Кирила Ямковой, квартирующие в г. Белостоке (в доме токаря Анкерна) открыли у проживающего в том же доме у прусского подданного Фердинанда Рудзя, по ремеслу оружейного мастера, 48 ружейных и 8 пистолетных стволов, 10 новых и 5 старых лож. За открытие этого я определяю канонирам Поганову и Ямковому выдать по 15 рублей каждому». Следует заметить, что издавалось немало приказов о строгом выполнении прямых предписаний об оружии, изымаемом у повстанцев, найденном в различных тайниках, и т.д.

12 июня генерал-майор Эггер издал приказ об учреждении в г. Кобрине военно-следственной комиссии и полевого военного суда по делам политическим. Председателем данных учреждений был назначен командир 5-го Донского казачьего полка полковник Кирпичев. В состав полевого суда вошли в качестве его членов: есаул 5-го казачьего полка Перушкин, штабс-капитан 5-й легкой батареи 3-й артбригады Петров, поручик Ревельского пехотного полка Магдалинской 2-й и подпоручик того же полка Дещинский, поручик 3-го стрелкового батальона Комаров и подпоручик того же полка, князь Друцкой-Соколинский, а также аудитор Ревельского пехотного полка, титулярный советник Исаков. В приказе подчеркивалось, что «приговоры полевого суда должны быть постановляемы на основании полевых военно-уголовных законов и соображений с Высо-

чайше утвержденными правилами о наложении взысканий на мятежников определением степени их виновности («приговоры эти представлять мне на конфирмацию»).

В отряде строго выполнялся приказ по войскам Гродненской губернии от 24 декабря 1863 года. Вот строчки из него: «Тех из польских уроженцев, которые зачислены нижними чинами в войска по рекрутскому набору или конфирмациям и которые участвуют в отказе принять установленную присягу, передавать военному суду как преступников против долга верноподданчества».

13 апреля 1863 года в Брестском отряде с удовлетворением был воспринят приказ генерал-лейтенанта Манюкина, в котором отмечалось следующее: «Принимая в соображение, что войска во вверенном мне районе находятся в беспрестанных движениях для поисков мятжнических шаек и что во всех местах с усиленными трудами исполняется караульная служба, я разрешаю для поддержания сил и здоровья нижних чинов полевых войск, кроме рот, расположенных на станциях железной дороги, расходовать на продовольствие их по 6 коп. на человека в сутки от сего числа впредь на десять дней». До этого на сутки на одного солдата выделялось 5 коп. Генерал Манюкин проявлял и ранее заботу о вещевом довольствии подчиненных, смене одежды и т.д. Весьма интересным в этом отношении был и приказ генерала Манюкина от 28 мая 1863 года: «Если у кого из солдат от скорой продолжительной ходьбы подгорит подошва ног (по выражению солдат, «подобьется», т.е. сделается твердой, горячей, а при движении будет чувствоваться боль), то на привале надо взять пучок свежей крапивы и положить ее на подошву, потом обвернуть ногу непременно в чистую портянку и надеть сапог, так солдат может продолжить свой путь; через несколько времени крапива почернеет, сделается мокрой, хоть выжми, тогда следует переменить ее свежей. Солдат жирно смазывает подошву ноги чистым, т.е. без большой примеси соли свиным салом, и, уже не подкладывая крапивы, обертывает ногу чистой портянкой и так спит целую ночь. Прошу ротных командиров обратить особенное внимание на то, чтобы солдаты постоянно имели чистые портянки, которые в летнее время они легко могут мыть даже во время привала».

Положительно отнеслись в Брестском отряде и к приказу генерала Манюкина от 28 апреля 1863 года: «Из донесений командиров батарей усмотрено, что в отряды назначаются по одному оружию; но как одно орудие, где встретится надобность, сделавши выстрел остается некоторое время без поддержки другого орудия огнем, то во время заражения первого, неприятель, заметив это обстоятельство и выждав к тому благоприятную минуту, может

смело броситься на орудие, овладение которым, хотя и мгновенно, произвести должно неприятное впечатление на наши войска и нравственно возвести дух неприятеля. Действие одного орудия приносит мало пользы, и эта польза далеко не выкупается неудобствами передвижения артиллерий по болотистым местам, где приходится вывозить орудие на плечах солдат. Вследствие всего этого, предписываю принять к неперемennomу исполнению: при назначении артиллерии в отряды назначать ее отнюдь не иначе как взводами».

Манюкин неоднократно напоминал командирам о необходимости законности в таком специфическом деле, как трофеи. В своем приказе от 15 мая 1863 года он подчеркивал: «Из полученной добычи знамена, штандарты, оружие, все воинские припасы и снаряды, как то: порох, свинец, амуниция и провиант принадлежат государству; все же прочие движимые вещи почитают законной добычей того, кто ими завладеет, и никто не имеет права лишить его оных».

Из анализа ряда приказов по войскам Гродненской губернии, исходивших от генерала Манюкина, можно сделать вывод, что они в большинстве случаев носили рекомендательный характер и не связывали командование в военно-оперативном отношении. Не намного изменилась ситуация и после того, когда 1 августа 1863 года Манюкина на посту командующего сменил генерал-лейтенант Ганецкий. Нельзя, однако, не отметить, что в приказах последнего непосредственно военных операциях, оценке действий в них военных отрядов, а также конкретных офицеров и нижних чинов уделялось значительно большее внимание.

Свидетельством сказанному может служить приказ генерала Ганецкого от 19 сентября 1863 года (Гродно): «Командир 3-й роты лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан Вилламов, отправленный военным начальником Гродненского уезда 8 сентября с летучим отрядом для осмотра местности, производства обысков и дознаний на мызах некоторых из помещиков, поручение это, как доносит полковник Брант от 17 сентября за № 1047, исполнял с особым усердием, знанием дела и настойчивостью; между прочим, он открыл в свою бытность на мызе Черленной лицо, принимавшее участие в снабжении мятежных шаек продовольствием. За столь похвальные действия и распорядительность штабс-капитана Вилламова, засвидетельствованные полковником Брантом, объявляю офицеру этому мою искреннюю благодарность и ставлю о том командуемые мною войска в известность».

Близким по содержанию был и приказ, подписанный Ганецким на следующий день, т.е. 20 сентября: «Пункт 1-й. Бывший военный начальник Сокольского уезда полковник Эллис свидетельствует об

отличном состоянии войск, в том уезде находящихся, в особенности 3-го стрелкового батальона, 10-й, 11-й и 12-й рот Семеновского полка. Вместе с тем полковник Эллис доносит, что командир 10-й роты Семеновского полка штабс-капитан Никифораки своей деятельностью и распорядительностью много способствовал открытию соучастников мятежа. Между прочим, им были обнаружены в преступных действиях вербовщики Савицкий и Быховский; помещики Сержпутовский, Олендский и Богданович были им представлены с важными документами и доказательствами в их соучастии в мятеже; а также им были открыты многие лица, которые возвратились из шаяк и скрывались без видов. Штабс-капитан Никифораки приобрел своей распорядительностью совершенное доверие не только нижних чинов, но и крестьян окрестных деревень, которые, видя в нем энергию в стремлении к искоренению зла, приходят и сами обнаруживают преступников. За отличное состояние частей войск, в Сокольском уезде находящихся, объявляю мою благодарность командирам оных, в особенности командиру 3-го стрелкового батальона подполковнику Гессельбергу и командирам 1-й, 11-й и 12-й рот Семеновского полка. Пункт 2-й. 5 сентября помещик Валицкий дал знать в м. Изабелин Волковысского уезда, что на мызе его было 13 мятежников из шайки, которые, забрав провизию, отправились в лес между именьями Тулово и Хлопот, вследствие чего командир 17-й роты Староингерманландского пехотного полка штабс-капитан Сафьяников с 30 человеками нижних чинов, 3 казаками и 8 человеками сельского конного караула тотчас же отправился в лес, но, выйдя на опушку онаго, был встречен выстрелами, тогда завязалась перестрелка, которая кончилась тем, что было взято в плен 10 мятежников с оружием, из них 3 ранено; с нашей стороны легко ранен один рядовой. За такую деятельность объявляю штабс-капитану Сафьяникову мою искреннюю благодарность, а равно всем участвовавшим в деле нижним чинам мое спасибо и ставлю о том командуемые мною войска в известность».

27 сентября 1863 года генерал Ганецкий объявил благодарность поручику 3-го стрелкового батальона Гриненбергу 2-му, который, действуя во главе летучего отряда в Сокольском уезде для проверки деятельности местных караулов «посредством возвышения духа сельского населения и внушения их обязанностей, сумел получить не только полезные нам сведения, но и имел возможность по показаниям крестьян выявить 7 человек, участвовавших под разными видами в мятеже».

В своих приказах Ганецкий отмечал не только положительные, но и негативные моменты в действиях своих подчиненных, причем

даже самого высокого ранга. 25 октября он объявил строгий выговор военному начальнику Брестского уезда генерал-майору Деконскому за промедление в рубке просек в лесах вверенного ему уезда, что, по его мнению, «усложняло своевременное обнаружение и уничтожение мятежников».

И все-таки благодарственные приказы по войскам осенью 1863 года преобладали, ибо, по общему мнению властей, «мятеж уже клонился к упадку». Подтверждает это и приказ командующего войсками Гродненской губернии от 28 октября того же года: «Военный начальник Белостокского уезда от 2-го сего октября донес мне, что с разделением вверенного ему уезда на участки начальники участков: Троктянского-Новоингерманландского пехотного полка, командир 7-й роты капитан Дмитриев и Суражского пехотного полка, командир 6-й роты поручик Шупта особенной отличной деятельностью и распорядительностью, знанием своего дела сумели поднять дух крестьян не только во вверенных им участках, но и в пограничных деревнях Царства Польского. Все крестьянское население в этих участках с полной готовностью содействует войскам в поимке мятежников, так что в короткое время капитан Дмитриев и поручик Шупта захватили много мятежников (первый – 90, а второй – 55 человек), между коими захвачено 30 человек жандармов-вешателей. За означенные выше столь полезные действия ротных командиров капитана Дмитриева и поручика Шупты объявляю им мою полную и искреннюю благодарность» [201].

Немало благодарностей от командования было объявлено и офицерам, проходившим службу в южной части Гродненской губернии. В архивных делах сохранились именные списки офицеров некоторых частей, находившихся в разное время в составе Брестского отряда: 1) 5-й донской казачий полк (командир полка – полковник А.И. Кирпичев; войсковой старшина – А.П. Голубинцев; есаулы – А.И. Прусаков, П.К. Намикосов, А.П. Евстратов, Д.С. Попов, М.С. Пирушкин; сотники – И.П. Павлов, Г.В. Черков, Л.А. Антонов, Н.В. Богатырев, Т.Ф. Фролов, П.А. Красовский; хорунжие – И.С. Костин, В.А. Щепкин, С.И. Попов, А.Е. Свеколкин, И.В. Фицхелауров, В.Е. Свеколкин; 4-й резервный батальон Полтавского пехотного полка (командир – полковник В. Назимов, начальник штаба – подполковник Л. Плешков; майор М. Кусонский; капитаны – П. Пешецкий, Ф. Бронак; штабс-капитаны – М. Трофинос, М. Слащев, Ю. Антонец, Л. Маевский, А. Домановский, А. Сосновский; поручики – Л. Каминский, К. Ильинский, И. Васюков, Торонече; прапорщики – К. Выгодский, Ф. Шварц, В. Каминский, П. Каменецкий, Н. Карпов, Н. Шрейфог). Судя по фамилиям офицеров данного полка, среди них было

немало уроженцев Царства Польского и Северо-Западного края [202]. Немало ценной информации о военно-оперативной деятельности Брестского отряда имелось в наградных документах на нижних чинов, служивших в его частях. Правом на награждение своих подчиненных пользовались командиры разного уровня (от командира роты до командиров батальона и полка). Так, 31 мая 1863 года командир 8-й роты Ревельского пехотного полка капитан Евдокимов (г. Кобрин) представил командующему войсками южной части Гродненской губернии генерал-майору Эггеру «Список отличившимся нижним чином в деле 2-го мая сего года против шайки мятежников близ корчмы Михалино». В данном списке значились:

1) унтер-офицер Евмен Иванюк (за то, что, «будучи в цепи с 3-м полувзводом, храбро приближался к мятежникам и был ранен»); 2) унтер-офицер Петр Осипов (за то, что, «будучи в цепи с 4-м полувзводом, очень храбро при нападении мятежников, приближался к ним»); 3) рядовой из дворян Павел Просвирин (за то, что, «будучи в цепи с прочими нижними чинами при нападении на мятежников, весьма быстро и храбро отличился; ранен в левую руку»); 4) рядовой Алексей Черкаев (за то, что «в цепи находился, очень храбро отличился и был ранен в ногу»); 5) бывший в отряде казачий урядник из дворян Дмитрий Шляхтин («очень храбро отличился в правом крыле атаки»); 6) казак Федор Митяев («был со мной во всех стычках, через него передавались все мои распоряжения и приказы по цепи; храбр, в бою лошадь под ним была убита».

«К знаку отличия военного ордена» представил целый ряд нижних чинов, отличившихся также близ корчмы Михалино, командир Ревельского полка полковник барон фон Бринкен. Их список:

1) фельдфебель Владимир Брагин, в службе с 3 сентября 1848 года, в настоящем звании с 24 мая 1857 года, православный, в штрафах и под судом не был, ранее никаких наград не получал («за храбрость и мужество в деле с мятежниками 2 мая около корчмы Михалино»); 2) унтер-офицер Фриц Дарман, в службе с 1 ноября 1855 года, в настоящем звании с 4 января 1863 года, из крестьян, вероисповедания лютеранского, в штрафах и под судом не был, ранее наград не получал («за храбрость и мужество в деле, где «ранен 2 мая в левое плечо»); 3) унтер-офицер Афанасий Смирнов, в службе с 24 июня 1854 года, в настоящем звании с 4 марта 1862 года, из крестьян, православный, в штрафах и под судом не был, ранее наград не получал («за храбрость и мужество в деле»); 4) рядовой Иван Иванов, в службе со 2 ноября 1854 года, из воспитанников полка, православный, в штрафах и под судом не был, наград не получал («за храбрость и мужество в деле, где ранен пулею в левую

руку»); 5) казак Донского казачьего 5-го полка Федор Стародубцев, в службе с 1 января 1860 года, из казачьих детей, в штрафах и под судом не был, ранее наград не получал («за храбрость в деле с мятежниками, где был ранен двумя пулями: одной – в шею спереди, а другой – в левый бок противу живота»); 6) казак того же полка Василий Шерстобитов, в службе с 1 января 1860 года, из казачьих детей, в штрафах и под судом не был, наград не получал («за храбрость, оказанную в деле 2 мая под корчмой Михалино, где был ранен в левую ногу ниже колена»).

6 мая Ревельский полк имел очередную стычку с мятежниками. По ее результатам полковник фон Бринкен вновь испрашивал для нижних чинов «знаки отличия военного ордена». В представленном начальству списке значились:

1) фельдфебель Павел Маслов, в службе с 4 января 1849 года, в настоящем звании с 15 августа 1862 года, из крестьян, православный, в штрафах и под судом не был (за то, что «лично подавал пример нижним чинам своей храбростью, во время перестрелки был вперед всех и во время сильного наступления со стороны неприятеля защищал своего ротного командира, через что получил две раны: в правую руку повыше кисти и в левую ключицу»); 2) унтер-офицер Казимир Богданович, в службе с 1 сентября 1852 года, в настоящем звании с 4 января 1863 года, из солдатских детей, вероисповедания римско-католического, в штрафах и под судом не был (за то, что «во время перестрелки с неприятелем, будучи в цепи, поражая своими меткими выстрелами мятежников, защищал своего ротного командира, получив при этом две раны: обе в ноги ниже бедер»); 3) урядник Донского 5-го казачьего полка Варфоломей Кочетов, в службе с 1 января 1843 года, в настоящем звании с 12 апреля 1859 года, из казачьих детей, православный, в штрафах и под судом не был (за то, что «во время появления неприятельской кавалерии урядник Кочетов и казак Ребриков были примером для прочих в атаке, опрокинув мятежников в короткое время, а когда по приказанию отрядного начальника спешили, то вместе с пехотой метко стреляли в неприятеля, по получении же раны начальником команды Поповым тотчас же взял командование отрядом на себя, служа примером прочим своей храбростью»); 4) казак Егор Ребриков, в службе с 1 января 1860 года, из казачьих детей, раскольнической секты, в штрафах и под судом не был.

5 июня 1863 года командир 3-го стрелкового батальона подполковник Глесенберг отправил командующему войсками южной части Гродненской губернии генерал-майору Эггеру следующий рапорт: «Предъявляю при сем именной список нижним чинам вве-

ренного мне батальона, отличившимся 13-го числа мая сего года в деле против польских мятежников в Белинском лесу. Прошу ходатайства Вашего Превосходительства о представлении их к знаку отличия военного ордена св. Георгия 4-й степени, а стрелка Антона Боговича, имеющего уже орден св. Георгия, – к тому же ордену 3-й степени». К рапорту был приложен «Список нижним чинам, заслуживающим награды за храбрость, оказанную ими в деле 13 мая сего года против шайки мятежников в Пружанском уезде около корчмы Савицкого». В списке этом значились по 2-й роте: «1) фельдфебель Андрей Беседин, в службе со 2 февраля 1855 года, в настоящем звании с 30 марта 1862 года, православный, из крестьян Владимирской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память о минувшей войне 1853 – 1856 годов; 2) стрелок Иван Травин, в службе с 6 мая 1849 года, православный, из крестьян Новгородской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память минувшей войны 1853 – 1856 годов; 3) стрелок Иван Яковлев, в службе с 3 июня 1853 года, православный, из крестьян Владимирской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память минувшей войны 1853 – 1856 годов; 4) урядник 2-й сотни Донского 5-го казачьего полка Иван Дементьев, в службе с 1 января 1848 года, в настоящем звании с 21 апреля 1861 года, православный, из казачьих детей, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов». Всех перечисленных командир полка представлял «к знаку отличия военного ордена св. Георгия 4-й степени за храбрость в деле с польскими мятежниками».

По 3-й роте в списке значились: «1) стрелок Антон Богович, в службе с 5 ноября 1854 года, вероисповедания римско-католического, из вольных людей Ковенской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет знак отличия военного ордена и бронзовую медаль в память минувшей войны 1853 – 1856 годов («за храбрость в деле против польских мятежников в Белинском лесу 13 мая, где был ранен в голову, представлен к знаку отличия военного ордена 3-й степени»); 2) фельдфебель Гаврила Филипов, в службе с 30 сентября 1844 года, в настоящем звании с 29 марта 1852 года, православный, из солдатских детей, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость к ордену св. Георгия 3-й степени», ранен в шею); 3) унтер-офицер Иван Шуригин, в службе с 21 марта 1845 года, в настоящем звании с 22 октября 1854 года, православный, из крестьян Костромской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость к ордену св. Георгия 4-й степени,

ранен в грудь»; 4) стрелок Семен Нуждин, в службе с 28 февраля 1855 года, православный, из крестьян Нижегородской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость к ордену св. Георгия 4-й степени, ранен в левое плечо»); 5) стрелок Иван Попов, в службе с 1855 года, православный, из мещан г. Арзамаса Нижегородской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость к ордену св. Георгия 4-й степени, ранен в правое колено»); 6) стрелок Тимофей Виноградов, в службе с 23 июня 1854 года, православный, из крестьян Владимирской губернии, в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость награжден орденом св. Георгия 4-й степени, ранен в ногу»); 7) стрелок Дей Федоров, в службе с 28 июня 1853 года, православный, из солдатских детей Тульской губ., в штрафах и под судом не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость польских мятежников представляется к денежной награде»); 8) стрелок Роман Копышев, в службе с 26 января 1848 года, православный, из крестьян Черниговской губ., под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость представляется к денежной награде»); 9) стрелок Геннадий Федоров, в службе с 9 июля 1854 года, православный, из крестьян Костромской губ., под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость к денежной награде»); 10) стрелок Ян Куш, в службе с 9 июня 1855 года, вероисповедания лютеранского, из крестьян Лифляндской губ., под судом и в штрафах не был, имеет медаль в память войны 1853–1856 годов («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»); 11) стрелок Иван Зайцев, в службе с 8 ноября 1855 года, православный, из крестьян Владимирской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к денежной награде»).

По 4-й роте в списке значились: 1) унтер-офицер Антон Нарышкин, в службе с 16 января 1847 года, в настоящем звании со 2 сентября 1852 года, православный, из крестьян Тульской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»); 2) унтер-офицер Степан Бородзинский, в службе со 2 января 1847 года, в настоящем звании с 10 июня 1857 года, православный, из крестьян Тульской губернии, под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»); 3) унтер-офицер Тит Папафидин, в службе с 8 января 1846 года, в настоящем звании

с 28 января 1852 года, из солдатских детей Тамбовской губ., под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к денежной награде»); 4) стрелок Дмитрий Лопатин, в службе с 21 июня 1854 года, православный, из крестьян Владимирской губ., под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»); 5) стрелок Василий Макаров, в службе с 20 июня 1851 года, православный, из солдатских детей Казанской губ., под судом и в штрафах не был, имеет бронзовую медаль в память войны 1853 – 1856 годов («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»); 6) Казак Григорий Попов, в службе с 1 января 1853 года, из раскольничьей секты, из казачьих детей, под судом и в штрафах не был («за храбрость – к ордену св. Георгия 4-й степени»).

Отличились «в деле 9 мая против шайки мятежников в Орджинском лесу» офицеры и нижние чины Черниговского пехотного полка. 1 июня 1863 года его командир полковник Игельстром докладывал генерал-майору Эггеру следующее: «Согласно предписанию Вашего Превосходительства от 30 мая (№ 496) представляю при сем наградные листы на поручика Дзюбу и подпоручика Грозмани, а также список нижних чинов вверенного мне полка, удостоиваемых к наградам за храбрость, оказанную в деле против шайки мятежников». К сожалению, наградных листов на вышеназванных офицеров в данном архивном деле найти не удалось, так что оставалось лишь поверить представлению начальства об их подвигах. Что же касается командира полка, то, вероятно, за «дело 9 мая» он сам был представлен к награде. В «Полном послужном списке командира Черниговского пехотного генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского полка, полковника Артура Густавовича Игельстрома» имеется следующая информация: «Полковник А.Г. Игельстром родился 18 февраля 1822 года, происходил из дворян Гродненской губернии, римско-католического вероисповедания, кончил императорский Пажеский корпус, после чего служил на офицерских должностях в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1849 году участвовал в т.н. венгерском походе, в войне 1853 – 1856 годов, «находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии и Выборгского уезда. Был награжден орденами св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 2-й степени, знаком отличия беспорочной службы за XV лет, бронзовой медалью в память войны 1853 – 1856 годов. 21 июня 1862 года А.Г. Игельстром был назначен командиром Черниговского пехотного полка. Судя по содержанию «Послужного списка», в службе полковника Игельстрома не было обстоятельств, лишающих его

права на получение любых наград».

Не были забыты полковником и нижние чины вверенного ему полка. В списке, представленном им, значились: 1) унтер-офицер Александр Харыбин, в службе с 10 ноября 1849 года, в настоящем звании с 25 декабря 1856 года, православный, из казенных крестьян Воронежской губернии, под судом и в штрафах не был; 2) унтер-офицер Аким Садовский, в службе с 4 июня 1854 года, в настоящем звании с 29 января 1863 года, православный, из государственных крестьян Енисейской губернии, под судом и в штрафах не был; 3) рядовой Карп Белоусов, в службе с 14 ноября 1853 года, православный, из государственных крестьян Забайкальской области, под судом и в штрафах не был; 4) рядовой Никита Манцеров, в службе с 19 ноября 1855 года, православный, из казенных крестьян Вятской губернии, под судом и в штрафах не был; 5) рядовой Сидор Казанский, в службе с 25 октября 1855 года, православный, из крестьян Московской губернии, под судом и в штрафах не был; 6) рядовой Григорий Петров, в службе с 17 марта 1845 года, православный, из крестьян Калужской губернии, под судом и в штрафах не был; 7) приписанный к полку казачий урядник Пантелей Попов, в службе с 1 января 1843 года, в настоящем звании с 30 августа 1862 года, православный, из казачьих детей Усть-Буллуцкой станицы, под судом и в штрафах не был; 8) приказный казак Андрей Филипов, в службе с 1 января 1843 года, в настоящем звании с 13 января 1861 года, православный, из казачьих детей Акимовской станицы, под судом и в штрафах не был. Характерно, что большинство нижних чинов в этом списке были представлены к знаку отличия военного ордена, рядовые же Казанский и Петров – к денежной награде, а казак Филипов – к производству в урядники.

Разумеется, награды офицерам и нижним чинам, участвовавшим в подавлении восстания, выдавались не просто так: в условиях полупартизанской войны российская армия также несла потери. О последних, в частности, свидетельствует рапорт командира 2-й стрелковой роты штабс-капитана Малечкина командующему войсками южной части Гродненской губернии генерал-майору Эггеру от 12 июня 1863 года: «Доношу Вашему Высокоблагородию, что 4-го числа сего месяца в 8-м часу вечера вверенная мне рота и 2-я стрелковая рота 3-го стрелкового батальона под командою майора Ревельского пехотного полка Скоробогатова имели дело с партией мятежников при урочище Великий Угол, в котором из вверенной мне роты убито: один офицер, прапорщик Денисов 1-й, один унтер-офицер и восемь стрелков; ранено тринадцать человек. При сем представляю список убитых и раненых с отметкою, где убиты, по-

хоронены и где раненые оставлены для излечения.

В настоящее время вверенная мне рота находится в Пружанском уезде в м. Селец. Прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия, чтобы мою роту вывести в Кобрин: нижние чины совершенно обносились, с 25 мая ходят в одних рубашках, все их вещи и ранцы оставлены в Кобрине».

О том, что стычки с повстанцами были достаточно частыми, свидетельствуют рапорты по начальству от командира 3-го стрелкового батальона (оба от 1 июня 1863 года). В них говорилось о «деле против польских мятежников 27-го мая сего года около деревни Середова» и о «деле против польских мятежников 30-го мая сего года около Черного озера, что в 35 верстах от Пясок». К первому рапорту прилагались наградные листы («4 экз. на господ офицеров и один наградной лист на нижних чинов»), а ко второму рапорту («6 экз. на господ штаб и обер-офицеров и два на нижних чинов»). В архивной папке сохранился лишь наградной лист на нижних чинов 3-го стрелкового батальона, отличившихся в деле 27 мая около д. Середова. В списке значились по 3-й роте: 1) унтер-офицер Павел Позинин, на службе с 1848 года, в настоящем звании с 1856 года, православный, в штрафах не был; по 4-й роте: 1) унтер-офицер Прокофий Шульга, на службе с 1846 года, в настоящем звании с 1856 года, православный, в штрафах не был; стрелок Иван Вялов, на службе с 1854 года, православный, в штрафах не был; 3) стрелок Сергей Махрин, на службе с 1847 года, православный, в штрафах не был; 4) Ян Игилянд, на службе с 1854 года, вероисповедания лютеранского, в штрафах не был; 5) приписанный к роте казачий вахмистр Павел Курмаков. По-видимому, в последний момент в этот список был внесен унтер-офицер 4-й роты Моисей Толчинок, на службе с 1846 года, в настоящем звании с 1853 года, православный, в штрафах не был. Большинство награжденных представлялись командиром батальона к ордену, а стрелки Махрин и Игилянд – к денежной награде.

21 июня 1863 года, сразу же после боя с мятежниками у д. Копчицы, командир отряда Псковского пехотного полка ходатайствовал перед начальством о награждении «за оказанную отличную и усердную службу» следующих нижних чинов 2-й стрелковой роты: унтер-офицеров Степана Мандрика и Феликса Шимчика, горниста Федора Филипова, стрелков Дмитрия Степанова, Ивана Жарикова, Архипа Александрова, Михайло Ильина, Фрола Павлова, Николая Лысенко, Абрама Андреева, Пармена Казанцева, а также приписанных к отряду казаков 5-го Донского казачьего полка: урядника Антона Титова, трубача Ивана Мушихина, приказного Алексея Ващинникова, а также казаков Григория Попова и Спиридона Басакина.

Тогда же за успешное взаимодействие со 2-й сотней 5-го Донского казачьего полка были представлены к награждению офицеры 2-й стрелковой роты Ревельского полка: 1) подпоручик Геркулан Осипович Дещинский, на службе с 9 июня 1858 года, прапорщик с 10 августа 1859 года, подпоручик с 8 марта 1863 года, православный, под судом и в штрафах не был; 2) подпоручик Матеуш Петрович Бружес, на службу вступил рекрутом 12 ноября 1836 года, унтер-офицер с 1 марта 1841 года, прапорщик с 23 июня 1856 года, подпоручик с 11 марта 1860 года, вероисповедания римско-католического, под судом и в штрафах не был. Следующим чином был награжден и Пинский уездный исправник майор Константин Андреевич Бубнов 2-й. О наличии такой формы поддержки личного состава войск, как пособия вдовам солдат из числа местных уроженцев, свидетельствует следующий факт. 29 октября 1864 года гродненский губернатор Скворцов уведомил Кобринского военного начальника: «Вследствие представления моего главный начальник края изволил назначить пособие вдове убитого горниста 2-й стрелковой роты 7-го пехотного Ревельского полка Бирки Шварца – Хаве Ривке 50 руб. серебром. Уведомляя об этом и препровождая означенные деньги для выдачи вдове Шварцевой, предлагаю Вам об исполнении сего мне доложить» [203].

Судя по всему, в полном составе Брестский отряд не принимал участия ни в одном из крупных сражений. Его действия были в основном направлены против небольших отрядов, скрывавшихся в лесах и лишь иногда подходивших к тем или иным хуторам и селам. Справедливости ради следует сказать, что в составе данного отряда никогда не было ни одного полка или батальона в их первоначальном составе. Это касалось как пехотных, артиллерийских, так и казачьих частей. Из «Сведений о наличном числе воинских чинов Донского казачьего 5-го полка» на 3 апреля 1863 года: его сотни располагались в следующих местах: полковой штаб и 1-я сотня (6 офицеров, 184 казака и 197 лошадей) – в г. Кобрине; одна часть 2-й сотни (2 офицера, 105 казаков и 113 лошадей) – в г. Пружаны, вторая часть 2-й сотни (1 офицер, 29 казаков, 32 лошади) – в г. Каменец-Подольске; 3-я сотня (2 офицера, 113 казаков, 121 лошадь) – в г. Белостоке; 4-я сотня (2 офицера, 134 казака, 138 лошадей) – в г. Брест-Литовске; 5-я сотня (2 офицера, 126 казаков, 133 лошади) действовала в составе Бельского отряда. В полку в это время имелось следующее количество воинских чинов: штаб-офицеров – 1; обер-офицеров – 15, урядников – 51; трубачей – 18; казаков – 736 (всего 822 чел.), а также лошадей: строевых – 805; подъемных – 67.

Согласно сведениям за 2 июня 1863 года, т.е. спустя три месяца, месторасположение 5-го Донского казачьего полка практически не изменилось. Незначительные изменения, связанные с боевыми потерями (убитые и раненые), произошли лишь в наличном числе воинских чинов полка. Оно было на сей раз следующим: штаб-офицеров – 2; обер-офицеров – 17; урядников – 50; трубачей – 18; казаков – 732 (всего 815 чел.). Последнее свидетельствовало о том, что казаки потеряли в стычках с повстанцами за этот период 4 казака. По сведениям на 2 июля 1863 года, строевых лошадей было 800 (т.е. оно сократилось на пять лошадей), а подъемных – 86 (т.е. их число увеличилось на 19 единиц). Помимо разбросанности по губернии казаков этого полка, имелись и другие трудности, о чем свидетельствует рапорт командира 5-го Донского казачьего полка полковника Кирпичева на имя командующего Брестского отряда от 21 марта 1863 года: «Приказом по войскам Виленского военного округа от 21 февраля за № 69 я назначен военным начальником в г. Пинске с уездом, а по личному распоряжению командовавшего Брестским отрядом генерал-майора графа Ностица я из Пинска прибыл 27 февраля в г. Кобрин, в штаб-квартиру вверенного мне полка, где остаюсь до сего времени при своей обязанности по званию командира полка. Между тем, я получаю бумаги, в которых распоряжения касаются до обязанности Пинского военного начальника, возложенной по выступлению отряда из Пинска на командира резервного батальона Полтавского пехотного полка полковника Назимова. Находясь в затруднении, как поступить мне в таком случае, я доношу о сем Вашему Превосходительству и прошу разрешения моей ситуации. При этом присовокупляю, что все бумаги, относящиеся до распоряжения Пинского военного начальника, адресуемые ко мне, отправляются мной к полковнику Назимову в Пинск». Добавим, что кроме назначения полковника Кирпичева председателем военно-следственной комиссии и военного суда, его положение еще более усложнилось. Как в последующем решался вопрос о совмещении Кирпичевым нескольких должностей, трудно сказать, так как по распоряжению командующего войсками округа 28 мая 1863 года Пинский отряд с находящимися в нем войсками был переведен в Минскую губернию, т.е. в район, вверенный генералу Гольтгоеру. Накануне, т.е. 22 мая, в г. Пинске произошел пожар, однако, как сообщал Эггеру временный военный начальник Пинского уезда Назимов, «воинские части, расположенные в г. Пинске, прикосновенными к произошедшему пожару не были, обжогам и ушибам никто не подвергался; амуниция, оружие и все казенные вещи остались в целости».

В не менее сложной ситуации находился и командир Ревельского пехотного полка полковник барон фон Бринкен. Подтверждением тому может служить его рапорт генералу Манюкину от 15 апреля 1863 года: «В настоящее время 10 рот вверенного мне полка находятся в отряде генерала Беклемишева (начальника Высоко-Литовского отряда. – *В. Ч.*). Я же по званию военного начальника не могу оставить г. Кобрин; не могу присутствовать при стычках моих солдат с врагами спокойствия; не могу видеть их лихих разделок с бунтовщиками, и при серьезном разгаре войны мои солдаты не будут знать меня с боевой стороны. Причины эти заставляют меня просить Ваше Превосходительство приказать мне обязанности военного начальника Кобринского уезда, а на мое место назначить командира 5-го казачьего полка полковника Кирпичева или майора Блюменталя (начальника Беловежской пущи. – *В. Ч.*), чтобы я тотчас же мог отправиться в отряд генерала Беклемишева, где находятся почти все роты вверенного мне полка». Резолюция генерала Манюкина на данном документе была следующей: «Препровождая рапорт этот на благоусмотрение генерала Эггера, присовокупляю, что, по моему мнению, командиру следует быть там, где находится большая часть его полка».

Между тем сложившаяся ситуация разрешилась, как это часто бывает, сама собой. И уже 13 мая 1863 года полковник Бринкен рапортовал генералу Эггеру: «С прибытием 2-х рот вверенного мне полка из отряда генерала Беклемишева не прикажете ли, Ваше Превосходительство, усилить Ваш действующий отряд и выступить мне, где будет указано Вами». Надо полагать, что такого рода готовность полковника Бринкена принять участие в военных действиях была непосредственно связана с его временным освобождением от обязанностей воинского начальника г. Кобрина и уезда. Здесь необходимо добавить, что засидевшийся в Кобрине фон Бринкен, получивший распоряжение начальства на поимку мятежников, чуть ли не натворил больших бед продвижением своих рот по недозволенному маршруту. Об этом свидетельствует донесение начальника II отделения путей сообщения подполковника Тушинского начальнику Брестского отряда генералу Эггеру от 13 мая: «Начальник 2-й дистанции вверенного мне отделения донес мне, что две роты Ревельского пехотного полка с полной вооруженной аммуницией и с многочисленным обозом прошли через мост на Белоозерском водопроводе и далее направились насильственным образом по бичевнику, подвергая опасности разрушения гидротехнического сооружения...». Дабы подобное впредь не повторялось, подполковник Пушинский просил генерала Эггера сообщать о планируемых пе-

реходах частей его отряда через гидротехнические сооружения заблаговременно. Через некоторое время после имевшего место инцидента полковник фон Бринкен был вновь восстановлен в должности военного начальника [204].

Как уже отмечалось, Брестский отряд при подавлении повстанцев успешно взаимодействовал с местными крестьянами, объединенными по распоряжению российских властей в сельские (пешие и конные) караулы. Их награждение представляет несомненную ценность и в плане исследования военно-оперативной деятельности Брестского отряда.

29 мая 1863 года император Александр II после рассмотрения «Положения Западного комитета по предмету установления знаков отличий для награждения отставных нижних чинов и крестьян, содействующих войскам к истреблению мятежнических шаек», Высочайше повелевать соизволил: «Предоставить генералу Муравьеву право награждать отставных нижних чинов и крестьян за содействие к истреблению мятежнических шаек серебряными медалями с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте для ношения на груди и «За усердие» на Анненской ленте для ношения как на груди, так по особым уважениям».

После означенного Высочайшего повеления и соответствующего объявления по Гродненской губернии от 10 июня начался сбор представлений от всех волостных правлений на указанный предмет. По Кобринскому уезду Гродненской губернии в числе первых (от 6 сентября 1863 года) представил сведения «о временно-обязанных крестьянах, оказавших содействие войскам против мятежников», «достойных награждения серебряными медалями за их неустрашимость против мятежников, а также опись имущества, спаленного мятежниками у крестьянина Кузьмы Тихонова Томильчина, кое они спалили за то, что он указал их шайку войскам», Одриженский волостной старшина Максим Степанов Середа. Составленный им список для награждения возглавлял «Леопольд Иванов Гаврикевич, дворовой человек Гродненской губернии Кобринского уезда Одрижской волости, 43 лет, римско-католического вероисповедания, грамотен». Представлен к награде данный крестьянин был за то, что «6 мая 1863 года был проводником войскам, проходящим из городка в лес, где была шайка мятежников, и получение от них в результате стычки три раны». Вторым в списке значится «крестьянин Василий Осипов Божко, 25 лет, православный, грамоте не обучен», отличился он тем, что «14 мая, присоединившись к войску, вывел его на шайку мятежников, коя была разбита». Для крестьянина-хуторянина Кузьмы Томильчика, пострадавшего от мятежнического поджога, волостной старшина на основании описи погиб-

шего в пожаре имущества просил у властей компенсации за нанесенный мятежниками ущерб (за то, что «Томильчик указал войскам шайку») в размере 280 руб. 80 коп.

Тогда же от Петковского сельского правления государственных крестьян Кобринского уезда 2-го стана были представлены к награждению серебряными медалями за «усердное содействие устройству сельских караулов и неослабленный надзор за спокойствие окрестностей» сельский старшина д. Забужек Иван Никитюк и сельский писарь Павел Алексеев. От 4-го стана того же уезда были представлены к медалям сельский старшина Именинского сельского общества Артемий Соколовский и сельский старшина Бездежского сельского общества Мойсей Стряпко. Последние «отличались приверженностью к правительству и постоянным содействием войскам в поиске мятежников и обнаружении их складов оружия».

Положительно оценивая роль сельских караулов в наведении спокойствия в крае, гродненский военный и гражданский губернатор Скворцов рекомендовал волостным старшинам обратить внимание именно на эту заслугу крестьян при выдвижении их к награде. Так, 30 сентября 1863 года он сообщал всем военным начальникам губернии о том, «что временно обязанный крестьянин Яков Поциковский и отставной рядовой Иван Норель, состоящие в Индурском сельском карауле, оказали особенное усердие и необыкновенную самоотверженность при поимке вооруженных мятежников, а потому на основании Высочайше дарованной власти главному начальнику края они награждены: 1-й серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения на груди на Георгиевской ленте, а последний таковою же медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте. О таком награждении Поцинковского и Нореля предлагаю прочесть во всех подведомственных Вам караулах для поощрения этих всех крестьян и отставных нижних чинов, состоящих в означенных караулах».

Появление такого рода предписаний было обусловлено тем, что до награждения медалями весьма распространенной формой поощрения сельских караульчиков за поимку крестьянами мятежников, было денежное вознаграждение. С появлением медалей усердие крестьян поощрялось преимущественно морально, уже на государственном уровне. Однако материальное вознаграждение, чаще всего за счет контрибуций с польских помещиков за содействие повстанцам, по-прежнему широко практиковалось. Например, по приказанию военного начальника Кобринского уезда полковника Поля, сменившего фон Бринкена, контрибуционные деньги (45 руб. серебром), взятые местным исправником с помещицы Оржешко (речь идет о

писательнице Э. Ожешко. – В. Ч.), были переданы «старшим членам семейства деревни Гошево, в котором двое крестьян и одна девка сделались несчастными жертвами разбойничьей банды». Иногда инициаторами представлений к награждению выступали военные начальники тех или иных станов уезда. Так, 2 ноября 1863 года из 5-го стана Кобринского уезда от подпоручика Корчинского на имя военного начальника г. Кобрин и уезда пришел рапорт: «Во исполнение предписания Вашего Высокоблагородия доношу, что во вверенном мне стане из государственных крестьян примерным поведением и ревностным исполнением своих обязанностей заслуживают представления к награде, а именно: Мотольского общества – добросовестный крестьянин Степан Масько; Дружиловского общества – сельский старшина Григорий Валючик и сельский староста Емельян Шурхай; Радогощского общества – сельский старшина Григорий Марчук и смотритель магазина Григорий Лукашевич, причем покорнейше прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия об представлении упомянутых крестьян к награде». 7 ноября он же доносил: «Во вверенном мне стане из временнообязанных крестьян старшина Осовницкой волости Николай Кузьмич и тысяцкий м. Янова Яков Дорогокупец примерным поведением, ревностным исполнением своих обязанностей и преданностью к правительству, оказываемых ими во время настоящего события, особенно заслуживают награждения серебряной медалью «За усердие» в виде поощрения».

При награждении крестьян учитывалось также и выражение ими верноподданических чувств. Об этом свидетельствует письмо гродненского губернатора кобринскому военному начальнику от 7 марта 1864 года: «Государь Император по всеподданнейшему докладу министром внутренних дел всеподданических писем государственных крестьян Петровского, Головчицкого, Именинского, Брашевицкого, Бездежского, Мотольского, Дружиловского и и Рогодощского сельских обществ Кобринского уезда, Высочайше повелеть соизволил благодарить упомянутые общества за их верноподданические чувства. Вследствие сего предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить означенным крестьянским обществам о последовавшей им Монархией благодарности». На данном письме приписка получателя: «Писано мировым посредником с целью учета при награждении».

Часто при представлении к награждению, наряду с вышеотмеченными мотивами, учитывался и материальный ущерб, нанесенный крестьянам повстанцами. Так было в случае после подачи следующего прошения крестьянина д. Кристаново Ивана Свитыча на имя вышеупомянутого подпоручика Корчинского: «Шайка, сфор-

мированная из разбитков (так в тексте. – *В. Ч.*) мятежников, 2 июня месяца 1863 года, проходя через нашу деревню Гуту, причинила мне жестокие побои и забрала у меня лошадь с телегой стоимостью 75 руб. серебром... Покорнейше прошу об исходатайствовании для меня за убытки Всемиловейшего пособия».

После подавления восстания 1863 – 1864 годов награждение крестьян медалями «за содействие в борьбе с мятежниками» стало осуществляться на основании приговоров волостных сходов или приговоров общих сходов сельских мирских обществ.

Последние, со свойственной крестьянам осторожностью и скромностью, также не спешили с выдвижением односельчан к награждению. Достаточно типичным в этом отношении следует признать приговор общего схода 1865 года, в котором отмечалось, что «по рассмотрении именных списков крестьян, бывших в сельской страже, оказалось, что среди них нет таковых, которые бы находились в сей страже бессменно или же проявили особые отличия, так как в страже крестьяне находились по очереди и в соответствии с нарядом сельского правления». Отмечая сей факт, а также утверждая, исходя из вышесказанного, что «посему и крестьян, удостоившихся получения Высочайшей награды, то есть медали, в кругу крестьян нашего общества не имеется, кроме тех крестьян, ежели начальству будет угодно, которые в числе первых по наряду сельского правления находились в сельской страже беспрекословно и мужественно с 17 августа по 1 сентября 1863 года». К данному приговору прилагался именной список представляемых к награждению (по усмотрению начальства) лиц: Кирилл Мохначук, Иван Кевчун (д. Рогодоца); Мартин Чижик, Савва Марчук (селение Гневчицы); Лаврентий Кравчук, Платон Дубик, Федор Сацюта, Иван Сацюта (д. Крейтилина); Антон Жук, Самсон Усик, Михаил Комисарчук (д. Пигасово); Иван Яковлевич Новицкий, Иван Леонтьевич Новицкий, Николай Котчик (селение Бутово); Иван Незаконнорожденный (д. Белинка); Григорий Сукач (селение Вороцевичи); Иван Михник (д. Горбиха).

Что касается других местностей Кобринского уезда, то там при нахождении особо отличившихся и достойных награждения медалями крестьян трудностей не возникало. К примеру, в Дывинской волости Кобринского уезда по приговору волостного схода от 31 мая 1865 года среди таковых были названы: «1) Дывинский волостной старшина Емельян Анисимович Люлькович за то, что во время мятежа состоял в должности смотрителя Дывинского сельского запасного магазина, систематически сообщал находившемуся на квартирах в м. Дывине военному начальнику дознанные им сведения об имевших следовать через Дывинские леса мятежнических шайках и тем

способствовал войскам легко отыскивать их; 2) волостной писарь, отставной губернский секретарь Иван Антонов Игнатович за поимание в Дывинской мызе появившегося там польского мятежника по прозванию Тонкель, от коего будучи в опасности через требование мятежника выдачи ему фальшивого свидетельства на свободный проезд из Дывинской мызы в с. Мокраны, секретным способом дал знать через Дывинского крестьянина, квартировавшего в м. Дывин с отрядом войск, командиру 3-й роты 3-го стрелкового батальона капитану Пищемуку о необходимости взятия его. После того, как мятежник был схвачен и доставлен к капитану, он продолжал своими действиями по занимаемой должности способствовать должному порядку к усмирению мятежа; 3) сельский староста Дывинского общества Онисим Венедиктов Крачко чрез все время мятежа исполнял свою должность весьма ответственно, оказывая своей заботливостью исправную поставку подвод для войск, их расквартированию и препровождению через волость и вообще своими стараниями способствовал скорейшему преследованию мятежнических шаек; 4) поверенный Дывинского сельского общества Андрей Яковлев Свидунович довел до сведения военного начальника, квартировавшего в местечке, о том, что сын помещика имения Дывина Яглина имеет сношения с мятежниками и по распоряжению оного начальника был схвачен и доставлен к нему на той повозке, на коей имел отправиться к мятежникам. При освидетельствовании повозки и самого Яглина было найдено: в повозке – довольное количество белья и в оном два ружейных замка, а при Яглине – в карманах порох и несколько пистонов. Кроме указанного, Свидунович несколько раз отправлялся с отрядом войск по Дывинским и соседним лесам для преследования и указания мест, через которые имели намерение проходить шайки мятежников. По его, Свидуновича, указанию пойман 29 июля 1863 года имевший сношение с мятежниками помещик имения Новоселки Мысловский». Отличившихся же в карауле крестьян в этом приговоре названо не было.

Среди отличившихся во время мятежа крестьян Городецкой волости Кобринского уезда сходом от 20 июля 1865 года были упомянуты следующие крестьяне: Иван Черник и Борис Тунчик (за поимку и передачу начальству в 1863 году двух вооруженных лиц); Евсей Семчук, Максим Свирендюк, Михаил Совпель, Викентий Покалюк, Михаил Чертюк, Каленик Криштапюк, Иосиф Глинский, Степан Гилотюк («за аккуратное и точное исполнение распоряжений начальства во время мятежа 1863 – 1864 годов»).

В Антопольской волости Кобринского уезда приговором схода от 20 июля 1865 года были представлены к медали следующие кре-

стьяне: «1) волостной старшина Илья Федорович Кузьмич за то, что он состоял во время мятежа в сей должности, исполнял безвозмездно и в точности все правительственные распоряжения и несколько раз доносил начальству о появившихся в волости мятежниках; 2) старосты сельских обществ – Григорий Кузьмич, Андрей Семчук, Филипп Ковалевский, Иван Приступа, Федор Нестерук, Лукиан Кучима, Алексей Козека за то, что они находились при русских отрядах и указывали им местонахождение мятежников; 3) крестьяне-собственники, первыми в волости изъявившие желание быть в караулах, а именно – Дмитрий Рубанюк, Трофим Шумила, Антон Здзиловецкий, Григорий Игнатовский, Павел Нестерук, Евстафий Мисейко, Семен Кучима, Даниил Рубанюк, Сидор Батех, Сельвестр Гайдук, Григорий Мисейко, Федор Кучима».

Сход Сехновичской волости Кобринского уезда от 18 июля 1865 года представил к награждению следующих крестьян, отличившихся во время мятежа службой в сельских караулах: Житинского сельского общества – Ивана Демчука, Василия Комара, Григория Гута, Захария Калитука, Максима Соколовского; Степанцовского сельского общества – Киприана Хомича, Михаила Савчука, Самуила Китайну, Григория Савчука, Лукаша Магера, Тимофея Шороха, Тимофея Левчука, Матвея Сахарчука, Василия Марчука; Симоновичского сельского общества – Ивана Манаеюка, Антона Войцюка, Прокопия Волосюка, Якова Дубину; Сахновичского сельского общества – Романа Омелянюка, Льва Ярмощука; Матиевичского сельского общества – Игнатия Лиготу, Василия Савчука, Давида Самосюка, Никиту Волка; Багновичского сельского общества – Никиту Василюка; Соколовского сельского общества – Леонтия Бурку, Тимофея Морзко, Василия Петручика, Ивана Клышука и Григория Бартошука.

Козичская волость Кобринского уезда признала достойными получить медали крестьян: Наума Миронюка, Луку Юшко, Степана Кожушко, Тимофея Миронюка, Степана Тимошука, Мартина Карпея, Павла Косачука, Степана Григорика, Осипа Григорика, Феодосия Григорика, Феодосия Миронюка, Григория Парованюка, Данилу Григорика, Григория Мартыса, Степана Гонту, Василия Госполу, Игнатия Кивялько, Якова Бойко. Подолеская волость того же уезда представила к награде крестьян: Герасима Бондарука, Никиту Шишко, Мирона Данилюка, Степана Марчука, Льва Страчука, Тимофея Сахарука, Алексея Канюка, Федора Лобана, Артема Пovyчука, Степана Строчука, Демьяна Купеюка, Савву Бартошука, Илью Кубая, Семена Лукатука, Ивана Антоника, Федора Херхнюка, Степана Гиля, Никифора Давыдика, Якова Скакуна, Кирилла Кондращука, Ивана Кравчука, Андрея Конанчука, Якова Семеню-

ка, Михаила Тимощука, Клима Давидюка.

Из крестьян-собственников Прусковской волости по приговору схода были представлены к награде: Корнилий Ячник, Иван Баран, Игнат Бречко, Иван Марчук, Юлиан Денисюк, Денис Олешук, Афанасий Буцелюк, Нестор Бич, Лаврентий Новик, Василий Омельчук, Иван Шмерко, Яков Курило, Лукьян Кондратюк, Иван Кравчук, Тимофей Грицюк, Иван Батомах, Игнат Глинка. Характерно, что все эти крестьяне были в возрасте от 20 до 30 лет.

В числе крестьян Збириговской волости, «которые действительно отличились и заслуживают особого внимания за их усердную службу в сельских караулах и стражах», были названы по приговору схода: Бартюсь Шехнюк, Дорофей Пивель, Данила Никоваюк, Ануфрий Ремеслюк, Федор Кондратюк, Леон Киркун, Кузьма Пивоварчук, Роман Тарахачук, Алексей Юремук, Томаш Давелюк, Тимофей Кирилюк, Игнат Хведук, Василь Матвеюк, Клим Игнатюк, Харитон Осатюк, Захар Доменюк, Семен Ящук, Василь Хоредорук, Наум Рябук, Филимон Шурук, Балтромей Новик, Василь Ковальчук, Федор Книга, Павел Солодуха, Герасим Барсан, Артем Боханюк, Роман Михалюк, Андрей Даведюк, Михаил Хилимонюк, Николай Алексеюк, Ульян Мевентович. Всего 32 человека.

Весьма ответственно и осознанно подошли к составлению приговора о награждении участника Хведковичского волостного схода: «1865 года, июня 3-го дня. Мы, нижеподписавшиеся, должностные лица и выборные от 10 дворов каждого селения, собравшись сего числа на волостной сход, имели суждение о том, кого из крестьян нашей волости представить к награде медалями за караул во время мятежа, бывшего в 1863 году. Понимая важность поручаемой нам тогда обязанности, внимания и труда, которыми каждый из нас должен жертвовать в то трудное и опасное время разбоя и крамолы на защиту нашей родной, отечественной земли, где мы, неопытные в военном деле, обязаны были почти во всей точности нести долг действительного воина, в общем собрании присутствующих все единогласно приговорили: пусть наградят медалями тех, которые по своему старанию и внимательности оказались, по нашему мнению, достойными этой Высочайшей Его Императорского Величества милости. Крестьяне эти следующие: деревни Филипповичи – Андрей Оребчук, Юлиан Войтюк, Григорий Еремеев; деревни Щеглинка – Антоний Лукьянов, Игнатий Осипов, Андрей Потапов; деревни Перки – Артемий Сотинчук, Роман Галушка, Иван Канюк; деревни Буени – Трофим Павлов, Филимон Трофимов, Иов Николаев, Никита Сидоров; деревни Волковичи – Яков Дергач, Филипп Захарьев; деревни Рыкович – Герасим Кравчук, Яков Федо-

ров, Емельян Петров; селения Рогозны – Игнатий Федоров, Тимофей Григорьев, Данила Филипов, Юлиан Пруделюк; деревни Замошаны – Евтихий Потапов и деревни Хведковичи – Павел Панасюк и Григорий Гречанюк». Подписали приговор Хведковичский волостной старшина Федор Андреев и волостной писарь (подпись неразборчива. – В. Ч.).

Наиболее достойными к награждению от Озятской волости за службу в сельских караулах на сходе 3 июня 1865 года были названы крестьяне: Кирилл Мисеюк, Тимофей Михайлюк, Григорий Хотичев, Григорий Бурак, Иван Ячник, Сидор Манец, Иван Троза, Степан Плюнах, Прокоп Зинкевич, Иван Лобитуцек, Евдоким Королук, Михаил Протасюк, Иван Сидорук, Данила Демьянчук. Под приговором поставили подписи не только семь сельских старост, но и десять выборных от крестьян.

От Плоской волости Кобринского уезда «за побуждение ратников к свободному действию против мятежников и неустрашимость и усердие» были представлены крестьяне: Алексей Седлярук, Тихон Соколюк, Павел Шиманский, Кондрат Тимошук, Тихон Павлючик, Устим Вальский, Лукьян Богачук, Давид Зубчук, Гаврило Юшкевич, Иван Войтко, Павел Самосюк, Федор Оксенюк, Василий Степанюк.

От Залеской волости «за неустрашимость» были представлены к медалям: Василий Севернюк, Павел Осипчук, Емельян Лукашук, Онисим Якимук, Петр Кравчук, Симон Самонючек, Кондрат Прокопук, Степан Кирилук, Мартин Иванюк, Павел Карпук, Павел Семанюк, Оноприй Волосюк, Пантелей Каштан.

Достаточно подробную мотивацию к награждению своих земляков дали крестьяне-собственники Зиеловской волости. В «Именном списке» крестьян-собственников этой волости, «особо отличившихся своей бдительностью во время минувшего мятежа» 20 июля 1865 года, в числе первых было указано имя волостного старшины Михаила Белича за то, «что 18 июня 1863 года он донес о проходящих мятежниках через урочище Сосновок военному начальнику барону Фон-дер-Бринкену, а также за оказание содействия 27 апреля того же года российским войскам, следовавшим через имение Деревное, в поимании трех мятежников и исполнявшему в точности все правительственные распоряжения».

Вслед за Михаилом Беличем было названо имя сельского старосты Саввы Мизевича за то, «что 18 июня 1863 года он тайным образом следовал за мятежниками, проходившими через урочище Сосновок и имение Третьяки, а за прибытием войска сам отправился с ними, проводив его в имение Головчицы».

После волостного старшины и сельского старосты в списке представленных к награждению медалью были указаны крестьяне-собственники: Стефан Игнатюк и Роман Лагодюк за то, «что 27 апреля 1863 года донесли властям о проходящих через имение Дзядковичи мятежниках, поймали одного из них и передали его русскому войску»; Антон Алексеюк за то, «что дал знать о мятежниках волостному правлению, а также лично затем уведомил об этом командира войск, стоявших в то время в местечке Городце»; Игнат Борисюк, Нестор Гаврилюк и Клим Олихверчик за то, «что по своей рачительности они исполняли в точности все правительственные распоряжения, а также при осмотре лесов в 1863 году нашли там два ружья, два пистолета, которые и представили военному начальнику 3-го стана Кобринского уезда Щербакову при рапорте волостного правления от 17 октября 1863 года за № 113».

Приговор о вышеуказанном был принят с согласия 33 крестьян, присутствовавших на сходе, подписали его волостной старшина Михаил Белич, волостной писарь Василий Хомич, а также (за крестьян) мировой посредник 1-го участка Кобринского уезда лейб-гвардии подпоручик Николай Шепелев.

В Велявичской волости были представлены к награждению медалью «В память усмирения польского мятежа» крестьяне деревни Велявичи – Степан Тарасюк, Прокоп Охватюк, Данило Семенюк; деревни Сухичево – Василий Матюк; деревни Кублика – Андрей Климчук «За усердие и бдительность в сельских караулах». Среди отличившихся крестьян-собственников Мокранской волости были отмечены в качестве «отличившихся своею бдительностью в сельских караулах» Лукьян Столярчук, Антон Уласюк, Яков Пугач, Нестор Радеюк, Григорий Демьянюк. От Блотской волости были награждены крестьяне-собственники Степан Климук, Демьян Мельничук, Иван Куриенко, Федор Василюк, Яков Ливый, Мартын Марчук, Иван Кисько, Петр Суботка, Павел Гром, Сильвестр Деревнюк за то, что «во время минувшего мятежа воодушевляли крестьян, выставляли ратников и караулы, внушая им правительственные распоряжения, ведущие к сохранению спокойствия и порядка в крае, выставляли с поспешностью подводы для войск, преследовавших мятежников, и вообще своими примерными стараниями способствовали уничтожению мятежа. Что же касается последнего указанного в списке крестьянина, то Сильвестр Деревнюк отличился дополнительно еще и тем, что лично «поймал вооруженного мятежника».

В «Именном списке», утвержденном приговором Верхолеской волости, указано, что были представлены к награде крестьяне Алек-

сей Доманич, Арефа Калиновский, Данило Китель, Степан Крачко, Николай Харкович, Григорий Букач, Иван Никитюк, Поликарп Дорошук, Кузьма Ранда, а также выходец не из крестьян, бывший волостной писарь Рудольф Эльник за то, что более других воодушевлял крестьян не бояться мятежников, но чтобы ловили их где кто бы кого ни встречал, а также за сообщение в г. Кобрин военному начальнику о проходе шайки Нарбута через деревни Бельск и Дорошевичи и за неустрашимость их» [205].

Выше было рассмотрено лишь одно из «наградных дел» по Кобринскому уезду. А их, надо полагать, было составлено немало по всей Беларуси. Представление крестьян Гродненщины к медали за участие «в ликвидации полесского мятежа» является одним из убедительных доказательств наличия у них явно антиповстанческих настроений и желания стать на сторону правительства.

Судя по всему, в ту пору не принято было награждать посмертно тех крестьян и солдат, которые за верность правительству были повешены или расстреляны повстанцами. Между тем, таких людей было немало, в том числе и по Кобринскому уезду. Ознакомление с данной темой позволяет косвенно охарактеризовать и действия отдельных частей Брестского отряда, занимавшихся не только поимкой, но и казнью так называемых жандармов-вешателей из числа повстанцев.

Рассмотрение обозначенной темы уместно начать с распоряжения штаба 2-й пехотной дивизии (г. Белосток), отданного 24 июня 1863 года военному начальнику г. Кобрина и уезда: «Циркулярным предписанием командующего войсками в Гродненской губернии от 13 мая за № 1073 от Вашего Превосходительства требуется представление сведений о всех лицах, которые подверглись мщению инсургентов лишением жизни за преданность, высказанную правительству, с отметкою их званий, имени, состояний, если известно, то сообщите, за что именно казнены, какое оставили после себя семейство. Возврат и пол их, какие у них остались средства к жизни. С сего же момента прошу Вас поспешить в деле оказания помощи оставшимся после убиенных семействам из сумм, пожертвованных частными лицами».

В ответ на этот запрос уже 2 июля от кобринского военного начальника были отправлены по назначению сведения о жертвах повстанческих репрессий. Среди них значились: 1) Степан Макарчук (он же Мартынюк) – крестьянин д. Ветошки Кобринского уезда (27 лет); был повешен мятежниками 3 июня по подозрению в том, что бросал в проходивших через Ветошковский лес мятежников топор; после него остались жена Екатерина (24 лет), и сын Константин (5 недель)». Сам Макарчук принадлежал к числу временнообязан-

ных крестьян: «Означенный крестьянин имел приют при старшем брате Юлиане. Но как брат его, отлучившись на сплав дерева в Царство Польское, до сих пор еще не возвратился, то хозяйство пришло к упадку, тем более, что и брат оставил дома жену и двух малолетних детей. Чинша за землю по удельной грамоте назначено с него 37 руб. серебром в год»; 2) Семен Кузьмин – рядовой команды нестроевых 2-го разряда при Гродненском батальоне внутренней стражи, расстрелян, холост; 3) Иван Князев – рядовой, военнорабочий 51-й роты; 4) Григорий Ярмошук – старшина Новоселковской волости Кобринского уезда (он же Полетилло); 30 мая был повешен мятежниками за сделанный будто бы им донос военному начальству о приходе в село шайки мятежников; у последнего остались: дочь Евдокия (15 лет), жена умершего сына Матрена (30 лет) с детьми: Сидором (6 лет), Веремеем (12 лет) и Анастасией (3,5 лет), а также жена второго умершего сына Людвика с детьми: Меланией (4 лет) и Иваном (4-х месяцев); хозяйство после Ярмошука осталось весьма достаточное: хлеб в зернах, рогатый скот; чинша за землю по уставной грамоте назначено с него 33 руб. и 96 коп. серебром».

Передав указанную информацию в штаб 2-й пехотной дивизии, кобринский военный начальник, по-видимому, не проявил должной настойчивости в разыскании убийц означенных людей. В связи с этим в то же время был получен донос на означенного начальника. Последний представляет значительный интерес не только в отношении волостного старшины Ярмошука, но и действий российских войск и местных властей. Из доноса следовало: «Со времени объявления Кобринского уезда на военном положении, следовало полагать, что военное начальство предпримет все меры строгости по искоренению мятежа, но напротив: мятежники, пользуясь доброю военного начальства, не только усилились собраться в разбойничьи банды, но еще и начали истреблять безвинных людей смертными казнями, как это, между прочим, осуществили они над новоселковским волостным старшиной Григорием Ярмошуком.

Удивительно даже, для чего господин военный начальник вместо собирания сведений о семействе, оставшемся после того старшины, не принимает мер к открытию самих убийц. Открыть это очень легко, ибо все это осуществлялось следующим образом. Сказанный старшина, исполняя волю правительства, велел написать волостному писарю Задорновскому от себя военному начальству рапорт о том, что 25 мая проходила шайка инсургентов через Доропевицкие леса, имея направление через Новоселки, урочище Ор и прочее. Означенный писарь по отправлении сего рапорта куда следовало направил копию оной комиссару польского мятежа, поме-

щику Кохлевскому, бывшему мировому посреднику 4-го участка, который, имея сношение с мятежниками, и передал им таковую. Последние, прибыв в Новоселки и прочитав старшине Ярмошуку его же рапорт, повесили его.

В таком случае следует допросить казацкими пытками не только Кохлевского и Задорновского, но и родственника Кохлевского Домбровского, который вместе с двумя евреями Цуком и Рубином узнают, где расположены войска, и дадут знать об этом инсургентам. В Клетчицах у Кохлевского следует учинить строгий обыск, где можно найти много корреспонденции польских мятежников, оружие и проч.

Сие мое пояснение есть вполне справедливо, но подписать его я не решился, потому что, если начальство сделает названным мною убийцам снисхождение или укажет им сие письмо, то в таком случае меня ожидает то, что уже испытал старшина Ярмошук. 20 июля 1863 года. Новоселки».

Длинный донос, судя по всему, подтолкнул кобринского военного начальника к более активным действиям по отношению к повстанцам и их пособникам. Подтверждает это его рапорт командующему войсками Гродненской губернии от 21 сентября 1863 года: «19 сентября крестьяне деревни Гошеволали дали знать военному начальнику 4-го стана, что под утро через их деревню проходила партия мятежников в числе 15 человек и насильно увела с собой 2-х крестьян, бывших на заставе, и девку, что пасла в лесу волов. Узнав об этом, из м. Дрогичин тотчас же вышла 2-я рота по направлению к имению Ручьки. Не доходя до леса, прилегающего к означенному имению, данная рота встретила с отрядом под командой есаула 5-го Донского казачьего полка Евстратова, вышедшего из Пружанского уезда и уже несколько дней идущего по следам мятежников. Из этого отряда штабс-капитан Яблоневский, проходя лесом, напал на то место, где у мятежников был привал и где они, истязавши, умертвили двух крестьян из д. Гошево; девку же изнасиловали и отпустили; тела крестьян были еще теплы.

Оба отряда, разделившись на несколько частей, разошлись по лесу в нескольких направлениях в поисках преступников. 20-го числа банда, совершившая злодеяние, при преследовании рассеялась по одиночке, причем было поймано два мятежника – Петровский и Шкодзиньский. Последние вначале ни в чем не признавались, но после Петровский показал, что партия их в числе 12-ти человек под предводительством Синкевича проходила через имение Хомск помещицы Пусловской, где, выпив порядочное количество водки, они направились в сторону д. Гошево той же помещицы. Здесь они взя-

ли с собой двух крестьян, бывших на заставе, и девку, прогонявшую в то время волов, и увели их с собой в лес с той целью, чтобы те не дали знать об их появлении властям. После же они, Петровский со Шкодзинским, сильно опьянев, отстали от шайки и не были свидетелями злодеяния. Петровский был найден в кустах, около имения Ручьки, а вместе с ним – сын помещика Матукевича Павел, который по приказанию матери носил Петровскому сыр и хлеб. Кроме начальника, по показанию Петровского, шайку сию составляли следующие лица: какой-то Станислав (по фамилии неизвестный), Киселевский, Клепацкий, Семятович и Гринкевич; остальных же он знал лишь по вымышленным именам, которых он не помнит. По показаниям Петровского, все мелкие шайки, скитавшиеся до сих пор по лесам, имеют намерение собраться около Янова или Горок, ожидая к себе начальников Вислоуха и Врублевского.

Несколько человек взяты есаулом Евстратовым, которые с отрядом 20-го числа утром пошли в Пружанский уезд. Доношу также о том, что мною сразу же после получения сведений о злодействе над крестьянами выслан к месту происшествия уездный исправник. Сего дня утром я имел уже сведения, что строжайшее расследование уже началось. Желал бы и сам отправиться к месту произведенного 19 числа злодеяния, но вынужден оставаться в Кобрине из-за имеющегося в городе съезда помещиков для написания Всеподданнейшего письма Государю Императору. Однако смею Вас заверить, что уездный исправник и военный становой начальник по своей деятельности и усердию проведут данное расследование как должно».

Среди жертв повстанческих репрессий значились: 1) Михаил Луцко – крестьянин д. Гошево, православный, 26 лет; был повешен мятежниками 19 сентября 1863 года «за то, что находился на часах у заставы сей деревни; после него остались жена и малолетний сын; 2) Алексей Михнюк – крестьянин той же деревни, православный, 23 лет; был повешен по той же причине, после него осталась беременная жена».

Для поддержания потерпевших им были выданы гродненским губернатором следующие вознаграждения: семье Степана Макарука – 100 руб. серебром; семье Григория Ярмошука – 200 руб. серебром; семье Михаила Луцко – 200 руб. серебром; семье Алексея Михнюка – 200 руб. серебром. Небольшие суммы от 12 до 25 руб. были выданы потерпевшим семьям и от командующего войсками, расположенными в Гродненской губернии.

В этом же архивном деле имеются сведения о казненных повешением 5 октября 1863 года в г. Кобрине политических преступниках: Феликсе Петровском (из неутвержденных герольдией дво-

рянине); Феликсе Грушевском (крестьянине) и 3) Федоре Трофимчуке (крестьянине). Из конфирмации военного начальника г. Кобрина с уездом полковника Поля от 4 октября 1863 года над политическими преступниками Феликсом Петровским и Феликсом Грушевским следовало: «По рассмотрению мною военно-судного дела, произведенного в полевом уголовном суде в г. Кобрине, утвержденном над неутвержденным в дворянстве Гродненской губернии Сокольского уезда Феликсом Петровским и крестьянином Гродненской губернии Пружанского уезда деревни Лесковичи Феликсом Грушевским, по которому Петровский, пойманный с оружием в руках, по суду и собственному сознанию оказался виновным: 1) за нахождение в мятежных шайках, действовавших против русских войск; 2) за участие в убийстве двух крестьян начальником их шайки Синкевичем; 3) за то, что для свершения этого злодеяния он дал Синкевичу свой пояс, на котором и был повешен один из крестьян, привязанный к наклоненному дереву, которое он, Петровский, потом отпустил и 4) в изнасиловании крестьянской девки.

Крестьянин Грушевский, пойманный с оружием в руках, виновный 1) за нахождение в мятежных шайках, действовавших против русских войск; 2) за то, что был последнее время в шайке, которой были повешены и убиты два крестьянина и изнасилована крестьянская девка; 3) за произнесение при повешении крестьян слов «надо слушать начальника», в то время когда некоторые из мятежников говорили, что вешать их не нужно; 4) в необъявлении сделанного преступления, имев, по собственному показанию, время при совершаемом злодеянии уйти незамеченным и донести начальству; 5) в скрытии того же преступления при первоначальном своем показании, где объявлено им, что «грабежа и убийств ни над кем в бытность его в шайке не было».

За означенные преступления полевой уголовный суд приговорил казнить обоих преступников (на основании Свода военных постановлений и военно-уголовного устава, части 5-й, кн. 1-й, статей 174, 175, 196 и 387) «смертию расстрелянием». Данное решение суда военный начальник изменил в пользу того, чтобы казнить Петровского и Грушевского «смертью через повешение».

Из рапорта полковника Поля от 5 октября 1863 года на имя командующего войсками Виленского округа следовало: «По рассмотрении мною военно-судного дела, произведенного в полевом суде г. Кобрина, учрежденном над крестьянином Царства Польского Люблинской губернии Бяльского уезда Федором Трофимчуком, по которому я нашел его виновным: в нахождении более полугода в мятежнических шайках, действовавших против русских войск, при следовании же партии мятежников под предводительством Влодека в лесах Пинского уезда,

он, Трофимчук, участвовал в повешении отставного солдата тем, что при свершаемом злодеянии поднимал его за одну ногу.

Полевой уголовный суд приговорил за означенное преступление (на основании Свода военных постановлений и военно-уголовного устава, части 5-й, кн. 1-й, статей 174, 175, 196 и 387) «казнить Трофимчука смертию расстрелянием». Военный начальник г. Кобрина и уезда полковник Поль определил по своему: «казнить Трофимчука смертию повешением».

Приговор над Петровским, Грушевским и Трофимчуком был исполнен 5 октября 1863 года в 1 час ночи в г. Кобрине, на площади в конце Огородницкой улицы, при личном присутствии на казни полковника Поля [206].

В 1866 году по приказанию гродненского губернатора губернская канцелярия отправила Слонимскому военному начальнику 53 темно-бронзовые и две светло-бронзовые медали с лентами в память усмирения польского мятежа 1863 – 1864 годов и свидетельства на право ношения таковых для выдачи лицам разного звания Слонимского уезда. Среди награжденных были: коллежский асессор Кузьма Добочинский, купец Иван Борзов, наставник Езерницкого училища Осип Циторский, еврей местечка Дзенциол (Дятлово. – В. Ч.) Израиль Слуцкий; крестьяне Михаил Воцко, Федор Казакевич; еврей Шлема Леветтеин; колесовщики Осип Урбанович, Алексей Царапович, Осип Городко, Осип Целинский, Казимир Сосинский; крестьяне Иосиф Меселовский, Василий Стракович, Игнатий Самусик, Самуил Михальчик, Григорий Кленик, Иван Михальчик, Михаил Михальчик, Сергей Савицкий, Матвей Блицер, Михаил Данильчик, Викентий Лабинский, Василий Чистяков, Антон Книга, Павел Ахримович, Степан Семашко, Иван Кадлубовский, Викентий Малишевский, Иван Ляшевич, Петр Семашко, Иван Казаков, Фелик Фелиотович, Казимир Бучинский, Осип Берысцицкий, Осип Маевский, Войцех Босяцкий, Степан Игнатович, Юльян Бахур, Иван Ятчменя, Войцех Кулинич, Игнатий Шерко, Степан Шетович, Михаил Полонский, Алексей Трутко, Фома Превлоцкий, Иван Козмак, Яков Бусик, Иван Сенько, Иван Гарус, Антон Манцевич, Степан Лисовский; купец Алексей Алексеев, еврей г. Слонима Гера Шиманский и Порозовский.

В 1867 году «за добросовестное и ревностное выполнение своих прямых обязанностей и содействие успешному окончанию поверочных действий Слонимской землеустроительной комиссии» были награждены темно-бронзовой медалью в память усмирения в Западном крае мятежа 1863 – 1864 годов землемеры Петр Игнатьевич Абрамович, Николай Петрович Владимирский, Иван Дмитриевич Флеров, Михаил Васильевич Соколов, письмоводитель Вла-

димир Павлович Швецов [207].

После подавления восстания 1863 года Брестский и другие отряды, действовавшие против повстанцев на территории Гродненской губернии, были расформированы. Однако их боевая готовность поддерживалась на должном уровне, тем более, что военное положение в крае еще не было снято. Важным средством повышения боевой готовности войск было проведение инспекторских смотров войск. Об одном из них свидетельствует переписка военного начальника Кобринского уезда с различными инстанциями. Так, 29 декабря 1864 года командующий войсками Гродненской губернии (он же командир 3-й пехотной дивизии со штабом в г. Гродно) генерал-лейтенант Ганецкий предписал военному начальнику Кобринского уезда полковнику Полю (такие же предписания были посланы и в другие адреса) «произвести инспекторский смотр всем казачьим командам, расположенным во вверенном Вам уезде, и по исполнении сего донести мне подробно о найденном Вами при осмотре». Среди переписки на эту тему имеется рапорт командира Донского 5-го казачьего полка полковника Кирпичева от 4 января 1865 года (г. Кобрин): «Вследствие отзыва Вашего Высокоблагородия мною сделано распоряжение о представлении Вам на смотр нижних чинов 1-й сотни с прикомандированными к оной и состоящими при штабе вверенного мне полка, список который при сем препровождаю; при сем уведомляю, что нижние чины удовлетворены всем от казны довольствием сполна, и переписки по претензиям в полку не имеется».

Необходимо заметить, что полковник Кирпичев в это время находился в весьма подавленном состоянии из-за того, что полиция г. Кобрин проводила в отношении «убитой кобринской еврейки Леи Панчуковой лошадью командира Донского казачьего полка Кирпичева, вырвавшейся внезапно из конюшни» весьма неприятное для него следствие. Несмотря на то, что факт вины полковника не был установлен, этот трагический случай был последнему не по душе.

В 20-х числах декабря 1864 года в Кобринском уезде, как и по всей губернии, начались мероприятия по замене обременительной квартирной натуральной повинности (войсковый постой) на повинность денежную. Для правильного ее установления были созданы оценочные комиссии, в обязанность которым вменялась оценка обывательских домов и прочих городских недвижимых строений для определения процента, который должны были уплатить владельцам расквартированные в том или ином городе войска. Во главе комиссий были поставлены воинские начальники; в их состав вошли также представители войск, полиции и депутаты от городских дум и магистратов. Если плата за постой нижних чинов была срав-

нительно невысокой, то за расквартирование офицерского состава из казны выплачивались солидные суммы. Так, полному генералу и корпусному командиру была положена плата в 750 руб., генерал-лейтенанту и дивизионному начальнику – в 600 руб., генерал-майору – 500 руб., полковнику и командиру полка – 300 руб., полковникам, подполковникам и майорам – 200 руб., капитанам и штабс-капитанам – 100 руб., прочим офицерам – каждому по 60 руб. В указанную сумму входила и плата за отопление и освещение квартиры. Немалые деньги (75 руб.) уходили из Кобринского уездного казначейства и на наем помещения (пять комнат в доме дворянок Дзеконских в г. Кобрине по улице Брестской на время с 10 января по 20 февраля 1865 года) под местное рекрутское присутствие, осуществлявшее набор пополнения в войска.

Из отчета Кобринского военного начальника следовало, что на содержание политических арестантов (мятежников) за февраль-декабрь 1864 года им было получено из казначейства 600 руб.; на содержание сельских вооруженных караулов за 1863 год – 70 руб., на пополнение убытков, причиненных мятежниками крестьянам – 795 руб., на содержание временного военно-полицейского управления (канцелярские расходы и усиление канцелярии за август-декабрь 1864 года) – 781 руб.

Из сведений, подготовленных полковником Полем для жандармского управления, следовало, что во время восстания «в разное время в г. Кобрине было арестовано за участие в политических беспорядках до 300 человек. Из них участвовало в мятеже – 79 чел., были прикосновенны к политическим беспорядкам – 110 чел., состояло под надзором полиции на ответственных поручительствах – 81 чел., казнены смертью – повешением по моей конфирмации – 3 чел., лишены прав со ссылкой в каторжные работы и арестантские роты – 11 чел., высланы в Сибирь на поселения – 20 чел., в отдаленные места России – 5 чел., отправлены для водворения на прежние места жительства – 5 человек». Штрафами в 25 руб. серебром «за соращение в латинство православных» были наказаны несколько представителей местного римско-католического духовенства [208].

Несмотря на скудность гродненских архивных материалов, касающихся участия Брестского отряда в подавлении восстания 1863 года, они тем не менее открывают перед исследователями новые события и факты, существенным образом меняющие былые, чаще всего односторонние, представления о военной составляющей давно канувших в лету времен.

4.5. «...НЕС СЛУЖБУ С УСЕРДИЕМ И ЛЮБОВЬЮ...»

После выхода в свет книги В.Н. Черепицы «Гродненский православный некрополь» (2001 год), посвященной истории старинных городских захоронений и кладбищ, ко мне все чаще обращаются читатели с самыми разными вопросами, касающимися данной темы, а также с просьбами о помощи в разыскании могил своих родных и близких. Люди звонят и пишут в Гродно из мест близких и далеких, и всем им мне искренне хочется помочь в обретении утерянного. К сожалению, это не всегда удается сделать, однако любое общение с читателями на тему их родословной всегда обогащает, расширяет историко-краеведческий кругозор, вселяет надежду на то, что найдется та «ниточка», которая связывает поколения. Именно так и произошло в процессе оказания помощи москвичке Нине Николаевне Соколовой в отыскании последнего земного приюта ее деда – генерала Петра Степановича Евтина (в некоторых источниках Ефтина), много лет служившего в Гродно, доблестно сражавшегося на фронтах русско-японской и Первой мировой войн, а затем без вести пропавшего в круговороте драматических событий начала XX века.

Архивные материалы свидетельствуют, что род Евтиных (Ефтиных) – старинный, казачий. Из метрического свидетельства, выданного Тобольской духовной консисторией, следует, что сын хорунжего Степана Николаевича Евтина и его законной супруги Варвары Захаровны Павел родился 22 июня 1855 года в крепости Становой, где там же на следующий день был крещен священником местной Успенской церкви Владимиром Фениксовым. Восприемниками при этом были: сослуживец отца новорожденного – Иван Лукич Захаров и младшая сестра родителя – девица Александра Николаевна.

Мальчик рос крепким, здоровым и смелым, что во многом и определило его жизненный путь. Общее образование Павел получил в Сибирской военной гимназии в Акмолинске, а военное – в 3-м Александровском пехотном училище и Михайловском артиллерийском. После успешного окончания последнего он был произведен в подпоручики с назначением в 1-ю артиллерийскую бригаду. В октябре 1876 года он прибыл к месту службы в г. Маргелан и зачислен во 2-ю батарею. 26 декабря 1877 года в возрасте 22 лет он был произведен в поручики.

В 1877 – 1878 гг. Россия участвовала в войне с Турцией за освобождение южных славян. Молодой офицер, как и большинство его товарищей, рвался в действующую армию, но начальство его осаживало, дескать «успеешь, еще повоюешь, да и здесь неспокойно». С этим увещеванием Евтину пришлось согласиться. В Туркес-

тане (так в ту пору назывались Средняя Азия и Казахстан), а также в Западной Сибири П.С. Евтин прослужил почти двадцать лет, пройдя путь от командира подвижного взвода Туркменской артбригады до командира батареи в звании подполковника. При внешнем однообразии службы, в нелегких климатических условиях, офицер никогда не унывал, показывая тем самым положительный пример как подчиненным, так и членам своего года от года увеличивавшего семейства. Евтин принимал участие в боевых стычках с местными воинствующими племенами, с удовольствием ездил в небезопасные во всех отношениях командировки (в пределах Туркестанского военного округа и Западной Сибири) для «изучения коневых богатств и покупки ремонтных лошадей для своей артбригады». В обществе офицеров он пользовался уважением и доверием. Нелучайно Павел Степанович был постоянным избираемым членом суда общества офицеров, членом, а затем и председателем комиссии офицерского заемного капитала – важной формы армейской взаимопомощи. За этот период службы Евтин был награжден тремя орденами – св. Станислава 2-й и 3-й степеней и св. Анны 3-й степени, нагрудным знаком «За походы в Среднюю Азию (1855 – 1895)», а также серебряной медалью в память об императоре Александре III.

1 октября 1897 года подполковник П.С. Евтин был назначен командиром 8-й батареи 26-й артбригады, которая дислоцировалась в Гродно. Петр Степанович быстро подружился с сослуживцами, и его батарея вскоре стала одной из лучших в бригаде. Тем не менее ему не хватало былых просторов Туркестана, а потому он с большим удовольствием откликался на поручения начальства, связанные с покупкой лошадей для артиллерии Виленского военного округа. Жене же подполковника, Анне Павловне (дочери штаб-капитана Муравьева, уроженке Оренбургской губернии), в Гродно нравилось буквально все. Квартира, которую Евтины снимали на улице Полевой (ныне Карбышева. – *В. Ч.*) в доме Фалендорфа, была большой и удобной, кругом масса магазинов, рядом рынок и гимназия. При наличии четверых дочек (Мария, Варвара, Елена, Нина) и двух сыновей (Андрей и Николай) (оба родились в Гродно) этот факт для любящей матери был особенно важным. В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно хранится дело об определении в Гродненскую Мариинскую женскую гимназию сестер Марии (в 1904 году) и Елены (в 1905 году) Евтиных. В этом деле имеется также послужной список командира 8-й батареи 26-й артбригады подполковника, медицинская справка, подписанная старшим врачом 102-го Вятского пехотного полка Белецкого о том, что «Елена Евтина имеет на руках рубцы от прививок оспы» и что «никакими

болезнями, препятствующими поступлению в гимназию, она не страдает». Здесь же и прошение жены полковника П.С. Евтина – Анны Павловны от 17 апреля 1905 года на имя директора гимназии с просьбой об определении ее дочери Елены, 10 лет, в соответствующий класс для учебы. Девочек в гимназию, разумеется, приняли: директор гимназии А.М. Святухин, обнаружив полную готовность сестер к обучению, не преминул вежливо спросить: «Что пишет Павел Степанович?». Да и как не спросить, ведь еще совсем недавно жители города проводили на войну с Японией первый военный эшелон, а Евтины – главу семейства.

На перроне вокзала было многолюдно. Гремел военный оркестр, походные марши заглушали прощальные возгласы и рыдания. На платформах стояли зачехленные пушки, а из теплушек выглядывали люди в серых шинелях. Над вагонами неслось: «Взвейтесь, соколы, орлами...». На войну отправлялась 26-я артбригада, другие части гарнизона. Немало гродненцев провожало уезжавших. Как и Евтины, многие на вокзал пришли семьями. Был среди провожавших и невысокий мальчишка с вдумчивыми черными глазами. Он внимательно всматривался в лица людей, прислушивался к разговорам и время от времени о чем-то спрашивал отца, также служившего в 26-й артбригаде. Никто из присутствовавших и подумать не мог, что спустя сорок лет этот мальчик, а звали его Алексей Антонов, станет одним из организаторов сокрушительного разгрома японской армии. Конечно же, Антоновы и Евтины хорошо знали друг друга. Но никто из них не мог предвидеть своей будущей судьбы. Отец Алеши – Иннокентий Алексеевич накануне получил назначение командиром 6-й батареи 32-й артбригады, дислоцировавшейся в Остроге Волынской губернии, а сослуживец последнего Павел Степанович ехал со своей батареей на войну.

Воевал Евтин с японцами грамотно и умело. 3 февраля 1905 года он был произведен в полковники (как говорилось в приказе) за «боевые отличия». 26 июня он был назначен командиром 2-го дивизиона 26-й артбригады. Опытный боевой офицер, уже после окончания войны, в 1906 – 1907 годах, командировался в Петербург, в Главное артиллерийское управление для участия в работе комиссии по пересмотру проекта «Наставления для мобилизации пешей (артиллерии) действующей, резервной, запасной и парковой артиллерии», а также для рассмотрения вопроса «О размере отпуска ремонтных денег полевым и горным скорострельным батареям». К этому времени к прежним наградам офицера прибавились ордена – св. Анны 2-й степени, св. Владимира 4-й степени с мечами, бантом и золотое оружие с надписью «За храбрость» («За отличие в делах

с японцами»). 23 марта 1907 года он был удостоен чести ношения специального знака на головном уборе с надписью «За отличие в войне с японцами в 1904 и 1905 годах».

В 1907 – 1912 годах П.С. Евтин продолжал служить в Гродно, в 26-й артбригаде. 18 января 1908 года за боевые отличия он был навечно записан в списки родной 8-й батареи. 19 мая 1912 года «за отличия по службе» он был произведен в генерал-майоры с назначением командиром 41-й артбригады. С самого начала Первой мировой войны бригада, которой командовал П.С. Евтин, оказалась в районе ожесточенных боевых действий на Юго-Западном фронте. За отличие в боях под городом Люблиным (с 19 августа по 3 сентября 1914 года) он был награжден чином генерал-лейтенанта и представлен к ордену св. Георгия 4-й степени. Первым оценил героические действия П.С. Евтина генерал-лейтенант Ф.К. Язвин, считавший их настоящим подвигом. «Собрав и удостоверив обстоятельства, при которых был совершен этот подвиг, по долгу совести и службы я считаю справедливым просить..., – писал генерал вышестоящему командованию, – представить генерал-майора Евтина к награждению орденом св. Георгия 4-й степени». Свою оценку результатов боевой деятельности П.С. Евтина он выразил в следующих словах: «Пленные показывали, что действие нашей артиллерии было убийственно, оно буквально приковало их к окопам, артиллерия их была просто подавлена, что и заставило неприятеля сдаваться в плен, а прочих – поспешно отступить».

Существенно дополняли эти показания свидетельства других участников боев под Люблиным. Так, в рапорте командира 161-го пехотного Александропольского полка полковника В.С. Седова сообщалось, что «...благодаря энергичному руководству генералом-майором Евтиным тремя полками (Закатальским, Обоянским и Аварским с тремя батареями) попытки австрийцев овладеть г. Люблиным не только не увенчались успехом, но были обращены в полный разгром действовавшего на путях к Люблину австрийского корпуса и к потере ими множества трофеев в виде пленных, оружия и снаряжения».

Командир 164-го пехотного Закатальского полка генерал-майор К.К. Колен в своем рапорте также засвидетельствовал, что «генерал-майор Евтин, находясь под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, неоднократно как отдаваемыми распоряжениями, так и личным примером упорно продвигал вверенные ему части вперед. Несмотря на отчаянное сопротивление и яростные контратаки противника, он достиг того, что противник в течение ночи с 22 на 23 августа был выбит из рощи южнее д. Верцишево, а также и с высоты 120, с которой противник

далее держаться не смог и вынужден был оставить свои позиции». Этот же эпизод сослуживец П.С. Евтина генерал-майор Л.Г. Подгорецкий дополнял следующими фактами: «Под натиском наших войск противник отступил по всему фронту участка, а затем..., видя путь к отступлению отрезанным (огневой завесой), вышел из окопов, поднял руки кверху и сдался в плен (более 1000 чел.)».

1 июня 1915 года, в канун своего 60-летия, по представлению командующего 41-й пехотной дивизией генерал-майора В.П. Широкова и командира корпуса генерал-лейтенанта П.П. Климовского П.С. Евтин был награжден орденом св. Георгия 4-й степени «за то, командуя в бою 22 – 23 августа 1914 г. под Яблонной правым боевым участком 41-й пехотной дивизии в составе 164-го Аварского пехотного полка, энергично атаковал противника, овладел после упорного боя деревнями Верцишево и Оссово, благодаря чему сражение приняло решительный оборот в нашу пользу. В дальнейших боях 23–27 августа, объединив в своих руках управление четырьмя батареями 41-й артбригады и лично руководя их огнем с передового наблюдательного пункта..., он способствовал захвату нами укрепленной неприятельской позиции у поселка Быхова». Грамотным и решительным военачальником зарекомендовал себя генерал-лейтенант Евтин и в других сражениях. Подтверждением тому было награждение его орденом св. Анны 1-й степени с мечом.

26 мая 1916 года генерал-лейтенант П.С. Евтин был назначен инспектором артиллерии 45-го армейского корпуса. Его командир генерал от инфантерии П.А. Лайминг 5 ноября 1916 года характеризовал Евтина как «выдающегося боевого генерала, который как по своим личным качествам – спокойному мужеству и храбрости, так и по основательному знанию вообще военного и, в частности, специально-артиллерийского дела в полном объеме современных боевых требований обладает опытом командования самостоятельными отрядами. Несет службу с неутомимым усердием и любовью к делу, всегда проявляя должную инициативу. Труды и лишения походной жизни переносит легко. У подчиненных пользуется большим авторитетом. Соответствует занимаемой должности».

Данная боевая аттестация – последний из известных нам документов, свидетельствующий о ратных делах генерал-лейтенанта П.С. Евтина [209]. Как сложилась его дальнейшая служба и жизнь, нам, к сожалению, пока неизвестно.

Потомки мужественного воина все эти годы бережно хранили память о нем. Они и сегодня надеются на то, что им со временем станет все известно о последних днях жизни замечательного человека, о месте его упокоения.

4.6. ГРОДНЕНСКИЕ ОФИЦЕРЫ-ИСТОРИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Имя офицера 4-го саперно-пантонного батальона 171-го Кобринского пехотного полка Владимира Сергеевича Манассеина в начале XX века было хорошо известно гродненским любителям истории. Характерно, что в те годы интерес к прошлому Принеманского края проявляли не только учителя, врачи, чиновники, но и военные. По общему признанию специалистов-историков, В.С. Манассеин был в числе первых из них. Широкую популярность офицеру принесли его многочисленные публикации на темы военной истории, которые периодически публиковались на страницах «Гродненских Губернских Ведомостей», выходили отдельными изданиями. Читателей работ историка в погонах подкупала его глубокая эрудиция, прекрасное знание самых разнообразных источников, имеющих отношение к военным событиям, в разные годы протекавшим на Гродненщине, а также доступная форма изложения материала.

В своих исследованиях В.С. Манассеин не претендовал на традиционную научность, хотя некоторые методы научно-исторического исследования ему были известны. Отличительной особенностью работ была удивительная увлеченность темой, искреннее желание поделиться с гродненцами своими большими и малыми открытиями в области военной истории. Не будучи уроженцем Гродненщины, штабс-капитан Манассеин с первых же дней пребывания здесь полюбил эту землю, ее людей, а потому не жалел сил для раскрытия заповедных страниц ее прошлого.

В.С. Манассеин родился 20 июня 1878 года в семье потомственного дворянина Казанской губернии, который дослужился лишь до чина коллежского советника. Достаток этой семьи был достаточно скромным. Кроме небольшого имения и вместительного деревянного дома на окраине Казани, Манассеины никакой другой собственностью не владели. Видимо, по этой причине родители и решили «отправить сына по военной линии». В 1896 году по окончании Нижегородского кадетского корпуса он поступил в Николаевское военное инженерное училище в Петербурге. По завершении курса обучения Владимир Манассеин был произведен в подпоручики с назначением на службу в 4-й саперно-пантонный батальон 171-го Кобринского пехотного полка, дислоцировавшегося в ту пору в Гродно. По существовавшим в училище правилам он обязывался прослужить в частях инженерных войск по полтора года за каждый учебный год, проведенный в военно-учебном заведении. Данное обстоятельство не пугало молодого офицера: военная служба была

ему по душе, тяга же к новым местам буквально переполняла его, тем более, что служить ему предстояло в губернском городе над Неманом. Узнав про это, Владимир Манассеин обложился справочниками, энциклопедией, другими книгами, из которых можно было почерпнуть сведения о Гродно. К сожалению, таковых было совсем немного, если не считать исторического романа Всеволода Крестовского «Кровавый пух», посвященного событиям 1863 года на Гродненщине. Особенное впечатление на молодого офицера произвела глава романа-хроники «На Коложе».

В августе 1899 года после непродолжительного отпуска, проведенного у родителей в Казани, Манассеин прибыл к месту своей службы и был назначен заведующим унтер-офицерским классом в военно-телеграфной роте 4-го батальона. Одновременно на него были возложены обязанности делопроизводителя батальонного суда чести. Осенью 1901 года он был произведен в поручики с принятием под свое командование 3-й саперной роты. С мая 1903 года по декабрь 1904 года он являлся батальонным казначеем, членом суда общества офицеров, а также членом комиссии по офицерскому заемному капиталу. 15 декабря 1904 года В.С. Манассеин был принят в 1-ю саперную роту, а 1 октября 1905 года за выслугу лет произведен в штабс-капитаны. 4 января 1906 года он был награжден за успехи по службе орденом св. Станислава 3-й степени. Одним словом, служба у штабс-капитана Манассеина проходила достаточно ровно. В «Послужном списке штабс-капитана 4-го саперно-пантонного батальона Манассеина», составленном 14 января 1906 года, значилось, что в качестве командира роты он имел жалованье – 780 руб., столовых денег – 360 руб., квартирных – 284 руб. 25 коп. (итого 1424 рубля 25 коп.), что позволяло чувствовать себя достаточно обеспеченным человеком. В том же году он обвенчался с дочерью местного чиновника Лидией Ивановной Колжевской. Родители ее пожелали, чтобы молодые жили у них. Данное обстоятельство еще более привязало молодого офицера к Гродненщине. Благодаря обретенным родственным связям он быстро подружился со многими представителями местной интеллигенции, увлекавшейся историей края. Среди них были Е.Ф. Орловский, Д.М. Милютин, И.В. Корчинский, Л.М. Солоневич, И.О. Иодковский и др. Отражением этих творческих связей может служить труд Манассеина «Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении за первые сто лет ее существования» (Гродно, 1902 год), подаренный в 1907 году гродненскому историку и археологу И.О. Иодковскому с дарственной надписью автора: «Многоуважаемому Иосифу Осиповичу Иодковскому на добрую память от В.С.Манассеина. 4 апреля 1907 г.».

Отличительной особенностью этого труда по сравнению с книгами Е.Ф. Орловского и Л.М. Солоневича, также посвященных истории Гродненской губернии, было более пристальное внимание к военно-политическим вопросам. С традиционных для тогдашней историографии позиций молодой историк сосредоточивал внимание на военных действиях повстанцев и правительственных войск в 1830 – 1831 годах, на характере общественно-политического положения на Гродненщине в 30 – 50-е годы XIX века. Благодаря доступу автора к архивным материалам Гродненского губернского управления и Виленского военного округа, страницы данной работы, посвященные восстанию 1863 года, характеристике графа М.Н. Муравьева, руководителей восстания К. Калиновского, С. Сераковского и других читались с особым интересом. Много внимания уделялось в работе мерам, принимаемым властями по восстановлению в губернии мирной жизни в послеповстанческий период. Как военный человек, автор достаточно подробно анализировал политику царского правительства на территории губернии в годы правления императоров Александра III и Николая II. В книге впервые получило освещение участие последнего российского императора в крупнейших военных маневрах, проходивших в 1897 году на Гродненщине.

По оценке современников, такой труд вряд ли стал бы возможным, если бы не предшествующие исследования офицера-историка и краеведа («Петр I и Карл XII под Гродно в походе 1706 года», «Крестьянский вопрос в Гродненской губернии в XIX столетии», «Освобождение крестьян в литовских губерниях» и др.), увидевшие свет в 1901 – 1902 годах. Их названия говорят сами за себя, и они значительно расширили представления исследователей о данной исторической проблематике. Остается удивляться тому, как много успел сделать этот неординарный человек, совмещая военную службу и занятия историей. В 1907 году штабс-капитан В.С. Манассеин с семьей покинул город на Немане в связи с переводом в другую воинскую часть [179]. Как сложилась его дальнейшая военная служба и исследовательская деятельность, нам еще предстоит открыть.

Широкой известностью среди гродненцев пользовался и офицер-артиллерист Ольгерд Владиславович Пожерский. Родился он 8 декабря 1880 года в г. Курске в семье потомственного дворянина Виленской губернии, поручика российской армии, участника русско-турецкой войны Владислава-Леона Феликсовича Пожерского. К послужному списку будущего военного историка Ольгерда Пожерского, хранящемуся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве, приложена копия метрической выписки из книги Виленского римско-католического приходского костела

Св. Духа следующего содержания: «1881 года, июня 7 дня в Виленском костеле Ярославом Россинским с совершением всех обрядов таинства. Поименованный в сей выписи младенец Ольгерд, родившийся в декабре 1880 года в г. Курске, происходит от законных супругов – поручика 31-й дивизии Козловского полка Владислава-Леона и Луции (из Мисевичей) Пожерских. Восприемниками были: коллежский советник Петр Лею с Каролиной Мисевич – девицею».

Мечтая быть, как и отец, офицером, Ольгерд Пожерский поступил в Полоцкий кадетский корпус. Ко времени обучения в корпусе относится приложенная к вышеуказанному послужному списку подписка: «Я, нижеподписавшийся, даю эту подписку в том, что в случае, если мой сын Ольгерд Пожерский по определению в Полоцкий кадетский корпус будет подлежать по какому-либо случаю или по распоряжению начальства заведения, увольнению из оногo, то я обязуюсь его немедленно взять из заведения на свое попечение. Октября 12 дня 1890 года, г. Курск. Штабс-капитан 123-го пехотного Козловского полка Владислав Феликсович Пожерский». Там же имеется и копия свидетельства: «По Указу Его Императорского Величества дано сие вследствие резолюции, состоявшейся в Виленском дворянском депутатском собрании 12 июня 1891 г., дворянину Ольгерду Владиславу-Леонову Пожерскому в том, что он, Пожерский, родившийся 8 декабря 1880 г., утвержден в потомственном дворянском достоинстве Указом правительствующего Сената по департаменту Герольдии от 9 октября 1889 года за № 4704 со внесением в третью часть родословной книги дворян Виленской губернии, в чем настоящее свидетельство надлежащей подписью и приложением казенной печати утверждается. Гербовый сбор уплачен. Г. Вильна. Июня 12 дня 1891 г. Исполняющий дела губернского, Трокский уездный председатель дворянства Пейкер, секретарь Подерня и столоничальник Ф. Дунай».

После окончания Полоцкого кадетского корпуса Ольгерд Пожерский учился в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге, которое окончил с произведением в подпоручики и назначением на службу в 26-ю артиллерийскую бригаду, дислоцированную издавна в губернском городе Гродно. В сентябре 1900 года молодой офицер прибыл в бригаду и был зачислен во 2-ю батарею с назначением учителем в бригадную учебную команду. Став вскоре делопроизводителем батареи, он испортил свое зрение, что грозило ему в ту пору увольнением из армии, но специальная инспекция приняла прошение молодого офицера «об оставлении его на службе с правом ношения очков». Разрешение он получил в июне 1902 года. Получив в конце 1902 – начале 1903 года 18-дневный

отпуск, подпоручик Пожерский полностью посвятил его улаживанию своей семейной жизни. В январе 1903 года он попросил «руку и сердца» дочери отставного майора девицы Софии Петровской, римско-католического вероисповедания, дворянки Гродненской губернии. От этого брака у Пожерских было два сына.

Осенью 1903 года поручик Пожерский был командирован в Двинский артиллерийский склад для приема скорострельных пушек для 4-й батареи, куда был переведен для дальнейшего прохождения службы в должности делопроизводителя.

В составе 26-й артбригады поручик Ольгерд Пожерский принимал участие в русско-японской войне 1904 – 1905 годов. Батареи бригады проявили здесь себя с самой лучшей стороны, но были у них и потери в личном составе. Так, только у деревни Уй-Пюнин были убиты: штабс-капитан Н.Н. Лепешинский, подпоручик Е.К. Шпигель, прапорщик В.И. Земит, нижние чины И.В. Терентьев, С.И. Томко, Г.Д. Попов, К.С. Дорофеев, П.П. Кудрявцев, Н.Ф. Андрейчик, К.И. Урих и др. Их имена после войны были запечатлены на мемориальных досках, установленных в Гродненской Свято-Покровской гарнизонной церкви. Что касается Пожерского, то его, несмотря на участие в ряде походов и сражений, судьба берегла: он в Маньчжурии не был ни ранен, ни контужен. Впрочем, одна неприятность коснулась и его. Будучи направлен 3 февраля 1905 года командиром 4-й батареи в штаб 1-й Маньчжурской армии в деревню Хуальжань, он, переезжая вечером через перевал, сорвался с горы вместе с лошадью и двуколкой в глубокий обрыв. Лошадь погибла, а офицер потерял сознание. Проезжавшие мимо казаки вытащили его наверх и доставили на бивак. Несмотря на массу ушибов и кровоподтеков, затруднительное и болезненное хождение, офицер отказался от госпитализации и остался в строю. За отличие в боях против японцев поручик Пожерский был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После окончания войны и возвращения артбригады в Гродно Пожерский был переведен из 4-й батареи в управление бригады и назначен бригадным казначеем. В эту пору у офицера возникла потребность на основании своего фронтового дневника и других источников запечатлеть боевой путь 26-й артбригады в годы русско-японской войны. Эта задумка была поддержана командиром бригады, и в результате в 1910 году в Гродненской губернской типографии был напечатан первый труд Пожерского «26-я артбригада в войну с Японией в 1904 – 1905 годах». Эта работа была положительно воспринята сослуживцами и общественностью города. Ус-

пех открыл офицера-артиллериста, и в течение трех последующих лет из-под его пера вышли в свет еще три книги: «Шведская война 1808 – 1809 годов и участие в ней 4-й и 5-й батареями 26-й артбригады» (Гродно, 1912); «Краткая история батареями 26-й артбригады в 1806 – 1813 годы» (Гродно, 1913) и «26-я артбригада в русско-турецкую войну 1877 – 1878 годов» (Гродно, 1914). Последний труд – самый большой по объему (более 90 страниц) – увидел свет буквально накануне Первой мировой войны, в которой автор ее принял самое активное участие. Все известные нам труды Ольгерда Пожерского представляют библиографическую редкость и высоко оцениваются специалистами.

Из «Списка по старшинству генералам, штабс- и обер-офицерам 26-й артиллерийской бригады» следует, что О.В. Пожерский «23 июня 1914 года был произведен в капитаны, а 12 апреля 1915 года переведен во 2-ю артбригаду». Из «Списка по старшинству» уже этой бригады нам известно, что капитан Ольгерд Пожерский, командир 6-й батареи с 6 ноября 1915 года, был произведен в подполковники 22 мая 1916 года, в полковники – 2 августа 1917 г. Воевал с неприятелем мужественно и умело, за что был награжден орденами св. Анны 2-й степени с мечами (25.05.1915 г.) и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (04.07.1915 г.). Как сложился в дальнейшем боевой и жизненный путь этого офицера-историка, нам пока неизвестно. Сегодня вспомнить о штабс-капитане В.С. Манассеине и полковнике О.В. Пожерском – наш святой долг [210].

4.7. УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В СБОРЕ ПОЖЕРТВОВАНИЙ НА НУЖДЫ ЮЖНЫХ СЛАВЯН И УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ГЕРОЕВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 ГОДОВ

О сочувственном отношении жителей Гродненской губернии к освободительному движению на Балканах в 70-е годы XIX века, о благотворительной и попечительской деятельности местного православного духовенства по отношению к больным и раненым российским воинам – участникам войны с Турцией в 1877 – 1878 годах уже сообщалось автором этих строк в ряде научных публикаций [211]. Обнаруженные недавно в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно материалы убедительно свидетельствуют о том, что среди жертвователей на нужды южных славян и на помощь русским воинам, потерпевшим в годы войны, было немало и крестьян Гродненской губернии.

Отношение гродненских крестьян к русско-турецкой войне формировалось на основе переплетения в их сознании одновременно трех чувств (патриотического, национального и религиозного). В силу специфики этой войны как борьбы с «басурманами» конфессиональное чувство играло наиболее существенную роль в отношении крестьян к войне. Факты пожертвований крестьян, их поддержка борьбы южных славян за освобождение от османского ига говорят об осознании ими общности интересов славян в целом [212]. Благотворительность гродненцев по отношению к братьям-славянам проявлялась не только в период зарождения восточного кризиса в годы русско-турецкой войны, но и спустя годы после ее окончания. 1880-й год был временем наивысшей общественной активности жителей Гродненщины, направленной на святая святых православных христиан – увековечение памяти русских воинов, павших за освобождение южных славян от турецкого владычества.

О чем же конкретно рассказали найденные в архиве материалы?

1 августа 1877 года Санкт-Петербургский Славянский благотворительный комитет (в лице его председателя профессора-историка К.Н. Бестужева-Рюмина) препроводил с разрешения министра внутренних дел к гродненскому губернатору А.Е. Зурову соответствующие приглашения к сбору пожертвований «в пользу задунайских славян». К этим приглашениям были приложены типовые бланки подписных листов двух видов. Один из них, подписанный бывшим председателем Славянского комитета И. Корниловым и секретарем И. Янкулио (датированный 3 марта 1876 года), графически состоял из трех частей: в верхней части имелось изображение Иисуса Христа со словами «Господи, Благослови!», затем шел текст обращения комитета к жертвователям, начинающийся словами: «С.-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. Подписной лист для сбора пожертвований в пользу православных славянских семейств, пострадавших в Боснии и Герцеговине». В колонке слева помещался текст с описанием перенесенных южными славянами бедствий и несчастий; справа – место для записи имен и фамилий жертвователей, а также пожертвованной суммы в рублях и копейках. Вторым вариантом подписного листа (за подписью уже нового председателя славянского комитета К.Н. Бестужева-Рюмина) отличался изображением в верхней части не Иисуса Христа, а Святых славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В полученном в Гродно пакете имелся и устав Славянского благотворительного комитета за 1877 год.

В сопроводительном письме просьба к губернатору о рассылке подписных листов по всем волостям Гродненской губернии. Привыкшая к такого рода просьбам, губернская канцелярия выслала в волости вместе с подписными листами и соответствующее предписание, «чтобы собранные деньги через уездных предводителей

дворянства вместе с подписными листами отправлялись сразу же в адрес Славянского комитета». Наверное, с реализацией данного предписания не возникло бы особых трудностей, если бы не одно НО. Дело в том, что уже на следующий день после отсылки из Славянского комитета в Гродно вышеуказанного пакета недавно назначенный на должность министра внутренних дел А.Е. Тимашев сам вознамерился отправить во все губернии империи собственноручные разъяснения по отношению к благородной акции, задуманной общественностью. В отправленных по всей России письмах, в частности, говорилось: «Со своей стороны, я не нахожу препятствий для рассылки воззваний названного общества по волостям, с тем лишь условием, чтобы при передаче подписных листов было внушено волостным старшинам, что сборам этим отнюдь не должно быть придано принудительного характера и чтобы собранные деньги препровождались в общество не непосредственно волостными правлениями, а теми учреждениями или лицами, на которых губернаторам угодно будет сие возложить».

Гродненский губернатор А.Е. Зуров так и поступил, посетовав лишь среди ближайшего окружения на «нелепость» министерской поправки. Впрочем, в деятельности бывшего начальника «третьего отделения», стремительно ставшего министром, это были еще «цветочки». Зная о стремлении славянских комитетов действовать независимо от правительственного курса по балканскому вопросу, об их критическом отношении к официальной внешней политике, А.Е. Тимашев установил тотальную слежку за их деятельностью. Как свидетельствуют архивные документы, крестьяне с пониманием отнеслись к инициативе Славянского комитета, но впоследствии, под воздействием министерского напоминания волостным старшинам о недопущении принуждения, стали относиться к сдаче своих копеечных пожертвований с позиций того, что, дескать, высшее начальство «в этом деле как-то непонятно мудрствует».

5 ноября 1877 года, после небольшой «раскачки», собрало и переслало 17 руб. «в пользу славян Балканского полуострова» Чемерское волостное правление Слонимского уезда. Это был первый в Гродненской губернии взнос для отсылки в Петербург в Славянский комитет. Затем новых пожертвований не поступало. Наступившее затишье в благородном деле лишь через два месяца нарушили крестьяне Завыновской волости Волковысского уезда, переславшие в феврале 1878 года в пользу южных славян 20 руб. 60 коп. Тогда же поступил и взнос в 9 руб. 93 коп. от крестьян Кобринского уезда.

В связи со слабыми поступлениями пожертвований не только из Гродненской, но и из других губерний России, председатель Славянского комитета К.Н. Бестужев-Рюмин в своем письме от 17 сентября 1880 года был вынужден просить у гродненского губер-

натора о «признании возможным предложить волостным старшинам вверенной Вам губернии, не возвративших почему-либо полученных ими подписных листов сбора пожертвований, ускорить высылку оных в Петербургский Славянский благотворительный комитет вместе с собранными по тем местам деньгами». После губернаторского циркуляра на сей счет волостные правления активизировали сбор пожертвований, полагая, что «недоумения в этом деле сняты». Более всего денег было собрано крестьянами Гродненского (223 руб. 6 коп.), Кобринского (145 руб. 37 коп.), Бельского (115 руб. 30 коп.) и Пружанского (103 руб. 43 коп.) уездов. Дабы показать пример другим, жертвователями выступали и частные лица. Так, гродненский полицмейстер переслал в адрес Славянского комитета 40 руб. 10 коп., чиновник губернского правления М.Я. Стояновский – 30 руб. 35 коп., а протоиерей Гродненского Софийского собора Алексей Опоцкий – 25 руб. Что касается волостных старшин других уездов губернии, то они продолжали отмалчиваться или ссылаться на то, что «со стороны крестьян пожертвований не последовало». Некоторые из них были более прямолинейны, сообщали начальству о том, что «крестьяне волости от пожертвований на сей предмет отказались». И лишь некоторые волостные старшины попытались объяснить причины незначительного поступления средств в пользу южных славян. Так, волостной старшина села Залесье Кобринского уезда Никифор Марчик оправдывал пассивность местных крестьян тем, что, «начиная с 1877 года, сбор пожертвований на разные нужды в их местности осуществлялся уже многократно». Крестьяне же Заблудовской волости Белостокского уезда жаловались на безденежье по причине пяти пожаров, истребивших сельские строения ближайших деревень Островки, Сесыки, Пасынки, Рафоловичи, Бобровой и др. Еще более прямолинейным был Иван Марлечко из села Сухополье Пружанского уезда, сообщивший в губернское правление о том, что «крестьяне отказываются жертвовать, потому что им сказано было сверху о недопустимости по отношению к ним принуждения по стороны местной власти».

Между тем, несмотря на двусмысленное толкование обращения Славянского комитета, сбор денежных средств среди крестьян Гродненской губернии продолжался. Только в течение первой половины октября 1880 года в пользу южных славян по разным адресам (в губернскую канцелярию, на имя губернатора) было выслано: от Пасынковского волостного правления Бельского уезда – 15 руб. 49,5 коп.; из волостей того же уезда: Шидловской – 64 руб. 85 коп., Райской – 55 руб. 25 коп., Самаровичской – 44 руб. 9 коп., Павловской – 12 руб. 97 коп., Клениковской – 10 руб. 3 коп., Мелешевской – 6 руб., а из Обрубниковской и Кринянской волостей Белостокского

уезда, соответственно, – 1 и 10 руб. Среди волостных старшин Бельского уезда наибольшую активность в сборе пожертвований проявлял крестьянин Иван Кучка. От волостного же старшины Дубненской волости Гродненского уезда Матвея Янковского не поступило ни одной копейки. В оправдание своей бездельности он написал в губернское правление следующее: «Несмотря на неоднократное приглашение к крестьянам на сельских и волостных сходах, никто из них пожертвовать в пользу задунайских славян желания не изъявил». В это же время из соседних волостей того же уезда в пользу славян поступило: из Скиделя – 14 руб. 65 коп., Жидомли – 11 руб. 82 коп., Горностаевич – 10 руб., Лаши – 8 руб. 30 коп., Гудзевич – 11 руб. 35,5 коп., Шерешева (Пружанского уезда) – 2 руб. 75 коп.; крестьянами же из Лыскова, Шимковичей, Вильчуков, Юшкова и Кременца (Волковысского уезда) была собрана сумма в 2 руб. 99 коп. В Зельзинском волостном правлении этого же уезда собирали пожертвования по 3 коп. с каждого с 290 дворов, таким образом было собрано 8 руб. 70 коп. Буквально по копейкам собирали на нужды славян и в других волостях. В течение осени 1880 года было получено: из Хорощан (Белостокский уезд) – 5 руб., Боркинского (Слонимского уезда) – 5 руб. 15 коп., Тарнапольского (Волковысского уезда) – 4 руб. 45 коп., Безденежского (Кобринского уезда) – 4 руб., Свислочского (Волковысского уезда) – 2 руб. 50 коп., Озятского (Кобринского уезда) – 2 руб., Рогачского (Брестского уезда) – 1 руб. 35 коп., Дружиловского (Кобринского уезда) – 40 коп.

Весьма своеобразно отреагировали крестьяне на просьбу Славянского комитета о возвращении обратно в Петербург неиспользованных подписных листов. Большинство волостных старшин оправдывались за непоступление пожертвований и неотправку подписных листов тем, что «последние оказались утерянными». И только одно Подоросское волостное правление Волковысского уезда (волостной писарь Францев) возвратило в канцелярию губернатора незаполненный подписной лист, да и тот, как потом выяснилось, относился к документам, которые поступали из Славянского комитета еще в 1876 году, т.е. задолго до обращения к крестьянству К.Н. Бестужева-Рюмина.

Об итоговом размере благотворительной помощи гродненских крестьян южным славянам в упомянутый период сведения отсутствуют. Судить о нем можно лишь по тем отрывочным сведениям, которые сохранились в архиве. Например, известно, что на 16 октября 1877 года от волостных правлений в адрес губернского казначейства поступило 681 руб. 49 коп., а на имя губернатора Зурова – 343 руб. 51 коп. Итого – 1025 руб. Имеется документ и о том, что и начальник губернии не стоял в стороне от благородного дела. Так, 18 февраля 1881 года председатель Славянского комитета К.Н. Бестужев-Рюмин благодарил его за доставку от себя лично в пользу

южных славян 64 руб. 45 коп. Симпатии А.Е. Зурова к славянам, его стремление повлиять на крестьян были достаточно очевидны. Об этом свидетельствуют и строки одного из его обращений к вошедшему старшинам губернии: «Ввиду того, что крестьяне в минувшем году сочувственно отнеслись к делу о помощи славянам Балканского полуострова, я твердо убежден, что они тем более охотно принесут посильную лепту для оказания помощи больным и раненым родной армии, сражавшимся за великое и святое дело освобождения единоверных нам христиан» [213].

На фоне активного сбора пожертвований со стороны православных крестьян Гродненской губернии крестьяне-католики чаще всего отказывались от участия в этих благотворительных акциях, мотивируя это тем, что «Россия, защищая сербов и других славян, обязана была бы прежде всего избавить поляков от своего гнета». В такого рода высказываниях власти отмечали зависимость этих крестьян от местных польских помещиков и католического духовенства, рассчитывавших вместе с польской эмиграцией на организацию в связи с началом русско-турецкой войны нового восстания в Польше, Литве и Беларуси. Разговоры и всевозможные слухи на эту тему на Гродненщине не могли не оказать негативного воздействия и на крестьян православного вероисповедания [214]. И тем не менее благотворительность гродненцев в указанный период нашла выражение как в сборе пожертвований, так и в увековечении памяти русских воинов, павших за освобождение южных славян от османского ига. В фондах канцелярии гродненского губернатора хранится дело № 165 «О сборе пожертвований на постройку церкви у подножия Балкан. Начато 6 июля 1880 года. Окончено 22 ноября 1888 года», состоящее из 406 листов.

Начинается дело с письма виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, а в годы русско-турецкой войны героя и руководителя осады Плевны Э.И. Тотлебена от 4 июля 1880 года на имя гродненского губернатора. В его письме, полученном в Гродно 6 июля (отсюда и датировка дела), в частности, говорилось: «25 апреля текущего года составился в С.-Петербурге с Высочайшего соизволения комитет для постройки храма у подножия Балкан, близ Шипки, для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877 – 1878 годов. Ныне комитет, приступая к своей деятельности, просит моего содействия к сбору пожертвований на постройку сказанного храма. Для приведения в исполнение этого патриотического дела имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство оказать просвещенное Ваше содействие к открытию в пределах Гродненской губернии сбора пожертвований на построение православного храма у подножия Балкан. Собранные деньги благоволите отправлять в сказанный комитет, находящийся в С.-Петербурге».

Уже 8 июля исполняющий обязанности губернатора управляющий казенной палатой О.Ф. Отт разослал всем уездным исправникам и полицмейстерам предписания о начале сбора средств на данное благое дело (по подписке) и об отправке поступивших денег в его адрес «для отсылки их по принадлежности».

11 июля 1880 года председатель «Комитета по сооружению православного храма у подножия Балкан – для вечного поминовения воинов, павших в войну 1877 – 1878 годов» – П. Васильчиков в своем письме губернатору вместе с просьбой о содействии в храмостроительстве выслал в его адрес и 1 экземпляр подписного листа № 3802, в котором помещалось обращение комитета ко всем жителям России. В последнем кратко и доходчиво объяснялось величие подвига русского воинства на Балканах, где он помещался в «один ряд с Отечественной войной 1812 года и славной защитой Севастополя», также говорилось о необходимости достойно почтить память героев, павших «за достоинство Отечества и веру братьев (между тем, как доселе, над местами вечного упокоения их большей частью возвышаются лишь одни простые земляные насыпи, которые украшены деревянными крестами, уже клонящимися долу)». Отмечалось, что «естественное требование русского сердца» построить на Шипке православный храм получило полное одобрение императора Александра II, разрешившего открыть повсеместный сбор пожертвований на эти цели. Благостность организуемого дела объяснялась тем, что «в храме, предложенном к сооружению, будет совершаться ежедневное, на вечные времена, поминовение по всем положившим живот свой на поле брани в Болгарии и Восточной Румыны, будут возноситься молитвы за всех, потрудившихся святому делу освобождения христиан...». Заканчивалось обращение выражением уверенности комитета, что «без сомнения, многомиллионная Русь откликнется на настоящий призыв и поспешит принести свои скромные лепты на сооружение храма, который останется до окончания века памятником ея славы и ея Веры».

Особенно близко к сердцу призыв комитета приняло гродненское духовенство. 14 июля епископ Брестский, викарий Литовской епархии Донат сообщал губернатору о том, что «приглашение духовенства к жертвованиям на сооружение храма у подножья Балкан напечатано в 27-м номере «Литовских Епархиальных Ведомостей» и что понимание нужности этого святого дела уже обнаружилось у многих православных людей». Под этим письмом стояла подпись: «Усердный богомолец и слуга, епископ Донат». 29 июля 1880 года первый взнос на строительство храма поступил в канцелярию губернатора от председателя съезда мировых судей Гродненского округа Ф.Ц. – в размере 15 руб. 31 июля туда же были «препровождены» и 6 руб. 45 коп., собранные по подписке членами Гродненской телеграфной станции.

3-го августа были высланы в Гродно 48 руб., собранные Брестским полицмейстером Малевичем. 14 августа начальник V отделения IX округа переслал на памятник 7 руб. 23 августа в Гродно поступило 7 руб. 53 коп. от чинов Белостокской уездной почтовой конторы. В их числе были служащие К. Петров, Н. Романович, Н. Троцкий, И. Покровский, П. Смирнов, А. Филиппович, В. Бекарский, И. Гранов, О. Недзвецкий, И. Мороз, Я. Стецкий, Ю. Гацкевич, М. Рябцов, Н. Антоник, А. Ярошевич, Ф. Ступницкий и др. 28 августа чиновники и служащие Брестской почтовой конторы (Токаревич, Жарков, Загоровский, Благовещенский, Сымонович, Афанасьев, Рубецкий, Гриневицкий, Уминский, Петухов, Кисельский, Лукашевич, Тыщенко, Шиманский, Бурбзюк, Марчук, Серединский, Полховский, Милотин, Зубилевич, Хведчик, Корнаговский, Синькевич) собрали на храм-памятник 3 руб. 72 коп. Директор Гродненской гимназии сообщал 3 сентября 1880 года губернатору о том, что от служащих в гимназии поступило на храм 18 руб. и что они отправлены им в хозяйственное управление Святейшего Синода. 4 сентября не назвавшим себя чиновником Гродненской палаты уголовного и гражданского суда пожертвовано 4 руб. 87 коп. 3 сентября начальник Гродненского губернского жандармского управления Н. Юган переслал на памятник 40 руб., собранные чинами управления. Мировой посредник Пружанского уезда 4 сентября выслал сумму в 4 руб. 50 коп., поступившую от крестьян Линовской волости (Григория Потапчука, Григория Кунды, Мирона Людвига и др.). Сумму в 17 руб. 16 коп. собрали на храм на Шипке жители Гродненского уезда. В «Книжке для сбора пожертвований» названы их имена: Давид Рабинович, Осип Вашек, Шифра Голуб, Янкель Вигдорович, Иосель Левин, Абрам Лапин, Карп Сухоницкий, Ювель Радунский, Мовша Соркин, Иван Лагода, Станислав Железный, Антон Росинский, Даниил Циунчик, Константин Вольнцевиц, Онуфрий Корнелюк, Михаил Лесько, Иван Мелешко, Лейба Гальнский, Антонина Кулеша, Иван Щитковский, Даниил Шелепский, Иван Конецкий, Фома Щитковский, Михаил Боровский, Осип Коваленя, Никифор Матвейчик, Иван Радзивон, Эдмунд Неверовский, Амврозий Ляхович и др. Среди жертвователей были иудеи, православные и католики. 29 сентября 1880 года крестьяне 2-го участка Волковысского уезда (Толочинской, Шиловичской, Мстибовской, Шимковской, Юшковской, Росской, Боярской, Свислочской, Вильчуковской и Верейковской волостей) собрали на храм близ Шипки 88 руб. 32 коп. 30 сентября 27 руб. прислали в губернскую канцелярию на храм крестьяне Семятичской, Городокской, Малешевской и Алексинской волостей Бельского уезда.

9 октября в «Гродненских Губернских Ведомостях» было опубликовано сообщение канцелярии губернатора о том, что на

сооружение храма для поминовения воинов, павших в войну 1877-1878 годов, с разных источников поступила сумма в 331 руб. 21 коп. Денежные средства продолжали поступать.

11 октября лица прокурорского надзора и судебные следователи Гродненской губернии передали на храм-памятник 64 руб. 14 октября крестьяне Орлянской волости Бельского уезда – 10 руб. 17 октября крестьяне и другие лица Черниговской, Ревятической и Носковской волостей – 9 руб. Среди них: Иван Андрусевич, Владимир Бернатович, Лукиан Косевич, Осип Криштовский, Павел Коцень, Алексей Кугач, Григорий Юдчиц, Парфен Юдчиц, Семен Юдчиц, Константин Галай, Карп Козлович, Яким Козлович, Степан Кугач, Григорий Зеленко, Павел Савчук, Сазоний Мазенчик, Адам Кочеряжинский, Сидор Юркевич, Лука Данилюк, Осип Ханюк, Самуйло Крук, Тарас Прокопчук, Василий Кот, Онуфрий Зиневич, Антон Руцкий, Франц Кутко, Тодор Богуш, Адам Зубель, Мартин Колбаска, Степан Шемко, Борис Батеня, Тимофей Шиманский, Михаил Даменчук, Евгений Шимчук, Константин Карпович, Осип Скорина, Платон Вундаревич, Павел Матейчик, Федор Чиж и др. 15 октября выслали в Гродно 3 руб. крестьяне и другие лица Селецкой и Никитинской волостей Пружанского уезда (Григорий Федченя, Иван Вашкевич, Иван Васильевич Львов с семейством, Феодосий Пуховский, Антип Марчук, Павел Хилькович и др.). 20 октября из Обрубниковской волости Белостокского уезда поступило 3 руб. 20 октября служители Кобринской почтовой конторы собрали 1 руб. 90 коп. (Снитко, Кулин, Яроцкий, Коремчук). 31 октября служащие Волковысской почтовой конторы – 1 руб. 10 коп. (Носович, Мартинковский, Гапанович, Букач и др.). 29 октября крестьяне Новоберезовской волости Бельского уезда передали в фонд строительства храма 16 руб. (Иван Венецкий, Лука Позняк, Степан Олихвер, Венедикт Жук, Яков Хутко, Лаврентий Немигович, Максим Гордейчик, Лаврентий Скваржинский, Антон Кисель, Яков Блоцкий, Федор Мороз, Иван Гожко, Иосиф Пригодич, Яков Архутич, Лаврентий Борушко и др.).

4 ноября 117 руб. 4 коп. прислали крестьяне Рогознянской, Сехновичской, Залесской, Озятской, Блотской, Козитской, Верхнепольской волостей Кобринского уезда. 13 ноября 6 руб. было получено от крестьян Наройской волости Бельского уезда. 19 ноября из Матвеевской волости Пружанского уезда перечислили 2 руб. 74 коп. крестьяне Конон, Новик, Каленик, Постоялко, Никифор Кенда, Петр Приступа («для памяти моего погибшего младшего сына Игнатия»), а также священник Иосиф Ржецкий, учителя Иван Пацкевич и Иван Омелюсик. 22 ноября было получено от крестьян Порозовской и Горностаевичской волостей – 18 руб., 28 ноября от крестьян Дубяжичской волости Бельского уезда – 23 руб. 15 коп. 29 ноября чины Гродненской казенной палаты переслали на строительство храма 6

руб. На 29 ноября 1880 года («Гродненские Губернские Ведомости») собранная в губернии сумма составила 626 руб. 61 коп. В этот же день от крестьян Пасынковской и Райской волостей поступило еще 50 руб. 80 коп., итоговая сумма составила 693 руб. 66 коп.

Активно проходил сбор пожертвований и в декабре 1880 года. 4 декабря крестьяне Половецкой волости Брестского уезда переслали 5 руб. 9 декабря крестьяне Клениковской волости Бельского уезда – 21 руб. 31 коп. В тот же день от мирового посредника 1-го и 2-го участков Брестского уезда было передано на храм 151 руб. 36 коп. 9 декабря из Рудниковской волости Пружанского уезда Иван Остапчук перечислил в фонд храма 3 руб. 65 коп. Что касается землевладельцев губернии, то их пожертвования были достаточно скромными. Так, 12 декабря дворяне Волковысского уезда собрали лишь 11 руб. 20 коп., а 15 декабря землевладельцы Слонимского уезда – 15 руб. В тот же день пружанский исправник прислал 60 руб. 25 коп. В период с 15 по 20 декабря из Велуховичской волости было получено 7 руб. 75 коп., из Войсковской волости Брестского уезда – 15 руб., из Александровской волости Бельского уезда – 5 руб. 11 коп. 22 декабря от кобрынского уездного предводителя дворянства было перечислено пожертвований на храм в сумме 31 руб. 36 коп.

На 10 января, по сведениям «Гродненских Губернских Ведомостей», из Гродненской губернии поступило на храм для погибших воинов 1065 руб. 53 коп. 17 января 1881 года от мирового посредника 1-го участка Волковысского уезда было получено 126 руб. 54 коп. 18 января 1881 года от мирового посредника 1-го участка Сокольского уезда – 46 руб. 97,5 коп. 19 января 1881 года от мирового посредника 1-го участка Бельского уезда – 20 руб. 16 коп. 22 января 1881 года в «Гродненских Губернских Ведомостях» впервые был опубликован отчет Петербургского комитета по сбору пожертвований на храм.

На 4 февраля по Гродненской губернии было собрано 1259 руб. 20,5 коп. 18 марта из Малечской волости Пружанского уезда в фонд строительства поступило 16 руб. 75 коп. Среди пожертвователей упоминались имена Якима Стасевича, Андрея Романовича, Романа Макаревича, Климентия Карпинчика, Григория Страпковича, Ивана Федосевича, Василия Яковчица, Степана Стрижа, Фомы Шуста и др. 17 марта из 2-го участка Кобринского уезда поступило 106 руб. 45 коп.

На 6 апреля 1881 года, по сведениям «Гродненских Губернских Ведомостей», в фонд строительства храма поступила сумма в 1405 руб. 93,5 коп. В последующем сумма сборов также росла. Она составила на 4 мая 1881 года 1558 руб. 86,5 коп.; на 23 августа 1881 года – 1670 руб. 83,5 коп.; на 11 июля 1883 года – 1746 руб. 55,5 коп.; на 28 июня 1884 года – 1894 руб. 72,5 коп.; на 31 августа 1884 года – 1917 руб. 18,5 коп.[215].

В помещенном в «Гродненских Губернских Ведомостях» от 16 ноября 1888 года отчете Петербургского комитета сообщалось, что всего по России было собрано на 31 декабря 1887 года на Шипковский храм-памятник наличными деньгами 442 887 руб. 44 коп. Была в этой сумме и частица пожертвований, собранных в Гродненской губернии представителями всех социальных слоев. Но определяющую роль в этом благородном деле сыграло крестьянство. Данное обстоятельство подтверждается не только ходом благотворительной акции, активным участием в ней крестьян Гродненской губернии, но и суммами тех «кровных» копеек, которые последние жертвовали ради своих единокровных и единокровных братьев-славян, а также ради тех своих земляков, кто сложил свои головы в годы русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов за благородные идеи славянства.

4.8. О ЛЬГОТАХ УЧАСТНИКАМ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 ГОДОВ В ПОЗЕМЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

Как свидетельствуют архивные материалы, участники русско-японской войны из числа нижних чинов вплоть до начала Первой мировой войны пользовались определенными льготами при наделении землей. Подтверждением тому может быть «Дело Волковысской уездной землеустроительной комиссии о ликвидации казенного лесного участка № 2 (урочище «Доля») Плебановецко-Струбницкой дачи Московского лесничества, мерою 3,25 дес., переданного в земельный фонд при отношении Управления земледелия и госимуществ Гродненской губернии от 2 августа 1908 года, с прошениями лиц, ходатайствующих о продаже этого урочища». В данном деле имеется прошение от 4 декабря 1911 года крестьянина деревни Кукути Самаровичской волости Волковысского уезда П.П. Лобановского, адресованное в Управление земледелия и госимуществ Гродненской губернии: «Я, проситель, участвовал в русско-японской войне, находился в крепости Порт-Артуре и был ранен, после чего был уволен в отставку по ранению. Крайне нуждаясь в земле и узнав, что Лашевичскому причту отказано в наделении землей урочище «Погорелое», покорнейше прошу сделать распоряжение о продаже мне всего или половины вышеуказанного урочища, чтобы я мог устроить там себе хутор и поселиться». Управление земледелия и госимуществ, принимая во внимание тот факт, что «казенная оброчная статья, урочище «Погорелое» Мостовского лесничества с согласия комиссии предназначена управлением к передаче в надел причту Лашевичской церкви Волковысского уезда», Гродненское управление земледелия и го-

симушеств, руководствуясь циркуляром Главного управления землеустройства и земледелия от 15 июня 1911 года за № 52, препроводило 31 декабря 1911 года прошение П.П. Лобановского в Волковыскую уездную землеустроительную комиссию для распоряжения о том, «не представляется ли возможным продать просителю участок земли из числа казенных подлесных земель, переданных в ведение комиссии для продажи таковых в порядке Высочайшего указа 27 августа 1906 года».

Волковысская уездная землеустроительная комиссия к числу именно таких участков земли и отнесла казенное урочище «Доля». Обследование его производили 29 мая 1913 года члены данной комиссии от крестьян В.Ф. Гнаровский и О.В. Рыбак. Это урочище было расположено: от города Волковьска на расстоянии 16 верст, от железнодорожной станции Подроссь – 12 верст, от Песковского волостного управления – 9 верст, от д. Дулевщина – 4 версты и от д. Масево – 2 версты. Земли данного участка оказались свободными после порубки здесь леса, а потому были свободны к продаже. По докладу крестьян В.Ф. Гнаровского и О.В. Рыбака, «место это водой не обеспечено, земля синевато-жвировая, пригодная лишь под озимые посевы», находилось же оно «в смежности с землями крестьян деревни Масево». Представители уездной комиссии признали данный участок ввиду среднего качества земли и необеспечения его водой непригодным «для правильной земельной единицы в виде отдельного хутора», однако сочли возможным продажу его малоземельным и нуждающимся в покупке земли крестьянам и в первую очередь «запасным нижним чинам, проявившим особую храбрость и выдающиеся в военное время особые заслуги».

После доклада Гнаровского и Рыбака на распорядительном заседании уездной землеустроительной комиссии (председатель – уездный предводитель дворянства С.Б. Ольденборгер; члены комиссии – С.П. Нечаев, Л.М. Карталинский, В.П. Виттгорф, А.К. Василевский, В.К. Измайлов, З.А. Владычанский, В.И. Плавский, С.Л. Козик, В.Ф. Гнаровский, О.В. Рыбак; секретарь – М.К. Рукша) от 24 июня 1913 года последняя согласилась с мнением крестьян и постановила: поручить непременно члену комиссии Л.М. Карталинскому выяснить состав покупателей земли в урочище «Доля», и составить подробный проект ее раздела для продажи.

16 декабря 1913 года на очередном заседании уездной комиссии было заслушано сообщение Л.М. Карталинского о ликвидации ряда казенных урочищ «исключительно запасным низшим чинам, участвовавшим в русско-японской войне 1904 – 1905 годов». Причем по всем указанным участкам были определены и покупщики: на урочище «Кузе» – В.М. Августинович и А.И. Мисевич-Врублевский; на урочище «Лозы» – О.И. Мелешко, В.А. Гу-

сар, А.А. Хитрый, Ф.В. Шейко, В.В. Полторака, Ф.М. Маршенюк и П.А. Маршенюк; на урочище «Багон» – О.М. Янушкевич; на урочище Гай» – К.И. Бабинский и А.Г. Словецкий; на урочище «Долгое» – С.О. Заяц и В.А. Заяц и на урочище «Доля» – П.П. Лобановский [216].

В означенный период такого же рода дела разрешались в Волковысском уезде и в отношении других участников русско-японской войны. Об этом убедительно свидетельствует доклад неперменного члена Волковысской уездной землеустроительной комиссии З.И. Вязьмина на ее заседании от 29 января 1910 года: «Переданный в земельный фонд землеустроительной комиссии казенный подлесный участок № 1, расположенный в 15-м квартале сборной Волковысской дачи Волковысского лесничества под названием урочище «Тадзин», площадью 22 десятины 1920 саженьей, оцененный в 306 руб. 37 коп., кроме лесных насаждений, был разбит на два равного размера хутора, которые по постановлению комиссии были представлены к покупке 18 ноября 1908 года отставным нижним чином, раненым в Порт-Артуре, Андрею Андрееву Харуку и Викентию Семенову Зыбко. Означенный участок ранее предполагался к покупке крестьянами д. Пасеки Бискупицкой волости при условии расселения их на хутора, но они от этого предложения отказались. В настоящее время крестьяне дер. Пасеки, переходя к отрубному способу землепользования на надельной земле в изменение своего первого решения, ходатайствуют о предоставлении им права покупки названного казенного участка по утвержденной оценке, с включением в общую дачу разверстания надельной чересполосицы.

Принимая во внимание, что в силу сложившихся обстоятельств без включения в общую дачу разверстания казенного участка № 1 невозможно осуществить переход на отруба крестьян д. Пасеки, я нахожу крайне необходимым в интересах землеустройства удовлетворить ходатайство крестьян этой деревни и полагал бы войти с представлением в Гродненское губернское присутствие по землеустройству об отмене постановления комиссии от 18 ноября 1908 года в отношении предоставления хуторов отставным солдатам Харуку и Зыбко».

Мнение члена комиссии З.И. Вязьмина не было принято в других инстанциях. Отстаивали свои права и сами участники войны. Они обращали внимание чиновников не только на свои заслуги перед Отечеством, но и на состав семей, их имущественное положение. Так, 26-летний крестьянин д. Карповцы Росской волости В.С. Зыбко, холостой, имевший только одну с четвертью десятин надельной земли, лошадь и мелкую живность, сообщал в комиссию, что «во время русско-японской войны, состоя на действительной военной службе, я при защите Порт-Артура был ранен. Желая

ныне приобрести покупкою при содействии Гродненского отделения поземельного банка один из хуторов из казенного урочища «Тадзин», имею честь просить землеустроительную комиссию предоставить мне право на покупку сказанного хутора». Поддержало отставного солдата и Росское волостное правление, сообщив о том, что «при защите Порт-Артура поименованный Викентий Зыбко был ранен трижды: 2 августа 1904 года в кисть левой руки и грудь, 17 сентября – в голову и 29 ноября – в подбородок и вниз правого глаза, после чего был причислен ко второму разряду раненых».

Что касается прошения отставного стрелка (срока службы 1902 года) Андрея Харука, проживающего в д. Кватеры Свислочской волости (28 лет, женат, имел сына 2-х лет и годовалую дочь, хозяйства же – никакого), то почему-то волостное правление не стало на его защиту. В своем отношении на прошении солдата оно написало: «Свислочское волостное правление имеет честь донести Волковысской землеустроительной комиссии, что проситель сей действительно участвовал в русско-японской войне в 1904 году; был контужен в голову и причислен к третьему разряду раненых (получает пенсию 39 руб. в год). Храбрости проситель Харук на войне не проявил и знаков отличия не имеет».

Ситуация с выделением хуторов для названных участников войны усложнилась после того, как в уездную землеустроительную комиссию поступило прошение на продажу земли из урочища «Тадзин» от старшего ветеринарного фельдшера Иосифа Яковлева Петручика. Чиновники не могли не принять во внимание его профессиональные преимущества и отзывы Межречского волостного правления: «Означенный в сем Иосиф Петручик в русско-японскую войну был ранен в левую ногу, в голову и правую щеку (причислен ко второму разряду раненых), имеет медаль за походы против Китая, медаль за русско-японскую войну и знак отличия военного ордена 4-й степени». К данному отношению были приложены и удостоверение командира 3-й батареи 7-го Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона и увольнительный билет Петручика за № 384. В последующем претендентами на данный земельный участок, кроме указанных лиц, выступали участники русско-японской войны: имевший ранение Казимир Волотько и нераненые Петр Веретило и Ипполит Зыбко.

23 декабря 1913 года распорядительное заседание Волковысской уездной распорядительной комиссии приняло постановление о ликвидации казенного урочища Хреновщина при деревнях Пасутичи и Вишневка с последующей передачей участков этого урочища «нуждающемуся в земле местному крестьянскому населению в порядке Высочайшего указа 27 августа 1906 года». О покупке этих участков в 3 десятинах ходатайствовали: Петр Садовский, Феликс

Пивоварчик, Павел Мательский, Антон Словецкий, Николай Касперец, Максим Давидчик, Александр Талецкий, Иван Савко и Константин Бабинский – все участники русско-японской войны. Согласно имеющейся при архивном деле справке, постановлением землеустроительной комиссии от 30 января 1912 года эти участки было «предположено ликвидировать, исключительно запасным нижним чином: Александру Клинецвичу, Константину Гуре, Петру Галясу, участвовавшим в русско-японской войне 1904 – 1905 годов и удовлетворяющим требованиям циркуляра Главного управления землеустройства и земледелия от 15 июня 1911 года за № 52». Последнее же предполагало учет при выделении участникам войны участков состава их семей и серьезность ранения или увечья. О тщательности подхода землеустроительной комиссии к отбору кандидатов на льготное получение участков свидетельствует тот факт, что все их заявления с указанием того, что они участвовали в русско-японской войне и были ранены, подвергались обязательной проверке. Так, на прошении крестьянина деревни Сокольники Боярской волости Константина Бабинского, заявившего о своих правах на льготы тем, что он был ранен при осаде Порт-Артура, была наложена резолюция с предписанием волостному правлению: «Прошу также донести, действительно ли проситель участвовал в войне с Японией и был ранен и какие имеются у него к тому доказательства». Ответ волостного старшины Ивана Радкевича на данное предписание был следующим: «Настоящим доношу, что проситель действительно участвовал в войне с Японией до взятия Порт-Артура неприятелем и, по словам просителя, был ранен в локоть левой руки, но доказательств к тому не имеет, если не считать того, что 27 мая 1907 года он получал от канцелярии Александровского комитета помощи раненым единовременное пособие в 200 рублей; последующее же ходатайство просителя о причислении его к разряду раненых на войне уездной воинской комиссией не было принято».

В конечном итоге, землеустроительная комиссия удовлетворила прошения всех участников русско-японской войны на покупку земли с целью основания хуторов, однако делалось это в соответствии с очередностью подачи заявлений, с учетом наличия земли и заслуг просителей. Рассмотрение такого рода дел имело место во всех уездах Гродненской губернии [217].

ГЛАВА 5 ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКИХ РОССЫПЕЙ

5.1. ДОРОГИ И МОСТЫ ПРИНЕМАНЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Слово «дорога» вызывает у людей самые различные мысли и представления. Перечисление даже самых классических из них мог бы занять немало времени. То же можно сказать о пословицах и поговорках на эту тему. Немало сложено песен о дорогах: «Эх, дороги, пыль да туман. Холода, тревоги, да пустой бурьян...». Есть среди них и более оптимистичные: «Дорога, дорога нас в дальние дали зовет. Быть может, до счастья осталось немного, быть может, один поворот...». Имеются и другие аспекты дорожной темы. Мой отец – паровозный машинист – даже в пору отпускных поездок по железной дороге в родные места постоянно, где-то невольно фиксировал наше внимание на том, какой населенный пункт мы проехали, сколько осталось ехать до другого. Очень любил глядеть на мелькавшие перед окнами мосты с большими реками и узкими речушками, не пропускающая ни одной достопримечательности, встречавшейся на пути. Интересовали его все подъемы и спуски, рельеф местности, менявшиеся околоторожные пейзажи. Особый душевный настрой вызывало у него дорожное строительство. У него возникало множество вопросов и к себе, и к окружающим. Если была возможность, то подходил к рабочим, расспрашивал о строительстве. Впрочем, всего интересовавшего его во время пути и не перечислишь...

Любовь к дорогам, мостам передалась и мне, приобретая в связи с моей профессией историко-краеведческий аспект. Вот и на сей раз, обнаружив архивное дело на дорожную тему, я не мог им не увлечься, увидев за сухим перечислением дорог и маршрутов массу того, что ушло, улетело в вечность. Дороги, как и люди, живут, стареют, умирают, рождаются. Они меняют не только качество покрытия, но и форму назначения, характер обслуживания, меняется и местность, по которой дорога бежит. За мою память путешествие на автобусе из Лиды в Гродно или из Гродно в Минск вчера и сегодня – это уже совершенно иные путешествия, дороги-пути. Все поменялось, а как жаль тех деревушек и хуторов, которые уже не встречаются на некогда привычном пути. А сколько изменений проходило в этом деле и задолго до нас...

Так, 15 октября 1873 года гродненский губернатор генерал-майор Зуров направил во все уездные дорожные комиссии следую-

шие письма: «При составлении административной карты Гродненской губернии необходимо иметь самые подробные сведения о дорогах, пролегающих через уезд: почтовых и военно-торговых с указанием, через какие именно или вблизи каких имений и деревень они проходят, равно о всех мостах, исправление коих отбывается на счет сумм земских оборотов. Ввиду сего прошу сообщить вышеозначенные сведения по высылаемому образцу; причем неизменным считаю присовокупить, что от подробности, ясности и правильности данных будет зависеть и верность составляемой карты». В течение месяца, с разной степенью усердия, все уезды прислали в губернское правление запрашиваемые сведения.

Здесь проставлены лишь те из них, которые имеют отношение к границам настоящей Гродненской области. Начнем знакомство с названиями дорог, их направления и перечня мостов применительно к Гродненскому уезду. Согласно представленным сведениям, через уезд проходило 16 почтовых и военно-торговых дорог (железные и шоссейные не отмечались), имелось три моста.

1-я, военно-торговая дорога из Гродно в Вильно, проходила через деревню Грандичи, мимо урочища Конколи и реки Неман, через деревню Гожу, урочище Криничное, вблизи деревни Верхняя Пальница в Ротницу. 2-я, почтовая от станции железной дороги Поречье в местечко Друскеники, проходила неподалеку деревни Поречье в местечко Друскеники. 3-я, коммуникационно-торговая из Гродно в местечко Озеры, проходила через деревни: Каплицу, Путришки, вблизи имения Розалин, через деревни Вертелишки, Головачи вблизи урочища Борки, через деревню Стривку в местечко Озеры; от местечка Озеры около урочища Берве, недалеко от урочища Синий Камень, через урочище Шкленск в Виленскую губернию. 4-я, почтовая дорога из Гродно в Лиду, проходила между селом и имением Жидомля, вблизи фольварка Струпин до почтовой станции Струпин; около околицы Котры через реку Котру, местечко Скидель, около деревень Хваты и Суховляны, недалеко от урочища Жолобчатый мост, около имения Мильковщизна, где имеется почтовая станция Мильковщизна, вблизи имения Кривляны, фольварка Глубокое, через местечко Каменку, вблизи деревни Оздобичи, через деревню Ельники на г. Вильну. Имелось и описание поста: мост на 2-й версте от Скиделя, «коего длина 30 сажений». 5-я, почтовая дорога, идущая из Гродно через местечко Скидель в Волковыск. Она проходила через деревни Пузевичи, Лавны, около деревни Харчицы, имение Черлена, почтовой станции Черлена, через имение Лунно, реку Неман, местечко Воля, имение Воля, деревню Залески, около деревень Косилы, Толстики, фольварка Татарщизна, через местечко Волпу, деревню Плебановцы, в местечко Россь Волковысского уезда. 6-я, военно-коммуникационная, бывшая почтовая,

дорога из Гродно в г. Слоним проходила через имение Черлена, около деревни Княжеводцы, через село Дубно, деревню Зельвяны, вблизи имения Михайловка, имение Мосты, через местечко Мосты в город Слоним, от Мостов шли торговые дороги: одна в местечко Пески, другая через фольварок Старинки в местечко Щучин; третья же дорога, от местечка Мосты в местечко Каменка, далее она проходила вблизи деревни Голынка через деревню Громовичи, имение Каменку в местечко Каменку. 7-я, торговая дорога, из Гродно в местечки Лунно и Воля, где соединяется с почтовой дорогой, идущей из Гродно через местечко Скидель, Черлену в Волковыск. Она проходила вблизи деревни Гнойницы, через деревню Горницу, имение Горницу, деревню Колпаки, около деревни Хлистовичи и Погораны, через имение Квасовка, деревню Огородники, имение Свислочь, вблизи урочища Браково, деревню Жиличи в местечко Лунно. 8-я, военно-торговая дорога из Гродно в местечко Свислочь Волковысского уезда, проходила около фольварка Гнойницы, деревню Гибуличи, имение Коптевщизна, через село Коптевщизну, вблизи имения Новоселки, через деревню Зарубичи, местечко Индуру, деревню Луцковляны, около фольварка Грайно, через реку Свислочь, село Олекшицы, Малую Берестовицу, вблизи имения Жебры, деревни Карповцы, Лесневичи, через местечко Великую Берестовицу в местечко Свислочь. Тут же были помещены сведения о том, что «мост на реке Свислочь содержится на суммы земского сбора». 9-я, торговая дорога из Гродно через местечко Индура в местечко Супрасль Сокольского уезда, проходила от местечка Индура вблизи деревни Большая Жарновка, через околицу Глебовичи, недалеко от фольварка Глебовичи и деревню Бояры, через фольварок Сенейки, около Почобуты, деревни Курчевцы, Кудричи, через местечко Кринки в местечко Супрасль. 10-я, торговая дорога из села Олекшицы в город Волковыск, проходила вблизи фольварка и деревни Гольно, деревни Каленики в Волковыск. 11-я, торговая дорога из города Белостока в местечко Волпа, проходила через деревни Грибовцы, Скробляки, Бобровники, около фольварка Тетеровка, через деревню Лепесы, фольварок Шашкевичи, местечко Великую Берестовицу в деревню Эйминовцы, после чего она пересекала дорогу, идущую из села Олекшицы в Волковыск, затем проходила около имения Старый Дворец, через деревню Седейки, вблизи деревни Мартяновки, фольварков Романово и Длугополь в имение Волпу, где соединялась с почтовой дорогой, идущей из Гродно в Волковыск. 12-я, торговая дорога из местечка Кринки в село Малая Берестовица, проходила частью по дороге, идущей из местечка Кринки в Индуру через село Малая Берестовица, затем шла около имения Малая Берестовица и соединялась с дорогой, идущей из Гродно через местечко Индуру в местечко Свислочь Волковысского уезда. 13-я,

военно-торговая дорога из Гродно в Сокулку, проходила недалеко от деревни Келбасина в Соколку. 14-я, торговая дорога из Гродно в местечко Новый Двор, проходила через реку Неман, неподалеку от имения Августовок в местечко Новый Двор. В отношении моста через Неман отмечалось, что «на счет городских средств держатся мост и паром». 15-я, военно-торговая дорога из Гродно в Лососну и Царство Польское, проходила через Занеманский форштадт, через мельницу в Лососно и в Царство Польское. 16-я торговая дорога из Кринок в Соколку.

Бросается в глаза разнообразие названий населенных пунктов и местностей – деревни, села, местечки, города, фольварки, урочища. Примечательно, что деревня отличалась от села тем, что в последнем имелись церковь или костел, местечко же от села отличалось большим количеством дворов, а следовательно, и населения. Уникальны упоминания об урочищах, названия многих из которых в настоящее время утеряны. Как правило, урочищами в ту пору называли участки земли, отличающиеся от окружающей местности, например, болотами, лесами среди поля.

Весьма интересные сведения помещены в ведомости дорог и мостов Слонимского уезда. Через уезд проходило 14 почтовых и военно-коммуникационных дорог (последние преобладали). Здесь имелось также три моста. 1-я, почтовая дорога Виленско-Брестская до почтовой станции Чемелы на Московско-Варшавское шоссе, проходила от границы Новогрудского уезда через деревни Слонимского уезда Бочковичи и Офоново, вблизи деревни Курпеши, через местечко Дятлово, где находилась почтовая станция, села Вензовец, Медвиновичи, около деревень Богдановичи, Задворье, где также находилась почтовая станция, через деревни Шундры и Тальковщицку, город Слоним, где также находилась почтовая станция, далее возле деревень Грищицы, Бакуновичи, через местечко Жировичи, деревни Русаково, Стеневичи, Мироним, где находилась почтовая станция, местечко Бытень, а от местечка Бытень в левую сторону до почтовой станции Чемелы на Московско-Варшавское шоссе, в правую сторону, через деревни Заречье, Гнойно до станции железной дороги Доманово. Здесь же упоминалось, что «в городе Слониме находится мост на старой реке Щара, длиной в 40 сажень», а также что «за Миронимской почтовой станцией, на 10 версте вслед за местечком Бытень, находится мост на судоходной реке Щара, длиной в 10 сажень». 2-я – почтовая дорога от деревни Шейпаки до границы Пружанского уезда. Эта дорога шла от деревни Шейпаки Слонимского уезда через местечко Ружаны, где находилась почтовая станция, через деревню Воронилевичи в Лифалино. 3-я, почтовая дорога от Слонима в Волковыск и Гродно, шла из Слонима вблизи деревни Мижевичи, где находилась почто-

вая станция, через местечко Ружаны, где также находится почтовая станция, а от местечка Ружаны – в одну сторону до границы Волковысского уезда, а в другую – через деревни Долки, Капию, мызу Альбу, деревни Боровики, Белавичи, Заполье и мызу Гощево до Коссовской станции железной дороги. Этим перечнем почтовые дороги заканчивались и начиналось описание военно-коммуникационных дорог. 4-я, военно-коммуникационная дорога от Слонима в Гродно шла из города Слонима через местечко Голынку, вблизи местечка Деречин, деревень Милевичи, Муньковичи, через село Куриловичи, Мосты и Каменку. 5-я, военно-коммуникационная дорога Белостокско-Московская от местечка Зельва в Несвиж, шла от местечка Зельва через деревни Бережки, Зубляны, Лавриновичи, Волчки, Каменку, местечко Езерницу, вблизи деревни Збочной, имения Гринки, через Слоним, деревню Якимовичи, местечко Полонку Новогрудского уезда. 6-я – военно-коммуникационная дорога от города Слонима в город Пинск. Эта дорога шла из Слонима через деревню Бакуновичи, местечко Жировичи, деревни Заверши, Борки, вблизи почтовой станции Ивацевичи на Московско-Варшавское шоссе, деревни Паньки, Яшевичи, Чичицы и Козики. 7-я, военно-коммуникационная дорога от города Слонима в местечко Картузскую Березу. Означенная дорога шла от Слонима через деревню Деревлянчицы, вблизи деревень Суринки, Гуменники, через имения Новые Девятковичи, Бусяж, местечко Коссов, деревню Гощево и почтовую станцию Заполье на Московско-Варшавское шоссе. 8-я, военно-коммуникационная дорога от города Слонима в город Новогрудок, шла от Слонима через деревни Савичи, Марковичи, Пруды; фольварки Дубинку и Горку, деревни Задворье, Великую, Есевичи, местечко Дворец и имение Новоельню. 9-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Столовичи Новогрудского уезда до селения Песковцы, шла от Столович через деревню Загорну, местечко Молчадь, деревню Хорошовщицы, местечко Дворец, деревню Старину, имение Яновщина, местечко Дятлово, ферму Адасин, деревни Ятвезь, Огородники, Розваж и Шпикнеры. 10-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Дятлово до местечка Деречин, шла от Дятлова по почтовой дороге через села Вензовец, Медвиновичи, а затем сворачивала с почтовой дороги на деревни Яворская Руда, Малые и Великую Войно, Слижни и Корчин. 11-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Зельва до соединения с военно-коммуникационной дорогой от Слонима до Деречина, шла от Зельвы через деревни Старое Село и Пруды, после чего соединялась с коммуникационной дорогой, идущей вблизи местечка Голынка. 12-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Ружаны в местечко Лысково, шла от Ружан до Лыскова, на протяжении которой до Волковысского уезда селений никаких нет. 13-я, военно-комму-

никационная дорога от Чемельской заставы к селу Миловицы, шла от Чемельской заставы через деревни Чемелы, Могилицы, Вольку, около имения Режново, деревни Закапище, Добросельцы в Миловицы. Здесь же указано следующее: «Находится на реке Щаре мост, длиной в 15 сажень, об отнесении устройства коего на счет сумм земского сбора сделано представление дорожной комиссии в Гродненское особое присутствие, но разрешение на это еще не последовало». 14-я, такая же дорога, от местечка Дятлова на Белицу Лидского уезда, шла от Дятлова на деревни Засецы, Погиры и около имения Ногородовичи. Примечательно, что здесь мы встречаемся с упоминанием таких новых определений населенных пунктов и местности, как застава (место въезда в населенный пункт), ферма и мыза, означавшая то же, что и хутор. Впечатляет ведомость дорог Волковысского уезда (3-х почтовых, 4-х торговых и 9-ти военно-коммуникационных); всего указано 16 дорог. 1-я, почтовая дорога из Волковыска в Гродно, начиналась в городе Волковыске, затем проходила возле деревни Петаков, через имение Мочульну, деревню Красное Село, местечко Россь, где находилась почтовая станция, далее через Студенец, около имения Немеск, до местечка Волпа Гродненского уезда и т.д. Здесь же имеется ссылка на то, что «все дорожные сооружения в уезде производятся не за счет земства, а натуральной повинностью». 2-я, почтовая дорога Волковыск – Белосток (до границы Белостокского уезда), шла из Волковыска около деревни Воля, через местечко Гнезно, близ имения Холявичи, через местечко Мстибово, где находилась почтовая станция, затем через местечко Свислочь с почтовой станцией, далее близ деревни Стоки, через местечко Яловку, деревню Шимки с почтовой станцией и деревню Юшков Груд, затем переходила в Белостокский уезд. 3-я, почтовая дорога Волковыск – Слоним, выходя из Волковыска, направлялась через местечко Изабелин, деревню Гольшки, местечко Подороск с почтовой станцией, далее около деревень Кузевичи, Зеленевици, затем через деревню Шейпяки и далее до местечка Ружаны Слонимского уезда. 4-я, военно-коммуникационная дорога Волковыск – Зельва, шла из Волковыска близ фермы Оменичи, имение Войткевичи, через деревню Вилиневка, около фермы Горевичи, затем шла в местечко Зельву, где находится почтовая станция. 5-я, военно-коммуникационная дорога от Волковыска до местечка Пески, шла из Волковыска около мызы Рексцы, имения Побоева, через деревню Моисеевичи, возле имения Струбница и затем в местечко Пески. 6-я, военно-коммуникационная дорога, от местечка Пески до местечка Мосты, выходя из Песок, шла к местечку Мосты, что на берегу реки Неман. 7-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Пески через село Зельвяны до границы Гродненского уезда, шла через деревни Ляды, село Зель-

вяны и до границы Гродненского уезда, что составляет река Неман. 8-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Пески до местечка Деречин Слонимского уезда, пролегла около деревень Осовляны, Мальковичи, далее шла по Слонимскому уезду до Деречина. 9-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Большая Берестовица Гродненского уезда до местечка Ружаны Слонимского уезда, проходила возле деревень Меньки, Жиличи, Яскулды, местечка Свислочь, деревень Грицки, Ковали, возле деревни Михалок, через местечко Порозово, деревни Запомочи, Кривумочи, имение Незвецк, около деревни Лавриновичи, через местечко Лысково, имение Могилевцы, деревню Крупу, затем направлялась в Ружаны. 10-я, военно-коммуникационная дорога из города Волковыска на местечки Порозово и Новый Двор до границы Пружанского уезда, проходила около фермы Борки, мызы Петрашевы, через деревню Блонкитну, около деревни Хатьковцы, через околицу Коревицы, деревню Кабузи, через деревни Горностаевичи, Ковали, местечки Порозово, Новый Двор, затем до границы Пружанского уезда. 11-я, военно-коммуникационная дорога из Волковыска через местечко Шиловичи до границы Гродненского уезда, начиналась в г. Волковыске и проходила около деревни Ятвезь, фермы Сугачи, деревни Гумбишки, Банцеровщина, через местечко Шиловичи, около деревни Снопки до границы Гродненского уезда. 12-я, военно-коммуникационная дорога от местечка Свислочь до границы Пружанского уезда, шла от местечка Свислочь около деревень Грицки и Гриннок, затем через деревню Рудню до границы Пружанского уезда. 13-я, торговая дорога от местечка Зелова до местечка Ружаны, шла около имений Жерно, Ивашкевичи, через имение Пеннога и село Словатичи, затем возле деревни Полонка и затем уже до местечка Ружаны Слонимского уезда. 14-я, торговая дорога из деревни Шимак через перевоз на реке Нарве до местечка Нарва, из деревни Шимак шла через деревню Рыбаки, затем через перевоз на реке Нарве, мимо деревни Луки и до местечка Нарвы Бельского уезда. 15-я, торговая дорога от деревни Юшков Груд на местечко Нарву Бельского уезда, идет от Юшкова Груда через деревни Плянты и Маринку, затем переходила границу Бельского уезда и шла далее до местечка Нарва. 16-я – торговая дорога из города Волковыска в местечко Лапеница. Означенная дорога шла от Волковыска около деревни Ясновицы, фольварков Янов и Озериска в местечко Лапеница.

Достаточно интересны описания дорог других уездов Гродненской губернии, не входящих ныне в состав Гродненской области. Так, в ведомости Брестского уезда получили свое освещение 12 разного типа дорог, в Пружанском уезде – 10 типов дорог (с двумя мостами в Пружанах). Более всего дорог оказалось в Сокольском уезде – 29; 12 дорог и 12 мостов, преимущественно через реку На-

рву. В Белостокском уезде получили свое описание 22 дороги и 5 мостов через реки Бяла, Нарва, Нурце и др. [218].

В Гродненском Национальном историческом архиве хранится «Описание шоссейных и других дорог, имеющих стратегическое значение и служащих для передвижения войск и прочих государственных надобностей. Составлено в 1898 году». Это дело свидетельствует о постоянном внимании властей к дорожному и мостовому делу, а также к проселочным дорогам, которые ранее не учитывались при описании. Немаловажным является и то, что данное «Описание...» было составлено на отпечатанных типографским способом бланках, в нем имелись следующие разделы: номер дороги по порядку; название дороги и ее краткое описание; протяженность дороги в верстах и саженьях; мосты (их номер, длина и ширина в саженьях, на балках, на сваях и т.д.), на какой версте расположены мосты и у какого ближайшего урочища, количество бревен, необходимых для устройства каждого моста, протяженность гатей около каждого из них, кому принадлежит соседствующая с ними лесная дача, на чьи средства содержится мосты; в каком состоянии находятся мосты и дороги. Сведения, содержащиеся в данном деле, поистине уникальны, одно лишь огорчает – утерян ряд листов, да и заключает оно в себе дороги и мосты, расположенные преимущественно в юго-западной части губернии. Тем не менее в данном «Описании...» указана общая протяженность дорог данного региона: 3-х железных – 169 верст, 250 сажень; 2-х шоссейных – 83 версты, 250 сажень; 26 грунтовых, разделенных на участки – 719 верст, 141 сажень, 11 проселочных, подлежащих разделению на участки – 232 версты, 420 сажень, всего 1205 верст, 61 сажень. Получили свое подробное освещение в документе и около 600 больших и малых, каменных и деревянных мостов [219]. Обращение к этому делу, несомненно, обогатит наше представление о дорожной сети Гродненщины в прошлом и откроет факты, не потерявшие своего значения и сегодня.

5.2. К ИСТОРИИ ИМЕНИЯ КОЛБАСИН И ФОЛЬВАРКА КОРОБЧИЦЫ

Деревню Колбасино (до революции – Колбасин, на польском языке – Келбасин) Гродненского района сегодня с полным правом можно отнести к числу пригородных деревень. Выезжая за пределы Гродно в сторону Королино или пограничного пункта Брузги, указательный столб с ее названием, пожалуй, первое, что дает знать, что ты уже за городом. Центральная часть деревни расположена слева от шоссе, в низине, завершающейся болотом и кустарником, затем сосновым массивом. От шоссе деревня отделена полем, что

дает возможность хорошо обозреть ее. Сразу бросаются в глаза – это производственные корпуса небольшого завода, дома жителей деревни, среди которых немало солидных коттеджей, а также строение бывшей колхозной фермы. Еще минута – и деревня позади, но название ее еще на какое-то время задерживается в памяти. Откуда оно, чем отмечена жизнь деревни в прошлом и сегодня?

Долгое время в отношении истории деревни никакой информации ко мне не попадало. Собственно, я ее и не искал, удовлетворяясь общеизвестным: в годы Второй мировой войны фашисты устроили неподалеку от деревни лагерь для военнопленных и мирных жителей, многие из них здесь погибли мученической смертью. Сегодня о тех страшных годах напоминает небольшой памятник, куда часто приходят люди, чтобы поклониться памяти жертв войны и положить к его основанию цветы благодарности. В прежние времена на полках продовольственных магазинов попадались банки с продукцией, изготовленной на местном консервном заводике. В последнее время такая продукция встречается реже. Вот, собственно, и все, что я знал о Колбасино. Пожалуй, еще меньше я знал о Коробчицах. В число исторических достопримечательностей этой деревни еще в начале 80-х годов прошлого века входили: старое татарское, а может и еврейское кладбище (сразу при въезде в деревню), да руины старой водяной мельницы, уничтоженной во время строительства плотины на реке Лососянке. Неподалеку, на возвышенности, рядом с дачными участками стоит металлический крест, напоминающий о прокатившейся по этим местам советско-польской войне 1920 года. Однако совсем недавно я выявил архивные материалы, значительно расширяющие представления о прошлом двух деревень. Хочется поделиться ими с читателями.

В 1850 году Гродненская палата госимуществ производила в имении Колбасин люстрацию земель, в ходе которой к нему была присоединена часть непахотных земель (27 дес. 503 саж.), принадлежавших до этого Гродненскому Францисканскому римско-католическому монастырю «для посадки леса». Взамен же предполагалось передать ему более удобные земельные угодья «из фольварков Скомарошки и Колбасин, крестьяне коих за окончанием аренды в 1849 году переведены на поземельное оброчное положение, следующие земельные угодья: усадебной – 1,61 дес., пахотной – 110,30 дес., сенокосной – 14,11 дес., пастбищной – 11,93 дес. Итого – 147 дес., что с 3-мя дес. усадебной и огородной монастырской земли составляет 150 дес.». Также было признано целесообразным отдать монастырю как совершенно ненужные находящиеся в имении Колбасин «все ветхие строения, гумно, скотный двор и амбарчик, определенные в 28 руб. серебром».

После восстания 1863 года имение постоянно переходило из рук в руки, а потому и пришло вскоре в полный упадок. В 1874 году владелицей его стала Мария Александровна Масловская. Ей удалось за сорок лет хозяйствования превратить имение Колбасино и фольварок Коробчицы во вполне доходные владения. Несмотря на песчаные, неплодородные почвы, Масловские умудрялись получать неплохие урожаи зерновых культур, были заведены элитные породы коров и свиней. Имелась птицеводческая ферма, приносили доходы водяная мельница и небольшой винокуренный завод. Пригородное положение имения обеспечивало успешную реализацию полученной продукции как в Гродно, так и в Белостоке.

Первая мировая война привела хозяйство к упадку. Этому способствовало и нахождение имения в границах тогдашней Гродненской крепости. Известно, что в июле 1915 года семейство Масловских эвакуировалось вглубь России. Перед этим Мария Масловская безуспешно пыталась вывезти из имения наиболее ценное имущество и оборудование. Не удалось ей получить и компенсацию за их потерю. Имеются документы, подтверждающие факт того, что Масловская часть своего имения передавала в арендное пользование. Такая форма получения доходов с помещичьих владений была широко распространена во второй половине XIX – начале XX вв.

Так, 25 июня 1914 года муж владелицы имения, Александр Трофимович Масловский, в качестве поверенного своей жены, с одной стороны, и дворянин Седлецкой губернии Вацлав Юзефович Марцинковский, с другой стороны, заключили между собой договор на отдачу первым последнему в арендное пользование части данного имения на следующих условиях: «1) имение Колбасин отдается Марцинковскому в аренду сроком на 14 лет (с 1 апреля 1914 года по 1 апреля 1928 года), за исключением: а) господского дома с двором при нем и садом, особо выгороженным, а также находящимися там постройками; б) двух комнат в правом от дома флигеле и двух комнат в батрацком доме с принадлежащими к ним свинными сараями; в) конюшни и прилегающего к ней экипажного сарая с навесом при нем, а также бани с прачечной; г) места добывания подрядчиком Ивановым песка в урочище «Великое Поле»; д) лесов, произрастающих на сдаваемых в аренду землях – деревьев, но с правами арендатора пасти скот в лесах, за арендную плату 2300 руб. в год, а за все 14 лет – 32 200 руб.»

В последующих проектах договора оговаривались условия аренды, сроки внесения платы за нее. Так, арендатор не имел права отдавать земли имения в обработку, продавать и увозить из имения сено, солому, мякину, навоз. Зато он был обязан содержать в имении не менее 50 голов крупного рогатого скота, за исключением молодняка, и не менее 8 пар рабочих лошадей. Права пользования арендатора ограничивались одной поверхностью получаемой им

земли без права раскапывания ее и добычи камней, песка, глины и т.п., за исключением количества, необходимого для ремонта находящихся в имении построек. Для удобрения полей и отопления арендуемых построек разрешалась добыча в пределах имения торфа. Арендатор мог очищать поля от камней, собирать их, но вывозить их за пределы имения он не имел права. Извлекать доходы арендатор мог лишь через посев и сбор произрастающих хлебов и трав. При этом оговаривалось, что Марцинковский обязан не пахать землю загонами и соблюдать существующий в имении севооборот. Так, на двух участках предлагался семипольный севооборот, чередуя растения в следующем порядке: первый год – пар черный или с посевом люпина под запашку, но если арендатор паровое поле будет унавоживать, то ему не возбраняется по навозу сеять вику на зеленый корм; второй год – рожь; третий год – по удобрению навозом картофель или стручковые; четвертый год – ячмень и овес с подсевом клевера; пятый год – клевер на укос; шестой год – клевер на пастбище скоту и седьмой год – рожь. На третьем участке, в урочище «Великое Поле», арендатор был обязан соблюдать четырехпольный севооборот, оставляя поле один раз в четыре года в пару, с непременно посевом люпина или сераделлы под запашку.

В ту пору на территории имения находилось во временном пользовании военного ведомства пехотное стрельбище, вознаграждение за которое получала владелица имения, однако если это будет мешать арендатору производить необходимые ему сельхозработы, подчеркивалось в договоре, то он имел право на удержание в свою пользу из арендной платы 100 руб. в год. В обязанности арендатора входило содержание в должном порядке всех строений в имении (их текущий и капитальный ремонт), заборов. Требовалось неукоснительное выполнение правил противопожарной безопасности (курение трубок и папирос как в жилых, так и хозяйственных постройках строго воспрещалось под ответственность за это лично арендатора). В случае уничтожения пожаром арендуемых построек Марцинковский обязывался восстановить их в течение шести месяцев. Имел он право страховать свое личное имущество в усадьбе арендуемого имения, но не иначе как с согласия владелицы и на сумму, определяемую ею же. Одной из привилегий арендатора было то, что по договору он мог охотиться на дичь так, как ему захочется.

Сверх установленной арендной платы арендатор был обязан: «1) посадить на удобрении картофель кучеру владелицы имения, отвести ему место между батрацкими огородами для возделывания овощей, а также содержать на своем корму корову кучера; 2) выдавать владелице по мере требования ежегодно: овса – 200 пудов, сена – 400 пудов, ржи и ячменя – 40 пудов, гороха – 15 пудов, картофеля – 300 пудов, молока – ежедневно по два гарнца, соломы и резки на корм и подстилку для лошадей – по пятьсот пудов того и

другого, дров – шесть сажень; ледники владелицы в имении должны быть доверху набиты льдом». Замена этих натуральных повинностей деньгами категорически возбранялась.

Арендатор Марцинковский должен был охранять границы земельных владений. Владелица оставляла за собой право осмотра лично или через доверенных лиц отдаваемого в аренду имения, а также право вывоза с территории имения леса и камней, такие же права распространялись на ее совместное использование с арендатором колодцев, бань, прачечных и ледников. Арендатор не имел права передавать, даже на время, свои права компаньону. В случае невнесения в срок арендной платы арендатор терял право на обратное получение залога, а все полученное им в аренду поступало в распоряжение владелицы без права на получение какого-либо вознаграждения. Данный договор был составлен гродненским нотариусом Константином Ивановичем Басниным в его же конторе на Соборной улице, дом 14. Естественно, что постатейное исполнение этого договора было нарушено военными действиями 1914 – 1918 годов, а затем советско-польской войной 1920 года.

О дальнейшей истории имения Колбасин и фольварка Коробчицы свидетельствуют мероприятия местных польских властей по реализации проводимых в стране аграрных преобразований, так называемых парцеляций. Что касается имения Колбасин, то в документах 1928 года о нем говорилось следующее. 5 мая 1921 года имение Колбасин вместе с фольварком Коробчицы было подвергнуто ревизии (описи), в ходе которой было установлено, что владелица этих владений Мария Масловская после мировой войны в имение не возвратилась. В связи с их запущенностью власти приняли 12 мая 1921 года решение о передаче имения Колбасин с фольварком Коробчицы в государственную собственность. Однако против такого решения выступил «опекун» имения «погибшей» Марии Масловской, а точнее, водяной мельницы в м. Кузнице Сокольского повета Антоний Бортновский. Но ему не удалось доказать принадлежность ему части владения.

В начале 1924 года свои права на имение предъявил муж владелицы имения А. Т. Масловский, проживавший в то время в Советской России, в г. Казани. Свои претензии на владение он обосновывал тем, что оно было завещано ему на основании нотариально заверенного в Гродно 13 октября 1913 года завещания (копия прилагалась). В заявлении наследника владения говорилось о том, что М. А. Масловская скончалась 24 декабря 1919 года. В качестве доверенного лица А. Т. Масловского выступил проживавший в г. Гродно князь Владимир Челокаев. От имени последнего в судебных инстанциях выступал адвокат Густав Рейнхард. Несмотря на прилагаемые ими усилия по отстаиванию прав А. Т. Масловского (в течение 1924 – 1927 годов),

все попытки оказались тщетными: местные судебные власти затребовали от наследника представление такого количества документов и содержания, которых при нем не было и быть не должно. Одним из мотивов отклонения ходатайства бывших владельцев было то, что в течение ряда лет имение находилось в запустении и никем не управлялось. Было также установлено и реальное состояние дел по владению имением. Так, арендатор имения Вацлав Марцинковский по договору от 1914 года в 1927 году являлся лишь владельцем двух жилых домов в Колбасине и нескольких построек в Коробчицах. Кроме него, владельцем 12 га земли в имении был признан Михаил Нарушевич. Мельницей владел некий Гинсбург, часть земель находилась в руках местных крестьян. Главная же причина негативного отношения властей к наследникам состояла в том, что часть земель имения в 1920–1922 годах была отдана во владение бывшим солдатам польского войска, так называемым осадникам. По предложению государственных экспертов земельные владения имения Колбасин (295 га) были оценены в 196 540 злотых, а вместе со строениями – в 212 тыс. злотых; в фольварке же Коробчицы (343 га) – в 139 278 злотых, со строением и мельницей – в 162 358 злотых. Главным критерием здесь было качество пахотной земли. Стоимость коробчицкой мельницы («осады млынської») составила 24 485 злотых.

Сохранилось описание «осады млынської» в Ново-Коробчицах от 17 сентября 1925 года. В ее состав входили: «1) жилой дом с каменными стенами, крытых дахувкой, длиной 17 метров, шириной 9 метров и высотой 3 метра, частично заселенный. Общее состояние плохое, износ – 60 %, стоимость – 1860 злотых; 2) хлев деревянный, крытый соломой (размеры: 8,5 x 6,5 x 2,15 м), стоимость 290 злотых; состояние его ниже среднего, износ 40 %; 3) здание мельницы на реке Лососянке, стены которой из камня, крыта же она гонтом и жестью (размеры 20,40 x 8,70 x 4,55 м), стоимость – 7500 злотых; состояние среднее; со стороны реки находится деревянная пристройка (размеры 21,10 x 3,20 x 4,55 м), крытая жестью, в состоянии ниже среднего, а также машинное отделение («комора турбинова») размером 4 x 3,8 x 3,2 м, деревянная, крытая гонтом.

Отмечалось, что общее состояние здания мельницы среднее, 15 % износа, стоимость – 7550 злотых; 4) деревянный мост со шлюзом длиной 20 метров и шириной 5,60 м в состоянии совершенно плохом, 90 % износа, стоимостью 200 злотых; 5) деревянный мост при мельнице размером 9,80 x 6,90 м со шлюзом в очень плохом состоянии, 90 % износа, стоимостью в 100 злотых; 6) деревянный лоток шириной 2,7 метров, а длину вместе с нижней частью машинного отделения 7 метров и глубиной 1,30 метра в состоянии очень плохом, 90 % износа, стоимостью 25 злотых; 7) турбина 630 лошадиных сил, износ 20 %, оценена на сумму 2400 злотых».

Специальной воеводской комиссией из Белостока были оценены состояние и стоимость внутреннего оборудования мельницы. Речь шла о двух парах каменьев (жерновов) французского и российского производства, трех парах валцов варшавского, белостокского и петербургского производства, крупосечка, ситах и других приспособлениях, износ которых в среднем составлял 50 %. В документе общая площадь «осады млынской» Ново-Коробчицы определялась в 7,8 га, из которой 1,2 га были отнесены к пахотной земле. Зеркальная водная поверхность составила 5,2 га, под зданиями – 0,6 га и в неиспользовании – 0,7 га; оценена в 3 тыс. злотых [220].

В 1932 году среди владельцев земельного участка № 13 площадью 18,5 га вместе с лесом значился Вацлав Марцинковский, стоимость этого участка составляла 11 386 злотых [221]. В 1938 году власти освободили Францисканский костел (в лице ксендза Гадриана Ледуховского) от парцеляции 27,6 га их земельных и лесных (17 га) владений, находящихся на территории имения (маёнтка). В том же году среди тех, кто приобрел эти земли у монастыря, значились Степан Зельвинский, Юзеф Павловский, сын Адам и Эмилия Замана. Вместе они владели 10,5 га земли стоимостью в 5950 злотых. В таком состоянии встретили жители этих населенных пунктов и приход советской власти [222].

5.3. О НЕВОЗВРАТНОМ: ГРОДНЕНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ВИЛЕНСКИХ МУЗЕЯХ И АРХИВАХ

Потребность в учреждении музея графа М.Н. Муравьева появилась у жителей г. Вильно одновременно с желанием установить ему в своем городе памятник. Когда в 1891 году был Высочайше разрешен сбор средств на него, то в образованном для этой цели особом комитете начали рассматриваться самые различные проекты увековечения памяти Муравьева. Поступило предложение И.П. Корнилова составить и издать исторический очерк о жизни и деятельности графа в Северо-Западном крае. Мысль эта была одобрена комитетом, и за ее осуществление взялся известный писатель В.В. Крестовский, впоследствии, к сожалению, отказавшийся от этой работы вследствие трудностей, связанных со сбором материалов по данной теме, разбросанных по разным архивам и местам.

Это обстоятельство заставило местного археолога-любителя полковника А.В. Жиркевича задуматься над тем, как устранить справедливо указанное В.В. Крестовским препятствие к ознакомлению с материалами муравьевской эпохи. Постепенно Жиркевич пришел к идее об основании в городе музея М.Н. Муравьева. Ее осуществлению серьезным образом мешали отсутствие помещения для этой цели, средств для его организации и содержания.

В 1898 году ему на помощь пришел помощник попечителя Виленского учебного округа, историк и краевед А.В. Белецкий, написавший докладную записку-обоснование генерал-губернатору В.Н. Троицкому об учреждении данного музея, который, по его заключению, «может быть новым прекрасным памятником великому сыну России». В.Н. Троицкий поддержал эту мысль и направил сразу же через министра внутренних дел ходатайство к императору Николаю II об открытии музея. 9 июня Высочайшее разрешение было получено, и музей был основан в нескольких комнатах при Виленской публичной библиотеке.

На первоначальное обустройство музея В.Н. Троицким было выдано А.В. Белецкому 1200 рублей, оставшихся от собранной на сооружение памятника графу М.Н. Муравьеву суммы. Для окончательной разработки плана устройства музея генерал-губернатором была образована особая комиссия под председательством А.В. Белецкого, в состав которой вошли: управляющий канцелярией генерал-губернатора В.Т. Судейкин, протоиерей И.А. Котович, председатель археографической комиссии Ю.Ф. Крачковский, полковник А.В. Жиркевич, чиновники – А.А. Виноградов, В.С. Бартошевич, преподаватель реального училища И.Р. Поликарпович. С образованием комиссии в формирующийся музей стали поступать разные предметы и документы. В числе активных вкладчиков и ревнителей этого дела были: генерал-губернатор В.Н. Троицкий, графиня В.Л. Муравьева, графы Н.В. и М.Н. Муравьевы, графы Шереметьевы, сенатор И.М. Гедеонов, В.Т. Судейкин, И.П. Корнилов, И.А. Никотин, А.В. Белецкий, В.И. Павлов и др. Особую ценность для фондов музея представляли документы и предметы, собранные задолго до его открытия полковником А.В. Жиркевичем. На приобретение их он не жалел собственных средств. Им же с разрешения генерал-губернатора были осмотрены на предмет поиска документов и экспонатов для музея все проправительственные архивы края.

Два года музей существовал в весьма стесненных условиях. С приходом на должность виленского генерал-губернатора князя П.Д. Святополк-Мирского музей был перенесен в здание при дворе начальника края, были выделены средства на его обустройство.

К 1904 году оборудование музея было полностью завершено. В его составе находилось 8 отделов (экспозиций), в которых были сгруппированы все документальные материалы и предметы, относящиеся ко времени управления краем М.Н. Муравьевым.

В первом отделе музея находились доклады, циркуляры, письма, заметки и другие документы за подписью М.Н. Муравьева, прокламации и распоряжения Польского Жонда, а также документы

различных госучреждений и официальных лиц. В этом отделе хранилось и подлинное письмо графа М.Н. Муравьева к митрополиту Литовскому и Виленскому Иосифу (Семашко) от 30 апреля 1865 года, написанное по случаю оставления Муравьевым Северо-Западного края. В нем, в частности, высказывалась благодарность всему православному духовенству и русским деятелям за горячее сочувствие, оказанное ими в тяжкое для него время польского восстания, которое «было подавлено не одною силою оружия, но моральным и материальным содействием» с их стороны. В первом отделе можно было увидеть командировочные документы генерал-губернатора в Слонимский уезд от 23 июля 1863 года и в Лидский уезд от 6 сентября того же года, бумаги по делам православной церкви, а также проекты церквей (различной вместимости) и иконостасов, в том числе намеченных к строительству в городах и селах Гродненской губернии. Тут же хранились списки разных лиц, участвовавших в мятеже 1831 года, извлеченные из сведений секретных комиссий виленского и гродненского временного губернатора; объявление сельским обывателям края, включая и Гродненскую губернию от 2 июня 1863 года, об учреждении сельских караулов, ряд печатных изданий повстанцев, включая и «Мужыцкую праўду» («*Cnlopska prawda*»); подробный журнал исходящих бумаг командующего войсками южной части Гродненской губернии, дела о проводимых там военных действиях за 1863 – 1864 годы, а также о количестве оружия, отобранного здесь у жителей в связи с введением военного положения; представления гродненского губернатора о мерах по возвращению в православие лиц, соvrащенных в католичество, а также указ об увольнении графа Гобровского с должности губернатора Гродненской губернии.

Второй отдел музея представляла библиотека музея, точнее, коллекция книг, брошюр и периодических изданий, имевших отношение к истории края, восстаний 1830, 1863 годов, а также к военно-административной деятельности генерал-губернатора Муравьева. Среди последних следует отметить воспоминание о Муравьеве В. Войта и М. Долгорукова, работу А. Виноградова о строительстве памятника графу в Вильно, А. Миловидова об отношении графа Муравьева к православной церкви, И. Корнилова о вкладе Муравьева в развитие школьного дела, Д. Кропотова «Жизнь графа М.Н. Муравьева», М. Макаревского «О церковно-общественной деятельности», К. Мещерского «Памяти Муравьева», родословную Муравьевых и т.д. Из печатных изданий, имеющих непосредственное отношение к Гродненской губернии, можно выделить в данной коллекции: ряд номеров «Гродненских губернских ведомостей» за разные годы, «Литовские Епархиальные Ведомости», труд Е.Ф. Орловского «История народного образования в Гродненской губернии,

по архивным материалам Гродненской гимназии» (Гродно, 1869), 2-томный труд епископа Иосифа (Соколова) «Православие в Брестско-Гродненской земле в конце XIX века» (Воронеж, 1899), труды М.О. Кояловича, имеющие отношение к истории края, в частности, работа о так называемой «Свислочской смуте» (СПб., 1880), «Памятные книжки Гродненской губернии» за 1864 – 1869 годы, «Постановления Гродненского по крестьянским делам присутствия» за 1864 – 1867 годы и др. Имелась в отделе и книга М. Вахрушева, посвященная истории 101-го пехотного Пермского полка (СПб., 1897), дислоцировавшегося длительное время в Гродно и принимавшего участие в подавлении восстания 1863 года.

Третий отдел был призван характеризовать графа М.Н. Муравьева как ревностного церковно-общественного деятеля и поборника православия в крае. Здесь помещались рисунки, фотоснимки и чертежи православных храмов, часовен, памятников и могил, восстановленных или построенных по его распоряжению и при его усердии. Особое место в этой экспозиции уделялось виленским древним храмам и памятникам (Николаевскому кафедральному собору, Пятницкой церкви, Пречистенскому собору), восстановленным при Муравьеве. Здесь же хранились и материалы по Гродненской губернии. В частности, несколько фотографий с видом на старую деревянную православную церковь в Сураже Белостокского уезда и новой каменной церкви, сооруженной при графе Муравьеве рядом со старой, на месте мученической кончины священника Константина Прокоповича, повешенного повстанцами (в присутствии всего семейства в праздничный день Святого Духа 23 мая 1863 года).

Имелись в отделе также фотографии сооруженной каменной православной церкви в м. Семятичи Бельского уезда и старой деревянной церкви с соломенной хudoю крышей; виды новых помещений церквей в селе Нарай того же уезда, в м. Вишневе Ошмянского уезда, кладбищенской церкви на так называемой «Миндовгой горе» в г. Новогрудке; фотография возобновленной церкви пророка Даниила, где служил священником Даниил Конопасевич, повешенный повстанцами; вид часовни в г. Слониме в память о воинах, убитых в сражении с польскими повстанцами при Миловидских лесах в Слонимском уезде (22 мая 1863 года); фотографии памятников на могилах священника Даниила Конопасевича в селе Богушевка Гродненской губернии; учителя Лысовского народного училища Волковысского уезда Витгольца, застреленного повстанцами 22 апреля 1863 года; волостного старшины Озерницкой волости Слонимского уезда Макаревича, повешенного повстанцами 1 июля 1863 года, псаломщика Юзефовича, убитого повстанцами, рядового Гриценко, убитого мятежниками, и др. В отделе хранилось большое количество проектов, чертежей и рисунков академика-архи-

тектора Н.М. Чагина, много потрудившегося при храмостроительстве в крае в целом и на Гродненщине в частности.

В четвертом отделе были сосредоточены чертежи и рисунки правительственных и общественных учреждений, сооруженных в крае в 1863 – 1865 гг., помещалась и фотография Новоградской гимназии.

Пятый отдел содержал портреты, писанные масляными красками, как самого М.Н. Муравьева, членов его семейства, так и его выдающихся современников, включая портрет митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко). В состав коллекции отдела входили уникальные медальоны, вставленные в общую раму: один – с портретом, а другой – с волосами графа Муравьева, полученными от его дочери С.М. Шереметьевой. Здесь же помещалось множество фотографий деятелей, находившихся в подчинении Муравьева. В частности, виленского, а затем гродненского полицмейстера Саранчи, портреты архитекторов А.П. Резанова и Н.М. Чагина, построивших ряд церквей на Гродненщине в 1860-е годы; портреты гродненского губернатора И.Н. Скворцова, губернского предводителя дворянства Давыдова, управляющего Гродненской казенной палатой А.В. Оболенского, членов губернского по крестьянским делам присутствия Н.А. Зубкова, П.И. Небольсина, И.В. Никольского, правителя канцелярии гродненского губернатора А.В. Васильева, председателей поверочных комиссий по Гродненской губернии: А.В. Алексеева, Д.А. Чаплина, М.П. Киселевского, М.В. Селиверстова, Н.А. Зиновьева, А.И. Левикова, предводителя дворянства Сокольского уезда В.А. Томилова. Имелось полное собрание портретов уездных мировых посредников Гродненской губернии: И.П. Хотянцева, И.П. Елчанинова, В.Н. Лаврова, Ф.М. Глинки, А.И. Щербова, Д.В. Головина, Д.Н. Скориотского, М.П. Соловьева, Н.Е. Денежина, Н.А. Маньковского, люстратора В.Г. Никольского; гродненского жандармского штабс-офицера Н.А. Лелянова, начальника Сокольского уездного жандармского управления В.А. Воронова, профессора С.-Петербургской духовной академии, уроженца Гродненской губернии М.О. Кояловича.

В шестом отделе хранились вещи и предметы графа Муравьева, имеющие отношение к его пребыванию в Вильно, включая мебель из его кабинета, подсвечники, металлическая печать с его гербом, камышитовая трость с нефритовым набалдашником, альбомы, книги из его личной библиотеки, рисунки, фотографии и т.д.

В седьмом отделе хранились венки, возложенные к памятнику Муравьева при его открытии в Вильно 8 ноября 1898 года, в том числе и от гродненцев. Были там и приветственные адреса по случаю этого события, включая и адрес от «Гродненского Софийского Православного Братства», а также переписка в двух томах об устройстве музея М.Н. Муравьева.

В восьмом отделе хранились рисунки и фотографии, изображавшие сцены и деятелей восстания 1863 года, включая и типографский станок повстанцев.

Разумеется, в каталог была включена лишь часть документов и материалов. В музее хранилось еще около 6000 дел, не вошедших в так называемые отделы, так как они не были систематизированы и был составлен лишь общий их список. Какова судьба всех этих экспонатов музея, еще предстоит выяснить. Известно лишь, что к началу Первой мировой войны в музее Муравьева находилось более тысячи ценных экспонатов, а в архиве при нем – около 40 тыс. дел. Удельный вес их по истории Гродненщины был достаточно значительным. Возглавлял музей и архив известный историк и археограф А.И. Миловидов. С началом войны по приказу командующего Двинским военным округом наиболее ценные дела (политические и секретные) были упакованы в 90 мешков (весом около 400 пудов) и вывезены в Ярославль. В этот город были эвакуированы также документы Виленского центрального архива древних актов и рукописного отдела публичной библиотеки [223].

Гродненские экспонаты (в форме рукописей) были достаточно широко представлены и в рукописном отделении Виленской публичной библиотеки. Начало формированию этого отдела было положено учрежденной в 1855 году Виленской археологической комиссией, которая передала сюда часть документальных материалов, не принятых в свое время Виленским центральным архивом древних актов для хранения. Главная причина такого решения состояла в том, что архив принял в свои фонды лишь акты юридического характера, все же остальное, представлявшее исторический, бытовой и литературный интерес, длительное время не было востребовано и хранилось при неблагоприятных условиях в архивах монастырей, церквей, костелов, административных учреждений самого разного уровня и в книгохранилищах частных лиц.

Самые крупные поступления в рукописное отделение публичной библиотеки наблюдались в 1856 – 1857 годах. В их числе были материалы и гродненского происхождения. Так, при содействии виленского генерал-губернатора в 1856 году в отделение были доставлены акты французских подпрефектур 1812 года, хранившиеся при канцелярии гродненского губернского предводителя дворянства.

В том же году директором Белостокского института благородных девиц Кулаковским сюда были доставлены: 41 привилегия, два подлинных циркуляра на имя гетманов Огинского и Любомирского, а также большая коллекция рукописей, включавшая переписку римско-католических кардиналов Бондини, Видони, Барбертини и других с греко-униатскими митрополитами по самым разным делам, включая и вопросы о причислении к лику благословенных Иосифата Кун-

цевича. Были здесь также копии писем, трактатов Речи Посполитой с Москвией 1656 года, инструкции к посланникам и другие материалы, относившиеся к царствованию короля Яна Казимира.

В 1857 году в рукописное отделение библиотеки из Гродненской палаты госимуществ поступила значительная часть знаменитого архива Сапегов, до этого находившегося в их имении Деречин, конфискованного властями за участие его владельцев в мятеже 1831 года. Этот богатейший архив весил свыше 200 пудов, только описей рукописей этого собрания было 13 книг. По ряду причин эта коллекция в течение десятилетий не была систематизирована, хранилась в сырых и темных местах. Как впоследствии оказалось, за это время пропали русские пергаментные грамоты и редкие церковнославянские рукописи. В 1860-е годы весьма много для пополнения рукописного отделения сделали виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев и попечители местного учебного округа И.П. Корнилов, П.Н. Батюшков и В.А. Попов, видевшие в сборе редких старопечатных книг и рукописей «источник и материал для составления полной и верной истории Северо-Западного края». До 1867 года рукописным отделением и библиотекой заведовал П.А. Безсонов, немало сделавший для библиографического описания рукописей. После передачи заведования П.А. Гильденбранту началась активная работа по разбору архива Сапегов, в котором было немало материала по Гродненщине. Активно работал над каталогизацией, описанием и изданием рукописей председатель библиотечной комиссии Ю.Ф. Крачковский.

В 1899 году священник Александр Будилович, уроженец села Комотово Гродненского уезда, передал в отделение «связку древних документов, относящихся к г. Каменцу-Литовскому». В 1902 году рукописное хранилище обогатилось двумя пергаментными ценными грамотами, пожертвованными сыном умершего в 1891 году профессора М.О. Кояловича – М.М. Кояловичем. В том же году архиепископ Литовский Ювеналий передал в библиотеку пергаментные грамоты и другие древние документы, хранившиеся до этого в Литовской духовной консистории и имевшие отношение как к истории унии, так и к истории церквей и монастырей Литовской и Гродненской епархий.

Наиболее полное представление об удельном весе гродненских материалов в рукописных отделах Виленской публичной библиотеки могут дать пять выпусков «Описания рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», выходявшие в свет с 1895 по 1896 год, а также ряд томов Виленского «Археологического Сборника», составленных из рукописей библиотеки. Их скрупулезное изучение позволит значительно обогатить не только наши представления об уровне архивоведения и археографии того вре-

мени, но и о древнейших периодах истории Гродненского края. По мнению А.И. Миловидова, виленские рукописи дают богатый материал и для «лингвистов по исследованию западнорусского наречия... Чем древнее памятники письменного этого наречия, тем ближе они стоят к языку русских летописей, а чем новее эти памятники, тем более заметны на них следы постороннего, преимущественно польского влияния» [224].

Гродненские экспонаты и материалы в фондах муравьевского музея и рукописного отдела Виленской публичной библиотеки не могли не стать в силу их огромной исторической и политической значимости объектом крайнего вандализма в годы внешнеполитических и революционных потрясений первых десятилетий XX века. С каждым годом ослабевают надежды увидеть упомянутые документы и экспонаты в их первоначальном сборе. В этой связи еще большую значимость приобретают те опубликованные в начале ушедшего столетия издания, в которых нашли свое упоминание или описание исторические источники, имеющие отношение к Гродненщине. Потребность в их использовании год от года увеличивается, ибо не перевелись «любители истории края», заинтересованные в наличии «мутной водицы» при трактовке истории 1863 года в Гродненской губернии. За примерами далеко ходить не приходится.

В одном из недавних номеров «Гродзенскай праўды» была напечатана статья С. Чигрина «Гістарычная вандроўка па Азерніцы і яе ваколіцах». Составленная из небольших очерков, написанных под впечатлением посещения автора милых сердцу мест на Слонимщине, эта статья, наверное, могла бы найти добрый отклик в душе читателя, вызвать у него уважение к могилам предков, если бы не явная тенденциозность автора в трактовке восстания 1863 года, его стремление навязать читателю собственные оценки поступков участников тех событий. Повстанцы и их сторонники у С. Чигрина – герои, достойные почитания и уважения, те же, кто оставался верен своей присяге России и служебному долгу – «збратнікі», заслуживающие лишь искоренения из людской памяти. Такие односторонние суждения уже давно отвергнуты исторической наукой и самой жизнью, ибо у всех тех, кто был вовлечен в круговорот восстания, была своя правда, по какую бы сторону баррикад они ни находились. Нельзя сбрасывать со счетов и такой общепринятый акт: восстание, инициированное польской шляхтой и ее пособниками на белорусских землях, не нашло поддержки у большинства народа и поэтому изначально было обречено на поражение. Да и как могли поддержать повстанцев белорусские крестьяне, если в конце восстания один из его вождей Викентин-Константин Калиновский, призывая «мужыкоў, дзецюкоў» отречься от своей православной

веры («схизмы») и «паўстаць разам з Польшчай і за Польшчу», бо «мы з прадвякоў палякі, на польскай зямлі жывем і польскі хлеб ямо», убеждая их, что «Варшава нам – друг, а Москва – вораг», и «Толькі тады заживем шчасліва, калі над табой маскаля не будзе». Реальным доказательством устремлений сторонников Калиновского были сотни сожженных повстанцами церквей и часовен, террор по отношению к православному духовенству и мирянам. Как свидетельствуют архивы, только на территории Гродненщины около 150 человек было убито и повешено, более 200 пропали без вести [225]. Между тем в статье С. Чигрина присутствует явная идеализация повстанцев и их пособников. Вот что он пишет в очерке «Пра вёску Ваўчкі»: «У Ваўчках жыў багаты чалавек Маркевіч. Ён меў шмат сваёй зямлі, бровар. Падчас паўстання 1863 года ён дапамагаў паўстанцам. Пасля яго арыштавалі і саслалі ў Сібір, бровар прадалі, а зямлю яго аддалі сялянам, былым рэкрутам. Бровара Маркевіча даўно ўжо няма. Засталася толькі крыніца, якая па-ранейшаму булькоча сярод вербалозу і травы. Яна напамінае пра нашага суайчынніка Маркевіча, які з тысячамі беларусаў змагаўся супраць Расійскай імперыі. Ды і навогул Слонімсчына ў той час была адным з актыўнейшых асяродкаў паўстання. Напрыклад, толькі супраць Слізняў у Новыя Дзевяткавічы накіравалі дзве расійскія армейскія пяхотныя роты». Налицо попытка Чигрина облагородить «багатага чалавека Маркевіча», посочувствовать ему и за ссылку в Сибирь, и за раздачу его земли «былым рэкрутам», среди которых были, наверняка, и те, кто участвовал в подавлении польского мятежа. Более того, автор ставит Маркевича, помогавшего мятежникам, в один ряд с «тысячами беларусаў, якія змагаліся супраць Расійскай імперыі». Некорректное сопоставление одного с «тысячами», вольное оперирование цифрами и ничего не объясняющими «примерами» служат одной лишь цели: вызвать негативное отношение по отношению к тем, кто не сочувствовал повстанцам и не отделял себя от России.

Убедительно подтверждает заданный курс «вандроўкі» С. Чигрина следующий небольшой его очерк «Зраднік стараста Макарэвіч». Помещаем его здесь без сокращений: «У XIX стагоддзі сярод беларусаў таксама былі здраднікі. Адзін з іх – стараста Макарэвіч, магіла якога знаходзіцца недалёка ад царквы. Макарэвіч выдаў царскім вайскам некаторых паўстанцаў 1863 года, у тым ліку аднаго з кіраўнікоў паўстання – Карла Масальскага. Карла Масальскага схопілі, пасадзілі ў клетку і некалькі дзён вазілі па Слоніме, каб запалохаць мясцовы люд. Пасля на рыначнай плошчы яго павесілі. Але паўстанцы забілі Макарэвіча, гэтым самым адпомсціўшы яму. Гродзенскі генерал-губернатар за тое, што ён выдаў паўстанцаў, «узнаградыў» яго пасмяротна: загадаў пахаваць Макарэвіча каля самой царквы і ўсталяваць надмагільны помнік. Загад губернатара выканалі. На помніку прымацавалі дзве шыльды. На адной шыльдзе напісалі: «Замученный польски-

ми мятежниками», а на другой змясцілі такі тэкст: «Памятник сей со- оружен в 1869 г. в назидание потомству по инициативе и на средства Его Высокопревосходительства Г. Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора И.С. Коханова при материальном содействии крестьян Черемской волости». У 1930 годзе шильду з тэкстам «Замученный польскими мятежниками» людзі сарвалі і выкінулі. Да нашых дзён у Азярніцы каля Свята-Мікалаеўскай царквы збераглася магіла здрадніка Макарэвіча і адзін надпіс на помніку. Але гісторыкаў, болей за тое – вяскоўцаў, яна зусім не цікавіць» [226].

При чтении этого скорее литературно-публицистического, чем исторического, очерка меня не покидало чувство раздражения буквально от каждой ее строчки. Взять хотя бы его название. Автор даже не допускает мысли, что в отношении поступка Макаревича существуют и другие суждения. Здесь же чистой воды приговор ревтрибунала или пресловутой «тройки»: «зраднік» – и все тут. Между тем поступок волостного старшины, а не старосты, как у Чигрина, возглавившего в Озернице, кроме волостного правления, еще и сельский караул, и по долгу, и по совести не мог не воевать с повстанцами. Высокая гражданственность его поступка несомненна. Его героическим поступком и поведением во время пыток гордились родня и односельчане. Известно, что именно при их содействии и был открыт памятник Макаревичу. Справедливости ради следует заметить, что, мстя волостному старшине Матвею Макаревичу, повстанцы спустя месяц убили и его младшего брата Ивана. Он похоронен неподалеку. Весьма показательно и нарочитое противопоставление Чигриным тех, кто увековечивал подвиг Макаревича: «гродненский генерал губернатор» (правильно – губернатор, ибо генерал-губернатор стоял во главе края, и в обиходе его чаще называли – «виленский генерал-губернатор». – *В. Ч.*), «виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор И.С. Коханов – одним словом, «улады», и тех, кто срывал шильду «Замученный польскими мятежниками». Здесь у автора очерка уже не польские власти, как это было в 1930 году, убрали с надгробия названную шильду, а «людзі (значит народ. – *В. Ч.*) сарвалі і выкінулі» ее – ни больше ни меньше. Не соответствует истине и бездоказательное утверждение его о том, что «гісторыкаў, болей за тое – вяскоўцаў, яна зусім не цікавіць». Могила Макаревича, насколько известно, является одной из достопримечательностей Озерницы. Один из ее жителей, зная о моем интересе к церковному писателю и публицисту Сергею Белайцу, в 1952 – 1961 годах служившему в Озерницкой Свято-Николаевской церкви [227], прислал мне список лиц, похороненных рядом с церковью. В нем, кроме могилы волостного старшины Макаревича, были упомянуты захоронения священников сельской церкви, почивших в разные годы: Антоний Олиферович (1853 г.), Никанор Святосков (1859 г.), Александр Голочинский (1899 г.), Онуфрий Калиский (1946 г.) и др. Что же

касается могилы казненного повстанцами Макаревича, то она была мне известна и раньше благодаря ее описанию и фотографии в «Иллюстрированном каталоге музея графа М.Н. Муравьева в г. Вильно» (СПб., 1904). В нем, наряду с фотографиями многочисленных жертв повстанцев, имеется и снимок памятника на могиле Макаревича в селе Озерница в первозданном виде. Рядом с ним, у ограды могилы, запечатлены священник Свято-Николаевской церкви и молодой офицер русской императорской армии, по некоторым сведениям, внук Макаревича.

Когда настоящий очерк был написан, нам попало дело «Производящиеся дознания и следствия. 1867». Среди многочисленных его документов был и листок, подтверждающий факт, что к зверскому убийству волостного старшины Макаревича были причастны несколько лиц. Были среди них и пособники повстанцев из числа, возможно, односельчан Макаревича. Есть у ниже цитируемых строк и другой смысл: те, кто восстановил спокойствие в крае, не мстил слепо пособникам, а старался разобраться в свершившемся спокойно и по закону. Так, 31 декабря 1866 года судебный следователь Слонимского уезда Стрельбицкий сообщал военному начальнику г. Слонима и одноименного уезда следующее: «Окончив следствие по обвинению крестьян Слонимского уезда Адама и Феликса Байкевичей в том, что они участвовали в повешении мятежниками озерницкого старшины (Матвея Макаревича. – *В. Ч.*), имею честь препроводить таковое к Вашему Высокоблагородию и при этом присовокупляю, что означенные Байкевичи до окончания дела отданы мною под надзор полиции».

Некоторую ясность в данную проблему вносят показания шляхтича Фадея Керсновского Слонимской уездной военной следственной комиссии по политическим делам: «12 числа мая (1863 года. – *В. Ч.*) в миловидском лесу я вступил в шайку Юндзилла и пробыл в ней около месяца. Из миронимского леса из шайки было послано три человека для разузнания о духе простонародья, какого они намерения к защите Польши. По возвращении означенных людей, Юндзилл назначил Лукашевича и с ним 22 человека в м. Езерницу, где они и повесили старшину. За что они его повесили, я не знаю, ибо стоял на пикете на рынке. Вешали старшину (Макаревича. – *В. Ч.*) Зельмец и Массальский у священника православного на воротах...» [228].

5.4. ЛЮДВИК ЗАМЕНГОФ В ГРОДНО

Гродненский период жизни и деятельности Людвика Заменгофа (1859 – 1917) – создателя языка эсперанто, изучен весьма слабо. Авторы книги «Кронан. Летapis горада на Нёмане» (А.П. Гостев и В.В. Швед), изданной в 1993 году, в частности, утверждают, что Заменгоф «жил в Гродно с 1893 по 1895 год на ул. Полицейской

(ныне Кирова, 5, там установлена мемориальная доска» [229]. Между тем на этой памятной доске (в настоящее время снятой в связи с ремонтом указанного дома. – *В. Ч.*) выбито следующее: «Тут з 1893 па 1897 г. жыў стваральнік мовы эсперанта Лазар Маркавіч Заменгоф». Данная периодизация представляется нам правдоподобной, тем более, что она находит подтверждение в архивных материалах. Так, в фондах НИАБ в г. Гродно нами выявлены следующие сведения о докторе Заменгофе.

В конце 1891 – начале 1892 года медицинский департамент МВД на основании отношения военного министра дал указание гродненскому губернатору о необходимости составления «Списков гражданских вольнопрактикующих и отставных врачей (фармацевтов)», которые бы в случае возникновения войны могли служить как на театре военных действий, так и по месту их жительства и медицинской практики.

Во исполнение данного указания у этих категорий врачей и фармацевтов были взяты сведения о предпочтительности места их службы в военное время. В 1892 году из 10 гродненских врачей и фармацевтов лишь один врач (Ю.Ф. Бенецкий) изъявил желание служить на театре военных действий. Остальные же решили исполнять свой врачебный долг по месту жительства и медицинской практики (И.Ф. Верига, Г.Ш. Замковский, К.С. Кемарский, О.И. Костялковский, И.С. Кулькин, Ф.В. Оттович, А.Д. Потоцкий, С.О. Розвадовский, А.М. Андрес).

В последующие годы такие списки обновлялись с включением в них вновь прибывших в город врачей и фармацевтов. В одном из них за 1896 год (28 июня), среди тех, кто изъявил желание «нести военно-медицинскую обязанность на месте их жительства и службы», значился вольноопределяющийся врач Лазарь Маркович Заменгоф («37 лет, исповедания иудейского, окончил курс медицинских наук в 1875 году, лекарь-окулист, проживает в г. Гродно на Полицейской улице, дом Рахманиной, до этого в армии не служил»). При данных списках имелась собственноручная расписка Заменгофа: «Я, нижеподписавшийся, состоящий в запасе чиновников военно-медицинского ведомства, в случае войны желаю нести военно-медицинскую обязанность на месте моего жительства в г. Гродно. Врач Заменгоф. Гродно, дня 24-го июня 1896 года» [230]. В 1897 году М. Заменгоф дал властям такую же расписку. В 1898 году в списках такого рода он уже не значился.

Помимо профессиональной деятельности, доктор не чуждался и общественно-полезных поручений. Так, по данным официальной части «Гродненских губернских ведомостей» за 21 января 1895 года, в списке очередных и запасных присяжных заседателей по Гродненскому уезду значился «лекарь Лазарь Маркович Заменгоф» [231].

Принимал участие доктор Заменгоф и в благотворительной деятельности. Когда летом 1895 года «Русское общество охраны

народного здоровья» обратилось к гродненцам с просьбой принять участие в подписке на издание, осуществляемое обществом к 100-летнему юбилею «со дня открытия предохранительного оспопрививания (2/14 мая 1896 года)», то городские врачи Ю.Ф. Бенецкий, К.С. Кемарский и Л.М. Заменгоф оказались первыми среди тех, кто принял участие в этой благородной акции [232].

Весьма интересные сведения о гродненском окулисте, его родных и ближайшем окружении находятся в материалах всероссийской переписи 1897 года по г. Гродно. Здесь, в так называемых переписных листах, указано следующее: «Сведения о Заменгофе Лазаре Марковиче, его семье и прислуге (всего – 6 чел.), улица Полицейская, дом Рахманиной (вдовы чиновника, сама лютеранского исповедания), кв. 4.

1. Заменгоф Лазарь Маркович, муж, хозяин, 37 лет, женат, мещанин, лекарь, родился в г. Белостоке Гродненской губернии, прописан в Варшаве, обыкновенно живет в Гродно, вероисповедания иудейского, родной язык русский, окончил Варшавский университет, средства к существованию – практикующий врач.

Члены семьи: 1. Заменгоф Клара Александровна, жена, 33 лет, замужем, из мещан г. Ковно, родилась там же, вероисповедания иудейского, родной язык русский, окончила Ковенскую гимназию; 2. Заменгоф Адам Лазаревич, сын, 8 лет, родился в Варшаве; 3. Заменгоф Софья Лазаревна, дочь, 7 лет, родилась в Ковно.

Прислуга: 1. Новоградская Мармания Петровна, кухарка, 37 лет, девица, из крестьян, родилась в деревне Суховоля, гмина Любово, Кальварийского уезда, Сувалковской губернии, вероисповедания римско-католического, родной язык литовский, читает по-польски; 2. Баранцевич Софья Антоновна, горничная (на момент завершения переписи выбыла), 23 лет, из крестьян, родилась в урочище Стодольная, Сокольского уезда, Гродненской губернии, вероисповедания католического, родной язык польский, читает по-польски»[233].

...Сухие, казенные строки, но за ними скрывается большая и самозабвенная работа доктора Заменгофа над новым языком общения, который, по его мнению, должен осчастливить людей. Среди тех, кто стремился к изучению эсперанто, использовал его в своем общении с миром, было немало гродненцев. К ним принадлежал и последователь религиозно-философского учения Л.Н. Толстого скидельский литератор, публицист и общественный деятель П.Я. Севрук (1905–1929), который переписывался на этом языке со своими однодумцами из Польши, Финляндии, Швеции, Японии, Англии, Франции, Швейцарии, Германии и других стран. Интерес к творческому наследию доктора Заменгофа проявляют гродненцы и сегодня.

5.5. СТО ЛЕТ С ПУШКИНЫМ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ДАРЕНИЯ

Год 200-летнего юбилея А.С. Пушкина был для преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета им. Я. Купалы примечателен не только участием в ряде научных конференций и других мероприятий, связанных с торжеством, но и тем, что в канун юбилея кафедра литературы получила от старожилов города замечательный подарок – чудом сохранившийся старинный бюст великого поэта.

Судя по степени сохранности, скульптурное изображение классика перенесло немало испытаний. Благородные дарители его – супруги Анна Константиновна и Павел Иванович Сасины, будучи большими поклонниками творчества поэта, тем не менее сделали это из соображений гуманности и справедливости. Дескать, до нас он служил людям, пускай и теперь послужит, вдохновит и обогреет. Анна Константиновна рассказала, что внушительного вида скульптура досталась ей в наследство от матери – Нины Гавриловны Груши (Бобрик). Ей же она была подарена очень близкой подругой, благополучно принимавшей у нее роды акушеркой Марией Фоминичной Остапчук. Случилось это в середине 60-х годов XX века, когда одинокая, уже преклонных лет Мария Фоминична надумала перебраться на жительство к своей сестре в Польшу. Передача из рук в руки семейной реликвии проходила трогательно, ибо в одном и другом гродненских семействах боготворили Пушкина. Кроме того, для Марии Фоминичны это художественное произведение, особенно в последнее время, было поводом для теплых воспоминаний о своем умершем муже Владимире Григорьевиче.

Именно Владимир Остапчук, работая в годы немецкой оккупации города механиком водоканала, обнаружил эту скульптуру на свалке возле Архиерейского дома (ул. Горького, 1). Немцы, освобождая для своих нужд дом, не обратили внимания на гипсовое изображение: другое дело, если бы вещь была из бронзы, а так – выбросили и все. Остапчук же посчитал постыдным, даже в условиях войны, сделать вид, что не заметил такого варварства. Когда стемнело, он с несколькими знакомыми доставил массивную скульптуру домой. Вначале спрятали ее в сарае, а спустя какое-то время, с согласия Марии Фоминичны, установили ее в гостиной в красном углу, под иконами.

Остапчукам этот бюст, конечно же, был знаком по многочисленным культурно-просветительским мероприятиям, которые проводило еще при польской власти, в 1920 – 1930-е годы, «Русское благотворительное общество» (РБО). Правление его располагалось в левом флигеле Архиерейского дома, там же находилась и библиотека-читальня,

которой заведовал известный всему городу своей ученостью и странностями Н.А. Червяковский. Именно здесь постоянно находился бюст, и только в дни русской культуры или так называемые «пушкинские дни», приуроченные к юбилею поэта, его переносили на сцену городского театра. Одна из современниц Остапчуков, гродненка Вера Георгиевна Шпакова (Бортгашевич), воспитывавшаяся в ту пору в сиротском приюте РБО, с большим вдохновением рассказывала нам о том волнении, которое она испытывала, когда вместе с другими юными скаутами стояла в почетном карауле у украшенной цветами «гордости русской поэзии», в то время когда взрослые бурно обсуждали в зале вопросы о роли поэта в развитии русской культуры.

Как оказалась эта скульптура в гродненском отделении РБО? Поиски ответа привели в 1899 год. Это было время, когда вся Россия готовилась отметить юбилей А.С. Пушкина. Ряд праздничных мероприятий готовился и в Гродно. Дирекция мужской гимназии решила приобрести для себя скульптурное изображение поэта. Инициаторами этой акции выступали преподаватели гимназии – большие почитатели творчества Пушкина – И.И. Остроумов, Е.Ф. Орловский. Горячо поддержал их и директор гимназии А.Ф. Пигулевский. Вскоре в адрес одной из петербургских фирм, занимавшихся изготовлением гипсовых скульптур, был послан соответствующий запрос, а через две недели по железной дороге выполненная работа была благополучно доставлена в здание гимназии.

Приобретение бюста великого поэта было восторженно встречено всеми преподавателями и гимназистами. О том, что он находится в центре юбилейных торжеств, свидетельствуют строчки из «Исторического очерка Гродненской гимназии», написанного в 1901 году Е.Ф. Орловским: «26 мая Гродненская гимназия отпраздновала 100-летний юбилей А.С. Пушкина. Торжество началось с панихиды о скончавшемся поэте; перед ее началом законоучитель гимназии отец Николай Диковский сказал краткое слово, в котором обрисовал личность безвременно ушедшего поэта с нравственной и религиозной точек зрения... Затем в актовом зале гимназии состоялся торжественный акт в присутствии всех почетных лиц г. Гродно, родителей и родственников выпускников гимназии. На эстраде с правой стороны возвышался бюст поэта, окруженный зеленью, цветами и увенчанный лавровым венком... Началось чествование, в котором приняли участие многие преподаватели и гимназисты. Речь «Пушкин как русский национальный поэт» произнес И.И. Остроумов. Преподаватель Н.В. Складаров произнес речь о воспитательном значении произведений А.С. Пушкина. Хор гимназистов исполнял музыкальные произведения на слова поэта, многие из них читали любимые стихи... Последним отзвуком торжества явилось

вручение выпускникам вместе с аттестатами об образовании по экземпляру «Сочинений» А.С. Пушкина в роскошном переплете, на верхней стороне которого был вытеснен золотой портрет поэта с надписью «Гродненская гимназия. Юбилейный подарок»... Их вручение осуществлялось у бюста поэта, и он как бы напутствовал «племя младое, незнакомое» на добрые дела».

Каким был путь этой реликвии из гимназии в здание правления РБО? Ответить определенно нелегко, но факт остается фактом, что в 1920 году, после того, как в помещения мужской гимназии въехала польская женская гимназия, изваяние поэта оказалось у частных лиц. Они-то в 1925 году, то есть тогда, когда было создано Гродненское отделение РБО, передали его на вечное хранение правлению во главе с доктором В.В. Кошелевым.

Кто они, эти люди? Нам это пока неизвестно, но ведь и о последних хранителях памяти Пушкина мы узнали совсем недавно. А это значит, что есть надежда об удивительной судьбе бюста русского гения узнать больше.

5.6. К БИОГРАФИИ ЮЗЕФА ИОДКОВСКОГО

Жизнь и деятельность известного гродненского краеведа, археолога и музейного работника Юзефа (Иосифа) Иодковского (1890 – 1950) постоянно находится в поле зрения его сегодняшних поклонников. Из их исследований известно, что Ю. Иодковский – выпускник Гродненской мужской гимназии («участник тайных молодежных организаций» и других «противоправительственных акций») – после окончания Московского археологического института в 1912 году был принят в члены Московского археологического общества и по поручению его неоднократно выезжал в родные места с исследовательскими целями. В большинстве случаев результаты этой работы были направлены на доказательство принадлежности исследуемых историко-культурных памятников к их литовско-польскому периоду.

О такого рода деятельности Ю. Иодковского хорошо знали в так называемых западнорусских кругах г. Гродно. В их печатном органе «Северо-Западная жизнь» (редактор Л.М. Солоневич), выходявшем в ту пору в Гродно, 21 октября 1912 года из-за «любви» к земляку было перепечатано не без злорачества гневное письмо Ю. Иодковского в редакцию московского журнала «Новое время», касавшееся его недавней командировки на родину. Редактор снабдил эту публикацию ироническим заголовком «Панская пшиемность». Понимая ее важность для воссоздания полной биографии Юзефа Иодковского, приводим данное письмо в полном объеме:

«Летом нынешнего года я был командирован Императорским Московским археологическим обществом в Виленскую губернию для изучения древних замков в Троках, Лиде и Медниках. Первые три замка находятся на общественных землях, посему изучение их не представляет особых затруднений благодаря содействию местных властей. Медникский же замок находится во владении официально госпожи Комар, а фактически – австрийско-го подданного графа Дрогоевского.

Заручившись письменным разрешением графа Дрогоевского изучить Медниковский замок, 20 июля с.г. я отправился в имение Шумск (Виленский уезд), где проживает владелец замка. Повидаться, однако, с графом не удалось, так как лакей мне объявил, что “граф болен”, и предложил ехать в фольварок Медники, находящийся в верстах 8-ми от имения Шумск. В Медниках управитель меня поместил в необитаемом барском доме с выбитыми стеклами, местами с вырванным полом, с незакрывающимися дверьми, а что хуже всего – без мебели...

В таких условиях я был оставлен наедине, но не надолго, так как вскоре явился урядник, который, не удовлетворившись официальным документом, пожелал справиться подробно о цели моего приезда в Медники, после чего удалился.

После странного визита я долго оставался один, недоумевая, особенно когда стало темно, почему мне не приносят свечей или лампу, а тем паче – постель. Выйти из дома – довольно рискованное мероприятие: там много злых собак, посему оставалось одно... томительное ожидание. С наступлением полной темноты появились крысы... Благодаря разбитым окнам стало сильно продувать. В нынешнее же дождливое время – температура ночью низкая, посему летнее пальто мало помогло. Оставалось одно – только ждать. И так до 12 часов следующего дня, когда явился управляющий и дал мне лошадку в Шумск, но не к графу Дрогоевскому, а в волостное правление, откуда я выбрался на свет Божий.

Если за желание узнать тайны замка отбывали наказание в заточении в средние века, то в XX веке, мне кажется, имеются меры более культурные, хотя бы не разрешать работать на благо науки, но не морить голодом и сажать в “одиночную” ни за что неповинного человека, ныне благодаря этому “гостеприимству” совершенно больного..! Жестоко!

Гродна.

Иос. Иодковский».

5.7. ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО: ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ГРОДНЕНЩИНЕ В КОНЦЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

В межвоенной Польше историческому прошлому Гродненщины уделялось значительное место на страницах центральной и региональной печати. Немалый интерес представляет варшавский иллюстрированный журнал «Przebyj», основанный в 1928 году (от-

ветственный редактор – Хенрик Гревич). Издание посвящено проблемам общественного самоуправления Польши и в 1928 – 1931 годах неоднократно осуществляло спецвыпуски на эти темы. Наиболее информационно насыщенным был майский номер журнала за 1931 год. В нем получила освещение не только природа, но и история гродненской земли. В материалах, подготовленных тогдашним директором государственного музея в Гродно Юзефом Иодковским, нашли отражение основные положения былых трудов автора по гродненской тематике. Здесь же были помещены и биографические сведения о самом Иодковском. По своему содержанию названные очерки не содержат ничего нового для специалистов-историков по сравнению с его известными трудами. Значительно больше интересных сведений можно почерпнуть из тех материалов, которые были подготовлены редколлегией журнала на темы общественного самоуправления Польши.

Вполне понятно, что содержание ниже публикуемых материалов отражает лишь уровень мышления составителей тех или иных очерков о Гродненщине, их проправительственные пристрастия. Последнее наиболее очевидно при трактовке главных вех истории края, соотношения здесь белорусского и польского населения (первое приуменьшалось, второе преувеличивалось), приукрашивании достижений польской власти на «крэсах» через перечисление новостроек, общественных формирований проправительственной ориентации. Шаблон при изложении этих «достижений», искусственный пафос предлагаемых читателям материалов не могут не бросаться в глаза. Содержание же публикуемых очерков убедительно свидетельствует о том, что имевшиеся сдвиги в социально-экономической, политической и культурной сферах Гродненщины в тот период времени были предельно минимальными и поверхностными, не затрагивающими в позитивном смысле жизни и благосостояния большинства местного населения. Вместе с тем, было бы несправедливым игнорировать наличие в данной журнальной публикации интересных конкретно-фактологических данных, в первую очередь, имеющих отношение к людям, т.е. к тем деятелям, кто в конце 1920-х – начале 1930-х годов трудился в крае на ниве общественного самоуправления.

Впрочем, давайте обратимся к содержанию опубликованного на страницах названного журнала. Вот как, в частности, характеризовался в этом отношении Гродненский повят (уезд), входивший в состав Белостокского воеводства.

По данным на 1 января 1931 года, территория Гродненского повята простиралась на 4634 кв. км, на которых проживало более

205 000 жителей (вместе с Гродно). Среди них было около 72 000 поляков, 85 000 белорусов, 38 000 евреев, 7000 литовцев, около 1000 татар. Кроме того, общепольская перепись населения от 30 сентября 1921 года выявила наличие следующих вероисповеданий: 41,1 % католиков, 37,4 % православных, 21,1 % иудеев и 0,4 % других. Общая плотность населения составляла 24,4 чел. на 1 кв. км. Повет входил в состав Белостокского воеводства и включал в себя, кроме Гродно, города Друскеники, Индуру, Крынки, Скидель, а также 24 сельские гмины.

Гродненский повет граничил на северо-западе (на пространстве 60 км) с Литвой, на северо-востоке – с Виленско-Трокским поветом, на севере – со Щучинским поветом, на юго-востоке и юге – с Волковыским поветом и на западе – с Сокольским и Августовским поветами. Средняя высота над уровнем моря – более 164 метров, явно выделялась здесь литовско-белорусская возвышенность и белостокская низменность. Почвы повета достаточно разнородные: чернозем в долине реки Свислочь, а также прекрасные луга и пастбища. На юге – пески и гравий, на севере – много неудобий, сыпучих песков и заболоченных почв, в отдельных гминах имеются залежи редких сортов глины.

Характерной особенностью повета являлось сельское хозяйство. Имелись здесь и достаточно большие лесные пространства с бедными почвами, что вынуждало население заниматься лесным промыслом. Пейзаж в повете достаточно разнообразный, местами монотонный, покрытый низенькими лесками и песчаными холмами; местами необычайно красивый и живописный на Гродненской возвышенности. Особенно красивыми видами отличаются берега Немана в различных местностях, но более всего в окрестностях Друскеник – единственного на территории северо-восточных земель Речи Посполитой города-курорта.

Территория Гродненского повета была заселена людьми еще в доисторические времена. Раскопки, проведенные на берегах Немана, свидетельствуют о том, что поселения людей здесь можно отнести к каменному веку. Первые письменные упоминания об истории Гродненщины имеются в хрониках Гродно, относящихся к господству на этих землях литовского князя Миндовга в 1241 году. В те времена уже существовал сожженный татарами город. Затем здесь существовало удельное Гродненское княжество с столицей в Гродно до 1413 года. В этом году Гродненщина вошла в состав Трокского воеводства в качестве Гродненского повета.

Через территорию повета проходили армии разных народов: король шведский Карл XII вел свои войска во время войны с царем Петром Великим, армия императора Наполеона по дороге на Москву также проходила через Гродненский повет. А в 1915 году в годы

Первой мировой войны весь повет был занят немецкими войсками. Немецкая оккупация продолжалась здесь до конца 1918 года.

Позитивное развитие сельского хозяйства в Гродненском повете во многом было связано с деятельностью поветового самоуправления под руководством его председателя, старосты повета Зигмунта Робакевича, который с декабря 1927 года, заняв эту должность, начал интенсивно работать в этом направлении. Если в 1927 году на сельское хозяйство выделялось 37 135 зл., то в 1928 – 1929 году на их нужды поветовый сеймик выделял уже 107 751 зл. 23 гроша. На территории повета в 1928 году работало 5 агрономов и 4 ветеринарных врача. Для повышения сельскохозяйственных знаний крестьян в повете были организованы специальные курсы, проводились лекции по агрономии и животноводству, тогда же было заложено 50 показательных участков-полей. Для повышения экономической отдачи сельского хозяйства было создано 12 станций по очистке семян, организованы пункты по размножению племенного скота красной польской породы. Сеймик проводил показательное хозяйствование на основанной в 1924 году сельскохозяйственной семенно-животноводческой ферме государственного имения в Грандичах. Там же осуществлялось размножение племенного скота крупной английской породы. В 1929 году был заложен питомник плодовых пород деревьев; там уже окультурено 20 000 деревьев и заложена плантация табака. В том же 1929 году сеймик инициировал строительство сельскохозяйственного питомника в Котре, выделив для этого 50 га посевных площадей, на которых планировалась организация показательного хозяйства с высокой культурой земледелия. К сожалению, всеобщий экономический кризис является причиной того, что закладка питомника в Котре была отложена «до лучших времен».

В развитии ветеринарного дела 1929 год был отмечен увеличением амбулаторий для лечения скота до 6-ти. Весь повет был разделен на районы по исследованию убойного мяса домашнего скота. Было организовано также 12 сельскохозяйственных библиотек, осуществлялось множество экскурсий в местности с более высоким уровнем хозяйствования (Горный Шлёнск, Познань и Поморье). В 1929 году увеличилось число показательных полей по возделыванию ржи, овса, картофеля, а также лугов, которых было на территории повета 195. В 8-ми населенных пунктах было основано 155 показательных хозяйств. Внедрялись в жизнь положения о государственном надзоре над племенными быками в двух гминах повета. Благодаря помощи поветового самоуправления в повете была развернута сеть сельскохозяйственных и других кружков, осуществлялись выставки лучших пород домашнего скота и птицы, сельскохозяйственной техники и оборудования, проводились конкурсы по растениеводству. Инициаторами проведения этих конкурсов

и выставок были профессор Микуловский-Поморский и белостокский воевода Зындрам-Костяловский. В 1930 году в Гродно состоялись 4 выставки лошадей и жеребят, а также одна выставка овец. В 1930 году на территории повета существовало 10 хозяйств по разведению улучшенных пород домашних скота. Здесь же функционировало 12 кружков сельских домашних хозяек, в которых осуществлялось обучение домоводству, кройке и шитью, кулинарии и т.д.

В 1929 году мелиоративные работы в повете проводились на территории в 1618 га. Значительные средства выделялись на залесение неудобий в Ротнице, Марцинканцах, Ветюнах и Озерах. В 1930 году было залесено 160 га неудобий, заложено два питомника для выращивания сосны и 1 плантация каспийской вербы для последующего высаживания на сыпучих песках.

Развивалось в повете и пчеловодство. Если до мировой войны (1912 год) на его территории имелось 610 пчеловодов, то в 1928 году статистика называет 978 пчеловодов. Однако по количеству ульев современное пчеловодство уступало довоенному. Если до Первой войны здесь было в общей сложности 12 836 ульев, то в 1928 году – лишь 6507.

Несмотря на значительные размеры повета, наличие лесов, болот и песков, здесь имелось мало хороших дорог. 1928 год был отмечен началом интенсивного шоссевого строительства. На это было выделено 385 000 зл., что составляло 33 % всего бюджета повета. В это же время было построено и отремонтировано 26 мостов общей протяженностью в 167 метров и стоимостью в 82 000 зл. Немало работ по ремонту и строительству дорог было осуществлено и в 1929 году. Был приобретен паровой каток, построено 9 мостов. В 1930 году значительные работы осуществлялись при строительстве шоссе Гродно – Друскеники, которые были доведены до д. Крыничная. Мощение дорог было произведено в д. Гожа, а также в 43 выездах на боковые дороги вдоль шоссе Гродно – Друскеники. При строительстве шоссевой дороги Гибуличи – Лунно были произведены земляные работы на протяжении 4 км, проложены бетонные пропуски воды. Построен мост на реке Свислочь около села Литвинки протяженностью 52 м, замощено 2 улицы в г. Крынки, выполнены работы на дороге Индура – Крынки. В целом на ремонт и строительство работ затрачено 418 018 зл. 59 гр.

На социальные нужды Гродненский сеймик ежегодно выделял в среднем около 60 000 зл. Вплоть до 1929 года он содержал на свои средства воспитательное учреждение для сирот в Большой Берестовице. Летом того же года, после упразднения его, сироты были переведены в приют Польского благотворительного общества в Гродно. Содержащиеся в нем дети посещали городские общеобразовательные школы, семинарии, а также профессионально-тех-

нические учебные заведения. Кроме того, сеймик содержал приют для престарелых и инвалидов того же благотворительного общества. Поветовое самоуправление оказывало финансовую помощь обществу социальной опеки «Пристань», которое имело в своем составе два пункта помощи матери и ребенку (в Поречье и Крынках), два медпункта и летний лагерь отдыха на 100 детей.

Немало сделал Гродненский поветовый сеймик и в области здравоохранения. До 1928 года на территории повета существовало две небольших больницы (по 5 коек каждая) в Скиделе и Крынках. В 1928 году сеймик открыл большую поветовую больницу (на 50 коек) в Гродно, оборудовав ее современным оборудованием, включая рентгеновский аппарат. В последующем на протяжении трех лет было открыто семь лечебных пунктов в Поречье, Лунно, Крынках, Скиделе, Индуре, Большой Берестовице и Мостах. В 1930 году сеймик заключил с поветовой кассой больных договор о координации усилий по оказанию населению медицинской помощи.

Учитывая недостаточное количество школ в повете относительно количества детей, проживавших в 860 его населенных пунктах, Гродненский сеймик старался в меру своих финансовых возможностей разрешить эту проблему. До 1928 года на территории повета функционировало 148 общеобразовательных школ, в том числе: семиклассная – 1, шестиклассных – 2, четырехклассных – 3, пятиклассных – 2, трехклассных – 7, двухклассных – 28 и одноклассных – 108. Между тем, по статистическим данным на 1929 год, в 860 населенных пунктах повета имелось 163 школы и 306 учителей; в числе этих школ 14 были на уровне выше трехклассной школы.

В 1928 году на просвещение сеймик выделил 57 230 зл. Помимо этого, он старался получить ссуду на строительство школ. С 1927 года сеймик построил 2 четырехклассные школы, 1 двухклассную и 3 одноклассные. В течение 1929 года сеймик осуществлял заготовку стройматериалов, а в 1930 году он начал строительство двух семиклассных современных школ в Скиделе и Индуре стоимостью 500 000 злотых, рассчитывая на государственную ссуду.

До 1929 года на территории повета имелось 28 добровольных пожарных команд. Профессионально они не были подготовлены. В 1929 году сеймик открыл штатную единицу пожарного инструктора. Благодаря этому в повете стали создаваться противопожарные комитеты, которые способствовали укреплению материальной базы пожарных команд. В результате этого команды были на 40 % укомплектованы пожарным инвентарем. На эти цели в 1929 – 1930 годы было выделено 5900 зл. Планировалось создание двух механизированных пожарных команд в Гродно и Лунно, на что сеймик получил ссуду в размере 50 000 зл. Повсеместно в повете устанавливались громоотводы, открывались новые пожарные посты.

В меру возможностей сеймик принимал участие в охране исторического наследия. Так, при постройке памятника Элизе Ожешко в Гродно он пожертвовал на эту цель 200 зл., на ремонт королевского замка и оборудования государственного музея в 1929 – 1931 годах выделил более 9000 зл. Оказывал помощь сеймик при строительстве народных домов, формировании отделов стрелецких союзов. Создание поветовой сберегательной кассы датируется 1 сентября 1927 года.

Промышленность на территории повета (без Гродно) была представлена небольшими кожевенными предприятиями в Крынках, Индуре и Скиделе общей численностью около 50 предприятий. Большинство из них не имело современного оборудования. Имелись небольшая фабрика фанеры братьев Конопатких в Мостах и суконная фабрика инженера Яголковского в Лососно.

Развивалась в эти годы лесная и деревообрабатывающая промышленность (лесопилки, смолярни и т.д.). Строились мельницы и кирпичные предприятия. Делались усилия по снижению цен на строительные материалы (кирпич, кафля, черепица и т.д.).

Поветовое самоуправление не оставляло без внимания развитие народных промыслов. Через посредство воеводского общества содействия им «Краян» закупались и реализовывались среди населения приспособления для ткачества. Гродненские мастера народных промыслов принимали участие в специализированных выставках в Вильно.

В эти годы председателем Гродненского поветового самоуправления и старостой был Зыгмунд Робакевич. Родился он в Плоцке, окончил гимназию в Рязани, затем учился на философском факультете Московского и Краковского университетов. Работал редактором ряда печатных изданий. За участие в польском освободительном движении подвергался российскими властями тюремному заключению, прусские власти подвергали его полевому суду. На административной работе с 1918 года. Работал старостой близ Лодзи в Бжезинах, а с 1922 по 1927 год – в Кременце. Гродненским старостой начал работать с декабря 1927 года. Награжден в 1923 году офицерским крестом «Полония Реститута», а через несколько лет – «Золотым Крестом Заслуги».

Должность заместителя председателя занимал Бронислав Чайковский, имевший также большой опыт государственной административной работы. Обязанности секретаря самоуправления занимал Бронислав Новицкий, также, как и председатель, начинавший свою карьеру секретаря еще в Бжезинах. Инспектором самоуправления работал также опытный администратор Кароль Гжибовский, награжденный за свои труды «Крестом Заслуги».

ГОРОДСКИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОВЕТА

Г р о д н о

Древний приеманский Гродно, находившийся на многовековом торговом пути, соединявшем Балтику со старым светом, еще во времена Литвы и Руси являлся столицей удельного княжества, границы которого были установлены договором, заключенным между князем Земовитом Мазовецким и Патриком – князем гродненским (сыном Кейстута) в 1358 году в Гродно. Здесь находятся древнейшие в крае памятники истории даже XI века, например, святыни базилианские на Коложе.

Гродно являлся также одним из мощнейших оборонных пунктов во время борьбы с галицкой Русью и крестоносцами. Гродно, насчитывающий в это время около 48 000 постоянных жителей (без военных), являлся по числу исторических памятников вторым после Вильно городом в крае. Среди этих памятников – Гродненская Фара, древний иезуитский костел, основанный в 1663 году; Бернардинский костел (1595); гарнизонный костел, бывшая Фара Витовта (1392); Старый замок и Новый замок – так называемая Батория; дворец Сапежинских, старая униатская церковь на Коложе, бывшая языческой святыней XI века.

В Гродно имелись два добротных железных моста через Неман: один – железнодорожный, другой – шоссейный, построенный в 1930 году. В городском парке был установлен памятник Элизе Ожешко (работы скульптора Зериха), спроектирован и памятник королю Стефану Баторию. Кроме того, в Гродно имелись: городской музей природы, 4 гимназии, торговая школа Польской Мацежи Школьной, 2 учительские семинарии, 7 общеобразовательных семилетних общественных школ, 8 таких же школ частных, из которых 2 христианские и 6 еврейских; в начале 30-х годов строилась 8-я по счету семиклассная публичная общеобразовательная школа; государственная ремесленная школа; 2 школы ремесел; музыкальная школа, а также единственный на территории воеводств Белостокского, Новогрудского и Полесского городской театр, который являлся одновременно воеводским гастролирующим театром. Здесь имелись и Солдатский театр, обслуживавший военный округ, и два школьных самодеятельных театра.

Польское самоуправление г. Гродно было организовано сразу же после оставления города российской армией в 1915 году. В каком-то смысле оно взяло на себя те обязанности, которые выполняли в условиях российской государственности Городская дума и Городская управа.

Еще во время немецкой оккупации, 27 февраля 1919, года была созвана путем выборов новая Городская рада. Во главе этого органа в должности президента города вновь встал Эдуард Листовский, исполнявший в дореволюционное время здесь же должность городского головы. В последующем сложившееся самоуправление получило свое законное существование в рамках декрета Генерального комиссара Восточных земель, и на этих принципах городское самоуправление функционировало в начале 30-х годов.

Городская рада в канун установления в крае польской власти уже имела свой скромный бюджет и как могла воздействовала на все стороны жизни города, вплоть до вхождения в него в апреле 1919 года польских войск.

Несмотря на то, что город дважды подвергался разрухе в годы мировой войны и большевистского нашествия, местное самоуправление при мизерных средствах и возможностях сумело обеспечить необходимый жесткий общественный порядок, восстановить мосты, улицы и дороги, открыть санитарно-эпидемиологическую станцию, реконструировать городскую электростанцию с использованием шведского оборудования. В 1931 году была механизирована городская пожарная команда за счет приобретения трех автомобилей-цистерн с мотопомпами.

В сотрудничестве с дирекцией водных коммуникаций городское самоуправление путем привлечения городских безработных проводило значительные мероприятия по укреплению берегов Немана под Замковой горой. Труд безработных использовался и при разбивке там прекрасного бульвара. Только в начале 30-х годов в городе были построены две общеобразовательные школы, отремонтированы больницы общего пользования и инфекционная, приобретено каменное здание, в котором разместились две общеобразовательные школы и музей природы, расширена городская водопроводная сеть, проведены мероприятия по расширению территории города за счет городских окраин (в 1925 году – 700 га, в 1931 – около 1000 га).

На новообретенных территориях самоуправление реализовывало свои планы по превращению Гродно в важный транспортный узел (Земгале – Вильно – Варшава, Гродно – Августов – Сувалки, Гродно – Мосты – Волковыск, Гродно – Озеры) не только для сплава древесины, но и для развития мореплавания. Город являлся важным пунктом оборота лесной продукции, который осуществлялся по Неману, Августовскому каналу, по Висле и на Гданьск.

Промышленность Гродно в послевоенные годы (т.е. после Первой мировой войны. – *В. Ч.*) развивается в быстром темпе, давая работу нескольким тысячам рабочих на следующих предприятиях-

ях: табачная фабрика и фабрика махорки, спичек, фабрика керамики «Станиславово» князя Друцкого-Любецкого, стеклозавод, литейный завод, переплетная фабрика «Неман», фабрика игральные карт, кожзавод, лесопильня, фабрика фанеры, кирпичный завод.

Гродненское самоуправление, затрачивая немалые усилия в хозяйственном направлении, не забывало и о своих обязанностях в области культуры. Развивая школьную сеть, оно открыло также и прекрасный городской музей природы, имеющий в своих фондах тысячи экспонатов, являющихся предметом живого интереса со стороны ряда научных центров Польши. Была начата организация зоопарка. Кроме музея, город имел прекрасную физико-химическую лабораторию для школ города, а также публичную библиотеку, насчитывающую около 30 000 томов книг. Основу ее составило российское книгохранилище. К началу 20-х годов библиотека располагала значительным количеством и польских изданий.

В городе имелся театр под дирекцией Юзефа Кроковского, который пользовался большой любовью горожан и жителей воеводства.

Президентом города с 1930 года являлся владелец имения Августовок Маврикий О'Бриен де Ласси, выпускник Гродненской мужской гимназии и Петровско-Разумовской академии в Москве. В органах самоуправления О'Бриен де Ласси трудился с 1918 года, являлся председателем местного объединения помещиков, членом ряда других общественных организаций. За труды на общественной ниве он был награжден польским «Золотым Крестом Заслуги».

Друскеники

Название этого города происходит от литовского слова «друска», что означает соль. Друскеники – единственный курорт на берегах восточных, расположен на самой литовской границе, на правом берегу Немана и устья Ротничанки. Существует уже более ста лет. Известен как место пребывания в оздоровительных целях короля Станислава-Августа. Здесь же лечились и отдыхали помещики и царские чиновники.

Во время мировой войны город был практически уничтожен. Вновь в качестве курорта стал функционировать с 1926 года.

В 1930 году город занимал около 200 га территории, в нем проживало около 3000 человек. Ежегодно вместе с отдыхающими его население составляло практически 8000 человек. Одной из первых задач местного самоуправления было его благоустройство: мощение дорог и укладка тротуаров, их доведение до 25 %. В 1930 году было завершено строительство городской бойни стоимостью в 45 000 злотых; до этого была восстановлена городская баня сто-

имостью в 20 000 зл., а также приобретены здания для размещения магистрата и его сотрудников стоимостью 68 000 зл. В 1930 году был приобретен земельный участок для городского рынка, которого ранее здесь не было. Городская семиклассная школа размещалась в наемном помещении. На некоторых улицах курорта имелся водопровод. Город освещался частной электростанцией. Имелась хорошо технически оснащенная пожарная команда.

В последнее время в городе активизировалось строительство пансионатов и вилл. К сожалению, для восстановления и развития Друскеник как города-курорта слабо использовались государственные пособия и кредиты.

В целом бюджет магистрата на 1930-1931 годы составлял 189 408 зл. 14 гр.; из них на развитие народного образования шло 19 605 зл., на социальную помощь – 4779 зл. 32 гр.

В состав магистрата входили: инженер Витольд Маркевич – бургомистр (в этой должности с 1927 года), Николай Мельниченко – зам. бургомистра, Берко Ротницкий – заседатель, Антоний Кисель – секретарь магистрата.

Скидель

Город занимал территорию в 62 га. Население его составляло 5000 человек; 80 % – национальные меньшинства (т.е. представители непольской национальности. – *В.Ч.*). Характер жизни города аграрно-промышленно-торговый. Из промышленности здесь было распространено кожевенное производство.

Несмотря на то, что в былые времена, еще при России, местечко было крайне запущено, в последние годы его удалось несколько привести в порядок. В 1930 году город был на 80 % замощен, на 50 % уложены бетонные тротуары. В 1927 году были построены довольно обширные торговые ряды и пожарное депо, стоимость последнего составила 60 000 зл., половину этой суммы выделил магистрат. В 1930 году были построены: бетонный общественный туалет стоимостью в 3000 зл. и спортивная площадка, которую обсадили деревьями. В настоящее время в городке строится современная скотобойня и прекрасное здание семилетней общеобразовательной школы. Весьма важным в санитарном плане следует признать установку в Скиделе шести колонок для пользования водой. В городе имелась пожарная команда, стрелецкий союз с собственным клубом. Хорошо работало на общественной ниве общество «Пристань».

Бюджет магистрата на 1931 – 1932 годы составлял сумму в 63 000 зл., из которых на народное образование шло 7000 зл., на социальные нужды – 3000 зл. В состав городской рады входили: Казимир Рогалевич, Михаил Грудо, Антоний Деленковский, Алек-

сандр Курчевский, Элиаш Деленковский, Пинкус Бас, Янкель Кошевич, Иосель Давид Габович, Мечислав Мемчик, Давид Бейрах-Бейрахович, Ицко Вороновский и Липа Остринский.

Городское правление: Людвик Темплин – бурмистр (в должности с августа 1929 года; он же – вице-председатель стрелецкого союза), Давид Бейрах-Бейрахович – вице-бурмистр, а также Перес Гликвельд и Михаил Мишук – заседатели. Секретарем магистрата с марта 1930 года являлся Юлиан Казимир Кимбар.

Индура

Городок располагался на территории в 580 га. Население его (2900 чел.) преимущественно занималось деятельностью аграрно-торгово-ремесленного характера. Восстановительные работы здесь проводились с 1922 года. На начало 30-х годов в городе на 40 % были замощены главные улицы и рынок. Тротуары отсутствовали. В 1930 году началось строительство семиклассной школы. В стадии строительства находились два артезианских колодца. В городе имелась пожарная команда с депо и оркестром. Из общественных учреждений функционировали: отдел стрелецкого союза, кружок сельских домохозяек, еврейский кооперативный банк, еврейская вспомогательная беспроцентная касса, библиотеки (школьная и еврейского общества «Тарбут»). На территории города сохранилась гора с так называемых «шведских времен», называемая «гора королевы Боны».

Городской бюджет на 1930 – 1931 годы составлял сумму в 530 045 зл. 79 гр., из которых 13 000 шло на народное образование и 2775 зл. – на социальные нужды.

В состав городской рады входили: Юзеф Сидорович, Серафим Филипович, Хаим Косаковский, Мейер Куншт, Овсей Ароновский, Хаим Лайт, Рубин Фурье, Айзик Сухоницкий, Майер Елин, Мейер Эфрон, Абрам Рубинович и Борух Рубинович. Члены магистрата: Александр Саниковский – бурмистр (в должности с 1920 года), Хоннон Фельдман – вице-бурмистр, Андрей Полячек – заседатель. Секретарем магистрата с 1922 года являлся Константин Козловский.

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. ГМИНЫ ГРОДНЕНСКОГО ПОВЕТА

Гмина Индура

Гмина занимала территорию в 21 700 га. Население составляло 9775 человек; административно гмина была разделена на 36 староств. Почва гмины средняя, преимущественно «жытне-картофля-

на». Аграрная культура на таком же уровне, сельскохозяйственные кружки находились в стадии организации. Благодаря работе «Союза выведения коней артиллерийского типа» в гмине неплохо развивалось коневодство. Имелось два племенных быка польской красной породы и один (частный), к услугам которых прибегали владельцы скота. В трех местностях гмины была проведена мелиорация заболоченных лугов. В стадии организации находился пункт по приему молока от населения (млечарня).

В 1930 году была замощена деревня Дубовка, построено два железобетонных моста, а также проведены подготовительные мероприятия для строительства шоссе Индура – Крынки. В 1930 – 1931 годах гмина занималась мощением дорог в трех деревнях, а также участка дороги от шоссе до деревни Ярмуличи длиной в полкилометра. Было начато строительство двухклассной школы, остальные школы размещались в наемных помещениях.

В гмине имелось три пожарных команды, две из них были образованы в 1929 – 1930 годах. Пожарная команда в Прокоповичах оснащена лучше других: в прошлом году здесь было построено собственное депо. В гмине насчитывалось 8 отделов стрелочного союза, для которых гмина оборудовала спортивную площадку. Действовали: два кружка сельских домохозяек, касса Шефчика, которая за 1930 год имела 1 352 000 зл. оборота, а также вкладов на сумму 68 000 зл.

В 1928 году было приобретено для гминного правления добротное здание стоимостью 60 000 зл. Бюджет гмины в 1930 – 1931 годах составлял 54 569 зл. 52 гр., из них на образование выделялось 15 136 зл. 40 гр., на социальные нужды – 1350 зл.

В состав гминной рады входили: Василий Баламут, Николай Бондаревич, Никита Будник, Михаил Добренко, Андрей Якимович, Давид Юхновский, Казимир Клунейко, Франтишек Купчинский, Иосиф Панасевич, Станислав Петельчиц, Казимир Раплевич, Николай Солома, Владимир Шиманович, Игнатий Заневский и Антоний Заневский.

В правление гмины входили: Ян Рынкевич – войт (в должности с 1921 года), Ян Баранский – заместитель войта (в должности с 1928 года), Антоний Савицкий – заседатель. Секретарем правления с 1929 года являлся Иосиф Аражник, 1-м помощником секретаря – Михаил Ланкевич, 2-м – Константин Хомбак.

Гмина Бершты

Гмина занимала территорию в 53 704 га, население – 7190 чел., административно разделена на 16 староств. Большая часть гмины заселена белорусским и литовским населением.

Почвы здесь бедные, преобладают пески, болота и другие неудобья. На территории гмины находилось 9 озер, большие из которых называются «берштынские»; значительные территории занимают здесь государственные леса. Все это является причиной низкого уровня аграрной культуры. Комасация до сих пор проведена лишь в трех деревнях, а четвертая находится еще в ходе этой работы. Животноводство здесь не развито, а потому нет необходимости в этой станции. В 1930 году закончено строительство гминного правления, после того, как произошел пожар в старом здании. В новом здании открылись клуб, читальный зал и библиотека, все они меблированы и освещены газолиновыми лампами. Второй клуб имелся в Новой Руде. Оба клуба имели радиоприемники. В 1931 году гмина была занята строительством двухклассной школы в Новой Руде, ибо старая школа размещалась в трех частных непригодных помещениях.

В Берштах имелись слабо оснащенная пожарная команда, отдел стрельца и касса Шефчика. Общий бюджет гмины на 1930 – 1931 годы составлял 69 189 зл., из которых на образование выделялось 16 412 зл., на социальные нужды – 2610 зл. В состав гминной рады входили: Иосиф Мышкевич, Никодим Стасюкевич, Станислав Дзенкевич, Александр Лебедевич, Иван Юшкевич, Владислав Левкович, Винцент Гринь, Винцент Сергейчик, Александр Гудач, Константин Федорович, Антоний Жуковский, Адам Бутько, Владимир Гордей и Макар Соколовский.

В состав гминного правления входили: Владимир Павлюкевич – войт (в должности с ноября 1929 года), Антоний Жуковский и Адам Бутько – заседатели. Секретарем правления с 1929 года являлся Леон Доманский, а его заместителем – Франтишек Модыско, счетовод – Адам Кундзич.

Гмина Поречье

Гмина занимала территорию в 38 008 га, население – 7245, административно разделена на 23 староства. Почвы здесь бедные, поэтому местные крестьяне находили себе работу в лесной промышленности. Значительная часть гмины – это леса и озера (Молочное, Белое, Веревочное, Дуб и Лот, на берегу которого в 1930 году КОП (Корпус Охраны Пограничья) построил туристическую базу. Аграрная культура находилась на крайне низком уровне. Животноводство также не развивалось из-за отсутствия кормов. Только в двух деревнях с лучшими почвами имелись сельскохозяйственные кружки. Кружок в Запурве начал закупку плантаций табака. Комасационные работы были запланированы на 1931 год, мелиоративные работы были проведены в Озерках.

Школы, кроме одной, размещались в арендованных зданиях. В 1928 году было завершено строительство здания гминного правления. Завершилось сооружение современно оснащенной гминной скотобойни.

В Поречье имелись добровольная пожарная команда, а также железнодорожная и военная пожарные команды. В населенном пункте находился штаб подразделения КОП, отделение Стрелецкого союза, театральная секция, комитет строительства «Народного дома», касса Шефчика, кружок товарищества «Пристань», отделение общества «Трезвость», три клуба. На озере Молочное военными была построена лодочная станция. В государственном лесу близ деревни Озерки имелось памятное место периода восстания 1863 года. На острове, находящемся на озере Дуб, местные жители нередко находили разные предметы, относящиеся к седой древности.

Бюджет гмины на 1930 – 1931 годы составлял 68 000 зл., из которых на образовательные цели выделялись 15 840 зл., на социальную помощь 3100 зл.

В состав гминной рады входили: Петр Курилович, Иосиф Шикшнель, Антоний Колендо, Антоний Мазюк, Антоний Смолик, Антоний Яскелевич, Франтишек Обруховский, Бронислав Киселевский, Иосиф Манкелевич, Гирш Каменецкий, Юлиан Рудловский, Иосиф Соха, Иван Жуковский, Иосиф Тертель и Антоний Вашкель.

В состав гминного правления входили: Зыгмунт Лесевич – войт (в должности с октября 1928 года), Иван Курилович – заместитель войта, Августин Обухович – заседатель. Секретарем правления с июля 1929 года являлся Зыгмунт Кветковский, поручик запаса Войска Польского. Заместитель секретаря – Иосиф Летрих.

Наибольшую активность в общественной жизни Поречья и в оказании социальной помощи населению гмины проявлял местный священник Игнатий Каблуков.

Гмина Горница

Территория гмины – 20 800 га, население – 8446 чел.; административно гмина была разделена на 33 староства. Почвы бедные, песчаные. Аграрная культура большинства крестьянских хозяйств находилась на низком уровне.

Сельскохозяйственные кружки еще только начинали свою деятельность в направлении создания собственной станции по очистке семян. Состояние животноводства здесь было также низкое. В 1930 году завершилась комасация деревни Горны, еще девять деревень находились лишь в ходе ее.

Усилия руководства гмины были направлены и на развитие школьного образования. В 1926 году было построено две трехклассные школы, а в 1928 году – одна двухклассная. Кроме этого, гмина имела еще два школьных здания; пять же других школ размещались в арендованных помещениях. Значительную помощь гмине в развитии школьной системы оказывал президент г. Гродно О’Бриен де Ласси, владевший имением на данной территории.

В гмине имелись две хорошо оснащенные пожарные команды, одна из них (в Коптевке), организованная в 1929 году, имела собственное дело. Здесь были открыты: отделение Стрелецкого союза и касса Шефчика. Строилась спортивная площадка. К 10-летней годовщине Независимости был построен Дом имени Президента Речи Посполитой Игнация Мосьцицкого стоимостью 90 000 зл. В Доме имелись читальня с собственной библиотекой, радио, школа, почтовое отделение, станция очистки зерна, продовольственный магазин.

Бюджет на 1930 – 1931 годы составлял 51 666 зл., из которых на просвещение было выделено 15 589 зл., на социальные нужды – 1520 зл.

В состав гминной рады входили: Маврикий О’Бриен де Ласси, Адольф Кураи, Иосиф Рапай, Антоний Марцинкевич, Адам Павловский, Григорий Церешко, Иван Семинский, Павел Шпак, Петр Кучко, Михаил Ковалевский, Адам Дзюрбейко, Иван Коровчик, Иосиф Колубко и Иван Цыбульский.

В гминное правление входили: Михаил Ломашевич – воит (в должности с октября 1928 года), Иосиф Вержховский – заместитель воита, Иван Папуцевич – заседатель, секретарь Владислав Павловский, его заместитель – Михаил Свойчик, счетовод – Бронислав Булгак.

Гмина Озеры

Территория гмины – 22 793 га, население – около 9000 чел., административно была разделена на 29 староств. Почвы – средние, а потому и культура земледелия и животноводства в большинстве хозяйств находилась на среднем уровне. Одной из главных статей дохода населения гмины являлась работа по эксплуатации лесных ресурсов. Некоторый сдвиг в животноводстве отмечался в разведении скота красной польской породы (гмина закупила три племенных быка). В 8 деревнях была проведена комасация.

В 1929 году часть Озер была замощена, кое-где были сделаны тротуары. В 1930 году началось строительство школы-семилетки и Народного дома. В этом же году завершилось строительство здания правления гмины стоимостью 45 000 зл. Имелись две хорошо экипированные пожарные команды и собственное депо. Пожарные

Озер имели и свой оркестр. Здесь были открыты: отделение стрелцкого клуба, которое имело собственный клуб с библиотекой и спортивную площадку с оборудованием и даже формой для спортсменов, касса Шефчика, вспомогательный еврейский банк.

Бюджет гмины на 1930 – 1931 годы составлял сумму в 69 067 зл. 06 гр., из которых 17 358 зл. было выделено на образование, и на социальные нужды – 3630 зл.

Поселение Озеры располагалось среди двух озер – Белого и Кань.

В состав гминной рады входили: Антоний Горбанюк, Григорий Януто, Иван Карпач, Иосель Липник, Яков Розенштейн, Антоний Таянко, Николай Таянко, Макар Самойло, Михаил Григорович и Иван Дорошкевич.

В составе гминного правления были: войт – Антоний Кисель (в должности с 1927 года), его заместитель – Михаил Ремша, заседатель – Леон Сытый, секретарь правления – Владислав Глонек, его заместитель – Станислав Мультианский, счетовод – Петр Сенкевич.

Гмина Скидель

Территория гмины – 26 000 га, население – около 11 000 чел., из них 90 % – белорусы. Административно гмина была разделена на 34 староства. Почвы на территории гмины в целом хорошие, чем и объясняется неплохой уровень агрономической культуры большинства хозяйств. Немалую роль в этом играли три сельскохозяйственных кружка, имеющиеся в гмине. Они же планировали открытие здесь приемного пункта молока от населения, занимались разведением скота красной польской породы. Проводимые здесь на протяжении нескольких последних лет комасационные работы были выполнены лишь на 20 %. Немало делалось для поддержания в хорошем состоянии местных грунтовых вод.

С 1930 года велось строительство в Скиделе школы-семилетки, которая через год уже была подведена под крышу. В 1931 году гмина начала строительство трехклассной школы в Ренках; материалы для этого были подготовлены. Нельзя не отметить и тот факт, что одна из местных помещиц София Выгановская пожертвовала 46 га своего имения Котра под начальную сельскохозяйственную школу, инициатором строительства которой выступал сеймик.

На территории гмины находились три пожарные команды, техническое оснащение которых нуждалось в улучшении. Имелось отделение стрелцкого союза с небольшой спортивной площадкой.

Общий бюджет гмины на 1930 – 1932 годы составлял – 641 553 зл., из которых было выделено на школьное развитие 17 006 зл., на соци-

альную помощь – 7700 зл. и на поддержку сельского хозяйства 1694 зл.

В состав гминной рады входили: Станислав Хамулецкий, Иван Литвин, Георгий Литвин, Александр Стальбовский, Федор Лапицкий, Николай Малиновский, Артемий Самойло, Бенедикт Косцевич, Михаил Стокиш, Иван Ворона, Григорий Книга, Иван Лапа, Григорий Тетько и Александр Сидорович.

Правление гмины: Владимир Фурман – войт, который занимал этот пост с 1911 года с трехлетним перерывом, за что был награжден «Крестом Заслуги»; Лаврентий Бырда – заседатель; секретарь правления – Владимир Тизенгауз, последний одновременно являлся председателем Союза работников гминных администраций Гродненского повета.

Гмина и поселение Лунно

Территория гмины – 14 775 га, население – 10 000, в их числе 51 % белорусов; административно гмина была поделена на 27 староств.

Почвы на территории гмины характеризовались как достаточно хорошие, и тем не менее мелкие аграрные хозяйства развивались на низком уровне. При гмине имелась станция очистки семян. В 1928 году был создан пункт приема молока. Около трех лет на территории гмины проводилась мелиорация земель. За исключением Лунно, где замощены дороги, в гмине преобладали лишь дороги грунтовые. Правление гмины заготавливало материалы для строительства в деревне Гладовичи трехклассной школы. На территории гмины имелись три пожарные команды, из которых две имели свое собственное депо и хорошее техническое оснащение. Существовали также два отделения Стрелецкого союза, для которых гмина оборудовала спортивную площадку. С 1926 года в Лунно работала касса Шефчика.

В самом Лунно проживало 3000 жителей, населенный пункт отличался чистотой, на улицах имелось электрическое освещение.

Бюджет на 1931–1932 годы составлял 57 859 зл. 70 гр., из них на развитие школьного дела было предназначено 14 439 зл., на социальные нужды – 2150 зл.

В состав гминной рады входили: Едвард Тарасович, ксендз Мечислав Радзишевский, Игнатий Кузьмицкий, Игнатий Белдовский, Семен Патрейко, Степан Луневский, Александр Самошевич, Иван Русин, Янкель Велбел и Лейб Муравский.

Гминное правление: Казимир Щирский – войт (в должности с 1924 года), Георгий Калабук – заместитель войта, Адам Кузьмицкий – заседатель, Иван Ставинский – секретарь, Андрей Курмуць – помощник секретаря.

Гмина и поселок Волпа

Территория гмины – 18 506 га, население – 6800 чел., в их числе 45 % белорусов. Административно гмина была разделена на 19 староств.

Почва на территории гмины глинисто-песчаная. Аграрная культура в большинстве хозяйств низкая. Имелся один сельскохозяйственный кружок. Комасация была проведена пока лишь в одной деревне. Заощена лишь дорога в Волпе, остальные дороги в гмине грунтовые. Несколько лет тому назад в Волпе была построена деревянная пятиклассная школа, остальные размещались в арендуемых помещениях.

В гмине имелись три пожарные команды, из которых одна имела собственное депо. Две команды были хорошо технически оснащены. Существовали два отделения стрелцкого союза, которые имели свои клубы и спортплощадку в Волпе. С 1929 года функционировала касса Шефчика. Бюджет на 1931–1932 годы составлял 46 000 зл., из них было выделено на образование 14 500 зл., на социальную помощь – 1400 зл.

В состав гминной рады входили: Иосиф Седлецкий, Иосиф Горбачевский, Константин Демещик, Антоний Сташевский, Иосиф Гулич, Михаил Воронежский, Антоний Антонович, Мечислав Обухович, Юлиан Брыдзько, Александр Жуковский, Бенцион Новогрудский и Лейба Белоблоцкий.

Гминное правление: Иосиф Семенчук – войт (в должности с марта 1931 года), Антоний Антонович – заместитель войта, Иосиф Седлецкий – заседатель, Витольд Глембицкий – секретарь правления.

Гмина Мосты

Территория гмины – 40 000 га, население – 7000 чел., из них 34 % белорусов. Административно гмина была разделена на 14 староств.

Почва на территории гмины песчаная, слабо урожайная. Сельскохозяйственные кружки работали здесь слабо. В Мостах работала фанерная фабрика братьев Конопацких, на которой трудилось около 500 рабочих. В гмине много внимания уделялось поддержанию в порядке грунтовых дорог. В 1930 году была заощена центральная улица в деревне Мосты протяженностью в один километр. В 1926 году здесь была построена четырехклассная школа. На территории гмины находилось пять пожарных команд, причем три из них имели собственное депо. Вместе с тем у всех команд имелись проблемы с их техническим оснащением. Существовали в гмине и отделение Стрелцкого союза, при нем хорошо оснащенная спортивная площадка, а также тир для стрельбы из малокалиберных винтовок. С 1929 года действовала в Мостах касса Шефчика.

Общий бюджет гмины на 1931 – 1932 годы составлял 42 000 зл., из которых на развитие школьного дела было выделено 10 800 зл., на социальную защиту – 1550 зл.

В состав гминной рады входили: Исошер Эйсенман, Флориан Батрукевич, Иван Богдан, Казимир Лойко, Болеслав Лучко, Дмитрий Ольхович, Иосиф Плескач, Станислав Войтович, Франтишек Зданович, Максим Зданович, Адольф Зданович и Михаил Дыцё.

Правление гмины: Болеслав Жебровский – войт (в должности с 1920 года), Иосиф Халупа – заместитель войта, Иван Дерченя – председатель, секретарем правления с 1929 года являлся Леон Винский.

Гмина Гожа

Гмина занимала территорию 19 860 га, население – 6360 чел., административно была поделена на 27 староств. Почвы здесь были среднего качества: песчаные и глинистые; 30 % территории гмины занимали государственные и частные леса. Естественной границей гмины с запада и севера являлся Неман, отделяющий гмину от Августовского повета и Литвы. Уровень аграрной культуры большинства мелких хозяйств находился на среднем уровне. На территории гмины имелась сеймикова сельскохозяйственная ферма в Грандичах, которая занималась разведением пород скота и селекцией семян зерновых культур. В 1928 году началась комасация гмины, которая к 1931 году была завершена в двух деревнях, семь же из них находились в состоянии реализации.

В начале 20-х годов гмина построила в Чешевлянах двухклассную школу, а в 1926 году отремонтировала два школьных здания в Гоже; остальные из них размещались в арендуемых помещениях. В гмине имелись две пожарные команды в Гоже и Грандичах, последняя из них была хорошо оснащена. Здесь же действовали: три отделения Стрелецкого союза, три кружка сельской молодежи. При сельскохозяйственном кружке в Гоже действуют курсы Сташица. С 1925 года в гмине работает касса Шефчика; ее оборот за 1930 год составлял 364 000 зл. Открыто два клуба.

В состав гминной рады входили: Витольд Прушинский, Болеслав Голубинский, Винцент Пестюк, Адам Вилл, Владислав Шумский, Иосиф Киселевич, Казимир Семенчук, Винцент Сегодник, Иван Малышко, Чеслав Кусевич, Александр Онисько и Игнатий Глодовский.

Правление гмины: Вацлав Милько – войт (в должности с декабря 1927 года), Иосиф Богатыревич – заместитель войта, Антоний Трембович – председатель, Франтишек Глонек – секретарь; Владислав Лукашевич – заместитель секретаря, Виктор Колайтес – счетовод.

Гмина Житомя

Гмина занимала территорию 16 980 га, население – около 6000, административно была разделена на 26 староств. Почвы здесь в целом характеризовались как хорошие. Агрокультура большинства хозяйств осуществлялась на среднем уровне. Существовавшие два сельскохозяйственных кружка еще только разворачивали свою работу. Комасация проводилась в восьми деревнях, в трех деревнях гмины шла мелиорация земель. Союз военных осадников организовал работу общественного пункта приема молока от населения. Усилиями трех деревень была построена двухклассная школа в Силюках, остальные школы размещались в арендуемых помещениях. В 1919 году было завершено строительство здания гминного правления стоимостью 40 000 зл. Пожарная команда в Житомя имела собственное депо и хорошую экипировку. Здесь же имелись отделение союза стрелца со своим клубом и спортплощадкой, два кружка сельских домохозяек, касса Шефчика. Из народных промыслов хорошо развивалось ткачество.

Общий бюджет гмины на 1930 – 1931 годы составлял 41 190 зл. 90 гр., из которых 9000 было выделено на школьное дело и 950 зл. – на социальную помощь.

В состав гминной рады входили: Петр Залесский, Эдвард Гольд, Василий Будрик, Павел Курпик, Станислав Юровский, Эдвард Эйсмонт, Иван Малевич, Андрей Пузыня, Стефан Добриянец, Максим Анцикевич, Иван Лисовский и Леон Барановский.

Гминное правление: Эрвин Дашкевич – войт (в должности с июня 1930 года, военный осадник, капитан Войска Польского в отставке), Иван Лисовский – заместитель войта, Леон Барановский – заседатель, секретарь правления – Алексей Кизер, его заместитель – Чеслав Грудзинский.

Гмина Лаша

Территория гмины – 15 800 га, население – около 7000, административно была поделена на 25 староств. Почвы здесь были в целом хорошие. Культура землепользования имела тенденцию к улучшению. Три деревни прошли через комасацию, а семь находились в стадии ее развития. Начинаясь мелиорация заболоченных земель. Шло постепенное улучшение пород скота, интенсивно развивалось птицеводство, особенно разведение кур зеленоножек. В 1931 году началось строительство здания гминного правления.

Большинство деревень гмины были замощены еще перед мировой войной. В 1930 году гмина приступила к ремонту дороги в деревне Бараново; частично была замощена Квасовка. Грунтовые дороги также находились в хорошем состоянии.

В 1926 году была построена трехклассная школа в Квасовке, шло строительство школы в Баранове.

Пожарных команд в гмине было две. Одна из них хорошо экипирована, имелся оркестр; другая же находилась в стадии организации.

Бюджет в 1930 – 1931 годах составлял 51 650 зл., из них на школу было выделено 12 800 зл., на социальную помощь – 3500 зл.

В состав гминной рады входили: Иван Шкута, Александр Шкута, Антоний Стецкевич, Иван Стахнович, Михаил Куницкий, Иван Можейко, Михаил Лида, Михаил Свертока, Мирон Галесевич, Михаил Зенкевич, Константин Пацуи и Антоний Рожко.

Гминное правление: Владислав Шота – войт (в должности с 1929 года), Ананий Янченко – заместитель войта, Цид Драбский – заседатель, Станислав Набодалик – секретарь, Бронислав Лаврученко – заместитель секретаря.

Гмина Дубно

Территория гмины – 25 000 га, население – 6200, староств – 9. Почва здесь в большинстве песчаная, агрокультура мелких хозяйств была низкой. Имелось два сельскохозяйственных кружка. С 1925 года в гмине проводились комасационные работы, и на 60 % территории уже были завершены. Шли работы по открытию в гмине филиала лунненского пункта приема молока.

Дороги в пределах гмины были грунтовые и содержались они в хорошем состоянии. До 1931 года в гмине не было построено ни одной школы, правление гмины располагалось в арендуемом здании. Гмина располагала двумя пожарными командами, в целом неплохо оснащенными необходимым инвентарем. Касса Шефчика была открыта в 1929 году. В 1930 году она имела оборот в 101 000 зл.

Общий бюджет гмины на 1930–1931 годы составлял 44 000 зл., из которых 9019 зл. шли на развитие школьной сети, 2175 зл. – на социальные нужды.

В состав гминной рады входили: Константин Пронько, Николай Кузьмицкий, Иван Халько, Иосиф Цинцевич, Трофим Вашкевич, Григорий Денишевич, Григорий Серак, Дмитрий Милошевич, Николай Сеньзко, Григорий Кривец, Шимон Кая; правление гмины: Яков Костечко – войт (в должности с 1927 года), Константин Пронько – заместитель войта, Николай Кузьмицкий – заседатель, Мечислав Седиковский – секретарь, Владимир Шейнер – заместитель секретаря.

Гмина Гудзевичи

Территория гмины – 13 546 га, население – 6880 чел., из которых 59 % являются белорусами, административно была разделена на 25 староств.

Почвы здесь глинисто-песчаные, а потому сельское хозяйство развивалось на низком уровне. Мелиоративные и комасационные работы, осуществляемые здесь на протяжении последних трех лет, пока не дали видимых результатов. Дороги на территории гмины исключительно грунтовые, требуют к себе постоянного внимания.

В 1931 году здесь было отремонтировано здание трехклассной общеобразовательной школы стоимостью около 11 000 зл. Производился ремонт и здания гминного правления.

На территории гмины имелись две хорошо оснащенные пожарные команды, отделение стрелцкого союза, касса имени Шефчика. Стараниями местного учительства в гмине были организованы учебные курсы для взрослых.

Бюджет на 1931–1932 годы составлял 45 038 зл., из которых на развитие школьного дела выделялось 8400 зл., на социальные нужды – 2200 зл.

В состав гминной рады входили: Иосиф Хлевинский, Иосиф Седзеневский, Стефан Романчук, Борис Жеребило, Амброзий Кохановский, Адам Заневский, Юстин Янушко, Павел Ягнешко, Болеслав Шилобут, Михаил Рейшель и Семен Валюшко.

Правление гмины: Антоний Семашко – воит (в должности с января 1930 года), Павел Савош – заместитель воита, Павел Уланович – заседатель, Александр Коморовский – секретарь (его временно замещал Эйсмонт), Казимир Скибицкий – помощник секретаря.

Гмина Великие Эйсмонты

Территория гмины составляла 13 000 га, население – 5600 чел., в их числе 70 % белорусов, административно разделена на 25 староств.

Почва на территории гмины плохая, песчаная, а потому и преобладают здесь хозяйства весьма мелкие; по причине нежелания местных хозяев работать на земле сельскохозяйственное производство стоит здесь на мертвой точке. В 1930 году поветовые власти начали шварковым методом осуществлять в гмине мелиоративные работы; комасация же здесь пока не начиналась.

Шоссеиных дорог на территории гмины не имеется, грунтовые же поддерживаются в должном состоянии. В том же 1930 году гминное правление приступило к строительству здания правления, которое уже близко к завершению. В 1931 году устроены в Великих Эйсмонтах торговые, рыночные ряды.

В гмине имеются: две пожарные, слабо оснащенные команды, отделение союза стрельца и кружок сельских домохозяек. С 1929 года в гмине функционирует касса Шефчика, которая в среднем в год имела оборот в 66 000 зл.

Бюджет гмины на 1931 – 1932 годы составлял 4297 зл., из которых выделялось на школьное дело 1 189 зл., на социальную помощь – 1345 зл.

В состав гминной рады входили: Иван Лукашук, Тихон Намнович, Павел Сак, Демьян Кулевич, Павел Опекун, Гавриил Гиль, Лукаш Борисевич, барон Ян Биспинг, доктор Антоний Доха, Вацлав Станевский, Юзеф Йодковский и Антоний Стечевич.

Правление гмины: Ян Янчевский – войт (в должности с июля 1930 года), Антоний Рачицкий – заместитель войта, Василий Мартынич – заседатель. Секретарем правления с ноября 1919 года был Юзеф Фюрст.

Гмина Малая Берестовица

Территория гмины – 15 000 га, население – 7000 чел., в том числе 75 % белорусов, административно разделена на 25 староств.

В отношении почвы гмина делится на две части, из которых 30 % земли составляет чернозем, а 70 % – глина и песок. Преобладали здесь мелкие хозяйства с низкой аграрной культурой, сельскохозяйственные же кружки не работали вообще. В 1928 году в гмине была построена млечарня, ежегодно перерабатывавшая до 200 000 литров молока.

Шоссейных дорог на территории гмины не имелось, грунтовые же содержались в должном состоянии. В 1930 году здесь был построен мост длиной в 12 метров.

В деревне Берестовица имеется здание трехклассной общеобразовательной школы, построенной еще перед мировой войной.

На территории гмины не имелось ни одной оснащенной пожарной команды. Между тем здесь было четыре отделения Стрелецкого союза, из которых два конных и два пеших; союзу принадлежали два клуба. С 1927 года действовала касса Шефчика, оборот которой в 1930 году составлял 300 000 зл.

Общий бюджет гмины в 1931 – 1932 годах составлял 44 247 зл., из которых 11 918 зл. шло на развитие школьного дела, на социальную защиту – 3847 зл.

В состав гминной рады входили: Антоний Волковицкий, Генрик Одляницкий-Почобут, Винцент Хонцер, Станислав Войшель, Станислав Зимный, Иван Бондарик, Михаил Регель, Иван Сачек, Николай Мороз и Антоний Корольчик.

Правление гмины: Казимир Величко – войт (в должности с января 1930 года), Юлиан Пуляновский – заместитель войта, секретарь (с ноября 1924 года – Тадеуш Витушинский, его помощник – Антоний Минкевич).

Гмина Голынка

Территория гмины – 24 000 га, население – 8000 чел., в том числе 85 % белорусов. Административно разделена на 30 староств.

Почва на территории гмины песчаная, уровень культуры большинства мелких хозяйств находится здесь на нулевой отметке. Комасация еще не начиналась, хотя 5 деревень дали свое согласие на это.

В 1930 году гмина привела в порядок большинство грунтовых дорог, однако извилистость реки Свислочь способствует образованию болот, через которые необходимо было наводить мосты, что требовало немалых средств (шесть из них имели протяженность более 30 метров).

В 1925 году гмина построила достаточно солидное здание своего правления. На территории гмины имелись две хорошо оснащенные пожарные команды. Среди исторических достопримечательностей гмины значилась мечеть XVIII века в деревне Крушиняны, в которой проживало 17 татарских семей.

В 1931 – 1932 годах бюджет гмины составлял 45 330 зл. 76 гр., из которых на школьное дело было выделено 10 365 зл., на социальные нужды – 3100 зл.

В состав Гминной рады входили: Семен Маркевич, Николай Бурачевский, Иосиф Валещик, Андрей Ковальчик, Калистрат Новицкий, Иван Терешко, Иван Краськевич, Игнатий Гегель, Семен Матейчик, Григорий Сobotко, Янина Бруннов, Антоний Бартош, Михаил Кохановский и Франтишек Шимчик.

Войтом гмины с августа 1927 года являлся Семен Маркевич, секретарем правления с ноября 1929 года – Вацлав Гоппе.

Гмина и поселок Великая Берестовица

Территория гмины – 13 095 га, население – 7000 чел., в том числе 65 % представителей нацменьшинств, административно разделена на 19 староств.

Почва на территории гмины глинисто-песчаная, агрокультура большинства крестьянских хозяйств низкая. Деятельность сельскохозяйственных кружков почти незаметна, если не считать наличия здесь станции очистки семян, а в имении Белый Двор имелся филиал кооперативной млечарни.

Шоссеиных дорог здесь нет. Вместе с тем поселок Великая Берестовица почти полностью замощен.

Местная скотобойня размещалась в арендованном и непригодном помещении, однако планировалось строительство специального

для нужд скотобойни здания. Имелись в гмине: пожарная команда, отделение стрелцкого союза с клубом и небольшой спортплощадкой.

С 1929 года здесь существовала касса Шевчика, но развивалась она достаточно слабо. В отличие от нее, такая же касса на станции Берестовица имела оборот более 400 000 зл.

В 1931 – 1932 годах бюджет гмины составлял 66 117 зл., из которых на школьное дело выделялось 11 320 зл., на социальные нужды – 6600 зл.

В состав гминной рады входили: Григорий Богуцкий, Антоний Куликовский, Иосиф Меленец, Зыгмунт Лемпицкий, Марек Мельничек, Кисель Ниликинд, Дионисий Овечко, Михаил Писанко, Хаим Плюсколовский и Николай Зданьчук.

Войтом гмины с апреля 1929 года являлся Михаил Пацевич, его заместителем – Александр Никон, заседателем – Василий Вишневецкий, секретарем с мая 1930 года – Станислав Козловский.

Гмина Крынки

Территория гмины – 9000 га, население – 5700 чел., в том числе 40 % белорусов, административно разделена на 25 староств.

Почва на территории гмины глинисто-песчаная, агрокультура большинства хозяйств низкая. Лишь в трех деревнях гмины проведена комасация (землеустройство).

С 1930 года гмина Крынки вместе с Индурой приступила к строительству 24 км шоссе, которая соединит эти два населенных пункта, тем самым сократив дорогу до Гродно на 12 км.

Гмина имела старые школьные здания, одну пожарную команду (другая находилась в стадии организации), три отделения стрелцкого союза.

Бюджет гмины на 1931 – 1932 год составлял 33 547 зл., из которых на школьное дело выделялось 7261 зл., на социальные нужды – 1948 зл.

В состав гминной рады входили: Болеслав Саросек, Иван Курило, Бронислав Цирук, Иван Лотыш, Исидор Шалкевич, Иван Калинин, Бочумил Проньчик, Тадеуш Хрустицкий, Казимир Савоневский, Александр Шидловский и Константин Павлушевич.

Войтом с августа 1930 года являлся Мечислав Куклинский, его заместителем – Антоний Невля, заседателем – Иван Снарский. Секретарем правления с апреля 1927 года был Вацлав Мыслицкий.

Гмина Вертелишки

Гмина занимает территорию 16 420 га, население – 8387 чел., разделена на 28 староств.

Почва в целом средняя, культура земледелия стояла на уровне ниже того же уровня. Лучше хозяйствуют военные осадники, живущие в Вертелишках. Весьма слабо здесь развивается и животноводство.

Три деревни гмины прошли через комасацию: в стадии организации находилась кооперативная мелиорация. В 1924 году здесь была построена пятиклассная общеобразовательная школа, другие школьные здания были отремонтированы.

Имелись укомплектованная пожарная команда, три отдела стрельца, касса Шефчика. В 1930 году был построен Народный дом.

Бюджет на 1931 – 1932 годы составлял 44 975 зл. 90 гр., из которых на школьное дело выделялось 10 015 зл. 05 гр., на социальные нужды – 3400 зл.

В состав гминной рады входили: Иван Андрукевич, Николай Булай, Николай Чиж, Матвей Эйсмонт, Сергей Ганец, Иван Ковш, Иосиф Куделя, Василий Кисель, Иосиф Мюнчиц, Казимир Олех, Казимир Савко, Александр Семенович и Владимир Гаврилюк.

В правление гмины входили: войт – Михаил Трусъ (в должности с 1929 года), заместитель войта – Иван Ламоник, заседатель – Василий Буйновский, секретарь правления – Стефан Езерский, его заместитель – Иосиф Ребес.

Понимая, что за казенным перечислением имен и фамилий членов общественного самоуправления вряд ли удастся скрыть ограниченные возможности последних в деле изменения экономической ситуации на селе, редакция завершила данную подборку материалов беллетристическим приложением, названным «Наброски углем» под псевдонимом «Молодой войт». В этом очерке в иронической форме получило достаточно правдивое освещение положение войта – главы сельской администрации в тогдашней Польше: «Минули уже давно времена «войтовских почестей». То есть те времена, когда избрание войтом гмины считалось величайшей честью. Ранее такой общественный избранник важно ходил по деревне, улаживал ее потребности, поддерживал обездоленных, за что был окружен со стороны жителей почетом и уважением.

Сегодня же ходит по деревне эдакое создание с позолоченной бляхой на позолоченной цепи, от которого люди прячутся кто как может. Не случайно среди них живет легенда о том, что когда войт смотрится в зеркало, то видит в ней налоги.

Пишущий эти строки еще совсем недавно был спокойным хозяином. Однако когда он поспорил с несколькими членами гмины, то те, сговорившись с другими односельчанами, выбрали его войтом. После этого со всей гмины на него посыпались упреки, жалобы и доносы, как из рога изобилия. Так что сейчас мне понятно, что смысл двух поговорок («чтобы тебя черти взяли» и «чтобы тебя войтом избрали») практически одинаков.

Выполняю свои обязанности ответственно: заглядываю в нужники, слежу за постановлениями начальства... и собираю налоги...».

Знакомясь с «достижениями» общественного самоуправления на Гродненщине 20 – 30-х годов прошлого столетия, нельзя не без гордости отметить то, насколько разительно отличается ее сегодняшняя жизнь от всего того, что получило освещение на страницах польского журнала. Какой город, поселок, деревню ни возьми, везде бросается в глаза контраст: теснота, забитость, убожество, жалкие потуги, чтобы выбиться из нужды, и – достойные человека условия жизни и труда, высокие показатели в сельскохозяйственном производстве, культуре, здравоохранении, светлые перспективы на будущее.

5.8. ХРАНИТЕЛИ И СЕЯТЕЛИ ВЕЧНОГО: К ЮБИЛЕЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ (НИАБ) В г. ГРОДНО

Скромное двухэтажное здание, в котором размещается исторический архив г. Гродно, известно почти каждому жителю города над Неманом. Но лишь немногие из них знают о том, какие богатства в нем хранятся. В этом подлинном «резервуаре человеческой памяти» (более 1200 фондов и 400 тысяч дел) на низких и высоких полках лежит, дожидаясь своего исследователя, не только уникальная, но бесценная информация о многосторонней жизни наших далеких и ближайших предков начиная с XVI века и вплоть до первых десятилетий XX столетия.

Сегодня эти богатейшие архивные фонды широко открыты для всех людей, интересующихся и занимающихся историей нашего Отечества. Все преданные своему делу сотрудники архива не жалеют усилий для того, чтобы обслужить огромное количество научных работников, писателей, журналистов, аспирантов и студентов, которые справедливо видят в историческом архиве драгоценное культурное наследие, неисчерпаемый кладезь исторических знаний, обширное поле для новых научных открытий. Старейшая в области библиотека архива каждый год пополняется трудами авторов, в разные годы черпавших в стенах архива сведения и мысли для своих изысканий.

Разумеется, что открытия на научно-историческом поприще ожидают лишь наиболее подготовленных и одержимых в своих поисках людей, да и то при условии тесного творческого сотрудничества с работниками архива. Это подтверждает и один из замечательнейших документов-экспонатов архива – внушительных размеров «Книга отзывов и предложений», заведенная в читальном зале почти полвека тому назад, 2 августа 1957 года. В этот день группа

учителей-историков, проходивших курсы повышения квалификации при областном институте усовершенствования учителей, побывала на экскурсии в архиве, ознакомилась с его наиболее ценными единицами хранения и с методикой использования такого рода материалов в школьном преподавании. Экскурсанты осмотрели архивохранилище, его библиотеку и реставрационную мастерскую, а затем написали на первой странице новенькой книги слова своей искренней благодарности в адрес администрации архива за проделанную работу. Оставили свои благодарственные записи в «Книге» и музейные работники из Гродно, Минска, Бреста, Кобрина, Каунаса и Белостока, так как их обновляемые экспозиции в ту пору остро нуждались в использовании редчайших архивных документов.

Первым ученым-историком, высказавшим свое отношение к работе гродненских архивистов, был доцент Лодзинского университета Павел Коржец. В ноябре 1957 года он не только поблагодарил администрацию архива за благоприятные условия работы в читальном зале по выявлению материалов по истории польского революционного движения, но и внес предложения, направленные на упорядочение состояния такого важного фонда, как «Канцелярия Гродненского губернатора (№ 1)». В последующем ученый неоднократно приезжал в Гродно, где его всегда радушно встречали местные архивисты. Своими приятными впечатлениями о работе в архивах он поделился с польскими читателями на страницах ряда печатных изданий.

Весьма полезные предложения по развитию научно-справочного аппарата архива высказывали в 50-е годы и другие исследователи. Так, в марте 1958 года молодой белорусский историк В.П. Грицкевич предложил обратить внимание на составление указателей и аннотаций к древнейшим актам архива. По примеру того, «как это сделано в отношении книги судебных выписей Минской городской ратуши».

Много добрых слов в адрес сотрудников архива этих лет (А.С. Каткова, Л.В. Аржаевой, Э.А. Моренко, Н.Д. Слепиковской, М.Я. Перегуда, К.Ф. Катковой, В.А. Киселевой и др.), а также деловых практических предложений было высказано гродненцам историками из Москвы, Ленинграда, Минска и других городов страны (Н.Н. Улащик, В.И. Мелешко, М.Ф. Болбас, А.М. Петрова, З.Е. Абезгауз, В.И. Чепко и др.). От них не отставали историки из Варшавы, Лодзи и Познани (С. Калабинский, ученики Х. Ловмянского – С. Александрович и С. Касперчик). Все они стали крупными специалистами-исследователями.

Лаконичную надпись в книге отзывов оставил в начале 1959 года кандидат архитектуры, доцент Белорусского политехнического института В.А. Чантуря: «Порядок, аккуратность и внимательность со-

трудников архива заслуживают самой высокой похвалы». Весной того же года научный сотрудник АН БССР М.Ф. Болбас написал здесь такие строки: «Кроме хороших людей, мне в Гродненском архиве понравились и богатые архивные дела, которые я раньше редко встречал...».

В 1960-е годы в архиве плодотворно трудились Н.Н. Улащик, братья Грицкевичи, В.К. Бондарчик, В.А. Чантурия, В.А. Милованов, З.Е. Абезгауз, П.Г. Козловский, З.Ю. Копыцкий, И.А. Коробко, Г.В. Киселев, А.Н. Белокоз и многие другие исследователи. Вот строки из их письменных впечатлений от работы в Гродно: «За четыре дня мне было выдано 83 дела, за что я благодарен архивным работникам» (В.К. Бондарчик); «Архив богат и содержится в образцовом порядке» (Н.Н. Улащик). Интересную запись в апреле 1963 года сделал начинающий кинорежиссер В. Дашук, собиравший материалы к новому документальному фильму: «Работа над архивными документами очень утомляет, но благодаря работникам архива я сумел досмотреть все, даже и «толстые» дела. Приедете в Минск, звоните. Я покажу вам фильм «Константин Калиновский», в котором будет часть вашего труда». Много интересного о своей родословной почерпнул в архиве доцент Гродненского пединститута Н.А. Бессонов, работавший здесь с личными делами своего знаменитого деда – фольклориста П.А. Бессонова (1828 – 1898), присланными по его заказу в Гродно из Могилева. Вносились в «Книгу отзывов» и пожелания, по улучшению работы местных архивистов. Так, немало поработавший в Гродно над историей городского хозяйства, научный сотрудник республиканского института экономики Голубев справедливо сетовал по поводу отсутствия в историческом архиве путеводителя. Издание его в 1965 году стало значительным событием в жизни коллектива. К его составлению приложили руку и многие исследователи. В эти годы особенно много теплых слов благодарности звучало в адрес работников архива В.Д. Борейкиной, К.П. Баграковой, Е.И. Еременко, А.А. Уткиной, О.Н. Сениной, Н.И. Забавскому и др.

Больше всего отзывов и предложений зафиксировано в «Книге отзывов» в 1970 – 1980-е годы. В это время в читальном зале архива массово работали аспиранты-историки В. Хилюта, В. Сосна, С. Полуцкая и др., а также студенты историко-краеведческого кружка члены – которым многие годы руководил профессор Я.Н. Мараш. Он любил работу с архивными материалами и приучал к этому своих учеников. Последние, став преподавателями школ и вузов, периодически приводили в архив на экскурсии своих воспитанников. Почти все они проходили при активном участии в них сотрудников архива М.Н. Сачек, Л.Д. Алатырцевой, Л.В. Паршиной, А.С. Вербицкой. Много записей оставили на страницах «Книги

отзывов» студенты-практиканты из вузов Москвы, Минска, Гродно и Белостока.

В начале 1973 года в архиве над написанием монографии работал литературовед и публицист А. Мальдис. Известный мастер слова написал: «У гродзенскім архіве, дзе такія ветлівыя, сімпатычныя супрацоўніцы, сапраўды прыемна працаваць». В литературно-художественном стиле составил свои впечатления о гродненских архивистах и его коллега С. Букчин: «Вы не архивные!.. Вы – дивные!!!» (1979). В этот период над самыми разнообразными историческими темами работали в архиве: историк церкви из Польши, священник Григорий Сосна, воспитанник Ленинградской Православной духовной семинарии Н. Коренчук, кандидат искусствоведения из Москвы, художник М. Горенок, научные сотрудники АН БССР П.Г. Козловский, Э.М. Савицкий, М.А. Ткачев, доцент Иркутского пединститута Б.С. Шостакович, дальний родственник всемирно известного композитора. Примечательно, что исследователь из Сибири приехал в Гродно в казалось бы самое неподходящее время: в архиве начинался капитальный ремонт. Однако несмотря на это, здесь ему не только нашли место для работы, но и сделали все для того, чтобы его заказы на документальные материалы выполнялись в полном объеме. Не случайно, что степень признательности иркутского ученого в адрес местных архивистов была необычайно высокой.

В 1980-е годы свои высокие отзывы о работе архива оставили профессор Г.Р. Крючок, доцент В.Ф. Шалькевич, кандидат исторических наук И.В. Ракова. Много слов благодарности высказаны исследователями в адрес нынешнего директора архива Т.Ю. Афанасьевой и его сотрудников З.А. Чекель, С.Н. Громыко, Ю.Ю. Чернушик и др.

Более 30 лет работает в фондах Национального исторического архива в Гродно автор этих строк. К своему удивлению, в архивной «Книге отзывов и предложений» мною было обнаружено несколько и своих записей, сделанных в 70 – 90-е годы. Не буду скрывать, что каждое посещение архива обогащает меня не только новой информацией о прошлом принимаемого края, но и высоким уровнем общения с трудолюбивыми, высококлассными специалистами своего дела. Благодаря их помощи увидели свет многие мои книги и статьи, которые я считаю своим долгом периодически передавать в дар архивной библиотеке. В 2004 году увидела свет работа, над которой вместе с архивистами потрудились и я. Это «Гродненская губерния в законодательных актах Российской империи (1801 – 1913)». В преддверии 65-летнего юбилея исторического архива хочу пожелать всем его сотрудникам творческих успехов на благо белорусской исторической науки и нашего Отечества.

5.9. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В ГРОДНЕНСКОМ ГОСПЕДИНСТИТУТЕ (1946 – 1949 гг.)

Первые послевоенные годы были отмечены значительным усилением контроля партийных органов за работой вузов. Во второй половине 1940-х годов ими были организованы мощные идеологические кампании, оказавшие неоднозначное влияние на развитие отечественной науки, культуры и высшей школы. Документальную базу названных партийных мероприятий составляли: решения ЦК ВКП(б) от 9 июля 1945 года «О недостатках в преподавании марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского», постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» и посвященный ему доклад (вернее, два доклада – 15 и 16 августа) секретаря ЦК А.А. Жданова, а также Закрытое письмо ЦК ВКП(б) по делу профессоров Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина (7 сентября 1947 года). Составной частью идеологической кампании тех лет явилось учреждение 28 марта 1947 года при министерствах и ведомствах «судов чести» должностяующих, согласно их уставу «проводить непримиримую борьбу с низкопоклонством и раболепием перед западной культурой, ликвидировать недооценку значения деятелей русской науки и культуры в развитии мировой цивилизации». С 1948 года борьба с «низкопоклонством» была дополнена кампанией против «космополитов». Своеобразным апофеозом развернувшейся кампании стали «дело Еврейского антифашистского комитета» и пресловутое «дело врачей».

Об этих и других мероприятиях сталинского руководства написано немало. В последнее десятилетие в их трактовке произошла известная поляризация. Часть исследователей этой проблемы в традициях «оттепели» и «гласности» все то, что произошло в августе 1946 года, толкуют как «злодейскую акцию А.А. Жданова, стремившегося задавить все, так сказать, живые и подлинные литературные силы, которые еще сохранились, несмотря на предшествующие «чистки». Увязывая названное постановление с последующими шагами, имевшими идеологическую направленность, они приписывают их инициаторам стремление «оградить интеллигенцию от опасного для власти влияния либеральных идей, развязать новую «охоту на ведьм» – борьбу с «низкопоклонниками» и «космолитами», чтобы в корне подавить инакомыслие, вернуть довоенную атмосферу всеобщего страха, доноительства и инакомыслия». Другие же авторы полагают, что недооценка русской науки и культуры действительно имела место в стране, что само собой вытекало из господствующей после 1917 года «интернационалистской»

идеологии, а потому «возникшая духовная опасность в форме так называемого «антипатриотизма» не была выдумкой». В то же время исследователи этого направления считают не соответствующими действительности попытки отдельных авторов истолковывать борьбу с «низкопоклонниками» как усилия, направленные, главным образом, против евреев, ибо «еврейский вопрос» приобрел свою остроту только к концу 1948 года в нераздельной связи с созданием в мае этого года государства Израиль. В противовес увязыванию идеологических кампаний этого периода с деятельностью отдельных, зачастую противостоявших друг другу лиц (Сталин и Жданов, с одной стороны, а Берия и Маленков – с другой), в последнее время все чаще эти явления трактуются в контексте анализа послевоенной общественно-политической ситуации и разгоравшейся «холодной войны».

Характерной особенностью научной литературы, посвященной идеологическим кампаниям 40-х годов, является ее явно выраженная заземленность на проблемы «большой политики» [234]. Воздействие же партийных мероприятий на настроения различных категорий тогдашней интеллигенции (научной, литературной, вузовской), а также на конкретные учреждения в настоящее время исследуется лишь отдельными специалистами. К их числу следует отнести Л.И. Пыстину, Л.В. Шевелеву и С.Г. Сизова [235]. Последний, на наш взгляд, ближе всех подошел к исследуемой проблеме. В настоящем издании делается первая попытка изучения ее белорусского аспекта в рамках истории Гродненского госпединститута (ныне Гродненского государственного университета имени Янки Купалы). Разумеется, что в этом вузе борьба с «низкопоклонством» имела свою специфику, тесно связанную с особенностями исторического развития Западной Белоруссии и зарождением здесь высшего образования.

На момент проведения вышеуказанных идеологических кампаний Гродненский пединститут переживал начальную стадию своего становления. Образован он был в соответствии с распоряжением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 20 октября 1944 года на базе делавшего еще до войны свои первые шаги Гродненского учительского института (1940 – 1941). Фактически история высшего на Гродненщине учебного заведения только-только началась. Его становление и развитие в 1944 – 1945 годах осуществлялось в исключительно сложных условиях. Продолжалась война. Город направлял свои усилия на помощь фронту, а потому для нормального функционирования института не хватало даже самого элементарного. Главный корпус вуза, разместившийся в здании дореволюционной женской Мариинской гимназии, нуждался в срочном ремонте крыши и в остеклении окон. Не было столов и стульев,

минимальным количеством книг и учебных пособий располагала библиотека. Остро ощущалась нехватка педагогических кадров: из преподавателей довоенного учительского института в штате пединститута в 40-е годы числилось лишь два человека. Непросто осуществлялся набор студентов на первый курс трех факультетов: литературного (25 чел.), физико-математического (12) и иностранных языков (35 чел.). В числе первых студентов были лица, не имевшие законченного среднего образования, значительную часть контингента составляли выпускники польских учебных заведений самого различного профиля (лицеи, гимназии, торговые школы и т.д.). На начало 1945 года в пединституте работали 7 преподавателей, 29 рабочих и служащих. Тогда же были созданы основные службы института: учебная и хозяйственная, библиотека и др. Бедная материальная база, нехватка преподавательских кадров не позволяли в полном объеме выполнять учебные планы. Тяжелыми были и бытовые условия. Преподаватели жили в помещениях учебного корпуса и в общежитии; значительная часть их, а также большинство студентов проживали на частных квартирах.

Не намного изменилось положение в институте и в последующие годы. И тем не менее уже в 1947 году литературный факультет осуществил досрочный первый выпуск специалистов. В 1948 году более десяти человек завершили обучение на физико-математическом факультете и факультете иностранных языков. В подготовке молодых специалистов участвовали 23 преподавателя семи кафедр. Большая часть преподавателей имела стаж работы не более 5 лет, и лишь отдельные из них работали над кандидатскими диссертациями. Но пединститут жил и работал, и в этом была немалая заслуга его первого директора М.В. Власовца (род. в 1910 году). Несмотря на молодость, он имел за плечами Московский историко-философский факультет (1939), аспирантуру АН БССР, успел поработать учителем, директором школы. Будучи директором пединститута, он являлся еще и заведующим кафедрой, лектором городского комитета партии, готовился к защите кандидатской диссертации. Спустя годы знавшие его преподаватели отмечали, что «Н.В. Власовец был педагогом по призванию. Как руководитель вуза отличался высокой степенью ответственности за порученное дело. В людях же он более всего ценил профессионализм и на этой почве часто вступал в конфликт с идеологическими властными структурами» [236].

Решение задач, стоявших перед коллективом пединститута, во многом зависело от общественно-политической ситуации в Гродненской области, а она, прямо скажем, была напряженной. С одной стороны, люди с огромным энтузиазмом восстанавливали разрушенную войной мирную жизнь, испытывали чувство гордости за свой народ, разгромивший фашизм. С другой стороны, их надежды на изменение

положения в стране в ближайшем будущем в лучшую сторону не оправдывались. В обществе росло недовольство. Оно было во многом связано с ухудшением ситуации на потребительском рынке. В 1947 году была отменена карточная система, однако положение с продуктами не улучшилось. По карточкам семьи гродненцев имели гарантированный минимум продуктов по доступным ценам, а после их отмены цены начали стремительно расти. Часть крестьян высказывала недовольство, проводимой в области коллективизацией сельского хозяйства. Жизнь во многих колхозах была невыносимо тяжелой. За работу колхозники получали мизерную плату.

В сложившейся ситуации для органов госбезопасности открывалось широкое поле деятельности по разоблачению «врагов народа». В их число зачислялись не только те, кто не хотел идти в колхоз, но и те, кто был вынужден в годы войны проживать на оккупированной территории. Последняя категория лиц чаще всего необоснованно записывалась в так называемые «пособники немцев». В эти же годы в области проводились закрытые суды по делу нескольких антисоветских групп, обвинявшихся «в проведении националистической пропаганды, подготовке кадров для проведения террористических актов, сборе оружия». Серьезным репрессиям подвергались представители духовенства всех исторически существовавших в области конфессий. В первые послевоенные годы на Гродненщине действовали подпольные антисоветские формирования Армии Крайовой (АК), которые чинили разбой, грабежи и убийства среди партийно-советского и комсомольского актива, а также лиц, сочувствовавших мероприятиям советской власти. Деятельность бандформирований порождала в обществе страх и неуверенность. Проходившие в 1946 – 1948 годах выборы в центральные и местные советы также показали не вполне однозначное к ним отношение со стороны населения области [237]. Все это не могло не оказывать своего воздействия на развитие пединститута – единственного вуза в регионе.

Гродненская областная парторганизация постоянно держала в поле своего идеологического воздействия преподавателей и сотрудников пединститута. Однако чаще всего эти усилия носили формально-бюрократический характер, завершавшиеся, как правило, принятием так называемых «оргвыводов». Реальная же помощь молодому вузу в должной степени не оказывалась. Начавшаяся кампания по борьбе с «низкопоклонством» по форме мало чем отличалась от общепринятой практики работы парторганов, хотя на сей раз ее масштабы были более значительными.

Своеобразие идеологических кампаний 40-х, проводимых в Гродненском пединституте, заключалось в том, что в силу его молодости и малочисленности по количеству преподавателей и сту-

дентов последние не имели четко выраженной по годам хронологии событий, и основной упор местных идеологов делался, как правило, на так называемое «низкопоклонство». Борьба с «космополитами» затрагивалась лишь в контексте мероприятия, направленных против «низкопоклонщиков». Особенностью идеологического диктата в Гродно было и то, что борьба с «низкопоклонством» началась здесь сразу же после выхода в свет известных постановлений ЦК о литературе и искусстве.

30 сентября 1946 года директор института Н.В. Власовец по настойчивой рекомендации обкома и горкома издал приказ № 108, в котором «в целях популяризации среди студентов и преподавателей решений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинокартине «Большая жизнь» и речи тов. Жданова на партактиве г. Ленинграда, а также скорейшего и наиболее плодотворного приложения этих решений в практической работе» приказал: 1) заведующему библиотекой создать витрину вышеуказанных решений и доклада тов. Жданова, а также всех газетных и журнальных статей, которые освещают и комментируют эти документы; 2) на всех курсах и факультетах организовать изучение решений ЦК и доклада тов. Жданова. Проведение этой работы поручить товарищам: Колесову (I-II курсы литфака), Мягченкову (III курс литфака), Левицкому (IV курс литфака), Перельмутеру (I-II курсы инфака), Михолапу (III курс инфака), Мартиросову (I-II курсы физмата), Гурло (III курс физмата); 3) комиссии в составе тов. Колесова (председатель), Михолапа, Либановой и Царикова пересмотреть книжный фонд библиотеки, изъяв из обращения книги Зоценко и Ахматовой. В отношении журналов и учебной литературы, в которых помещены произведения вышеуказанных лиц, других сочинений, осужденных нашей печатью, либо неправильные рецензии на книги Зоценко и Ахматовой представить мне проект изъятия их при условии сохранения журнала в целом; 4) руководителю кафедры русской литературы тов. Колесову и руководителю кафедры белорусской литературы тов. Михолапу организовать совместные открытые заседания кафедр, на которых обсудить вопрос об изменениях, которые должны быть внесены в учебные программы и рабочие планы литературы; обсудить и наметить цикл лекций для студентов по вопросу борьбы с пошлятиной в литературе; 5) литературным кафедрам обсудить и довести до сведения студентов соответствующий список литературы для чтения, вместе с проверкой хода чтения художественной литературы студентами провести ряд литературных диспутов с тем, чтобы помочь молодежи правильно подойти к анализу художественных произведений; 6) зав. кабинетом литературы обеспечить наличие всех материалов по августовским решениям ЦК ВКП(б), организовать консультации для студентов, изучающих эти важнейшие документы»[238].

Важность и значимость данного идеологического мероприятия директор института в полной мере понимал, потребовал ознакомления с приказом всех лиц, упомянутых в нем, что называется «под расписку». Нашлось под контролем ректора и исполнение приказа. Казалось, что все в этом плане идет хорошо, но неожиданно 20 ноября 1946 года в партийное бюро института поступили заявления коммунистов Г.А. Мартиросова и М.Ц. Перельмутера «о вредных и безыдейных высказываниях преподавателя западной литературы Вольфа». На следующий день, 21 ноября, состоялось заседание партбюро, на котором присутствовали, как значилось в его протоколе, Власовец, Мягченков, Дудкин, Мартиросов и Перельмутер. Мартиросов заявил, что «преподаватель западной литературы Вольф в присутствии преподавателей высказывался о том, что «знания советских интеллигентов стоят ниже уровня знаний интеллигенции Запада» и что «Троцкий в книге «Моя жизнь» обвиняет наших вождей в незнании иностранных языков»; было сказано и о компилятивном характере «Вопросов ленинизма». Преподаватели Мартиросов и Перельмутер, по их устным заявлениям, уже тогда «дали Вольфу отпор». Затем Мартиросов свое выступление дополнил: «Вообще Вольф идеализирует все западное, относится свысока к советской культуре, и по этой причине он как преподаватель вуза не соответствует своему положению».

М.Ц. Перельмутер присоединился к заявлению Мартиросова, добавив, что «разговоры о книгах, изданных Троцким за границей, Вольф пробовал вести и раньше, но полученный со стороны товарищей отпор не учел». Выступивший затем старший преподаватель кафедры русской литературы А.С. Мягченков заметил, что «ознакомившись с конспектами студентов по курсу западной литературы, читаемому Вольфом, я понял, что он требует от студентов заучивания второстепенного и не дает литературным явлениям подлинной марксистской оценки, не привлекает высказываний классиков марксизма. Курс читается формально и схоластически». Присутствовавший на заседании партбюро председатель профбюро института Дудкин был краток: «указанные факты говорят сами за себя», что «Вольфу нельзя разрешать читать такую ответственную дисциплину в институте».

Прервав повествование о ходе заседания партбюро по заявлению преподавателей кафедры марксизма-ленинизма Мартиросова и Перельмутера, сделанного, как они оба заметили, «под влиянием речи тов. Жданова и соответствующих партийных решений», рассмотрим вопрос о личности обсуждаемого «низкопоклонщика». Как следует из материалов личного дела А.С. Вольфа, он родился в 1911 году в Западной Украине в местечке Черткове. Отечественная война застала его на летней сессии во Львове, откуда он эвакуировался

на восток (семья, оставшаяся в Черткове, была расстреляна осенью 1941 года фашистами). В эвакуации А.С. Вольф учительствовал в школах Сталинградской и Саратовской областей, а в декабре 1942 года был принят на филфак Ленинградского университета, в то время разместившегося в Саратове. Из-за болезни и других «неблагополучных условий» Вольф окончил университет только в 1946 году.

В своем письме к директору Гродненского пединститута Арыс Самуилович Вольф, вместе с просьбой о трудоустройстве в местном вузе, сообщал о том, что он имеет учебную нагрузку лишь у студентов-заочников Ленинградского университета и тамошнего пединститута имени Герцена и что это его не вполне устраивает. Он пояснял: «Пусть Вас не смущает разноречивость в написании моего имени. В паспорте по вине работников Саратовской милиции мое имя исковеркано. Правильно – Арье (как написано в военном билете)». Просьбу Вольфа Н.В. Власовец, разумеется, удовлетворил: институт в кадрах преподавателей очень нуждался. Тем более, что в своем заявлении на имя директора института А.С. Вольф указывал, что кроме основной своей специальности (история западной и, в частности, французской литературы) он свободно владеет немецким, французским, польским языками, а также латынью и имеет опыт преподавания как названных дисциплин, так и общелингвистических. К своему заявлению он приложил: краткую автобиографию, копию справки об окончании университета, выписку из военного билета, а также копии отзывов о нем ленинградских профессоров А.А. Смирнова, В.Я. Проппа, М.П. Алексева, доцента М.Я. Боровского. Характеристики Вольфа ограничивались отзывами на его дипломную работу «Анатоль Франс и его роман «Боги ждут», причем лишь в том смысле, что она «вносит много нового и оригинального в трактовку данного произведения».

Эти сведения ставили директора института Н.В. Власовца в весьма уязвимое положение. Это-то и обусловило его критическое выступление на заседании партбюро 21 ноября. Вот что он сказал по обсуждаемому вопросу: «Только бедность в кадрах привела к тому, что институт поверил рекомендациям профессоров Ленинградского университета и допустил к самостоятельному чтению курса Вольфа в первый же год его практической работы в Гродно, тем более, что в Ленинграде Вольф учился только на последнем курсе, а основное воспитание получил в Кракове и во Львовском университете еще до войны». Н.В. Власовец указал на то, что его «посещение лекции Вольфа, совместно с начальником управления высшей школы тов. Ланиным, убедило нас в том, что Вольф при всем его самомнении вести самостоятельный курс в вузе не может, а последнее заявление преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма проливает свет на враждебность идеологии Воль-

фа, что несовместимо с работой в советском вузе».

Заслушав мнение присутствующих, партбюро постановило: «1) рекомендовать директору института тов. Власовцу освободить от работы преподавателя всеобщей литературы Вольфа как не соответствующего своему назначению; 2) директору института срочно принять меры по приглашению высококвалифицированных преподавателей для продолжения начатого Вольфом курса и прочтения обзорных лекций по уже пройденным разделам программы; 3) обсудить на закрытом партсобрании института данное постановление с целью принятия мер по улучшению всей работы кафедры литературы и политико-воспитательной работы среди преподавательского состава; 4) на очередном заседании бюро заслушать отчет тов. Колесова как руководителя кафедры литературы о практической работе по реализации решений ЦК ВКП(б) об идеологической работе» [239].

О том, как выполнялось постановление партбюро, можно судить по приказу по институту № 136 от 28 ноября 1946 года об увольнении Вольфа: «Преподавателя западной литературы Вольфа А.С. освободить от занимаемой должности как не соответствующего для преподавания западной литературы и допустившего враждебные высказывания, несовместимые со званием работника вуза». Подчеркнутый текст был через какое-то время зачеркнут с припиской «зачеркнутому верить» [240]. Однако ни подписи, ни даты исправления поставлено, как это было принято в тогдашнем делопроизводстве, не было. Что касается других пунктов постановления, то, вероятно, и они были выполнены, однако этого партийным органам показалось мало, тем более, что по городу поползли слухи об увольнении за политику какого-то «преподавателя-еврея». В связи с этим областной комитет партии принял решение не просто проверить выполнение в пединституте августовского постановления о литературе и искусстве, а о комплексном изучении работы идеологической кафедры института – кафедры основ марксизма-ленинизма, заведующим которой был директор Н.В. Власовец. Такой подход, по мнению инициаторов проверки, позволял и себя показать, и «преподнести надлежащий урок руководству вуза».

В итоге трехнедельной проверки заведующим сектором пропаганды А.В. Поличанским и руководителем лекторской группы обкома партии З.Г. Григорьевой 13 декабря 1946 года была составлена «Справка о работе кафедры марксизма-ленинизма Гродненского пединститута». Ее анализ позволяет утверждать, что тема борьбы с «низкопоклонством» была в ней одной из главных. Предваряла справку так называемая общая часть, в которой были освещены основные параметры развития вуза: «В Гродненском педагогическом институте насчитывается 343 студента. Из них на факультете языка и лите-

ратуры учился 158 студентов, на факультете иностранных языков – 116 студентов и на физико-математическом факультете – 69 студентов. По национальностям состав студентов следующий: белорусов – 196, русских – 109, украинцев – 7, поляков – 13, евреев – 18; всего 343. По партийности: членов и кандидатов ВКП(б) – 7 чел., членов ВЛКСМ – 135 чел., беспартийных – 201 чел. 97 студентов – жителей Гродненской области – учились и воспитывались в польских школах, а некоторые – в учительских семинариях, организованных немецкими оккупантами. Отдельные студенты работали у немцев в качестве переводчиков. 61 чел. из числа студентов проживал на территории, временно оккупированной немецкими захватчиками.

Среди этой части студенчества сильны еще националистические, антисоветские и антисемитские настроения. Здесь восхваляются порядки панской Польши, наблюдается преклонение перед буржуазной культурой Запада, весьма сильны религиозные предрассудки, слабо развито чувство коллективизма, существуют стремление избежать активного участия в общественной жизни, «академизм».

Из 37 штатных преподавателей института имеется только 2 кандидата наук (Левицкий и Белинский). Сдали кандидатский минимум 5 преподавателей (Власовец, Мартиросов, Ривкинд, Михолап, Гурло). Среди преподавателей – 15 членов и кандидатов ВКП(б) и 1 комсомолец. Некоторые преподаватели получили образование в высших учебных заведениях Польши и других капиталистических стран (Кульбицкий, Мараш, Я.И. Ривкинд, З.Б. Ривкинд, Квятковская и др.) и полностью не освободились от концепций буржуазной науки, мало знакомы с советской действительностью».

Следующий раздел справки был посвящен обоснованию необходимости проводимой проверки и анализу политико-воспитательной и идеологической работе в пединституте: «Обследование ведущей вузовской кафедры марксизма-ленинизма показало, что руководство Гродненского пединститута в лице директора тов. Власовца (он же исполняющий обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма) и секретаря парторганизации тов. Левицкого не поняли всей политической важности решений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы. Решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы и доклад тов. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» были обсуждены на собрании парторганизации, Совета института, среди студентов. Ведущие же кафедры института (кафедра марксизма-ленинизма и кафедра литературы) прошли мимо этих исторических постановлений и их не обсуждали. Все это свидетельствует о низком идейном уровне в институте. В своих выступлениях на партсобрании института от 11 ноября 1946 г. (по докладу тов. Власовца об идеологической работе в пединституте) коммунисты не вскрыли существенных недостатков в учеб-

но-воспитательной работе в целом, так и отдельных преподавателей-коммунистов. Этому, очевидно, мешали приятельские отношения в среде руководства института и бюро парторганизации. Коммунисты не дали политической оценки тому факту, что во главе кафедры русского языка продолжительное время (1944 – 1946 гг.) стоял магистр богословия И.Л. Рей, принявший к концу 1946 года священнический сан. Коммунисты не вскрыли чуждого лица преподавателя всеобщей литературы Вольфа, несмотря на то, что об этом уже были сигналы.

Парторганизация пединститута прошла мимо фактов низкого уровня преподавательской работы коммунистов Суровой, Перельмутера, Алыцкого. Очевидно, руководители института товарищи Власовец и Левицкий забыли указания тов. Сталина о том, что без критики любую болезнь можно только загнать вглубь. Принятое собранием решение показывает, что руководство института и коммунисты не поняли значения и политической остроты постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы и подошли к такому важному делу как деляги.

О политической близорукости, низким уровне идеологической работы в институте свидетельствует также постановление партбюро от 21 ноября 1946 года по заявлению члена партбюро тов. Мартиросова о том, что преподаватель всеобщей литературы Вольф протаскивает контрреволюционные троцкистские взгляды, идеализирует западноевропейскую культуру. За это не были наказаны директор института Власовец и руководитель кафедры литературы Колесов, виновные в допущении к работе неизвестного, чуждого человека – Вольфа. Вся суть постановления по заявлению Мартиросова свелась к рекомендации директору института Власовцу освободить от работы Вольфа».

С наступательных и резко негативных позиций подошли составители справки и к оценке места и роли кафедры марксизма-ленинизма по созданию в пединституте уровня идеологической работы, соответствующего духу августовских постановлений ЦК о литературе и искусстве. В этой части справки, в частности, отмечалось: «Кафедра марксизма-ленинизма – исполняющий обязанности заведующего кафедрой тов. Власовец. Кафедра объединяет 6 преподавателей: Власовец и Перемутьер ведут курс «Основы марксизма-ленинизма»; Мартиросов – курс диалектического материализма и логики; Алыцкий – курс политэкономии; Суровая – курс истории СССР, Мараш – курс всеобщей истории. Все, кроме Мараша, являются членами ВКП(б). Кандидатский минимум сдали только тт. Власовец и Мартиросов. Преподаватели Перельмутер, Суровая, Алыцкий и Мараш, окончившие в свое время вузы, не работают над повышением своей научной квалификации и потому не обеспе-

чивают высокого качества преподавания общественно-экономических дисциплин. Руководство института вместо жестких требований к повышению квалификации этих товарищей, наоборот, занимается необоснованным восхвалением этих кадров. Тов. Власовец в «Отчете Гродненского госпединститута за 1945 – 1946 учебный год» дает следующую оценку работе кафедры марксизма-ленинизма: «Кафедра укомплектована вполне удовлетворительно. Между членами кафедры существует тесный контакт в работе. Все курсы прочитаны на высоком научном уровне».

По мнению же составителей справки, «обследование кафедры показало обратное. Преподавание общественно-экономических дисциплин в институте поставлено совершенно неудовлетворительно (подчеркнуто в тексте. – В. Ч.). Лекции и семинарские занятия по дисциплинам кафедры проводятся на низком теоретическом уровне. Важнейшие положения марксистско-ленинской теории излагаются студентам без должного обоснования и доказательств, сухо и неинтересно. Лекции нередко проводятся в форме диктанта (история СССР, политэкономию). Семинары проходят в форме вопросов и ответов и сводятся к формальному опросу студентов».

Дабы не быть голословными, проверяющие работу кафедры подкрепили вышеприведенную констатацию следующими примерами: «Лекции тов. Перельмутера читаются без плана и системы и представляют собой набор разрозненных фактов без обобщений и выводов. Лекции по истории СССР тов. Суровой представляют плохой диктант, ее семинары проходят примитивно и сводятся к вопросам и ответам. Студентам не привита любовь к истории СССР. На семинарском занятии по теме «Первые государственные объединения на территории СССР» группа студентов (Терникова, Федина, Васильева, Белова, Немерец, Алимова) отказались отвечать на вопросы преподавателя. Отмечена плохая посещаемость студентами ее лекций и семинарских занятий. 29 ноября на семинарском занятии «Образование Киевского государства» из 42 студентов 2-го курса литфака отсутствовало 22 человека».

Были отмечены недостатки и в работе других преподавателей: «Преподаватель всеобщей истории Мараш в своих лекциях не увязывает материал с современностью. Так, в лекции на тему «Зарождение буржуазной идеологии. Возрождение. Гуманизм» Мараш ничего не сказал о социалистическом гуманизме. Преподаватель политэкономии Альцкий читает лекции сухо, перегружая их цитатами, которые недостаточно разъясняет, допускает неточные формулировки и ошибки. Старший преподаватель Мартиросов при чтении лекций ограничивается только общими положениями, без необходимого насыщения их фактами и примерами. Исполняющий обязанности заведующего кафедрой тов. Власовец недостаточно серьезно готовится к лекциям (ана-

лиз его лекций и семинарских занятий прилагается)».

Оценочная часть справки была составлена в тональности, не допускающей никаких сомнений в возможности каких-либо иных суждений: «Кафедра как научный коллектив не работает, а потому и не воспитывает студентов в духе большевистской принципиальности. Контроль за качеством преподавания отсутствует. За 1946 год и.о. заведующего кафедрой Власовец посетил только две лекции (Перельмутера и Мараша). Взаимопосещения лекций организовано не было. Научно-исследовательская работа кафедрой не ведется, несмотря на имеющиеся благоприятные условия – наличие филиала исторического музея в г. Гродно. План работы кафедры составлен формально. При кафедре нет ни одного научного студенческого кружка для привития вкуса к теоретической работе у студентов. Кабинет марксизма-ленинизма (заведующая Суrowая) со своими задачами не справляется.

Теоретическая конференция по 1-му тому «Сочинений И.В. Сталина» (ею руководил тов. Мартиросов) 27 ноября с.г. прошла на низком уровне. Старший преподаватель всеобщей истории Мараш, излагая историческую обстановку, в которой было написано произведение тов. Сталина «Анархизм или социализм», не показал необходимости борьбы с мелкобуржуазным и оппортунистическим течением, мешавшим развитию нашей партии.

Политзанятия со студентами в институте организованы плохо. 27 ноября их проведение на третьем курсе литфака старшим преподавателем Перельмутером свелось лишь к громкому чтению выступления тов. Молотова на Ассамблее ООН. Перельмутер к занятиям был не подготовлен и не смог ответить на вопросы студентов».

Заключительная часть справки, как и вступительная, затрагивала уже не кафедральный, а общеинститутский уровень постановки идеологической работы: «Низкий уровень научно-педагогической и политико-воспитательной работы в Гродненском пединституте является результатом непартийного отношения руководства института к уровню идеологической работы, гнило-либерального подхода к подбору преподавательских кадров. Доказательством этому является идеализация тов. Власовцем состава преподавателей. В «Отчете за 1945 – 1946 учебный год» им сказано: «Все основные курсы ведутся квалифицированными преподавателями, имеющими значительный стаж работы в вузах». И далее: «Из числа преподавателей института имеется ряд лиц, которые по уровню своей подготовки и преподавательскому мастерству заслуживают быть особо отмеченными. К ним относится руководитель кафедры русского языка тов. Рей Иван Лукич». Высокую оценку работе И.Л. Рея давал инспектор отдела педвузов МВО СССР тов. Решева. Идеализация Рея, подвизавшегося в качестве заведующего кафедрой русского языка,

а затем принявшего священнический сан, говорит о потере тов. Власовцев партийного чутья. По этой же причине тов. Власовец допустил то, что на кафедре всеобщей литературы работал чуждый нам, непроверенный человек – Вольф.

Директор пединститута тов. Власовец без всяких причин и оснований освободил от преподавательской работы члена ВКП(б) тов. Денисюк, имеющую достаточный опыт работы в вузах, и на ее место назначил преподавателя Мараша, который воспитывался долгое время в университетах панской Польши и не может обеспечить чтение курса всеобщей истории в пединституте. Освобождение от работы тов. Денисюк следует понимать как желание тов. Власовца избавиться от педагогов-коммунистов».

Столь серьезное обвинение дополнялось перечислением просчетов директора в вопросах административного свойства: «Личные дела преподавателей пединститута не дают представления о них. Автобиографии написаны небрежно, в большинстве дел нет копий дипломов. Подлинные дипломы (из преподавателей кафедры марксизма-ленинизма) смогли представить только Власовец, Перельмутер и Крапивин. Остальные подлинников не смогли предъявить. Все эти факты говорят о том, что тов. Власовец слишком доверчиво и легко подходит к вопросу о назначении преподавателей».

Вывод партийных работников, осуществлявших проверку работы вуза в идеологической сфере, был предельно жестким: «Таким образом, руководство пединститута и ее парторганизация в лице тт. Власовца и Левицкого виновны в том, что не сделали политических выводов из исторических решений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, в том, что они не вскрыли серьезные недостатки в научно-педагогической и идейно-воспитательной работе института и не приняли решительных мер по их немедленному устранению» [241].

После ознакомления со справкой, а также получения информации о том, что вопрос о постановке идеологической работы в институте будет в ближайшее время обсуждаться на заседании бюро Гродненского обкома партии, руководством вуза были приняты «всевозможные меры по устранению выявленных недостатков»: на должном уровне прошли плановые политзанятия, наведен порядок в оформлении личных дел преподавателей и т.д., а 23 декабря 1946 года директор принял кадровое решение, издав приказ № 147, касавшийся лишь одного преподавателя (беспартийного), упомянутого в негативном плане в материалах проверки кафедры. Текст его был следующим: «Преподавателя всеобщей истории тов. Мараша Я.Н., допускающего в преподавании неправильное освещение некоторых вопросов с точки зрения методологии, освободить от занимаемой должности, оставив за ним только преподавание латинского языка» [242].

2 января 1947 года состоялось заседание бюро Гродненского

обкома партии, на котором был заслушан доклад директора пединститута Н.В. Власовца «О состоянии идеологической и политико-воспитательной работы в Гродненском государственном педагогическом институте». К сожалению, текст доклада в деле не сохранился и о его содержании можно иметь лишь косвенное представление. В тексте постановления бюро, в частности, говорилось: «Заслушав доклад тов. Власовца, бюро отмечает следующее: За период своего существования с августа 1944 года Гродненский пединститут организационно оформился, добился некоторых успехов в означенном вопросе. Наряду с этим имеются и существенные недостатки. Преподавание общественных дисциплин ведется на низком уровне. Важнейшие положения марксистско-ленинской теории излагались сухо и неинтересно (Мартиросов, Перельмутер, Мараш, Суровая). Кафедра не обсудила и не сделала политических и практических выводов из исторических решений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, доклада тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», решения ЦК ВКП(б) от 9 июля 1945 года «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского». Серьезнейшие факты, когда в качестве заведующего кафедрой русского языка на протяжении 2-х лет подвизался в институте магистр богословия Рей И.Л., человек, не имеющий ничего общего с советской наукой и советской действительностью, принявший осенью 1946 года священнический сан, а в качестве преподавателя всеобщей литературы в институте работал Вольф, допускавший троцкистские заявления – не заставили директора института и партбюро сделать глубокий политический анализ уровня преподавания этих предметов. Партбюро института также не дало политической оценки троцкистской вылазке Вольфа, не проявило должной большевистской бдительности. Налицо захваливание кадров (Рей, Ривкинд) и отсутствие должной критики и самокритики».

Анализ констатирующей части данного документа свидетельствует о том, что в основу ее было положено содержание материалов проверки вуза. Показательными в этом отношении являлись и пункты постановляющей части протокола заседания бюро обкома: «Бюро постановляет: 1) директору Гродненского пединститута тов. Власовцу за неудовлетворительную постановку идейной и политико-воспитательной работы, за допущение крупных недостатков в преподавании общественно-экономических дисциплин и непартийный подбор кадров – указать; 2) вторично обсудить на кафедрах марксизма-ленинизма и литературы, на партсобрании института решения ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, а также постановления о литературе и искусстве; 3) представить к 20 января 1947 года на утверждение бюро обкома всех заведующих ка-

федрами и преподавателей общественно-экономических дисциплин; 4) укрепить руководство в кабинете марксизма-ленинизма; 5) директору пединститута потребовать от преподавателей общественно-экономических и филологических кафедр, не имеющих ученых степеней, до 1 января 1948 года сдать кандидатские минимумы и приступить к подготовке диссертаций на степень кандидата наук; 6) поручить секретарю обкома ЛКСМБ тов. Дубаневичу до 10 января 1947 года подобрать и утвердить комсорга ЦК ВЛКСМ для Гродненского педагогического института; 7) просить министра просвещения БССР тов. Зимянина укрепить Гродненский пединститут высококвалифицированными кадрами. Открыть при институте к началу 1947 – 1948 учебного года исторический факультет, учитывая потребности западных областей в подготовленных педагогах-историках; 8) поручить облисполкому (тов. Ратайко) в январе 1947 года заслушать доклад директора института о хозяйственной деятельности и оказать институту необходимую помощь в хозяйственных вопросах; 9) просить ЦК ВКП(б) командировать в Гродненский пединститут опытного специалиста для работы в качестве заведующего кафедрой марксизма-ленинизма; 10) поручить секретарю обкома по пропаганде тов. Груку разъяснить настоящее постановление на совете Гродненского пединститута и организовать повседневный контроль за его выполнением; 11) директору пединститута Власовцу до 1 апреля 1947 года доложить обкому о выполнении настоящего постановления» [243].

Как свидетельствуют архивные документы, контроль за выполнением постановления бюро обкома в институте осуществлялся в буквальном смысле «повседневно». Более того, став достоянием ЦК Компартии республики, данное постановление было дополнено и требованиями вышестоящей партийной инстанции. Уже 24 января 1947 года в соответствии с указанием отдела культуры и вузов ЦК КП(б) были командированы в Минск (на срок с 25 января по 2 февраля) на совещание при ЦК руководитель кафедры русской литературы доцент Д.Н. Белинский, руководитель кафедры белорусского языка и литературы В.П. Михолап и член партбюро старший преподаватель русской литературы Мягченков [244].

Упор на борьбу с «антипатриотизмом» и «низкопоклонством», обозначенный в августовских постановлениях 1946 года и выступлениях секретаря ЦК А.А. Жданова, еще более усилился с получением в сентябре 1947 года в Гродно закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина. Это письмо было разослано во все партийные организации для обязательного обсуждения на закрытых партсобраниях. Эти ученые из-за контактов с зарубежными коллегами прямо обвинялись в измене родине, но в действительности кампания травли ставила своей целью пресече-

ние научных контактов с Западом и была связана с началом «холодной войны» (после XX съезда КПСС все участники этого «дела» были реабилитированы).

Обсуждение закрытого письма велось по единой схеме. Как правило, секретарь парторганизации выступал с докладом, в котором повторял положения закрытого письма, не скупясь на обвинения в адрес профессоров в «антипатриотизме», «пресмыкательстве перед иностранщиной, холопстве и угодничестве перед врагами демократии». Все выступавшие говорили о двух главных причинах «низкопоклонства перед Западом», вскрытых в письме ЦК: во-первых, о «пережитках проклятого прошлого царской России» и, во-вторых, о «влиянии капиталистического окружения» [245]. Последнее в условиях западных областей Белоруссии, несомненно, дополнялось ссылками на «воспитание, полученное при панской Польше» и проживание «на временно оккупированной немцами территории».

17 сентября 1947 года состоялось обсуждение закрытого письма на партийном собрании в Гродненском пединституте. В постановлении собрания после слов осуждения названных профессоров говорилось о неудовлетворительном положении дел в вузе, перечислялись недостатки в работе отдельных преподавателей, упоминались фамилии Рей и Вольф. В заключительной части постановления подчеркивалось, что «чем выше будет идейный уровень работы преподавателей, тем сильнее будет их ненависть к гнилой капиталистической культуре, тем лучше они будут воспитывать студенчество». Далее в документе перечислялись меры, которые должны были помочь борьбе с «низкопоклонством»: «организации лекций для коммунистов», «изучение биографий Ленина и Сталина», «вовлечение лучших преподавателей-коммунистов в чтение лекций для населения города» и т.п.

Следует заметить, что особого резонанса в жизни пединститута закрытое письмо не имело, и, возможно, лишь по одной причине: слишком сильным был критический удар, нанесенный коллективу в ходе проверки итогов обсуждения партийных документов 1946 года. Эхо результатов этой проверки (вместе со смысловыми наслоениями от заседаний бюро обкома и обсуждением закрытого письма) еще долгое время сохраняло здесь свою значимость при оценке партийными органами текущей жизни вуза. Доказательством этого могут быть фрагменты выступлений участников V объединенного пленума Гродненского обкома и горкома КП(б) Белоруссии от 9 декабря 1947 года. Из выступления директора пединститута тов. Влаговца: «Товарищи, больше года серьезная комиссия обкома партии обследовала работу кафедры основ марксизма-ленинизма в институте... Конечно, недостатков у нас много. Но это не значит, что у нас ничего не делается по идейно-воспитательной работе среди преподавателей».

давателей и студентов». Скромная попытка докладчика смягчить отношения партийных структур к работе вуза вызвала резкое выступление в его адрес со стороны основного докладчика – первого секретаря обкома партии П.З. Калинина, который в своем заключительном слове сказал: «О выступлении тов. Власовца – директора пединститута. Очень плохо, товарищ Власовец, что вы не видите того, что наша партия придает идеологическому фронту столь огромное значение. Из вашей работы в этом направлении совсем не видно, что у вас намечилось улучшение. Вы только послушайте решение парторганизации пединститута, которое я вам почти дословно приведу. Там записано так: «Поручить тов. Власовцу освободить от работы Вольфа, как не справившегося...» (справедливости ради напомним читателю, что подлинная запись была следующей: «рекомендовать директору института тов. Власовцу освободить от работы преподавателя всеобщей литературы Вольфа как не соответствующего своему назначению»). Эта же формулировка употреблена и в приказе об увольнении Вольфа. – В. Ч.). Освободить от работы троцкиста, отчаянного троцкиста «как не справившегося»? Я думаю, что только по этой формулировке можно сделать вывод о том, насколько не принципиальна парторганизация вуза. Ведь по этой записи выходит, что вы сняли его с работы не как троцкиста, а как работника, не обеспечившего работу в пединституте, смазали политическую сущность борьбы с врагами партии и народа. Это явное притупление политического чутья. Дальше, разве мы с вами, товарищ Власовец, можем быть спокойными, если в пединституте были проявления низкопоклонства перед Западом со стороны ряда преподавателей, в том числе и со стороны Мараша. Надо присмотреться и к Ривкинду, к жене его. Посмотрите поглубже состав ваших преподавателей. Конечно, мы имеем то, что имеем, но гниль нужно удалять. Поэтому нам, большевикам, критику надо любить...» [246].

Весь 1947 – 1948 учебный год Гродненский пединститут работал в обстановке тотальных проверок со стороны партийных органов. Его деятельность в духе постановлений по идеологии проверяли бригады ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) Белоруссии, Гродненских обкома и горкома партии. Морально-психологический климат в коллективе был накален до предела. Под воздействием обострения взаимоотношений в преподавательской среде комсомольская организация института выступила с ходатайством перед руководством об исключении 15 студентов, «социальное происхождение которых не соответствовало званию советского студента». Тогда же борьба с «низкопоклонством» была дополнена кампанией против «космополитов». В пединституте она находила «питательную» почву на том основании, что часть преподавателей-евреев и «политически неблагонадежных» преподавателей, сотрудников и студентов-«кос-

мополитов» из других национальностей уже «засветились» в ходе борьбы с «низкопоклонством». Все преподаватели, независимо от национальной принадлежности, были поставлены в трудное положение: они боялись неправильно выразиться, быть неправильно понятыми, дать повод для политического искажения содержания проводимых ими занятий.

Еще большую тревогу в коллективе вызывало то, что рекомендация секретаря обкома партии директору пединститута, высказанная на объединенном пленуме 9 декабря 1947 года («Посмотрите поглубже своих преподавателей...»), имела под собой реальную почву: Гродненская областная парторганизация начинала готовиться к отчету перед ЦК КП(б) о работе с кадрами. Одной из форм подготовительной работы в этом направлении было составление руководством института характеристик на своих работников. Анализ отдельных из них подтверждает наличие у их составителей некоторой боязни и настороженности по отношению к тем местам характеристик, где должны были быть освещены идейно-политические моменты производственной и общественной деятельности преподавателя. Возьмем, к примеру, характеристику, данную Н.В. Власовцем заведующему кафедрой математики Я.И. Ривкинду: «Окончил Виленский университет в 1933 году. В институте работает с 1944 года. В 1946 году сдал экстерном кандидатский минимум в Москве. Свое дело математики знает, но с руководством кафедры справляется неудовлетворительно. Замечается известное высокомерие к товарищам, закончившим советские вузы, некоторое пренебрежение к студентам – выпускникам средних школ. Он это объясняет своей повышенной требовательностью к их знаниям, но это совсем не так: вернее всего, тов. Ривкинд еще не избавился от преклонения перед так называемым «особым качеством» подготовки специалистов в буржуазной школе и недооценивает достижения советской культуры. При условии дальнейшего усиления идеологической работы в педколлективе он, безусловно, сможет исправиться и быть нужным специалистом».

Не терял надежды директор института и на «перековку в марксистском духе» жены Я.И. Ривкинды – заведующей кафедрой иностранных языков З.Б. Ривкинд, также окончившей в 1936 году Виленский университет. Характеризуя ее деловые качества, он, в частности, писал: «Относится к работе добросовестно, хорошо владеет предметом, старается перестроить преподавание английского языка на основе учения тов. Сталина о языке...». Между тем, как свидетельствуют архивные материалы, Власовец активно подыскивал кандидатуры для замены супругов на должностях заведующих кафедрами. С одним из таких кандидатов – московским профессором-математиком В.Е. Прудниковым была достигнута договорен-

ность, но переезд был отменен из-за бытовых условий.

Составление параллельных характеристик (по линии администрации и партийного бюро) вынуждало руководство института согласовывать свои подходы к этому делу. Так, секретарь партбюро М.Е. Левицкий, он же заместитель директора и заведующий кафедрой педагогики, давая более мягкую характеристику Я.И. Ривкинду, тем не менее, глядя на директора института, вынужден был заметить: «Крупным недостатком в его работе является отсутствие такта в обращении как со студентами, так и преподавателями». Обнаружить характеристику Н.В. Власовца, подписанную М.Е. Левицким, в архивах обнаружить не удалось. А вот как характеризовал первый из них второго: «Марк Ефимович Левицкий – высококвалифицированный педагог. Как администратор требователен, иногда вспыльчив и не совсем объективен. Вполне соответствует своему назначению на должности зам. директора и зав. кафедрой. Автор 9 печатных работ. Одна из них – «О воспитании большевистской воли и характера» (4 п.л.) была сдана в печать, но погибла во время войны. Другая – «Идейное воспитание школьников в учебном процессе» готовится к печати». Явным сочувствием проникнута характеристика, преподавателя старшей возрастной группы М.Ц. Перельмутера, хотя ему еще не исполнилось и 50 лет: «Перельмутер Моисей Цальевич, безусловно, эрудированный и сведущий преподаватель, имеющий большой практический опыт. Участник гражданской войны. Учебный материал излагает увлекательно и образно. К недостаткам следует отнести рассеянность и некоторые провалы в памяти, что приводит к отсутствию известной плановости в чтении каждой лекции в отдельности. Нуждается в переподготовке и сам заявляет об этом». Подписана характеристика директором института.

Подчеркивать идейность лица, получавшего характеристику, традиция того времени. Вот как характеризовал секретарь партбюро М.Е. Левицкий исполняющего обязанности заведующего кафедрой немецкого языка С.М. Гайдучика: «Товарищ Гайдучик, несмотря на то, что рос и учился при панской Польше, упорно и плодотворно работает над тем, чтобы изжить в себе остатки буржуазной идеологии. Как преподаватель и руководитель кафедры тов. Гайдучик проявил себя с самой лучшей стороны. В общественной жизни института принимает активное участие». Надо полагать, что спустя какое-то время М.Е. Левицкому пришлось горько сетовать на свою опрометчивость, ибо уже 4 мая 1949 года С.М. Гайдучик был освобожден от исполнения обязанностей заведующего кафедрой, а затем и осужден «за сотрудничество с немцами в годы оккупации Белоруссии» [247].

Весьма беспокоила руководство пединститута кадровая ситуа-

ция на кафедре русской литературы. Здесь после увольнения в январе 1947 года М.Я. Колесова на должность заведующего кафедрой был утвержден недавно прибывший в Гродно из Каменец-Подольского пединститута Д.Н. Белинский. Однако уже спустя полгода директор пединститута характеризовал нового сотрудника следующим образом: «Белинский Дмитрий Николаевич. Исполняет обязанности заведующего кафедрой; доцент, кандидат филологических наук. Исследует творчество А. Фета и других русских поэтов. С точки зрения формы читает курс блестяще, но известная аполитичность изложения имеет место. Во время оккупации Украины служил в архиве и имел связи с партизанским движением, но подтверждающих документов не имеет». Тогда же у директора появились сомнения в отношении подлинности документов Белинского, подтверждающих его ученую квалификацию, что дало затем повод освободить его от занимаемой должности. В результате в характеристике нового заведующего кафедрой появилась запись: «Общий вывод: может и впредь работать как доцент кафедры при условии неослабного наблюдения и руководства со стороны заведующего кафедрой, учебной части и дирекции института». Летом 1947 года новым заведующим кафедрой литературы был назначен приехавший на родину с Донбасса Е.В. Волотовский – автор работ, посвященных образу Сталина в революционной поэзии, в литературе и публицистике современного Запада. Отношения между бывшим заведующим кафедрой и вновь назначенным явно не складывались, администрация и партком только и занимались разбором их жалоб то друг на друга, то на руководство института.

Особенно активен в этом отношении был Д.Н. Белинский. В частности, 15 июля 1948 года он обратился к директору института со следующим заявлением: «Прошу освободить меня от занимаемой должности. Обстоятельства, которые я ниже излагаю, являются достаточным основанием для этого: во-первых, Ваш заместитель тов. Левицкий в течение истекшего учебного года всячески дискредитировал меня, в результате чего я, как научный работник, был подвержен остракиции. Мне, например, не давали читать научные доклады на юбилейных сессиях и т.д.; во-вторых, неблагоприятные погодные и бытовые условия отрицательно сказываются на состоянии моего здоровья и здоровья всей моей семьи...». Последнее заявление (от 25 ноября 1948 года), после которого последовало его увольнение, начиналось со слов: «Только положив конец той дискредитации, тому шельмованию и остракизму, которым я постоянно подвергаюсь, я смогу приступить здесь к работе...». Наконец, 1 декабря 1948 года вышел приказ директора института об освобождении доцента Д.Н. Белинского от занимаемой должности как не справившегося со своей работой». 10 сентября 1949 года уволился из института по собственному желанию и Е.В. Волотовс-

кий, а исполнение обязанностей заведующего кафедрой было возложено на старшего преподавателя А.С. Тягченкова [248].

Незадолго до этого имя Волотовского прозвучало в докладе секретаря обкома партии С.А. Мачулина «Идеологическая работа в Гродненском союзе художников». Критикуя местных художников за их аполитичность, он привел следующий пример: «А вот есть такой художник Вислевич, так он занялся рисованием портрета преподавателя института Волотовского (кстати, исключенного из партии как проходимца), и когда его спросили, что вас побудило к этому, последовал ответ: «У преподавателя Волотовского я нашел черты античного лица» (смех в зале)».

15 мая 1948 года состоялся XII пленум Гродненского обкома партии с повесткой дня «О выполнении постановления ЦК КП(б)Б по отчетному докладу Гродненского обкома КП(б) о работе с кадрами». В докладе секретаря обкома по кадрам тов. Ключинского работа пединститута была опять подвергнута нелицеприятной критике: «В нашем пединституте неблагоприятно дело в части политического облика некоторых преподавателей, в том числе и по кафедре основ марксизма-ленинизма, руководителем которой является сам директор института тов. Власовец. При подборе кадров для работы в институте тов. Власовец не руководствуется сталинским учением о политической пригодности работника, а делает все по-семейному, т.е. с удобствами для себя лично. В результате этого получилось, что кафедрой основ марксизма-ленинизма по сути дела руководит не тов. Власовец, а Мартиросов. Да и вообще тов. Власовец сделал Мартиросова своей правой рукой в институте, а что представляет из себя Мартиросов? С 1941 года и почти до конца войны был в плену у немцев, и все это время работал в немецком военном госпитале, прифронтовом госпитале – это исключительный случай, чтобы русский (Г.А. Мартиросов был армянином. – *В. Ч.*) допускался обслуживать немецких солдат и офицеров. В этом вопросе допущена слепота: обкомом и горкомом институт отдан на откуп тов. Власовцу. Вот он и хозяйничает по своему вкусу, по-семейному: сор из избы не выносит, молчит о том, что студенты не желают некоторых преподавателей слушать, не посещают их лекций. Критика и самокритика в коллективе не в почете, да она и невыгодна для руководства. Ни обком, ни горком по-настоящему не поправили тов. Власовца».

Желая как бы сгладить остроту данной части своего доклада, секретарь обкома Ключинский попытался обосновать то, что побудило его быть столь бескомпромиссным по отношению к положению дел в пединституте: «...Сам тот факт, что из 2968 работающих в нашей области учителей 654 являются местными уроженцами, получившими образование в капиталистической Польше, а также по своему социальному положению большинство из них относится

к привилегированной части населения, вместе с тем, что 1965 учителей находилось на оккупированной территории, требует от партийных организаций повседневного контроля за их работой». Вслед за этим, определяя пути выхода из сложившейся ситуации, докладчик заявил: «Пользуясь тем, что в работе нашего пленума принимает участие товарищ из ЦК КП(б)Б, я бы хотел попросить у них поддержки в том, чтобы в этом учебном году обязательно открыть исторический факультет в нашем институте. Это во многом поможет нам в решении проблем с идеологическими кадрами».

Судя по всему, смягчающие моменты доклада Ключинского не повлияли успокоительно на директора пединститута Н.В. Власовца: он выступал спокойно, самокритично, однако не совсем ровно, сводя в конце концов весь пафос своей речи на оправдание своих не всегда продуманных в данном направлении шагов: «Мой стаж работы в вузе составляет ровно столько, сколько дней, месяцев и лет нашему институту. Я не хочу причислять себя к опытным руководителям вуза, не имею права на это и считаю, что особенно в первые годы – 1944 – 1945 учебный год – начинать эту работу, не имея ни одного научного работника, ни одного студента, было делом очень сложным. В прошлом году у нас был выпуск – 21 студент. Это был досрочный выпуск, и рекомендовал сделать это обком. В этом году мы будем иметь 78 выпускников – литераторов, математиков, преподавателей английского языка. В 1944 году у нас было 60 студентов, сейчас около 500. Не было ни одного научного работника, а сейчас 42. Их приобретение было делом нелегким, и в обкоме об этом знают. В прошлом году из 50 аспирантов всесоюзного масштаба до Белоруссии доехало лишь три человека; нам же было сказано, что нужно самим заботиться о кадрах и не ждать готовых. Из 42 научных работников 26 у нас являются коммунистами. 12 товарищей сейчас сдали без отрыва от производства кандидатские минимумы..., но тем не менее с подготовкой кандидатов наук и доцентов у нас по-прежнему сложно. И не только в плане повышения квалификации.

Возьмем Михолапа – заведующего кафедрой белорусской литературы. Недавно я узнал, что он форменным образом подвел нас. Если бы мы раньше знали об этом, он бы не был кандидатом филологических наук. Мы дали ему хорошую характеристику, что он общественник, печатает много статей и т.д., а после этого я узнал, что он в анкете относительно своей службы в Красной Армии (1941 – 1945) неверно поставил тире, ибо служил в армии лишь в 1941 году. Более того, он не сообщил о том, что был в окружении, в плену, где его партийный билет, неизвестно. Безусловно, что после этого он может у нас работать лишь под особым наблюдением.

С Белинским также получилось очень сложно. Прибыл с Ук-

раины, пишет везде, что поддерживал с партизанами связь, а никаких документальных данных нет. В анкете написал, что все годы немецкой оккупации работал в институте, а когда ему сказали, что институты тогда не было, он начал говорить, что работал в архиве библиотекарем. Мы делаем запросы – характеристики приходят положительные.

Недавно всплыл вопрос в отношении заведующего кафедрой физики Кульбицкого. На Ученом совете его спросили, зачем он несколько раз посещал церковь. Он ответил: «Я атеист еще с дореволюционным стажем, а в церковь хожу из эстетических соображений». Конечно же, это неправда. И хотя он заверил нас, что больше этого не будет, мы понимаем, что по отношению к этой категории бывшей западной интеллигенции, не освободившейся от буржуазных предрассудков, нужен особый большевистский подход. Мы не можем отмахнуться от этих людей, нам нужно их воспитывать.

В отношении Мартиросова. В 1945 году, в январе, он был прислан ко мне отделом кадров обкома партии на должность заместителя директора института по учебной части. Так что возьмите ошибку с ним и на свои плечи. Мне лишь достоверно известно, что он, будучи аспирантом Института философии АН СССР, добровольцем ушел в ополчение, ушел вместе с Веселовским и др. У него есть медаль «За оборону Москвы». Под Ельней, по его словам, он в состоянии контузии попал в плен. Был в плену до 1943 года. Дальше, он говорил, что пытался установить связь с партизанами, но таких документов нет. Вы мне как-то сказали, товарищ Ключинский, что он ушел в партизаны за день до прихода Красной Армии. Но это совсем не так: в конце 1943 года он, лично убив немецкого офицера, сам и пришел в отряд с оружием, не раз ходил на подрыв вражеских поездов. Я не верю, чтобы после службы у немцев его сразу же могли восстановить в партии. Я как мог изучал его, и скажу по правде, что он очень любит книги, однако, правда и то, что человек он очень невыдержанный: ссорится по всякому поводу и без повода. Сейчас он пишет работу «Диалектический материализм и логика». Отзывы идут на нее хорошие...» [248].

Борьба с «низкопоклонством» и «космополитизмом», повышенное внимание к анкетным данным преподавателей, сотрудников и студентов в повседневной жизни чаще всего заземлялась на биографиях членов коллектива еще не столь отдаленного прошлого. Подчеркивалось это и в отчете пединститута за 1947 – 1948 учебный год: «Следует, однако, отметить, что наряду с семью преподавателями института, которые получили образование в панской Польше, в институте работают 5 преподавателей, которые находились на территории, оккупированной немцами. Некоторые из них вполне оправдали себя последующим участием в партизанской борь-

бе против немецких оккупантов (Г.А. Мартиросов) и работой в институте (А.И. Ривкинд). Тов. Мартиросов является членом ВКП(б), а тов. Я.И. Ривкинд принят кандидатом в члены ВКП(б). Среди некоторой части этих преподавателей наблюдаются аполитичность, оторванность от коллектива, весьма слабая подготовка в области марксизма-ленинизма (старший преподаватель В.Е. Кульбицкий, преподаватель немецкого языка И.С. Валицкая, старший преподаватель математики А.Е. Кастальский, доцент Д.Н. Белинский, кандидат наук Я.И. Михолап». Исправление сложившейся ситуации руководство института видело в том, «чтобы не менее 15-ти преподавателей института стали слушателями вечернего университета марксизма-ленинизма, а в отношении остальных – организовать их индивидуальную марксистско-ленинскую учебу» [250].

Идеологические «проработки» в пединституте не могли не вызвать повышенного «внимания» к нему со стороны органов госбезопасности. Свидетельством тому может быть секретное спецсообщение начальника Управления МГК по Гродненской области полковника Фролова от 15 ноября 1948 года на имя секретаря обкома партии П.З. Калинина, озаглавленное в стиле того времени – «О засоренности Гродненского пединститута чуждым элементом и фактах порочного метода преподавания». В документе, в частности, отмечалось: «В Управлении МГБ области имеются данные о том, что в Гродненском пединституте преподавательский состав засорен чуждым элементом и лицами, не внушающими политического доверия. В связи с этим в преподавании имеют место факты преклонения перед западноевропейской буржуазной наукой и выхолащиванием основных положений марксистско-ленинской науки в области языка и литературы. Так, например: заведующий кафедрой языка и литературы Волотовский Евгений Васильевич, 1912 года рождения, уроженец с. Старые Юрковичи Чуровского района Брянской области, кандидат в члены ВКП(б), русский – в своей 4-часовой лекции о партийности в художественной литературе, прочитанной 14 октября с.г. на 1 курсе литературного факультета, выхолостил всю партийность. В своей лекции он не показал борьбы советских писателей за партийность в художественной литературе. Говоря, к примеру, о Горьком, Волотовский ни разу не упомянул о том, что Горький активно боролся против фашизма. В лекции совершенно не был отражен наступательный характер советской литературы как прошлом, так и в настоящем.

Волотовский является выходцем из семьи духовного звания. Его отец – Волотовский Павел Васильевич с 1905 по 1918 год служил священником в с. Старые Юрковичи, имел 44 га пахотной земли, 10 га сенокоса и 10 га фруктового сада. Его хозяйство обрабатывалось наемным трудом. В 1933 году бежал из села, с 1943 по

1948 год служил священником в Ростовской области. В настоящее время проживает совместно с семьей сына в Гродно... Пользуясь поддержкой директора пединститута Власовца, он пробрался в члены общества по распространению народнохозяйственных и политических знаний и одновременно ходатайствует перед Министерством о направлении его в научную командировку на пять-шесть месяцев с сохранением зарплаты. По данным УМГБ, Волотовский не имеет высшего образования и на работе преподавателя советского вуза является случайным человеком, обманным путем присвоившим себе ученую квалификацию.

Заведующий кафедрой западноевропейской литературы – Белинский Дмитрий Николаевич, 1912 года рождения, уроженец г. Прилуки Черниговской области, как указывал в биографии, фактически же 1908 года рождения, уроженец г. Борисполя Киевской области, русский, беспартийный. По имеющимся данным, проживал в г. Винница, где по заданию немецких властей и по предложению украинских националистов организовал так называемый «новый украинский» пединститут, в котором, как и в фашистской газете «Винницкие вести» (№ 345 от 11 января 1942 г.), всячески осуждал все советское и восхвалял «немецкий порядок». В конце 1943 года бежал из Винницы вместе с немцами. Чувствуя тяжесть преступления, он прикрывается выдуманной им связью с партизанами. Стараясь замести следы, переезжает из города в город, что намеревается сделать и сейчас, т.е. выехать из г. Гродно. Согласно сообщениям ВАК, Белинский не имеет степени кандидата наук и звание доцента ему не присваивалось. Свои лекции в институте он строит так, что их можно читать в любой капиталистической стране, ибо в них нет партийности и не видно, что сам он является преподавателем советского вуза.

Заведующий кафедрой русского языка – Гурло Николай Саввович, 1895 года рождения, уроженец м. Копыль Бобруйского района Минской области, беспартийный, белорус, в 1918 году примыкал к левым эсерам, вместе с белогвардейцами участвовал в покушении на секретаря Копыльского райкома партии большевиков, там же в период польской оккупации местечка в 1920 году избирался по предложению поляков в местный магистрат. В 1925 году арестовывался советской властью как член партии левых эсеров, впоследствии был из заключения освобожден. Два брата Гурло осуждены как враги народа. Работал с 1933 года в редакции газеты «Звезда».

Преподаватель всеобщей истории – Денисюк Вера Ивановна, 1907 года рождения, уроженка г. Варшавы, член ВКП(б), русская, до 1931 года проживала в Германии, где арестовывалась немцами вместе с мужем и при сомнительных обстоятельствах была освобождена. В 1937 году Улановским РОНКГБ Винницкой области за прове-

дение антисоветской деятельности была арестована и осуждена к 10 годам лагерей. В 1941 году ее дело было пересмотрено, но в связи с начавшейся войной результаты пересмотра неизвестны. Не установлено также пока, при каких обстоятельствах Денисюк была освобождена. (Спустя годы, в 1970 году, В.И. Денисюк в своей автобиографии об этом писала: «В 1937 году меня необоснованно обвинили в троцкизме, и я подвергалась репрессиям...». – В. Ч.).

Директор пединститута – Власовец Николай Васильевич, 1910 года рождения, уроженец д. Курневичи Смолевичского района Минской области, член ВКП(б), белорус Работая учителем в м. Песочное (1930–1932 гг.), поддерживал тесную связь с активным троцкистом Меркиным; все сведения о его контрреволюционной деятельности скрывал. Будучи секретарем ячейки ЛКСМБ в школе, несмотря на сигналы об антисоветской деятельности врага народа учителя Парамонова, не принимал мер по его разоблачению, за что в 1937 году бюро Копыльского РК ЛКСМБ был исключен из комсомола как не внушающий политического доверия. При вступлении в члены ВКП(б) этот факт своей биографии он скрыл.

Его отец – Власовец Василий Андреевич, проживая на оккупированной немцами территории в поселке Шумилин Витебской области, с 1941 по 1943 год работал директором средней школы, неоднократно выступал с антисоветскими докладами, организовывал среди учащихся кружки «Союза Белорусской Молодежи». За пособническую деятельность в пользу немцев был в сентябре 1944 года арестован и осужден военным трибуналом к 10 годам ИТЛ. В 1937 году брат его жены, Суровый Иван Иосифович, был арестован органами НКВД и приговорен к высшей мере наказания.

Имеются сведения, что Н.В. Власовец присваивает государственные средства путем составления подложных документов о якобы затраченных им часах на сверхурочную работу» [251].

8 – 9 января 1949 года информация органов госбезопасности, пускай не напрямую, но косвенно была озвучена в докладе секретаря горкома партии Н.В. Слободина: «Не могу дать иной оценки, как потеря большевистской бдительности, если не больше у директора института тов. Власовца, когда во вверенный ему институт в число студентов и преподавательского состава подбирались люди, совершенно не внушающие политического доверия». Все попытки Н.В. Власовца отвести в своем выступлении необоснованные обвинения в свой адрес успеха не имели. Более того, это вызвало у докладчика такую реакцию в своем заключительном слове по докладу, что свидетельствовало о расстановке в деле Власовца всех точек над «і». «Он (Н.В. Власовец) так тут воспринимает указания и критику партийных органов, что теряется всякая надежда, что тов. Власовец действительно может поправить там (в институте) положение» [252].

Данное сообщение полностью развязывало руки партийным органам в решении вопроса об освобождении Н.В. Власовца от должности директора. Необходимо было лишь дождаться окончания учебного года. 23 – 24 января 1949 года на II областной партконференции в отчетном докладе секретаря обкома КП(б)Б С.О. Притыцкого «О работе Гродненского обкома партии за период с января 1947 по январь 1949 г.» критика в адрес пединститута и его директора прозвучала уже в последний раз: «Неудовлетворительно поставлена работа по подготовке учительских кадров в нашем педвузе. Здесь большая засоренность не только среди студентов, но и среди преподавателей. В этом, безусловно, виноват директор пединститута тов. Власовец, который не обеспечил руководства учебно-воспитательной работой и проявил политическую слепоту при подборе кадров. Не в меньшей степени повинна в этом и парторганизация института» [253].

25 апреля 1949 года, так и не дождавшись окончания учебного года, Министерство просвещения БССР по согласованию с партийными органами издало приказ № 66, на основании чего Н.В. Власовец был освобожден от должности директора Гродненского пединститута как «не обеспечивший необходимого руководства учебно-воспитательной работой института». Не вызывает сомнения, что данное решение властей было одним из результатов идеологической кампании 1946 – 1949 годов в вузе. Этим же приказом исполнение обязанностей директора было возложено на заместителя Н.В. Власовца по учебной работе, заведующего кафедрой педагогики доцента М.Е. Левицкого. 25 августа 1949 года бюро Гродненского горкома КП(б) Белоруссии утвердило на должность директора пединститута И.Н. Малюкевича [254]. В пору его работы в вузе контроль за состоянием идеологической работы в силу объективных причин перестал носить тотальный характер. Значительно вырос и уровень работы пединститута в деле подготовки педагогических кадров.

Изучение документов и воспоминаний ветеранов труда, относящихся к данному периоду истории Гродненского пединститута, убедительно свидетельствует о том, что немалую роль в той драматической ситуации сыграли, кроме политических причин, трудности, переживаемые страной. Идеологические кампании партийное руководство нередко использовало для того, чтобы избавиться от «политически неблагонадежных элементов» (с судимостью по политическим статьям, репрессированными родственниками и т.п.). И тем не менее большинство преподавателей, сотрудников и студентов вуза поддержало мероприятия идеологического характера и принимало в них активное участие. Это определялось не только страхом, но и верой в правильность проводимого курса. Оспаривать мероприятия партийно-советских органов было не только опас-

но, но и зачастую неприемлемо, так как это означало бы ставить под сомнение политику партии и ее вождя, приведших страну к победе над фашизмом, добившихся успехов в восстановлении народного хозяйства, демонстрировавших свои усилия по развитию науки, образования и культуры. Вместе с тем, ряд идеологических мероприятий по своей форме и содержанию вызывал молчаливое неприятие их частью вузовской интеллигенции. Откровенно оскорбительные выпады против отдельных преподавателей и студентов порождали у некоторых из них симптомы двоемыслия.

Как же сложилась дальнейшая жизнь гродненских преподавателей, попавших в тиски идеологических «разборок» тех лет, ответить нелегко. Отдельные из них навсегда покинули Гродно. Те же, кто остался в пединституте (Г.А. Мартиросов, Я.Н. Мараш, Я.И. Ривкинд, В.И. Денисюк и др.), с годами достигли высоких научных степеней и званий, честно и добросовестно трудились и оставили о себе добрую память в коллективе, но пережитое ими в 1946 – 1949 годах так и не смогло зарубцеваться в их сердцах до конца всей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: Виноградов, И. Забытое стихотворение поэта / И. Виноградов // Литературная Россия. – 8 февр. – 2002. – № 6. – С. 91.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 1 – Оп. 6. – Д. 462. – Л. 103.
3. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1 – Оп. 6. – Д. 462. – Л. 23 – 25, 90 – 91.
4. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1 – Оп. 6. – Д. 462. – Л. 121 – 124.
5. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 718. – Л. 2, 23 – 25, 29 – 30.
6. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 2785. – Л. 1 – 6.
7. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Гродна, 1910. – Ч. 1: Гор. Гродна. – С. 305 – 308.
8. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1910. – Ч. 1. – С. 309 – 310.
9. См.: Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н.Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 6 – 47; Черепица, В.Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине / В.Н.Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2 – С. 27, 43 – 48.
10. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 688. – Л. 18, 12 – 16, 25, 33 – 36, 45, 51, 66, 74, 81, 85.
11. См.: Церковно-общественный вестник – 1881 – № 27 – 76.
12. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Гродна, 1910. – Ч. 1: Гор. Гродна. – С. 317.
13. Отчет о деятельности Комитета, учрежденного для сбора пожертвований и вспомоществования лицам, пострадавшим от пожара 29 мая 1885 года в г. Гродне. – Гродно, без даты. – С. 336.
14. Цит. по: Карпюк, А. «Горад мой – бяссоніца мая!...» / А. Карпюк // Літаратура і мастацтва. – 1985. – 9 жніўня. – С. 7.
15. См. подробнее: Швед, В. Губернскі Гродна: Аповяды з гісторыі горада (канец XVIII – пач. XX ст.) / В. Швед. – Баранавічы, 2003. – С. 89 – 96.
16. Отчет о деятельности Комитета, учрежденного для сбора пожертвований и вспомоществования лицам, пострадавшим от пожара 29 мая 1885 года в г.Гродне. – Гродно, без даты. – С. 331 – 332.
17. Карпюк, А. Горад мой – бяссоніца мая!... / А. Карпюк // Літаратура і мастацтва. – 1985. – 9 жніўня. – С. 7.
18. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Гродна, 1910. – Ч. 1: Гор. Гродна.– С. 318.
19. Климаков, Ю. Кровавая свобода. Преступления против России и русского народа / Ю. Климаков // Молодая гвардия. – 1995. – № 1. – С. 206.

20. См. подробнее: Архиепископ Тихвинский Константин (Горянов). Святой праведный Иоанн Кронштадский и Георгий Гапон // Всероссийский собор. – 2005. – № 1. – С. 3 – 32.

21. Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1905. – № 3. – С. 118 – 120.

22. См.: Краткая история рабочего движения в России (1861 – 1917). – М., 1965. – С. 315; Русская история с древнейших времен до наших дней / А.Ю. Дворниченко [и др.]. – СПб., 1998. – С. 266; История России IX – XX в. / под ред. Г.А. Аммона, Н.П. Ионичева. – М., 2002. – С. 348; Ковкель, И.И. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И.И.Ковкель, Э.С Ярмусик. – Минск, 1998. – С. 202.

23. Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1905. – № 3. – С. 120 – 122.

24. Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1905. – № 4. – С. 171 – 173.

25. Обнинский, В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования России императора Николая II / В.П. Обнинский. – М., 1992. – С. 106.

26. Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1905. – № 5. – С. 185 – 186.

27. См. подробнее: Черепица, В.Н. Гродненский Православный Некрополь / В.Н. Черепица – Гродно: ГрГУ, 2001. – С. 85.

28. Цит. по: Климаков, Ю. Кровавая свобода. Преступления против России и русского народа / Ю. Климаков // Молодая гвардия. – 1995. – № 1. – С. 206 – 220.

29. Гродненский государственный историко-археологический музей (ГГИАМ). – Ф. 9017: «Обвинительный акт об Иване Бакуновиче, Михаиле Новаковском, Петре Савицком и др.». Без даты. – С. 1 – 4.

30. См. подробнее: Обнинский, В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II / В.П. Обнинский. – М., 1992. – С. 175 – 176; Солженицын, А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995) / А.И. Солженицын. – М., 2001. – Ч. 1. – С. 408 – 412.

31. Галай, С.М., Еврейские погромы и роспуск I Государственной думы в 1906 году / С.М. Галай // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 23 – 42.

32. Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 268–288. См. подробнее: Ражак, I. Organizacie bojowe partyj Politycznych w Krolewstwie Polskim. 1904 – 1905 / I. Ражак. – Warszawa, 1985. – С. 203, 266.

33. Цит. по: Климаков, Ю. Кровавая свобода. Преступления против

России и русского народа / Ю. Климаков // Молодая гвардия. – 1995. – № 1. – С. 221.

34. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 25. – Д. 2475. – Л. 1 – 27, 36 – 47, 53 – 55.

35. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 30 – 31.

36. Черепица, В.Н. Гродненский Православный Некрополь / В.Н. Черепица. – Гродно, 2001. – С. 62, 76.

37. См.: Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 161 – 162; Русский биографический словарь. В 20 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 236.

38. См.: Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В.Н. Черепица. – Гродно, 1998. – С. 214 – 215.

39. Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. – 1907. – № 1 – 7.

40. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1186. – Оп. 3. – Д. 23. – Л. 96.

41. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1186. – Оп. 3. – Д. 23. – Л. 92.

42. См. подробнее: Черепица, В.Н. Истоки (Очерки по истории русско-белорусско-польских революционных и культурных связей XIX – начала XX века) / В.Н. Черепица. – Гродно, 1991. – С. 57 – 59.

43. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 1 – 5.

44. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 25 – 26.

45. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 1 – 2.

46. Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 184 – 186.

47. История России с древнейших времен до начала XXI века: учебник / под ред. А.Н. Сахарова. – М., 2000. – С. 848 – 851.

48. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1490. – Л. 1 – 12.

49. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 141. – Л. 1 – 10.

50. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1583. – Л. 7 – 15.

51. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 410, лл. 1–10; более подробно о деятельности гродненских вице-губернаторов см.: Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С. 419 – 442.

52. НИАБ. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1790. – Л. 42 – 61.

53. НИАБ. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2360. – Л. 293 – 298.

54. НИАБ. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1790. – Л. 62 – 69.

55. НИАБ. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1650. – Л. 1 – 11.

56. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 24. – Д. 2380. – Л. 13, 34, 39, 40, 74.

57. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1092. – Л. 1 – 12; Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С. 8 – 12.

58. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2263. – Л. 53 – 68.

59. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2357. – Л. 407 – 422.
 60. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2357. – Л. 322 – 333.
 61. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1385. – Л. 105.
 62. См. раздел о выборах в Гродненской губернии в 1912 году в IV Госдуму, помещенный в данной книге.
63. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1659. – Л. 1 – 19.
 64. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 244. – Л. 9 – 15.
 65. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1099. – Л. 1 – 7.
 66. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 24. – Оп. 3. – Д. 3798. – Л. 1 – 7, 29 – 39.
 67. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 393. – Л. 1 – 6 об., 16 – 17, 35 – 38, 46.
68. См. подробнее: Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С. 66, 76, 168, 300, 324, 445 – 449.
69. См. «Протокол первого Гродненского Губернского Белорусского Съезда, созванного Русской Управой и состоявшегося 1 и 2 декабря 1918 г. в г. Гродне», публикуемый в качестве приложения к данному разделу.
70. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 5. – Д. 181. – Л. 1 – 12.
 71. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 49 – 85.
 72. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 585. – Л. 1 – 6.
 73. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 739. – Л. 1 – 6, 39.
 74. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 585. – Л. 7 – 30.
 75. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 639. – Л. 33–34, 42 – 48, 70 – 71, 88, 113 – 114, 143.
 76. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 4. – Д. 52. – Л. 1 – 72.
 77. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 4. – Д. 43. – С. 1 – 2.
 78. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 4. – Д. 72. – Л. 4 – 5.
 79. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1189. – Л. 1–1 об.; Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1202. – Л. 1–1 об.; Д. 1205. – Л. 1–1 об.
 80. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1102. – Л. 15.
 81. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 3. – Д. 143. – Л. 9 – 10.
 82. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1234. 4, 10, 21, 27.
 83. Черник, Д. Налоги при двух Александрях / Д. Черник // Былое. – 1997. – № 2. – С. 8 – 9.
84. Журнал заседаний XXVIII съезда чинов податной инспекции Гродненской губернии. 26 – 30 апреля 1910 года. В 2 ч. – Гродна, 1910. – Ч. 1. – С. 1 – 83; Ч. 2. – С. 1 – 142.
85. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М., 1983. – С. 226 – 227; Никитин, В. Полицейские / В. Никитин // Родина. – 1996. – № 9. – С. 33 – 34.
86. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 241. – Л. 706 – 707.

87. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2360. – Л. 1 – 10.
88. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2360. – Л. 510 – 519.
89. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 2367. – Л. 69 – 75.
90. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1596. – Л. 1 – 10.
91. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 243. – Л. 1 – 12.
92. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 483. – Л. 1 – 8.
93. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 916. – Л. 1 – 8.
94. Памятная книжка Гродненской губернии за 1910 год. – С. 21.
95. См. подробнее: Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С.430 – 442.
96. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 380. – Л. 1 – 4; Д. 381. – Л. 1 – 3.
97. Геніюш, Ларыса. Сповідзь / Ларыса Геніюш. – Мінск., 1993. – С. 20 – 21.
98. Геніюш, Ларыса. Сповідзь / Ларыса Геніюш. – Мінск., 1993. – С. 199.
99. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1743. – Л. 1 – 10.
100. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1025. – Л. 1 – 8; см. подробнее: Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006. – С.379 – 380.
101. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 37. – Д. 1689. – Л. 1 – 8.
102. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 241. – Л. 583 – 595.
103. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина / Е.Ф. Орловский. – Гродна, 1910. – Ч. 1. – С. 331 – 341.
104. Литягина, А.В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX в. / А.В. Литягина // Вопросы истории. – 2007. – № 10. – С. 133 – 142.
105. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 28. – Д. 14. – Л. 1, 3, 5, 16 – 18, 27 – 28, 29 – 31, 35, 38 – 39, 47 – 49.
106. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 1192. – Л. 4 – 6.
107. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 38. – Д. 596. – Л. 585 – 588.
108. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 174.
109. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 11. – Л. 14 – 17.
110. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 11. – Л.32 – 34, 35, 37, 44, 51, 53.
111. Об истории самой церкви см. подробнее: Шлявис, Г. Православные храмы Литвы / Г. Шлявис. – Вильнюс, 2005. – С. 54 – 59.
112. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1624. – Оп. 2. – Д. 103. – Л. 1 – 2 об, 5 – 15, 23 – 27, 30, 78.
113. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 470. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 3 – 6.
114. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 470. – Оп. 2. – Д. 49. – Д. 15 – 16 об.
115. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 970. – Д. 55. – Л. 2 – 66, 85 – 91.
116. Справочная книжка Гродненской епархии. – Гродна, 1904. – С. 43 – 66.

117. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 513. – Л. 14–15, 17, 24, 28, 33 – 37, 48, 50, 63, 69, 72, 78 – 81, 84 – 85, 97, 108 – 109, 111, 125 – 126.
118. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 1635. – Л. 1 – 4.
119. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 1 – 21; более подробно о творчестве И.П.Трутнева см.: Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 61 – 63.
120. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 364. – Л. 1, 4, 5.
121. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 97. – Оп. 1. – Д. 342. – Л. 1, 3, 5, 7, 8.
122. См. подробнее: Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 273.
123. Гродненские губернские ведомости. – 1905. – № 12 – 39.
124. См. подробнее: Черепица, В.Н. Преодоление времени (исторические очерки и миниатюры) / В.Н. Черепица. – Минск: Бел НИИ ДАД, 1996. – С. 161 – 170.
125. См. подробнее: Черепица, В.Н. Летописцы ратной славы: гродненские офицеры-историки (штаб-капитан В. Манассеин и подполковник О.Пожерский) / В.Н. Черепица // Гродзенская праўда. – 2004. – 9 верасня. – С. 8; Черепица, В.Н. В кагорте военных историков / В.Н. Черепица // Во славу Родины. – 2004. – 22 сентября. – С. 3.
126. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 331 – 333.
127. Гродненские губернские ведомости. – 1905. – № 21. – С. 2 – 3.
128. Прибавление к Церковным Ведомостям. – 1955. – № 15. – С. 661 – 662.
129. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 230 – 232.
130. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 9 – 10.
131. Забаўскі, М.М. Палітычныя пазіцыі дэпутатаў ад беларускіх губерняў у IV Дзяржаўную думу Расіі / М.М. Забаўскі // Весці НАН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. – 1998. – № 3. – С. 74.
132. См. подробнее: Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно, 2005. – Ч. 2. – С. 190 – 198.
133. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 24 – 25, 33 – 34, 58 – 61, 71.
134. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1912. – № 47. – С. 55 – 68; Омелянчук, И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе в начале XX в. / И.В. Омелянчук // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 97.

135. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 390. – Л. 236 – 241.
136. Степанов, А.Д. Черная сотня: взгляд через столетия / А.Д. Степанов. – СПб., 2000. – С. 128.
137. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 1 – 6 об.
138. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1912. – № 49. – С. 309 – 312.
139. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1913. – № 17. – С. 177 – 182.
140. Гродненские Епархиальные Ведомости. – 1912. – № 51. – С. 247 – 256.
141. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 384. – Л. 17 – 18, 218, 481.
142. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1202. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 308 – 310, 358, 364 – 366.
143. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 390. – Л. 212, 229 – 230.
144. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 391. – Л. 241 – 268.
145. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 391. – Л. 44.
146. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 17 – 18.
147. Нива. – 1912. – № 45. – С. 893 – 898.
148. Забаўскі, М.М. Палітычныя пазіцыі дэпутатаў ад беларускх губерняў у IV дзяржаўную Думу Расіі / М.М. Забаўскі // Весці НАН Беларусі. Сэрыя грамадскіх навук. – 1998. – № 3. – С. 74 – 75, 78.
149. См. подробнее: Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 186 – 190; Черепица, В.Н. Не потеряют связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 221 – 256; Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2006.
150. Воскресное Чтение. – 1930. – № 13. – С. 185 – 188; № 14. – С. 203 – 204.
151. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 564. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 1, 6, 8, 11 – 15, 16 – 19, 21 – 29, 34 – 37, 40 – 43.
152. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 561. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 1 – 2, 4 – 5 об.
153. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 69 – 70.
154. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / А.М. Кулагін. – Мінск, 2001. – С. 6.
155. Священник Иоанн Пашкевич. Озерский православный приход Гродненского уезда по данным архива Озерской церкви // Гродненские Губернские Ведомости. – 1912. – № 43. – С. 445 – 449.
156. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 97. – Оп. 2. – Д. 11. – Л. 1 – 8.
157. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 97. – Оп. 2. – Д. 28. – Л. 25 – 28, 201 – 204, 235 – 241, 381 – 385, 426 – 426 об.

158. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1 – 2.
159. Священник Иоанн Пашкевич. Озерский православный приход Гродненского уезда по данным архива Озерской церкви // Гродненские Губернские Ведомости. – 1912. – № 43. – С.450 – 456.
160. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1891. – № 40. – С. 323 – 324.
161. См. подробнее: Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С.190 – 198.
162. См.: «Правослаўная Беларусь» за 1927 – 1928 годы; другие источники к разделу помещены в скобках; см. также: Шлявис, Г. Православные храмы Литвы / Г. Шлявис. – Вильнюс, 2006. – С. 106 – 108.
163. Записки Иосифа, Митрополита Литовского. – СПб., 1893. – С. 3 – 7.
164. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1893. – № 26. – С. 214 – 216.
165. Записки Иосифа, Митрополита Литовского. – СПб., 1863. – С. 140, 229, 236 – 237.
166. Литовские Епархиальные Ведомости. – 1893. – № 26. – С. 217 – 218.
167. Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества / В.Н. Черепица. – Гродно, 1998. – С. 28, 161, 196.
168. *Przegląd Prawoslawny*. – 1999. – № 10. – С.25 – 26.
169. Царкоўнае Слова. – 2000. – № 2. – С. 13 – 14.
170. В основу раздела положено выступление на научной конференции, посвященной тысячелетию г. Волковыска; ссылки на источники по теме даны в самом тексте.
171. См. подробнее: Убогий, А. Путешествие к Пугачеву / А. Убогий // Наш Современник. – 2005. – № 6. – С. 19 – 20; Черненко, Г. Роковые пистолеты / Г. Черненко // Тайны преступления. – 2008. – № 3. – С. 30.
172. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 1 – 2.
173. Алфавитный список дворянских родов Минской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу. – Минск, 1903. – С. 4 – 5.
174. Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу. – Гродно, 1900. – С. 11; НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1674, – Л. 1 – 2; см. также: Гардзеў, Ю. Матэрыялы да генеалогіі рода О’Бrien дэ Лясы / Ю. Гардзеў // Краязнаўчыя запіскі. Вып. 4. – Гродна, 1997. – С. 75 – 78; Большая Советская Энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14. – С. 171 – 172; Тарле, Е.В. Сочинения / Е.В. Тарле. – М., 1962. – Т. X. – С. 252, 256, 261; Т. XII. – С. 170, 181.
175. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 15, 19, 30.

176. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 18.
177. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 44 – 45.
178. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 46 – 47.
179. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 55 – 56.
180. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 1330. – Л. 72 – 76, 83 – 85, 131 – 137.
181. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 12. – Д. 644. – Л. 1 – 2.
182. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 942. – Л. 1.
183. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 624. – Л. 11 – 12.
184. Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 196.
185. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 44. – Л. 8 – 9.
186. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 929. – Л. 1 – 2.
187. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 12. – Д. 637. – Л. 2.
188. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 903. – Л. 304.
189. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 15. – Д. 1367. – Л. 1.
190. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 17. – Д. 251. – Л. 52 – 59, 88 – 89.
191. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 24. – Д. 1140.
192. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 6. – Д. 181, 200, 222, 323; ГАГО. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 139. – Л. 28, 53, 80; Д. 143. – Л. 4012; Д. 144. – Л. 3, 45 – 46; Д. 145. – Л. 14; Przeboj. – 1931. – № 5. – S. 23 – 24.
193. Стурейко, С. Дворянский сын / С. Стурейко // Вечерний Гродно. – 2005. – № 21. – С. 34.
194. См. подробнее: Черепица, В.Н. Преодоление времени / В.Н. Черепица. – Минск, 1996. – С. 170 – 174; Черепица, В.Н. Гродненский Православный Некрополь / Черепица В.Н. – Гродно, 2001. – С. 107 – 113.
195. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 2335. – Л. 1 – 3.
196. См.: Лаптин, В.В. Роль гарнизона в жизни русского города в XIX веке / В.В. Лаптин // II Всесоюз. конф. по ист. краеведению: тезисы докладов и сообщений. – Пенза, 1989. – С. 178 – 180.
197. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 338. – Л. 4 – 5, 8 – 9, 10 – 12, 17 об.
198. Паўстанне 1863 года і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы Міжнар. навук. канф. / Брэст, 10 – 11 кастрычніка 2003 г. – Брэст: БрГУ, 2004. – С. 73 – 78.
199. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863 – 1864 / сост. Т.Ю. Афанасьева [и др.] / под ред. Д.В. Карева. – Брест, 2006. – 404 с.; Карпович, О.В. Состав повстанческих отрядов 1863 года в Гродненской губернии (по опубликованным источникам) / О.В. Карпович // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. – 2008. – № 1. – С. 37 – 43.

200. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в г. Гродно. – Ф. 1159. – Оп. 3. – Д. 5. – Л. 6 – 7, 17, 23 – 24, 27, 41, 63, 69, 74, 81 – 84, 87 – 90, 92, 94 – 95.
201. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1715. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 7 – 7 об.
202. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1715. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 37 – 41, 47 – 48, 58 – 59, 93 – 95.
203. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1715. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 15, 22 – 23, 28, 33, 36.
204. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1159. – Оп. 3. – Д. 27. – Л. 11 – 12, 37 – 38, 50, 54, 72, 75 – 77, 89, 108 – 111, 116 – 119, 123 – 125, 135 – 141, 149, 152 – 154, 156 – 157, 159 – 160.
205. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1624. – Оп. 2. – Д. 128. – Л. 33 – 34; Д. 161. – Л. 4 – 5.
206. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1159. – Оп. 3. – Д. 13. – Л. 18, 20 – 23, 28 – 29, 36, 40 – 45.
207. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1715. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 156 – 157, 172 – 181.
208. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1159. – Оп. 3. – Д. 74. – Л. 111 – 112, 119, 162 – 163, 181 – 183 об., 289.
209. Очерк написан на основании материалов, любезно предоставленных автору Н.Н. Соколовой (Евтиной), проживающей в г. Химки Московской области.
210. Материалы к данному очерку были представлены автору А.Ю. Хвесей (г. Москва).
211. См.: Черепица, В.Н. Попечительская деятельность Православной Церкви на Гродненщине в период русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов / В.Н. Черепица // Материалы IX Международных Кирилло-Мефодиевских чтений. – Минск: Ковчег, 2004. – Ч. 1. – С.162 –167; Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 134 – 140.
212. Буганов, А.В. Отношение крестьянства к русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов / А.В. Буганов // Вопросы истории. – 1988. – № 2. – С.182 – 189.
213. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 15. – Д. 1531. – Л. 15, 16, 38, 39, 89, 206, 359, 362, 370.
214. См. подробнее: Черепица, В.Н. Польское национальное движение в Белоруссии (последняя треть XIX в.): факты – события – комментарии / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1996. – С. 62 – 93.
215. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 470. – Л. 1 – 1 об., 6, 7, 29, 31, 58, 66, 68, 73 – 74, 95, 242, 346 об., 376, 389, 427, 436.
216. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1 – 18.
217. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8 – 12, 45, 71 – 77, 90 – 93; Д. 22. – Л. 2 – 2 об., 20 – 21.

218. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 392. – Л. 10 – 12, 18 – 20.
219. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 11. – Оп. 5. – Д. 137. – Л. 3 – 42.
220. ГАГО. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 12 – 13 об., 14, 68 – 72.
221. ГАГО. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 152. – Л. 6.
222. ГАГО. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 153. – Л. 21 – 22, 24 – 25, 42 – 42 об., 53 – 54.
223. Иллюстрированный каталог музея графа М.Н. Муравьева в Вильне. – СПб., 1904. – С. 3 – 7.
224. Миловидов, А.И. Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Его история и состав / А.И. Миловидов. – Вильна, 1910. – С. 54 – 55.
225. См. подробнее: Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – С. 104 – 107.
226. Гродзенская праўда. – 2005. – 25 снежня. – С. 12.
227. См. подробнее: Черепица, В.Н. ...Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях и лицах (исследования, документы, комментарии) / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 130 – 151.
228. Иллюстрированный каталог музея графа М.Н. Муравьева. – Фото 46; НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1624. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 3 – 3 об.; Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863 – 1864 гг.: сб. док. / под ред. Д.В. Карева. – Брест, 2006. – С. 97.
229. Госцеў, А.П. Кронан. Летапіс горада на Нёмане (1116 – 1990 гг.) / А.П. Госцеў, В.В. Швед. – Гродна, 1993. – С. 161.
230. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 17262. – Л. 6, 9, 177, 182, 206.
231. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1435. – Л. 9 об.
232. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 2267. – Л. 10 – 12.
233. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 197. – Л. 517.
234. См. подробнее: Кожин, В.В. Россия. Век XX (1939 – 1964). Опыт беспристрастного исследования / В.В. Кожин. – М., 2001. – С. 251 – 274.
235. Пыстина, Л.И. Проблемы изучения научной интеллигенции в послевоенные годы (идеологическая кампания 1940-х годов) / Л.И. Пыстина // Интеллигенция в советском обществе. – Кемерово, 1993. – С. 167; Шевелева, Л.В. Идеология против культуры / Л.В. Шевелева // Русский вопрос. – Омск, 1998. – С. 119; Сизов, С.Г. Идеологические кампании 1947 – 1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири / С.Г. Сизов // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 95 – 103.
236. См.: Габрусевіч, С.А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: гістарычны нарыс / С.А. Габрусевіч, І.П. Крэнь. – Гродна, 2001. – С. 40 – 42.

237. Ковкель, И.И. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И.И. Ковкель, Э.С. Ярмусик. – Минск, 1998. – С. 549 – 554.
238. Текущий архив Гродненского госуниверситета (ТАГрГУ): «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 68 – 69.
239. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 116 – 120.
240. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 68.
241. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 127 – 138.
242. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 71.
243. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 4 – 10.
244. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 120.
245. Сизов, С.Г. Идеологические кампании 1947 – 1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири / С.Г. Сизов // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 96.
246. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Л. 53 – 59, 131 – 132.
247. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 333, 338, 364, 397, 485 – 493.
248. ТАГрГУ: «Приказы по Гродненскому пединституту за 1944 – 1947 гг.». – Л. 152, 329 – 333, 338 – 341.
249. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 149. – Л. 15 – 18, 34 – 39, 99 – 100.
250. Цит. по: Габрусевіч, С.А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт: гістарычны нарыс / С.А. Габрусевіч, І.П. Крэнь. – Гродна, 2001. – С. 50.
251. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 174. – Л. 272 – 282.
252. Цит. по: Габрусевіч С.А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт: гістарычны нарыс / С.А. Габрусевіч, І.П. Крэнь. – Гродна, 2001. – С. 54.
253. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 52, 113 – 115.
254. ТАГрГУ: «Уволенные преподаватели и сотрудники Д.И.». – Л. 3.

У С Т А В

Союза землемеров Гродненской губернии

I. ЗАДАЧИ И ЦЕЛИ СОЮЗА И СПОСОБЫ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

1. Союз землемеров Гродненской губернии ставит своею целью объединение землемеров всей Гродненской губернии для защиты их правовых, политических, профессиональных и экономических интересов.

2. В своей деятельности Союз берет на себя осуществление следующих задач:

1) в вопросах внутреннего распорядка служебной деятельности исходить из соображений исключительно деловых на пользу государства;

2) систематическое проведение в жизнь землемеров демократических начал;

3) члены Союза оказывают друг другу поддержку во всем: члены более опытные помогают вновь поступившим на службу своим советом, разъяснениями и указаниями в различных вопросах служебного и общественного характера;

4) организацию, в случае надобности, комиссий для разработки научных, технических и профессиональных вопросов;

5) публичную и свободную критику действий как отдельных лиц, так и целых учреждений;

6) содействие культурному развитию членов Союза путем открытия библиотек, читален, клубов, устройства лекций, бесед, литературно-музыкальных вечеров и т.п.;

7) устройство ссудо-сберегательной кассы взаимопомощи;

8) устройство бюро труда и консультаций;

9) устройство бюро труда и консультаций;

10) организацию товарищеского суда чести;

11) принятие мер к образованию примирительных камер при учреждениях, имеющих в своем составе землемеров;

12) заботу о материальном положении своих членов путем нормировки оплаты труда и об их служебном и правовом положении;

13) объявление в случае надобности, стачек, носящих местный и всероссийский характер;

14) собирание сведений обо всех заслуживающих внимания работах, относящихся к землемерному делу, например, о работах по различным видам землеустройства, колонизации межевания, культур-техники, оценки, изысканиям, статистике и т.д.;

15) собирание сведений о состоянии и движении землеустроительных и других работ в губернии, о числе землемеров, изменении в их составе и о размерах заработка;

16) собирание картографического материала: астрономических и тригонометрических пунктов, нивелирных отметок и пр.

3. Для достижения целей, изложенных в п. 1, Союз землемеров Гродненской губернии входит в состав Всероссийского союза землемеров, принимая его Устав.

II. ПРАВА СОЮЗА

4. Союз представляет собой полноправное юридическое лицо, имеет право открывать временные землемерные курсы, приобретать движимое и недвижимое имущество, совершать денежные сделки, искать и отвечать на суде; все его органы ответственны перед законом.

ПРИМЕЧАНИЕ: Союз имеет свою печать.

III. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ СОЮЗА

5. Каждый член Союза имеет право активного участия в выборах в соответствующие органы Союза без права передачи своего голоса, иметь право быть избранным во все органы Союза и защищать свои права через органы Союза.

ПРИМЕЧАНИЕ: каждый член Союза имеет право участвовать во всех профессиональных и других организациях, уставы коих не противоречат настоящему Уставу, с обязательством согласования всех своих выступлений с задачами и тактикой Союза.

6. Каждый член Союза обязан безусловно подчиняться настоящему Уставу и решениям органов Союза, оказывать всякое содействие официальным представителям Всероссийского союза землемеров деятельным участием во внутренней жизни Союза и беспрекословным подчинением товарищеской дисциплине, содействовать процветанию Союза.

IV. СОСТАВ СОЮЗА

7. Членами Союза должны быть все землемеры Земельных комитетов Гродненской губернии, а кроме того, могут быть без различия пола: а) лица, окончившие курс в специальных межевых и землеустроительных учебных заведениях; б) лица, получившие землемерную подготовку, и в) лица, окончившие другие учебные заведения, занимающиеся или занимавшиеся землемерным трудом.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1-е: лица, желающие вступить в число членов Союза, подают о том заявление в Совет с рекомендацией двух членов местного Союза и вступают в члены Союза, если в течение месячного срока не поступит мотивированный протест со стороны кого-либо из членов против их принятия. Вопрос о непринятии решается закрытой баллотировкой.

ПРИМЕЧАНИЕ: 2-е: вопрос о вступлении в число членов чертежников и других лиц, соприкасавшихся с землемерной деятельностью, разрешается на общем собрании Союза простым большинством голосов.

ПРИМЕЧАНИЕ: 3-е: лица, не вступившие в Союз, не пользуются защитой Союза.

8. Обязательным условием вступления в члены Союза считается принятие Устава его.

V. СРЕДСТВА СОЮЗА

9. Средства Союза образуются: из членских взносов: вступительных – в размере 10 рублей и ежемесячных – в размере 1 % содержания, из доходов от капиталов и имущества Союза, из случайных поступлений и сборов от устраиваемых платных лекций, спектаклей, концертов и т.п.

10. Денежные средства Союза разделяются: на фонд текущих расходов и запасной фонд, который образуется из отчислений всех поступлений, кроме специального назначения, размер которого устанавливается общим собранием.

11. Пожертвования на специальные цели могут быть приняты при условии соответствия основным целям Союза.

12. Расходование сумм Союза производится по определению Совета в пределах, утвержденных общим собранием смет или согласно особому постановлению последнего.

VI. УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОЮЗА

13. Делами Союза ведают: общее собрание и Совет Союза.

VII. ОБЩИЕ СОБРАНИЯ

14. Общие собрания бывают: годовые, обыкновенные и чрезвычайные.

15. Годовые собрания созываются в январе месяце для рассмотрения и утверждения отчета за истекший год и утверждения сметы на текущий год, а также для избрания Совета и ревизионной комиссии.

16. Обыкновенные собрания созываются по мере надобности, по постановлению Совета и во время, наиболее благоприятное для созыва собрания.

17. Чрезвычайные собрания созываются в экстренных случаях по постановлению: а) Совета Союза; б) ревизионной комиссии и в) по заявлению 1/5 наличного состава Союза.

18. О дне каждого общего собрания Совет извещает членов Союза повестками с указанием программы занятий собрания.

19. В собраниях имеют право участвовать все члены Союза с правом решающего голоса.

20. Обыкновенные собрания считаются законными при наличии большинства членов Союза.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1) в случае неприбытия на общее собрание законного числа членов такое созывается через две недели и является законным при любом числе членов; 2) чрезвычайное собрание считается состоявшимся, если на нем присутствует 1/3 числа членов Союза.

21. Рассмотрению общего собрания подлежат: а) избрание членов Совета, кандидатов, членов ревизионной и других комиссий; б) рассмотрение и утверждение отчетов о деятельности и средствах Союза за истекший год и сметных предположений на следующий год; в) обсуждение вопросов, представляемых Советом, ревизионной и другими комиссиями; г) рассмотрение вопросов об изменении и дополнении Устава и утверждение инструкции для должностных лиц Союза и ведения отчетности; д) рассмотрение заявлений и докладов членов Союза; е) утверждение правил относительно выдачи ссуд и пособий; ж) рассмотрение вопросов приобретения в собственность недвижимого и движимого имущества.

22. На каждом общем собрании избирается президиум из числа присутствующих членов.

23. Дела общих собраний решаются простым большинством голосов присутствующих членов, за исключением вопросов о дополнении и изменении Устава, исключении членов, приобретении недвижимого имущества, для решения коих требуется согласие двух третей членов собрания.

24. Постановления общих собраний заносятся секретарем в журнал протоколов и подписываются президиумом собрания.

25. Общее собрание избирает Совет Союза, состоящий не менее как из пяти лиц, сроком на один год.

ПРИМЕЧАНИЕ: одновременно выбирается три кандидата для исполнения обязанностей отсутствующих членов по приглашению председателя Совета.

26. Члены Совета избирают из своей среды председателя, его товарища, секретаря и казначея.

27. Совет собирается по мере надобности, но не менее одного раза в неделю.

28. Для действительности заседания необходимо присутствие не менее половины членов Совета, в числе которых должен быть председатель или его товарищ.

29. Дела в Совете решаются простым большинством голосованием; в случае равенства голосов голос председателя дает перевес.

30. Постановления Совета заносятся в журнал и подписываются всеми присутствующими членами.

31. На обязанности Совета лежит: а) забота о неуклонном проведении в жизнь и исполнении разного рода постановлений общего собрания местного и Всероссийского союзов; б) прием и хранение сумм, поступающих в пользу Союза, и забота об увеличении средств его; в) наблюдение за правильным поступлением членских взносов; г) прием различного рода заявлений; д) соби́рание сведений о нуждающихся членах, предварительное обсуждение дел о выдаче пособий, ссуд, о призрении сирот-членов Союза и подыскание занятий и работы для нуждающихся; ж) составление инструкций должностным лицам; з) распределение занятий между членами Совета, причем исполнение таковых может быть поручено членам Союза или посторонним лицам; и) ведение отчетности и переписки по делам Союза; к) сношение с учреждениями и частными лицами по делам Союза; л) созвание общих собраний; м) составление смет и отчетов для рассмотрения в общих собраниях.

32. Председатель Совета Союза является представителем Союза.

33. На обязанности председателя лежит: а) созыв Совета Союза; б) наблюдение за правильным ходом дел; в) председательствование в заседаниях Совета; г) подписывание всех исходящих от имени Союза бумаг.

34. В случае отсутствия председателя или по его предложению товарищ председателя исполняет его обязанности.

35. На обязанности секретаря лежит: хранение всех деловых бумаг и документов Союза, составление годовых отчетов, статистических ведомостей, ведение журнала протоколов Совета, ведение простой переписки, скрепление всех исходящих бумаг и всестороннее ознакомление с каждым возникшим делом и заявлением.

36. На обязанности казначея лежит: прием денежных взносов и других поступлений, выдача денег с разрешения Совета, ведение приходно-расходной документации.

37. На каждом заседании Совета секретарь докладывает обо всех поступивших делах и о своих по этому поводу действиях.

ПРИМЕЧАНИЕ: о делах, подлежащих рассмотрению Совета, секретарь первоначально докладывает председателю Совета.

38. На обязанности казначея лежит: прием денежных взносов, пожертвований и других поступлений, выдача денег с разрешения Совета Союза, ведение приходно-расходной, инвентарной, денежной и общей кассовой книг с распределением сумм Союза по фондам.

ПРИМЕЧАНИЕ: за целостность и правильность расходования сумм отвечают как казначей и председатель, так и члены Совета.

39. Казначей докладывает Совету о поступлении и о неуплате членами взносов.

40. На обязанности членов Совета лежит исполнение поручений Совета.

41. Деятельность бюро труда определяется особыми инструкциями.

VIII. РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ

42. Для ревизии отчета денежных сумм Союза общее собрание избирает членов ревизионной комиссии в числе 3 человек на годичный срок. Ревизионная комиссия из своей среды избирает председателя и секретаря.

43. Ревизионная комиссия проверяет деятельность Совета, отчет, баланс и смету. О состоянии сумм докладывает ближайшему общему собранию.

IX. ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД ЧЕСТИ

44. Если член Союза совершил поступок, несовместимый с долгом служащего по отношению к государству или члену Союза или какому-либо обществу или учреждению, порочащий как его честь и доброе имя, так и Союз, то таковой член Союза подлежит товарищескому суду чести.

45. Товарищеский суд чести состоит из трех лиц и одного кандидата, ежегодно избираемых общим собранием.

ПРИМЕЧАНИЕ: лица эти не могут быть членами других органов, предусмотренных Уставом, и избираются раньше других органов Союза.

46. Один из судей может быть отведен обвиняемым или его защитником без объяснений причин.

47. В товарищеском суде чести председательствует председатель, избираемый на год составом суда из своей среды.

48. Дела в товарищеский суд чести вносятся через Совет.

49. Решения товарищеского суда чести доводятся через комитет до сведения ближайшего общего собрания.

50. Дела в товарищеском суде чести решаются гласно большинством голосов; в случае равенства голосов имеет силу мнение, за которое высказался председатель суда.

51. Обвиняемому разрешается пригласить защитника.

52. Председатель суда вызывает через Совет в суд тех или иных по делу лиц и руководит прениями; члены суда задают вызванным лицам вопросы с разрешения председателя; председатель же прочитывает решение суда, которое без мотивов записывается в протокол.

53. Если обвиняемый не явится или не пришлет защитника или письменного объяснения и притом не представит достаточных объяснений причин неявки, то суд приступает к разбору дела.

54. Если же неявившийся обвиняемый представит уважительные объяснения причин своей неявки с просьбой об отложении дела, то суд откладывает разбор.

55. По открытии заседания председатель излагает обстоятельства дела и предлагает обвиняемому или его защитнику объяснить свой поступок и мотивы, побудившие его к совершению такового; в случае отсутствия сознания обвиняемого допрашиваются свидетели, приглашенные сторонами.

56. Осужденный товарищеским судом чести не подлежит административному наказанию по тому же делу.

57. На осужденного могут быть наложены следующие наказания: порицание, замечание, бойкот на срок, исключение из Союза и предложение перевода в другую губернию, а в случае неподчинения осужденного последнему решению ему объявляется бессрочный бойкот; в последних двух случаях о решении суда доводится через комитет до сведения начальника учреждения, где служит осужденный.

58. Приведение в исполнение решения суда о бойкоте вносится в общее собрание, которое и определяет форму бойкота.

X. СНОШЕНИЕ СО ВСЕРОССИЙСКИМ СОЮЗОМ ЗЕМЛЕМЕРОВ

59. Для наибольшего объединения, согласованности и связи общества со Всероссийским союзом землемеров таковое представляет в Совет Союза: подробные годовичные отчеты и списки Совета и членов не позже 15 января.

XI. ЗАКРЫТИЕ СОЮЗА

60. Союз ликвидируется по постановлению двух третей всех членов Союза, причем денежные суммы и имущество Союза получают назначение согласно постановлению общего собрания.

ПРОТОКОЛ

Первого Гродненского Губернского Белорусского Съезда, созванного Русской Управой и состоявшегося 1 и 2 декабря 1918 года в г.Гродне

На съезд прибыли представившие белорусское население Белостокского, Бельского, Волковысского, Гродненского и Сокольского уездов губернии делегаты в количестве 186 человек, а также члены Русской Управы и Белорусского Комитета.

Заседание открыто в 3 часа 55 минут дня Председателем Гродненской Русской Управы К.Е. Курловым, который обратился к собравшимся со следующими словами: «Два месяца тому назад приехавшего в Гродно меня поразило, что ни в общественных местах, ни в магазинах, ни просто на улицах не было слышно родного русского языка. Не говорю уже о полном отсутствии русской печати, школы, даже вывесок: не лучше обстояло дело и с деревней, где крестьяне-белорусы местами даже боялись открывать свою национальность, угнетаемые назначенными местною властью солтысами, проводившими определенную польскую сепаративную политику. Все жители губернии белорусы попрятались по своим углам в одиночку, как бы заранее обрекли себя на погибель. Первый клич к объединению, первый русский голос подала управа, тогда еще состоявшая из небольшой группы лиц, отчасти бывших уже в городе, отчасти вновь приехавших. Население отозвалось. Управа организовала несколько отдельных собраний, и, наконец, удалось созвать сегодняшний губернский съезд, показавший, что живо еще наше национальное самосознание (русское. – *В. Ч.*) и что сила наша велика.

Сотни делегатов принесли сюда тысячи, десятки, сотни тысяч голосов коренного населения губернии, явили наше великое национальное лицо. От имени Губернской Управы я приветствую съезд. Работа предстоит большая: все сломано, все разъединено, все нужно организовать, объединить, спаять; время дорого, опасность близка, и для того чтобы охранить себя, не дать погибнуть своему национальному «я», нужно работать, работать и работать».

Намечаются в председатели съезда следующие кандидаты: А.А. Ознобишин, Е.Е. Курлов, К.У. Белецкий, Е.Л. Зверков, А. Якубецкий, отец И. Корчинский.

Выясняется, что А.А. Ознобишин присутствует на съезде в качестве докладчика по делам Управы без права голоса, посе-

му кандидатура его снимается. Е.Е. Курлов, К.И. Белецкий, отец И. Корчинский и Е.Л. Зверков снимают свою кандидатуру. Съезд просит Е.Л. Зверкова не снимать свою кандидатуру. Е.Л. Зверков вторично отказывается, но после настойчивых просьб съезда соглашается баллотироваться. Съезд принимает открытую баллотировку поднятием рук.

Первым баллотируется А. Якубецкий. Подсчетом голосов выясняется: за – 83, против – 103. Всего 186 чел. Второй баллотируется кандидатура Е.Л. Зверкова. Подсчетом голосов выясняется: за – 110, против – 76. Тоже 186 чел. Е.Е. Курлов оглашает, что председателем съезда избран Е.Л. Зверков. Е.Л. Зверков при бурных аплодисментах съезда занимает председательское место; благодарит съезд за доверие, просит оказать ему свое содействие в смысле поддержания порядка и наметить кандидатов в товарищи председателя. Съездом намечаются кандидатуры следующих лиц (т.е. заместители): Шиманского, И.А. Ярушевича, А. Якубецкого, Казячего, С.М. Яковюка, Дикуцимани, отца И. Корчинского, Гриковского, Ярошенко.

Казячий снимает свою кандидатуру, но съезд просит его баллотироваться. Казячий берет свой отказ обратно. Результат голосования оказался следующим: Казячий – 101, Якубецкий – 91, Яковюк – 74, Корчинский – 64, Ярушевич – 55, Гриковский – 35, Шиманский – 33, Дикуцимани – 33, Ярошенко – 8 избирательных голосов. Председатель оглашает, что большинством голосов оказались избранными Казячий и А. Якубецкий. По предложению председателя съезд намечает следующих кандидатов в секретари съезда: Л.С. Бинасика, М.П. Присветова, С.М. Яковюка, Г. Мышко, Сарлай, И.Я. Ярушевича, Габрусевича, Юргеля, П. Шидловского, Качинского. Из намеченных кандидатов оказались избранными А.С. Бинасик, М.И. Присветов и И.А. Ярушевич – единогласно, а Сарлай, Габрусевич и Юргель – большинством голосов.

Председатель предлагает президиуму занять места и провести мандаты делегатов. Объявляется программа съезда:

- 1) деятельность Управы;
- 2) предстоящие выборы старост в местечках и деревнях;
- 3) народное образование;
- 4) выяснение убытков, вызванных войной;
- 5) беженское дело в губернии;
- 6) церковное дело;
- 7) сельскохозяйственное дело;
- 8) политическое положение Гродненской губернии;
- 9) пополнение состава Управы.

1-й вопрос повестки дня

ДОКЛАД Г.И. КАЗЯЧЕГО ПО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЫ

По оглашении программы съезда Е.Л. Зверков передает председательствовавшему старшему товарищу председателя Казячому, поднимается на трибуну и докладывает съезду о возникновении, историческом развитии и деятельности Управы. Граждане, два месяца тому назад, когда первые из приехавших сюда русских людей заметили полное отсутствие в Гродно всего, что могло напомнить коренным обывателям здешнего края и пришедшим сюда немецким войскам о существовании русских, они, эти первые возвратившиеся к своим родным местам русские интеллигентные люди, решили объединиться и создать какой-нибудь орган, который мог бы сосредоточить в себе и представительство русских людей, и охрану их национальных и религиозных интересов. Такое объединение русского православного населения было тем более необходимо, что в крае существовали организации: польские и еврейские, и лишь русские, православные интересы были совершенно забыты. Получалось впечатление, будто здесь никогда не было русского края. Немецкие власти делили население на евреев и поляков, не вспоминая никогда о русских. Правда, это было вполне естественно до заключения Брестского мирного договора, так как русское население и в особенности интеллигенция было принудительно эвакуировано русскими властями вглубь России. Эта мысль, зарождавшаяся у всех русских, возвращавшихся в Гродно, объединила их. Создалась инициативная группа интеллигенции, поставившая себе задачу объединить русское православное население для защиты своих национальных, религиозных и общественных интересов. На небольшом частном собрании была избрана Гродненская Русская Управа, в которую вошли представители различных слоев населения. Этот орган, первоначально состоявший из 9 членов, возникший демократическим революционным порядком, начал свою деятельность. Заявив о своем существовании немецкому командованию, Русская Управа добилась признания им существования в крае и, в частности, в Гродно русских. В первую голову, Управа занялась улучшением положения в Гродно православной церкви и улучшением быта бедных, особенно возвращающихся беженцев. В этом направлении протекала ее работа. Но вот наступил следующий этап в ее развитии. Возвращаясь сюда, никто из нас не знал, что со стороны поляков идет сильная агитация за присоединение нашего края к Польше, никто из нас не знал, в каком положении стоит вопрос о независимости этого края. И вот когда мы, проведя в Гродно некоторое время, ознакомились со всеми существующими течениями и настроениями, нам стало ясно, что в нашей деятельности есть более серьезные задачи. Мы, знающие историю своего края, не могли равнодушно смотреть на стремление поляков овладеть им; мы должны были всем и каждому объявить о том, что этот край никогда польским не был, что издавна он был населен белорусским народом и что

единственно белорусский народ может претендовать на владение этим краем. Польской агитации мы должны были противопоставить агитацию белорусскую, и, следовательно, от задач общественных мы должны были перейти к задачам политическим. Являлся лишь вопрос, как осуществить свою независимость: может ли Белоруссия быть вполне самостоятельной? Предлагая себе этот вопрос, мы, к сожалению, должны были сказать: «Нет, не может». Экономическое благосостояние не могло бы процветать в отдельной от других народов Белоруссии. Следовательно, нам нужно было осуществить свою самостоятельность другим путем. Говорить о слиянии с Польшей мы не могли, так как никакой гарантии нашей свободы и независимости с ее стороны мы не видели. Напротив, Польше определено в лице своих местных представителей стремиться завладеть белорусским краем как одной из своих провинций. Ввиду этих соображений и вспомнив, что судьба Белоруссии была когда-то неразрывно связана с судьбой Литвы, мы решили вступить с образовавшимся ныне Литовским правительством в переговоры о возможности образования Литовско-Белорусского государства и вступления в эту государственную единицу Гродненской губернии на автономных началах. Кроме того, Управа распространила свою деятельность почти на всю губернию, слышала голоса от далеко отстоящих от Гродно городов, местечек и сел Гродненской губернии о том, что в частях губернии, отнесенных в настоящее время к Украине, существует стремление к присоединению этих мест к Литовско-Белорусскому государству. Это стремление заставило Управу заняться делом воссоединения Гродненской губернии в границах 1914 года. Работать, не опираясь на общественное доверие, Управа не могла, да и не хотела. К тому же задачи, явившиеся требованием самой жизни Гродненского края, заставили Управу созвать в различных частях Гродненской губернии (сходы населения) и, доложив им о своей работе и дальнейших целях, испросить полномочий. После того, когда эти полномочия были даны из различных мест, Управа в лице своих представителей вступила в переговоры с Литовским правительством. Одновременно с ведением этих переговоров Управа позаботилась об увеличении своего личного состава, что дало ей возможность путем рассылки делегатов в различные части губернии создать там свои отделения и, объединив таким образом большую часть Гродненской губернии, созвать сегодняшний первый Гродненский губернский белорусский съезд, доложить ему о своей деятельности, о результатах переговоров с Литовским правительством и, решив вопрос о политическом положении губернии, спросить у съезда показаний о дальнейшем плане работы. Вот все, что вкратце можно было сказать о возникновении и историческом развитии Гродненской Русской Управы. Остается сказать несколько слов о составе Управы. Состав Управы не имеет никакой классовой физиономии. Как я уже упоминал раньше, в нее вошли представители различных слоев населения, причем почти половина мест в ее составе принадлежит крестьянам.

2-й вопрос повестки дня

ДОКЛАД С.М. ЯКОВЮКА О ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРАХ СТАРОСТ В МЕСТЕЧКАХ И ДЕРЕВНЯХ

Германское командование предложило провести выборы старост и старшин в деревнях. Организацией этих выборов будет руководить комиссия, избираемая для каждого крейза отдельно.

Предстоит задача организовать эти первые выборы. Каждая деревня избирает из своей среды достойного человека, каковой и явится старостой. Старосты волости избирают из своей среды старшину. Как старосты, так и старшины явятся исполнителями распоряжений германских властей. Комиссиям, учреждаемым в крейзах, германские власти и передадут управление крейзом. В частности, в Гродненском крейзе комиссия будет состоять из 8 лиц: 4-х поляков, 3-х белорусов и 1-го еврея. Докладчик указывает на организацию со стороны поляков, стремящихся получить большинство административных мест, и призывает набирать белорусов без различия вероисповедания.

Протоиерей И. Корчинский: Оратор указывает на несоответствие в распределении мест в комиссии по национальным делам. В Гродненском уезде большинство белорусов, а посему им и должно быть предоставлено большее число мест в комиссии. Оратор просит съезд принять меры к изменению этого ненормального положения.

Е.Е. Карлов: Вносит поправку о количестве мест в комиссии: полякам предоставлено 5 мест, а белорусам – 4.

Председатель Зверков: Ввиду того, что германскими властями съезд разрешен лишь на два дня, председателем вносится предложение ограничить речи ораторов 10-ю минутами. Предложение принимается большинством голосов.

М.И. Сковелькин: Интересуется, кому принадлежит власть в Гродненской губернии: немцам или Русской Управе и от кого исходит инициатива избрания комиссией старост и старшин. Власть в Германии – власть Советов; ей не следовало бы навязывать нам свои проекты и настаивать на исполнении их. Оратор считает съезд правомочным для выбора комиссии и составления проекта будущего самоуправления Белоруссии. Нам следует обсудить вопрос о будущем образе правления в Белоруссии.

Е.Е. Курлов: Разъясняет, что комиссия для управления уездом созвана германскими властями. Ими же определен и количественный состав ее. Германская власть существует и раньше 2-3 месяцев не уйдет.

А.Я. Якубецкий: Это собор православных, а не съезд белорусов. Здесь нет католиков, и выбирать комиссию этот съезд не может.

Казячий: Старосты и старшины не будут выразителями народа, а ставленниками немецких властей. В деревнях должны быть комитеты.

Председатель: Ставит на баллотировку два предложения: 1-е от Корчинского: «обратиться к германским властям с ходатайством об увеличении числа мест белорусов в комиссии до 10» и 2-е от Казячего: «об образовании сельских, местечковых, волостных комитетов».

Первое предложение принимается единогласно, причем по предложению председателя избирается комиссия в составе Корчинского, фон Дитмана и Мышко для выработки резолюции по этому вопросу.

Горлов: Говорит о настойчивой необходимости формировать волостные комитеты и протестует против выборов старшин и старост.

Сурня: Отзывается о старостах как о недостойных своего назначения лицах и предлагает вместо них комитеты из 5-ти лиц.

Сарлай: Также высказывается против выбора старшин и старост. Оратор отзывается о них как об организациях, ушедших в прошлое.

Скабелко: Хочет требовать у немцев права самоопределения народа и выборных организаций. Предполагает организовать деревенские комитеты из 3-х лиц и последние соединять в волостные.

Ярушевич: Говорит о нежелании немцев создавать комитеты, отмечая при этом то обстоятельство, что при своем предполагавшемся уходе немцы требовали, чтобы комитет принял на себя власть. В заключение оратор высказывает уверенность, что немцы согласятся разрешить создать комитеты по своей губернии.

Перед постановкой предложения Казячего председателем вносится поправка «назвать председателей сельских и волостных комитетов соответственно старостой и старшиной»: предложение принимается всеми против одного.

Принимается единогласно выработанная специальной комиссией резолюция по вопросу об увеличении числа представителей белорусов в комиссиях, принимающих уезды.

«Съезд высказывает твердое пожелание, чтобы число членов комиссии при крейзамтах губернии от местного белорусского населения по устройству управления уездами увеличено было в сравнении с числом представителей от польского населения не менее чем в два раза, т.е. при 5-ти членах поляков было бы не менее 10 членов белорусов на том основании, что население Гродненской губернии в подавляющем большинстве суть белорусское.

3-й вопрос повестки дня

ДОКЛАД Е.Л.ЗВЕРКОВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

В число отделов Русской Управы был включен отдел по народному образованию, председателем которого состоит оратор. Дело очень важное, так как чем грамотнее и чем образованнее народ, тем он сильнее. Необходимо много образованных людей, которых в настоящее время мало. С первых же шагов деятелям Управы необходимо обратить серьезное внимание на народное образование.

Народное образование оратор разделяет на несколько элементов: 1 – школа, 2 – образование политических работников, 3 – библиотека и пресса. Но заниматься только чтением и наукой мало. Необходимо создание театров как факторов народного образования. С педагогической точки зрения образование можно разделить на техническое и практическое. Работа отдела – развитие сети белорусских народных школ. В белорусском крае все должны быть грамотны. Теперь еще есть много неграмотных. Необходимо достигнуть, чтобы в новом поколении неграмотных не было. Каждая минута дорога в этом деле. Для человека неопытного кажется весьма простым открытие школ, между тем это сопряжено с громадной работой. Необходимы помещения, учебные пособия, книги, преподавательский персонал, средства для оплаты труда учителям. Оратор полагает, что так как государство наше еще не организовано, а следовательно, отсутствуют государственные доходы, необходимо всем прийти на помощь для организации начального школьного образования. Оратор полагает, что все члены съезда согласны будут отказать себе в куске хлеба, лишь бы дать образование своим детям.

Комиссия Управы уже составила план открытия школ, преподавательский персонал в наличии, уже имеются предположения об отводе помещений, но необходимо освещение и отопление. Необходимо хороший преподавательский персонал, для чего нужны средства. Каждый человек должен выделить часть своих средств на народное образование. Оратор ожидает от съезда пожелания в этом духе. Но одной народной школы мало. Необходимо и дальнейшее образование, к чему все должны стремиться, иначе наступит духовное вымирание народа. Необходимо повышение умственного уровня в пределе других государств.

Русской Управой все приготовлено для открытия гимназии в Гродно. Открытие наступит, вероятно, в январе. Остановиться на средней школе недостаточно. Необходимо открытие народных уни-

верситетов. Приглашены лекторы по истории Белоруссии. Желательно иметь и настоящий университет, но это дело будущего. В первую же очередь должно быть проведено начальное и среднее образование, создание передвижного театра, народных читален. Немецкие власти чинят препятствия к возврату остатков русских библиотек. Оратор хочет слышать пожелания о проведении образования на пожертвованные деньги.

Отец Ступницкий: В моем приходе есть две школы, эти школы захвачены поляками. На мое предложение открыть их я встретил препятствие со стороны поляков. Ключи от школ у местного ксендза, дом им отдан частным лицам, а огород-сад – в аренду евреям. Оратор просил указаний, как выйти из этого положения.

Председатель Зверков: Я должен сказать, что германские власти идут нам навстречу, и в настоящее время противодействия с их стороны не будет. Относительно захвата поляками школ скажу, будь только ваше желание, все остальное сделаем мы.

Е.Е. Курлов: Германские власти идут нам навстречу и обещают содействие в деле возвращения русских школ. Польский демократический комитет выделил согласительную комиссию, и мы надеемся достигнуть в этом направлении соглашения.

Председатель: Вопрос об открытии школы в данном случае не может быть проведен самолично. Все ходатайства следует направлять в отдел по народному образованию при Управе, который будет устранять все препятствия в деле открытия школ, но все же прежде всего необходимы денежные средства.

А.С. Апон: Нам раньше надо избрать комитеты, обустроиться, достать хлеба, тогда комитеты изыщут средства на школы.

Моцко: Приезжающие из России беженцы не имеют даже угла, живут в землянках, нет средств прокормить семью.

Председатель просит говорить по существу вопроса.

Оратор: Дайте землю, тогда дадим средства.

Якубецкий: Оратор высказывается за то, чтобы преподавание в школе велось лишь на белорусском языке.

Белецкий: Говорит о стремлении белорусов выявить свою физиономию, воссоздать свой родной язык, на котором говорит свыше 10 миллионов народа. Всем ясны причины такого ненормального явления. Дальше оратор высказывает пожелание о введении по мере возможности в школах преподавания на белорусском языке, дабы со временем у белорусского народа явились свои Пушкины, Тургеневы и Сенкевичи. Пока же по техническим соображениям преподавание в школах должно вестись на русском языке.

Натусевич (оратор произносит речь на белорусском языке):

Предыдущий оратор указал, что мы должны говорить на своем домашнем языке. Нет, мы не должны отказываться от своего родного языка – «белорусского». «Не забудьте, – говорит оратор, – за наш язык многие пострадали». Я вам прочту стихотворение Калиновского, который был повешен царским правительством за свой родной белорусский язык. В 1864 году (в зале крик, шум – «не надо»). По просьбе оратора председатель ставит на голосование вопрос о том, желает ли съезд выслушать оратора. Большинством всех против одного решено просить оратора прочитать стихотворение. Оратор читает. Не можем мы отказаться от родного белорусского языка, народ должен его изучать и в начальной школе. Тот белорус, кто говорит на белорусском языке.

Председатель съезда предлагает прекратить запись ораторов ввиду позднего времени. Предложение принимается.

Ярушевич: Граждане! Предыдущий оратор сказал, что только тот белорус, кто говорит на белорусском языке. Так ли это? Деревни, пославшие меня, все высказались за преподавание в школе на русском языке, этот язык для них более понятен, чем тот, на котором говорил предыдущий оратор. Крестьяне в том понимают свободную школу, что их не будут стеснять в выборе языка. Не навязывайте им непонятный язык.

Натусевич: Оратор настаивает на том, чтобы преподавание в школе велось на белорусском языке.

Председатель оглашает резолюцию по школьному вопросу. Предложения:

1. Л.С. Бинасилом: 1) образовать при польских комитетах школьные комиссии, которые должны ведать школьным делом; 2) ввести, где того пожелают, преподавание на русском языке, с изучением белорусского языка как обязательного предмета; 3) съезд высказывает пожелание, чтобы первое время содержание школ производилось на средства населения.

2. Натусевичем: заслушав доклады по школьному вопросу, съезд постановил нижеследующее:

1) Введение всеобщего, народного, бесплатного, элементарного образования; 2) преподавание вести исключительно на родном белорусском языке; 3) ввиду этого организовать учительские курсы, каковые дали бы кадры народных белорусских учителей.

подавляющим большинством принимается предложение председателя голосовать резолюции по пунктам. Перед голосованием первой резолюции тов. председателя Казячий вносит поправку: организация школьного дела на местах должна быть поручена не школьным комиссиям, а сельским и волостным комитетам.

Председатель голосует первый пункт первой резолюции в редакции, предложенной тов. председателем Казячим. Большинством голосов пункт этот принимается. Голосуются второй пункт первой резолюции. Подавляющим большинством голосов (против 8-ми) принимается. Голосуются третий пункт первой резолюции и принимается единогласно. 2-я резолюция: первый пункт принимается единогласно, 2-й отвергается подавляющим большинством (против 8-ми) и третий пункт отвергается всеми голосами против 31-го.

4-й вопрос повестки дня

ДОКЛАД А.А. ОЗНОБИШИНА ОБ УБЫТКАХ, ВЫЗВАННЫХ ВОЙНОЙ

Докладчик освещает в своей речи историю уничтожения имущества при отходе русских войск из Белоруссии и принудительного выселения населения при отступлении в 1915 году. Существовал стратегический план – обратить в пустыню Северо-Западный край и Польшу. Осуществить этот план не удалось, но населению от этого не стало легче. Население понесло громадные убытки, о возмещении которых и заботится Русская Управа. Докладчик знаком с положением этого вопроса в России. Он разбивает его на два периода – до эвакуации и после. В течение первого периода большинство должностных лиц могло свидетельствовать описи оставляемого и уничтожаемого имущества. Для расчета по реквизициям были образованы реквизиционные комиссии, квитанции которых и должны были оплачиваться казначейством. Но комиссии эти были образованы слишком поздно, в частности, комиссия в Гродне была образована за неделю перед вступлением неприятеля в город. Таким образом большинство реквизиционных квитанций остались неоплаченными и по сие время. В течение второго периода эвакуировавшиеся землевладельцы образовали в Петрограде «Гродненский обывательский комитет», который и взял на себя расчеты по реквизиционным квитанциям. В короткое время из ассигнованных правительством 15-ти миллионов рублей комитетом израсходовано около 9-ти миллионов, но на... удовлетворение крупных землевладельцев. Это положение не могло, конечно, удовлетворить широкие массы населения. Нападки на комитет были произведены даже со стороны прессы. Следствием этого явилось назначение правительственной ревизии и закрытие комитета. Все дела по возмещению убытков были переданы в образованную в городе Калуге «Гродненскую особую оценочную комиссию», которая просуществовала с 1 октября 1917 г. по 1 февраля 1918 г., т.е. по день ликвидации Советским правительством всех беженских уч-

реждений. По существовавшим правилам Особая комиссия выплачивала деньги за имущества, уничтоженные или реквизированные русскими военными властями. Необходимо было представление описи, засвидетельствованной соответствующими властями. В период существования комиссии поступило к разрешению 22000 ходатайств, из них рассмотрено около 3000. Вознаграждение выдавалось в размере 25 % убытков; для жителей крепостных районов размер этот был увеличен до 50 %. Следующей инстанцией, пересматривавшей в ревизионном порядке все дела оценочной комиссии, была военная ликвидационная комиссия, и, наконец, третьей инстанцией был особый комитет. Особая оценочная комиссия, составленная из представителей всех ведомств и сословий, все дела рассматривала тщательно и, как показала практика, правильно, так как решения Особой комиссии не отменялись, между тем всякое решение о выдаче денег должно было непременно пройти через все три инстанции. Такая организация тормозила дело. Русская Управа, придавая чрезвычайно важное значение вопросу о возмещении населению убытков, причиненных войной, предприняла шаги к разрешению этого вопроса в положительном смысле. Председатель Управы Е.Е. Курлов в беседе своей с Литовским правительством выяснил, что последнее уже сносилось с великими державами по этому вопросу в смысле возмещения убытков из международного фонда. Оратор считает необходимым учреждение при Управе специального отдела, который занялся бы выяснением размеров убытков, и в заключение дает указание на необходимость возможно скорого представления населением соответствующих документов (аплодисменты). Е. Курлов также настаивает на скорейшем составлении посвидетельствованных местными властями описей утерянного и испорченного настоящей войной имущества. Такие описи будут представлены Литовскому министру финансов, который в свою очередь представит их на предстоящей мирной конференции.

Габрусевич, признавая необходимость возместить убытки, говорит о желательности увеличения оценки и о возмещении убытков натурой.

Зверков предлагает: 1) вынести постановление о создании Комиссии по данному вопросу по типу, выработанному Управой, 2) председателями комиссий озаботиться скорейшим составлением описей утраченного разного рода имущества и 3) вывесить о том в помещениях деревенских и волостных комитетов объявления. Предложения принимаются единогласно.

Председатель объявляет перерыв в заседании съезда до 10 часов утра следующего дня (2 декабря 1918 года).

Заседание съезда закрывается в 9 часов 50 минут вечера.

Заседание 2 декабря 1918 года

Съезд открывается в 10.30 ч. утра.

Председатель вкратце излагает работу вчерашнего заседания, после чего съезд переходит к обсуждению очередных вопросов.

Вопросы 5-й, 6-й, 7-й повестки дня

БЕЖЕНСКОЕ, ЦЕРКОВНОЕ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ДЕЛО В ГУБЕРНИИ

Докладчиком по беженскому вопросу выступает Пчицкий.

Докладчик говорит о бедствиях и частых смертных случаях при отступлении беженцев в 1915 году из своих родных мест. Несладко пришлось беженцам в местах их эвакуации, но, что всего обиднее, пострадала беженцы и при их реэвакуации на родину. Беженец, вернувшийся в свой дом, застаёт полный разлад и опустение: кустарники вместо хат либо же собственные хаты заняты чужими крестьянами. Поэтому для всесторонней помощи беженцам был открыт при Гродненской Русской Управе беженский отдел, преследующий следующие цели:

Инструкция беженским подотделам.

1. Для осуществления своих задач на местах беженский отдел открывает в крейс-Гродно свои подотделы не менее одного при каждом амтс-бецирке, на обязанности коих лежит:

- а) проведение в жизнь всех без исключения распоряжений беженского отдела;
- б) сбор сведений о нуждах населения и доставление таковых беженскому отделу;
- в) оказание на местах помощи беженцам;
- г) выдача и сбор денежных пособий.

2. Председатели подотделов приглашаются беженским отделом, последние приглашают в подотдел по одному делегату от 20 беженских семейств, преимущественно из различных селений для образования подотдела. Из приглашенных представителей выбирается правление: два члена, казначей, секретарь. В делегаты и члены правления могут быть приглашены в исключительных случаях и лица, не принадлежащие к беженцам из местного населения.

Примечание: В дальнейшем как председатели, так и делегаты от беженцев должны быть не приглашаемы, а выбираемы.

3. Подотделы управляются однообразной системой: общим собранием делегатов и избранием из их среды правления в составе пяти лиц: председателя, двух членов, из которых один является заместителем председателя, казначея и секретаря, и в своей деятельности руко-

водствуются инструкциями и распоряжениями беженского отдела.

Председатели подотделов и их заместители являются членами беженского отдела.

4. Все сношения с высшими властями подотделы ведут через беженский отдел.

Михальчук говорит о бедствиях беженцев и о страшной трудности восстановления их благосостояния. От лица пославших его оратор просит Управу прежде всего снабдить беженцев хлебом, решить вопрос о землеустройстве и, в-третьих, предоставить в распоряжение беженцев «лесопилки».

Председатель Зверков дополняет доклад по беженскому делу. Предполагаются съезды беженских комитетов по всем деревням или порайонно. Деятельность беженского отдела еще не распространена на всю губернию ввиду недостатка работников. В городе беженский отдел, опираясь на помощь городского населения, уже кое-что сделал: открыл столовую для бедных, пока дешевую (затем предполагается бесплатная); приют постоянный и ясли для детей лиц, уходящих на работы, уже организованы; изыскиваются средства по подписным листам. В непродолжительном времени деятельность беженского отдела будет поставлена очень широко. В отношении землеустройства наблюдается тенденция перехода на хутора и отруба, каковой способ ведения хозяйства поднимает культуру и удовлетворяет народ. Что же касается отчуждения земель в пользу трудящегося населения, то это уже относится к делам законодательного порядка, для чего требуется санкция всего народа. Управа, являясь представительницей народа, может кое-что сделать, но очень мало. Полностью же этот вопрос может быть разрешен Учредительным собранием.

Чарнецкий: Оратор отмечает необходимость снабжения населения посевными материалами и просит Русскую Управу ходатайствовать перед германскими властями о передаче Управе или даже ей продуктов первой необходимости.

Скобелкин: То, что говорил докладчик о помощи беженцам, – все это одни слова. Реальной помощи нет, и едва ли мы ее дождемся. Все упущено беженским отделом, так как продукты первой необходимости скупаются спекулянтами. Беженский отдел должен был принять меры к скупке инвентаря и продуктов у немцев. Оратор обращается к Управе с призывом не упустить хотя бы то, что еще осталось. «Народ даст денег». Для продуктивности работы беженского отдела необходимо пополнить состав его представителями от крестьян.

Н.П. Морозов: Продажа продуктов спекулянтам немцами прекращена. Все имущество будет передано в руки города.

Скобелкин (с места): Ничего подобного нет.

Председатель: Беженскому отделу брошен упрек в нежелании закупить сельскохозяйственные продукты и инвентарь от немцев. Гражданин Скобелкин, разбирая работу беженского отдела, сказал, что на такую покупку крестьяне денег дадут. Но разве беженский отдел, будучи демократической организацией, мог обязать население взносом денег. Поэтому вопрос этот и ставится на обсуждение съезда. Гражданин Скобелкин тем более не имел права бросать такой упрек, что беженский отдел осуществляет очень недавно. Отдел этот делает все, что может. Дайте денег, и мы захватим весь рынок Гродненской губернии. Итак, граждане, забудьте неосновательно брошенный упрек (аплодисменты).

Скобелкин: Управа говорит лишь о законе. Ожидать закона о закупке хлеба не следовало, нужно было обратиться только с воззванием к населению, и оно дало бы денег. Довольно говорить о земельных законах, а тем более о столыпинских. Мы сами разделим землю. Довольно законов. Долой помещиков (аплодисменты).

С.М. Яковлюк: Русская Управа взяла на себя почин организации объединения белорусского народа. Она существует всего полтора месяца. Нашелся человек, который бросает яблоко раздора среди народа и направляет одну часть населения на другую. В дальнейшей своей речи оратор горячо отстаивает деятельность беженского отдела. Последним принимаются все меры к притоку денежных средств на оказание помощи беженцам: собираются пожертвования, устраиваются спектакли, абонируются кинематографы, ввиду незначительного в настоящее время количества белорусской интеллигенции приток средств был бы весьма ограничен, но еврейская интеллигенция пришла на помощь добрым начинаниям беженского отдела. Члены беженского отдела постоянно посещают крейзамт и протестуют против спекулятивных продаж, но им отвечали: «Не ваше дело». Последнее время отношения изменились, и крейзамтом обещана передача немецкого имущества рабочим организациям по справедливой оценке. Стыдно, гражданин Скобелкин! (аплодисменты).

Скобелкин: Никакого упрека Управе я не бросал, а лишь внес предложение пополнить Управу представителями от крестьян.

Курлов: Отвечая на нападки на Русскую Управу, указывает, что из 9-ти человек, представляющих собой первоначальный состав управы, три крестьянина, и что объявить в печати о существовании Управы за неимением шрифта не было никакой возможности. Что же касается закупки продовольственных запасов и сельскохозяйственных орудий для населения, то по этому вопросу Русской Управой предпринимались и предпринимаются самые разнообразные меры, и не ее вина,

что в этом направлении при господстве немцев ей не удалось много сделать.

Ставится на голосование следующая резолюция: «Поручить комитетам заботу о беженцах на местах, доставляя сведения о них в уездные беженские подотделы» принимается единогласно.

О.И. Корчинский: Выступая докладчиком по вероисповедному отделу, говорит о болезни русской веры. Указав на то, что священники не остались на своих местах вследствие запрещения на то русских властей, оратор приводит в качестве примера участь русского духовенства, оставшегося в Гродне, которого немцы не расстреляли только потому, что за него вступились еврейские представители. В настоящее время в губернии находится до 80 священников. Но делу возрождения религии много препятствуют немцы, которые чинят всевозможные препятствия к совершению православных треб. Далее докладчик рассказывает историю освобождения от поляков православного кафедрального собора и Красностоцкого монастыря. В Красностоцком монастыре обучалось до 600 девочек – крестьянских сирот, эвакуированных во время войны в Россию и теперь возвратившихся на родину. Затем оратор говорит о необходимости создания по всей губернии подотделов для соприкосновения их с вероисповедным отделом Русской Управы. Упомянутые подотделы должны быть организованы при каждом приходе и первой своей задачей должны поставить выяснение церковных убытков и составление описей по сему вопросу. Докладчик высказывает свое глубокое пожелание о воссоединении католиков-белорусов и православных-белорусов и об образовании при Русской Управе интернационального вероисповедного отдела и о совершении дополнительного служения в костелах на белорусском языке. Такой способ мог бы дать объединение всех национальностей и воссоздать мощь белорусского народа.

А.Б. Сурель: Оратор указывает, что в его и окрестных приходах нет пастырей. Население уполномочило его просить о возможной скорейшей присылке священников на места.

Епископ Владимир (с места): Все, что возможно, в этом направлении уже сделано.

Е.С. Семенкович: Не говорили еще о том, что дома наши разорены, хлеба у нас нет...

Председатель предлагает оратору говорить по существу вопроса. В зале поднимается шум. Председатель звонит и предлагает оратору высказаться. Последний отказывается от слова и уходит с трибуны.

Натусевич: Я протестую против того, что предыдущему оратору простому хлеборобу-белорусу не дали слова.

Председатель останавливает оратора и указывает на то, что, несмотря на то, что Е.О. Семенковичу было предоставлено слово, последний от него отказался.

Натусевич: Теперь перехожу к вопросу. Меня удивляет, почему прот. о. Корчинский, ссылаясь на то, что 18 ксендзов решили ввести в католическое богослужение белорусский язык, ни словом не обмолвился о том, что православному духовенству надо было бы последовать этому примеру. Меня удивляет, почему православное духовенство в 1916 году бросило свою паству и почему это явление почти не имело места среди католического духовенства. Своим выездом священники нанесли большой ущерб православному населению. Церковь должна быть отделена от государства. Русская Управа не должна заниматься вероисповедными вопросами, а духовные лица не должны вмешиваться в политическую жизнь страны.

Фон Дитман: Здесь только что был брошен упрек православному духовенству. Граждане, я не католик и не православный, я лютеранин. Здесь я вижу пристрастное отношение к православному духовенству. При отступлении в 1915 году католические ксендзы чувствовали себя спокойно, и это понятно, так как неприятельская армия, в массе католическая, не могла отнестись к нам недружелюбно. В другом положении находились православные священники. Православная религия является для Европы непонятной. Все непонятное встречает в нас недружелюбное отношение. Православное духовенство, оставаясь на месте, могло оказаться в опасности: ожидать поддержки ему или хотя бы симпатии со стороны пришельцев не приходилось. Православное население всегда крепко держалось своей веры и, уважая своих пастырей, предвидя возможность глумления над ними со стороны неприятеля, само уговаривало их вехать. Упрек, брошенный православному духовенству, совершенно им не заслужен.

Священник Корчинский говорит о пристрастии Натусевича в вопросе о религии, подробно останавливается на условиях, заставивших русских священников покинуть свои приходы. Оратор отмечает ту роковую ошибку, которое сделало русское духовенство, покинув свою паству, но просит принять во внимание тот факт, что немцы на русских священников смотрят как на шпионов, в то время как к ксендзам и евреям их отношения были иные. Затем о. Корчинский говорит о преждевременном введении белорусского языка при православном богослужении и, ввиду того, что богослужение ведется на церковнославянском языке, понятном белорусам.

Ярушевич говорит о взгляде немцев на русское духовенство и упрекает Натусевича за брошенный им укор русскому духовенству.

Председатель вносит предложение передать все церковные дела на местах в так называемые церковные подотделы, сносящиеся по всем вопросам с вероисповедным отделом Управы. Предложение принимается.

Председатель Е.А. Зверков: Докладчик по сельскохозяйственному вопросу должен был экстренно выехать в командировку, и в связи с этим обстоятельством Управой поручено мне сделать краткий доклад по этому вопросу. Главной заботой Управы в этом направлении является снабжение населения губернии достаточным количеством усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий и тем самым поднятие культурного уровня сельского хозяйства. Управа предполагает организовать особый отдел для сношений по этому поводу с заграничными фирмами. Кроме того, Управой велись переговоры с Литовским правительством, результатом которых явился заказ Литовского правительства на машины и орудия в Швеции. Часть этого заказа будет передана населению Гродненской губернии по заготовительным, сравнительно недорогим ценам. Для дальнейшего развития этого вопроса Управе необходимо выслушать пожелания съезда.

Михальчук: Поднять запущенную, долго не обрабатываемую землю слабыми крестьянскими лошадьми невозможно. Для этой цели нам необходимы паровые плуги.

Фон Дитман: Крестьянство нуждается в возобновлении сельского хозяйства. Необходимо создание соответствующего органа при Управе, а также должна быть налажена связь между Управой и населением. Для этой цели при волостных комитетах могут быть созданы комиссии, которые будут сообщать Управе сведения о необходимости оказания помощи отдельным семьям и свои компетентные мнения о необходимых начинаниях в области сельского хозяйства.

Председатель оглашает внесенную резолюцию следующего содержания: «Организовать сельские комитеты, которые будут вести сельскохозяйственным делом». Резолюция эта принимается всеми голосами против одного.

Вопросы 8-й и 9-й повестки дня

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПОПОЛНЕНИЕ СОСТАВА УПРАВЫ

Докладчиком по политическому положению губернии выступил фон Дитман.

Докладчик говорит о разрушении политической жизни и о необходимости создания новой жизни. Указав на закономерность совершающихся в природе явлений, докладчик приходит к выводу, что подобная закономерность необходима и в людских отношениях. Мы должны весьма осторожно относиться к разрушению старого механизма. Приводим пример развития революции на Украине: грабеж и

раздел помещичьих земель. Упоминает далее о создании органов управления нового строя, в котором был принят во внимание и старый механизм. Необходимо прежде всего решить вопрос о политическом самоопределении. Является вопрос, может ли Гродненская губерния существовать как самостоятельное государство либо ей необходимо примкнуть к кому-нибудь из соседей: к Польше, Украине или к Литве. Вопрос о присоединении Гродненской губернии к Украине стоит определенно на неудачах. Украина сама пока не признана Державами Согласия. В вопросе о присоединении Гродненской губернии к остальным двум государствам необходимо принять исторические законы, которые и должны привести ее к благоустройству. Развивая далее историю самостоятельного существования Белоруссии, докладчик говорит, что в 1241 году Белоруссия очутилась в руках Литовского короля Гедимина. В своем соприкосновении литовцы и белорусы жили дружно, и даже акты Литовско-Белорусского государства писались на белорусском языке. В 1386 году Великий князь Ягайло задался целью стать польским королем. С этой целью он задумал жениться на Ядвиге. Тогда католическим духовенством Ягайло был представлен для подписания договор, без которого католическое духовенство не давало согласия на брак с Ядвигой. Был подписан договор, который главным образом тяжело отразился на белорусском населении. Началось насилие совести, ополячивание белорусов. Был изгнан белорусский язык, и Белоруссия одно время была даже без епископа. Народ, – говорит докладчик, – находился в беспомощном состоянии. Польша – страна аристократическая. Привилегированным классом являлось шляхетство, которое поэтому занимало все лучшие должности в государстве. Вот почему многие из белорусов ради личных своих благ должны были обратиться в католиков-шляхтичей. Резюмируя все вышесказанное, докладчик сравнивает отношения к Белоруссии двух государств: Литвы как равного государства и Польши как притеснительницы белорусского народа и его национального развития. Союзники, признавая принцип самоопределения народов, решили воссоздать как Литву, так и Польшу, но Литва (как более крупное государство) должна сильнее интересоваться Державы Согласия.

Из Америки получена карта будущей Литвы, и докладчик твердо верит в существование Литовского государства. Союзники снабдили Литву деньгами и обещали дать в ее распоряжение десятки тысяч войск американцев-литовцев. В самой Литве уже образована «Тариба» – орган законодательный и Совет Министров. Далее докладчик говорит о контакте Русской Управы с Тарибой, которая и предлагает Гродненской губернии самоопределиваться и выявить свою по-

литическую физиономию. Докладчик, отмечая добровольное приглашение Литвы и принудительное желание Польши включить в свое государство Гродненскую губернию, все свои симпатии отдает Литве. Резюмируя все вышесказанное, докладчик указывает, что присоединение Белоруссии к Литве будет обеспечено союзными державами, а союз Белоруссии с Литвой даст первый выход к морю.

Зверков: Докладчик по политическому вопросу фон Дитман сделал ясный и полный доклад, основанный на исторических данных. В дополнение к его торетическим выводам я хочу осветить и практическую сторону вопроса о присоединении Гродненской губернии к Литве. Управа, взяв на себя инициативу разрешения этого исторического и важного вопроса, начала вести переговоры прежде всего с Виленской Белорусской Радой, которая работает в тесном контакте с Минской Радой. Из этих переговоров выяснилось, что как Виленская, так и Минская белорусские рады стоят на почве соединения Белоруссии с Литвой. Соединение это, в сущности, уже практически осуществилось, так как 6 членов Виленской Белорусской Рады вошли в состав Литовской Тарибы. По последним сведениям, Минская Рада переезжает в Вильно. После этого Русской Управой была командирована делегация в Литовскую Тарибу, которая должна была выяснить отношение Тарибы к вопросу о соединении Литвы с Белоруссией и осветить вопрос, как смотрит Литовская Тариба на свободы. После совещания президиума Тарибы делегатами получен следующий ответ: «Литовский народ и его правительство дает белорусскому народу равноправие, представительство и самоуправление». Таким образом, мы будем иметь свой парламент, своих чиновников (литовские присланы не будут) и никто не будет противодействовать нашим желаниям. Кроме того, Литовское правительство заявило, что религии будут пользоваться в Литовском государстве неприкосновенностью.

В частности, католический Литовский епископ заявил, что если бы подведомственные ему ксендзы стали чинить насилия над православной религией, то им будут приняты для прекращения такого явления самые серьезные меры, вплоть до анафемы. Литовское правительство обещает, что ни одна религия не будет в Литовском государстве господствующей, но все вместе будут пользоваться одинаковым покровительством государства.

В школьном вопросе Литовское правительство стоит на почве свободы языка всех национальностей. В вопросе школы все языки, как и само образование, будут поддерживаться правительством.

На вопрос о государственном языке в Белоруссии после соединения ее с Литвой правительство ответило, что оно сейчас несколько не стремится ввести в Белоруссии литовский язык. Это ос-

новное положение, но и ответами на второстепенные вопросы делегация Управы была вполне удовлетворена. Все сказанное заставляет нас идти вместе с Литвой. Мы не подчинимся этим литовскому народу, а лишь соединимся с ним для общего блага. По проекту Америки предполагается создание на Литве, Белоруссии и Латвии государства под названием «балтийское». Включение Латвии даст нам свободный выход в открытое море, без которого ни одно государство не может существовать в настоящее время, так как морской путь – самое дешевое средство передвижения и к тому же единственное для сношения с заморскими странами. Латвия даст нам возможность иметь свой флот и гарантирует процветание торговли и промышленности. Нам, белорусам, желающим возродить свою национальную идею, представляется лучший путь, а именно: соединение с Литвой. Не следует только упускать благоприятный для этого нынешний момент (бурные аплодисменты).

И.А. Ярушевич: Граждане, пославшие нас люди потребуют ответа. Что мы ответим им о присоединении нашего края к какому-либо государству? Я пришел к убеждению, что прежде чем решить этот вопрос, необходимо много выяснить. Ознакомившись с отдельными личностями Управы, я нашел, что нас пригласили сюда спасти наш край от Польши. Но кто из нас знал о том, что нам придется решать вопрос о присоединении?! Еще раз повторяю, что нужно многое выяснить, а в частности, что представляет собой Русская Управа. Мы уже знаем, что Управа организовалась самочинно революционным путем. Но вопрос, является ли она демократической организацией. Многие из нас считают состав Управы буржуазным. Но, граждане, так ли это? Один из предыдущих ораторов указал на лиц, сидящих в первых двух рядах. Действительно, мы видим на них бобровые воротники, но по одежде нельзя узнать людей. Кумиры многих из вас – Ленин и Троцкий – носят такие же бобровые воротники. Но среди нас есть люди, которые на так называемый буржуазный костюм одели белорусскую свитку. Граждане, бойтесь таких людей! Нам говорят, что нас собрала сюда кучка буржуев, и утверждающим это я задаю вопрос: «Скажите, а где вы были, демократы-белорусы, в это время? Почему вы не собрали нас?».

Необходимо разрешить, что вообще представляет собой этот съезд – съезд ли православных, или съезд белорусов всех вероисповеданий. Если это съезд лишь православных, то имеем ли мы право решать вообще общенациональный вопрос о присоединении? Мы замечаем, что между Русской Управой и Белорусским Комитетом существует какое-то соревнование. Необходимо выяснить, в чем выражает-

ся несогласие между этими двумя организациями, и пусть каждая из них осветит свое возникновение, свои задачи и свою программу.

Во избежание дальнейших подозрений в том, что Русская Управа хочет передать нас во власть курляндских баронов, Русской Управе следует определенно доказать свою демократичность. Итак, я задаю Управе следующие вопросы:

1) какое взаимоотношение между Русской Управой и белорусскими радами Вильны и Минска;

2) чем вызвана организация Белорусского Комитета в Гродне;

3) почему нынешний съезд является съездом определенной ориентации православных-белорусов и в то же время занимается решением общенациональных дел?

Надеюсь, что Управа даст нам исчерпывающие ответы (бурные аплодисменты).

Председатель: Для того чтобы Управа могла наиболее исчерпывающе ответить на предложенные вопросы, необходимо совещание всех членов Управы. Объявляю перерыв в заседании до 5-ти часов вечера.

Заседание закрывается в 3 ч. 15 минут дня.

Заседание вечернее 2 декабря 1918 года

Продолжение вопросов 8-го и 9-го

Председатель Русской Управы Е.Е. Курлов отвечает на вопрос, чем вызвана организация Русской Управы. Отмечает, что Белорусский Комитет, как объяснил ему член Виленской Белорусской Рады Лостовский, не является организацией, конкурирующей с Русской Управой, а занимается лишь культурными просветительными задачами. На съезд Управой приглашались делегаты-белорусы без различия вероисповедания. На съезде есть католики (голоса из зала: «Есть»). Освещает отношения Русской Управы к национальным группам края. Отношения с евреями дружные, хотя по вопросу о присоединении к Литве они держатся как бы выжидательной позиции, но существует общий взгляд на то, что Польши быть здесь не должно. Местные немцы-евангелисты идут с Управой рука об руку по всем вопросам, включая и присоединение к Литве. На съезде часто возбуждается вопрос о качественном составе Управы. Оратор категорически заявляет, что состав ее не буржуазный. Она состоит из 9-ти членов, в том числе из четырех крестьян: Грицкевич, Яковюк, Милошевский и Чернецкий; двух военных: Модль и Иловайский, причем последний работает по беженскому делу, и 3-х представителей свободных профессий: адвокат фон Дитман, доктор Белецкий и земле-

владелец Курлов. Председательствование в Управе оратору поручено не как землевладельцу, а как общественному деятелю – прогрессисту, выборщику во 2-ю Государственную думу и автору многих литературных произведений. Оратор подробно останавливается на своей прыдыдущей деятельности. Если оратора считают буржуа лишь потому, что он землевладелец, и тем самым не желают участия его в работах Управы, то этому легко помочь. Все члены Управы работают безвозмездно. Если бы не было Управы, не было бы настоящего съезда. Деятельность Русской Управы распространилась уже почти на всю Гродненскую губернию, за исключением Пружанского и Слонимского уездов. Когда Управе удастся собрать съезд, который явится выразителем воли населения всей губернии, Управа сложит свои полномочия и предложит съезду избрать новую Управу. Пока же необходимо дополнить Управу представителями от уездов Белостокского, Сокольского, Бельского, Волковысского и представителем от Белорусского Комитета.

И.А. Ярушевич: Ответ председателя Русской Управы не вполне удовлетворяет нас. Оратор привык к демократическим принципам ведения собрания: на этом же съезде эти принципы отсутствуют. Когда происходили выборы президиума, некоторые делегаты требовали тайного голосования. Это демократическое требование не было удовлетворено. Вопрос не был даже поставлен на баллотировку, и выборы происходили открытым голосованием. Всякая организация, возникающая самочинно, революционным путем для правомочности своей деятельности созывает съезд и на первом же заседании ставит вопрос о доверии; предлагает съезду обсудить программу дня – в данном случае этого не было. Программа съезда не обсуждалась и не утверждалась, и еще не решен вопрос о доверии. Организаторы настоящего съезда должны были предупредить население на местах о сложности подлежащих решению вопросов. Такой, например, сложный вопрос, как организация комитетов, решается просто и необдуманно. Многие делегаты не отдавали себе отчета в том, что голосуют, так как вопросы ставились на голосование в редакции, не вполне понятной для многих. Оратор видит, что съезд ведут по определенной, желательной для организаторов, дороге, и признает, что заслуга Управы по организации съезда велика, но она не пользуется демократическими принципами.

На съезд приглашались лица, по-видимому, лишь православные. Желательно слышать ответ на это Управы.

Зверков: Говорит о несостоятельности упреков, брошенных Ярушевичем в адрес Управы, ибо вопрос о выборах старшин решен обер-остом и Управа решать его в желательном для себя смысле не имеет права.

Что же касается однобокости съезда, то Управой были приняты все меры к тому, чтобы съезд не был однобоким. Католическое духовенство употребило все усилия к тому, чтобы разобщить белорусов-католиков и белорусов-православных. В заключение оратор указывает на демократическую работу Управы, в частности, разъясняет отношения ее к земельному вопросу. Управа решает его в смысле бесплатного наделения землей малоземельных крестьян.

Ярушевич: Оправдываясь, говорит, что он не бросал упреков Управе, и предлагает выяснить следующие вопросы: 1) почему Управа не потребовала доверия со стороны съезда; 2) почему программа не была выработана самим съездом, а предложена Управой.

Зверков: Давая ответы на заданные вопросы, говорит, что вопрос о доверии к Управе стоит на повестке и что первым поставить его было неудобно по тем причинам, что сначала Управа должна была показать свою физиономию, а потом требовать от съезда доверия. Что касается программы, то утверждена она немецким командованием, и Управа изменить ее не имеет никакого права.

Михальчук: Мы все, беженцы, разбрелись по России, и многим из нас нравился там большевизм. Возвратясь на родину, все опомнились: большевизм разложил Россию. Меня послали на съезд потому, что я не заражен большевизмом. Необходимо благодарить Управу за работу, а не критиковать.

Председатель: Отмечает, что в прениях произошло смешение двух вопросов – о доверии и о политическом положении. Ставится на голосование вопрос о том, продолжать ли обсуждение политического момента или же о доверии.

Единогласно решено продолжать прения по политическому вопросу.

Натусевич: Разбирая доклад по политическому вопросу, оратор отмечает, что докладчик утверждает, что белорусский и русский – одно и то же. Если бы мы жили во времена Николая, когда все назывались «русскими», тогда это было бы понятно. Различие этих двух народностей подтверждается различием языков. Белорусский язык вполне самостоятелен, на нем писались законы во времена князя Ягелло.

Белорусский Комитет стоит на платформе создания самостоятельного белорусского государства и, при невозможности пока осуществить эту платформу, соглашается на федерацию с Литвой. Ни русской, ни польской ориентации быть не должно.

В конце своей речи оратор освещает историю Белоруссии, отстаивает официальность белорусского языка и восклицает: «Да здравствует незалежная Белоруссия».

Фон Дитман: Одно из важных благ человека – родной язык. Но придавать такое огромное значение, какое придает ему г. Нагусевич, по крайней мере, недальновидно. Оратор совершенно не указал других факторов для создания и дальнейшего существования самостоятельной Белоруссии. От представителя Белорусского Комитета можно было бы ожидать больше всестороннего и деловитого освещения белорусского вопроса. Исторические данные, приведенные им, не только неправильны, но даже неграмотны. Мы не можем разбирать вопроса о создании Великой Белоруссии, нам приходится считаться только с Гродненской губернией, о самостоятельности которой не может быть и речи. Поэтому Гродненская губерния должна присоединиться к одному из соседних государств. Вопрос о присоединении к Польше совершенно отпадает. России, которую мы знали с ее царизмом и произволом, теперь не существует. Большинство из присутствующих знает, что Русское государство не существует, а есть только отдельные губернии. Россия разрушена. Разрушать было легко, но создать трудно. Вольная Россия не поможет нам организовать, и обращаться к ней нет смысла. То же относится и к Украине, так как коалиционные государства не признают ее самостоятельности. В дальнейшей своей речи оратор приводит историю революции на Украине. Белорусам необходимо присоединиться к такому государству, которое имеет под собой твердую почву. В конце концов, для этого необходимо будет всеобщее голосование.

Скобелкин: Указывает на несообразность доказательств фон Дитмана, отмечая, что, кроме правящих классов, существуют трудовые народы, великорусы, украинцы, с которыми Белоруссии и необходимо иметь дело.

В заключение оратор призывает воздерживаться от принятия по настоящему вопросу какой-либо резолюции.

Сарлан: Говорит о неимении полномочий и о невозможности принятия по вопросу о присоединении к Литве Белоруссии определенного решения.

Ярушевич: Говорит о невозможности присоединения Белоруссии к Украине, так как там оперирует армия генерала Деникина; невозможно присоединение ее и к России: большевизм должен спасаться сам, а не защищать Белоруссию. Не может быть речи о присоединении Белоруссии к Польше как к государству, зарекомендовавшему себя организацией последних погромов. Таким образом, остается одно решение – соединение Белоруссии с Литвой.

Ставится на голосование следующая резолюция: «Первый Гродненский Губернский Белорусский Съезд, обсудив всесторонне политическое положение губернии, высказался за то, чтобы такой исторический и чрезвычайно важный вопрос, как присоединение

губернии к тому или другому государству, был решен всем народом губернии посредством референдума, но, принимая во внимание захватные тенденции Польши и не желая к ней присоединиться, высказался за присоединение к Литве на автономных началах, если ему будут гарантированы внутреннее самоуправление, наш белорусский язык и школа».

Резолюция принимается 140 голосами против 32 при 5 воздержавшихся.

Якубецкий: Прошу обратить внимание на то, что наша Русская Управа не идет по пути Белоруссии. Не мог идти католик-белорус, когда ему делала клич Русская Управа. Здесь сделан раздор между католиком и православным. Я призываю съезд помнить мои слова. Мы не пойдем за папами, за попами, а будем объединяться. Да здравствует единая Белоруссия».

Натусевич: В докладе по политическому вопросу нам говорили очень много. Надо раньше знать, кто мы, а затем уже говорить о ориентации. Каждая нация имеет свою гуторку. Нам говорили, что русские и белорусы – одно и то же, но так ли это? При Николае говорили, что и литовец, и татарин, и поляк есть русские. Литва нам не страшна – она нам родная. Мы – «господари» этой земли. И мы сами сумеем это доказать, а выносить резолюцию на русском языке стыдно.

Яковюк: Предыдущий оратор говорит, что стыдно нам на съезд выносить постановление на русском языке. Вы слышали, и только вы можете судить об Управе. Не надо спорить нам о языке. Надо дело делать. Почему Белорусский Комитет не собрал вас, а сделает лишь то, что введет язык. Не будем расточаться, а дело творить. Что Управа называется русской, а не белорусской – это игра слов. Граждане видели, что делала Управа и что – Комитет, и Вы должны сказать: «Вот эти ведут и доведут».

Фон Дитман: Отмечает крайнюю необходимость в существовании Русской Управы и приносит ей сердечную благодарность за плодотворную работу.

Юргель: Также высказывается о плодотворности работы Русской Управы и приносит ей благодарность.

Натусевич: Говорит, что Русская Управа никем не уполномочена в своих функциях и что она отстаивает исключительно интересы русских. Белорусский же Комитет поставил своей целью защиту интересов исключительно белорусского населения. Дальше указывает на самочинность организации Русской Управы, незаконность образования Белорусского Комитета и утверждение его Виленской Радой. Дальше оратор доказывает демократичность работ Белорус-

ского Комитета. При нем образованы отделы: школьный, милиционный, продовольственный и др. Все они служат доказательством правильной работы Белорусского Комитета. Кроме того, при Комитете функционирует отдел, который поставил условием своего существования развитие национального самосознания белорусов как – православных, так и католиков, что дало бы возможность созвать съезд из представителей всех религий.

Председатель: Указывает, что у нас нет деления на белорусов-католиков и белорусов-православных. На нас указывают, что мы хотим русской ориентации, как утверждают те, которые состоят в Белорусском Комитете. Диспут произошел только за власть. На настоящем собрании было сказано, что этот съезд однобокий. Кому должна принадлежать власть – решит съезд; я предлагаю сделать выборы и дополнить Управу новыми членами; тогда никакой борьбы за власть не будет. Я хочу резюмировать все сказанное. Съезд не однобокий – здесь есть и католики. Состав Управы – не имущий класс – это сказал Ластовский, а класс интеллигенции. Я могу сказать мнение Ластовского и члена Виленской Рады Луцкевича, что Белорусский Комитет должен быть только просветительным органом. Я считаю нужным произвести пере выборы Управы. Надо всем сплотиться и не допустить, чтобы поляки застали нас врасплох.

Натусевич: Я предлагаю Белорусский Комитет дополнить избранными Вами от уездов членами и называть Гродненскую губернию Белорусской Радой, а Русская Управа должна остаться как организация, защищающая русских людей.

Председатель: Ставит на голосование предложение Натусевича.

Результаты голосования следующие:

За – 15, воздержавшихся – 11.

Тогда председатель ставит на голосование предложение Юргеля: «Гродненскую Русскую Управу оставить в прежнем составе, дополнив ее членами, избранными из числа делегатов по одному от уезда, и переименовать ее в Гродненскую Губернскую Белорусскую Управу».

Резолюция принимается всеми, против – 2, воздержавшихся – 6.

Председатель предлагает избрать членов Управы от уездов и Белорусского Комитета. Выборными оказались: Демьян Фомич Мохнач от Волковысского уезда, Илья Михайлович Скобелкин от Гродненского уезда, Владимир Кузьмич Зинкович от Белостокского уезда, Иван Петрович Юргель от Сокольского уезда, Иван Андреевич Ярушевич от Бельского уезда, Веремей Иванович Кравцевич и Алексей Никифорович Гриковский от Белорусского Комитета, все семь – единогласно.

В заключение съезд выносит следующую резолюцию: «Заканчивая свою работу, Гродненский Губернский Белорусский Съезд выносит полное доверие Русской Управе, поручает ей политическую и экономическую организационную работу губернии и просит ускорить проведение в жизнь вынесенных съездом постановлений, расширить свою деятельность на все уезды губернии, оказать немедленную помощь беженцам и устроить государственную жизнь на демократических началах. Вся земля трудовому народу! Да здравствуют свобода, равенство и братство! Да здравствует всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право! Да здравствует Первый Губернский Белорусский Съезд! Да здравствует Гродненская Губернская Белорусская Управа! Да здравствует единение белорусов-католиков и белорусов-православных!».

Председатель объявляет резолюцию принятой и съезд закрытым.

Заседание съезда закрывается в 12 часов ночи.

Президиум: Председатель съезда: (подп.) Е.Л. Зверков.

(подп.) Г. Казячий.

Секретари: М. Присветов

(подп.) Юргель

С подлинным верно: ГАРФ, ф. 5999, оп. 1, д. 1, л. 1 – 21
(из архива А.Н. Чернякевича).

13 Апрѣля — ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ — 1896 года.

П Р И В А В Л Е Н І Я

и зъ

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНОДѢ.

№ 15

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 15

СОБОРЪ СПАСА НА БОРУ, ВЪ МОСКВѢ.

Пять сотъ лѣтъ тому назадъ, 26 апрѣля Господу Богу угодно было привязать отъ земли къ небеснымъ селеніямъ одного изъ великихъ свѣтлинниковъ Церкви православной и плодотворнаго радителя земли русской, неутомимаго въ трудахъ дѣятеля на нивѣ Восточной святители Стефана, перваго проповѣдника среди земчаниновъ Пермской стороны, мощи котораго до днесь почитаются въ Москвѣ въ соборномъ храмѣ Спаса, что на Бору, въ Кремлѣ. Не безъ особаго Провисла Божія, первому просвѣтителю отдаленнаго края суждено поселиться въ первомъ храмѣишнемъ храмѣ Москвы.

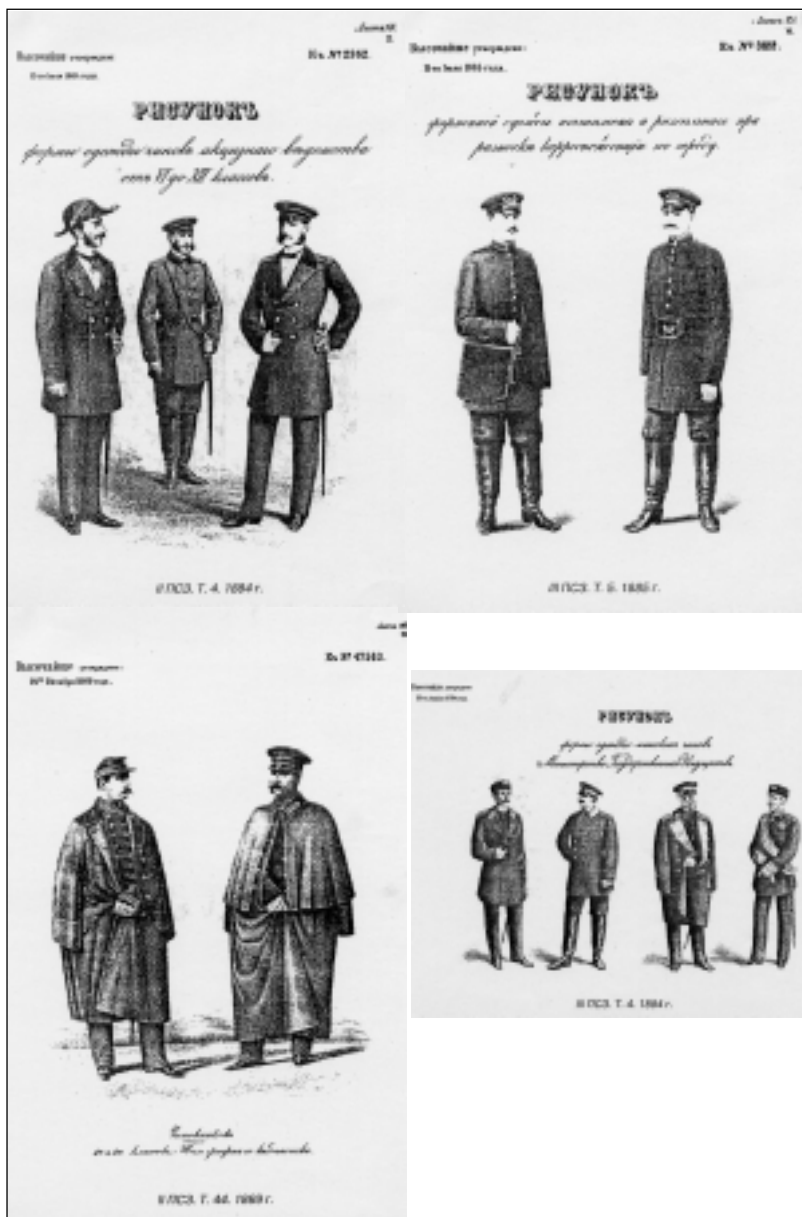
Соборъ Спаса на Бору получивъ свое начало за семьсотъ пятидесять лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда на мѣстѣ нынѣшняго Кремля находилась густой дѣревянный боръ. На возвышенности холма, окруженнаго рвами, оврагами и двумя полноводными тогда рѣками спускался въ посты и молитвы старецъ Вуколы; на убогой деревянной его кельи подруженъ былъ крестъ Христовъ. Вотъ на этомъ-то мѣстѣ впоследствии и построена была небольшая церковь именемъ святаго Александра Невскаго, великимъ княземъ Давидомъ Александровичемъ. Достойный

наследникъ князя Давида, сынъ его, великій нищелюбъ Іоаннъ Давидовичъ, главный стретель храмовъ Восточныхъ въ Москвѣ, вмѣсто деревяннаго, прашедшаго въ ветхость небольшого Спасскаго храма въ 1330 году, построилъ каменный; богато украсилъ его свѣтлыми иконами, сосудами, вѣленими, кнѣтами и вѣсками, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, удмурчанинъ. Новозданный храмъ торжественно освященъ былъ свѣтителемъ восточнороссійскаго Богоотцомъ. Великій князь перевелъ сюда архимандрію изъ иновческой обители, построившей на берегу Москвы рѣки, въ четырехъ съ половиною верстахъ отъ Кремля, отсюда его великимъ княземъ Давидомъ. Первымъ архимандритомъ сей обители былъ Іоаннъ, впоследствии архиепископъ Ростовскій. При этой обители великій князь Іоаннъ Давидовичъ учредилъ первую богадѣльню, при которой норманки и одѣвали приходящихъ нищихъ.

Благочестивый храмодатель горько приходилъ для уединенной молитвы, а предъ кончиной своей приказалъ въ немъ выстроить иконостасъ чинъ скны.

Архимандриты Спасскаго монастыря были въ особомъ уваженіи у великихъ

Приложение к главе 3

Архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков). 1912 г.

*Протоиерей Виталий Железнякович
в последний год жизни*

Протоиерей Иосиф Коялович. 1912 г.

№ 1. 1 Марта 1907 года. Годъ 1.

Вѣстникъ

Виленскаго Православнаго Св.-Духовскаго
Братства

ДВУХНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цена до конца года **3 рубли** съ перес. и безъ перес.; за полгода **2 рубли**. Отд. № 15 нов. Выдѣлъ съ «Литовскими Епархіальными Вѣдомостями» для духовенства Литовской епархіи **5 руб.**

Подписка принимается при Литовской Духовной Консисторіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

	Стр.
1. Отъ Редакціи	9
2. Вильна, 1 марта	4
3. Переписка съ русскою заповѣдательск. о иерѣ в церкви православной, послѣдованіи съ 17 апрѣля 1905 года. А. Б.	7
4. Церк.-редакт. состояніе Св.-Зан. храмъ по отъѣзду владыки Могилевскаго Стефана.	11
5. Павскій декретъ 18 октября 1906 г. во отношеніи о вѣдѣніи русскаго па. въ до-полнительное р.-кавалитское богослуженіе.	12
6. Народные-ли представители. Влад. С.—и др.	13
7. «Служу русскому дѣлу». Сочин. Порф. Бруевича.	15
8. Хроника церковно-общественной жизни краѣ.	16
9. Изъ жизни братствъ.	21
10. Фельетоны: а) Родина—стихота. А. И. Гусаревъ	2
б) Путь польскаго иголя. Е. Бламарго	2
въ вѣдомостяхъ -Видбогослужбное чтеніе № 1 «1» показаніи».	

Для духовенства Литовской епархіи—«Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» 1907 г. № 5.

ВИЛЬНА.

Генеральн. штабъ Виленск. еп. Вильнскія еп. Вѣдомости стр. № 5.

1907.

Титульный лист первого номера журнала «Вестник Виленскаго Православнаго Св.-Духовскаго Братства». 1907 г.

Год выданецтва, 1. ЦЕНА НУМАРУ 30 гр.

ПРАВАСЛАЎНАЯ БЕЛАРУСЬ

ЦАРКОВНА-ГРАМАДЗІНІ І ПАЛІТЫЧНЫ, ДВУХТЫДНІВІК.

№ 1 | І КАСТРЫЧНІКА. | 1927 г.

АДРЭС РЭДАКЦЫІ: ПЯДПІСНАЯ ЦЕНА
Вільня, Літвінорская вул. № 1. да нумера года 1 зл. 50 гр.

АД РЭДАКЦЫІ.

Усакі, хто прыглядаўся ў астатнія часы да нашай беларускага культурнага жыцця, ні час не зліжжэць шырокага развіцця беларускага выдання. У сучасны момант у адной Вільні выдасяца чатыры беларускіх газеты, якія лічуць сваіх падпісчыкаў тысячамі і каля дзевяці розных тыднёвікаў і двухтыднёвікаў.

Гэтая перыядычная выданні трымаюцца розных палітычных кірункаў і захапляюць больш-менш усе галіны і куткі нашай беларускага жыцця. І ўсё-ж такі жм назімаю адзначыць, што ёсць яшчэ адна шэфня галіна, якая дагэтуль астэльна занедбана, хоць з нашага пункту, мы ёсць адна з самых найважнейшых у жыцці народа. Маю на ўвазе жыццё царкоўнае, якое заўсёды ў гісторыі нашай мела найважнейшае значэнне, а ў гэтыя часы адраджэнскага руху ў Беларускім народзе ёсць шэфня патрба асымтэлення царкоўнай справы з боку нацыянальнага.

Знаўшэня гэтага, як гаворыцца, „прабелу“ у нашай нацыянальнай перыодычнай прэсе жм і ўважам за першую і найважнейшую нашу задачу.

Але царкоўнамі справамі не ахвільнаецца ўсё жыццё нашага народу. У часы адраджэнскага руху і барацьбы за сваю палітычную судыбу і нацыянальную цэласць не магчыма праходзіць між вытанянаў палітычных, сацыяльных, нацыянальных і культурных. Рэдакцыя ўважам за

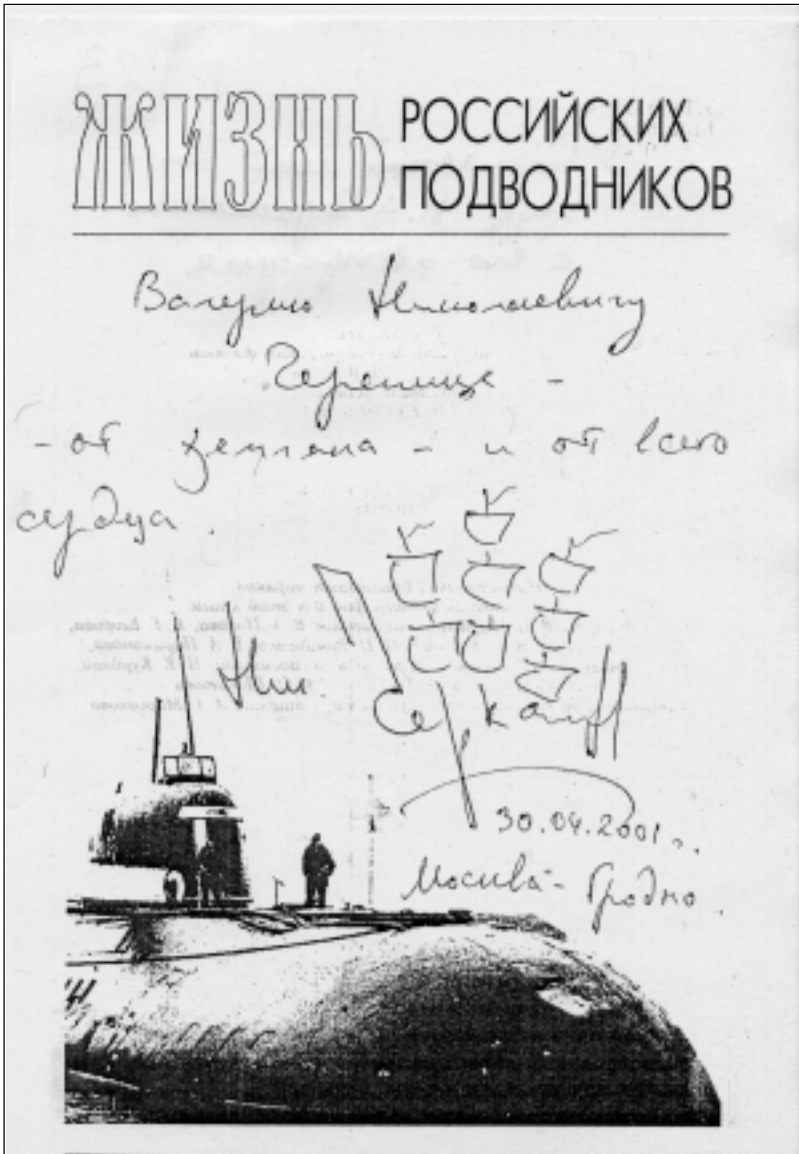
Титульный лист газеты «Православная Беларусь», N1, 1927 г.

*Капитан-лейтенант Н.А. Черкашин
во время службы на подводной лодке Б-409*

Г.М. Мусеев. 2005 г.

Титульный лист труда Н.А. Черкашина с его автографом

Милостивый Государь, Иванъ Фомичъ.

Смыъ уполномочиваю Васъ управлять принадлежащими мнѣ имѣ-
ніемъ Новый-Дворъ и фольваркомъ Тальки, находящимися въ Грод-
ненской губерніи, въ Сокольскомъ уѣздѣ, въ Гребеневской и
Мамослянской волостяхъ, а также мнѣи домами, находящимися
въ г. Гродно на углу Полевой и Лесочной улицы, а именно:
нанимать и расчитывать рабочихъ, покупать и продавать скотъ,
сдавать въ аренду луга, поля, сѣды, огороды и всякия помѣщенія
на срокъ не болѣе одного года, вести сельское хозяйство по
правильной системѣ полеводства, продавать урожаи какъ въ
собранномъ видѣ, такъ и на корнѣ, и также уполномочиваю Васъ
ходатайствовать по всякъ безъ извѣстія дѣламъ какъ мнѣи про-
изводившимся и впредѣ могущимъ возникнуть, въ порядкѣ граж-
данскаго, уголовного, мажората и охранительнаго и исполни-
тельнаго судопроизводства во всякъ судебныхъ и правитель-
ственныхъ учрежденіяхъ и установахъ, а также у должност-
ныхъ лицъ всякъ вообще вѣдомствъ въ качествѣ истца, отвѣтчи-
ка и посредника. Для сего Вы имѣете подавать прошенія, объ-
явленія, итими на законныя рѣшенія, заявленія и вообще всякаго
рода судебныхъ и дѣловыхъ бумаги, вести дѣла граждан-
скихъ и уголовныхъ порядкомъ: представлять отъ моего имени
иски, отвѣды, споры о подложности и подлинности актовъ по пред-
явленіямъ этого рода, отвѣчать, вступать въ дѣла въ качествѣ
третьяго лица и привлекать къ отвѣтственности 3-хъ лицъ:
присутствовать при судоговореніи, давать словесныя и пись-
менныя объясненія, выслушивать рѣшенія, опредѣленія и част-
ныя постановленія, вызывать на оныя удовольствія, если дѣло
будеть рѣшено въ мою пользу, приносить частныя и апелляціон-
ныя жалобы во всякъ судебныхъ мѣста, прося о пересмотрѣ рѣшеній
вступившихъ въ законную силу и обѣ отміи оныхъ, ходатайство-
вать о возобновленіи судебныхъ сроковъ и прося на подачу
апелляціонныхъ, кассационныхъ и всякаго рода жалобъ и отзы-
вовъ, а равно обѣ обезпеченіи исковъ и предварительномъ
исполненіи рѣшеній: получать и представлять копіи справки,

*Договор на управление именемъ Новый Двор,
фольваркомъ Тальки и домомъ в г. Гродно*

свидѣтельства, приказы, обязательства, акты, планы, подлинныя документы, исполнительныя листы и саѣдущыя мнѣ по произведеннымъ искамъ всякаго рода имущества и деньги, кои доставлять мнѣ преслѣдовать отобранинъ подписокъ отъ должниковъ и отъѣзжиковъ о невѣздѣ ихъ изъ мѣста жительства или временнаго нахождения и о вызовѣ ихъ предъ судомъ для заявленія о средствахъ на удовлетвореніе взысканій, ходатайствовать о личномъ ихъ задержаніи, о признаніи ихъ несостоятельными и объ учрежденіи администраціи и конкурсовъ, гдѣ участвовать со всеми правами, предоставленными кредиторю, присутствовать при исполнительныхъ дѣйствіяхъ судебныхъ приставовъ, полиціи, милиціи, указывая и избирая способы для приведенія въ исполненіе рѣшеній, по всемъ дѣламъ возмещать судебныя издержки, убытки и вознагражденія за веденіе дѣлъ, требовать отчетности отъ лицъ, имѣющихъ со мною расчеты, ходатайствовать объ укрѣпленіи правъ моихъ на имѣнія всеми способами, указанными въ законахъ, получать отъ духовнаго вѣдомства и отъ церковныхъ причтовъ метрическія свидѣтельства, выписи, всякаго рода справки и копии. *W*

Доверенность эта принадлежитъ С. арендатору имѣнія Новый Дворъ гражданину Гродненской губерніи уѣзда Ивану Фомичу Манята:

Софья Арсеньевна Прохорова

Собственноручную подпись гражданки Софіи Арсеньевны Прохоровой, проживающей въ г. Калугѣ по С.Наикитскому переулку въ домѣ С. Емелиной, временное дѣлопроизводство Комиссаріата по Литовскимъ дѣламъ для ликвидаціи учреждений Гродненской губерніи, эвакуированныхъ въ г. Калугу, подписью и приложеніемъ печати свидѣтельствуеть.

Г.Калуга Марта 31 Аня 1919 года № 133.

аръ по Литовскимъ дѣламъ. *Министръ*
 Дѣлопроизводитель *В. Витовъ*

Договор на управление именем Новый Двор, фольварком Тальки и домом в г. Гродно

Копия выписки из книги, хранящейся в библиотеке университета в г. Вильно, в которой описаны все книги, принадлежащие библиотеке университета в г. Вильно, в том числе и те, которые принадлежат библиотеке университета в г. Вильно, в том числе и те, которые принадлежат библиотеке университета в г. Вильно.

15 Января 1910 года, Маврикий О Бриена де Ласси, директор библиотеки университета в г. Вильно, издал следующий список книг, принадлежащих библиотеке университета в г. Вильно, в том числе и те, которые принадлежат библиотеке университета в г. Вильно.

Школы и учебные заведения —

№	Книга	№	Цена
1	Арифметика с упражнениями	1	200
2	Арифметика с упражнениями	2	300
3	Арифметика с упражнениями	1	25
4	Арифметика с упражнениями	2	320
5	Арифметика	1	100
6	Арифметика с упражнениями	1	45
7	Арифметика с упражнениями	2	120
8	Арифметика с упражнениями	1	30
9	Арифметика с упражнениями	1	35
10	Арифметика с упражнениями	8	80
11	Арифметика с упражнениями	3	60
12	Арифметика с упражнениями	12	120
13	Арифметика с упражнениями	10	200
14	Арифметика с упражнениями	1	70
15	Арифметика	2	150
16	Арифметика с упражнениями	1	120
17	Арифметика с упражнениями	1	30
18	Арифметика	2	25
19	Арифметика	1	20
20	Арифметика	1	30
21	Арифметика с упражнениями	1	30

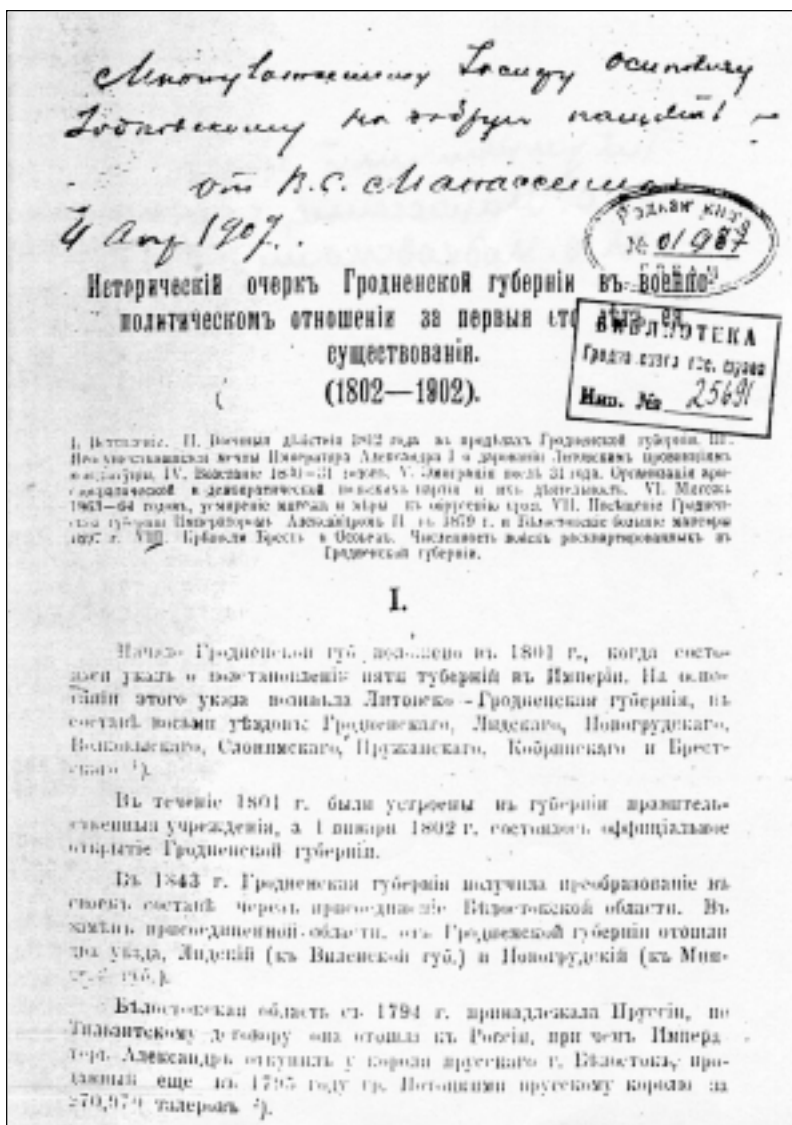
Итого: 39

Маврикий О Бриена де Ласси

Секретарь библиотеки университета в г. Вильно

Директор библиотеки университета в г. Вильно

Документ с автографом Маврикия О Бриена де Ласси

Титульный лист труда В.С. Манассеина с автографом И.О. Иодковскому. 1907 г.

26-ая
Артиллерійская бригада
въ войну съ Японіей
въ 1904—5 гг.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СХЕМЪ.

Составленъ Штабсъ Капитаномъ
26-й Артиллерійской бригады О. ПОЖЕРСКИМЪ.

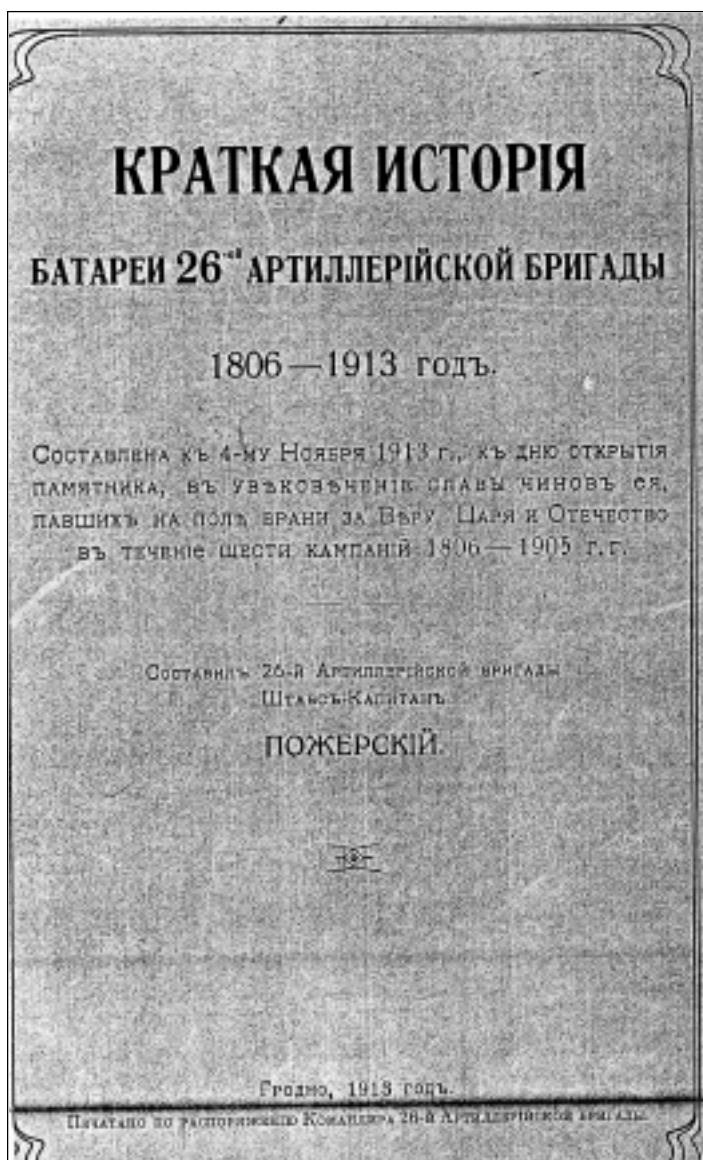

ГРОДНО.
Пар. тип. К. Крамковскаго
1910.

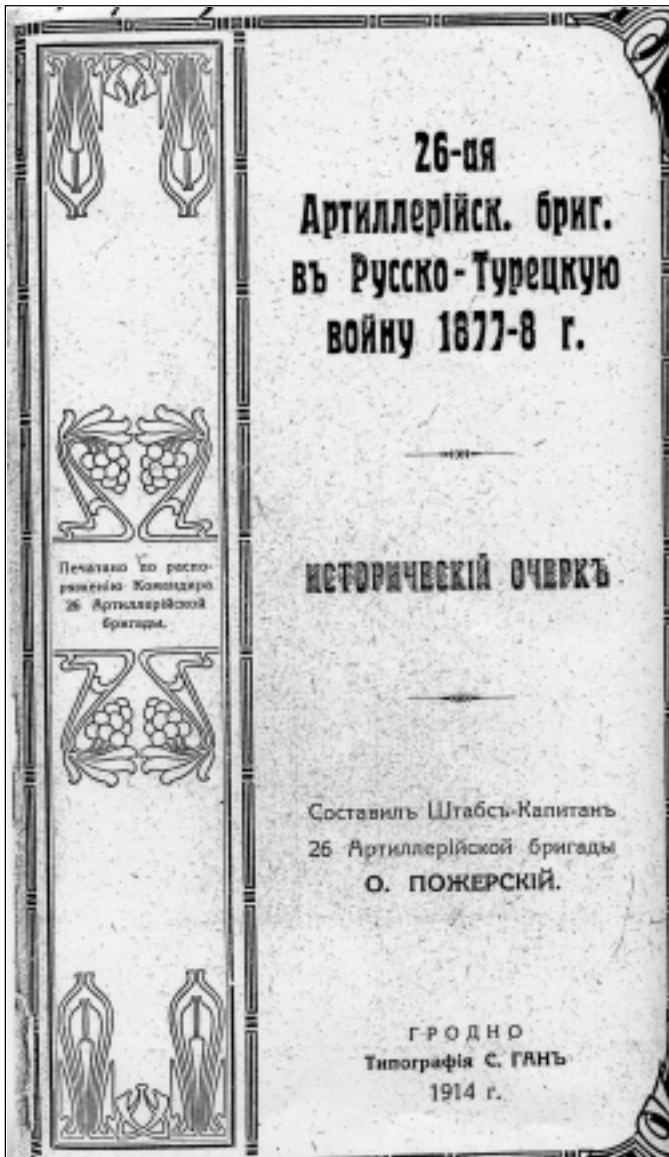
Титульный лист труда О.В. Пожерского.

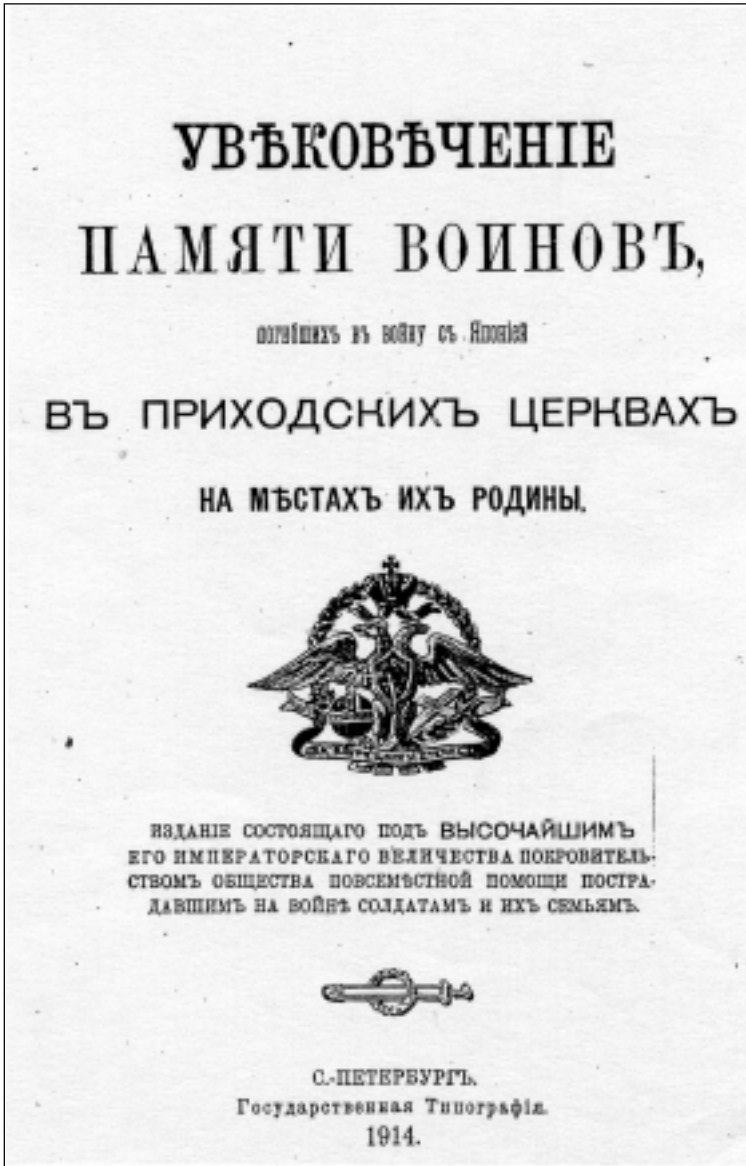
Титульный лист труда О.В. Пожерского

Титульный лист труда О.В. Пожерского

Титульный лист труда О.В. Пожерского

Титульный лист документа об увековечении памяти воинов

Въ сознаниі священнаго долга достойно увѣковѣчить память воиновъ, отдавшихъ свою жизнь на полѣ брани, состоящее подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ, образовало особую Комиссію, которой и поручило озаботиться установкою поминальныхъ досокъ во всѣхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ умершіе славной смертью защитники Родины числились прихожанами, и завести имена ихъ на эти доски для вѣчнаго поминаенія.

Этой мѣрой Общество надѣется удовлетворить духовную потребность народа сохранить свѣтлую память о доблестныхъ своихъ согражданахъ; близкимъ же людямъ умершихъ—родственникамъ и прихожанамъ—дать возможность, взирая на начертанныя дорогія имъ имена, гордиться ихъ смертью и воспитывать въ грядущихъ поколѣніяхъ самоотверженную любовь къ Отечеству, непоколебимую стойкость въ охраненіи чести и блага народа и готовность, въ случаѣ нужды, отдать Царю и Государству свою жизнь и свою кровь заслужить себѣ безсмертіе въ народной памяти.

Высочайшій Покровитель Общества Его Императорское Величество Государь Императоръ въ Своемъ отеческомъ вниманіи къ памяти доблестныхъ сыновъ Россіи, погибшихъ на войнѣ, всемилостивѣйше соизволилъ одобрить начинаніе Общества и поручилъ Своему Августѣйшему Брату Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу принять Почетное Предсѣдательствованіе въ названной Комиссіи.

Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 7/28 Іюля 1909 года за № 5746, постановилъ предложить епархіальнымъ прееосвященнымъ оказывать свое содѣйствіе къ осуществленію принятой на себя Обществомъ задачи по увѣковѣченію памяти павшихъ на полѣ брани воиновъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшило 30 Декабря 1908 года открытіе подписки по всей Имперіи для привлеченія всего населенія къ участию въ установкѣ поминальныхъ досокъ.

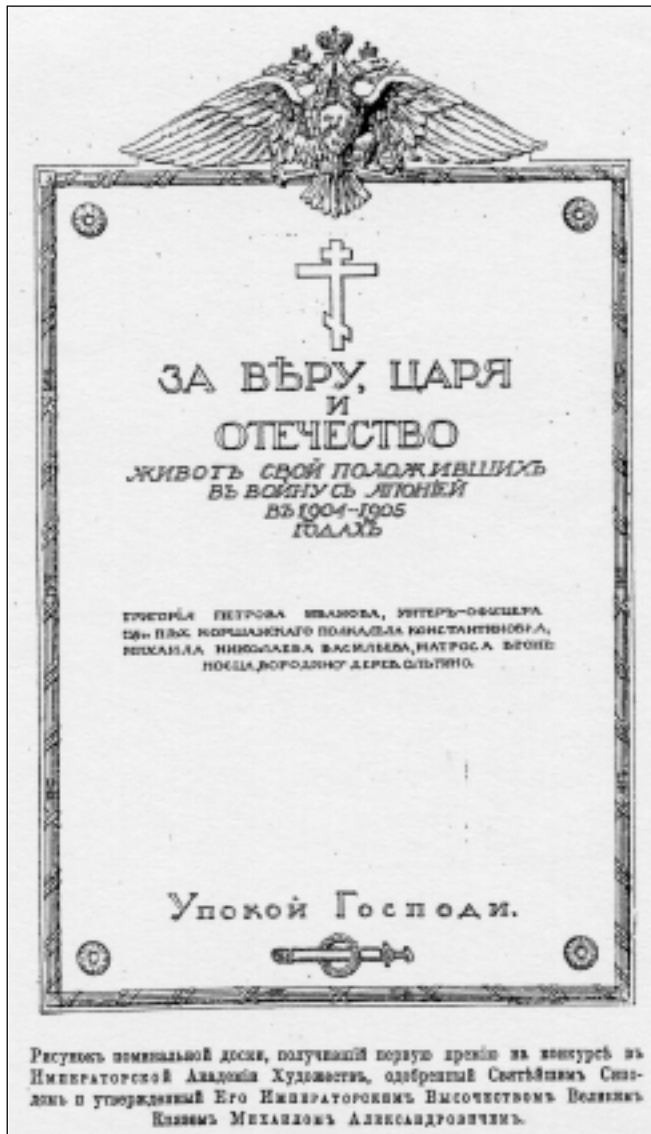
Текст документа об увековечении памяти воинов

Военное Министерство предложило 1 Июля 1909 г. военному начальству оказывать Обществу въ этомъ святомъ дѣлѣ широкое и дѣятельное содѣйствіе.

Министерство Финансовъ предоставило Обществу право безплатной пересылки поминальныхъ досокъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи.

Приступая къ своей дѣятельности, Комиссія сочла необходимымъ, прежде всего, выработать типъ поминальной доски по художественному выполнению, отвѣчающему тѣмъ высокимъ цѣлямъ, которымъ предназначены эти памятники; для достиженія этого Комиссія, при посредствѣ Императорской Академіи Художествъ, объявила конкурсъ на рисунки поминальной доски; премированный на этомъ конкурсѣ рисунокъ Архитектора-Художника С. О. Овсянникова удостоился одобренія Августѣйшаго Предсѣдателя Комиссіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича.

Затѣмъ Комиссіею, черезъ Общество Архитекторовъ-Художниковъ, былъ объявленъ конкурсъ на изготовленіе поминальной доски изъ металла по премированному рисунку, при чемъ на этомъ послѣднемъ конкурсѣ наиболѣе пригодною по цѣнѣ была признана доска, изготовленная однимъ изъ С.-Петербургскихъ металло-литейныхъ заводовъ изъ особаго сплава мѣди, олова и цинка. Цѣны на эти поминальныя доски были заявлены заводомъ отъ 65 руб. до 145 руб. Впослѣдствіи, однако, Комиссіею было выяснено, что указанныя цѣны на доски являются для большинства заказчиковъ очень высокими, почему Комиссія и начала работать по изысканію новаго матеріала для изготовленія поминальныхъ досокъ, которая, отвѣчая всѣмъ художественнымъ и техническимъ требованіямъ, явилась бы болѣе дешевыми, а, слѣдовательно, и болѣе доступными для всѣхъ, даже и малосостоятельныхъ заказчиковъ. Труды Комиссіи увѣщались успѣхомъ, и въ настоящее время ей удалось получить образецъ поминальныхъ досокъ изъ особаго сорта чугуна, изготовленный Каалинскимъ заводомъ художественнаго литья (на Уралѣ) по крайне дешевой цѣнѣ, а именно по 10 руб. (подроб. см. стр. 6).

Перевозка досокъ до ближайшей къ мѣсту заказа желѣзнодорожной станціи—съ разрѣшенія Г. Министра Финансовъ—*бесплатна*.

УСЛОВІЯ ЗАКАЗА.

Заказы на вышеописанныя доски принимаются *исключительно* въ Канцеляріи состоящей подъ Августѣйшимъ Почетнымъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Комисіи по увѣковѣченію памяти воинскихъ чиновъ, погибшихъ въ войну съ Японією, на мѣстахъ ихъ родины. *Адресъ Комисіи: Сиб., 5 рота Измайловскаго полка, д. № 12*; туда же просить обращаться и за всѣми справками, связанными съ дѣломъ увѣковѣченія памяти павшихъ воиновъ и съ изготовленіемъ поминальныхъ досокъ. Комиссією выработаны нижеслѣдующія условія заказовъ:

1) При заказѣ *необходимо перевести* на имя Комисіи *всю стоимость* заказа, считая въ томъ числѣ стоимость доски, добавочныхъ буквъ и упаковки, *безъ чего заказъ Комиссіей принятъ быть не можетъ*.

2) При заказѣ необходимо точно указать, какая именно доска заказывается, т. е. въ 10, 12, 18 или 25 руб.

3) Представить *въ двухъ* экземплярахъ текстъ для каждой поминальной доски, подписанный о. настоятелемъ церкви, для которой предназначается доска, и волостнымъ старшиной или лицомъ его замѣняющимъ, съ нижеслѣдующими обозначеніями:

а) Имя, напр. Иванъ.

б) Отчество, напр. Ивановичъ.

в) Фамилія, напр. Ивановъ.

г) Село или деревня, откуда происходилъ погибшій, напр. село Новоселки.

д) Воинское званіе погибшаго, напр. унтеръ-офицеръ.

е) Воинская часть, въ составѣ которой погибшій находился на войнѣ, напр. 148-ой пѣхотный Каспійскій полкъ.

4) Указать церковь или молитвенный домъ, для которыхъ предназначается поминальная доска съ обозначеніемъ:

а) Наименованія церкви, напр. . Андреевская.

б) Мѣстонахожденія ея, напр. . Покровскаго уѣзда, Семеновской волости, села Новоселки.

5) Указать ближайшую къ мѣсту заказа почтовую станцію для направлення дубликата накладной на пересылаемыя доски.

6) Указать ближайшую къ мѣсту заказа желѣзнодорожную станцію для направлення самой поминальной доски.

7) Указать лицо или учрежденіе, на имя котораго долженъ быть отправленъ дубликатъ накладной.

8) *По полученіи доски—немедленно уведомить о томъ Комиссію*, такъ какъ это необходимо для расчета Комиссіи съ заводомъ и для составленія отчета о ея дѣятельности.

9) Въ виду того, что заводомъ можетъ быть изготовляемо по 200 досокъ ежемѣсячно, заказы будутъ выполняться Комиссіей только въ порядкѣ ихъ поступленія.

О всѣхъ недоразумѣніяхъ какъ при самомъ заказѣ, такъ и при полученіи досокъ покорѣннѣе просить уведомлять по вышеуказанному адресу.

По образцу поминальныхъ досокъ для увековѣченія памяти воиновъ православнаго вѣроисповѣданія *изготавливаются доски для увековѣченія памяти воиновъ и иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій*, съ замѣною восьмиконечнаго креста крестомъ четырехконечнымъ и съ исключеніемъ изъ заглавной надписи словъ «За Вѣру». *Для увековѣченія же памяти воиновъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій (магометанъ, іудеевъ, буддистовъ и т. д.)* изготавливаются доски съ тѣмъ же измѣненіемъ текста, какъ было указано выше, и съ соотвѣтствующею каждой религіи религіозною эмблемою (разрѣшено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ отношеніемъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ отъ 5 Декабря 1912 года за № 11378).

Условія выписки бронзовыхъ или латунныхъ досокъ высылаются желающимъ бесплатно.

Предлагая настоящій образецъ поминальной доски вниманію русскихъ гражданъ, Комиссія увѣрена, что нынѣ, благодаря законченности художественной и технической разработки ея, лица, сочувствующія задачамъ Комиссіи, примутъ мѣры, чтобы имена павшихъ на полѣ брани воиновъ были достойно увековѣчены въ народной памяти.

СВИДѢТЕЛЬСТВО
О ВЫПОЛНЕНІИ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ.
(Видомъ на жительство служить
не можетъ).
№ 10478

Предъявитель сего, служившій въ 104 *полковника*
Устюжского *Теренса* *Князя* *И*
грамотна *полков,* *полковой* *корнета*
Эдуарда *Юванова* *Ольше-*
вича, за *выслугу* *летъ*

увольняется отъ военной службы *въ отставку*

— 2 —

Олшкевичъ происходитъ изъ
преставленнаго Гродненской губернии, Бѣло-
стокаскаго уѣзда, Вавиловской волости.

родился 26 Июня 1853 года,
исповѣданія римско-католическаго. По выпискѣ
изъ алфавита (послужной списокъ), составлен-
ной въ «1906» году; значился холостымъ
(женатымъ), (вдовымъ) женатымъ на Ма-
рии Осиповнѣ; имѣетъ дѣтей: сыновей: Ива-
на, Филиппа, Бронислава, Эдуарда, Викто-
ра и Владислава и дочь Анну; жена
и дѣти въ православіи римско-католическаго.

На дѣйствительную военную службу при-
нять по жребію въ Бѣлостокскій
уѣздочинъ

по воинской повинности присутствіи Г. П. Кавз
фрля 1874 года, (пріемный формуляр-

— 3 —

ный списокъ за № 24) и зачисленъ }
 первоначально рядовымъ въ *№ 104 пехотной*
Устьинскій полкъ 22 Октября 1874 года, переиме-
нованъ въ хорные хористы 27 Мая 1875 г., хор-
ный музыкантъ 27 Августа 1876 г., унтер-
офицеромъ 13 Января 1877 г., гренадерскимъ
музыкантской полка 26 Февраля 1891 г.
и пехотнымъ хористомъ 7 Сентября 1893 г.

— 4 —

Находился въ походахъ и сраженіяхъ противъ турокъ во время Русско-Турецкой войны. Находился въ Европейской Турціи съ Сентября 1877 года по 8 Сентября 1878 года, участвовалъ въ усмьнной реконструкцияхъ у деревень Потіи и Хардасіи 1877 года 12 Октября

Раненъ « пантурокскыя не знаю

натуральныхъ повинностей, которымъ подлежалъ бы лично. Равнымъ образомъ онъ лично освобождается отъ раскладываемыхъ подушно мірскихъ и общественныхъ сборовъ ¹⁾.

Мѣсто для текста въ случаяхъ указанныхъ въ н. 2-мъ выноски.

¹⁾ 1. Въ теченіе того же времени освобождаются уволенные вовсе отъ службы по совершенной неспособности къ ней нижніе чины: 1) изъ жителей Измаильскаго уѣзда (Бессарабской губерніи)—отъ уплаты личной подати; 2) изъ жителей Березовскаго и Сургутскаго уѣздовъ (Тобольской губерніи), Нарымскаго края (Томской губерніи), Туруханскаго края (Енисейскаго уѣзда и гу-

— 7 —

По прибытіи на мѣсто житѣльства, *Оле-
шкелль* обязывается тотчасъ же явиться
съ этимъ свидѣтельствомъ въ мѣстную по-

берніа), Киренскаго уѣзда (Иркутской губерніи), Якутской области
и Приамурскаго Генераль-Губернаторства—отъ подушной подати
и взимаемыхъ подушно оброчной подати и земскихъ и обществен-
ныхъ сборовъ; 3) изъ евреевъ земледѣльцевъ — отъ взимаемыхъ
съ нихъ въ казну подушныхъ сборовъ.

2. Въ свидѣтельствахъ нижнихъ чиновъ, признанныхъ неспо-
собными къ личному труду, но въ постороннемъ за собою уходѣ
не нуждающихся, пунктъ этотъ видоизмѣняется слѣдующимъ обра-
зомъ: по увольненіи отъ службы унтера-офицера (или рядовой)
такой-то, какъ призванный неспособнымъ къ личному труду, въ
случаѣ неимѣнія собственныхъ средствъ къ жизни, или родствен-
никовъ, желающихъ принять его на свое иждивеніе, имѣетъ право
на полученіе отъ казны, пожизненно, на свое содержаніе по три
рубли въ мѣсяцъ, согласно установленнымъ на то правиламъ. О
тѣхъ же, которые признаны требующими посторонняго ухода за
собою, пунктъ этотъ излагается такъ: по увольненіи отъ службы
унтера-офицера (или рядовой) такой-то, какъ призванный нуж-
дающимся въ постороннемъ за собою уходѣ, долженъ быть помѣ-
щенъ, для призрѣнія, въ одно изъ подѣдомственныхъ приказу
общественнаго призрѣнія или земству богоугодныхъ или благо-
творительныхъ заведеній, на основаніяхъ, какия утверждены для
сихъ заведеній, а равно и согласно ст. 86 уст. о воин. помѣ-

3. Объ освобожденіи отъ подушныхъ сборовъ и натуральныхъ
возвнностей слѣдуетъ объяснять только въ свидѣтельствахъ ниж-
нихъ чиновъ, происходящихъ изъ податнаго сословія; въ свидѣ-
тельствахъ же лицъ, не принадлежащихъ къ сему сословію, помѣ-
щать этого не слѣдуетъ.

— 8 —

лицію, для распоряженія съ ея стороны по водворенію его въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ ¹⁾).

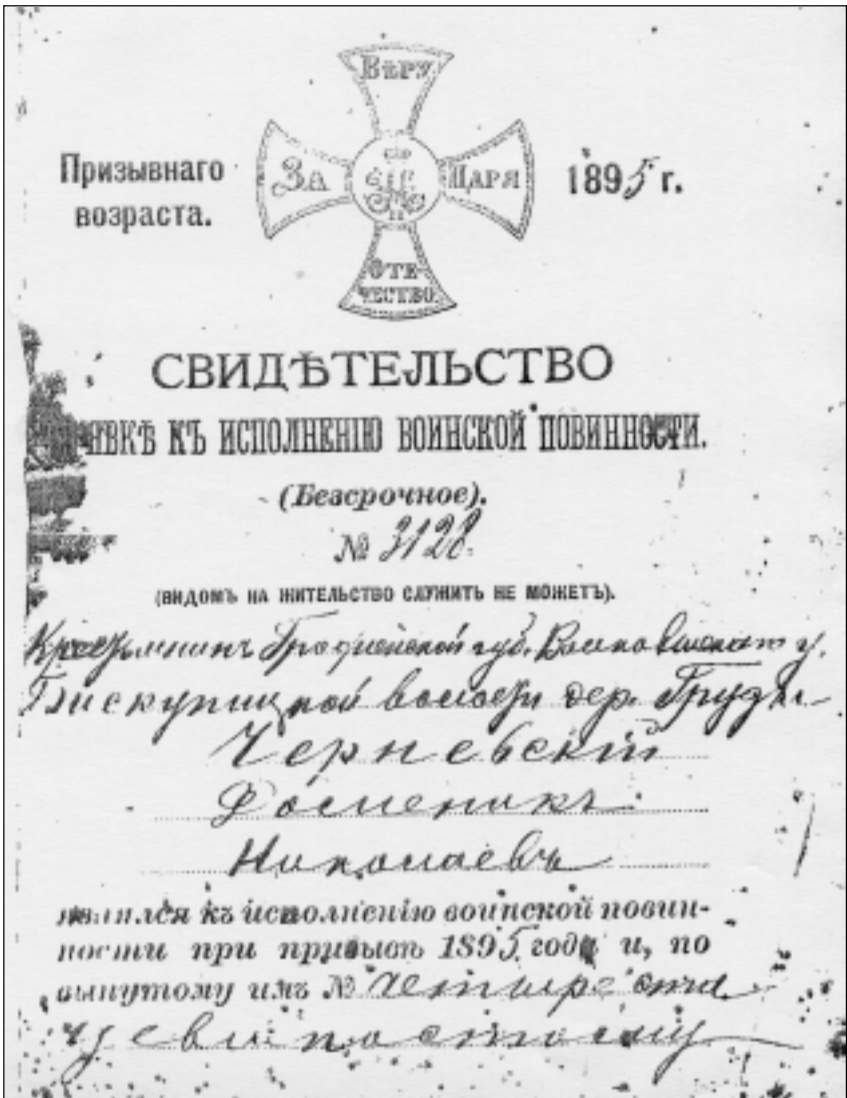
Дано въ Багратионовскомъ Штабѣ
1906 года. Сентября „13.“ дня.

[Handwritten signature]

[Handwritten signature]

¹⁾ О явкѣ въ полицію для водворенія на жительство слѣдуетъ означать только въ свидѣтельствахъ лицъ, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ.

жеребья, зачисленъ, по первому
призывному участку Волновисельскаго
уезда, въ ратники ополченія перваго
разряда, до 43 лѣтняго возраста, то
есть до 1 Января 1918 года.

Выдано Волновисельскимъ Землемъ
 по воинской повинности Присут-
 ствіемъ № 2 Октября мѣсяца
 1895 года за № 212 губ. волновисельскаго
уезда Самарскаго губ.

Председатель Присутствія Самарскаго

Михайловъ Семёнъ

Зачисленъ, согласно заявленнаго
 жребія призывнаго
 участка уезда
 въ призывной участокъ
 уезда

губерніи, гдѣ зачисленъ по участко-
 вому ополченскому списку за №

Председатель Присутствія

О дальнѣйшихъ случаяхъ переименованія рат-
 ника должно указываться на страницѣ 8.

П РА В И Л А

для ратниковъ Государственнаго ополченія перваго разряда.

(Ст. 3, 4, 8, 12, 14—16, 34 Высочайшия утвержденнаго, 16 Апр. 1891 г., мѣсяца Государственнаго Совета о преобразованіи Государственнаго ополченія; ст. 24, 100, 163 и 372 Уст. воин. возможности; инструкція объ учетѣ ратниковъ и инструкція о порядкѣ сбора ратниковъ).

1. Ратники перваго разряда Государственнаго ополченія предназначаются какъ въ составъ ополченскихъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ.

2. Въ случаѣ созыва ополченія, ратники того возраста, который будетъ подлежать призыву по разверсткѣ въ каждомъ призывномъ участкѣ, обязаны явиться въ Воинское Присутствіе того уѣзднаго, губернскаго или столичнаго города, въ уѣздѣ котораго постоянно или временно проживаютъ.

3. Призываемымъ ратникамъ дается на устройство ихъ домашнихъ дѣлъ *трихъ сутокъ*, считая со дня объявленія на мѣстѣ Высочайшаго повелѣнія о призывѣ.

4. Для перечисленія ратниковъ изъ одного призывнаго участка въ другой, слѣдуетъ подавать заявленія на простой (*не гербовой*) бумагѣ: для лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки—волостному прав-

ленію или городскому управленію, какъ избраннаго ими новаго участка, такъ и того участка, въ которомъ они записаны, для остальныхъ лицъ—учрежденіямъ, завѣдующимъ дѣйствіями по призыву въ томъ и другомъ участкѣ.

5. Отъ призыва на службу освобождаются ратники, занимающіе въ государственной или общественной службѣ, а также по управленію желѣзныхъ дорогъ должности, означенныя въ особомъ спискѣ, приложенномъ къ ст. 24 Уст. о воин. повинности.

6. Ратники тѣхъ возрастовъ и сроковъ, которые будутъ подлежать призыву, если объявленіе о призывѣ застанетъ ихъ на службѣ по найму въ артиллерійскихъ, техническихъ заведеніяхъ и мастерскихъ, или же на казенныхъ заводахъ и въ портовыхъ мастерскихъ морскаго вѣдомства, *освобождаются отъ явки на сборные пункты* призыва и зачисляются, на время потребности, на дѣйствительную службу въ тѣ же заведенія, мастерскія и заводы, въ которыхъ находились до призыва.

7. Ратники обязаны предъявлять настоящее свидѣтельство при вступленіи въ бракъ и при поступленіи на государственную или общественную службу.

8. За неявку своевременно на дѣйствительную службу, ратники подлежатъ ответственности по законамъ.

ОТМѢТКИ ПРИ ЗАЧИСЛЕНІИ ВЪ РАТНИИ ОПОЛЧЕНІИ.

Черневский
Самуилъ Николаевичъ

Зачисленъ въ Ратники ополченія перваго
разряда Николаевича Губарина
по военной повинности Присутствіемъ 1895 г. Октября
мѣсяца 28 дня, по участковому призывному списку за № 508

Нодерь жеребья: 49 Кеттиростъ
Землепаша

Званіе или состояніе и общество, къ которому
принадлежитъ: кр. Благодумовъ, воиновъ
мѣст. д. Зруды

Вѣдомствѣ: Р. Копыловскаго

10

ОТМѢТКИ ПРИСУТСТВІИ ПО ВОЕННОЙ ПОВИННОСТИ
О БЫТНОСТИ ВЪ УЧЕБНЫХЪ СБОРАХЪ.

Черневский
Самуилъ Николаевичъ

Отбылъ учебной сборъ въ Свѣтлогорск
окрест. 1896 г. в. Вольвовакъ.

Землепаша 3-16 1896

ОБЯЗАННОСТИ

Ратниковъ по явкѣ въ учебные сборы.

1. Ратники первого разряда младшаго чина въ возрастѣ (то есть въ, которые зачислены при поступкѣ въ четыре призыва) призываются въ учебные сборы не болѣе двухъ разъ, на первомъ и третьемъ году по зачисленіи ихъ въ этотъ разрядъ и каждый разъ не болѣе какъ на шесть недѣль.

2. Въ явкѣ въ учебные сборы освобождаются:

а) Ратники, занимающіе указанныя законами должности. (Прим. къ ст. 24 и ст. 63—66 Уст.

б) Ратники, состоящіе воспитанниками учебныхъ заведеній первыхъ двухъ разрядовъ. (Примок. А и В къ ст. 53 Уст. воин. поини.).

в) Ратники, одержавшіе болѣзнями, пренатальными или личной явкѣ. (Ст. 136 Уст. воин. поини.), и

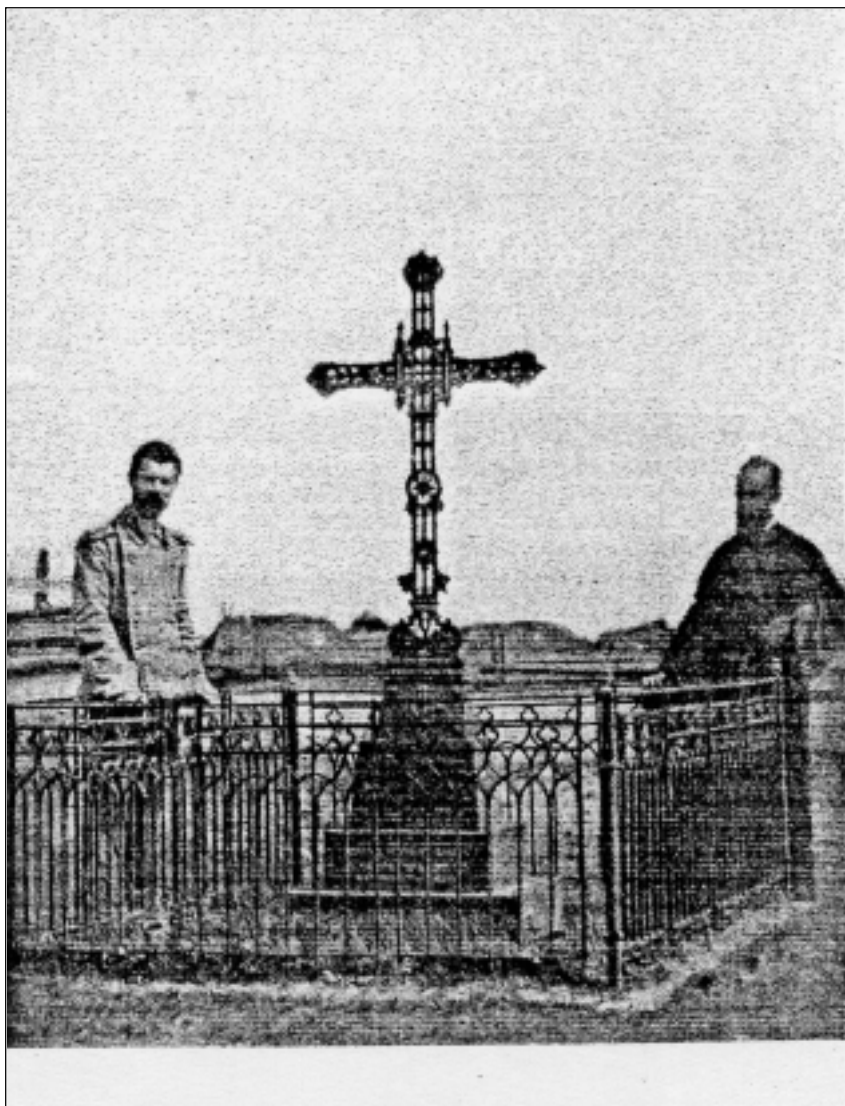
г) Ратники, арестованные по суду и саблетіямъ.

3. Ратники обязаны являться въ учебный сборъ, въ назначенному для каждой очереди сроку, въ Училищѣ Высшаго Начальника своего уѣзднаго города, явля при себѣ настоящее свидѣтельство. Если же Ратники желаютъ отбыть учебный сборъ не по мѣсту приписки къ призывному участку, а

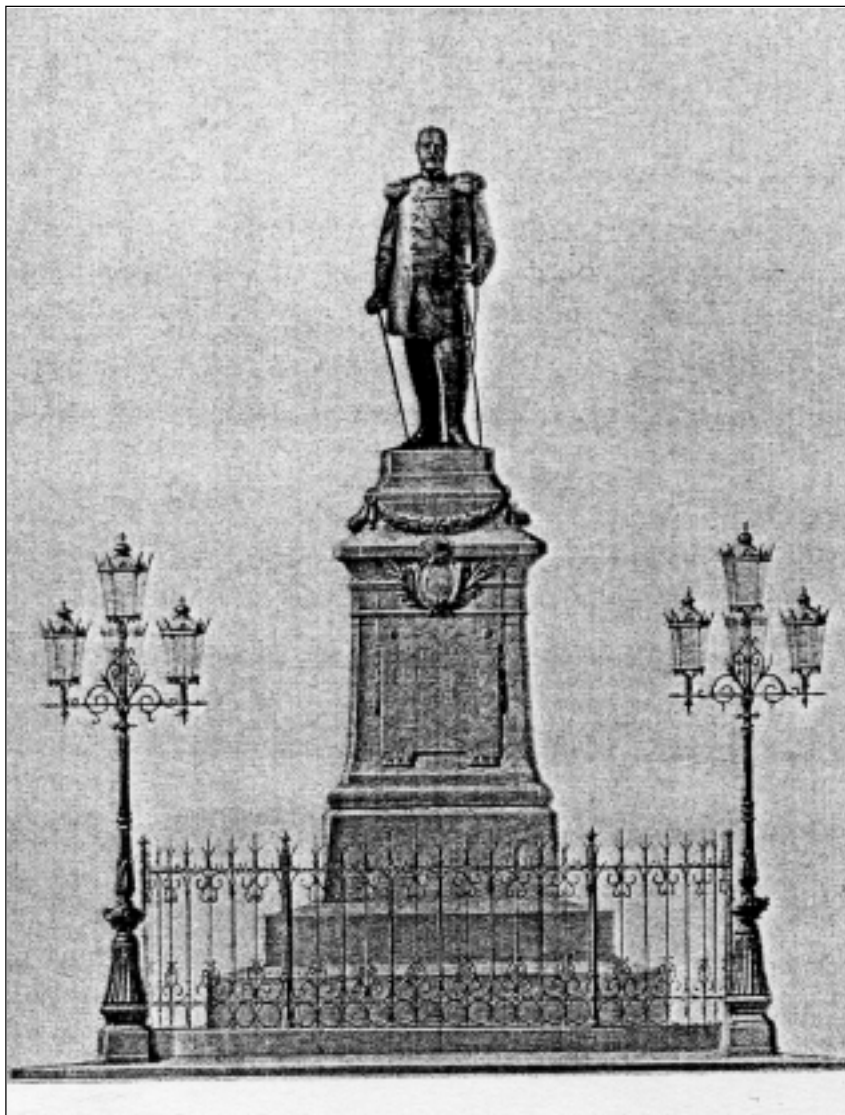
по временному или другому мѣстности, то должны о семъ заявить, не позже 1-го Января года, въ теченіе котораго ратники обязаны отбыть учебный сборъ, Военному Начальнику того мѣста, въ которое временно прописаны.

4. Ратники, имѣющіе право быть освобожденными отъ учебныхъ сборовъ (ст. 2 сихъ правилъ), а равно желающіе, по уважительнымъ причинамъ, отбыть учебный сборъ не со своею очередью, должны о семъ подать заявление въ то присутствіе по воинской повинности, которое въ каждомъ случаѣ свое свидѣтельство, не позже двухъ недѣль предъ назначеннаго для явки въ сборы срока, съ приложеніемъ настоящаго свидѣтельства и удостовѣреній о причинахъ и основаніяхъ явки въ учебный сборъ или желанія отбыть сборъ не со своею очередью.

5. За явку своевременно въ учебный сборъ Ратники подлежатъ ответственности по законамъ.

Вид памятника на могиле Макаревича

Памятник графу М.Н. Муравьеву в г. Вильне

Студенты Гродненского пединститута. 1949 г.

*Группа преподавателей Гродненского пединститута
Стоит в центре Н.В. Власовец. 1949 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НА ПИКЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ	5
1.1. Эхо трагического 4 апреля 1866 года: об увековечении в Гродненской губернии подвига О.И. Комиссарова	5
1.2. Покушение 1 марта 1881 года в оценке «Церковно-общественного вестника»	17
1.3. О том, что сильнее пламени: к истории гродненского пожара 29 мая 1885 года	31
1.4. 9 января 1905 года («Кровавое воскресенье») в оценке «Прибавлений к Церковным Ведомостям»	40
1.5. Жертвы революционного террора в Гродненской губернии в 1905 – 1907 годах	50
1.6. К биографии А.В. Белецкого (1841 – 1907)	72
1.7. Из рода Ожешко	78
1.8. От общества велосипедистов к широкому физкультурному движению	81
ГЛАВА 2. МИР ГУБЕРНСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА	86
2.1. Размышления на тему о чиновничестве	86
2.2. Последние гродненские вице-губернаторы	95
2.3. Еще раз о первых на вторых ролях	101
2.4. Гродненские губернские и уездные предводители дворянства в начале XX века	107
2.5. К биографии депутата IV Государственной думы А.А. Ознобишина	114
2.6. Гродненские землемеры в середине XIX – начале XX вв.	121
2.7. Податные инспектора Гродненской губернии в конце XIX – начале XX веков	135

2.8. Чины гродненской губернской, городской и уездной полиции в начале XX века: их типы и судьбы	140
2.9. Гродненские ветеринары в начале XX века	157
2.10. Благородные собрания жителей городов Гродно и Брест-Литовска	159
ГЛАВА 3. ИЗ ЖИЗНИ ПАСТЫРЕЙ И ПАСОМЫХ	166
3.1. О судьбе наследства церковного деятеля и ученого- слависта М.К. Бобровского (1784 – 1848)	166
3.2. Вклад гродненцев в реставрацию виленской Свято-Никольской церкви в 1863 – 1864 годах	179
3.3. О возвращении в лоно Православия лиц разного сословия Волковысского уезда Гродненской губернии в 1863 – 1867 годах	184
3.4. Дело священника Николая Будзиловича	190
3.5. Иконы гродненских святых	203
3.6. Православное попечительство в годы русско-японской войны 1904 – 1905 годов	207
3.7. Духовенство Гродненской епархии на выборах в IV Госдуму	221
3.8. Архиепископ Гродненский Михаил Ермаков (1862 – 1929): новые штрихи к биографии	247
3.9. Православие в местечке Озеры и в ближайших окрестностях	271
3.10. Два некролога	285
3.11. Церковно-общественная жизнь на Гродненщине в оценке «Вестника Виленского Православного Свято- Духовского Братства» (1907 – 1915)	290

3.12. Протоиерей Лука Голод, публицист Вячеслав Богданович и «Правослаўная Беларусь» (1927 – 1928).....	306
3.13. Подвижники Православия на Лидчине (XIX – середина XX веков)	314
3.14. Родом из православного Волковыска	321
ГЛАВА 4. ЭПИЗОДЫ СЛУЖБЫ РАТНОЙ	327
4.1. История одной дуэли (к родословной выходцев из Ирландии гродненских дворян О’Бриен де Ласси)	327
4.2. Дуэль в урочище «Секретном»: странички из военной жизни В.В. Крестовского	341
4.3. О постоянной повинности и о родословной ученого-арабиста В.Ф. Гиргаса (1835 – 1887)	344
4.4. Действия Брестского отряда российских войск в южной части Гродненской губернии (1863 год)	353
4.5. «...Нес службу с усердием и любовью...» Генерал-лейтенант П.С. Евтин (1855 – 1916)	394
4.6. Гродненские офицеры-историки начала XX века	399
4.7. Участие крестьян Гродненской губернии в сборе пожертвований на нужды южных славян и увековечение памяти героев Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов ...	404
4.8. О льготах участникам Русско-японской войны 1904 – 1905 годов в поземельном отношении	414
ГЛАВА 5. ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКИХ РОССЫПЕЙ	420
5.1. Дороги и мосты Принеманья (вторая половина XIX века) ..	420
5.2. К истории имения Колбасин и фольварка Коробчицы	428
5.3. О невозвратном: гродненские материалы в виленских музеях и архивах	434

5.4. Людвик Заменгоф в Гродно	444
5.5. Сто лет с Пушкиным: история одного дарения	447
5.6. К биографии Юзефа Иодковского	449
5.7. Это было недавно, это было давно: общественное самоуправление на Гродненщине в конце 20-х – начале 30-х годов XX века (по материалам периодической печати)	451
5.8. Хранители и сеятели вечного: к юбилею Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в г. Гродно	478
5.9. Идеологические кампании в Гродненском госпединституте (1946 – 1949 гг.)	481
ПРИМЕЧАНИЯ	511
ПРИЛОЖЕНИЯ	523

Научное издание

ЧЕРЕПИЦА Валерий Николаевич

ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ ЕДИНОЙ:
БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ СОБЫТИЯ
В ИСТОРИИ ГРОДНЕНЩИНЫ
XIX – XX СТОЛЕТИЙ

Монография

Ответственный за выпуск *И.В. Сивакова*

Компьютерная верстка: *О.М. Нестерчук*

Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*

Подписано в печать 28.12.2009. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 35,34. Уч.-изд. л. 38,97. Тираж 150 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение:

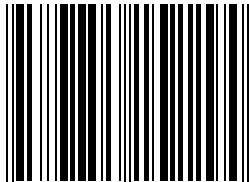
Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.

ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.

Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-229-4

9 789855 152294 >